

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

Т О М X L I V — X L V 2 0 1 6

ЛЕВИАФАН

ЧЕЛОВЕК

ГОСУДАРСТВО

БОГ

LEVIATHAN

MAN STATE GOD

ISSN 1609-5359

9 771609 535002

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев, Самуил Лурье, Владимир Мау, Андрей Медушевский, Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух, Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Андрей Колесников (раздел «социум») Алла Язькова (международная политика) Владимир Кантор (философия, история) Татьяна Щербина (культура, дневник поэта) Ирина Буйлова (перспективное планирование) Станислав Усачев (международное сотрудничество) Елена Мокеева (макет) Юлия Баклакова (корректор) Людмила Захарова (главный бухгалтер) Григорий Ярошенко (фотопроекты) Журнал-Партнер "Herald of Europe" (London) Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

Консультанты журнала

Николай Головин, Александр Петров, Сергей Приходько, Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Яков Уринсон, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк), Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при финансовой поддержке Фонда Егора Гайдара и в сотрудничестве с ним. Информационное и организационное действие оказывают Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара и Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино.

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Адрес редакции: 109189 Москва, Николаямская, 1.

E-mail: info@vestnikevropy.ru

Интернет-версия журнала: www.vestnikevropy.ru

В «журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/vestnik>

ИЗДАНИЕ №№ 44–45

Для читателей старше 16 лет, в соответствии с новыми законами.

- © «Вестник Европы» XLIV–XLV, 2016 г.
- © НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора.

Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Отпечатано в типографии Август Борг.
107497, Москва, Амурская ул., д. 5, стр. 2.

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным
в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XLIV–XLV

год 2016

Андрей Звягинцев

Егор Гайдар

О. Александр Мень

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

ГАЙДАРОВСКИЙ ФОРУМ 2016

- 6 Quo Vadis? Куда идешь? Камо грядеши? Сравнительное обозрение Гайдаровских форумов 2015 и 2016 годов
- 21 **Александр Филиппов.** Левиафан: между ужасом и признанием
- 29 **Александр Рубцов.** Власть в стиле постмодерн

К 60-ЛЕТИЮ ЕГОРА ГАЙДАРА

- 42 **Егор Гайдар.** Сразу после социализма.
- 52 **Андрей Колесников.** 20 тезисов к истории перестройки

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЕГОРА ГАЙДАРА

- 57 **Симеон Дянков.** Реформы и уровень счастья

ЛИТЕРАТУРА

- 73 **Анна Лавриненко.** Изолированный. Рассказ
- 96 **Максим Гуреев.** Заонежье. Свет невечерний. Рассказы
- 113 **Владимир Салимон.** Стихи
- 118 **Ирина Котова.** Стихи
- 123 **Любица Арсич.** Тот, другой, поджидающий в ночной темноте. Рассказ. Перевод с сербского: Анна Зыкова-Майкич

- 128 **Татьяна Вольтская.** Повсюду говорить с тобой. Стихи
- 134 **Виктор Ярошенко.** Ирония как источник света. Интонация Самуила Лурье

ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА И ВОЙНА

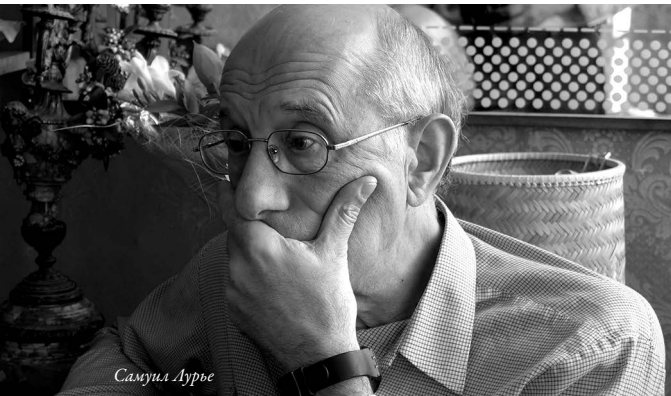
- 157 **Александр Липатов.** Идея войны и цивилизационный излом.
- 165 **Наталья Зазулина.** Бенедикт XV. Апостол мира на мировой войне

ВСТРЕЧИ НА ГЛУБИНЕ

- 188 **Владимир Илюшенко.** Наследие и наследники о. Александра Меня
- 195 **Свящ. Владимир Зелинский.** «На пире Платона во время чумы»
- 218 **Элизабет Робсон.** Митрополит Антоний и Би-Би-Си. Перевод: Александр Максимов
- 230 **Вероника Язькова.** Папа Франциск: «Не будем терять время!»

AD MEMORIAM

- 243 **Владимир Салимон.** Мой друг Колян. О Николае Климонтовиче

Самуил Лурье

- 310 **Андрей Плахов.** Чудо-юдо, рыба кит
315 **Наталья Исаева.** И объяли меня воды...
324 **Григорий Каковкин.** «Левиафан»
как зеркало
327 «Левиафан». Факты. *Предоставлены
режиссером А. Звягинцевым*
331 **Виктор Ярошенко.** Тень Левиафана
- 400 лет со дня смерти вильяма Шекспира**
343 **Александр Сергиевский и Владимир
Мирзоев.** Что тебе слышится в имени —
Шекспир?
347 **Татьяна Щербина.** Дневник Поэта 2015 г.

КУЛЬТУРА — МОСТ НАД ПРОПАСТЬЮ

к 70-летию

ЕКАТЕРИНЫ ЮРЬЕВНЫ ГЕНИЕВОЙ

- 245 **Екатерина Гениева.** Загадка
Лермонтова
258 **Екатерина Гениева.** Книги и люди
моей судьбы. *Выступление 8 июня
2015 г. в Лондоне*
266 Незабвенная Екатерина.
О Е.Ю Гениевой рассказывают:
267 Митрополит Илларион
271 Борис Минц
272 Посол Германии Рюдигер фон Фрич
274 Мигель Паласио
279 Джон Робертс
282 Отец Владимир
285 Славко Прегл
286 Александр Нежный
288 Гарри Бардин
289 Димитриос Триантафиллидис
- 292 **Евгений Рашковский.** Человек
против тьмы
298 **Александр Ливергант.** О пользе
одержимости, или Дело прежде всего

СЛОВО ГОДА — «ЛЕВИАФАН»

- 307 **Андрей Звягинцев.** Говорить с чело-
веком со всей прямоотой. Заметки
к фильму

ARTES

- 371 Фотопроект Анны Матвеевой
о создании фильма «Левиафан»

Екатерина Гениева

QUO VADIS? КУДА ИДЕШЬ? КАМО ГРЯДЕШИ?

Dicit ei Simon Petrus: Domine, quo vadis?

Respondit Jesus: Quo ego vado, non potes me modo sequi;
sequeris, autem postea.

Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь?

Иисус ответил ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за мною идти,
а после пойдешь за Мною.

Евангелие от Иоанна: 13,36

Сравнительное обозрение Гайдаровских форумов 2015 и 2016 годов*

Мы решили сопоставить записи с двух последних Гайдаровских форумов — так будут виднее происшедшие изменения, даже если их не формулируют.

▶▶▶▶▶▶▶▶▶▶ ФОРУМ-2016

Деловой год после утомительных зимних каникул у московских серьезных людей начинается с Гайдаровского форума. Собираются экономисты, подтягиваются (уже с Кавказских, а не с европейских гор) чиновники, подлетают воротилы крупного бизнеса, являются *иностранные гости*. В этом году их было даже больше «несмотря на», нежели в прошлые годы (хотя, если присмотреться, все больше люди отставные и почетные, хотя есть и действующие профессора влиятельных мировых университетов, и даже нобелевский лауреат), что позволяет считать этот «съезд интеллектуалов» чем-то вроде главной экономической и экономико-политической новогодней «планёркой» в Москве.

- Редакционное обозрение. По материалам пресс-служб Гайдаровского форума, РАНХиГС, Института Гайдара и Фонда Егора Гайдара.
Гайдаровский форум — постоянно действующая дискуссионная площадка для обсуждения актуальных проблем современности. Форум проводится с 2010 года в память о выдающемся реформаторе российской экономики Егоре Гайдаре. Ведущее место в дискуссиях форума занимают темы, связанные с положением и стратегической ролью России в мире.
Организаторы — Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара и Фонд Егора Гайдара.

Здесь экономический блок правительства РФ в полном составе, с премьером во главе, а также начальники отделов и департаментов; здесь эшелонированно представлен Центробанк, основные экономические монстры: Газпром, Сбербанк, ЛУКОЙЛ, ВТБ, Роснефть, РЖД, РОСНАНО и др.; здесь выступают губернаторы, не боящиеся прослыть «прогрессистами», и директора крупнейших инновационных фондов ...

Форум, организованный РАНХиГС при Президенте РФ, Институтом Гайдара и Фондом Егора Гайдара, уже по определению является ежегодным съездом «системных либералов», наследников реформаторов гайдаровского призыва; на нем упрямо, будто доказывая что-то кому-то, с программной речью непременно выступает премьер Д.А. Медведев.

Гайдаровский форум — огромное интеллектуальное мероприятие, вернее, собранное в одном времени и месте множество пленарных заседаний, тематических конференций, экспертных дискуссий и «круглых столов», обсуждавших десятки тем. При всем желании невозможно было бы послушать всех выступавших: доклады и дискуссии шли одновременно на многих площадках. «Форум, — как сказал Владимир Мау и как подтвердили ключевые участники, — является уникальной экспертной дискуссионной площадкой, которая, будучи названной именем выдающегося и бесстрашного реформатора Егора Гайдара, продолжает, пусть и дипломатично, но... давать беспристрастные диагнозы и по возможности беспристрастно обсуждать течение социально-экономических процессов в организме России — на фоне всего мира».

Другой постоянный участник заявил, что Гайдаровский форум ценен тем, что здесь, может быть, и не говорят всей правды, но и неправды не говорят, поскольку профессиональное сообщество этой неправды не простит. Поэтому уровень дискуссий здесь разительно отличался от тех, какие мы уже привыкли слышать с телеэкранов или в Государственной Думе, что само по себе задавало особый «драйв» происходящему.

...На третий день работы Гайдаровский форум расширил свою тематику, обратившись к осуждению острейших проблем культуры, науки, образо-

вания и даже политики (как и год назад, в экспертной дискуссии с модерацией Л. Гозмана и с теми же участниками).

Каково было общее ощущение от форума?

Оно не было безрадостным, хотя и радостных новостей там не объявляли (как в старом советском анекдоте: «но гуано у нас много!»). В течение трех дней мы видели и слушали выступления толковых, молодых, образованных, квалифицированных (скорее всего, самых квалифицированных специалистов в нашей стране, а возможно, и не только в России), что не может не вызывать позитивное ощущение: оказывается, не все еще захвачено крикливыми идиотами или полными мерзавцами.

И под эти профессиональные, спокойные, уверенные речи хотелось уснуть и долго не просыпаться; и уж точно не хотелось уходить в темноту улицы, в вагон метро, видеть усталые безрадостные лица едущих с работы людей, совсем не так хорошо знающих: что с нами происходит и что нас ждет.

▶▶▶▶▶▶▶▶▶▶ ФОРУМ-2016

Приведу здесь некоторые фрагменты, которые запомнились и достойны обсуждения.

Дм. Медведев начал свое выступление с сообщения будто бы и шуточного, но которое, если вдуматься, стало, похоже, главным месседжем на Форуме:

«Конечно, у меня нет универсального средства: как решить существующие в мировой и российской экономике в настоящий момент проблемы? — но как-то пытаться влиять на ситуацию, в том числе даже на рынок углеводородов, можно. Как? Для начала следует продлить трудовые отношения с ректором Российской академии народного хозяйства и госслужбы Владимиром Александровичем Мау. Я подписал распоряжение о продлении его полномочий на пять лет, с чем вас и поздравляю. Котировки нефти, может быть, сейчас чуть-чуть изменятся, будем следить за ними».

В зале одобрительно зашумели. Но ведь событие действительно важное: год назад, в день открытия Гайдаровского форума покойный Евгений

Максимович Примаков опубликовал свой меморандум в «Российской газете», где требовал отказаться от политики экономических «неолибералов».

И сейчас, перед Новым годом, в политических кругах широко обсуждалась записка Сергея Глазьева в Совет Безопасности, в которой предлагалась принципиально иная мобилизационная и изоляционистская экономическая политика, а также полный разрыв с экономическим либерализмом».

Так что и новый пятилетний контракт гайдаровского соратника В.А. Мау, и постоянное участие Д.А. Медведева в «гайдаровском либеральном шаше» (так с нескрываемой ненавистью называют этот форум национал-патриоты) говорят о многом. Ведь на влиятельнейший пост в экспертном экономическом сообществе всегда есть претенденты. Так что поздравим В.А. Мау.

* * *

«Закончились годы тучные, начинаются годы тощие...»

▶▶▶▶▶▶▶▶▶▶
ФОРУМ-2015

Первый день, пленарная дискуссия, на сцене модератор А. Кудрин, рядом с ним — А. Улюкаев, А. Силуанов, Г. Греф...

Кудрин передает слово Г. Грефу, тот сразу начинает с резкой ноты.

(Дальше не речь Грефа, а то, что я записал в блокнот.) Хорошо не будет. И так, как было, уже не будет. Необходимы структурные реформы. Неизбежно замедление и, возможно, стагнация. Замедление началось раньше, до падения цен на нефть, до санкций (так аккуратно тут упоминался весь комплекс трагических обстоятельств, начавшихся сразу по окончании триумфальной Зимней Олимпиады в Сочи, после которой все изменилось).

Никто из иностранцев об этом здесь не говорил, но интонационно давали понять, что санкции — это плата за Крым.

Греф декларировал необходимость радикального поворота в экономической политике (и не стал слишком конкретизировать); сказал,

что, по его мнению, необходима реформа всех уровней государственной власти. Вроде бы невинная фраза, а если вдуматься: за ней столько всего! Всех! Уровней! Государственной! Власти!

Да, это неизбежная задача, но уже для совсем нового этапа российской истории. Парадоксально — имени Президента РФ В.В. Путина почти не упоминали, но о кризисе доверия к власти и государственным институтам говорили почти все.

Какое-то время, даже еще в феврале 2014-го, казалось, что неутомимый шкипер умеет закладывать такие галсы, ходить против ветра, но вдруг все *пошло не так*, и штурвал заклинило, и руль сломался, и команда выдохлась. И похоже, что без истинного чуда, на которое только и надеется Россия, не спастись.

▶▶▶▶▶▶▶▶▶▶
ФОРУМ-2015

Триллионы долларов пролетели, прошуршали над Россией, густо пролившись кое-где щедрым дождем, будто и не было их, не оставив ни дорог, ни дивных университетов, ни умно преобразованной промышленности, ни тучных нив, ни заискрившей открытиями науки... Министр образования Ливанов недавно выразился, что главное достижение отечественной науки за двадцать лет — это проводимая им реформа. Десять лет говорили про инновационный вектор, а вот теперь даже и разговор об этом стал неуместен.

Санкции, больше похожие на экзекуции, порку розгами по голой заднице... Унылое слово *импортозамещение*, отнюдь не вдохновляющее, как некогда знаменитые три (или пять?) «И» Д.А. Медведева: инновации (не помню, что там было дальше); инфляция; иммиграция? Рассеялось, как утренний туман.

Ситуация стала более конфликтной, трудно прогнозируемой (да уж).

Сейчас бюджет защищен лучше, чем тогда, — заявил Улюкаев безрадостным тоном. И уж совсем неожиданную мысль выдал Алексей Валентинович: *неважно, сколько будет стоить нефть в долларах, а важно — сколько в рублях.*

ем которых мы будем работать и в этом году. **Первое.** Россия входит в десятку стран с наименьшим государственным долгом и наибольшими золотовалютными резервами. Это во многом обеспечивает устойчивость нашей финансовой системы. В прошлом году, несмотря на колебания валютного курса и высокую инфляцию, рублёвые депозиты граждан и компаний росли. Бегства от рубля не произошло, почти в два раза снизился отток капитала. **Второе.** Стабильно работает банковский сектор, Центральный банк проводит последовательную политику по его очищению. <...>Мы сохранили основу макроэкономической стабильности. <...>Базовый принцип нашей политики должен остаться прежним: жить надо по средствам, в том числе за счёт сокращения бюджетных трат, уменьшения расходов на государственный аппарат, приватизации части государственных активов. <...>Некоторые отрасли экономики повысили свою эффективность. <...>Мы будем концентрировать усилия именно на конкурентоспособных компаниях и отказываться от поддержки тех, кто такими никогда не будет. <...>Десять мировых чемпионов гораздо ценнее тысячи национальных монополистов, которым обеспечили отсутствие соревнования, даже если принимать во внимание те рабочие места, которые они создают, и те налоги, которые они платят. <...>Мы сегодня учимся жить в более дешёвой нефтяной реальности. Нынешнее падение котировок нередко сравнивают с кризисом 1998 года. Тогда цены на нефть упали примерно в 2,5 раза за два года, а промышленность рухнула на 40%. Сейчас цены на нефть падали и сильнее, и быстрее против максимума, который был несколько лет назад. Не улучшают положение, конечно, и санкции. Но мы и близко не наблюдаем того, что творилось в экономике в 1998-м. Кризис постепенно излечил нас от привычки полагаться в основном на доходы от углеводородов. <...>В 2000 году Егор Гайдар, имя которого носит наш форум, говорил следующее: «Цены на нефть снизятся неминуемо, и это, конечно же, скажется на российской экономике. Но если вести разумную политику, то Россия будет интегрирована в мировую экономику в новом качестве и её зависимость от конъюнктуры топливно-

энергетических ресурсов окажется не столь существенной». <...>Сейчас мы фактически создаём новую модель экономического роста. <...>Но проблема в том, что остановка падения валового внутреннего продукта не означает автоматического перехода к росту. Вместо этого может начаться длительный период колебаний в районе нулевых отметок, которые и динамикой назвать невозможно. Как показывает мировой опыт, экономическая депрессия может длиться десятилетиями, и выходить из такого ненормального состояния не менее трудно, чем из острой фазы кризиса. <...>Мы сегодня не можем позволить себе застрять на уровне плюс-минус ноль, поддаться настроениям такого экономического декаданса. Такая установка, если она начнёт доминировать в обществе, открывает дорогу к продолжительной рецессии».

►►►►►►►►►► ФОРУМ-2016

Какой станет экономика России через 15 лет, обсуждали на панельной дискуссии «Стратегия-2030: контуры долгосрочного социально-экономического развития России». Оптимистическая по нынешним временам «Стратегия-2020» благополучно похоронена в недрах кабинетов. Понадобилась новая — в видах «более дешёвой нефтяной реальности».

По мнению главы Минэкономразвития Алексея Улюкаева происходит изменение потребительского поведения населения: сдвиг от модели потребления к модели сбережения. Рост депозитов населения равен примерно 15%. «Население начинает по-другому оценивать перспективы и становится адептом **новой нормальности**. С одной стороны — риск, с другой — драйвер развития. Мощная сберегательная активность создает ресурс, который при правильном выстраивании соответствующих ресурсов и инструментов даст основу для инвестиционного роста в части интеллекта, сберегающих технологий».

Понятно, что глобальные рынки капиталов останутся закрытыми для российских заемщиков. Реальностью становится переход от модели

ного эффекта, и кто они? Можно ли заниматься эффективным социальным инвестированием при отсутствии доверия к институтам? Должны ли предприниматели делиться? Являются ли социальные проекты за рубежом PR или необходимостью? Рубен Варданян подчеркнул, что положительный эффект от благотворительности, который хочет видеть молодое поколение бизнесменов, измерить гораздо сложнее, чем в бизнесе: здесь «длинные» горизонты.

По словам *Вагита Алекперова*, основателя фонда «Наше будущее», множество проблем для бизнеса в социально ответственном инвестировании вызывает отсутствие в сфере нормативной базы. «Мы были вынуждены ее сформировать. Впервые в нашей стране появился термин “социальный предприниматель”, он стал понятным и нормативно обоснованным». Глава ЛУКОЙЛа отметил, что часть людей из бизнеса, которые сформировали капитал, должны делиться с обществом знанием, опытом, возможностями, в том числе и финансовыми, и формировать общество, нацеленное на создание благотворительности.

Борис Мини, председатель Совета директоров инвестиционной компании OI Group, председатель правления Фонда Гайдара и создатель Музея русского импрессионизма, говорил о слабо разработанной юридической базе благотворительной, филантропической и просветительской деятельности бизнеса. «*Насколько реально найти бизнесменов, готовых получить меньше прибыли, но участвовать в социально значимых проектах?*» — спрашивал он и отвечал, что жизнь показывает: такие есть, и их становится больше. Запомнилась его парадоксальная цитата: «*Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сначала купить это ненужное*». Он назвал ряд социальных проблем, в которых остро необходимо участие бизнеса: например, строить современные, достойного уровня дома для пожилых людей; не какие-то резервации, а удобные и продуманные для условий жизни стариков после 75 лет, особенно для тех, кто остался один и кто в силу ряда причин нуждается в таких условиях. Здесь не только проблемы здоровья, жизнеобеспечения, но и проблемы общения.

Это комплексная проблема. Бизнесмен считает, что возникнет целая отрасль экономики, рассчитанная на обслуживание пожилых людей, которая сможет стать прибыльной. Создание подобных условий меняет жизнь не только пожилых людей, но и их молодых родственников, детей и внуков, делает их более мобильными. Это черты зарождающегося бизнеса социального предпринимательства. Другой пример — профессиональное переобучение, область, в которой тоже должны быть заинтересованы бизнесмены.

▶▶▶▶▶▶▶▶▶▶ ФОРУМ-2015

«Что же делать? — спрашивают друг друга знающие люди. — Что делать?»

Мир подошел к какой-то черте, и никто не знает, в каком направлении, где, что и как произойдет.

Еще на Старый новый год 2015-го бывший премьер Евгений Максимович Примаков выступил с программной речью на новогоднем заседании «Меркурий-клуба», председателем правления которого он являлся.

Интересно, что в тот же день его большая статья, написанная по мотивам этого доклада, уже была опубликована в «Российской газете». Опубликованная за день до начала Гайдаровского форума, этого съезда «системных либералов», статья Примакова явилась принципиальным вызовом, однако этот вызов Форум-2015 проигнорировал, тем самым дав понять, что в формат профессиональной дискуссии аргументация Е.М. Примакова не входит.

А годом раньше (13 января 2014 года), выступая в своем «Меркурий-клубе» Примаков прямо заявил, что «речь идет о противодействии политике неолибералов в России». В тот раз он оставался верен себе, но не без изменений: покритиковав правительство Медведева как «неолибералов», пройдясь по местному самоуправлению и реальному федерализму, «который у нас отсутствует», во внешнеполитической части доклада он вполне отчетливо выразил несогласие

шить проблему долгов эти регионы не смогут, ибо она накапливалась в течение последних десяти–пятнадцати лет.

Россия и ЕС

Экономические связи России и Европейского Союза тем не менее остаются тесными, несмотря на политические разногласия (из-за ситуации на Украине и в Крыму) и взаимные санкции и ограничения.

Первый заместитель министра экономического развития РФ *Алексей Лихачев* рассказал о ситуации с экспортом.

Товарооборот с ЕС по сравнению с другими партнерами снизился, экспорт России в ЕС сократился на 37,7%, импорт из ЕС — на 41,5%, но в то же время торговля России со странами ЕС в физическом выражении выросла на 2,5% за 2015 год на фоне всех санкций. *«То есть, несмотря на обострение отношений, Россия смогла сохранить тенденцию роста российских поставок физических объемов, в инвестициях тоже прирост»*, — добавляет Алексей Лихачев. Россия остается открытой для услуг европейских поставщиков; по сравнению с началом 2015 года в его середине объем европейских инвестиций вырос.

Заместитель министра энергетики РФ *Анатолий Яновский* считает, что низкая цена на нефть — не только вызов, но и возможность реализации структурных реформ. Участники Форума обратили внимание, что при снижении отношений с ЕС экономические отношения с конкретными европейскими странами продолжают развиваться: рекордные поставки газа в Германию, развитие инфраструктурных проектов, открытие новых месторождений в Восточной Сибири. Яновский задается вопросом: *«Возможен ли равноправный диалог между ЕС и Россией как между равноправными партнерами, если существует такое политическое давление?»*

Представитель ЕС на Форуме, глава представительства Европейского Союза в России *Вигаудас Ушацкас* упомянул о либеральном настрое ЕС в политическом и экономическом плане, посетовал на подрыв доверия между ЕС и Россией из-за

дестабилизации ситуации на Украине и в Крыму. Ушацкас обратил внимание, что партнерам необходимо вернуть общее видение и обоюдное доверие. Он также высказал мнение, что интеграционная экономическая «дорога из Владивостока в Лиссабон» проходит через Киев.

Резюмируя, участники Форума с сожалением признали, что на сегодняшний день существуют непримиримые разногласия по ситуации во взаимоотношениях Москвы, Киева и Брюсселя.

Андрей Слепнев, министр по торговле Евразийской экономической комиссии, обратил внимание, что существует несколько уровней взаимоотношений на уровне политики и бизнеса. Идея глобальной свободной торговли на базе ВТО, по его мнению, оказалась утопической. *«Нам надо бежать очень быстро, чтобы хотя бы стоять на месте, — сказал Слепнев и добавил: — Бизнес эту ситуацию чувствует тоньше и лучше политиков»*.

►►►►►►►►►► ФОРУМ-2016

Население меняет стратегию потребления

Этот тезис стал одним из выводов панельной дискуссии «Социальные проблемы в условиях структурного кризиса». Директор Института социального анализа и прогнозирования РАН-ХиГС *Татьяна Малева* начала дискуссию с тезиса о том, что первыми под жернова кризиса попадают социальные расходы, и призвала признать существенным девятипроцентное сокращение доходов населения за год. Эксперт также озвучила, что рост бедности по сравнению с 2014 годом составил 2%, и это, по ее словам, перечеркивает достижения пяти последних лет.

«На этом фоне благополучно выглядят формальные показатели рынка труда, мы не видим лавинообразного роста безработицы. Все потому, что российский рынок труда традиционно выбирает модель сокращения заработных плат при сохранении общей занятости и тем самым подтверждает свою жизнестойкость», — подчеркнула Татьяна Малева.

Алексей Кудрин с тревогой говорил о проблеме растущей бедности населения.

«В 2008 году были огромные социальные выплаты, и, несмотря на кризис, количество бедных уменьшилось. Сейчас все по-другому. И проблемы лягут грузом на бизнес, потому что я уже не знаю, с чего снимать расходы. С образования и здравоохранения уже некуда снимать, к тому же это человеческий капитал. Другими словами, социальные проблемы, в отсутствие экономического роста, будут только усугубляться. Требуется пересмотра тенденция наращивания социальной поддержки с негативным влиянием на экономику. Мы в этой проблеме подошли к краю», — сказал А. Кудрин. Он считает неизбежным повышение пенсионного возраста: «Нам нужно повышать пенсионный возраст ради самих же пенсионеров, мы таким образом экономим ресурсы для них. В любом случае, когда количество налогоплательщиков сравняется с количеством пенсионеров, у нас не хватит ресурсов для обеспечения последних. А налоги повышать уже некуда. Необходимый ресурс мы будем брать из накопительной части пенсии, для этого она и создана. В пенсионной системе надо ориентироваться на цель. Пенсионная система — это длительные тренды, нужно думать сегодня о том, что будет в 2030 году», — сказал А.Кудрин.

На Гайдаровском форуме 2016 года Герман Греф высказывался концептуальнее, гораздо резче и определеннее, чем год назад. Он говорил в стиле катехизиса: вопрос-ответ.

— Что такое XXI век? Очевидно, что это век глобализации. Становится все яснее, что наступил век Азии, которая становится победителем в этой конкуренции.

Мир проходил через несколько трансформаций... До начала XIX века человек мог заказать товар из любой части планеты. С 1914 года и до середины XX века была тенденция защищать местных производителей. Последние пятьдесят лет происходит отжатие в обратную сторону... Сейчас около трети продукции поставляется на экспорт, идет мировая конкуренция.

— Что такое глобализация? Раньше мы играли в дворовой команде, сейчас нам предложили Олимпийские игры. Вопрос о ВТО, которая

регулирует международную торговлю... Одна из самых эффективных организаций обслуживает глобализацию. Мы можем вступать в ВТО или не вступать, но мир играет по этим правилам. Россия 136-я страна в ВТО. Мы получили правила игры в эпоху глобализации. Но правил этой игры не прочитали. Тут задавали вопрос — что мы будем делать в условиях ВТО?.. Но мы уже там.

— Сколько часов министры потратили на изучение правил ВТО? Это 46 тысяч документов, 600 страниц — только базовые положения. Что регулируется правилами ВТО? Не рискуйте отвечать... Я восемь лет этим занимался. Можно представить себе, что выпустили хоккейную сборную, не объяснив правил игры... Что мы делаем в ВТО? Мы еще не ощутили, что мы на площадке, и не поняли правил, по которым надо играть. В головах мы еще не в ВТО.

— Где же мы в наших головах? Хороший вопрос. Оставлю его открытым.

Отсюда все остальное. В глобализации побеждают сильнейшие. Есть ряд критиков глобализации — Дж. Стиглиц — один из самых последовательных. Он говорит, что одна из самых главных проблем — растущий раскол между теми, кто зарабатывает в день один доллар, и теми, кто зарабатывает один миллион в день. Глобализация способствует расколу внутри стран и между странами. Сильные становятся сильнее, богатые — богаче, бедные — еще беднее. Глобализация — процесс неотвратимый, сложный, но очевидно, что побеждают самые сильные. Правила ВТО, Всемирного банка заточены на то, чтобы выигрывали страны, которые находятся там с самого основания, они взяли меньше всего обязательств... Поэтому мы и вели переговоры столько лет, переговоривались с 87-ю странами, такого в мире ни с кем не было (Китай с 60-ю договаривался).

— Как добиться конкурентной способности? Созданием условий внутри и помощью вовне, по правилам, по которым играют конкуренты. Далеко не всегда все равны. Очевидно, что развитые страны (США, Европа и другие) создают громадное число преференций для своих компаний — малых, больших, сельскохозяйственных,

продовольственных, социальных... Задача государства — выровнять для своих предприятий условия конкуренции.

— Как стать конкурентоспособными в мире глобальной конкуренции? Только находясь в конкурентной среде.

— Что такое наша конкурентоспособность? В подавляющем числе случаев она носит национальный характер. Если мы ее не приведем в статус международный, к сожалению, наше будущее как субъекта на международных рынках будет весьма плачевным.

Вопрос: мы приобретаем на мировых рынках или теряем? Ответ: теряем. Все эти годы мы приобретали только за счет сырьевого экспорта. По всем остальным позициям мы теряли. Можем ли мы дальше наращивать объем сырьевого экспорта? Ответ: нет.

<...>80 процентов экспорта у нас — сырье. Дальше прирастать мы не можем. На повестку дня выходит задача наращивания конкурентоспособности во всех сферах. Как ее наращивать? В первую очередь качеством государственного управления. Глобализация делает реальной конкуренцию государств, и конкурентоспособность правительств становится первой компетенцией, которая будет определять все остальные конкурентные качества страны. Здесь много факторов: человеческий капитал, институты, качество управления и т.д. Но все сводится к одной простой вещи — конкурентоспособность человека. Это качество системы образования и качество систем институтов в стране. Все возвращается к одному — к качеству человеческого капитала, качеству людей. Образование, образование и еще раз образование — вот приоритет, который мы должны поставить во главу угла... Мы всегда искали третий путь развития страны, потому что не знали первых двух. Это большая проблема. Мы не знаем лучшей мировой практики, мы не знаем всего того объема знаний, который доступен мировому рынку, и пытаемся изобретать какие-то «ноу-хау». Это неплохо; иногда, двигаясь в Индию, можно по дороге открыть и Америку, но такое случается крайне редко... Сегодня, в век GPS, плутать — непроводительная потеря времени.

Мы должны понять, что конкурентоспособность людей — это вопрос о конкурентоспособности страны. Заниматься образованием детей начиная с детского сада (а это самая важная ступень обучения). Задача превращается в реальность только тогда, когда в наших головах появляется понимание важности этой реальности, и не раньше... Вопрос образования, открытости правительства, развития Интернета, работа с малым и средним бизнесом.

(Собственная расшифровка видеозаписи «Вестник Европы»)

***

«Эра углеводородов осталась в прошлом. Как каменный век закончился не потому, что закончились камни, так и нефтяной век уже закончился», — сказал Греф. — «Будущее настало раньше, чем мы его ожидали. Сегодня мы уже находимся в этом будущем. Welcome to the future! Вопрос же о том, сколько будет стоить нефть, ныне уже не столь важен. Мы проиграли конкуренцию и оказались в стране, которая проигрывает (страны-дауншифтеры). Страны и люди, которые сумели адаптироваться вовремя и проинвестировать в это, они победители сегодня. Страны, которые не успели адаптировать собственную экономику, всю социальную систему и все институты, будут очень сильно проигрывать. И разрыв, к сожалению, будет значительно больше, чем в ходе прошлой индустриальной революции», — считает глава Сбербанка. «Смелое заявление, отозвались соцсети. Термин «дауншифтер», который использовал Герман Греф, в первую очередь, означает жизнь с отказом от традиционных ценностей. Вероятно, Герман Греф имел в виду деградацию личности, которая может наступить при таком образе жизни. Судя по речи банкира, синоним слова «дауншифтер» — лузер. « <http://www.bfm.ru/news/312935>

Герман Греф назвал и то, что нужно сделать России, чтобы войти в число стран-лидеров.

«Должна быть изменена вся модель нашего образования, и я не верю в онлайн-образование. Это та же самая система, только переведенная в Интернет. Сегодня содержание и методы образования должны быть другими. Нужно успеть

внедрить эти изменения. Я не верю в науку и образование, которые не связаны с практикой, и в бизнес, который не связан с наукой. Мы должны быть готовы к колоссальной самотрансформации. Никто не станет лидером без этой способности», — резюмировал Герман Греф.

В заключение он добавил: «Самый страшный наш экспорт и самый большой наш экспорт, который надо остановить, — это «экспорт мозгов». Мы не считаем, сколько мозгов Россия экспортирует в год, но это, я боюсь, по объему потеря самое большое количество того, что мы экспортируем».

Михаил Ковальчук, член-корреспондент РАН. Президент НИЦ «Курчатовский институт», выступил на панельной дискуссии «Будущее невозможного» мрачнее всех. Он представил прямо-таки апокалиптическую картину того, как через несколько десятков лет человечество может возвращаться к первобытному состоянию из-за того, что «техническая революция нарушила естественный обмен веществ в природе».

Если такого рода взгляды сколь-нибудь широко распространены в высшей экспертной среде, становится понятным и чрезвычайная взвинченность ряда политиков. Стивен Хокинг тоже предупреждает о возможной техногенной катастрофе, но, правда, в интервале ближайшей тысячи лет, что все-таки дает человечеству шанс на деятельное предупреждение катастрофы. М. Ковальчук во всем винит развитие технологий:

«Военная колонизация сегодня заменилась на техническое порабощение. Почему это произошло? Если вспомнить развитие цивилизации, то фактически до изобретения паровой машины человек был частью естественного обмена веществ. Развитие науки и техники нарушило этот естественный обмен. И теперь нужно четко понимать, что мы вернемся к первобытному существованию. Вопрос лишь в том, когда именно это случится. Мы придем к этому через кровопролитные войны за ресурсы. Можно дожидаться такого поворота событий или попытаться вернуть технологии в русло замкнутого оборота веществ в природе», — заявил Михаил Ковальчук. По его мнению, от контроля вооружений следу-

ет переходить к контролю технологий. Он объяснил это тем, что, по большому счету, ни одно государство, кроме СССР и США, самостоятельно не изобрело ядерного оружия. Его получили из рук этих двух стран, потому что производство требует колоссальных ресурсов, которыми никто не располагает. А доступ к биологическим объектам сравнительно легко получить и преобразовать их в оружие массового поражения.

***

Председатель правления ООО «УК «РОСНАНО» Анатолий Чубайс был оптимистичнее, говоря о технологиях, которые войдут в жизнь в ближайшее десятилетие:

«Если в сфере информационных технологий радикальные изменения реалистичны и они изменят ряд секторов экономики, то в генерации энергии существенных изменений не произойдет. Конечно, мир вступает в фундаментальный период в связи с альтернативной энергетикой, но ни по солнечной энергии, ни по энергии ветра я не вижу значительных перемен».

А. Чубайс также отметил, что атомная энергетика будет усиливать позиции, и у России в этом плане большие перспективы... Нельзя забывать и о вызовах, которые стоят перед человечеством. Среди них — глобальное потепление и проблема беженцев.

▶▶▶▶▶▶▶▶▶▶
ФОРУМ-2016

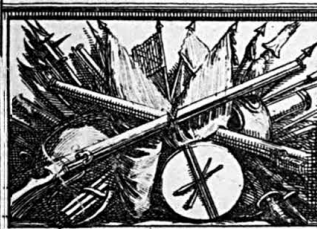
Взаимодействие тройки великих держав — Китая, России и США — обсудили участники экспертной дискуссии «Великие державы, великие вызовы: формирующийся мировой порядок».

Как считает генеральный директор Российского Совета по международным делам Андрей Кортуннов, отношения России и США упали на самое дно. Также он отмечает обоюдное понимание государств, что эти отношения необходимо восстанавливать.

Профессор Гарвардского университета Тимоти Колтон уверен, что главное качество великой державы, помимо силы и величественности, —

Non est potestas Super Terram quae Comparetur ei Job. 41. 24

LEVIATHAN

Or
THE MATTER, FORME
and POWER of A COMMON-
WEALTH ECCLESIASTICALL
and CIVIL.

By THOMAS HOBBS
of MALMESBURY.

London
Printed for Andrew Crooke
1652.

ЛЕВИАФАН: МЕЖДУ УЖАСОМ И ПРИЗНАНИЕМ

В нынешних разговорах о «Левиафане», будь то фильм А. Звягинцева, книга Томаса Гоббса или (реже, много реже) книга Карла Шмитта о Томасе Гоббсе (а про не столь уж давнюю повесть Б. Акунина с тем же названием, кажется, и вовсе забыли), или собственно чудовище, упомянутое в Библии, примечательно вот что. Вряд ли Ветхий Завет, да хотя бы одна только Книга Иова, стали настолько массовым и повседневным чтением, чтобы все могли помнить контекст библейских высказываний о левиафане. Кажется, и Гоббса читают не так часто, как он того заслуживает. А между тем, название *фильма* не вызвало никаких трудностей. Никто не требовал публичных пояснений хотя бы в этой части. Каким-то неочевидным образом, множеством разных способов имя «Левиафан» прочно утвердилось у нас в сознании, так же как оно утвердилось в сознании любого образованного европейца. Пытаясь припомнить, когда я сам узнал это слово, я копаюсь в детских впечатлениях. Чуть менее полувека назад я уже мог осмысленно произнести его, но от кого и при каких обстоятельствах услышал? — Так или иначе, Левиафан — это все знают — огромное морское животное, ветхозаветное и мифическое. О нем, при желании, нетрудно, конечно, выведать и больше подробностей. Доступные источники сообщают, например, что со-

творен был левиафан Богом в пару с сухопутным чудовищем — бегемотом, что было поначалу два левиафана — самец и самка, но самку Господь убил, чтобы они не размножались, засолил ее мясо и кормит им в раю праведных. А по другой версии, Бог регулярно играет с левиафаном, и только после конца света мясо его будет подано праведникам на пиру. Размеры его, если исчислить их в современных мерах, около пятисот километров в длину, и каждый день он съедает одного кита... Все это, конечно, имеет лишь ограниченное значение и способно раздражить культурологическое любопытство, но не поразить воображение. Мифологические детали ушли из живой традиции, и только небольшое задержалось: левиафан огромен и опасен.

А еще левиафан — образ государства. Мифология неодолимой мощи и конструкция сильного государства почти пятьсот лет назад соединились в учении Томаса Гоббса, который то ли сознательно, то ли серьезно просчитавшись, пробудил самые древние, первозданные страхи европейцев, которым в образе левиафана представился не столько любимец Господа и победитель злых, сколько первозданный неукротимый змей, опасный своей неодолимостью. Об этом идут нескончаемые споры, как и обо всей философии Гоббса, которая удивительным образом не теряет актуальности.

«Левиафан» — самое большое и самое известное сочинение Гоббса. Иногда говорят, что это чуть ли не

единственное великое политико-философское сочинение, созданное на английском языке. Такая точка зрения, впрочем, достаточно нова.

А поначалу книга оказалась скандальной и в некотором роде роковой для репутации автора. Трактат был написан в основном в 1650 г. в эмиграции и опубликован в Англии в 1651 г. Гоббс уже несколько лет жил во Франции, спасаясь от ужасов Английской революции, там же находился и королевский двор: королева, ее дети и придворные. Король Карл I был обезглавлен в 1649 г.; его наследнику, будущему королю Карлу II, Гоббс преподавал во Франции математику. В дар принцу Гоббс преподнес роскошное издание своего труда. Но его надежды на благосклонность ученика не оправдались. Ни могущественные придворные, ни влиятельные клирики не приняли его книгу, официально его дар был отвергнут, Гоббс потерял свое влияние, и только много позже, по возвращении в Англию, когда была восстановлена монархия и когда нападки на престарелого философа стали всерьез угрожать его свободе и жизни, король Карл II взял под защиту своего бывшего воспитателя. Но и широкого признания образованной публики, на которое мог бы рассчитывать автор, сознательно выпускающий свою книгу на родном языке, а не на ученой латыни (латинская версия вышла шестнадцатью годами позже, в Голландии), Гоббс не завоевал.

Конечно, он был известен. Впоследствии его высоко ценили выдающиеся умы, будь то Локк, Спиноза или Руссо, но замысел его состоял совсем не в том, чтобы добиться известности и, как мы бы теперь сказали, «внести вклад в науку». Гоббс придумал обширную, тщательно продуманную систему, в которую включалось переосмысление начал философии (в первую очередь той, что преподавалась в университетах), богословия, педагогики, а самое главное — новое обоснование государственной власти. Именно этот проект *в целом* потерпел поражение. Без Гоббса, конечно, немислимы все последующие теории общественного договора, вся политическая мысль континентальной Европы и классическая социология. Но не менее поучительно и то, что в теории отпугнуло всех читателей, что оказалось неприемлемым. И снова мы произносим это имя — «Левиафан».

О реконструкции не то что всей философии или только политической философии Гоббса, но даже одной только его позиции в «Левиафане», здесь не

может быть речи: столь обширный предмет не следует освещать на нескольких страницах. Ключевая же идея его труда кажется давно и хорошо известной, но нередко в существенных частностях представляется некорректно. Сформулируем это «общее место» сжатым образом. Люди, говорит Гоббс, обладают разумом и страстями. Разум подсказывает им, что жить надо вместе, договариваться и держать обещания, не быть надменными и неблагодарными, не проявлять малодушия и тщеславия, и много чего еще. Если следовать всем этим правилам (по традиции он называет их естественными законами), можно будет рассчитывать на успешное выполнение главного естественного закона, говорящего каждому человеку о необходимости делать все для сохранения мира как условия самосохранения. Но основать мирную совместную жизнь на принципах разума, продолжает Гоббс, совершенно невозможно. Разум позволяет нам рассчитать правильное расположение любой точки на чертеже, любые площади, углы и объемы. Но в реальном мире мы никогда не можем быть уверены в том, что обстоятельства фактически сложатся так, как нам требуется. Мирные отношения с другими людьми установились бы, если бы все они приходили к одному и тому же результату, размышляя над тем, что было бы им выгодно. Однако именно это и невозможно! Если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, то и они бы опровергались, что уж говорить о принципах общежития! Поэтому неизбежно недоверие людей друг к другу, из-за недоверия — война, то есть не обязательно боевые действия, но именно постоянная враждебность, готовность к таким действиям. И преодолеть эту враждебность, остановить войну одними только соглашениями нельзя. Соглашения без карающего меча суть просто слова. Вот почему для установления мира нужен не просто договор, а *договор*, устанавливающий государство, то есть *договор* о взаимном согласии уступить некоторые важные права репрезентативному лицу, суверену, который только и будет решать, что есть право, а что — неправое, что такое справедливость и т.п. С сувереном никто не договаривается, он гарантирует все договоры. Суверена никто не избирает, и вообще, может статься, не было никогда той войны *всех против всех*, которая окончилась бы общественным договором.

Да. Именно так. У Гоббса нет исторических аргументов, хотя он, между прочим, прекрасно владеет

несколькими древними и новыми языками и в начале своей публичной карьеры выпускает перевод «Истории» Фукидида, изучил риторические приемы и то и дело приводит занимательные исторические примеры. Но — именно примеры. Он не ищет ни доказательств того, что война всех против всех когда-то, до образования государств, происходила, ни того, что общественный договор как историческое событие действительно состоялся. Естественное состояние, при ближайшем рассмотрении, оказывается не состоянием, *исторически предшествующим* государственному, а скорее, оборотной стороной последнего. Естественное состояние — это не исторически изначальное состояние человека, но то, что получается, если множество людей лишить искусственной личности государства, которому они по общественному договору доверили вершить суд и расправу. Естественным становится состояние при разрушении государства. Но и в обычной жизни в государственном состоянии естественность дает о себе знать. Даже в государствах нет полной безопасности. Это значит, что никогда человек не может быть полностью спокоен, никогда не сможет избавиться от ужаса. Государство не означает избавления от ужаса¹, но ужас естественного состояния непереносим.

Не уточняя исторические обстоятельства, Гоббс, скорее, готов предположить, что настоящие войны ведутся не между отдельными людьми, а между государствами (которые всегда находятся в естественном состоянии, а примиряющего их мирового суверена нет), и когда одно из них побеждает, граждане побежденного присоединяются к общественному договору победителей, признавая над собой власть нового суверена. Точно так же при законном наследовании престола не требуется перезаключение договора, для устройства жизни с новым сувереном. Требуется лишь

лояльность ему, обещанная еще при жизни старого и на основании законов, изданных старым. Точно так же новые и новые поколения подданных, вступающие в жизнь, не обязаны перезаключать договор: довольно и того, что старый договор уничтожает возможность заключения нового, делает его недействительным. В старом договоре не было указаний на то, что его надо перезаключать или можно расторгнуть, да и как бы это сделалось? Даже в обычных, повседневных делах мы знаем, что нельзя прийти к новому владельцу дома, которым когда-то владели твои предки, с требованием признать недействительным старый договор, просто в силу желания заключить новый или вселиться в этот дом самому. А с общественным договором даже и такое рассуждение никуда не годилось бы, так как договора с сувереном никто не заключал. Договаривались люди (Гоббс использует привычное для того времени и только недавно снова вошедшее в оборот слово «множество» — «multitude») между собой, значит, каждый из них по отдельности ничего от суверена требовать не может. Но нельзя объявить недействительным и договор общественный, потому что для заключения его нужно иметь все права, которые есть у человека лишь в естественном состоянии, но которых нет у подданного. Востребовать назад свои права отдельный человек может лишь как враг государства: бунтарь или беглец. Но в первом случае он не политический противник, а преступник, на которого обрушится вся мощь суверена, а во втором он враг, с которым возможны не договоры, а только война. Да и кто бы вернул ему эти права? Общее собрание подданных? — Но и в этом собрании таких прав больше нет, они уже переданы суверену, значит, и собрание такое было бы неправомочным. Права суверену отданы навсегда.

Какой же смысл тогда имеет рассуждение об общественном договоре и войне? Не получается ли, что сложным и абстрактным образом Гоббс описывает лишь то, что и так имело место: всевластие короля? Конечно, до известной степени так оно и было. Устав от ужасов революции, свержения монархии, английские публицисты стали предлагать достаточно смелое по тем временам решение: считать сувереном не того, у кого есть на то подлинные (наследственные, священные) права, а того, кто *de facto* им является. Некоторые исследователи в наши дни полагают, что таким вот теоретиков фактического суверенитета

¹ Ср. у Л. Фуано: «Гоббс не утверждает здесь, будто существования государства достаточно, чтобы рассеять страх и недоверие в отношениях между людьми; он также не утверждает, что страх, в себе и для себя, делает недействительными договоры. Прежде всего, государство не рассеивает страх, потому что оно само есть источник другого, специфического страха, называемого «terroure» (ужасом), который берет начало в его исключительно праве выносить приговоры и осуществлять наказания» (Foisneau L. Leviathan's Theory of Justice // Leviathan after 350 Years / Ed. By Sorell T., Foisneau L. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 108).

был и Гоббс, разве что стиль его был заметно ярче, а философские основания аргументов — куда внушительнее, чем у прочих. Понятно, что такое отношение к суверенитету могло понравиться Кромвелю (который звал Гоббса вернуться в Англию), но не могло в буквальном смысле прийти ко двору в окружении изгнанного наследника. Однако сводить дело только к этому — значит упростить все донельзя: и проблему, которую ставит Гоббс, и решение, которое он находит. А книгу про то, что подчиняться надо всякий раз тому, у кого власть, уж точно не требовалось называть «Левиафан».

С левиафаном в «Левиафане» все не просто. Можно было бы ожидать, что многообещающее название себя оправдывает и ученый автор блеснет эрудицией. К тому же «Левиафан» — это «книжка с картинкой», сложным рисунком на фронтиспise, технически исполненным, скорее всего, Абрахамом Боссом, но в точном соответствии с замыслом самого Гоббса. Однако на фронтиспise диковинного зверя нет, а есть огромный мужчина в короне, который портретно, говорят, напоминал будущего короля Карла II, со знаками королевского и епископского достоинства (мечом и посохом) в руках, соединяющими небо и землю. Он возвышается над местностью, где есть и город, и прилегающие земли с разными строениями. Тело его составлено из отдельных маленьких человечков, снизу — справа и слева — несколько небольших картинок с изображениями символов власти светской (вроде конницы и пушек) и церковной (храм и церковный суд и т.п.), а на самом верху — латинский стих из Книги Иова: «Non est potestas super terram, quae comparetur ei» («Нет на земле сравнимой с ним силы»). Кроме титульного листа, по имени левиафан назван лишь несколько раз во всей книге, но нигде Гоббс не рассказывает об ужасном змее или подобном огромному киту существе, и только в одном месте замечает, что, пожалуй, более почтительно государство следовало бы именовать не левиафаном, а «смертным богом». Спорам о том, следует ли понимать это «более почтительно» в том смысле, что слово «Левиафан» означает отсутствие почтения, или же так, что почтение есть всегда, но в

одном случае оно больше, чем в другом, — спорам этим нет конца.

Однако название и цитата из книги Иова дают точное указание читателю, который, как это было обычно в те годы, держит Библию всегда под рукой и читает ее по нескольку раз в день всю сознательную жизнь. «Нет на земле власти» — это про него, про левиафана. Власть, сила, мощь, могущество — вот что означает слово «potestas». Только оно совсем не случайно здесь появилось и многое значит, куда больше, чем может заподозрить сегодняшний читатель.

Мы читаем Библию в русском переводе и знаем это место в следующей версии: «Нет на земле подобного ему; он сотворён бесстрашным; на всё высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости». Современникам и соотечественникам Гоббс дает отсылку к латинской Библии, Вульгате. Дочитаем этот стих до конца: «Non est super terram potestas quae comparetur ei qui factus est ut nullum timeret» («Нет на земле силы, сравнимой с ним, кто сотворен, чтобы никого не бояться»). Ко времени публикации трактата Гоббса прошло уже больше ста лет с тех пор, как впервые появился одобренный Церковью английский перевод Библии (1535 г.) и даже третий, самый знаменитый перевод, так называемая «Библия короля Якова» («King James Bible»), был завершен и полностью опубликован в 1611 г. Здесь, по-английски этот стих звучит так: «Upon earth there is not his like: who is made without feare». (Именно английскую Библию цитирует Гоббс в тексте книги, так что латинская, а не английская цитата для эпитафии выбрана не случайно.) Таким образом, даже если не принимать в расчет специфических конструкций латинского языка, именно в Вульгате появляется слово «potestas», важнейшее понятие средневековой политической мысли, унаследованное от римлян. Ни видом, ни размерами, ни нравом, но именно мощью несравним ни с кем левиафан, говорит Вульгата. К важному понятию мощи мы еще вернемся.

Итак, бесстрашным, никого не боящимся сотворен левиафан, он «царь над сынами гордости», «rex super universos filios superbiae», «a king over all the children of pride». Гордости Гоббс посвящает подробные рассуждения. В восьмой главе «Левиафана» он говорит о тщеславии человека. Тщеславие, в общем, может быть истолковано следующим образом. Человек не всегда действует, не всегда вступает в фактическую

конкуренцию с другими людьми, не всегда борется и побеждает. Он желает, однако, вступив в борьбу и победив противников, сохранить ее результаты. Позже Ж.-Ж. Руссо в «Происхождении неравенства» поставит это в упрек Гоббсу: какое может быть подчинение одного человека другому в естественном состоянии? Допустим, кто-то решил завладеть некоторой вещью. Как он будет ею владеть? Постоянно охранять? Это невозможно. Объявлять своей? Но права собственности в естественном состоянии еще нет. То же самое и с порабощением одного человека другим. Более сильный может непосредственно принудить более слабого совершить некие действия. Но может ли он контролировать его поведение постоянно? Нет, конечно, как не может он всегда охранять вещь, которой он якобы завладел.

Забота о славе — это забота о продлении силы за пределы чисто фактического отношения. Битвы миновали, доказательства силы не требуются, если известно, что человек достаточно силен, чтобы принудить других к тому, что ему выгодно. Ему подчиняются, его право уважают, даже если нет фактического принуждения и фактической борьбы. В некотором роде все люди, хотя бы потенциально, — «сыны гордости».

К гордости ведет избыток тщеславия, гордость делает человека подверженным гневу и ярости, сродни безумцам. У безумца нет добродетелей, которые традиционно называются интеллектуальными, он не готов судить о вещах рассудительно, на основании опыта и разумного рассуждения. Можно ли рассчитывать, что такой человек поймет все будущие выгоды мира и не поддастся страстям? Можно ли надеяться на мир между людьми, каждый из которых, по природе своей, не превосходит другого так, чтобы гарантированно одолеть его в борьбе? Конечно, можно себе представить «необоримую мощь» («power irresistible»), говорит Гоббс в тридцать первой главе. Если бы кто-то из людей обладал ею, то он по природе был бы господином над всеми остальными. Но всемогущ один лишь Бог, люди же способны объединиться против того, кто сильнее каждого из них, и побороть его, так что никакое обычное превосходство здесь не поможет. В пятнадцатой главе Гоббс перечисляет необходимые для сохранения мира естественные законы. Девятый из них — «против гордости»: даже если люди не равны от природы, они вступят в договор

только на условиях равенства. А десятый закон — против надменности и в пользу скромности, он заставляет при заключении договора не требовать для себя особых привилегий.

В гипотетическом естественном состоянии слава ненадежна. Каждый человек обладает тем, что Гоббс называет «power»: силой, властью и просто способностью что-либо сделать. Если человеку удастся сделать то, чего он хочет, он доволен. Но счастлив ли он? Нет. Цель достигнута, удовольствие получено. Новое удовольствие последует за удовлетворением нового желания. Постоянное достижение желаемого — вот что такое счастье. «Power» — это способность добиваться желаемого, но пределы этой способности ставит другой человек. Никогда нельзя знать заранее: не начнется ли конфликт в ходе осуществления целей? Не придется ли уступить? Сознание своей силы важно. Она внушает уверенность в том, что любая цель будет достигнута. Не страх перед отдельной неудачей, но постоянная угроза небытия открывается в возможности любого неуспеха. Война не позволяет строить расчеты, вкладываться в будущее, не только быть счастливым, но и надеяться на счастье. Счастье возможно там, где есть мир. Для этого и требуется государство, левиафан, замена страха друг перед другом страхом перед сувереном. Перед лицом суверена исчезает не просто способность к сопротивлению, но и способность к действию. Этот основополагающий ужас делает возможным ограниченное, однако возможное в государстве счастье.

Что такое государство? Это множество людей, соединенных вместе. Откуда же они знают, что составляют единство, если общественный договор был заключен неведомо когда и как? Для этого, говорит Гоббс, нужно, чтобы единство было наглядным, реальным. Это «не просто согласие или единодушие» людей, но реальное единство, которое персонифицировано, то есть представлено (репрезентировано) лицом суверена. Множество людей становится народом и осознает себя как единство, глядя в лицо суверена, как это и показано на картинке. Левиафан, говорит Гоббс, — это государство, искусственный, то есть построенный людьми человек, а суверенитет — его «искусственная душа, дающая жизнь и движение всему телу». Левиафан, как мы видели, обладает *могуществом, potestas*. Термин «potestas» (буквально означающий именно мощь как способность) присут-

ствуует в старой латинской формуле, идущей от Цицерона: «Cum potestas in populo, auctoritas in senatu sit» («Если власть-могущество у народа, то власть-авторитет — у сената»). В Средние века использование этих терминов усложнилось. Если поначалу речь шла о том, что власть-могущество есть власть царская, а власть-авторитет — церковная, то впоследствии уточнений и дистинкций стало куда больше. Но само различие могущества и авторитета сохранилось. Называя государство левиафаном, Гоббс утверждает его могущество. Но он еще добавляет к могуществу авторитет, утверждая, что власть у его государства не только гражданская, но и церковная, не только подавляющая мощью, но и определяющая различия справедливого и несправедливого. Могущество вызывает ужас. Авторитет добавляет к ужасу почтение. К сожалению, в русском переводе сильно испорчено то важное место у Гоббса, где говорится об основании государства и о том, благодаря чему оно возможно. Переводчик не искажил основной смысл, но не смог передать игру слов, а без нее многое непонятно.

Гоббс различает, если использовать его собственные термины, «authora» и «actora», которых в русском переводе называют «доверитель» и «доверенное лицо». Но «author» как «доверитель» — это специальный юридический термин, который хотя и был в ходу в те годы, однако отнюдь не вытеснил другие значения. Слово «author», как считается, произошло от латинского «auctor», а оно, в свою очередь, от глагола «augere» — «умножать», «увеличивать», «содействовать». Из латыни оно перекочевало во французский, а оттуда, с изменением написания, — в английский. Уже с XIV в. известно и современное значение этого слова. В XII главе Гоббс говорит об «авторах» языческих религий, имея в виду, конечно, их основателей, а в главе XVI — о «persons, authors and things personated». Персона, говорит Гоббс, — это маска, личина. Персонифицировать — это представлять кого-либо или что-либо «на сцене и в жизни». Гоббс умело обыгрывает два смысла: в одном смысле речь идет о сценическом представлении, когда актер надевает на себя личину и говорит не от себя, но от автора; в другом смысле речь идет о юридическом отношении. Author — доверитель, actor — доверенное лицо, которое действует *от имени* того, кто авторизовал его действия. Это ключевое понятие философии Гоббса: «авторизация». Действующий по

поручению своего «автора» персонифицирует его, то есть воплощает в своем лице. Общественный договор — это именно поручение персонифицировать всех, кто его заключил. Действия суверена невозможно оспорить, потому что он действует не от имени себя самого как естественного лица. Левиафан — это искусственное тело государства, репрезентативное лицо получило доверенность, его нельзя остановить, его нельзя оспорить, потому что ему коллективно переданы те самые полномочия, которые только и могли бы сделать спор возможным. Авторы потеряли контроль над актером (хотя Гоббс, наверное, никогда не согласился бы с такой чисто театральной интерпретацией), а суверен приобрел возможность, так сказать, вторичной авторизации тех, кто действует по его поручению. Но только все права забрать свое поручение обратно от министров, военных, губернаторов у него сохранились. Тот, кто вздумал бы выступать против него, выступил бы не просто против физического лица, чье самоуправство ему претит или кажется опасным, а в буквальном смысле слова оказался бы врагом народа. В государстве Гоббса невозможно политика, потому что народ консолидирован как единство, и единство это держится как страхом перед могуществом, так и преклонением перед авторитетом суверена, выступающего как высший религиозный авторитет. Не забудем только о том, что ужас и почтение должны блокировать склонности человека к наслаждению своими способностями, наслаждению той мощью, которую дала ему природа.

Для запуганного существа, ищущего спасения и мира, политический ужас есть неизбежное зло: он позволяет государству запугать себя, чтобы не стать жертвой себе подобных. Но для человека, наслаждающегося игрой своих сил, ищущего славы и готового соперничать, счастливого движением, а не результатом, политический ужас выглядит по-другому. Смертный бог — левиафан — *трансцендентен*, как говорят философы, множеству индивидов. В этом множестве, словно бы против внятного заявленного намерения Гоббса, обнаруживаются сильные, выдающиеся, славные и энергичные, ищущие знания причин люди (лишь человек из всех живых существ заинтересован в познании причин, говорит Гоббс, но не уточняет, как относиться к тем из людей, кто не ищет причины). Но и скромным, и надменным государство внушает ужас (не страх, fear, но именно ужас, awe).

Его насилие делает ничтожным любое сопротивление, любое притязание. Никто не может сравниться с ним, и если от него не может быть неправды и несправедливости, то потому лишь, что правду и справедливость оно определяет само. Неодолимым его делает сочетание высшей мощи и высшего права, а ужасным — то обстоятельство, что его невозможно «впустить внутрь».

Это требует небольшого пояснения. Индивид может признать, что у государства — свои резоны, он может согласиться считать резоны государства своими резонами, но постичь резоны государства в полной мере он не способен. Не так они устроены, чтобы их можно было постигнуть без остатка. Если мы переведем слова «резон государства» на иностранный язык... да хотя бы на английский! Получим «reason of state». По-итальянски — “ragion di stato” — знаменитая в те годы формула, которой сам Гоббс, правда, не пользуется, но не в этом дело! Живет он как раз тогда, когда разговор о разуме государства становятся широко распространенными. Мы-то, из-за череды удивительных превращений, происходящих с терминами, пожалуй, даже и не догадываемся, что эти слова означают в наше время «государственный (или национальный) интерес». В точности в год рождения Гоббса (1588) итальянский автор Джованни Ботеро написал книгу «О величии городов», в которой объяснял принципы правильного управления, а уже в следующем он завершил книгу «Della ragion di Stato», первую, где это понятие было вынесено на обложку, хотя говорили о нем к этому времени не менее полувека. Ботеро гневно упрекал за неправильную трактовку «разума» государства знаменитого (в те годы — уже проклятого, пресловутого) флорентийца Никколо Макьявелли (у которого, заметим попутно, этого понятия еще нет, но которому его введение приписывают). Макьявелли был уверен, что успех властителя может и должен быть достигнут, даже если придется обмануть косный народ и вести его к величию хитростью и силой, потому что главная задача правителя — сохранение государства, а не добродетель граждан. Ботеро же считал, что сам властитель должен быть добродетелен и вызывать у граждан привязанность и восхищение. Гоббс, конечно, знал об этих спорах. Ему была понятна их оборотная сторона. Свободные города вызывают его ненависть. Он призывает не путать свободу городов

от внешнего принуждения со свободой граждан внутри городов. Города, где граждане свободны и сами определяют характер власти, — это республики. Гоббс против республик, он за новую форму организации политической жизни, ту самую, которую итальянцы называют «stato», англичане же — «state». Государство-stato не дает гражданам полноценной возможности сочувствовать, со-мыслить с ним, соучаствовать в нем. В интересах государства может быть совершенно, что не сможет оправдать для себя добродетельный гражданин, пекущийся о спасении души. Для эффективного управления публичность не требуется, резоны действий государства не должны быть объявлены. Гражданин обладает способностью различать доброе и злое, но откуда он берет критерии? Его разум, говорит традиция, позволяет эти критерии найти и применить. Этот разум — «правый», то есть правильный, прямой, здравый, «recta ratio». Но в государстве Гоббса разум самого государства есть правый разум. А как же быть человеку, который захочет своим разумом испытать государство? — Никкак.

В тридцать первой главе Гоббс вспоминает о книге Иова и объясняет: «А как горько упрекает Бога Иов за обрушившиеся на него многочисленные несчастья, несмотря на его непорочность. В случае с Иовом Бог сам решает этот вопрос, руководствуясь не грехом Иова, а своим собственным могуществом». Иначе говоря, всемогущество Бога есть источник права, а не право — источник всемогущества. Необходимо почитание Бога, то есть внутренняя мысль о его доброте, но источником этой мысли должно стать сознание его могущества. Вопрос о том, возможно ли такое *почитание* государства — самый болезненный для философии Гоббса. Государство признается как источник права и справедливости, высший судья во всех делах, включая вопросы веры, действующий, однако, всякий раз декларируемым, но оттого не более понятным причинам. Высшее, лучшее в человеке приходит при этом в соприкосновение и столкновение с мощью левиафана. Мир, который должен был быть собран в этой конструкции, раскалывается. Человек, ищущий причины, наталкивается на разум государства и, не постигая его решений, склоняется пред его мощью. Человек, ищущий справедливости, наталкивается в лице суверена на высшего судью и интерпретатора вечных законов. Он склоняется перед ним.

Гоббсовским вопросом социологи часто называют вопрос о том, как возможен социальный порядок, то есть возможен ли он вообще. Вывернув его наизнанку, мы получаем вопрос о том, может ли быть насилие вписано в порядок политического мироздания или, еще точнее: возможна ли практическая, непрерывно возобновляемая теодицея смертного бога, постоянно творящего насилие и мир в постоянно творимом, полном насилия социальном мире.

Это делает Гоббса необыкновенно актуальным мыслителем. Это объясняет, почему «Левиафан» издают и переиздают, почему многие годы выходит специальный журнал, посвященный исследованию философии Гоббса, почему новые книги и статьи во всем большем количестве появляются в разных странах каждый год. Гоббс предложил конструкцию государства столь же, на первый взгляд, простую, сколь и загадочную. В основании авторитарного, *полицейского* государства Гоббса лежит вполне современный принцип демократического равноправия. Источником государственной власти является, по сути, народ, а народ *возникает* из множества разрозненных индивидов лишь тогда, когда отдельные люди внятно, недвусмысленно, словами или другими знаками выражают готовность быть вместе. Эту свою совместность в лице суверенного властителя (причем таким властителем может быть не только король, но и парламент или даже демократическая ассамблея большинства, хотя об этом Гоббс пишет крайне глухо) они опознают как единство. Поскольку никакого общественного договора, кроме явного подтверждения лояльности, в реальности не бывает, государство держится как своей силой, внушающей всем страх, так и поддержкой граждан, которые видят именно в нем, в государстве, защитника и благодетеля. При этом в их частную жизнь оно не залезает и дает возможность, если только человек не покушается на мир и порядок, каждому гражданину действовать эгоистически, себе во благо. Это — в высшей степени либеральная конструкция, которая — в том-то и таится подвох — держится лишь постольку, поскольку гражданин считает, что у госу-

дарства действительно есть высший разум и высшее право. Мы повторяемся, мы ходим по кругу? Не совсем так. Ведь в государстве, которому он лоялен, народ, а значит, и каждый человек, опознает себя самого. В воле государства — свою собственную готовность передоверить ему, государству, все решения и всю защиту. Обосновывая лояльность, Гоббс напоминает об *авторизации*, которая, исторически, неизвестно, была ли, и которую, фактически, надо подтверждать лояльностью. Конструкция шатается. Лояльность — это авторизация, а необходимость лояльности обосновывается ссылкой на авторизацию. Спасти конструкцию может лишь ужас: страх войны и страх перед террором государства.

Современное государство, казалось бы, нашло выход из этого круга, причем нашло его очень давно. Что такое демократические выборы представительной власти, как не авторизация, совершающаяся достаточно регулярно, чтобы каждый гражданин мог и должен был сказать: это не захватчики, не посторонние силы управляют мною. То, что у меня теперь такие правители, — это была моя воля. Это я согласился считать своим решением все, что они совершают. Это я отказался от исследования главных вопросов справедливости и права...

Впрочем, нет. Мы-то знаем, что современная демократия устроена совершенно по-другому! Даже в перерывах между выборами граждане находят возможность критиковать правительство, воздействовать на его решения, апеллировать к принципам, которые важнее правительственных решений, наконец, досрочно, если уж совсем не вмоготу, смещать правителей и даже заменять целые системы правления. Хорошо, если при этом обходится без гражданской войны, без партизанщины (в том числе «городской герильи»), без террора. Если же нет, многим вспоминаются важные слова Гоббса, сказанные им в завершение своего труда: «Вся моя задача состояла в том, чтобы показать связь между защитой и повиновением». Государство всегда готово предложить защиту — в обмен на повиновение. В этом и состоит страшная тайна «Левиафана». □ □

© Текст: Александр Филитов

ВЛАСТЬ В СТИЛЕ POSTMODERN

РОЖДЕНИЕ ТРАГЕДИИ ИЗ ДУХА ИРОНИИ

На фоне драматических событий последнего времени разговоры о пост-модернизме в политике могут показаться несвоевременным эстетством. Но с таким же успехом можно игнорировать связь инквизиции со

Через некоторое время мы будем писать трактаты о рождении «гибридного тоталитаризма» из духа политического пост-модерна. Но лучше это делать сразу (если не получается заранее), тем более что из духа этой «музыки» (если перефразировать Ницше) рождается трагедия не как искусство, а как полоса в жизни.

Средневековьем, а тоталитаризма — с идеями высокого модерна... И по инерции продолжать силой загонять в «правильный» проект все, что подлежит исправлению, — людей, нравы, экономику, природу. Сплошь и рядом общество заходит в тупик именно потому, что увлекается оперативным, когда надо пересматривать основания, сам стиль мысли и действия. Эстетика только кажется поверхностной, на деле она коренится глубже и меняется труднее — если иметь в виду не просто внешнюю форму, но суть стиля.

Через некоторое время мы будем писать трактаты о рождении «гибридного тоталитаризма» из духа политического постмодерна. Но лучше это делать сразу (если не получается заранее), тем более что

из духа этой «музыки» (если перефразировать Ницше) рождается трагедия не как искусство, а как полоса в жизни.

Взгляд сквозь призму постмодерна задает другой масштаб исчисления во времени и позволяет связать политику с инвариантностью, неизменностью — в стиле самых разнообразных практик, с превращениями архитектуры и среды, со структурами повседневности, с самим духом периода, если не эпохи. В пугающих передрыгах современности происходит нечто настолько большое, что нормально видится оно только на соответствующем «расстоянии».

НЕОПОЗНАННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЧЕМ ЧРЕВАТ ПОСТМОДЕРНИЗМ В ПОЛИТИКЕ

Попытки увидеть постмодерн в новейших (в том числе российских) политических реалиях разбросаны в аналитике редким пунктиром. И даже там, где они не просто эффективны, но и по делу, относятся к ним чаще как к необязательной красоте. Вся прочая аналитика без этих изысков обходится и, казалось бы, ничего существенного не теряет.

Но это не от экстравагантности предмета, а, напротив, от его уже вьезшейся обыденности. Незаметно состоялась «журденизация» стиля: все давно в нем, но об этом не подозревают. Отъявленными постмодернистами сплошь и рядом оказываются люди, которые этого слова не терпят, не выговаривают или даже не слышали.

Однако политические обострения взламывают рутину: постмодернистская сущность проступает здесь настолько выпукло и вызывающе, что уже не получается это недооценивать, тем более не замечать. В частности, события, связанные с Украиной, в ней и вокруг нее происходящие, — тот самый случай, почти хрестоматия.

Многое зависит от уровня анализа. Новейшую политику нельзя понять вне логики постсовременности, как нельзя понять маккиавелизм без духа Нового времени или тоталитаризм вне идеологии высокого Модерна. Здесь важно отслеживать то, что с некоторых пор поменялось в фоновом режиме, глубоко, но почти незаметно, как и все, кажущееся и становящееся для обыденного сознания «очевидным». Неприятие избыточного и тотального порядка; усталость от мегапроектов при понимании убожества жизни в макете, реализованном в натуральную величину, независимо от качества «архитектуры»; торжество «фейка» и разрывы привычных связей между реальностью и языком описания и интерпретации; вездесущий иронизм, вскормленный все той же усталостью от злой и пугающей серьезности цивилизации, власти и массовых верований с горящими глазами и пеной у рта...

Однако сейчас и с нашими реалиями отслеживать эти фоновые революции непросто: в постмо-

дерне обычно видят эстетику и форму, оболочку, но не суть. Цели и результаты полагаются независимыми от стиля, что неверно: в импульсивной политике «как» сплошь и рядом определяет «что» и подсказывает «зачем». В нынешней реальности вопиющий эклектизм государственной символики, политических идей, знаковых жестов власти, информационного поля и т.п. — все это не просто лоскутная поверхность, а сама природа режима. Упаковка «делает» продукт. Оформление перерождает, как если бы одежда влияла на генетику. Традиционализм и самобытность в прикиде от Bogner и Brioni, сросток финансового либерализма с феодальными укладами контроля и собственности, превращение информации в сплошную постановку и обсасывание несуществующего — все это не просто «дикое месиво», а особый способ конструирования реальности и производства сознания. Здесь соседствуют несовместимость норм и избирательное правоприменение, «пористые» гарантии для бизнеса, гибридные идеологии и войны и клише «Спасибо деду...» на BMW. Здесь в риторику модернизации врастают красоты примитивных культур (каргокульт, потлач), но не по недоразумению, а как принцип композиции и «природа вещей».

Это уже вопрос не частных проявлений, а общих условий. В том, что сейчас происходит в стране и мире, видят новые траектории, прокладываемые в прежней реальности, что справедливо лишь отчасти: во многом это движения, которые впервые допускает сама новая реальность и которые еще вчера были немислимы. Разные вещи: открывать дверь в сопредельные территории ногой исключительно по невоспитанности или в приступе бездумного героизма — либо пытаться первым вставить сапог в щель, образовавшуюся в самом миропорядке. Отсюда разные стратегии ответа на вмешательство: либо просто ставить на место, осаживать и воспитывать — либо одновременно переосмысливать архитектуру и конструкцию мест совместного пользования для локальных сообществ и всего «мирового цивилизованного». Если щель останется, сапог всегда найдется.

В отношении к постсовременности обычно недооценивают социальный и исторический раз-

мер явления. Проще увидеть здесь всего лишь случайную и субъективную манеру, стиль мышления и действия конкретных фигурантов — политиков и их obsługi по части идеологии, планирования шагов и выстраивания отношений. В пределе можно вообще все свести к сурковской литературно-политтехнологической вкусовщине. В таких представлениях постмодернизм в большой политике персонафицирован, поименован и локализован в особых зонах (например, «в Кремле»), тогда как вокруг него все прочее якобы пребывает в «нормальной» стилистике и логике отношений. И возникает этот постмодернизм будто бы по случаю и только что, а значит, сам собой исчезнет, как только правильные люди сменят во власти неправильных.

Пониманию ситуации часто мешает путаница в словах. Так, носителями духа постмодерна часто являются люди, плохо переносящие постмодернизм, и это нормально. Широко употребляемое «постмодерн» — не просто экономное и чуть пижонское сглатывание надоевшего «изма» в неудобно длинном «постмодернизме». Это реалии разного масштаба. Если постмодерн — это «дух эпохи», то постмодернизм — концентрированный выразитель этого духа, его квинтэссенция и экспрессия, часто утрированная. Все в этом мире так или иначе живут «после Модерна», но не все это понимают, а тем более делают знаменем, кredo и главным в форме. Постмодерн — более или менее общее умонастроение, далеко не всегда отслеживаемое его носителями, тогда как постмодернизм — это авангард всего postmodern, хотя и сильно оторвавшийся от основных сил и движущийся своей дорогой, более формалистской и часто выхолощенной. Отсюда необычные эффекты, когда экстравагантные действия в политике вполне в духе околхудожественного акционизма или концептуализма, на грани общегосударственного хэппенинга, вдруг ложатся на душу массе, но вызывают отторжение у эстетически требовательной и рефлексивной части общества.

Эти эффекты в политике похожи на то, что происходит в практиках и структурах повседневности, например, в городской среде или в одежде. Постмодерн отличается от постмодернизма, как

классические, постепенно и естественно вытирающиеся джинсы от штанов заранее «вареных», искусственно линялых, украшенных изящными прорезами с гламурной бахромой. То же в архитектуре: есть постсовременный культ исторически сложившегося, а есть кудрявый и капризный постмодернизм, пытающийся эту сложность и противоречивость имитировать — проектировать спонтанное.

Постмодернистская политика точно так же пытается симулировать якобы неподконтрольное и самостоятельное — выборы, общественное мнение, массовые движения, коллективные инициативы и прочие «неорганизованные импульсы». В итоге и здесь мы получаем не исторически сложившееся, а навязанный проект, макет в натуре — *картонную политику*, аналогичную «бумажной архитектуре».

Здесь важно помнить, что постсовременный культ спонтанной («второй») архитектуры возник именно на пике и излете модерна, вплотную подошедшего к реализации идеала тотального проекта. Вековая мечта о среде, запроектированной и правильно организованной «от и до» — в обществе и в городе — обернулась тоталитаризмом политическим и градостроительным. Точно так же культ естественной, «исторически сложившейся» потрёпанности штанов породила усталость от большого стиля. У нас — начинавшегося с правильных брюк с отглаженными стрелками и манжетами, а дальше продолжавшегося через мраморные чернильницы, ЗиМы, высотки и подземные дворцы метро в тотальную идеологию ВДНХ, дисциплину и иерархию Партии и глобальный порядок соцлагеря, всего прогрессивного человечества. На Западе — как реакция на экспансию проекта, вытеснение спонтанной среды, массовую стандартизацию и пр. Но природа переоценки ценностей одна и та же.

В нынешней повальной моде на искусственно выделанное («вареное») в штанах и политике видно, как постмодерн, заряженный усталостью от всего слишком правильного и вечно нового, вырождается в постмодернизм, откровенно, «без обмана» имитирующий винтаж — красивую потрёпанность. Постмодернизм в политике срывается именно в эту декоративно-прикладную ими-

тацию естественного, отчего начинает воротить не меньше, чем от аккуратно помятой голубизны с надрымами и стразами. Гибридная война наемных повстанцев и партизанщины от генштаба оказывается лишь продолжением гибридной политики, но уже не мирными средствами — имитацией спонтанного подъема масс в рамках грандиозной срежиссированной акции, вежливого хамства в камуфляже без опознавательных знаков и документов.

Главная же беда в том, что этот постмодернизм используется в реализации сугубо модернистских, тотальных, если не тоталитарных мегапроектов и при этом рушит те конструкции глобального модерна, которые еще как-то держат этот миропорядок. Чудовищный сrostок политического постмодернизма с неизжитым модерном порождает проблемы, которые без демонтажа этой конструкции вообще не решаются. Складывается крайне конфликтная ситуация.

Человечество, утомленное кудрявостью постмодернизма не меньше, чем до этого навязчивым порядком модерна, уже интуитивно ищет выход из постмодерна — как из системы практик, так и из очередной «интеллигентской религии», явно задержавшейся на этом свете. Мы же на ходу осваиваем экстремальный постмодернизм, замешивая его на неизжитом и недопереваренном модерне, по-прежнему мечтающем навязать жизни сугубо субъективный, но при этом неизменно правильный план. Такие опыты добром не кончаются по определению и по факту.

ПОСТМОДЕРНИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ранее речь шла о скрытой проблеме: постмодерн во власти и в быту не опознается, так как с ним незаметно для себя свыклись, а потому в упор не видят разрушающего действия постмодернистских технологий. Это особенно опасно в сочетаниях постмодернизма с застарелым силовым модерном, а то и вовсе архаичным формами социума и империи, господства и экспансии. Взрывоопасность таких соединений («бинарная политика») вскрывается, в частности, анализом

политической речи и языка власти, которая проговаривается о себе даже не столько отдельными выступлениями, сколько самим характером и стилем вещания.

Немного из основ политической лингвистики: языки политики, как и прочие, характеризуются особенностями синтактики (связей между знаками), семантики (отношений между знаком и означаемым, языком и «реальностью») и прагматики (формами употребления языка в «жизни» и в речевых практиках). Проще говоря, это отношения между словами, между словами и вещами, а также способ превращения слов в вещи, и наоборот. Язык постмодернизма в этом плане узнаваем и во многом уникален: его синтаксис отличается воинствующей эклектикой с агрессивными нарушениями порядка и логики, семантика напрочь отрывает знак от реальности, а прагматика требует присутствия во всем этом особого рода иронии. Некоторые экзотические реалии российской политической жизни последнего времени видны даже в такой скороговорке, однако при ближайшем рассмотрении дело куда серьезнее. Дурной язык голове покоя не дает.

■ ■ ■

Простой наблюдатель легко справляется с налетом эклектизма в официальной символике и корпусе идеологем. Флаг и герб от империи органично сочетаются с гимном, советским по музыке и тексту, в котором остаточные образы Отечества, свободного и братского союза, дополнены дореволюционной Богохранимостью. Вообще говоря, сам прием адаптации одного и того же текста к изменяющимся то и дело условиям уже содержит в себе нечто постсовременное, особенно если учесть, что из памяти народной и из политической истории прошлые редакции бесследно не исчезают. Здесь все три варианта — сначала про Ленина, Сталина и Армию; затем про Партию и коммунизм; и наконец, про мудрость предков, леса, поля и Бога — сливаются в один текст, со всеми вытекающими для понимания этой неподражаемо свободной поэтической логики. Кстати, разные реакции на первый текст были еще в 1943 году, сразу после его появления (см.: «Спецсообщение Абакумова Сталину о ре-

акции военнослужащих на новый государственный гимн СССР», <http://warhistory.livejournal.com/1195008.html>). Жизнь на войне порождает особую героику и отчаянную свободу суждений.

Но далее оказывается, что как стиль композиции смыслов эклектика пронизывает всю новейшую идеологию. Яростное антизападничество сочетается с риторикой европейского выбора, традиционалистская архаика — с воспоминаниями о модернизации, «духовные скрепы» — с инновациями и «сменой вектора», эффективный менеджер — с им же расстрелянным духовенством, патриотизм — с тотальным импортом, апелляции к социальному низу — с диким эгоизмом и потребительской несдержанностью «элит». Волк, коза и капуста в одной лодке за один рейс.

Иногда это от безвкусицы и простой неспособности держать целое. Карьерное продвижение на идеологических фронтах, в особенности на Первом Украинском, — это отрицательный отбор с обвальная депрофессионализацией и неизбежными проколами. Один из радетелей режима, известный постоянным наигрышем, плохо срежиссированной экзальтацией и повышенным пенообразованием, как-то ненароком перечислил под запись виды нелегкого вооружения, доставленного в ДНР из России, но, опомнившись, тут же заявил, что все это «железо» доставлено сюда не государством, а «гражданским обществом». Помимо каши в голове, интересен состав ингредиентов: оказывается, традиционно слабое в России гражданское общество легко перемещает собственную тяжелую бронетехнику, средства залпового огня и зенитные установки через границу сопредельного государства.

Но интереснее, когда это не сбой, а особый прием. Вообще говоря, эклектика в идеологии и политике дело не новое: Наполеон примирял в себе революцию и аристократию, однако это не принято списывать на постмодернизм пожизненного консула — и не только из-за разницы во времени. Эклектика постмодерна в корне отлична от обычной, что хорошо известно в эстетике. Старая архитектурная эклектика, «сочетая несочетаемое», всегда сохраняла единство произведения; постмодернизм же подрывает целое, причем демонстративно. Если раньше наруше-

ние оттеняло порядок, дабы он не был пресным, то теперь привычные порядки ломают, демонстрируя ничем не ограниченную волю («волю к воле»), произвол, ставящий себя над всеми нормами и принципами. Здесь порядок нужен не сам по себе, а чтобы было что ломать. В пределе логику даже не нарушают, а просто ампутуют, удаляя само место, где она могла бы присутствовать и наблюдаться («Она утонула»). Яркий произвол в судах нужен не для принятия политически мотивированных решений (это можно делать куда аккуратнее), а как демонстрация силы, власти над правом и законом. Нельзя посадить всех, но можно показать, что посадить можно любого — и это важнее. Ранее подобная тактика сработала в политической нейтрализации бизнеса. То же с выборами: наглый фальсификат нужен не для победы, которая и так обеспечена прикормом электората, прореживанием политики и информационного пространства, а для демонстрации власти без берегов и полного контроля над процессом — себе и всем. В 2011-2012 годах важно было восстановить уверенность в возможности выйти из любой ситуации, показать контрагентам тщетность попыток влияния на политику снизу, не говоря о смене лидерства и курса. Власть порядка и логики как таковой больше нет — есть власть над порядком и логикой.

В этой модели даже такой проект, как «Новороссия», должен был содержать элементы мистерии. Присоединение большого региона не обеспечить засылкой вежливых человечков, его трудно закармливать и в случае чего «заливать деньгами»; из донецких шахтеров — если взбунтуются, а они могут — не сделаешь пятую колонну иностранных агентов. Социальный детонатор лучше поддерживать на чужой территории. Здесь расчет не на решение проблемы, а на ее хроническое воспроизводство. Тут нет окончательной желаемой композиции, зато есть постоянная декомпозиция, в которой диссонансы разной силы важнее гармонии.

Но и здесь постмодернизм вступает в конфликт с модерном, причем дважды. Он конфликтует с миропорядком, поэтапно устанавливавшимся после великих войн, подорванным, но настроенным себя отстаивать и имеющим для

этого ресурсы. И он входит в конфликт с собственным модерном, ориентированным на мобилизационный проект, торжество голой силы и на реконструкцию империи «классического» образца. Люди модерна в таких контекстах не понимают игры и иронии, а тем более высокохудожественного отрыва от реалий — все это воспринимается как непростительная слабость или предательство. Здесь хотят не «читки», а «полной гибели всерьез», на которую эта политика не рассчитана.

Постмодерн во внешней политике требует понимания и учета новых форматов и принципов геополитической сборки. Империи нового типа — финансовые, информационные, технологические, образовательные и пр. — формируются поверх простой геометрии национальных государств; здесь другие принципы фрагментации и дефрагментации. Более того, они во многом диффузны и срачиваются свободным взаимопроникновением «атомов» — как в полированных поверхностях металлов. В этом смысле они либеральны на макро- и микроуровнях, как и все в нормальном постмодерне. На этом фоне архаичными выглядят попытки имперской реконструкции большими кусками и с использованием не мягкой силы. Здесь не спасает даже подчеркнуто постмодернистское оформление, в котором порой почти невозможно предугадать, что всерьез, а что от художественной провокации.

Классическая форма постмодернистской сборки — коллаж. Поскольку политическое не сводится к макроинститутам, но пропитывает микроуровни отношений и повседневности, гигантским мозаичным и крайне пестрым коллажем оказывается вся постсоветская реальность. Особенно дробной и вызывающе эклектичной эта сборка становится после мгновенного разворота к традиционализму и духовности, от внешнего мира к идейной самоизоляции и пр. Возбуждающе-мобилизационные мотивы в языке верхушечного официоза ложатся на телевизионный фон, по-прежнему нагнетающий атмосферу умиротворяющей стабильности, в которой главные проблемы сведены к правильной еде, самолечению и выбору взрослых игрушек в океане рекламы. Но, как выяснилось, это не отменяет

ностальгии по героике и победам, особенно если подниматься с колен, не вставая с дивана.

Насколько такая эклектика устойчива, покажет ближайшее время.

ИРОНИЯ И СИМУЛЯКРЫ: КАК РАБОТАЕТ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Речь шла о скрытой революции и особенностях языка политического постмодернизма. Разупорядоченный синтаксис сочетается здесь с произволом в семантике и особого рода иронией, обязательной в прагматике стиля. Но это в классическом, образцовом исполнении. У нас же постмодернистские техники обслуживают недоделанный, но «высокий» модерн с его манерой всегда все знать, всех учить и навязывать доморощенные проекты правильного жизнеустройства, даже когда не просят, а то и силой. Пустые значения (не имеющие референции «в жизни») сплошь и рядом проходят здесь без какой-либо игры, как «святая правда». Ирония при этом оказывается одноканальной: политики и политтехнологи откровенно «оттягиваются», тогда как массовка воспринимает все с пугающей серьезностью. Руководитель одного предвыборного штаба как-то хвастал мне сочинением партийного гимна с Газмановым: «Все лохи рыдали!».

Постмодерн радикально высвобождает форму, отрывая план выражения от плана содержания. Это хорошо видно в архитектуре, в которой «эмансипированная», авторски капризная, случайная по пластике оболочка теряет остатки связи с тектоникой и функцией, как и слова, оторванные от обозначаемых реалий.

Модный, хотя и затасканный термин «симулякр» — это не просто искажение или симуляция реальности, которой нет, но гиперреальность, в которой вопрос о действительности снят или неразрешим. Жан Бодрийяр называл симулякром войну в Персидском заливе, поскольку зрители той картинке в телевизоре не распознавали, что здесь жизнь, а что — «пляска взволнованных репортажей». Побоище на востоке Украины ни-

как не выдумка и не постановка, однако и здесь образ рассыпается. Искусственная экзальтация и нервический, неизменно вздрюченный тон дикторов, комментирующих нескончаемые кадры пальбы и разрухи — все это явный наигрыш на фоне «детских садиков» с дарами километровых конвоев, не говоря о внутренних проблемах страны: например, о прямых потерях в живой силе в ходе реформы здравоохранения.

Разрывы референции не то же, что простой обман, когда говорят «то, чего нет». Постмодернизм — это всегда в той или иной мере игра; в коммуникации здесь играют обе стороны, и говорящие, и слушающие, причем пропорция игры и не-игры различается в жанрах и отдельных артефактах, в политическом времени и социальном пространстве.

Более того, отрыв от означаемого здесь по-разному работает в оппозиции значения и смысла, известной из популярного примера: стакан наполовину пуст или наполовину полон? С точки зрения значения (денотата) «физической» разницы здесь нет, но по смыслу эти выражения противоположны для оптимиста и пессимиста, выпивохи и малопьющего или просто с разных позиций в процессе наливания-выпивания.

В политической жизни те же развилки, а в нашей гибридной политике — тем более. Здесь отрыв от значения усугубляется манипуляцией смыслом, когда одновременно и говорят то, чего нет, и перевирают суть того, что говорят другие, не брезгуя хрестоматийным знанием. Классика такой гибридности: «зеленые человечки» с обрезанной референцией (будто срисованные с гельмановских «красных человечков» в Перми), вежливые воины без шевронов, документов, домашних адресов, имен и вообще какой-либо «онтологии», смысл присутствия которых — стоять за спинами женщин и детей...

Еще раз: речь не просто о контроле над информацией. Постмодернизм начинается там, где разрывы референции, с одной стороны, не особенно и скрываются, а с другой — пусть не всегда осознанно, но допускаются как прием, а то и становятся нормой. Формула «единожды солгав...» здесь не работает. Если источник «попался», это мало что меняет для информационной полити-

ки и в позиции публики. Это особого рода вера, не предполагающая доверия. Доказательства враг здесь мало что значат для обрабатываемого сознания, поскольку в нем самом уже заранее отключены референтные связи. Для многих даже понимание того, что на той площади не мучили детей и не таскали за танком еще живую женщину, не меняет диспозиции между «нашим» и «не нашим» в информационном поле. То же с бесчинствами героев Майдана, с якобы повальным антирусским национализмом и пр. Часто и опознающие пропаганду принимают игру: на войне как на войне, а мы — по эту линию фронта. Те же, кто не принимает разрывов в обозначении, логике и пр., просто исключаются из референтных групп, реакцию которых стоит хоть как-то учитывать, и выдавливаются «за границу» внутри страны (иностранцы агенты, пятая колонна и пр.). Рваным оказывается само социальное поле, бомбардируемое ковровой пропагандой.

Манипуляции смыслами и их фантастические превращения создают еще одну линию фронта с реальностью — разрывы референции «второго порядка».

Суть приема — коллаж цитат из руинированных текстов, исходный смысл которых если и остается, то задвигается на дальний план, а в сборке нового текста используется только выхолощенная чужая форма, нагло раскавыченная. Читимых, но не читаемых Бердяева, Ильина и пр. цитируют на выбор, плевав на правила обращения к авторитетам. Совокупность оценок и толкований украинских событий являет собой, помимо дикой эклектики, собрание форм, изначальные, собственные смыслы которых в этой логике ничего не значат. «Новороссия», «русский мир», «фашизм», «бандеровщина», «оранжевая революция», «повстанцы» и «добровольцы», «референдумы» и т.д. и т.п. — все это словесные облочки, наполняемые в актуальных контекстах произвольными и очень своевременными смыслами. А то и фиктивными референциями: распятыми младенцами, трупами в самолетах и перодеетыми неграми. Иронично само использование в пропаганде цельнотянутых сюжетов из вражьих сериалов («Игра престолов», «Шерлок»).

Эти превращения легки и мгновенны. Собственное российское эмбарго на ввоз пищевых продуктов быстро стало для нашего народонаселения одновременно и одной из самых антигуманных санкций Запада в отношении жителей России, и национальным подвигом жертвенного отречения нации от хамона с пармезаном. Спичрайтеры без лишних усилий отзеркалили Западу набор самых резких претензий, предъявляемых к нам извне, но рикошет сработал дважды: в итоге Россия предстала в образе тех же Штатов, борющихся за мировую справедливость всеми подручными методами и даже еще отвязаннее.

В этом иезуитском приеме скрыта разом веселая и злая ирония: между собой его изобретатели должны были петь и смеяться, как дети. Но этот юмор не всегда понимают в мире, равно как и наши брутальные анекдоты. И здесь увидели не изящество контрудара, а дефицит креативности. Собственное население и вовсе не поняло изыска, узрев в тексте оригинальное откровение. Да и в самом авторстве часто не разделить упоение ненаказуемой демагогией и собственной правотой. В этом «смехе сквозь невидимые миру слезы» источник и реципиент разделены: смех по одну сторону телевизора, слезы — по другую, но ослепляя других, быстро слепнут сами.

Внизу и вовсе исчезает грань между неразлично тонкой иронией и простым идиотизмом. Герои ролика в Донецке рассказывают про обстрелы кварталов и тут же палят из окна жилого дома, а отстрелявшись, бегут менять позицию, «пока не прилетела ответка». Сами бойцы в угаре могут не видеть прокола, но снимающие мизансцену явно делают это не без мрачной иронии. То же со съемкой взрослого недоросля, приехавшего на фронт пострелять. Трудно представить себе, скажем, Петра Алейникова, играющего пулеметчика где-то на Первом Украинском — там было совсем другое отношение к серьезности происходящего, к жизни и смерти.

Иногда грань между юмором и диагнозом и вовсе неразличима, как в дугинских мечтах об атлантистских, левиафановских гетто для роллеров, рэперов, скейтбордистов и особо для «белозубых серфингистов». Если это и стиль,

то вырожденный, подобный лужковскому архитектурному постмодерну, в котором эклектика, сбивки масштаба и карикатуры на классические детали ордера часто присутствуют без какой-либо иронии — всерьез и «для красоты».

В пределе движение к абсолютизму порождает особый вид монополизированной иронии («Она утонула»). В разгар трагедии право шутить дано одному человеку в стране и мире — все остальные эти игры юмора поддерживать не могут и не вправе показывать хотя бы тень понимания этой утонченной интонации.

Конфликт постмодернистской формы с допостсовременными отношениями и иерархиями — сочетание эффективное, но нежизнеспособное. И он уже становится эпическим: история может не оценить нашей игривости.

ИСЧАДИЕ РАЯ: К ЧЕМУ ВЕДУТ МЕГАПРОЕКТЫ В СТИЛЕ ПОСТМОДЕРН

Мы уже писали об опасных эффектах вырождения политического постмодернизма. Худшее здесь — использование экстремальных постмодернистских техник в проектах неизжитого модерна с его фанатичной серьезностью, манерой всех учить и строить при абсолютно некритичном отношении к себе. Старая идея — силой загнать всех в рай, а не понимающих своего счастья истребить морально или физически. Но если раньше это были проекты светлого будущего, рационально обоснованного и внятно описанного, связанного с просвещением и даже эмансипацией личности, то теперь это проект неизвестно чего, обращенный в цинично переписываемое прошлое, агрессивный и темный, построенный на ненависти к вездесущему врагу при подозрительном отсутствии друзей.

Есть много разных объяснений связки «модерн — постмодерн». Более того, в истории культуры есть много разных модернов, отличающихся и по содержанию, и по месту в историческом времени. Соответственно, у нас будет столько разных пониманий постмодерна, сколько реакций на разные модерны мы обнаружим. По сути,

этим определяется исторический размер, а значит и вес «события постмодерна». Одно дело высокий модерн первой половины прошлого века, другое дело развивающийся модерн века позапрошлого, и совсем другой масштаб — модерн, идущий от Нового времени и вмещающий в себя все «время современности». В этом большом размере постмодерна центральное место занимает тема тотального проекта.

Новое время начинается с проектов идеальных городов, шире — с планов правильного устройства мира и общества. Эстетика центрированной симметрии и жесткого порядка — в этом архитектурные фантазии опережали политическую философию и даже метафизику. Но в них же с самого начала проступала и фатальная проблема: идеальные города своей геометрией, графикой, а значит, и сутью мало чем отличались от проектов идеальной тюрьмы («Паноптикон» — идеальное узилище Иеремии Бентама, центричен, как Пальма Нуова, и прозрачен, как «Город Солнца», — образные эквиваленты антропоцентрического гуманизма того времени).

■ ■ ■

Мина замедленного действия сработала в прошлом веке, когда тотальные проекты оказались возможны в реальности. В градостроительстве это быстро привело к пониманию невозможности жизни в макетах, реализованных в натуральную величину. Но проблема оказалась универсальной: избыток вмешательства в естественное одинаково чреват издержками, если не катастрофами в политике, экономике, технике и «природопользовании», будь то среда или организм. В этом смысле социальная инженерия мало чем отличается от генной, а экология — от проблем огосударствления и тотального планирования в экономике, не говоря уже о политическом тоталитаризме. Сюда же относится всякого рода экспансионизм, когда люди одинаково воспринимают в качестве пространства потенциальной аннексии и естественные, спонтанные, не подчиняющиеся им процессы, и соседние государства.

Всякий проектировщик — агрессор, всё зависит от меры. Постмодерн это понял и решительно переориентировался на эстетизацию «второй

архитектуры» — спонтанно формирующейся, исторически складывающейся среды, этого искусственного аналога живой природы.

Мы же сейчас оказались в абсурдной ситуации, в которой общество, измученное планом, порядком и всякого рода построениями, с одной стороны, пошло вразнос, а с другой — затосковало по жесткой руке, чьей-то ведущей роли, подчинению цели и героике победы над... неважно чем. Страну опять вгоняют в режим воплощения тотального плана, но на этот раз в отсутствие самого проекта. Генплана еще нет и, судя по всему, не будет, но уже есть претензия на жесткий авторский надзор за процессом — на подавление и вытеснение всего неконтролируемого. Модель «страна на марше» воспроизводится в редуцированном виде: нет не только маршрута, но и даже самой карты, однако маршевые колонны уже построены. А в таком построении можно маршировать только на войну. Когда люди не знают, что делать с собой, они всегда особенно легко возбуждаются тем, что бы такое им сделать с другими и с остальным миром. Пустота в голове подогревает вооруженное рукоустройство.

Чутко уловив усталость от лишнего порядка, постмодерн эстетизировал всё естественное и спонтанное, а постмодернизм кинулся эту утраченную спонтанность симулировать. Состоялась кардинальная переоценка ценностей: на место благородной простоты и ясности пришли сложность, искусственные противоречия, авторски случайное и формально капризное. Победил пресловутый «художественный беспорядок» в крайнем и сугубо формальном его выражении, близком к анонии. Эклектика приобрела статус «как бы исторически сложившегося»; знаком времени стала «искусственная естественность».

Но то же самое оказалось сутью и стилем политики. И здесь жёсткий, ни с кем и ни с чем не считающийся авторский проект пытается скрыть свою диктатуру, симулируя участие многих и самой жизни. Отсюда имитация процедур свободы и гарантий приватности. Выборы с заранее предрешенным исходом проходят как пышные театральные постановки. Превентивные репрессии, захваты собственности и т.п. осуществляются в режиме «администрирования

посредством права», со всеми видимыми атрибутами расследования, тяжбы сторон и независимого суда. Серые, безграмотные, реакционные проекты власти с неизменным успехом проходят фиктивные общественные обсуждения и экспертизу карманных советов. Типичная диктатура в бантах и рюшах, как в худших вещах нехудожественного постмодернизма.

Но есть тут и принципиальное отличие от обычной стыдливой диктатуры, прячущейся за фикцией народовластия. Политический постмодернизм не выдает декор за несущие конструкции; наоборот, он всячески подчеркивает декоративность процедур демократии, права и т.п. и буквально тычет в глаза: это лепнина, не более.

На уровне градостроительства обнаруживается ещё одна аналогия с политикой и всякого рода регулированием. В полноценной среде старого города, контрастно сочетающей архитектуру произведения и плана с естественно формирующейся, спонтанной средой, есть своя логика. Пространства социальной интеграции и власти (центр) строго упорядочены и правильны, подчинены профессиональным кодексам и нормам; здесь царит геометрия прямого, симметрии, ритма. Приватные пространства, в которых люди живут своей жизнью, напротив, неправильны, неестественны, хаотичны и непредсказуемы. Спонтанная архитектура — это «гражданское общество» города. Живая неупорядоченность архитектурного «мяса», нарастающего на хребте градостроительных ансамблей, планировочных осей, диаметров и пр., воплощает независимость частной жизни. И наоборот: строгий порядок пространств власти ограничивает и саму власть, начиная с ритуала и заканчивая пределами вмешательства.

В постмодернизме всё навыворот: пространства «общественного центра» (где есть деньги и заказ) неприлично своевольны и кудрявы, тогда как приватные территории жизни (на профессиональном сленге «селитьба») зарегулированы в духе чуть облагороженного лагеря. Это точный аналог постмодернистской политики, в которой власть сбрасывает последние ограничения и начинает откровенно чудить, тогда как людей загоняют в зону бесконечных барьеров и запре-

тов. Это связано как с политикой в узком смысле слова, так и с жизнью культуры, науки, образования и т.п., вплоть до условий технического творчества, производства и ведения бизнеса. В этом смысле устройство политической иерархии совершенно изоморфно, например, управлению финансами или техническому регулированию: хаос произвола наверху и удушающая регулятивность внизу. Власть деградирует от правильного, добротного абсолютизма с его классицистическим ритуалом к псевдодемократической деспотии, в которой наверху не остается намек на элементарный порядок, на благородство, воспитание и культуру, внутреннюю и внешнюю дисциплину.

Однако наиболее опасен возврат в модерн в режиме антипроекта. Всякий нормальный проект содержит идею благоустройства, ориентированную в более или менее светлое будущее. Ещё три года назад нечто подобное в России было, как ни относиться к завываниям о модернизации. В новой идеологии будущего у России нет. Есть торопливое припадение к срочно сочиняемым сакральным истокам, имеющим свойство барражировать туда, куда упадет взгляд начальства. И есть сугубо оборонная сверхзадача сохранения статус-кво в условиях вроде бы надвигающегося с Запада нового порабощения. Мобилизация объявлена; вопрос: от кого и во имя чего? Перестав строить будущее, мы решили воевать за прошлое?

В СССР был проект нового, лучшего общества — и именно он объяснял смысл планетарного противостояния со старым миром. Теперь такого проекта нет — и нет объяснения, почему Россия вновь оказалась во вражеском кольце, на этот раз еще и вовсе без идейных союзников. Однако дух героического одиночества ощущает свою слабость, архаичность и некоторую неубедительность, а потому постоянно снижает свой пафос оговорками о неизменном желании со всеми дружить и взаимовыгодно сотрудничать, уважать суверенитеты и территориальные целостности... Эkleктика побеждает; при этом все, и власть, и народ, скорее делают вид, что всерьез верят в новую мифологию. Народ обманывают, но он это знает и «сам обманываться рад».

Если постмодерн стал ответом на избыточную навязчивость проектов модерна, то сейчас мы, освоив постмодернистские технологии, скачиваемся с ними в эпоху до модерна, теряя идеи гуманизма, просвещения и права. На горизонте средневековье, но с неискренним, неуверенным, постоянно озирающимся фанатизмом. На месте истовой веры здесь поверхностные фантазии, настолько эклектичные, что выходит перманентная ересь непримиримых внутренних противоречий.

ПОРЯДОК В ХАОСЕ: КАК ВОЗМОЖЕН ВЫХОД ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОСТМОДЕРНА

Проблема выхода из затяжного постмодерна, а тем более из воинствующего постмодернизма воспринимается как насущная — в зависимости от понимания масштабов бедствия.

Постмодернизм в политике (тем более пародия на него) может просто не нравиться. Может раздражать эта вымученная эстетика оформления власти, стиль идеологии и пропаганды, правления и общения с подданными, отношения к факту и делу. Могут злить извращения логики в речи и действиях, вопиющие разрывы с реальностью — сама «онтология фейка». Игривость в серьезных делах, вплоть до вопросов выживания, может просто пугать (знаковое слово здесь «заигрались» — до опасной черты). Многим еще претит засилье виртуального и вертлявого, не подлинного и ненастоящего — театрального, постановочного, искусственного и декоративного. Не говоря о качестве.

Но можно погружаться в эти игры, симуляции и фейки радостно и самозабвенно, считая их свойством времени и сутью «правильного» постмодернизма — или же, наоборот, ничего не зная о постмодерне, но по природе имея склонность к аномии, симуляции и уклонению от реальности. Более того, этот дух можно внедрять и возвращать, подчиняя ему социальные группы и массу — толпы развращенного и взбудораженного электората. И тогда проблемой политики становится не только и даже не сам постмодернизм, но его всенародная, как сейчас принято выражаться,

имплементация. (Напомню, что латентных постмодернистов в мире примерно столько, сколько тех, кто со вкусом носит вареные джинсы.)

Подлинной же катастрофой постмодернизм становится, когда из локальной и символической реакции на высокий модерн он сам возводится в новый мегапроект и большой стиль с претензией на тотальность, но уже без благоприобретений Нового времени, таких как культ человека, свободы, разума, права, позитивного знания и рациона. И тогда постмодернистские игрища в «большой» и глобальной политике вдруг начинают всерьез разворачивать мир к Средневековью, но уже в перспективе Третьей мировой — с применением ядерного оружия, как минимум тактического.

Далее встает проблема истоков этой коллизии и суммы усилий, необходимых для её разрешения. Проще всего свести вопрос к личным качествам отдельных людей, к их вкусам и «моторали». Но ответ здесь слишком прост: либо терпите, пока «сами собой» придут другие, либо... (далее — соскальзывание к «экстремизму» и «измене Родине»). Но можно увидеть здесь и нечто большее — стиль со своей логикой появления и закономерностью формы, с основаниями и генеалогией, не сводимыми к чьей бы то ни было личной безвкусице и неготовности решать проблемы, а не прятаться от них за бутафорией якобы небывало успешного правления.

Само это презрение норм и торжество симуляции — откуда? От случайного сгущения во власти в одном времени и месте фигурантов именно такого типа — или же от более общих и обусловленных превращений в политике, в самой цивилизации? Но тогда это беда периода, если не эпохи: на наши плечи бросается «век-симулякр», когда «век-волкодав» еще и не думал уходить.

В зависимости от таких ответов разной будет и цена вопроса. Либо страна «просто» теряет время (хотя и это в нашем положении катастрофа) — либо она и далее углубляется в тупик, из которого уже ни попятиться, ни выйти вперед без непредсказуемых потерь.

Но если всё так серьезно, нужны не только локальные решения, но и другая общая форма, новая «архитектура» политики в самых разных её проявлениях: в управлении социумом, эко-

номикой, культурой, знанием и технологиями, в межстрановых отношениях и глобальном мироустройстве. Хотя слово «новое» здесь условно: скорее речь пойдет о возврате к былому, но уже с пониманием издержек модерна и объяснимости постсовременной реакции на него.

Если вернуться к архитектурной метафоре, политику можно уподобить городской среде с её сложными соотношениями порядка и хаотичности, социализации и приватного, генерального плана, местного проектирования и спонтанной среды. Высокий модерн все загнал в тотальный проект, а постмодернизм в ответ на это, напротив, попытался, отбросив рамки, запроектировать нечто, похожее на «исторически сложившееся» — и породил усредненную имитацию. Но можно ли вернуть среде, политике и самой жизни нормальный баланс регулятивности и свободы, выразительный контраст искусственного порядка и неупорядоченного естества? Сделать это тем более необходимо, что постмодернистский ответ на дух модерна все очевиднее заводит в тупик, а обратное движение (неоклассицизм, *afterpostmodernism* и пр.) уже набирает силу. Вместо унылой взвеси между порядком и беспорядком опять хочется одновременно и правильного, регулярного — и естественно-хаотичного, но уже без имитаций, а в буквальном, «физическом» восстановлении спонтанности.

И городской среде, и политике на всех её уровнях — от микрофизики власти до глобальной «архитектуры» — сейчас явно не хватает жесткости несущего каркаса, хребта, генплана в статусе закона. То, что в городах выродилась планировка, отражает дух времени с его иронично-циничным скепсисом в отношении всякого рода «порядка» и «плана». И есть своя закономерность в том, что институциональные устои и мировые «архитектуры» именно сейчас начинают давать трещины, испытываться на прочность, а то и рушиться. Навязчивостью искусственного порядка модерн дал сильнейший повод для критики, иронии, скепсиса, низвержения норм и авторитетов. Хотя культуру модерна развивали просветители и гуманисты, тотальный проект породил в том числе и тоталитаризм — в разных его исполнениях.

Как показывают события последнего времени, постмодернизм в политике с еще большей легкостью перехватывается людьми уже не просто иронично-скептическими, а начисто лишенными устоев, принципов и правил — а то и просто ограничителей. Хулиганство в политике и геостратегический бандитизм уже не кажутся случайными порождением чьей бы то ни было сугубо индивидуальной отороженности — они вызревают «в среде» и прилетают «на гребне волны». Это не оправдывает беспредела и не приглашает с ним смириться; но, наоборот, заставляет не уповать на «персональные дела» политиков, а думать о возможности влиять на самый «дух» этого времени, явно срывающегося в безвременье.

Во всем сейчас виден дефицит одновременно и жесткости общих каркасов, но и гибкости на микроуровнях — адаптивности и способности эффективно принимать идущее от «спонтанна», как это умело «исторически сложившееся» и породившая его микроурбанистика.

Самое парадоксальное в том, что новое качество спонтанной среды уже вызревает, но в самых, казалось бы, мало подходящих для этого условиях. Внешне эстетика новостроя остается все такой же сухой, жесткой и однозначно запрограммированной, однако, если «вскрыть» этажи новых не бедных домов, мы увидим там натуральное возрождение микроурбанистического «спонтанна» — дикую перепланировку со сносом всего, что можно и чего нельзя, но без выхода на фасад. Эта модель в точности воспроизводит конструкцию постмодернистской политики с мягким и, скорее, формальным сохранением остаточного модерна. В урбанистике и политике государство одинаково говорит: в ваших частных пространствах вы можете делать всё, что угодно, но при двух условиях: а) в этом средообразовании вы должны быть разделены заданными извне перегородками и не можете координироваться с выходом на общие стратегии; б) вся эта живая спонтанность должна быть скрыта и не может стать частью лица города, эстетикой нового «исторически сложившегося». Вы можете смело ломать межкомнатные перегородки и героически поносить власть, но отдельно друг от дру-

га и так, чтобы ничего этого не было на фасаде города и политики.

■ ■ ■

Однако в этой новой спонтанности уже зревают практики, способные выплеснуться на фасад, совершив в архитектуре и политике революцию, обратную модерну, но и в обход постмодернизма. Для этого потребуются осмысление и перестройка очень многого: в понимании эстетики среды и ценности овеществленного индивидуализма, в технике строительства и в условиях социализации, в новом правовом обеспечении урбанистической и политической свободы. Но зато это высвобождение от навязчивого тотального проекта с возвратом к естественной спонтанности создаст фоновые условия и для другой, симметричной инверсии стиля — для возрождения регулярности и жесткости рамочных композиций на высших уровнях, для реабилитации проекта там, где он опять необходим, но еще размыт постмодернистской эклектикой.

Такая модель в качестве укрупненной схемы уже сейчас все отчетливее претендует на универсальность. Характерный пример — устройство системы технического регулирования — обязательного нормирования (регламенты и стандарты), допуска на рынок (сертификация, лицензирование и т.п.), государственного контроля и надзора. Сейчас это дикий постмодернизм с издержками неизжитого модерна и тотальной регулятивности. Принципы размыты, системы и общих правил нет, зато есть тьмы регулятивных актов, которые

мало кто исполняет, но требования которых контролируются (большой частью в целях взимания административной ренты, давно превратившейся в неприкрытый государственный рэкет). Выход из этого взяткоемкого постмодернизма, блокирующего инновации и производство, давно найден и реализуется в мире: минимум предельно жестких норм в принципиальных вопросах и максимальное освобождение от мелочного регулирования внизу. Это называется «хватит водить слона на веревочке».

У нас такая схема не проходит по той же причине, по которой она отторгается в политике. Власти не нужен «генеральный план» политического верха с жесткой ее регламентацией, но зато повседневная и приватная жизнь граждан обкладывается множеством мелочных, часто абсурдных ограничений. Альтернатива: неукоснительное выполнение конституционного права и ограничителей власти с одновременным снятием множества избыточных рамок для спонтанной самодеятельности граждан в политике, бизнесе и архитектуре. Неоклассицизм и «спонтан».

Та же схема намечается и в глобальных отношениях: восстановление несущих конструкций мирового порядка при снятии лишних ограничений внизу, вынуждающих все нестандартное вновь и вновь испытывать этот порядок на прочность, пробивая в нем бреши. В частности, украинский кризис мало купировать как инцидент — в повестке системные меры по недопущению таких инцидентов впредь. А это уже совсем другой уровень принятия решений. □ □

© Текст: Александр Рубцов

Егор ГАЙДАР

*Главы из работы
“Сразу после
социализма
(Россия и реформы)”*

От редакции

Е.Т. Гайдар, 60-летие которого выпало нам отмечать без него, был одним из учредителей журнала «Вестник Европы». Он опубликовал в ВЕ 16 статей и глав из своих будущих книг. Я был одним из тех коллег и друзей Е.Т. Гайдара, которым он часто присылал для обсуждения главы своих будущих работ. Недавно в редакционном архиве PDF мы обнаружили работу Е.Т. Гайдара «Сразу после социализма» с его правкой.

Знакомство с рукописью показывает, что она, с сокращениями и изменениями, впоследствии частично вошла в книгу «Дни поражений и побед», впервые опубликованную издательством «Вагриус» в 1996 году.

Однако внимательное параллельное чтение показывает настолько значительные расхождения различных версий, что по, нашему мнению, найденная рукопись 1994 года заслуживает отдельной публикации и представляет самостоятельный интерес. Публикуем две главы этой интересной рукописи.

В. Ярошенко

Фото: <http://blogs.voanews.com/russian/donald-jensen-washington-diary/2013/...>

чередa программ

...К середине 1989 года союзные органы управления все больше теряют свободу маневра. Области экономически необходимого и политически возможного драматически разошлись, перестали хоть в какой-то степени соответствовать друг другу. Скромное по масштабам, достигнутое предельно дорогой ценой в первые два года перестройки увеличение промышленного производства с начала 1989 года сменяется падением выпуска важнейших видов продукции.

Теперь команды промышленных министерств уже совершенно не выполняются. Заводы и фабрики отгружают продукцию не туда, куда она «занаряжена», а лишь потребителям, которые способны что-то предложить взамен. Местные власти пытаются заставить предприятия общесоюзного и республиканского подчинения работать на нужды района, города, области. Предприятия стремятся как можно скорее избавиться от денег, вложить их в любые виды материальных ресурсов. Впрочем, это относится только к рублю. Сфера операций с расчетами в валюте расширяется. Начался процесс долларизации.

В том же 1989 году при неплохом урожае заметно сократились государственные закупки зерна. Регионы срывают поставки продовольствия в общесоюзные фонды. Границы между регионами перекрываются — вывоз продовольствия запрещен.

И все это — судорожная, но естественная реакция на развал Системы, не компенсированный формированием полноценного рынка.

Радикальное лекарство известно — решительный запуск рыночных механизмов. Необходимое исходное условие для этого — либерализация цен. Суть сего нехитрого экономического понятия заключается в том, что товары должны стоить столько, сколько они действительно стоят. В конечном счете реальная цена определяется добровольным соглашением продавца и покупателя.

В жестком механизме Системы, когда руководство свободно могло изъять прибыль у тех, кто ее получил, и передать тем, кому она и не снилась, когда можно было за один товар назначать цены, в десятки раз превышающие его себестоимость, зато другой товар отдавать практически за бесценок, — такое правило не являлось обязательным условием бесперебойной

работы хозяйственного механизма. Но тогда Система должна быть целостной; со всеми ее экономическими, идеологическими и могучими властными атрибутами. Вернуться к такому положению в Советском Союзе в конце 1989 года было невозможно.

«Программу оздоровления», с которой правительство вошло в 1990 год, критиковали буквально со всех сторон. И все же нужно признать, что ее основное направление шло в русле элементарной экономической логики: сократить дефицит бюджета, взять под контроль, введя специальный налог, рост оплаты труда и, пока рыночные механизмы не запущены, восстановить, хотя бы частично, дисциплину в народном хозяйстве.

Беда [этого] документа была в неуверенности, робости, половинчатости мер, сквозивших буквально в каждой строке. Самым явным поражением стабилизационной политики стала неудача попытки затормозить рост номинальных доходов населения. Дело в том, что «справедливых» и «стимулирующих» форм замораживания заработной платы, к которым хотели прибегнуть у нас, просто-напросто не существует. Если уж обращаться к подобной жесткой мере, то нужно быть готовым к неизбежным социальным конфликтам и, учитывая настроение людей, постараться, чтобы удар, хотя бы с эмоциональной точки зрения, был по возможности менее болезненным. Следовательно, такая мера должна распространяться абсолютно на всех. Исключения недопустимы. Осуществлять ее необходимо последовательно, без колебаний. Уступка какой-либо отрасли, профессии будет воспринята всеми другими как несправедливость, как признак слабости власти и поселит в душах людей оправданные сомнения, что жертвы, приносимые ими ныне, дадут в будущем позитивный результат.

У нас же поступили иначе. Вал выбитых из правительства в конце 1989 — начале 1990 года исключений лишил налог какого-либо смысла. Если его действие оказалось распространенным всего лишь на одну пятую часть работающего населения, то не стоило и огород городить. Уже в конце первого квартала 1990 года стало ясно: прирост денежных доходов граждан по меньшей мере вдвое превысит предполагавшийся. Значит, развал потребительского рынка будет нарастать, «план стабилизации» провален, и за те полтора года, на которые председатель правительства Н.И. Рыжков просил у Съезда народ-

ных депутатов СССР «кредит доверия», узел противоречий затянется еще туже. Нужно было придумывать что-то новое.

С Григорием Алексеевичем Явлинским мы познакомились в сентябре 1988 года в подмосковном санатории «Сосны», куда нас пригласили, чтобы написать доклад правительству о долгосрочных перспективах развития советской экономики. Работали вместе месяца полтора. Явлинский постоянно, я — наездами. В этом докладе он писал социальный раздел, я — общеэкономический и финансовый. В группу входили Яков Уринсон (потом 1-й зам. министра экономики), Владимир Машиц (в 91–93 гг. — председатель Комитета по экономическому сотрудничеству со странами СНГ), еще несколько специалистов. Руководил работой помощник Н.И. Рыжкова — Владимир Лукьянович Саваков. Он регулярно отправлялся к своему шефу докладывать о ходе работы, возил тексты.

Коллективными усилиями, через Савакова, мы пытались обучить Рыжкова хотя бы основам макроэкономики, но, к сожалению, премьер оказался труднообучаемым. Однажды очередной вариант какого-то раздела понравился Савакову. Воодушевленный, он помчался в Москву. Вернулся же после разговора с Рыжковым в совсем ином расположении духа. «Какие финансы? И зачем вы приплели к этому вопросу финансы?»

Начальство требовало пассажей по поводу грядущего роста народного благосостояния, которое неизбежно наступит благодаря реализации политики партии и правительства. Получая указания написать, какой поток благ обрушится на советского человека к 2000 году вообще и сколько яиц в месяц выпадет на каждого в частности, Григорий Явлинский сердился, чертыхался, но соответствующие тексты как человек подневольный (он тогда работал «под Рыжковым» в Министерстве труда начальником Управления социального развития) все же сочинял.

В апреле 1990 года Явлинский познакомил меня с куда более дельным и важным документом — уже весьма детально проработанными заготовками своей программы «500 дней». По своей сути эта экономическая программа в период, который переживала наша страна, больше всего напоминает план сражения. Определены цели, намечены рубежи, подсчита-

ны силы и средства. Но впереди бой, пересеченная, а не гладкая, как карта, местность, и как оно все сложится в реальной битве, в какой момент придется отступить, когда, подтянув резервы, рвануться в решительную атаку, — этого никто заранее предсказать не мог.

В своей основе программа «500 дней» — набор разумных экономико-политических предложений, правда, с заранее и — по моему мнению — сознательно заложенными в нее нереальными сроками их реализации. Предлагалось, резко сократив государственные расходы (централизованные капиталовложения, расходы ВПК и КГБ, на помощь зарубежным странам, на содержание органов власти и управления, на закупки оборудования для бюджетных отраслей и дотации убыточным предприятиям), в течение полугода ликвидировать бюджетный дефицит. В этот же срок сократить до нуля темпы роста денежной массы. Используя широкомасштабную приватизацию, повысив процентную ставку, перевести часть вынужденных сбережений населения в неденежную форму. И до тех пор пока эти цели не будут достигнуты, попытаться удержать цены, не дать дальнейшего разгона инфляции. После ликвидации важнейших финансовых диспропорций цены предлагалось разморозить, хозяйственные связи — отпустить на волю и на этой базе продолжить процесс приватизации и формирования рыночной инфраструктуры.

Авторы программы «500 дней», разумеется, понимали, что стабилизация и реформа экономики, уже находящейся в кризисе, — не прогулка по Невскому проспекту, а тяжелый социально-конфликтный процесс. Но неприятная правда, как обычно, политическим спросом не пользуется. Чтобы получить поддержку, властей, необходимо было составить документ так, чтобы создалось впечатление будто реализация программы никому ничего не будет стоить. Отсюда характерные образы экономической риторики: «право граждан на рост доходов», «право граждан на справедливые цены», «наше общество имеет безусловное право жить лучше уже сегодня, а не в отдаленном завтра».

Подобные красоты неизбежно оказывают влияние на саму ткань предлагаемой экономической политики, заставляя прибегать в расчетах к совершенно нереалистическим гипотезам, истончающим программу до видимых прорех.

В самом деле, если, согласно программе «500 дней», нельзя «ни в коем случае начинать реформы с отмены государственных дотаций на мясомолочную продукцию, в ближайший год нельзя повышать или размораживать цены на основные потребительские товары, нельзя трогать социальные программы...»¹, то каким же образом приблизиться, причем быстрыми шагами, к стабилизации финансов?

Ведь именно экспансия социальных расходов, в том числе быстрый рост затрат на дотации, обусловленный повышением заготовительных цен в сельском хозяйстве, — одна из важнейших причин неэффективности всех предыдущих стабилизационных усилий.

Или другое. В программе «500 дней», разработанной к началу II квартала 1990 года, была заложена предпосылка, что к IV кварталу того же года можно снизить затраты на закупки вооружений на 70 процентов. Общеизвестно, однако, что к началу лета все оборонные заказы давным-давно были размещены, продукция находилась в производстве, значительная часть комплектующих изделий уже готова. Значит, если действительно пойти на такое сокращение, нужно отказаться оплачивать уже выполненные работы. А как же тогда быть с декларированным в программе «правом граждан на рост доходов»?

Конечно, можно было (как записано в «500 днях») волевым решением к IV кварталу сократить на 70-80 процентов помощь иностранным государствам, помощь, которая истощала и без того скудные ресурсы СССР. Но как это сделать, не затратив большие суммы на остановку крупных инвестиционных проектов, на эвакуацию работающих на них советских граждан?

Разумеется, реализация этой программы — даже при самой горячей политической поддержке — не могла привести к выполнению чрезмерных обещаний, содержащихся в ней. Это не являлось секретом и для ее разработчиков: «Намеченный на первые сто дней комплекс мер исходит из того, что бюджетный дефицит удастся сократить до запланированного уровня и что успешными окажутся меры по связыванию денежной массы. Предполагаются также согласованные действия союзных республик, проявление доверия со стороны населения. При этих предпосылках за короткий период сравнительно мягкими средствами станет возможным перевести экономику в качественно иное состояние, подготовить ее к вхождению в рынок. Однако если эти предпосылки

не удастся обеспечить, потребуются гораздо более жесткие и болезненные меры, к осуществлению которых тоже нужно быть готовыми»².

Беда состояла в том, что без «жестких и болезненных мер» вытащить советскую экономику из кризиса было уже невозможно. Думается, что авторы программы и сами понимали это.

И все же программа «500 дней» несла в себе немалый позитивный заряд. Элегантно упакованная в обертку популистских обещаний, блистающая талантливо найденной формой, когда предстоящие преобразования расписаны по месяцам и неделям, как сцены и планы в режиссерском сценарии, отмечены метражом киноплёнки, она, будучи принятой, внесла бы серьезные элементы осмысленности в экономическую политику. Программа могла бы стать идеологической основой координации действий союзных и российских органов власти в финансово-кредитной сфере, регулировании товаропотоков, формировании правовой базы приватизации. Короче, «500 дней» могли бы создать политические предпосылки, обеспечивающие мало-мальски упорядоченный запуск рыночных механизмов.

Весь замысел, внутренняя логика программы радикально отличались от того, что четыре месяца назад обсуждалось на Съезде народных депутатов СССР.

Если не удастся справиться с подавленной инфляцией (а эффективность административного регулирования стремительно падает, — значит надо дать предприятиям свободу в формировании производственных связей, начать энергичное разгосударствление собственности. Сначала заполнить магазины товарами, пусть по быстрорастущим ценам, а затем принять меры, чтобы остановить безудержную их гонку. Подготовленный группой Г.Явлинского и Е.Ясина документ дважды обсуждался на совместном заседании Президентского Совета и Совета Федерации.

Не думаю, что тогдашнее руководство уж совсем не понимало, что настал момент решительного выбора. Но по всему чувствовалось: пойти на освобождение цен Горбачеву мучительно трудно, пожалуй, даже невозможно. Тем более что экономические результаты первых лет перестройки отнюдь не добавляли ему смелости. Былая финансовая стабильность была подорвана. При возникших крупных денежных диспропорциях размораживание цен неизбежно

привело бы к значительному их повышению. И это окончательно разрушит в народе привычный образ верховной власти как «коллективного доброго отца». Вывод: программу представить Верховному Совету СССР, но уже без «шокотерапии». Очевидный кризис легитимности власти встал непреодолимым барьером на пути запуска рыночных механизмов.

Специалисты, причастные к процессам формирования экономической политики, с тревогой ждали развития событий. Действительно, есть целостная, хотя небесспорная программа, основным стержнем которой является *размораживание цен*. И принято решение: «Стержень вынуть, программу — доработать!» Правительство делает, наверное, самый слабый, приводящий к форсированному проигрышу, ход: вместо либерализации цен возвращается к разработанным в 1987–1988 годах преysкурантам, предусматривавшим некоторое их повышение, и пытается на этой базе смонтировать то, что осталось от «шокотерапийной» программы. При административном повышении цен получая все общественные минусы, которые неизбежно последовали бы за их либерализацией, оно [правительство] не получает ни одного экономического плюса.

Сообщение о предстоящем повышении цен дает мощный импульс инфляционным ожиданиям. Граждане и предприятия реагируют в точном соответствии с азбукой экономической теории: энергично пытаются «сбросить» рубли, обратить их в любые материальные ценности. Начинается стремительное, небывалое по масштабам сокращение запасов в розничной торговле. За период с мая по сентябрь они уменьшились на 9 миллиардов рублей. Ажиотажный спрос распространяется практически на все, даже на соль, хотя запасы ее по-прежнему огромны. С каждым месяцем быстрее растут цены колхозного рынка. Первое полугодие — на 18 процентов, июль — на 29 процентов, август — на 30, сентябрь — на 34, октябрь — на 38, ноябрь — на 44 %.

В октябре 1990 года из 115 товаров культурно-бытового назначения, по которым ведется наблюдение, в свободной продаже не осталось ни одного. Положение усугубляется тем, что правительство снова не выдерживает своей же линии и под давлением общественного мнения вместо некомпенсированного повышения цен, от чего предполагалось получить в бюджет примерно шестьдесят миллиардов рублей, объявляет о полной стопроцентной компенсации.

речь, которую никто не услышал

Директором вновь образованного Института экономической политики я был назначен в ноябре 1990 года. Только что бесславно и безвременно скончалась очередная программа реформ. Было ощущение, что написание программ ничему не поможет, никто не готов их выполнять, и осмысленной экономической политики все равно в ближайшее время не будет.

В институте удалось подобрать довольно сильную команду экономистов. По общему согласию мы приняли установку: программ не пишем, политикой в рабочее время не занимаемся. Мы ее изучаем. Помогать правительству, если попросят, будем, но сами с советами и программами не лезем. Исследуем реальные экономические процессы, тенденции, выявляем закономерности. Первейшая задача — восстанавливаем утраченную в СССР культуру краткосрочного (три месяца, полгода) конъюнктурного анализа экономики. Так и сделали. Но политика все более громко и властно стучалась в двери.

Для меня и моих товарищей это было время тяжелых раздумий. Инфляция, в ее острой форме мешающая нормальному ходу воспроизводственных процессов, не может длиться вечно. Неизбежно наступит момент, когда образуется коалиция сил, достаточно мощная, чтобы восстановить финансовый порядок. Так было везде, всегда, и наша страна не станет исключением.

Вопрос в другом: на какой основе придет стабилизация? Если на базе демократии, преобладания прав человека, свободного труда и свободного рынка, то она будет долгосрочной, надежной, открывающей стране путь к процветанию. Однако если власть возьмут иные силы, стабилизацию можно получить лишь как прелюдию новых и, возможно, кровавых потрясений.

Было ясно, что борьба вокруг этой дилеммы станет главным содержанием политики ближайшего будущего.

<...>Однажды, когда я уже возглавлял правительство и в очередной раз выступал на очередном Съезде народных депутатов, Р.И. Хасбулатов, прерывая, по своему обычаю, докладчика, бросил реплику:

«Вот вы всё повторяете: паника, паника. Это понятие не экономическое!» Даже не хотелось разъяснять, насколько он неправ. Паника — категория вполне экономическая и даже имеет в науке свое название: «повышенные инфляционные ожидания». Бывают времена, когда сугубо экономическим, причем определяющим понятием становится политическая воля, готовность не только рассмотреть, не только принять план действий, если угодно — диспозицию сражения, но приступить к его реализации, взять на себя ответственность за ход и исход битвы.

После того как были разрушены «500 дней» и бесславно «скончалась» очередная программа правительства Рыжкова, я невольно обращался мыслями к эпизоду, имевшему место месяцев восемь назад — в марте 1990 года, когда Горбачев несколько укрепил свое положение, став президентом СССР, а экономическая конъюнктура не то чтобы улучшилась, но с января до весны прекратилось резкое ее ухудшение. Вступил в действие стабилизирующий фактор — рост потребительского импорта. Тогда я не без оснований полагал, что лучшего момента для начала решительных действий ждать не следует. В марте 1990 года позвонил помощник президента Н. Петраков и попросил меня подъехать, глянуть на некоторые бумаги. Бумаги оказались важными. К тому времени скрытая внутренняя полемика Петракова с Рыжковым о направлении и темпах реформ становилась заметной, и Петраков, опираясь на экономический отдел ЦК (потом частично перешедший в структуру президентского аппарата), начал готовить свой блок программных документов. Большую и полезную роль в их разработке сыграл консультант этого отдела Борис Федоров, впоследствии ставший министром финансов РСФСР (России).

Программа была сделана добротной, конкретно отвечала на вопрос: «что делать в нынешних условиях с экономикой, в ней сквозила готовность действовать, причем действовать энергично. Предлагалось осуществить набор стабилизационных мероприятий: сократить оборонные расходы, расходы на капитальные вложения, повысить процентные ставки, создать базу последующей либерализации, с тем чтобы ввести конвертируемость рубля и начать приватизацию. Делать нужно это решительно, опираясь на президентский мандат и вытекающие из него права.

В марте 1990 года народное хозяйство страны находилось в тяжелом, но не в безнадежном состоянии. Во всяком случае, не в таком, как уже в конце 1991-го. Экономика, пусть плохо, с каждым днем все хуже, еще слушалась руля. Казалось, М.С. Горбачев тоже был воодушевлен подготовленным проектом. Он то и дело приглашал к себе Н.Петракова, даже нетерпеливо звонил ему в машину, внимательно знакомился с документами. Думалось, вот-вот сейчас-то все и начнется. Вроде было решено, что сперва М.Горбачев выступит по телевидению, обратится к народу, изложит суть предполагаемых тяжелых, но необходимых мер. Подготовить текст его речи поручили мне.

Должен признаться — никогда еще я не работал с таким искренним увлечением, надеясь, что Горбачев, осознав неизбежность серьезных экономических преобразований, захочет и сможет убедить в этом народ, а затем, опираясь на его поддержку, сломит сопротивление бюрократии. Начнется работа. Шторм не стихнет, но в бушующем море невзгод государственный корабль возьмет наконец верный курс.

Итак, прошу читателя представить себе, что он снова в марте 1990 года, вернулся с работы, включил телевизор. На экране — президент СССР.

дорогие товарищи!

С растущей озабоченностью общество следит за положением в экономике. Объем промышленного производства продолжает падать. Все труднее достать необходимые для жизни товары. Быстро идут вверх цены. Надо смотреть правде в глаза. Органы, ответственные за управление народным хозяйством, потеряли контроль над ситуацией. И в самых отдаленных уголках нашей страны, и в Кремле люди пытаются понять, в чем причины нарастающих трудностей, что надо сделать для исправления положения. Хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Не стану упоминать о тяжелом наследстве, неблагоприятных тенденциях мирового рынка, даже о немаловажных просчетах в финансовой политике, которые были допущены в последние годы. При всей значимости этих факторов главное, думаю, в другом — в непоследовательности, нерешительности начатых экономических реформ.

На первом этапе перестройки над нами еще довлели идеологические стереотипы, само слово «рынок» применительно к социализму воспринималось как святотатство. Сказалось и отсутствие согласия в высших эшелонах руководства страны, партии по вопросу о том, куда вести экономику. И все же для меня, — а я принимаю свою долю ответственности за компромиссный характер осуществлявшихся преобразований, — главным было понимание серьезных социальных проблем, связанных с форсированным переходом к рыночной экономике.

Ведь радикальные реформы — не только хозяйственная самостоятельность предприятий, стимулирование высокопроизводительного труда, с чем почти все согласны, но и гибкие рыночные цены, жесткая ответственность за эффективность хозяйствования. А это обществу принять куда сложнее. Хотелось максимально отсрочить наиболее тяжелые, непопулярные меры. В результате в системе хозяйствования переплелись взаимоотторгающиеся элементы командно-административных и экономических структур. По мере того как центр выпускал из рук рычаги управления, их место занимала не жесткая дисциплина рынка, а диктат ведомственных монополий, местнический произвол.

Проблемы хозяйственного развития подробно обсуждались на II Съезде народных депутатов. Была одобрена правительственная программа, направленная на выход из кризиса. Некоторые из предусмотренных в ней мер работают, дают отдачу. Вместе с тем, оценивая быстро меняющееся положение, можно сказать: у нас уже нет времени, которое правительство просило для стабилизации экономики. Набравшие собственную инерцию деструктивные процессы сводят на нет усилия, направленные на хозяйственное оздоровление. Само развитие событий подталкивает к радикальным решениям.

Пытаться и дальше лавировать, искать приемлемые для всех полумеры невозможно. Пришла пора выбирать: либо к привычным командам и рапортам, либо решительно вперед, к рынку. Именно так стоит сегодня вопрос. Убежден — попытка повернуть назад была бы чревата для страны катастрофой. В одну реку нельзя войти дважды. Богатые природные ресурсы, попусту растроченные в эпоху «застоя», обратнo не вернешь, как не вернешь и веру общества в то, что бессловесная, бедная жизнь под присмотром

мудрых начальников естественна и приемлема. Это был бы путь к самоизоляции в мире, к нищете, к нарастающим социальным конфликтам и неизбежному взрыву народного гнева. Как бы ни был труден, даже рискован путь радикальных реформ, только он может вывести страну из тяжелого кризиса.

Рынок нужен нам сегодня, чтобы раскрепостить человека, задействовать огромный творческий потенциал народов нашей страны, вернуть ей достойное место в кругу развитых государств. Чтобы подвести экономический фундамент под начатые демократические преобразования, подорвать основу всевластия распорядительного аппарата. Чтобы сделать прилавки наших магазинов — полными, рубль полновесным, а жизнь советских людей — обеспеченной.

Формирование регулируемого рынка в нашей стране переходит в область практической работы. Речь идет о становлении экономики, в основе которой — полная самостоятельность предприятий, действующих в условиях конкуренции как независимые товаропроизводители. Активная регулирующая роль государства в области развития производства, обеспечения социальных гарантий. Экономика, в которой преобладание государственной и коллективной собственности определяется лишь их эффективностью, при полном равноправии и свободном соревновании всех других форм, где хозяйственная деятельность четко отделена от собственно государственного управления, где развиваются рынки товаров, труда, финансовых ресурсов. Наконец, это экономика, открытая миру, с конвертируемым рублем, экономика, в которой эффективность хозяйственной деятельности проверяется жесткой конкуренцией на внутреннем и внешнем рынке.

Завтра будет опубликован президентский Указ, содержащий программу действий по подготовке перехода к регулируемой рыночной экономике. Мы приступаем к ней сразу. Но начинаем не с размораживания цен, а с кредитной реформы, резкого ужесточения государственной финансовой политики, демополизации экономики. И только затем, в 1991 году, овладев рычагами регулирования рынка, перекрыв каналы поступления в оборот излишних денег, создав надежные предпосылки проведения эффективной антиинфляционной политики, в массовом порядке будем переходить на свободные цены, балансирующие спрос и предложение.

Остановлюсь на нескольких принципиальных аспектах предстоящей работы...

Главной причиной нарастания инфляции в стране является дефицит государственного бюджета. Предпринимавшиеся до сих пор усилия, направленные на стабилизацию финансового положения, были нерешительными и поэтому неэффективными. Считаю необходимым безотлагательно принять чрезвычайный бюджет на вторую половину 1990 года. Придется пересмотреть всю программу централизованных капиталовложений, закупки вооружений, помощи зарубежным странам, дотаций, управленческих расходов, привести их в соответствие с реальными возможностями государства. Реализовать предприятиям, кооперативам недостроенные, законсервированные объекты.

Уже в этом году предстоит начать массовое преобразование государственных предприятий в акционерные общества, широко развернуть продажу населению по рыночным ценам жилья, мелких предприятий, которые нецелесообразно сохранять в государственной собственности, машин и оборудования, драгоценных металлов, иностранной валюты. Если всего этого окажется недостаточно для стабилизации финансового положения, придется пойти на пропорциональное сокращение всех статей государственных расходов, защитив лишь ограниченный круг важнейших социальных программ.

Если у государства не сходятся концы с концами, если жаждущим популярности политикам хочется наращивать расходы, не считаясь с доходами, это еще не повод расшатывать рубль. С положением, при котором Совет Министров, Министерство финансов распоряжаются ресурсами Государственного банка как своими собственными, придется кончать.

Принято решение вывести Государственный банк из подчинения Совета Министров, передать в его управление золотовалютные ресурсы страны, запретить прямое кредитование Центральным банком государственного бюджета. Государственный банк, наделенный широкими полномочиями, независимый в своей работе, будет полностью отвечать за устойчивость денежного обращения в стране.

Многих пугает, что у населения скопились значительные сбережения. Настойчивые призывы конфисковать часть этих средств стали сегодня элементом политической жизни страны, дестабилизируют и без того непростую ситуацию. Мы внимательно

разбирались с этим вопросом. Выяснилось, что гуляющие из одного органа печати в другой сведения о крайне неравномерном распределении сбережений, не подкреплены достоверными фактами, не соответствуют действительности. Подавляющая часть средств населения в Сберегательном банке сосредоточена на относительно небольших вкладах, носит явно трудовой характер. Если же деньги нажиты нечестным путем, то установить это — дело правоохранительных органов, суда. Сами сбережения в сравнении с объемом национального богатства отнюдь не чрезмерны, их можно и нужно использовать как опору программы расгосударствления экономики. Могу заверить, что никакой конфискации денег правительство проводить не намерено.

Другое дело, что в переходный период действительно важно увести накопленные сбережения с потребительского рынка, не допустить, чтобы их выброс вызвал резкий рост цен на товары повседневного спроса, стимулировать направление средств на приобретение жилья, ценных бумаг, развитие предпринимательской деятельности. Меры, направленные на решение такой задачи в мировой практике, известны, соответствующие предложения сейчас разрабатываются.

Еще одно направление работы, где надо добиться серьезного прогресса до размораживания цен, — монополизации экономики. Скажу лишь об одной области, где монополизм особенно чувствителен: о розничной торговле. Существующая ее структура прекрасно приспособлена для подавления интересов потребителя. Надо срочно вывести универмаги, кафе, столовые из состава всевозможных торгов и трестов, преобразовать оптовые организации из органов распределения в коммерческие центры, продать нерентабельные магазины акционерным обществам, кооперативам, гражданам. Короче говоря, сформировать развитую структуру конкурирующих между собой торговых предприятий.

В целом же в программе монополизации речь идет и о разукрупнении искусственных объединений, и о стимулировании преимущественного развития малых предприятий, и о становлении системы товарных бирж. Нам придется оперативно, в течение считанных месяцев создавать основы рыночной инфраструктуры, которые в нормальных условиях формируются десятилетиями.

Особого внимания заслуживает формирование системы социального обеспечения, переподготовки и трудоустройства работников, высвобожденных из общественного производства. Их поток будет нарастать. Необходимо сделать все для того, чтобы безработица не стала источником острых социальных конфликтов.

Словом, нужна огромная работа по организации хозяйственной жизни в принципиально новых условиях рынка.

Как бы мы ни старались ограничить масштабы повышения цен, предотвратить его вовсе не удастся. Обещать такое было бы просто безответственно. Но можно и нужно в максимальной мере защитить от его последствий бедные семьи, малообеспеченные группы населения, тех, кто получает низкие, фиксированные доходы и сильнее всех страдает от инфляции.

Намечено ввести механизм автоматического повышения минимальной заработной платы, пенсий, пособий, стипендий в зависимости от роста цен. Аналогичным образом будут корректироваться и оклады работников здравоохранения, образования, культуры, других групп, оплата труда которых не зависит от хозяйственных результатов деятельности, не растет с увеличением доходов предприятий.

Интеграция советской экономики в мировой рынок также будет процессом непростым, болезненным. Придется круто менять привычное соотношение цен, приближать их к международным стандартам. Выяснится, что многие предприятия, считавшиеся передовыми, не выдерживают конкуренции по жестким мировым нормам. Их коллективам придется серьезно подтянуться или задуматься о будущем. Но и возможности прорыва в области повышения технического уровня, эффективности производства открываются широчайшие.

Главным фактором самоизоляции советской экономики остается слабость нашего рубля. До последнего времени о переходе к его конвертируемости говорили, как о деле отдаленного будущего, как о перспективе, уходящей в последующее тысячелетие. Между тем все финансовые, стабилизационные меры, которые намечаются на ближайшие месяцы, объективно ведут к конвертируемости рубля. Приступить к решению этой задачи надо немедленно.

Конечно, придется отказаться от искусственно-го, не подтвержденного рынком курса рубля. Более

того, пойти на его сознательное, резкое занижение, с тем чтобы создать мощные стимулы к экспорту, повышению конкурентоспособности советских товаров на мировом рынке, поставить преграду на пути неэффективного импорта, увеличения внешней задолженности.

Решено снять все необоснованные ограничения, мешающие привлечению иностранного капитала, пойти на активное использование концессий, разрешить деятельность иностранных фирм, в том числе в таких, пока закрытых для них сферах, как банки, страховое дело. Убежден — этого не надо бояться. У нашей великой страны нет оснований искать спасения от интеграционных процессов забором протекционистских ограничений. Опыт показывает — только широко открыв двери международному экономическому сотрудничеству, можно стать неотъемлемой составной частью развивающейся мировой экономики.

Особый вопрос — внешнеэкономическая политика ближайших месяцев, проводимая в самый болезненный период перехода к регулируемому рынку. Решено существенно сократить экспорт телевизоров, радиоприемников, холодильников, фотоаппаратов, других потребительских товаров, ставших остродефицитными в стране. Одновременно потребуется резко увеличить импорт промышленных товаров народного потребления, создать значительные резервы валюты, позволяющие сбивать волны ажиотажного спроса, контролировать вспышки инфляции. Здесь нам потребуется понимание зарубежных партнеров. Мы надеемся и на их активную помощь в массовой подготовке квалифицированных кадров, владеющих инструментами регулирования рынка, ускорения интеграции Советского Союза в международные экономические организации.

За годы перестройки удалось добиться немало-го в ослаблении международной напряженности, улучшении общего политического климата в мире. Теперь пришло время использовать этот внешнеполитический капитал для внутренних нужд страны.

Сколь бы ни хотелось смягчить трудности перехода к рынку, он будет нелегким. Именно в это время наши зарубежные партнеры смогут на деле показать, кто из них действительно хочет иметь дело со стабильным, демократическим, динамично развивающимся Советским Союзом, а кто стремится исполь-

зовать наши временные, пусть серьезные трудности, чтобы добиться конъюнктурных выгод. Надеюсь, что первый подход, отвечающий реальным интересам всего взаимосвязанного мира, возобладает.

Товарищи! Мы стоим на пороге серьезных, глубоких реформ, призванных круто изменить экономический облик нашей страны. Они неизбежно скажутся на жизни каждой советской семьи. Отнюдь не все предусмотренные меры будут популярными, придется идти и на тяжелые, жесткие решения. Важно справедливо распределить эти неизбежные тяготы, не допустить, чтобы они легли на самых слабых, обездоленных. Серьезность стоящих перед нами проблем требует не бесконечных колебаний, а хорошо организованной работы, направленной на их разрешение. Если мы хотим выбраться из трясины бедности, слаборазвитости, в которую все сильнее втягивается наша великая страна, иного пути нам не дано».

Нет, конечно, никто эту речь в марте 1990 года, да и вообще никогда не произносил. Горбачев с нею ознакомился — и отложил в сторону. А привел я ее здесь (с некоторыми сокращениями) для того, чтобы показать, как виделась мне ситуация в ту, теперь уже кажущуюся невероятно далекой весну, когда еще оставался шанс выйти из кризиса — пусть ценой немалых, но не чрезмерных жертв и избежать распада Советского Союза.

Ну а что касается нашего Института и наших планов, то вскоре действительно удалось поставить его работу на весьма солидную научную основу, наладить, в частности, составление конъюнктурных экономических обзоров. Последний из них, направленный властям накануне августовского путча 1991 года, открывался статьей, озаглавленной «Экономическая политика в канун переворота»...

Примечания

- 1 Переход к рынку. Концепция и программа. М., 1990, с. 8, 9, 14, 45-46.
- 2 Указ. соч., с. 8.

© Текст: Егор Гайдар

Андрей КОЛЕСНИКОВ

20 ТЕЗИСОВ

1. Можно поспорить с теорией историка Александра Янова, согласно которой российская история словно бы взята в плен историческими циклами «реформа–контрреформа» или «реформа–стагнация–контрреформа». Но, похоже, есть в этом какая-то безысходная круговерть исторических процессов, когда на протяжении жизни одного поколения политический маятник качается из стороны в сторону, иллюзии сменяются отрезвлением, частная инициатива — пугливым конформизмом, порыв к свободе — столь же страстным бегством от нее.

2. Любая жесткая теоретическая модель условна, тем не менее даже советская история подчиняется некоторой двух- или трехтактности. После эпохи «военного коммунизма» — фактическая рыночная реформа, НЭП. После НЭПа, минуя стадию стагнации, приходит жесткая контрреформа. В послевоенное время вслед за Победой приходит кульминационная стадия развития тоталитарного режима — пик торжества и одновременно начало вырождения. Смерть Сталина обозначила рубеж, с которого стартовала новая эпоха. Хрущевские реформы стали серией попыток преобразований в экономической, политической, управленческой сферах. При том, что главным достижением стало раскрепощение, хотя и частичное, сознания. Остаточные трансформационные шаги — косыгинские реформы — были остановлены.

3. С одной стороны, по объективным социально-экономическим причинам: внутри социалистического «выбора» осторожное введение минимальных экономических свобод, несравнимых по глубине даже с венгерской и югославской моде-

К ИСТОРИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

30 лет перестройке

лями, оказалось неэффективным — рынок без капитализма не получился. С другой стороны, началась политическая контрреформа — 1968-й год, «заморозки», танки в Праге, диссиденты в тюрьмах (впрочем, здесь знаковой чертой стал первый «полный» год правления Леонида Брежнева — 1965-й, с арестом в сентябре Андрея Синявского и Юлия Даниэля и демонстрацией в декабре на площади Пушкина; с этого времени принято отсчитывать рождение диссидентского движения).

4. Начало 1970-х — третий акт начавшегося с Хрущева цикла: стагнация. За стагнацией естественным образом последовала реформационная стадия — перестройка. Уже после распада СССР, в постсоветских обстоятельствах, перестройка была продолжена либеральными экономическими реформами Егора Гайдара. Безотносительно к тому, как оценивался этот процесс авторами перестройки, и независимо от того, каковы были отношения Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, — все это части единого исторического процесса. И завершился он опять же стагнацией. (А в терминах Ирины Стародубровской и Владимира Мау — «постреволюционной стабилизацией».) Эта стадия была отмечена знаковым арестом Михаила Ходорковского и поражением на парламентских выборах демократических партий в 2003 году.

5. А затем, после выборов президента в 2012 году, началась полномасштабная контрреформа. С отказом как от достижений первого этапа — горбачевских преобразований, так и от второго — ельцинско-гайдаровских реформ. Симптома-

тично, что, по свидетельству Ричарда Пайпса, слово «перестройка» стало популярным в эпоху Великих реформ 1860-х годов. Использовалось оно и Петром Столыпиным. Симптоматично и то, что в эпохи, когда понятие «перестройка» использовалось по назначению, история России входила в привычную колею «реформа–контрреформа».

6. Любой из реформаторских этапов «русского цикла» отличается несколькими неизменяемыми в ходе русской истории элементами:

- ▷ одинаковые причины и триггеры перемен;
- ▷ верхушечный характер преобразований, в ряде случаев — в соответствии с запросом «снизу»;
- ▷ ограничители преобразований, включая сопротивление им;
- ▷ и, наконец, незавершенность реформ, провоцирующая все новые и новые попытки догоняющего развития России.

Очень важный момент: на определенном этапе развития или, наоборот, стагнации, или движения страны вспять реформы оказываются НЕИЗБЕЖНЫМИ.

ТРИГГЕР реформ всегда один и тот же — доведение «до ручки» ситуации в стране, когда элите, чтобы самосохраниться, надо уже начинать что-то делать. В то же самое время в обществе зреет спрос на перемены. В какой-то точке это взаимное движение «вверх» и «низов» соединяется — начинается реформа.

7. Никколо Макиавелли писал в «Истории Флоренции»: «...Новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие... Когда предел бедствий достигнут, вразумленные им люди

возвращаются к... порядку». Порядок к этой логике (правильной) — не дореформенное, а постреформенное состояние.

Ответственная элита начинает реформы и привлекает для этого контрэлиту, безответственная — закручивает гайки.

Михаил Горбачев выбрал первый путь. Если бы он не начал перестройку, Советский Союз развалился бы еще до 1991 года. Просто сгнил бы биологически.

8. ОГРАНИЧЕНИЯ реформ — политические, идеологические и аппаратные — неперенные спутники российских преобразований. В перестройку этими ограничениями, флажками, за которые боялись выйти, стали границы социалистического выбора. Во времена Александра I и Михаила Сперанского такими ограничителями были крепостничество и абсолютная власть монарха. Во времена Александра II — абсолютная власть монарха, но уже без крепостного права.

9. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов такой объективный фактор, как СОПРОТИВЛЕНИЕ реформам. Горбачеву противостоял тот тип стратегического мышления, который возобладал в ходе третьего президентского срока Владимира Путина. Это тип мышления, который и привел СССР к состоянию, когда перестройку уже нельзя было не начинать. Он описывается формулой: «Не надо ничего трогать». Этот принцип не чисто брежневский, хотя Леонид Брежнев, согласно многочисленным мемуарным свидетельствам, после 1968 года был его адептом.

Император Австрии Франц I всячески препятствовал индустриализации страны: предвосхищая Маркса, он видел именно в рабочем классе носителей революции («оранжевой заразы»). Когда перед императором положили план строительства железной дороги, он прямо сказал, что это приведет к революции. Сила перемен и инноваций всегда страшила правителей: в ней они видели пророщенные зерна возможной демократизации и угрозу своей власти.

Все это описано еще Сперанским в 1809 году: «Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий, желать, чтобы разум был

свободен, а воля в цепях,.. чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения — свободею».

10. Любая русская реформа могла быть описана поговоркой: «И хочется, и колется». Отсюда еще один элемент «эффекта колеи» в способе проведения реформ — их НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ.

Чем дольше тянули с экономическими реформами после провалившейся попытки 1965–1968 годов, тем выше с каждым годом становилась цена возможных преобразований, тем в большей степени шоковыми они должны были оказаться. Чем дольше тянули с политическими реформами после попыток Хрущева в 1962–1964 годах подготовить проект новой Конституции СССР, тем более мощным оказался потом взрыв массового недовольства властью.

11. Так что «страну потеряли» не из-за Горбачева, а из-за Сталина и Брежнева. А кто-то ее вовсе даже и не потерял, а обрел. Но и перестройка, при всей ее глубине и революционности, оказалась не до конца завершенной попыткой преобразований. Хотя в том, что касалось демократизации и раскрепощения сознания, она оказалась беспрецедентным процессом. Экономические реформы не были завершены до конца, чему помешали, в частности, границы «социалистического рынка». Слишком поздно, несмотря на опыт косыгинских реформ и преобразований в ряде стран коммунистического блока, стала очевидна дихотомия: либо социализм, либо рынок.

12. Из вечной незавершенности реформ вытекает эта российская обреченность на ДОГОНЯЮЩЕЕ развитие и в ряде случаев, в терминах Юргена Хабермаса, на «догоняющие революции», или «революции обратной перемотки», которые «наверстывают упущенное». Пример «догоняющей революции» — протесты 2011–2012 годов, когда наиболее продвинутые слои образованного городского среднего класса предъявили спрос на политические преобразования, поскольку именно архаичная элита и недореформированное государство сдерживали нормальное, общецивилизационное развитие России.

В целом эту внутренне противоречивую логику и логику преобразований хорошо описал российский демограф Анатолий Вишневский в работе «Серп и рубль»: «Какую бы составную часть осуществленных перемен мы ни взяли, в каждом случае, после короткого периода успехов, модернизационные инструментальные цели вступали в непреодолимое противоречие с консервативными социальными средствами, дальнейшие прогрессивные изменения оказывались блокированными, модернизация оставалась незавершенной, заходила в тупик. В конечном счете это привело к кризису системы и потребовало ее полного реформирования».

Согласно эпиграмме изобретателя унитаза Джона Харингтона (1561–1612), удачно переведенной Самуилом Маршаком, «мятеж не может кончиться удачей — в противном случае его зовут иначе». Гайдар часто повторял эту присказку.

13. Советская история не то чтобы изобилует дворцовыми переворотами, но сама борьба за власть внутри триумvirата Берия-Маленков-Хрущев — после смерти Сталина, неудавшийся «сговор элит» 1957 года и удавшийся заговор октября 1964-го свидетельствовали о том, что в советской системе находились институциональные лазейки для ротации власти и вождей (раз уж на это не работали другие институты, вроде института выборов).

Здесь вряд ли имеет смысл вдаваться в тонкости истории прихода к власти Михаила Горбачева, но многочисленные исторические свидетельства говорят о том, что его появление на исторической арене в апреле 1985-го было абсолютно логичным и ожидаемым — по крайней мере, с конца 1984 года (тогда символичной оказалась встреча Михаила Сергеевича с Маргарет Тэтчер).

14. Характерно, что одним из результатов перестройки стала институционализация выборов как инструмента демократии. Тем самым были созданы инструменты для легитимного формирования власти и ее смены. Это была и революция в процедурах, и дополнительная, на новой основе, легитимизация власти самого лидера перестройки, и — самое главное — создание новой ценности. Причем, по крайней мере в то время, разделяемой ценности, одинаково значимой для всех — и для пе-

рестроечной элиты, и для народа, который впервые в российской и советской истории мог почувствовать себя конституционным источником власти. (Именно поэтому, заметим попутно, действия ГКЧП оказались нелегитимными, в том числе и в глазах народа.)

15. В известном смысле, хотя не всегда это осознавалось даже адептами перестройки, состоялась *рецепция западных ценностей* демократии, правового государства и ответственной (подотчетной) власти. Политика «нового мышления», собственно, и основывалась на идее большей открытости миру, и прежде всего миру западному.

Подобного рода конвергенция ценностей позволила в 1989 году Фрэнсису Фукуяме сделать вывод о «конце истории». Реальность и последующее течение событий оказались сложнее, но Фукуяма был абсолютно прав в том смысле, что процесс, начатый Горбачевым, по большому счету, и должен был привести к историческому ценностному единству Запада и России. И от рецепции этих ценностей должны были выиграть все: государство становилось более гуманным, общество — более раскрепощенным.

16. Архитекторами перестройки она воспринималась именно как революция. Отчасти это была дань позитивному значению слова в связи с переосмыслением наследия Великой Октябрьской. Но и характер и глубина преобразований действительно «дотягивали» до революции. Характерно, что доклад Горбачева к очередному юбилею революции в 1987 году назывался «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

И кстати говоря, революция ценностей, начатая Горбачевым, давно закончилась для всего мира, включая страны Восточной Европы, воссоединившиеся с Западом (в этом смысле перестройка — «мировая революция»). Она не закончилась только в России и в некоторых странах бывшего СССР.

17. Перестройка была еще и революцией ожиданий. Причем ожиданий, во многом оправдавшихся — именно поэтому демократические ценности были восприняты в конце 1980-х вполне адекватно на массовом уровне. Надо признать, что эта ситуация завышенных ожиданий — «горбимания» — ко многому обязывала. Анатолий Черняев,

зам. зав. международным отделом ЦК, впоследствии помощник Горбачева, записал в те первые дни нахождения Михаила Сергеевича у власти в своем дневнике: «...от Горбачева многого ждут, как начали было ждать от Андропова... А ведь нужна “революция сверху”. Не меньше. Иначе ничего не получится. Понимает ли это Михаил Сергеевич?»

С народом у Горбачева получилась любовная химия, но именно поэтому от него ждали белой магии: чтобы все было по-прежнему, чтобы можно было гонять целыми днями чай, но при этом прилавки ломались бы от товаров, и вообще жизнь стала хотя бы как в ГДР или в Венгрии, а еще лучше, как в Западной Европе. Оказалось, что так не бывает — надо было много работать и адаптироваться к новым обстоятельствам. Горбачеву этого многие простить не могут до сих пор. Как не простили Борису Ельцину обещанного изобилия и стабильности к концу 1992-го. Как не простили Егору Гайдару того, что он взял ответственность за непопулярные решения на себя.

18. Архитекторы перестройки действительно понимали ее как революцию. Только они думали, что она окажется социалистической, соединяющей Ленина и демократию с рынком. Такого исторического оксюморона, соединения несовместимого, не получилось, да и не могло получиться. Но воспринятые разделяемые ценности — остались. И потом были зафиксированы в ряде разделов Конституции России 1993 года. Формально от этих ценностей никто не отказывается и сейчас. Фактически же речь идет о тотальном пересмотре наследия перестройки и реформ. В этом смысле перестройка потерпела поражение. Но в долгосрочном плане альтернативы ценностям перестройки все равно нет.

19. В результате перестройки мы получили эмансипированное, отделившееся от государства общество.

© Текст: Андрей Колесников

Отказ от наследия перестройки означает редукцию интересов государства к интересам небольшой группы госкапиталистов, аффилированных с руководством страны в системе «власть = собственность».

Отказ от наследия перестройки означает потерю обществом субъектности, его слияние с государством, подчинение интересам той самой узкой группы аффилированных с властью лиц.

Отказ от наследия перестройки означает деинституционализацию системы, прекращение работы структур и процедур, переход на режим ручного управления и личного усмотрения. Это опасная ситуация: в случае потери власти главным «ручным управляющим» возникнет — в отсутствие работающих институтов — полная дезорганизация.

Отказ от наследия перестройки означает ухудшение качества человеческого капитала, убывание этого капитала, снижение производительности труда, креативности, инициативности, инновационности. Российское общество становится все более архаичным и патерналистским, с искаженной ментальностью.

20. Возникает ситуация проедания «совместно нажитых» за три десятка лет государством и обществом ресурсов — доверия, ценностей, материальных накоплений. Гражданам предложено в «худые» годы проедать ренту; аффилированные с государством госкапиталисты намерены «донашивать себя», избежав ротации, на накопленные нефтегазовые резервы. Это абсолютно самоедкая ситуация. Истощение ресурсов в отсутствие страховой сетки ценностей и институтов может иметь катастрофические последствия для страны.

Необходимо возвращение к базовым ценностям и наследию перестройки — свободе, демократии, работающим институтам и процедурам. При совершенно прагматическом подходе к ним: именно эти ценности обеспечивают высокое качество жизни и мирное существование, с отказом от любых — холодных или гибридных — войн. □ □

РЕФОРМЫ И УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ

каждая страна на постсоветском пространстве несчастлива по-своему

Борис Грозовский, креативный директор фонда Егора Гайдара. В начале 2000-х годов Симеон Дянков создал вместе с коллегами во Всемирном банке важнейший рейтинг *Doing Business*. Какие-то аспекты можно критиковать, но никакого другого инструмента, позволяющего с какой-то более-менее верифицированной точностью сравнивать качество делового климата очень не похожих друг на друга стран, просто нет. Теперь он ректор РЭШ и соединяет исследовательскую работу и участие в экономической политике как через консультирование правительств и правительственных кругов разных стран, так и через ту работу, которую Симеон проделал прежде. Всем, кто еще не читал, я очень советую, может быть, после сегодняшней лекции посмотреть написанную Симеоном главу из книги «*The Great Rebirth*». По-русски она будет называться «Великое возрождение», издание сейчас готовят «Новое издательство» и портал *Inliberty.ru*. Вот на этом-то портале опубликована глава из книги, которую написал Симеон и которая, собственно, так и называется — «Великое возрождение».

© Фото: Виктор Ярошенко

дить политические и экономические реформы, каким образом сделать первый шаг, а кроме того, каким образом можно принять на вооружение историю других таких переходов. И вот в то время, как академическое сообщество обсуждало реформы Бальцеровича в Польше и Вацлава Клауса в Чешской Республике, те прибегали к услугам иностранных советников. То есть эти страны в 1990-1991-1992 годах, фактически в первые три года, предприняли основные шаги, которые позже были предприняты другими государствами в регионе. Я хорошо знаю Лешека Бальцеровича и Вацлава Клауса, мы часто выступали с ними на общих конференциях, и я неоднократно спрашивал их: «Почему вы пошли этим путем, почему вы никого не слушали, а стали последовательно проводить реформы?» И оба они отвечали примерно одинаково. Они говорили о том, что в наших обществах — в польском

Симеон ДЯНКОВ

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИИ

...Я начну с некоторых общих комментариев обо всех постсоветских странах, а в конце лекции поговорю о четырех странах, названия которых вы видите на экране: об Украине, Казахстане, Беларуси и, конечно же, о России.

Итак, 25 лет назад, когда началась эпоха перехода в Восточной Европе, в течение некоторого времени университетское сообщество вело дискуссии о том, насколько быстро нужно прово-

и чешском обществе — были большие ожидания того, что переход должен быть очень быстрым и однозначным. Люди были недовольны существовавшим режимом, т.е. только в том случае, если режим изменится, люди будут довольны, иначе последует большое разочарование. Поэтому в этих странах в течение трех-четырех лет произошла основная либерализация политической и экономической жизни, развитие международной торговли, приватизация, либерализация цен. Все это случилось довольно быстро. Следующие две страны, в которых начались реформы, — это Эстония и Россия. Теперь, когда много лет спустя мы говорим о России, мы приводим ее в качестве примера страны, в которой реформы так и не были окончены. В конце своего выступления я немножко расскажу об этом откате и отказе от реформ. Тем не менее в начале 1990-х Польша и Чешская Республика начали реформы, а далее последовали Эстония и Россия. И Россия была образцом страны, в которой свободные реформы были проведены.

Следующая группа посткоммунистических, постсоветских стран — это страны, которые знали, каким путем им следует идти, которые политически выбрали путь реформ, но не могли определить, с какой скоростью им следует двигаться. Это Словакия, Болгария (моя родная страна), Венгрия, у которой процесс перехода занял шесть лет — вплоть до 1996 года, и большинство стран в бывшем Советском Союзе, за исключением России и Эстонии. То есть эти страны ждали и решали, каким путем им двигаться. Многие политики в то время увидели, что правительство, проводящее приватизацию, обречено на недовольство со стороны своего народа (за исключением, может быть, Вацлава Клауса). Но практика показала, что если вы проводите приватизацию, то вы уходите с политической сцены. Большинство стран в нашем регионе относятся к этой группе. То есть они подождали в течение нескольких лет, но затем решились на ту или иную степень политической либерализации или демократизации и на экономические реформы.

И есть третья группа стран — их не так много: Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Азербайджан, Грузия. Это страны, которые не хотели проводить реформы, полагая, что это слишком опасно, потому что население хочет стабильности в политической и экономической плоскости. И вместо того чтобы одновременно проводить политические и экономиче-

ские реформы, они старались так или иначе удержать стабильность. Возможно, они были готовы для этого переименовать коммунистов, но у них во власти оставались те же политические элиты. То есть в этих странах политики думали о политических реформах, но так и не осуществили их до сегодняшнего дня. В эту группу попадают и такие страны, как Казахстан и Беларусь.

В Центральной и Восточной Европе были такие страны, как, например, Словакия. После некоторого периода реформ, после того, как прошло разделение на Чешскую республику и Словакию, в Словакии президентом был избран коммунист Мечьяр, который правил до 1998 года, в политической и экономической либерализации и Словакия не участвовала. Но затем она была быстро произведена в 1998 году, и на сегодня Словакия по многим показателям находится впереди таких стран, как Чехия, Польша, доход на душу населения в Словакии превышает доход на душу населения в Польше. Итак, есть три группы стран: страны, которые быстро провели реформы; страны, которые выбрали путь реформ, но подождали; страны, которые решили оставить тех же политиков с привязкой к ранее существовавшим партиям или же без таковой привязки, — это страны, которые решили сохранить статус-кво в политике и экономике.

Сегодня, спустя 27 лет, что можно сказать о тенденциях, которые наблюдались в этих группах стран? Страны, которые рано провели реформы: Польша, Чехия и Эстония — чувствуют себя достаточно хорошо, ВВП у них вырос до трех раз, в общем-то, они достигли определенного уровня дохода и стали такими скучными, заурядными европейскими странами. Уровень политической демократии соответствует другим странам Центральной и Западной Европы.

Россия — это отдельный пример, она двигалась по этому пути до 1996 года, но дальше остановилась. Следующая группа стран — довольно интересный случай. Я покажу вам слайд относительно ощущения счастья в этих странах. В этих странах реформы запоздали, и произошло это не случайно. Была осознанная попытка отложить реформы, политики ждали и пытались определить то, как вести себя в новых капиталистических реалиях.

Например, что произошло, с Украиной? Старая коммунистическая элита осмыслила процесс перехода к капитализму, но, в общем-то, осталась у вла-

сти, только эта элита стала гораздо богаче, чем была до этого. То же самое происходит и в недемократических странах. Там существует формальный процесс выборов, но у власти остаются одни и те же люди. И если говорить о таких отложенных реформах, то важно понять, что чем больше эти реформы откладывались, тем сильнее эти элиты остались в экономическом отношении.

Если посмотреть на Украину, на то, как менялись президенты и что им принадлежало, то есть что принадлежало их семьям, какие экономические группы их поддерживали, то вы увидите, что все эти люди так или иначе являются миллиардерами, латентными или явными, и практически все важные политические фигуры использовали возможности для собственного обогащения. Это также произошло и в других странах, что, с моей точки зрения, обозначает тенденции, сопутствовавшие реформам. То есть люди говорили: «Мы не хотим проводить реформы, мы не хотим, чтобы они проходили за наш счет, мы не хотим страдать».

В конечном итоге у них такая же структура элит, то есть элиты гораздо богаче, чем население. Это совершенно справедливо для стран второй группы, а также для России, где реформы были остановлены. Была попытка провести по-другому реформы и приватизацию в 1995-1996 годах, но в результате политические элиты обогащались за счет природных ресурсов России, что привело к более высокому уровню коррупции. То есть во всех вышеупомянутых странах этой группы элиты стали чрезмерно коррумпированными, а наличие природных ресурсов также обозначило взаимосвязь с коррупцией. Последняя группа стран отличается тем, что с самого начала политические элиты отказались от того, чтобы играть в такие глупости, как демократия и политические реформы. Они сказали: мы проведем какие-то косметические преобразования, но главное — у нас будет стабильность, и не нужно будет волноваться о завтрашнем дне. Это Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, ну и в какой-то степени Азербайджан и Армения — они также относятся к этой группе. Ранее в процессе переходов люди говорили: «Подождите год-другой, эти страны непременно ждет крах, у них нет экономической основы». Тем не менее мы видим, что в Беларуси, например, экономического краха не произошло. Не произошло краха и в других странах, о которых я говорил. То есть оказалось,

что экономический крах — это процесс довольно долгий.

Хотя в случае Беларуси понятно, ведь ее в значительной степени субсидирует Россия. Без России на сегодня Беларусь была бы очень бедной страной, но, учитывая экспорт энергоносителей из России, это в значительной степени поддерживает белорусскую экономику на плаву. Экономика Таджикистана также в значительной степени зависит от российской экономики; другие же страны зависят от своих природных ресурсов.

И это не только страны в этом регионе. Есть и другие регионы мира, такие как Ближний Восток, где есть политический режим и закрытые экономики, зависящие от нефти и других природных ресурсов, которые составляют значительную часть национальной экономики. И, в общем-то, это может продолжаться в течение долгих лет, в то время как идет определенный рост ВВП, а население остается довольно уровнем стабильности.

Теперь я хотел бы рассказать о состоянии этих трех групп стран. Мы видим, какие изменения произошли, например, с Россией. Сначала Россия принадлежала к группе быстрых реформаторов, но дальше ход реформ замедлился, а в определенных областях произошел откат. Словакия провела реформы довольно поздно, но затем, с 2002 по 2005 год, там произошли настолько быстрые реформы, что Словакия обогнала Польшу, Чешскую Республику и Венгрию. Были такие примеры прыжков, как в Грузии — страна была чрезвычайно коррумпированной, столь же коррумпированной, как и Украина, и в течение долгого времени ею управляли старые элиты. Но в 2003-2004 году они попробовали провести экономические реформы, стали очень быстро двигаться, но затем произошло небольшое замедление и возврат к старой системе, а в последние годы страна вернулась на путь некоторых фундаментальных реформ.

Учитывая весь этот контекст, можно ожидать, что есть корреляция между странами, которые двигались по пути реформ быстро, между странами, которые попытались провести реформы, и между странами, которые отказались от реформ, — что есть какая-то взаимосвязь между тем, как быстро вы двигаетесь, насколько успешно вы смогли разбогатеть, и тем, насколько свободным вы являетесь в политическом плане и каков у вас в стране *уровень счастья*.

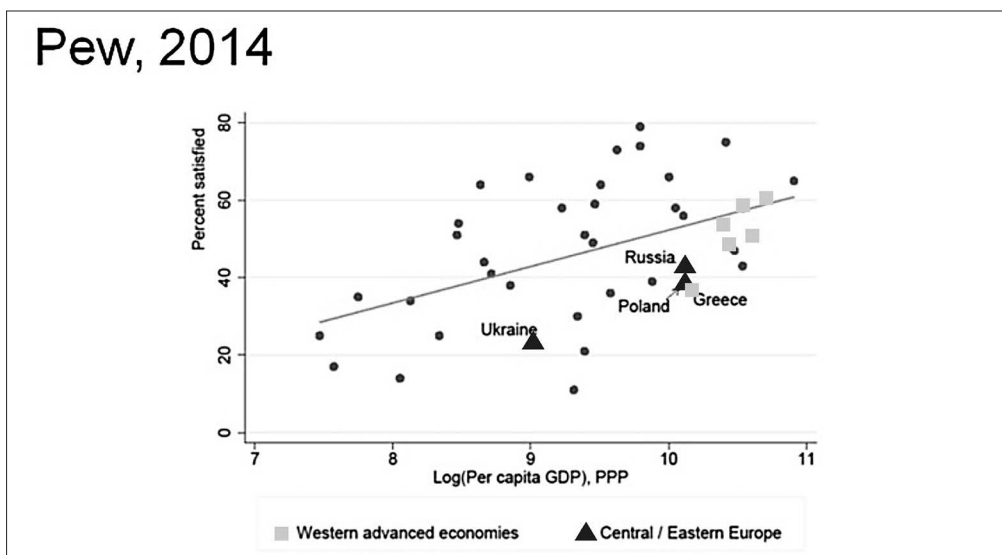
Хочу поделиться с вами результатами исследования общественного мнения. Суть этого исследования достаточно простая. В большинстве стран, находящихся в процессе перехода, были проведены такие же исследования, как и в западных странах со средним уровнем дохода. То есть проводился европейский опрос, подготовленный специально для стран, находящихся в процессе перехода, и там был задан целый ряд вопросов; основным был вопрос: «Довольны ли вы своей жизнью?» А если люди были недовольны, им задавали еще целый ряд вопросов: почему недовольны?

Те, кто занимается социологией, а не только экономикой, знают, что есть определенные показатели счастья, и в общем считается, что люди счастливы, когда они здоровы — это первая детерминанта счастья. Если вы здоровы, то вы более довольны жизнью. Второй показатель — это доход. Если вы богаты, в общем, обычно вы счастливее, чем бедные люди. Третий пункт — это то, что мы ценим солнечные дни. Если у нас больше солнца, мы, скорее всего, будем счастливее, чем те люди, которые постоянно живут в дожде. И четвертый пункт — это семья. Это сложный пункт, но, в общем, говорят, что если рядом с вами есть семья, есть люди, с которыми вы живете, дели-

те свою жизнь, неважно, трудно это или нет для вас, то вы, как правило, счастливее. Вот такие детерминанты счастья существуют.

В нашем посткоммунистическом времени эти четыре детерминанты по-прежнему играют важную роль. Несмотря на то, что мы, может быть, странные люди, и может оказаться, что нами руководят все-таки не эти четыре детерминанты, а что-то другое. Но в начале нашего исследования мы все-таки задали себе вопрос: «По детерминантам счастья мы похожи на другие страны или нет?» И ответили «да», если мы рассматриваем Болгарию, Россию, Чехию, и строим вот эту вот регрессию, экономическую статистику, о которой я говорил. Как правило, эти показатели играют для нас такую же роль, как и для других людей. То есть базовые теории работают. Далее мы задали другой вопрос, я покажу вам слайды.

Мы предположили, что тогда в странах Восточной Европы и в странах бывшего СССР должны быть такие страны, которые будут быстрее проходить этот переходный период, и люди там будут богаче и счастливее, и спустя какое-то количество лет люди достигнут нормального уровня счастья. Я не знаю, конечно, что такое «нормальный уровень счастья», но, скажем,

Слайд 1.

что это, наверное, как в Австрии, когда люди достаточно богаты, достаточно счастливы, может, у них не так много солнца, но достаточно счастья для среднего уровня. Мы строили такие регрессии (это пример по 2014 году), где рассматривали каждую страну в Европе и затем смотрели счастье по доходу на душу населения, а также контролировали количество солнечных дней в году, здоровье, продолжительность жизни, которая является одним из базовых мерил как раз здоровья, и количество членов семьи. И в базовой теории, если все верно, каждая страна должна быть примерно на оранжевой линии или чуть выше нее (см. слайд).

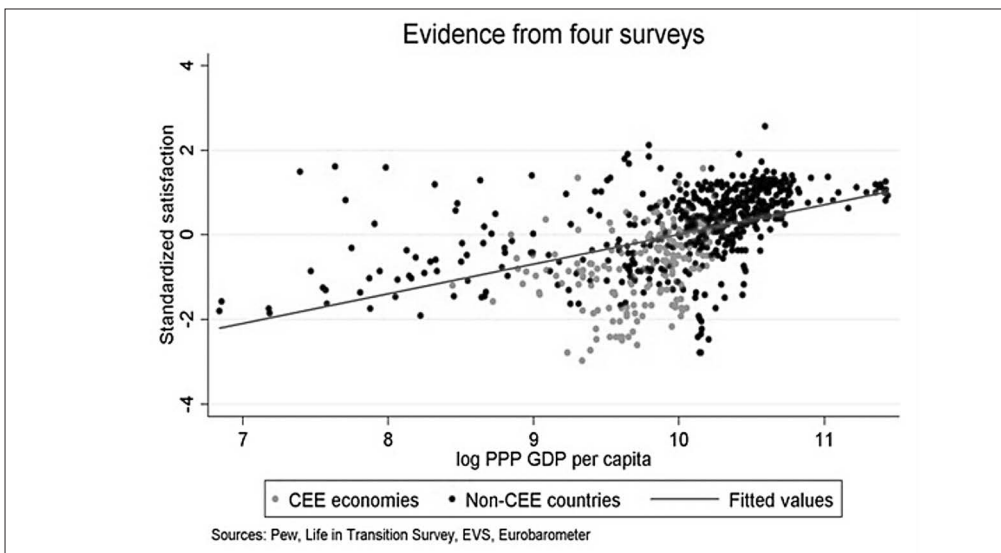
Здесь мы показываем не только Россию, Польшу, Украину — те, которые названы. Внизу там, кстати, Молдова, которая имеет здесь наименьший показатель. Также вы видите, что голубым цветом обозначены другие экономики переходного периода — это Беларусь, Казахстан, Грузия. Что мы здесь видим? Мы видим, что люди в этих странах переходного периода по этим контрольным характеристикам так не счастливы, как должны бы быть. Они находятся ниже линии среднего счастья. Здесь линия за последние десять лет не только по Европе, но и по всем

странам мира со средним и высоким доходами. Голубые точки — это то, с чем мы сравниваем: Австрия, Чили, Малайзия. А желтые — это наши страны. Есть страны, которые находятся над линией, но в основном все они ниже линии, люди в них менее счастливы, чем показывает базовая экономическая социальная статистика.

У меня есть слайд, который показывает положение дел в России и Украине. Относительно показателей по доходу, здоровью, погоде и семье наименее счастливая страна в мире, скажем так, Украина. То есть самая несчастливая страна в мире — это Украина, если мы смотрим по контрольным показателям. И это не феномен последних лет, это то, что беспрерывно показывается в исследованиях последние пятнадцать лет по состоянию на 2014 год.

И вторая в списке наименее счастливых стран в мире — это Россия. Далее идут африканские страны, затем Сербия, Беларусь, Болгария, Венгрия. Таким образом, в основном мы говорим о постсоветских странах.

При этом Украина и Россия — в определенном смысле рекордные страны. В нашем исследовании, конечно, еще очень много других графиков, но, возвращаясь к основному вопросу, я хочу сказать сле-

Слайд 2.

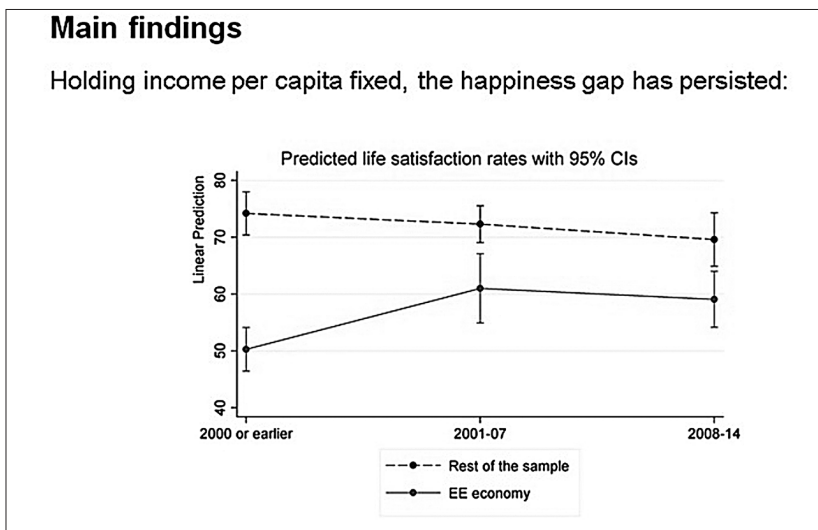
дующее. Есть исследования, которые проводились десять или пять лет назад, но не нами. В 2007 году исследование проводила Екатерина Журавская, которая сейчас преподает в Париже, и она тоже рассматривала этот вопрос счастья-несчастья. Пять лет назад в своей работе она с оптимизмом отметила, что это существовало несколько лет назад, но потом люди стали понимать, что страны в момент перехода достигли определенных успехов и стали более счастливыми.

Что мы пытаемся здесь показать? Мы пытаемся объединить все экономики переходного периода красным цветом, а остальные страны мира — синим. И мы видим, что с 2000 до 2006-2007 года этот пробел, можно сказать, сократился, а потом он устойчиво оставался на том же уровне, то есть мы не сблизились дальше. Это достаточно простая работа, и другие люди тоже это проделывали, она неоригинальна, может быть, но мы возвращаемся к вопросу: что происходит, почему в нашем регионе мы не становимся счастливее? И это связано с нашей сегодняшней дискуссией: почему это происходит и есть ли какие-то различия между странами?

Грубо говоря, происходит вот что: я говорил, что весь наш регион находится в относительно де-

прессивном состоянии по сравнению с другими странами; при этом есть Россия, Болгария, Венгрия, Грузия, Армения, которые изначально провели реформы, но есть такое мнение, что этих реформ было недостаточно, или они были слишком болезненны, их не стали поддерживать в будущем, и они остановились. Это страны второй группы из трех, которые я описал. То есть это не быстрые реформаторы и не те, кто вообще никогда не пробовал проводить реформы. Это те, которые находятся посередине, и таких стран на постсоветском пространстве большинство. Кто-то из них попробовал проводить реформы, а потом приостановил, кто-то попробовал, но поздно. Все это те страны, в которых народы особенно несчастливы.

Почему же так происходит? Для того чтобы сопоставить характеристики стран, в которых люди говорят, что они особенно несчастливы, нам понадобились дополнительные исследования. Не буду комментировать все наши действия, но скажу следующее. Что касается тех стран, которые начали реформы, а потом остановились, то в них люди видят процесс перехода как процесс увеличения коррупции. То есть в этом процессе богатые люди продолжают обогащаться, и эти люди находятся у власти, потом они могут уходить из нее или, наоборот, оставаться и продолжать

обогащаться. Украина как раз является прекрасным примером этого. А средняя часть населения, конечно же, ощущает себя в этом переходном процессе все менее и менее счастливой, потому что, как мы понимаем, большая группа политиков в основном за их счет через коррупцию и обогащается.

Здесь мы видим, что экономики переходного периода менее удовлетворены по определенным контрольным показателям в сравнении с другими странами. Далее есть результаты по эффективности правительства, также есть строчка по коррупции и индексу коррупции. И здесь мы понимаем, что все больше и больше людей в переходных экономиках ассоциируют переход с коррупцией, а именно коррупцией конкретной группы политически-экономической элиты.

Запрос на консерватизм

Тогда в умах большинства населения складывается, что если переход — это коррупция, то люди хотят чего-то другого, но не перехода от предыдущего режима к новому. В исследованиях и в политической ситуации по регионам мы видим консерватизм,

уход от трансформации и изменений, установление того, что стабильность — это лучше, чем перемены, поэтому давайте поддерживать политиков, политические партии и экономические платформы, которые не продвигают изменения, а поддерживают стабильность. А что такое — поддерживают стабильность? В более демократических странах это партии закона и порядка, которые говорят, что приватизация — плохая идея, экономические реформы могут быть хорошими или плохими, но вот если мы придем к власти, мы обещаем вам посадить в тюрьму всех богатых людей, которые нажились за ваш счет, и будем вести себя хорошо.

В Польше есть такая партия «Право и справедливость» (Пис), которая довольно активно действовала последнее десятилетие, они формировали правительство, и вот теперь вновь возвращаются. В Словакии премьер-министр Роберт Фицо и его партия — это тоже партия закона и порядка, они концентрируются на традиционных национальных ценностях. То есть это национальные партии, они действительно концентрируются на национальных ценностях и стабильности, а не на реформах. Такие партии существуют и в демократических странах Центральной и Восточной Европы.

	(1)	(2)	(3)	(4)
	Percent satisfied	Percent satisfied	Percent satisfied	Percent satisfied
log PPP GDP per capita	10.14*** (2.387)	5.787** (2.589)	10.86*** (3.289)	7.100*** (2.561)
EE economy	-7.314** (2.934)	-4.774 (2.878)	-7.716** (3.415)	-5.296* (2.892)
Life expectancy	0.297 (0.294)	0.305 (0.274)	0.270 (0.381)	0.219 (0.273)
Share Eastern Orthodox	-18.83*** (4.602)	-15.32*** (4.438)	-22.64*** (5.578)	-15.37*** (4.270)
Corruption perception index		0.253*** (0.0793)		
Doing Business, average DTF of selected regulations			-0.0943 (0.155)	
Government effectiveness (WGI)				15.19*** (3.692)
Regulatory quality (WGI)				-5.485 (4.591)
Rule of law (WGI)				-5.736 (4.983)
Survey controls	✓	✓	✓	✓
Year fixed effects	✓	✓	✓	✓

Слайд 4.

Россия и Венгрия

Есть также страны, которые пытаются понять, что происходит: это Россия и Венгрия. Одна, конечно, более важна в мире, чем другая, но тем не менее. С начала и до середины 1990-х мы наблюдали в этих странах определенные экономические реформы, потом они прекратились, и далее был период так называемого «дружественного» или «братского» капитализма. А затем и в России, и в Венгрии установился политический и экономический режим, основывающийся на консерватизме, стабильности и нелиберальной демократии, как это называют в Венгрии. Они говорят: у нас есть разные партии, поэтому мы все-таки либеральны, посмотрите на нашу экономическую модель. Это не коммунистическая модель прошлого, но и не модель свободного рынка, которую в какой-то момент они пытались построить. Эта экономическая модель, которая обладает определенными характеристиками, превалирует в российской экономике сегодня и в меньшей мере, но присутствует также в экономике Венгрии. Назову эти характеристики. Первая характеристика — это возврат к государственному владению, государственной собственности. Сегодня доля государственной собственности в России выше, чем была ранее. Это относится к количеству работников, которые служат в государственных и муниципальных учреждениях, также это касается транспорта, природных ресурсов, энергетики. Если мы посмотрим на 1995-1996 годы, доля частной собственности тогда была выше, чем сегодня.

Кстати, то же самое происходит и в Венгрии. Венгрия также в последние семь лет заново национализировала определенные структуры энергетического сектора и транспортные инфраструктуры, с тех пор как Виктор Орбан пришел к власти. Мы возвращаемся к национальным ценностям, и таким образом усиливается роль государства. Вторая характеристика, и она более превалирует в России, чем в других странах, — это попытка уйти от рынков в принципе, и не только через большую долю госсобственности. Даже там, где существуют частные рынки, говорится: «Нам не нравится, что цены устанавливаются на региональном или на секторальном уровне. Мы бы хотели контролировать эти цены». И как же это происходит? В основном через монополизацию, когда

в каждом секторе присутствует очень мало акторов (например, в таком секторе, как транспорт или авиация — очень хороший пример последних дней). Хотя в России есть и другие примеры. И тогда эти крупнейшие игроки говорят это вам, и это все больше и больше происходит в России, как происходило в других странах — Беларуси, Казахстане, которые никогда и не пытались проводить реформы, а также в Туркменистане.

Кто-то скажет: «Это просто политические лидеры. У некоторых политических лидеров есть такие взгляды, и поэтому так происходит». Наше исследование как раз показывает, что причина этого — не политические лидеры. Дело в том, что большинство населения в этих странах, как, может быть, и ранее, хотят другую систему, может быть, более устойчивую, зависящую от их собственного правительства, а не от каких-то внешних рыночных сил, которые неизвестны и которые они не могут представить. Помимо этого, это не просто российская, или венгерская, или словацкая тенденция, это тенденция, которая присутствует в разной степени во всем регионе. Она превалирует и в таких быстрых реформаторах, как Польша, Словакия, Чешская Республика. Это, например, страны, которые проводили пенсионную реформу, приватизировали пенсионную систему, а сейчас мы наблюдаем откат. В Румынии, в Болгарии последние три-четыре года то, что было частной пенсионной системой 10-12 лет, сейчас вернулось в государственные руки. В нашем регионе говорят, что рыночные тенденции хороши, но мы предпочитаем стабильность. А стабильность обеспечивается государством. Так что теперь мы переходим к разговору о стабильности.

Запрос на стабильность

Существует стабильность реальная, фактическая и стабильность воспринимаемая. Иногда люди говорят: «У нас небольшая экономика, а вот в некоторых странах, таких, как Россия, экономика огромная, и есть секторы, которые развиты лучше, чем другие». Различные страны и регионы старались ориентироваться на более крупные экономические блоки, например, страны Центральной и Восточной Европы ориентировались на Евросоюз. Естественно, это ры-

нок, насчитывающий 350 миллионов человек, то есть тут большие возможности для роста, для развития инфраструктуры, возможность стать частью большого рынка. Поэтому в Центральной и Восточной Европе каждая страна независимо от ориентации, каждая политическая партия рассматривала европейскую интеграцию в качестве одной из возможных перспектив, которая обеспечивала как экономическую, так и политическую стабильность.

А в России и вокруг России есть согласие относительно Евразийского экономического содружества. Если подумать, почему такие страны, как Казахстан, Киргизия, Армения, рассматривают членство в Евразийском экономическом сообществе, прежде всего здесь дело в том, что у них повышаются возможности сбыта своих товаров.

Новое экономическое пространство — Шелковый путь

Также в последние полтора года мы видим тенденцию, которая набрала обороты в Центральной Азии, в России, в некоторых странах Восточной Европы. Это инициатива, возглавляемая Китаем — новый «Шелковый путь». Это возможность создать новое экономическое пространство от Китая к Казахстану, России, Беларуси и далее — к странам Восточной Европы вплоть до Германии. То есть это попытка создать новую современную инфраструктуру для Казахстана, Туркменистана и для тех регионов России, которые близки к границе с Китаем. Далее путь идет к Москве, Санкт-Петербургу, портам Роттердама и Северной Европы. Многие политики испытывают воодушевление, когда речь идет об этой инициативе, и это происходит не только в России, но и в Грузии, а также в некоторых бывших югославских республиках. То есть это превалирующая концепция на сегодняшней экономической арене. Здесь сказываются надежды, связанные с расширением экономического сотрудничества и экономического развития.

Теперь несколько слов об экономической и политической стабильности.

Когда мы начинали процесс реформ, мы думали, что это довольно монотонный процесс, который идет через демократию и свободный рынок и позволит нам стать нормальной демократической страной,

как мы видели это в трех или четырех странах — Чешской Республике, Польше, Эстонии, может быть, в Словакии. То есть этим четырем странам удалось пройти этот путь. В других странах этот процесс занял гораздо больше времени, и в течение этого периода произошло несколько важных событий. Прежде всего процесс перехода все больше ассоциировался с коррупцией, поэтому росло противодействие, далее — возврат, может быть, не к старой системе, но к национализму, консерватизму и более традиционной политической и экономической модели. Для маленьких стран этого было недостаточно, и малые страны попытались вступить в экономические блоки, большие по размеру, идет ли речь о Евросоюзе, или ЕврАзЭС, или о новом «Шелковом пути».

Куда нам плыть?

Итак, порассуждаем о том, куда продолжают путь наши страны. В прошлом, когда думали о переходе, мы говорили о том, что в Европе — в таких странах, как Ирландия, Германия, Испания — в начале и середине 1990-х годов существовала определенная экономическая модель, и если вы будете стараться, то вы выйдете на их уровень. Но в наших странах все чаще задаются вопросом: почему коррупция росла, а экономический переход не удавался? В какой-то момент обнаружилось, что экономическая модель, характерная для стран Европы, здесь не работает. Прежде мы с завистью говорили об «ирландском тигре» или процессе модернизации в Испании, тем не менее и там и там все это восхождение закончилось экономическим кризисом. Эти страны оказались вовсе не такими уж успешными, как нам казалось.

Почему я говорю об этом? За последние годы я неоднократно участвовал в дискуссиях, например, с премьер-министром Венгрии Орбаном. Я спрашивал его: «Что вы чувствуете относительно того пути, по которому вы повели Венгрию?»

И он отвечал: «Раньше мы были наивными, мы были молодыми, мы хотели стать такими же, как страны Европы. Но хотим ли мы сегодня быть такими, как Испания, Греция, Италия, Франция? Мы не совсем в этом уверены. То есть сегодня мы видим, что эти страны более не представляют правильную экономическую модель».

И Китай не пример

Политики находятся в трудном положении. Выяснилось, что к западу от них находятся страны, которые больше не являются образцовой экономической моделью. Пять лет назад можно было сказать: «Мы хотим быть, как Китай». Китай в то время развивался быстро, двигался по пути модернизации, но сегодня Китай более не является хорошей моделью, экономика замедляется и продолжит замедляться в последующие годы. Откуда я это знаю? Мы видели, что это уже происходило в прошлом. В 1960-е годы японская экономика развивалась очень быстро, казалось, что скоро произойдет ее экспансия по всему миру. Потом произошло замедление и остановка роста. Затем мы думали, что следующим лидером станет Корея. Но опять же Корея выросла из страны со средним уровнем дохода и потом остановилась. То же самое происходит и в Китае. Итак, если вы принимаете решение относительно политики, вы видите, что и на Западе, и на Востоке у многих стран есть проблемы. С моей точки зрения, это отсутствие альтернатив, и есть причина, почему такие страны, как Россия и Венгрия, откатываются назад.

То есть если ничто иное не работает, может быть, мы вернемся к нашим традиционным ценностям и останемся на этом пути в течение какого-то времени, пока не будет предложена какая-то новая экономическая или политическая модель?

Я не знаю, что это за модель. Если бы я знал это, это была бы очень интересная лекция. Тем не менее есть вещи, в которых я убежден. Например, очень важно искать, смотреть на то, что происходит в Европе, в Азии, в других частях мира, есть ли довольно большая по размеру страна, где экономика является достаточно действенной, работает достаточно эффективно, где, возможно, мы можем найти формулу перехода. И, может быть, нам удастся достичь уровня средней европейской страны, то есть стать более здоровыми, более экономически успешными и, может быть, более скучными.

Спасибо за внимание.

Ответы на вопросы

Борис Грозовский: первый вопрос на правах организатора. У вас есть такой тезис, что реформировать

государство для постсоциалистических стран оказалось намного сложнее, чем реформировать экономику. Почему так получилось? Почему этого не было видно в самом начале, в первой половине 1990-х годов? Мне кажется, тогда сложность реформирования государства мало кем осознавалась. И, собственно, от чего зависит, кому проще, а кому сложнее?

Симеон Дянков: Действительно, в начале переходного процесса было так. Я работал во Всемирном банке и когда-то хорошо знал Россию. До того как я стал заниматься рейтингом Doing Business, ко мне обращались из разных посткоммунистических стран, приглашая помочь с подготовкой приватизации, банковскими реформами и другими инициативами МВФ. То есть я входил в состав делегаций и активно участвовал в процессе перехода. И, должен сказать, что в такой стране, как Россия, в которой сотни тысяч предприятий работали в государственной собственности, им нужно было приспособливаться к новым условиям, нужно было менять структуру управления, менять цены. И очень трудно менять менталитет, существующий в отрасли.

Мы видели, что в Чешской республике или в Польше все это произошло довольно быстро, за один-два года. То есть сам процесс приватизации был очень быстрым. И реформы Бальцеровича, и Клауса, в общем-то, позволили им или остаться у власти, или вернуться к власти позже. То, что представлялось нам сложным, оказалось не таким уж сложным. И, напротив, мы думали, что будет достаточно просто изменить государственные структуры и институты. Почему? Потому что мы видели примеры функционирующих институтов в других странах. Если посмотреть на приватизацию в России... В 1980-е годы при Маргарет Тэтчер в Англии было приватизировано всего 11 компаний. В России процесс приватизации только в начале 1990-х годов охватил 700-800 тысяч компаний. Если смотреть на пример Германии, Ирландии, Чили, стран Латинской Америки, то там все происходило на несколько лет раньше, чем у нас, и мы видели, например, в Чили, как быстро были реформированы государственные организации и структуры, созданы новые институты. В Чили была успешно проведена пенсионная реформа. Другие страны пытались взять чилийский пример на вооружение. Но в нашем регионе все оказалось не так. В России мы столкнулись с проблемой коррупции. То же самое

в Болгарии, в какой-то степени в Чешской республике и Словакии. У нас был хороший пример, но почему он не сработал в наших странах. Почему же случилось именно так? Я думаю, что на этот вопрос есть два ответа. Первый ответ мы нашли с помощью нашего опроса: недостаточно изменить, реформировать институт или государственный орган, важно изменить отношение людей, которые работают в этой структуре. Я думал над тем, для чего существуют наши институты, и вижу, что само мышление до сих пор не изменилось ни в России, ни в Украине, ни в Болгарии, ни в других странах нашего региона. То есть когда люди обращаются в суд, они ожидают, что процесс будет медленным, неэффективным и что они столкнутся с коррупцией. Того же ожидают и судьи. Поэтому, с правовой точки зрения, сами по себе институты в этих странах изменились серьезно, но наши ожидания относительно того, каким образом они будут работать, остались прежними.

А теперь давайте вернемся к примеру Чили. Почему в Чили был удачный опыт? Прежде всего в Чили не было столь долгой традиции коммунистического менталитета. Это одно объяснение. Кроме того, в Чили реформы происходили в момент перехода от диктатуры Пиночета. То есть у них было немного времени, и за год или полтора они уволили всех, кто работал в судах, на таможне, и за короткий период изменили менталитет населения так, что новые институты, новые организации стали работать по-новому. В наших странах этого не произошло — остались те же люди, которых мы видели и прежде. Население ожидало, что они будут вести себя так же, а люди у власти ожидали, что население будет вести себя так же. В этом психологический аспект перехода. Я думаю, все здесь потерпели неудачу — мы не поняли, что важно было сделать это быстро и изменить все сразу.

...Каждая страна в переходном периоде продвинулась, стала вести бизнес более дружелюбно. Да, какой-то частный сектор существует во всех странах — и в Беларуси, и в Туркменистане, а в Казахстане даже больше, чем в Беларуси и в Туркменистане. Но в начале перехода — вот о чем я говорил — было четкое разграничение между теми странами, которые пытались проводить реформы быстро и, даже если что-то у них не получалось, снова пытались, и странами, которые колебались. Болгария — яркий тому

пример. В 1997-1998 годах мы только начинали проводить реформы. Но есть другие страны, в которых реформы происходят последние три-пять лет, и мы видим усовершенствования в деловой среде, о которых вы говорите, и реформы в банковском секторе, в коммерческом банковском секторе, в использовании современных финансовых инструментов и т. д. Но это происходит спустя 10–15 лет, а в тот момент эти страны взвешивали разные варианты и смотрели, какую же модель им выбрать.

А сейчас, когда я заканчиваю свою лекцию, модели по всему миру нестабильны, неустойчивы, и поэтому, когда та или иная страна начинает выбирать какую-то модель, может быть, в это время в Европе эта модель уже не хороша. Или, например, если мы сейчас хотим следовать модели Китая, может быть, через пять лет мы этого уже не захотим, и нам надо будет по-другому развивать нашу экономику. Мне кажется, что Казахстан пытается более традиционно подойти к реформам деловой среды и того, о чем вы говорили, — сферы ведения бизнеса, и также пытается смешать азиатскую экономику: такие пути развития, как китайский, с более традиционными моделями Европы. И мне кажется, что, тем не менее, это феномен последних лет, а был такой период, когда опирались больше на стабильность, чем на трансформации. Но опять же здесь существуют различия. Например, я участвовал в пенсионной реформе в Казахстане, которая проходила раньше, чем в других странах Восточной Европы, поэтому, наверное, мне надо более осторожно подходить к определению стран и их группировке.

Живя в России последние пару лет, я думал о том, почему я не могу выделить какого-то конкретного реформатора в России, по крайней мере, в тех сферах, с которыми я знаком. Перед тем как я приду к виртуальному определению, я хочу сказать, почему сейчас в России нет реформаторов, и особенно по нашему блоку. Это не только российский феномен. Мне кажется, это связано с тем, о чем я уже говорил. Получилось так, что в большинстве стран нашего региона политически решили, что реформаторы сейчас не в моде. И даже если у нас будут какие-то конкретные характеристики, этот человек или команда не будут популярны, даже если они будут знать, как прийти к власти и проводить реформы. То же происходит и в России, и в Украине. Мы много обсуждали, как из-

менялась Украина и ее экономика. Происходили изменения, но реформаторов в Украине тоже нет, не смотря на разные «великие периоды».

Нужен ли реформатор?

Что же должен делать реформатор, каким он должен быть? В первую очередь, у него должна быть определенная идеология. У большинства политиков нет конкретной идеологии, поэтому людям они либо нравятся, либо, наоборот, не нравятся. Но такие политики вновь переизбираются, поскольку они обращаются к разным людям, фотографируются с детьми, открывают новые заводы, но толком ничего не делают. Очень немного политиков во всем мире, в разных странах, в разные периоды приходили в правительство с какой-то своей идеей: предположим, проведения пенсионной реформы, либерализации цен и каких-то конкретных действий. Зачастую просто экономика или какой-то конкретный сектор находятся в таком плачевном положении, что, бесспорно, необходима какая-то реформа. Но при этом у реформатора должна быть идеология, то есть он должен знать, *что* ему необходимо сделать. При этом не обязательно знать, *как* это сделать, потому что можно собрать вокруг себя экспертов, которым будешь доверять, и они уже скажут, как провести эту реформу. Но реформатор должен знать, что он хочет идти в этом направлении. В России, я думаю, сейчас такая проблема существует.

И второй момент (этот момент равен нулю в России и очень ограничен по всему миру) человек должен быть готов провести реформу, сделать что-то другое, новое и при этом должен быть готов к тому, что его действия не сразу оценят, может быть, вообще возненавидят после этой реформы. Именно поэтому такие люди, как Бальцеревич и Клаус, делали что-то в самом начале, и они никогда не сделали бы то же 10 лет спустя. У них было определенное понимание того, как они хотят что-то сделать, и при этом они не думали о том, что их ждет в политическом будущем — останутся ли они в партии, будут ли они лидерами. Сейчас вряд ли есть такие люди, которые скажут, что они хотят прийти, изменить что-то, а потом уйти в частный бизнес или в академию. В основном политики думают: если я проведу вот эту реформу, будут ли люди меня так же любить? И, ко-

нечно, зачастую они понимают: нет реформы будут непопулярны, поэтому они эти реформы не проводят. И что меня удивляет: я знаю много политиков здесь, в России, на конференциях эти люди говорят правильные вещи. И кажется, что да, это вот реформаторы, с которыми здорово было бы поработать. Но потом все, о чем они говорили, не осуществляется. А почему не осуществляется? Потому что нет политического рынка для реформаторов. Даже если есть возможность провести какую-то реформу, для вас лучше не будет, поэтому от этого лучше воздержаться. Да, этот человек должен быть, как камикадзе рисковать и делать — а потом будь что будет. Такие реформаторы были раньше в России, но сейчас их нет.

Вопрос: прокомментируйте идею об экономическом росте и восприимчивости счастья. И второй мой вопрос о евразийской интеграции. Как вы думаете, есть ли в этом экономические преимущества для России, или это политические преимущества только для наших элит, которые находятся у власти?

Симеон Дянков: Я начну со второго вопроса, потому что на него ответить проще. Любое расширение экономического пространства является благом, особенно в прошлом — весь Советский Союз представлял собой единое экономическое пространство. Сейчас запущен проект ЕврАзЭС, и я думаю, что для всех стран, которые сюда входят, это благо, особенно для небольших, поскольку это возможность расширить свой рынок. Для России этот процесс может быть полезен с той точки зрения, которая до сих пор не осознается большим количеством людей. Если вы посмотрите на те страны, которые входят сейчас в ЕврАзЭС, и на те страны, которые пытаются провести реформы (то есть на сегодня это Казахстан и Беларусь). Как я уже говорил, Беларусь слишком зависит от России, то есть они хотят повысить уровень конкурентоспособности и пытаются привнести изменения в свою бизнес-среду. В Казахстане это скорее попытка диверсификации, поскольку там существует сильный энергетический сектор. Но они хотят развивать и другие секторы. Позитивным в этом процессе является то, что у нас, допустим, сегодня реформаторов в России нет, но есть реформаторы в Казахстане, и может быть, Россия окажется зараженной вот этим духом реформ из небольших стран. Это уже происходило несколько раз в прошлом.

Следующий вопрос — оправдано ли думать о реальных категориях экономического роста? Я думаю, что да, поскольку вот говорили об уровне счастья: чем богаче страна, тем выше уровень счастья. И если мы можем говорить об экономических реформах, которые могут сделать среднестатистического гражданина богаче, такие реформы поднимают уровень счастья. Но это не единственный индикатор. Первый индикатор — здоровье, затем доход на душу населения, погода или климат и семья, семейные ценности.

Если задать вопрос по-другому: который нужно принимать во внимание, — ответ: нет. Здесь нужно обращать внимание на здоровье: если мы можем сделать людей здоровее, то они будут счастливее по сравнению с тем, если бы они могли стать богаче. Опять же, если у вас лучше развита система здравоохранения, то вы, безусловно, становитесь счастливее. Но есть и другие факторы. Я также был в Ирландии — и не понимаю, почему люди там счастливы. У них не только плохая погода, но и, допустим, пища, которая, с моей точки зрения, является плохой. Но есть другие вещи — семейные ценности, может быть, еще что-то, чего мы как наивные экономисты не можем пока осознать. Тем не менее, безусловно, это факторы, которые делают общество более счастливыми. Мы, конечно же, все больше хотели бы быть счастливее, чем богаче.

Вопрос: Как вы оцениваете политику Европы, прежде всего в смысле отношений с Россией, причем не относительно недавнюю, а в масштабе 10-15 лет? Кажется, что Европа не готова к каким-то широким жестам в отношении России. Сейчас к украинским реформам присоединилась команда грузинских реформаторов. Как грузинские реформы могут помочь Украине? И еще вопрос — как улучшить экономическую среду в России? Будущее экономики в плане кадров.

Вы долгое время были министром и вице-премьером Болгарии, насколько я знаю. Хочу спросить вас про вашу родную страну. Сначала, когда вступили в ЕС, подарили надежду всем болгарам, почему все-таки потом все получилось не так и сейчас многие болгары очень обижены?

Симеон Дянков: Оба вопроса об экономических реформах взаимосвязаны. Итак, европейские взгляды на Россию в течение последних 10-15 лет — не только после того, что произошло с Крымом. Здесь

речь идет не о том, что в Европе немного не понимают Россию; дело в том, что чтобы знать, как действовать, нужно больше информации. Как уже говорилось, в течение четырех лет я был вице-премьером и министром экономики Болгарии. С 2010–2012 годов я проводил столько же времени в Брюсселе, сколько и в Софии, в тот период я встречался со многими ведущими европейскими политиками, и у нас были дискуссии в том числе по вопросу России. И если я правильно понял ваш вопрос, то существует непонимание России, нежелание общаться с Россией. С моей точки зрения, безусловно, имеет место и непонимание того, что происходит в России, и определенный страх перед Россией, и постоянное запаздывание в реагировании на происходящие события. Значительная часть европейских стран не успевает реагировать на то, что происходит в России. Почему кризис так затянулся? Европа больше не представляет единую систему. Даже в последние два-три года у нас была дискуссия: кто же, по сути, является руководителем Европы? Нужно обращаться к одному человеку и говорить, что возникла проблема. А тут сложно сказать: есть несколько президентов, несколько руководителей советов, есть такие страны, как Германия, которая доминирует в дискуссиях. И тем не менее у нас нет единого политического органа. А если его нет, то процесс принятия решений идет медленно. Мы видим, что происходило с Грецией. С экономической и политической точек зрения там было все тривиально, но тем не менее проблема не решалась в течение шести лет. Кроме того, есть исторические причины, почему Европа приняла решение не взаимодействовать с Россией настолько тесно, насколько могла бы. Европейские институты слишком молоды, слишком неэффективны. Они не успевают задуматься над широкой стратегией — с кем стоит работать. Я думаю, что благодаря таким внешним угрозам, как Сирия, Ближний Восток в целом, Китай ситуация меняется.

Есть также вопрос, хочет ли Европа, чтобы Россия была частью Европы, хочет ли она найти общее экономическое пространство с Россией. Но процесс проходит медленнее, чем мы думали.

Почему Болгария не так счастлива, как другие страны? Частично по причинам, которые я уже упоминал. Когда мы вступили в Евросоюз, мы думали, что мы быстро станем средними европейцами. Болгары

всегда смотрели на немцев и австрийцев, как на средних европейцев. А потом оказалось, что мы совершенно не похожи на австрийцев и даже не превращаемся в них, не приближаемся к ним. Поэтому если мы посмотрим на наши первые годы в Евросоюзе, то болгарский доход на душу населения приближался к среднему европейскому, а сейчас — нет. Сейчас уже среднеевропейский уровень растет гораздо быстрее, чем в Болгарии. Поэтому само по себе членство в Евросоюзе ничего не дает. Дает, конечно, большое количество ответственности, но не дает экономического роста, социального развития, если, конечно, вы сами не будете к ним стремиться. Мы знаем, что некоторые болгары и некоторые эстонцы (как коллега говорил, 25%) переезжают в другие страны, и большой процент болгар тоже живут в других европейских странах, потому что они не удовлетворены уровнем экономических и социальных изменений в Болгарии. И мне кажется, что ни болгарские, ни европейские политики не понимают, что при вступлении в Евросоюз вы получаете возможность, конечно, более широкой экономической и социально-политической зоны, но также мобильным людям становится легче сказать, что, например, Болгария не будет быстро реформироваться,

поеду-ка я в Германию, в Лондон, в Швецию. И вот этот вход в Евросоюз, как это ни иронично выглядит, приводит к тому, что страна теряет большое количество активных, энергичных, умных людей, и мы наблюдаем, что в Болгарии в основном остаются старые поколения. Что же касается грузин в украинском правительстве, действительно, несколько представителей Грузии присутствует в украинском правительстве, также есть литовец, их министр экономики. Они пытаются импортировать реформаторов. Грузия — в сельское хозяйство и в прокуратуру, а министр экономики, который является основным человеком и проводит экономические реформы, министр финансов, этнический украинец, был рожден в Чикаго и большую часть своей жизни провел там. Опять же, этот вопрос связан с тем, что у людей нет желания проводить реформы. В данном случае у этих людей в Украине нет политического будущего. Они знают, что через год-два не будут частью политической элиты, поэтому они не боятся проводить реформы (некоторые из них, конечно же, успешные, другие — неуспешные). Потому что когда ты оказываешься в парламенте, депутаты на тебя смотрят и думают: а кто ты такой, чтобы говорить мне, что делать в моей стране? □ □

© Фонд Егора Гайдара

© Текст: Симеон Дянков

изолированный

рассказ

Неожиданно экран ожил. Начались новости. Я надел очки и прибавил звук. Когда все это случилось, они пообещали, что будут вещать регулярно, как только наладят связь. Но связь они так и не наладили, поэтому точного времени эфира до сих пор не знал никто, и даже они сами. Чтобы посмотреть новости, приходилось оставлять телевизор включенным. Больше по нему ничего не показывали. На каждом канале одна и та же рябь черно-серых муравьев, от которой болели глаза и ехала «крыша», если смотреть в экран слишком долго. Кроме телека и единственного канала с помехами, не работало больше ничего. Не было ни интернета, ни сотовой связи, не говоря уже о стационарной. Радио тоже вымерло. На потеху мне и тем жителям, которые не сбежали из города, когда все начиналось, какие-то энтузиасты брали в руки камеры и микрофоны и выходили на пустынные улицы, чтобы вести свои репортажи прямо с места событий. За этот подвиг они заслуживали всеобщей любви и признания, и я был уверен, что найдутся люди, которые станут восхищаться такими «смелчаками». Но только не я. Они казались мне болванами, рискующими собственными жизнями, и все ради чего? Ради безликих людей, которых они никогда не увидят и которые никогда не скажут им спасибо за этот жертвоприношеннический труд. Но они все равно продолжали стараться, работать не покладая рук, чтобы сохранить телевизионную связь, единственную ниточку между запертыми на все замки квартирами и внешним миром; они каким-то чудом умудрялись поддерживать ее, тогда как все остальные каналы в одночасье отрубались и с той поры совсем перестали вещать. Впрочем, мое дело было — не выключать телевизор и не пропустить новости, когда они появятся, а с этим я мог справиться и без риска для собственной жизни. Я прибавил громкость, не боясь потревожить соседей. Я решил, что дом вот уже несколько дней как опустел, и кроме меня, здесь никого не осталось. Дело было не только в том, что я не слышал шума (хотя раньше шума от соседей было хоть отбавляй), дело было в этом тягостном, навязчивом чувстве, которое подсказывало мне: во всем нашем большом многоэтажном многоквартирном доме я действительно остался один. Могло быть и так, что соседи мои всего лишь затаились: сидят себе тихонечко и не включают новости, не разговаривают друг с другом, не принимают душ, — но чутье подсказывало мне, что на самом деле их просто здесь нет. Как и многие другие, они уехали, когда началось все это безобразие. Мне тоже стоило последовать их примеру, и несколько раз я даже пытался. Но останавливался перед дверью, полностью одетый, с запасом еды и воды, останавливался и слушал, что делается за ней. За дверью не было ничего. Сколько бы я ни пытался хоть что-то расслышать, там была только тишина и пустота. И мне было страшно выходить туда. Да, и куда бы я пошел?

Беспорядки начались на прошлой неделе, и сначала никто не придавал этому серьезного значения, несмотря на то что вспышки были неожиданными и яростными. Казалось, скоро это прекратится: полиция, военные найдут управу на хулиганов. Только это были вовсе не хулиганы, что стало очевидно через несколько дней, когда их бушующая ярость выплеснулась на город. Они начали активные действия в центре, сосредоточив свои усилия на административных зданиях, мэрии, муниципалитете, службе занятости. Они устраивали побоища среди бела дня, и их не останавливали ни сила, ни здравый смысл. Тогда-то жителям и посоветовали укрыться в своих квартирах и ждать. Первоначально их ярость и агрессия носила какой-то политический подтекст, но вскоре она трансформировалась в нечто более зловещее и страшное. Они крушили все, что попадалось под руку: ларьки, магазины, автобусные остановки, школы, рестораны, офисные здания. Грабили, поджигали. Город лихорадило в анархии и неизвестности: никто тогда не знал, что станет с жилым домами, никто не мог гарантировать, что они не вернуться к нетронутому, когда все остальное будет уже разрушено. И что тогда случится с теми, кто укрывается в своих квартирах? Нам оставалось только молиться, чтобы все закончилось еще до того, как анархисты, как кто-то их называет, обрушат существующий уклад, существующий мир с его правилами и превратят его в место, в котором невозможно станет дальше жить.

Только я не думал, что это анархисты или байкеры, как говорили по телевидению. Это была какая-то другая сила, куда страшнее «Ангелов Ада» или «Движения за свободу». Дать им разумного определения я не мог, потому что его еще не существовало. Наверное, его придумают позже и через столетие будут изучать по учебникам истории. Если сама история к тому времени не исчезнет. Но пока этого определения не было, я называл их: *они*. В этом «они» было заключено все, что нужно, все, что требуется знать. В этом «они» и была та сила, с которой я предпочел бы никогда не сталкиваться. В теперешнем новом мире мой способ действий казался самым эффективным и простым: не суйся наружу, идиот! Ничего не случится, если спрятаться у себя дома и пытаться умаслить всех известных богов мольбами о спасении жизни. И в моем страхе не было ничего постыдного: согласно теории, от начала и до конца оправдывавшей мои действия, а точнее, их отсутствие, страх, которому я подчиняюсь, заключен в природе людей. Бояться — также естественно, как и хотеть есть: я боюсь, следовательно, существую. Пока чувствуешь страх, пока подчиняешься ему, все в порядке и с твоими инстинктами самосохранения, а значит, и с тобой. Животные (а все мы так или иначе животные) не выходят ради славы на опасные улицы города и не стараются спасти чужие жизни, когда их о такой помощи даже не просят, они борются за выживание изо всех сил, и неспроста природа наградила их инстинктами, которые у иных людей вдруг притупились или вовсе отказали в работе.

Взять, к примеру, ее. Что она вообще тут делает? Я ни разу не видел ее в новостях, и не знаю, откуда она взялась, может, и не журналистика вовсе, думал я, глядя на молодую девушку с яркими красно-рубиновыми волосами, которая вела репортаж с места событий. Часть волос она убрала назад, заколов их на затылке и открыв свое безупречное лицо. На бледной прозрачной коже отпечатались темные изгибы бровей и глаза, горевшие синим пламенем. Ее красоту никак нельзя было назвать «модельной», и в чертах лица не угадывалось положенной мягкости, которая так нравится мужчинам в своих женах. Скорее, она относилась к тому типу красивых женщин, которым вечно не везет в любви, слишком красивых, чтобы кто-то любил их по-настоящему. Но для нее все это как будто не имело никакого значения. В этом мире у нее находились дела поважнее: ради меня и тех, других, кто боялся выйти на улицу, она вышла туда сама и бесстрашно встала посреди безлюдной площади, чтобы вести этот абсурдный, бессмысленный репортаж так, как будто ничего не случилось. В ее глазах читалась такая сила и мощь, каких мне не доводилось прежде видеть ни в одном человеке. Это было оно, то самое ощущение, которое я никак не мог распознать, найти внутри себя все эти проклятые дни. Да, несмотря на то, что я — мужчина, сильнее ее, взрослее, и, наверное, даже умнее, внутри она была сильнее меня в сто тысяч раз. Она была Давидом, она же была и Голиафом.

«Городу причинен огромный ущерб, — сообщала тем временем репортерша, — некоторые здания не восстановить. Что-то пострадало от огня, что-то от вандализма».

Камера пришла в движение, оставив ее лицо где-то за кадром. Вместо него она подсунула мне реальность: картины разрушенного, обездоленного города, который стало не узнать. Вот здание цирка, точнее то, что им когда-то было, и площадь перед ним, — безлюдная, пустынная, выжженная чьей-то ненавистью. На этом месте, раскрашенном когда-то мыльными пузырями, воздушными шарами, розовой сахарной ватой, нарядными пони и притворно веселыми колунами, все цвета будто бы стерлись. Площадь стала графической. Она завалена мусором. Битые пивные бутылки, листки афиш, гора стекол и поломанных веток. Здание цирка представляет собой странное жалкое зрелище: больше оно не похоже на приют детства и веселья. Одна его часть стоит, как ни в чем не бывало, стены все также выкрашены в веселенький зеленый цвет, на крыше болтается оторванная растяжка с рекламой гастролей белых медведей, но общую картину портят выбитые окна и вторая часть здания, которая полностью обуглена. Совсем недавно тут бушевал пожар, и если бы не прошедший накануне ливень, цирк сгорел бы до основания. Он стоит неуклюжим уродцем, притихший, помятый, как будто не зная, куда ему девать свое уродство, стесняясь того, как над ним надругалась судьба. Мне кажется, я даже чувствую запах гари, которую ветер доносит сюда, хотя в реальности этого не может быть — все окна в квартире закрыты, да и цирк находится от меня за семь с лишним километров.

«К счастью, вчерашний дождь прекратил страшный пожар», — сказала репортерша, но за ее словами я услышал, что она думает, я и сам думал так же: несмотря на оставшуюся половину, здание уже не восстановить. Ее, эту часть, которая так отчаянно не хотела умирать, все равно придется снести. И меня охватило чувство безнадежности. «Вчерашний дождь прекратил страшный пожар». Ну, и что с того? Сколько еще случится таких пожаров, прежде чем...

Камера подвинулась и представила нашу новую жизнь, еще больше картинок с места событий. Но после цирка, после того, что мы видели сегодня, ни одна из них так не трогает и не задевает за живое. Они приносят облегчение, ибо означают, что сегодня ничего страшного больше не случилось, и этот вид становится привычен глазу: эй, посмотрите, это же просто обезлюдевший город, где на дорогах нет ни людей, ни машин, ни бездомных собак. Только несколько автомобилей, которые так и остались стоять у обочины. Теперь они так же мертвы, как и большинство зданий, вместо окон глазами сверкают разбитые стекла, двери сорваны с петель, крыши, капоты помяты, побиты, — вряд ли хозяева когда-нибудь вернутся за ними. Хорошо: город теперь застрял без пробок.

«В центре города, — продолжала говорить репортерша, и камера влюбленно сосредоточилась на ее лице, — прошла первая волна беспорядков. Судя по всему, они устроили временную передышку. Если кто-то имеет возможность уехать в более безопасные районы, то надо делать это сейчас. К сожалению, это лишь крупницы информации, которой мы обладаем, мы даже не можем гарантировать ее стопроцентную достоверность. Точных данных, что происходит и где это происходит, нет ни у кого. Мы постараемся держать вас в курсе событий и будем выходить в эфир до тех пор, пока ваши каналы принимают нас. Будьте осторожны. И до встречи».

Репортаж закончился, вместо красивого лица репортерши по экрану поползли черно-серые муравьи. Ради любопытства я пощелкал по другим каналам, но везде было одно и то же. Я оставил телевизор включенным. Вряд ли она скоро вернется, но кто знает?

Я подошел к окну и посмотрел вниз на улицу. Окна моей квартиры выходили на дорогу. Вот вам: пустая проезжая часть и колпак автобусной остановки. По ту сторону, напротив моих окон, стройными рядами жались друг к другу гаражи, принадлежавшие какому-то кооперативу. За ними виднелись крыши частных одноэтажных домиков, — чьи-то летние дачи, — а еще дальше поблескивала река. Из-за туманной дымки реки не было видно, но я знал, что она там. По правую сторону, несколько в отдалении возвышались массивно трубы остановившегося завода. Когда-то из них валил привычный густой белый дым, нынче его отсутствие резало глаз. Слева, чуть поодаль от гаражей, находилась платная стоянка: там, безо всякого присмотра и охраны, раскорячились чьи-то автомобили, всего три машины, за которыми так никто и не пришел. Вот уж не подумал бы, что окна во двор могут быть таким преимуществом! Если бы только я мог видеть соседние подъезды, лавочки, детскую

площадку, чужие окна, если б мог видеть, что происходит там, на той стороне. Может быть, там есть движение, может, люди выходят из подъездов, смотрят в соседние окна, общаются между собой, живут...

Пошел мелкий рябой дождь. Он казался почти незаметным, но стоило мне открыть окно, капли ударились в лицо и на вытянутые ладони. Погода все время стояла промозглая, как будто чувствовала настроение города и вторила ему. Вот уже который день дожди сменялись туманом. Солнце не выглянуло ни разу. Порой терялось ощущение времени: трудно было определить, который час, которое время суток, и даже если я смотрел на часы, то все равно сбивался в подсчетах. Время скакало: то быстрее, то медленнее. Но все равно куда-то двигаясь, — в отличие от меня.

Дождь, как ни в чем не бывало, все шел на пустынной улице. Ни тебе машин, ни пешеходов под зонтами. Хоть бы проехала машина, хоть бы одна. Но сколько я ни смотрел, сколько ни ждал, машин не было. Дождь продолжал размывать асфальт на дороге, образуя лужи, от которых не было брызг...

Значит, вот как. Если я собираюсь остаться здесь, мне нужна еда. Придется выйти на улицу.

Я пошел на кухню и осмотрел запасы. В верхнем ящике нашел пакет гречки, сухие лавровые листья, горсть риса, слипшуюся курагу (не помню, когда я ее покупал?), несколько штук изюма и сухой перец чили. В холодильнике обнаружился пакет прокисшего молока, три яйца, кусок сырокопченой колбасы и плавленый сыр. Этого хватит дня на два, может, больше, но кто знает, сколько продлятся беспорядки? Они могут закончиться завтра или сию же минуту, а могут продолжаться еще недели две. Как скоро придет помощь и придет ли она? А они могут явиться со дня на день, или даже раньше. И скорее всего, это мой последний шанс. Надо выйти отсюда и надеяться на счастливый случай, на то, что все обойдется; но когда это в последний раз мне везло?

Я нашел два крепких пакета, скатал их и запихнул в карман куртки. Надел ботинки; напоследок окинул беглым взглядом квартиру и открыл дверь. В коридоре было тихо; было тихо везде, и у соседей тоже. Двери вроде бы наглухо заперты, но понять, уехали они или надежно прячутся за мнимой безопасностью замков, невозможно. Я встал у лифта, протянул руку к кнопке, но тут же опустил ее. Я не был уверен, что хочу сейчас слышать какие-нибудь звуки, даже привычный звук трущихся тросов, которые тянут за собой лифтовую кабину, окажется слишком резким для моего слуха, инфарктным ударом по моему страху. Я повернулся и пошел вниз по лестнице. Шаги гулким эхом понеслись по коридорам. Мне представилось, что соседи, прильнув к дверям, слышат их и боятся представить себе, кто я такой. И тогда я попробовал вспомнить людей, которые здесь живут, но понял, что почти никого из них не знаю. Их имена, их лица, их рукопожатия и кивки головой в немом «здрасьте» не хотели рисоваться в моем воображении. У меня никогда не было потребности в общении с соседями: мне хотелось отгородиться от них, пропустить мимо ушей разговоры, не слышать звуков у себя над головой. Что ж, теперь-то так оно есть. Но невольно я все равно думал об этих молодых семьях, которые летними вечерами прогуливались во дворе с маленькими детьми, о юных девочках, которые поздно возвращались с дискотек и все время ругались с родителями, о парнях, которые зимой сидели на лестнице, курили и брэнчали на гитарах, о стариках, которые прожили здесь всю жизнь. Особенно о стариках. Что станет с ними теперь? Они же не могут никуда уехать, никуда уйти: у них нет возможности даже выйти в магазин, за едой... И мне стало так жаль, так жаль их всех, что я чуть было не принялся молотить во все двери. Для чего? Чтобы спасти. Но кого? В первую очередь мне нужно спасти самого себя.

Я с трудом остановил внезапный порыв. Если я ничего не слышу, значит, их там нет. Я услышал бы звуки, услышал. Быть может, они давным-давно уехали. Уехали, вот и все. Но думать о том, как эти старики и старухи, которые раньше казались мне такими незначительными, как будто не существующими, как они могли куда-то уехать, скрыться, я не стал. Мне не хотелось вникать в причины этой мертвой тишины, которая неслась из-за всех дверей, и представлять, будто люди, которые жили здесь, никуда не уехали, они просто перестали шуметь, насовсем, попросту умерли. Но если кто-то там и есть, если есть там живые, то уж они наверняка слышат меня: стук яростно бьющегося о грудную клетку сердца разносится по всему дому. Наконец я дошел до первого этажа.

Спустился к входной двери. Но прежде, чем выйти на улицу, немного постоял, собираясь с мыслями, готовясь ко всему, что могу там увидеть.

Дверь была приоткрыта. Домофонный замок сломан. Он был сломан раньше, до этих событий, или его сломал кто-то еще? Я не мог точно этого вспомнить. Я резко обернулся: мне отчетливо показалось, будто сзади притаился кто-то и ждет. Но там, за моей спиной, никого не было. Пустой коридор, шершавая лестница. Почудилось.

Я вышел на улицу. Никого. Чуть поодаль припаркованы две машины; неподвижные детские качели; пустая лавочка; палисадник с поникшими кустарниками; почти стертая на асфальте краска; огромные, растекающиеся во всю ширь лужи и белеющий фонарный столб. Дежа вю: когда-то я это уже видел. Но это же мой двор, место, которое я и вправду видел тысячу раз, что тут удивительного? И в то же время, теперь здесь было что-то не так. И я понял: я никогда прежде не видел двор таким пустым. Когда бы я ни оказывался здесь, в какое бы время суток, во дворе всегда находились люди, даже если их не было видно, их присутствие, человеческое тепло, ощущалось так отчетливо, что причин для беспокойства или неудобства не было никакого. Но теперь двор был пуст. Ни души, в самом полном смысле этого слова.

Дождь все еще моросил.

Магазин был напротив, метрах в пятидесяти от меня, и я побежал к нему, хотя нужды в этом не было никакой. Я дернул дверь, ожидая, что она заперта, но дверь отворилась. Замок был сломан: кто-то уже побывал здесь до меня. Или... все еще находится внутри. Впервые я пожалел, что не взял с собой никакого оружия. Мне просто не пришло это в голову. Впрочем, дома у меня все равно нет ничего, кроме кухонного ножа. Сумел бы я при случае им воспользоваться? Стоило мне представить, как нож протыкает чью-то плоть, проникая в органы и ткани, как течет из раны кровь, неся за собой боль и смерть, мне стало неловко. Я не знал, как это бывает по-настоящему, — как убивают других людей. Окажись нож у меня в руках, я все равно не смог бы им воспользоваться. Нет, не смог бы!

В магазине было пусто и тихо. Перед кассами в коридорчике безмолвствовали банкоматы. Здесь же громоздились тележки и корзинки для продуктов. На полу валялись разбросанные чеки, от следов ног было грязно. Все ячейки для хранения сумок распахнуты настежь, и каждая из них пуста. Я перелез через металлические магнитные дверцы и остановился, осматриваясь. Один ли я?

Магазин выглядел таким же, как всегда. Он и в обычные дни производил впечатление опустевшего вымершего магазина. Теперь мало что изменилось. Сразу у входа лежали развалы овощей и фруктов, значительно подпорченных. Над сливами и персиками витали мошки, бананы почернели, помидоры завяли и сморщились. Я прошел мимо стеллажей с водкой, вином и шампанским, даже не взглянув на алкоголь. В первую очередь мне необходимы консервы, то, что может храниться вечно. Я взял понемногу тушенки, рыбы, печени, оливок. Все уместил в один пакет. Второй доверху набил макаронами и лапшой быстрого приготовления.

Чем дальше я ходил по магазину, тем увереннее себя чувствовал. Я перестал замирать, перестал останавливаться и прислушиваться к шорохам и звукам. И в то же время мне казалось, здесь кто-то есть, мне казалось, я чувствую чье-то незримое присутствие. Спиной я ощущал на себе взгляд, настолько явный и реальный, как будто наблюдающий стоял в одном шаге от меня. Но стоило мне обернуться, повинувшись этому иррациональному инстинкту, никого там не оказывалось. Пора было уходить, места в пакетах все равно не осталось. Но у выхода на меня вдруг нашло озарение: я вспомнил, что где-то у касс должны быть фирменные пакеты. Я мог бы взять что-нибудь еще: у меня совсем не было мяса, колбасы, полуфабрикатов. Оставив два полных пакета у выхода, я подошел к одной из касс. Здесь также, как и прежде, лежали жвачки, шоколад, мятный «тик-так». Куда бы им деться, но меня эти проклятые жвачки поразили больше всего остального, как будто во всем остальном не было ничего удивительного и странного. Мне привиделось, что я оказался в магазине в самый обычный будничный день. Как будто бы ничего не случилось. Весь мир, который я знал, быстро и необратимо рушился, а жвачки так и лежали на своих местах. Я перегнулся через кассовую ленту, здесь под ней, как я и думал, обнаружилась пачка пакетов. Я забрал их все. Я не смог бы столько унести, но мне некогда было считать. Это не та обычная жизнь, которой я привык жить, хватить думать о других, — уговаривал я себя. Хватит думать о том, что эти пакеты мо-

гут пригодиться кому-то еще, но, тем не менее, я об этом думал. Мне нельзя было терять времени, но я все равно вернулся к кассе и большую часть пакетов положил обратно. В оставшиеся покидал мясо, колбасу, сосиски, курицу, столько, сколько смог унести. Наверное, хватит: я с трудом остановил панический порыв. С голоду я не умру, ничего подобного не случится. Помощь придет скорее.

В магазине я все сделал, и пора было уходить, уносить ноги, на этот раз окончательно, но вдруг я отчетливо услышал шорох, он был реален, никаких фантазий и галлюцинаций. Я замер, и мне показалось, что вместе со мной замерло мое сердце, я не чувствовал и не слышал его. Сердце шумело у меня в ушах.

Кроме меня в магазине был кто-то еще. Теперь я точно это знал.

Я не двигался с места. Надо было проверить, кто или что там, но я боялся. Уходить, поворачиваться спиной к этой неизвестности было еще страшнее, поэтому я просто стоял.

Он сам вышел из-за стеллажа с йогуртами. И встал, глядя на меня. Он был выше меня ростом и определенно сильнее, более крупного телосложения. Даже голова его была больше моей. На нем были черные узкие джинсы и черная кожаная куртка, и весь его вид внушал определенные опасения: вот пришел мой конец. Кроме этого, в голове не было ни единой мысли, я не порывался куда-то бежать, спастись. Я просто стоял и смотрел на него. А он — стоял и смотрел на меня. Но потом я увидел его глаза, и с облегчением выдохнул. В его глазах я прочитал тот же страх, что испытывал и сам. Он был не из них. Он был такой же, как и я. И он, здоровый мужик, куда здоровее, чем я, боялся точно так же, если не больше. Страх — он один для всех.

Только теперь я заметил, что он держит в руках корзинку для продуктов, наполовину полную. Увидев эту корзинку, я чуть было не расхохотался. Но смеха не было, за эти дни я забыл, как это делается. Мое лицо исказила непроизвольная вымученная гримаса, в данной ситуации меньше всего похожая на улыбку: мужчина отшатнулся и недоверчиво нахмурился. Я постарался успокоиться. Унять дрожь и перестать так улыбаться. Я кивнул ему. И он кивнул в ответ. Мы разошлись, каждый в свою сторону. Я забрал свои пакеты и быстро пошел домой.

Оказавшись дома, я запер квартиру на все замки и только тогда почувствовал облегчение. В уютной безопасности квартиры воспоминания о страхе, который я только пять минут назад испытывал там, снаружи, припустились. Сознание сжалилось надо мной: я совсем не мог думать обо всем этом. Мне стало казаться, что все прошло не так уж и плохо, что если понадобится, я смогу сделать это еще и еще раз, но тут я вспомнил встречу с незнакомцем, вспомнил, как ужас сдавил мое сердце так, что оно остановилось на несколько секунд, вспомнил озноб, который прошел по моему телу, и понял, что больше никогда не смогу выйти на улицу, никогда.

С самого утра я ничего не ел и, похоже, все еще не был голоден, но теперь у меня было довольно еды, и я, скорее по привычке, пошел готовить ужин. Я отварил макароны, смазал их сливочным маслом, отрезал большой шматок колбасы и вместе с тарелкой прошел в комнату. Уселся на пол, перед телевизором; здесь я чувствовал себя как будто в большей безопасности. Я даже спал теперь на полу: расстилать для сна кровать в сложившейся ситуации казалось мне чем-то неправильным. В суеверном страхе я не хотел доставлять себе никакого комфорта. Мне чудилось, будто в теплой и уютной постели я непременно умру, хоть я и не мог рационально объяснить, почему так должно случиться.

Как только я уселся на пол начались новости: на экране возникла студия и привычный диктор. Теперь студия выглядела аскетично, ей больше не старались придать сколько-нибудь важный вид, потому что он потерял всякое значение: куда-то исчезли вазы с икебанами и аквариумы с цветными шариками, не было ни ярмарочной панорамы города за дикторской спиной, ни бегущей строки внизу экрана. Одним словом, ничего, кроме голый зеленой стены и бессменного ведущего новостей.

Я не помнил, чтобы на этом канале когда-то появлялись другие дикторы, кроме этого. Может, других никогда и не было. Когда я впервые увидел его, за этой вот стойкой, ему не было и тридцати: он казался худым и смущенным юношей, который только начинает свою карьеру. Помню его короткую стрижку ежиком и дорогие костюмы, в которых он появлялся в эфире, они не подходили к его молодому, безусому лицу, но магазин мужской одежды — один из спонсоров программы — обязан был снабжать его рекламными вещами на время эфира.

За годы молодой мальчик превратился в мужчину: он приобрел солидность сытой и довольной жизни, лицо его округлилось, но казалось, скорее приятным, а не отекившим от чрезмерных возлияний, как у большинства местных новостников и корреспондентов. Изменилась и его прическа: стрижка стала длиннее, волосы он теперь зачесывал на правый бок, местами в них уже проглядывала седина. В последнее время меня раздражала эта его привычка зачесывать волосы именно таким образом, — ему это не шло, — но теперь я был только рад, что он не изменил себе, что он остался все тем же ведущими новостей, которого я знал столько лет. Он держался так, как будто ничего не случилось, и выглядел он все так же: в неизменном костюме и при галстукке, — разве что в фигуре его чувствовалась какая-то сторбленность, а на лице отпечатались следы усталости, которые он даже не пытался скрыть косметикой. Имея деньги и наверняка возможности, этот диктор никуда не сбежал. Он остался здесь, чтобы делать свою работу. И в тех словах, что он произносил с экрана, не было фальши и заученности: он больше не говорил о событиях этого дня или погоде, он не рекламировал турфирмы и не распиался о благотворительных акциях, — он говорил о том, что сейчас нам надо держаться всем вместе, и что чем больше будет нас, тем меньше будет их. Он говорил с такой страстью и горячностью в голосе, что ему невозможно было не верить. Мне захотелось, чтобы такой человек, нет, не просто такой человек, а именно он, которого я всегда считал слишком серьезным и претенциозным, стал бы моим другом. В чем-то я позавидовал ему. Мне захотелось почувствовать тоже, что чувствует он. Но я не мог так, я не был таким, как он.

Когда диктор объявил, что пора переходить к событиям на местах, картинка на некоторое время пропала, настраиваясь, покряхтела, а после всего на экран снова вернулась она. И она улыбалась. Теперь — как будто я сходил с ума — мне стало казаться, что она обращается прямо ко мне, специально выходит на связь, чтобы поговорить со мной. Не зря же она появилась именно тогда, когда больше всего была нужна мне!

«Выглядишь усталой», — сказал я ей.

«В центре города по-прежнему затишье, — ответила она. — Мы обошли здесь каждую улицу, но не наткнулись ни на одну банду, ни на одно формирование. Мы продолжаем думать, что по какой-то причине террористы либо скрылись, либо же перебрались в другой район. К сожалению, со средствами связи дела обстоят неважно, и к нам не поступает никаких сообщений оттуда».

Камера, оторвавшись от ее лица, явила нам новые кадры разрухи, и я, наконец, увидел то место, где они находились: возле администрации города.

«Не надо тебе там быть, — сказал я ей, покачивая головой, — тебе совсем там не место».

Само здание, впрочем, пострадало не сильно, но в тоже время это больше не было главное здание города: окна выбиты, белые когда-то стены изрисованы бессмысленными граффити, в котором не заключено никакого послания, в котором одна только злоба и ненависть. На земле, на газоне, валяются кожаные кресла, компьютерные мониторы, и даже столы — все это из каких-то варварских соображений выбрасывалось из окон, и теперь сиротливо лежало на траве, украшенное битым стеклом. В фонтане, который был призван украшать площадь перед зданием, покоились мониторы и кресла. Откуда-то там даже взялся телевизор.

«До сих пор трудно поверить в то, что происходит, — донесся из-за кадра ее голос, — существует группа людей, своеобразный мозговой штаб, который находится сейчас в нашей студии, пытаюсь найти выход из сложившейся ситуации, связаться хоть с кем-нибудь из представителей власти или военных, но результатов пока мало».

Она замолчала, давая нам возможность обдумать ее слова, понять, что нас не бросили на произвол судьбы, что кто-то думает о том, как прекратить все это, но на самом деле, слова ее имели обратный эффект. Я вдруг понял, что нас и вправду бросили. Нет ни правительства, ни военных, ни даже полиции, а значит, некому помочь нам, и значит, на самом деле, нас и бросили на произвол судьбы.

«Вы должны знать, что вы не одни, и помощь в скором времени обязательно придет».

Может, она и верила в то, что говорила, но теперь в это не верил я...

Камера затряслась, и вместе с репортершей повела нас дальше, по главной пешеходной улице города. На ней валялись стулья, вынесенные из кафешек, и перевернутые столы. Город изменился, и как бы там ни было, он из-

менился навсегда. Никогда теперь все это не будет таким, как прежде, никогда. Эти картины, картины жуткого вандализма, жуткой ярости, которая выплеснулась сюда, будут преследовать нас до конца жизни. Те, кто видел их, уже не забудет.

Она сказала, что на сегодня заканчивает свой репортаж, и они выйдут на связь только завтра утром, если не случится ничего экстраординарного, но я все равно оставил телевизор включенным. На тот самый экстраординарный случай. По экрану поползли черно-серые муравьи, и я снова остался один.

Одиночество никогда не тяготило меня. Наоборот, я любил его. Как часто мне не терпелось закрыться в себе от внешнего мира, от всего того абсурда, который несут люди, который они показывают по телевизору и обсуждают в социальных сетях. Я не любил людей, не доверял им и совсем в них не нуждался, — так мне всегда казалось. Но сейчас, вспоминая диктора и репортершу, я решил, что ошибался в людях как в единой массе, — они вовсе не такие, как я считал прежде. Может быть, и я, вместе с ними, не тот, за кого принимал себя всегда? Впервые за последнее время, а может, и за всю жизнь одиночество стало угнетать меня, и мне захотелось, чтобы рядом со мной оказался живой человек. Я бы заскулил от тоски, но вовремя подавил в себе этот порыв. Еще несколько дней — и я уже не смогу сдерживать его.

Вместо того чтобы просто побриться, я надумал принять ванну. На самом деле, бриться мне совсем не хотелось, да и мыться, по правде, тоже, но я должен был заставить себя это сделать. Надо было делать хоть что-то, приводить себя в порядок, чтобы не превратиться в обезумевшего обросшего вонючего зверя. Дверь в ванную комнату я оставил открытой, чтобы слышать шум телевизора, и в случае чего узнать о включении экстренных новостей, а также (хотя я и не признавался в этом самому себе) слышать звуки за дверью квартиры. Мне все время казалось, что вот-вот поедет лифт или кто-то из соседей спустит воду, но ничего такого не происходило. В одну минуту мне померещилось, будто кто-то открывает входную дверь: вот звенит ключ и щелкает замок, но это был всего лишь мое воображение.

Пока я лежал в горячей воде, я не мог не думать о том, что происходит вокруг меня. Как мы могли допустить такое и как нам теперь из всего этого выбраться? Мне не хотелось верить в плохой исход этой истории, просто потому, что казалось, — ничего плохого в итоге случиться не может. Тем более, со мной. Да, я знал, что это происходит с нашим городом, со страной, а может быть, и со всем миром тоже, но в первую очередь это происходило со мной, а уж потом с кем-то другим, и значит, ничего, ничего плохого не случится. Ну, это же я. Вот. Мои руки и ноги в горячей воде, я существую. Я думаю, чувствую, осознаю, а значит, так будет и дальше. И так всю мою жизнь! Все неприятности казались мне происходящими как бы понарошку. Я смотрел новости о пожарах, крушениях самолетов, идущих ко дну кораблях, террористических взрывах и других страшных вещах, и представлял себе, что вот-вот объявят, — это шутка, розыгрыш, на самом деле, нет никаких пострадавших, их всех удалось спасти, — и мир вздохнет с облегчением. Но такое никогда — ни разу — так и не сбылось. Новости не заканчивались так, как я хотел бы думать. Значит, плохое в любой момент может случиться и со мной, просто раньше я отказывался это принимать. Я погрузился в воду полностью, чтобы не думать больше ни о чем, и держался под водой столько, на сколько хватило дыхания. Когда я вынырнул, в груди горел огонь. Я прижал к ней руку и почувствовал, как быстро бьется сердце, как под рукой пульсирует жизнь, и больше не думал о трагическом конце. Я знал, что его не случится.

Я лежал в ванной до тех пор, пока вода в ней не остыла. Потом тщательно вымылся, не забыв почистить уши, побрился и вылез из воды. Воду я спустил.

Я лег спать с включенным телевизором и по привычке завел будильник, хотя мне некуда было спешить. Звук у телевизора не было, только бегающие по экрану черно-серые муравьи, и я посчитал, что они не будут мне мешать, но отсветы экрана отражались в закрытых глазах и долго не давали мне заснуть. Если же я переворачивался на другой бок, мне начинало казаться, что свет изменился, что он перестал быть приглушенно-серым, а значит, начались те самые экстренные новости. Я вздрагивал, садился и открывал глаза,

но телевизор работал в прежнем режиме. Наконец, я не выдержал и выключил его. В конце концов, если случится что-то серьезное, я узнаю об этом утром. А даже если нет, какая разница?

Но несмотря на то, что теперь ничто не мешало мне спать, спал я плохо. Как будто даже и не спал, а дремал, сквозь сон прислушиваясь к звукам: мне все время казалось, что в квартире кто-то бродит. Голос разума твердил мне, что если кто-то захочет забраться сюда, ко мне в дом, я обязательно это услышу. Они не действуют тихо. Но заснуть все равно не удавалось. Только под утро я забылся коротким сном, но тут же, как будто и не засыпал, проснулся. Проснулся сам, до звонка будильника, и в этот раз понял, что больше не усну. Первым делом включил телевизор: экран, по-прежнему, мигал черно-серыми муравьями. После бессонной ночи я чувствовал себя разбитым, невыспавшимся, несчастным, и мне не хотелось вставать. Я лежал так долго, глядя в потолок перед собой. Сам не заметил, как начал напевать чью-то песню, только никак не мог вспомнить, чью и откуда ее знаю.

Goodbye, Ruby Tuesday...

Who could hang a name on you?..

Наконец, и будильник зазвонил. Я отключил его и заставил себя подняться. Я свернул мою «постель», — одеяло на котором спал, подушку и плед — и отодвинул все это в угол. Нехотя умылся и почистил зубы. Когда я варил кофе, из комнаты донесся звук работающего телевизора, и, отставив турку в сторону, я поспешил на звук.

В это утро репортерша показала мне особенно красивой. Красно-рубиновые волосы были собраны на затылке в узел, но так небрежно, что из него выбились неудачные пряди и бесхозно повисли возле ушей. Темные тени залегли под глазами, так что они казались глубоко запавшими на фоне ее бледной кожи, но глаза по-прежнему были ясными: неугасаемо в них пылали все тот же синий свет, как и в тот день, когда я впервые повстречал ее. И вдруг — как удар, потрясение, — я понял, что это было только прошлым утром.

Она рассказала, что на рассвете произошла стычка с полицией. С одной стороны, это была радостная новость, означавшая, что власти (или кто там теперь за них) не дремлют и пытаются навести хоть какой-то порядок, с другой, — стычка не принесла желаемых результатов, кроме раненых с обеих сторон и возможно убитых.

«Массовые беспорядки до сих пор продолжаются, очаги вспыхивают то тут, то там, и невозможно предсказать, где начнутся новые», — голос ее звучал не так бодро как вчера; она просто устала, но не сдалась. Мне оставалось только надеяться, что она не сдалась.

Камера перешла от крупного плана к общему, и я наконец увидел, где они находятся. Возле того самого ресторана, в котором я когда-то любил бывать. Место на углу двух улиц, он казался удачно расположен, но за десяток лет успел сменить несколько владельцев, которые переделывали его на свой лад. Когда-то в этом подвале был молодежный бар, так и не ставший популярным, а перед этим помещение несколько лет пустовало, никто не хотел брать его в аренду из-за чрезмерно высокой платы. Еще раньше, это я слышал со слов людей старшего поколения, здесь находилась комиссионка, разорившаяся с приходом капитализма и повального наводнения прилавков товарами на любой взыскательный вкус. И вот в последние годы обосновался китайский ресторан. Вывески с названием, которое было написано и по-русски, и по-китайски, теперь уже не было: то ли ее утащили, то ли своротили от скуки. Красные фонари все еще колыхались над входом, но были порваны в клочья, одни ошметки. Кругом кучи битого стекла.

Железная дверь, ведущая в подвал, была немного приоткрыта, и мне захотелось, чтобы репортерша отошла от нее. Нехорошо ей там стоять. А вдруг один из них выпрыгнет оттуда? У него может быть нож или еще что-нибудь. Кто защитит ее? Я сказал:

«Отойди от двери. Не стой там. Заканчивай скорее свой дурацкий репортаж и уходи оттуда».

Но она все стояла и говорила, как нам надо держаться вместе, как людям необходимо быть со своими семьями, родными и близкими. Потом она попрощалась, пообещав, что обязательно вернется, и по экрану снова поползли черно-серые муравьи.

Я лег на пол, прямо на ковер, заложил руки за голову и стал смотреть в потолок.

Если у вас есть семья, друзья. Вам надо держаться вместе. Если у вас есть. Семья. Друзья. Вот что говорила она на прощание.

«Но что, если у меня никого нет?» — произнес я вслух.

И тут услышал протяжный вой. Я вскочил с пола как ошпаренный. Подошел к окну и осторожно выглянул из-за занавески, но на дороге было пусто. Кричали на улице, где-то далеко отсюда, но вой был страшный, нечеловеческий. Может быть, собака? Я открыл распахнул окно: дул холодный ветер и шел дождь, — все равно как будто бы тихо. Но через некоторое время вой снова повторился. Я так и не смог понять, кому он принадлежит. Может быть, это сигнализация? Звучит как-то неубедительно. Надо признаться себе: если я слышу вой, даже если он далеко отсюда, но если я слышу его, значит, они уже близко. Скоро они придут сюда, на эту улицу. Что тогда будет? Что будет с нашим домом? Что будет со мной? Я долго стоял у окна, но вой не повторялся. Кроме дождя, больше ни звука. Тогда я вернулся на пол и снова лег. Из-за бессонной ночи меня теперь клонило в сон. Я взял подушку и одеяло, лег прямо на ковер, завернулся в одеяло с головой, и на этот раз крепко заснул.

Мне приснился странный сон. Мне приснилось, будто я остался единственным живым человеком на Земле. Я находился в незнакомой стране, в незнакомом городе. Это был маленький, непромышленный городок, скорее всего, туристический, и судя по архитектуре, европейский: узкие улочки, мощенные камнем дорожки, рельсы трамвайных путей. Чудесный город! Именно такой, в котором хочется очутиться, когда ты остался единственным человеком на Земле. Я шел вдоль трамвайных рельсов и грезил тем, какими эти улочки были раньше, хотя раньше я никогда их не видел. Я то останавливался, то озирался по сторонам, как будто был туристом в странной туристической поездке: в незнакомый город без людей. Я проходил мимо открытых кафешек и закусных, где столики были вынесены на улицу. Мне захотелось присесть за какой-нибудь из них, почувствовать в прохладном воздухе кофейный запах, заказать кофе, какой-нибудь пирог и смотреть на проходящих мимо людей, неторопливо наслаждаясь жизнью. Но людей не было, и столики тоже были пусты. Я знал, что если сяду, если буду сидеть здесь, никто никогда не подойдет ко мне, никто не вынесет мне кофе и пирог.

Я шел мимо места, которое когда-то было рынком. Длинные деревянные ряды под навесами стояли пустые, но мне представилось раннее воскресное утро, когда торговки приносили сюда овощи и фрукты и аппетитными горками укладывали их на лотки. Они повязывали фартуки, торговали, сплетничали, считали сдачу, укладывали лук и помидоры в прозрачные пакеты, следили, чтобы уличные мальчишки не воровали персики. Чтобы купить все самое свежее, надо было встать пораньше и идти на рынок, когда он только начинал свою работу. Но в таком раннем подъеме не было неохоты и лени. В этом воскресном утре, напоенном шумом рынка, запахами свежего лука, необходимостью немного поторговаться, была своя красота, какое-то необъяснимое, несоизмеримое ни с чем счастье.

Я шел дальше, продолжая удивляться этим милым сердцу мощным улочкам, как будто знал их сто лет. Мои ноги легко ступали по земле, легко по ней шли, и казалось, будто меня совсем не волнует, что я остался последним человеком на Земле. В этом походе мне чудилось нечто особенное, будто предначертанное свыше. Моя прогулка не была бессмысленной тратой времени, она была какой-то серьезной целью, логичным завершением чего-то, и я не мог не наслаждаться ею, не мог не упиваться этим чудным городком и безмятежным синим небом у меня над головой.

Я прошел мимо дома, из окна которого доносилась музыка:

She would never say where she came from,

Yesterday don't matter when it's gone...

Кто-то забыл выключить магнитофон...

Goodbye, Ruby Tuesday. Who could hang a name on you?

When you smile with every new day, Still I'm gonna miss you...

Я шел дальше, но все еще слышал музыку. С каждым шагом она становилась все тише и вскоре смолкла совсем, но я знал, что где-то там она все еще продолжает играть.

Вскоре я остановился, чтобы немного отдохнуть. Местом моего привала оказалась небольшая площадь, в центре которой стоял фонтан. Я, быть может, и не остановился бы вовсе, если бы не этот фонтан: мне пока-

залось, что где-то я видел его. Фонтан был небольшим по размеру, метров восемь в диаметре, и теперь уже, — нерабочим. Когда-то он был выкрашен в травянисто-зеленый цвет, но со временем краска выгорела на солнце, а кое-где облупилась, придавая фонтану старинное очарование. В центре его находился ансамбль из двух фигур: обнаженный по пояс мужчина в каком-то странном переплетении с дельфином, — то ли он отпускал его на волю, то ли, наоборот, крепко его держал, не давая тому вырваться на свободу. Лицо мужчины было серьезное, но вместе с тем — печальное, и мне показалось, что фонтан этот был обречен с самого начала. Еще с тех времен, когда тут фотографировались туристы: туристы поодиночке, туристы в обнимку, туристы, бросающие в воду монетку, туристы, сидящие на парапете, свесив ноги вниз. Я представил сотни этих фотокарточек, которые и сейчас где-то есть, фотографий с людьми, которых теперь уже нет. В последний раз я посмотрел на фонтан, чтобы лучше запомнить его, и пошел своей дорогой.

Я шел, а день догорал. И когда сумерки спустились на город, мне стало тревожно. Во сне я не знал, чего бояюсь, — бояться-то вроде бы и не следовало, — но тревога все сильнее охватывала меня: и этой тревоге не было объяснения. С каждым шагом она усиливалась, а я все шел и шел, шел, не останавливаясь. До тех самых пор, пока наконец не проснулся.

За окном стемнело. Бодрствовать ночами, особенно такими, как эти, — не самое приятное занятие, но из-за потери ощущения времени мой внутренний график сбился, разболтался и совсем перестал меня слушаться. Я отправился в ванную, чтобы умыться холодной водой и согнать с себя остатки сновидения, такого явственного и такого реального. Я взялся за щетку и зубную пасту, но обнаружил, что тюбик почти пуст. Впрочем, переживать об этом не стоило. Я загадал для себя, как это, бывает, делают дети, что все закончится еще до того, как мне понадобится новая зубная паста.

Однако причины для беспокойства все-таки были, просто я не сразу это понял. Пока я чистил зубы, рассматривая надписи на тюбике, которые сулили мне «strong teeth», «white teeth» и «fresh breath», до меня дошло, что именно тревожит меня: нарастающая зубная боль. До того, как я обратил на нее внимание, она почти не чувствовалась, но теперь я отчетливо осознал ее. Если так пойдет и дальше, плохи мои дела. Вряд ли какой-нибудь стоматологический кабинет сможет меня принять. Разве что боль сама через некоторое время утихнет, если отвлечься от нее, не думать о ней постоянно.

Я приготовил ужин: открыл банку рыбных консервов и заварил быструю лапшу. В этот раз новостей не было, но по привычке я ел в комнате на полу перед включенным телевизором. Когда я закончил есть, когда перемыл в раковине всю грязную посуду и даже подмел пол, я понял, что мне совершенно нечем заняться, чтобы скоротать время до утра. Теперь я даже не мог заснуть, а что еще остается делать в одиночестве, в запертном пространстве, когда время растягивается словно тесто? Казалось бы, вот он, конец, но на самом деле можно тянуть в эту сторону и еще вот в эту, и ты смотришь, что должен был пройти час, но не прошло и десяти минут. Мне вспомнилось, как когда-то раньше, когда меня все доставали, мне хотелось остаться одному. Я думал, что тогда смогу спокойно почитать книгу, не отвлекаясь на шум, разговоры и не к месту работающий телевизор. И вот оно. Вот. Наступило это время, когда я остался совсем один. Я мог делать, что угодно: ходить нагишом по квартире и обливаться шампанским, мог врубить на полную громкость порнофильм или «Black Sabbat», я мог бы станцевать румбу прямо на ковре, — но мне ничего этого не хотелось. Я боялся оторваться от серого экрана телевизора и, кроме того, чтобы смотреть в него, есть и спать, мог только желать, чтобы мое одиночество оказалось нарушено. Пусть позвонит телефон и пусть даже на том конце провода будет тот, кого я не хочу слышать, пусть постучит в дверь сосед с пятого этажа, который так меня раздражает, и попросит дрель, хотя у меня отродясь ее не было (и он это прекрасно знает), и пусть тогда предложит сообразить на двоих, или пусть нагрянут внезапные гости, те, кому я никогда не открывал дверь, когда они являлись без приглашения, пусть начнут ругаться отец и дочь у меня над головой из-за того, что она вернулась слишком поздно, и пусть к чертовой матери они перебудят весь дом. Пусть случится хоть что-нибудь, что нарушит мое одиночество. Но ничего так и не случилось.

Она вышла в эфир поздно ночью. В этот раз на ней были голубые джинсы и черная водолазка, поверх которой накинута потрепанная куртка, явно ей не по размеру. В широкой куртке ее фигура, и без того маленькая, казалась невыносимо хрупкой: и от нежности у меня разорвалось сердце. Я разнервничался: теперь мне требовалось выпить. Во время застолий и дружеских посиделок я вполне мог обходиться без спиртного, как правило, оно оставляло меня равнодушным и никогда не подчиняло себе так, как других, но во время сильно-го стресса, алкоголь помогал мне успокоиться. Сознание как-то сразу прояснялось и все вставало на свои места.

Я налил коньяка, предпочитая его другим крепким напиткам (я всегда имел заготовку на крайний случай), и сказал:

«За тебя!» «За тебя! Ты знаешь, сегодня так здорово выглядишь!»

Вместо ответа репортерша сообщила о новых погромах в районе, совсем близком к моему.

«Значит, уже скоро», — сказал я вслух.

Вместе с погромами съемки из центра города переместились в спальный район. Несмотря на то что он находился рядом со мной, я плохо знал его, а потому не смог бы распознать каких-либо примет, чтобы сказать точно, где именно находится репортерша, но я верил, что она где-то близко. Здесь, как, впрочем, и везде, на любых других улицах города, было пусто, не видно даже бездомных кошек и собак. По безлюдным улицам гулял только ветер, из прохожих — один вчерашний дождь. Все машины, все до единой, что остались припаркованы на обочинах, были побиты: одна изувечена больше, другая меньше, но, так или иначе, досталось каждой. В витринах магазинов выбиты стекла, сами они разграблены. Не знаю, сколько человек за один день могли сотворить такое. Тысяча? Десять тысяч? Раньше про это можно было только читать в книгах, такое случалось, но не с нами, а с кем-то в будущем, написанное печатными буквами на листах бумаги. Но вот оно будущее. Оно наступило. Город, а может, и вся страна, кто его знает, погрузились в анархию. И, как ни странно, меня это больше не ужасало, я привык к тем картинам, которые теперь нам показывали в эфире, так привык, что они перестали меня волновать. Все, что меня волновало теперь, — девушка с рубиновыми волосами, девушка, которая стояла сейчас там, в то время как я, взрослый здоровый мужчина, боялся даже выйти в магазин. И тогда я снова поднял за нее тост.

«Твое здоровье», — и я чокнулся с экраном, как раз в тот момент, когда он погас.

Эфир закончился, но мне не терпелось, чтобы скорее прошли те томительные часы ожидания до следующего выпуска новостей.

«Кажется, я начинаю скучать по тебе».

Я выключил телевизор: вряд ли в ближайшее время можно ожидать эфира, но сознание того, что она где-то рядом, грело душу. Я открыл окно и прислушался. Мне казалось, что я слышу, как *они* приближаются, мне казалось, я слышу крики и шум, звон разбитых стекол. *Они* где-то совсем рядом.

Я почувствовал, как в воздухе что-то изменилось. Но шум, который почудился мне вначале, был приятен на слух, и я понял, что это было вовсе не *их* приближение, как мне показалось, — это где-то шла гроза. И гроза приближалась сюда. Я вздохнул с облегчением. В грозу *они* вряд ли будут носиться по городу и крушить его. Скорее всего, укроются где-нибудь и станут выжидать. Жрать ворованную из супермаркетов еду и обдумывать дальнейшие планы мести. Если они вообще способны думать, и если это можно было бы назвать мстостью. Мстят обычно за что-то, а все то, что творится теперь, происходит просто так, по щучьему велению. И наши дела в таком случае обстоят еще хуже, потому что нет ничего страшнее неосознанной жестокости, ничем не обусловленной, дикой жажды разрушения. Уж кому, как не мне, этого не знать.

Гроза и вправду началась. Я никак не мог получить от нее удовольствия: у меня снова разболелся зуб, и все внимание сосредоточилось только на боли. Смысла говорить себе, что надо вовремя ходить к зубному, не было никакого. Но смешно: я все равно повторял себе это по нескольку раз подряд. Надо было вовремя ходить к зубному. Надо было вовремя ходить к зубному. Казалось, чем дальше ночь, тем боль становится сильнее. А мне, несмотря на длинный послеобеденный сон, как назло, снова хотелось спать. Я даже расстелил на полу и лег. Но проклятая боль решила доконать меня. Я полез в аптечку и нашел там одну таблетку болеутоляюще-

го. Я все собирался пополнить аптечку лекарствами: от простуды, боли, диареи, зеленкой и лейкопластырем, но, как обычно, вспоминал об этом только тогда, когда болел.

Я согрел чайник и, обернув его тканью, приложил к ноющему зубу. Не знаю, с чего я взял, что это поможет, просто делал то, чего просил мой организм. Держать чайник у щеки было неудобно, но я проделал эту процедуру несколько раз, все надеясь, что боль утихнет.

Боль ушла только под утро. Я сидел на полу, уставившись в одну точку, и молился, чтобы все это, не зубная боль, а все *это*, скорее прошло. Из-за пелены дождя, я и не сразу заметил, как наступило утро, в комнате стало светло. Я очнулся от забытья неожиданно и понял, что ночь ушла, а после, — что и боль тоже. Наконец-то отпустило. Я запрокинул голову на диван и облегченно вздохнул. Уж не знаю, что тут, в конце концов, помогло: болеутоляющее, согревание или завершение ночи.

Я лег, укрылся одеялом с головой, и уснул совершенно обессиленный.

Когда я проснулся, за окном все еще было светло, но я совсем потерял счет времени. Я не знал, никак не мог вспомнить, какое сегодня число, какой день недели. Это был тревожащий признак: я потерялся во времени и пространстве, перестал чувствовать, что происходит вокруг меня. Я понимал: чтобы остаться живым и невредимым в рассудке, мне нельзя расслабляться, мне надо контролировать себя и свою жизнь. Но все это были одни слова; на деле, — мне стало совершенно наплевать. Впервые, с тех пор, как начались беспорядки, странное равнодушие охватило меня. Я даже перестал бояться, и как ни парадоксально, это и было страшнее всего. Я начал понимать, что мой прежний страх был не страхом того, что случится в итоге (смерть от рук бунтующих, голода или инфаркта), а страх тех пыток, которые придется пройти на пути к концу жизни. Но я уже испытывал эти муки: и физические, и моральные, — и они притупили все мое беспокойство.

В конце концов, я заставил себя подняться с постели и умыться. Но в тот момент, когда я брился, тяжким грузом на меня вновь навалилось одиночество. Одиночество сдавило мою грудь, мне стало нечем дышать. Вернулось это странное чувство: будто бы в мире, кроме меня, никого не осталось. И тут я понял, что чувство это пребывало со мной на протяжении многих лет, но у меня не было времени, чтобы задуматься о нем настоящему. Оно было во мне всегда, и теперь только одно и осталось, готовое в итоге погубить меня или может, наоборот, — спасти? Я заставил себя закончить бритье и пошел на кухню. Только оказавшись там, я понял, что давно не ел. А вместе с этим понял, что аппетит у меня начисто пропал: я не ел, не хотел есть и даже не замечал этого. Я решил отложить завтрак или обед, чтобы это ни было, на попозже, а пока выглянул в окно. Я подумал о том, чтобы выйти на улицу. Я даже надел брюки, взял со столика ключи и уже собирался открыть дверь, как вновь услышал раскаты, только в этот раз это была отнюдь не гроза. И эти жуткие звуки остановили меня. Я так и остался стоять на пороге.

Наконец я положил ключи на место, снял ботинки и сел на диван. К окну я подходить не решался: боялся того, что там увижу. Я просто сидел и слушал звуки, которые отдаленным эхом доносились до моих ушей. И пока я вот так сидел, уставившись в пустоту и ни о чем не думая, пока ждал хоть чего-нибудь, что заставило бы меня встать, снова разболелся зуб. Боль пришла тихой и терпимой: я решил, что если не обращать на нее внимания, скоро она уйдет. Но через полчаса боль сделалась невыносимой. Что там с моими зубами? Я не ем сладкое, у меня всегда были хорошие зубы! Почему вдруг они разболелись именно сейчас, так не к месту? Ни флюса, ни кариеса, ни стоматита, — ничего такого, просто тупая ноющая боль, и я даже не могу определить, где именно, какой конкретно зуб у меня болит. Я снова полез в аптечку, хотя заранее знал, что ничего там не обнаружу. И в этот раз я решился куда быстрее: просто оделся и вышел из квартиры.

Оказалось, это не так уж и трудно. Я даже почувствовал облегчение, когда закрыл за собой дверь и спустился по лестнице. Почти бегом, не останавливаясь даже затем, чтобы прислушаться к звукам, как это было в первый раз, я оказался на улице. Дело было в этой зверской боли, которая притупила все мои инстинкты, или в чем-то другом... во мне самом?

На улице было все также пустынно, только в этот раз это была не та спокойная пустота, что встретила меня здесь впервые. Эта пустота была предчувствием чего-то страшного, чего-то горького и злого. Я ступил на дорогу и оказался в ней. Я стоял посреди улицы и чувствовал себя таким же пустым, как и она. Как будто все внутри меня высохло, но случилось ли это за те несколько дней, что я провел в страхе, одиночестве и полной изоляции, или же раньше, я не знал. Я чувствовал, что за мной следят: люди смотрели на меня из окон, прятались за занавесками, чтобы я не смог обнаружить их присутствия, пытались понять, кто я есть и что здесь делаю, враг ли или такой же напуганный загнанный зверек, как и они сами. Может, то были зачатки приближающейся паранойи, а может, за мной и в самом деле следили, но мне нельзя было просто стоять вот так вот, путаясь в своих мыслях. Мне надо идти, идти сейчас, пока эти страшные раскаты, эти звуки, будто бы началась война, еще где-то там, вдали. Когда они доберутся сюда, будет уже поздно, я не смогу выйти, и мне останется только забарикадироваться в квартире, молясь богам, в которых теперь придется поверить, чтобы именно этот, мой дом, не тронули, чтобы все обошлось. И я быстрым шагом пошел вперед.

Если магазин находился через дорогу, то ближайшая аптека, — в квартале от дома. Была еще одна, примерно в километре, большая, с широким ассортиментом, но по понятным причинам, я решил пойти в ту, которая ближе.

Идти, идти, просто идти.

Я шел мимо рынка, и мне вспомнился один сон, который приснился мне в первые дни этих событий: как будто бы я остался последним человеком на Земле. В той чужой стране и незнакомом мне городе я также шел мимо рынка, но все тогда было другое, и я не чувствовал ни страха, ни боли, ни — как ни странно — одиночества. В этот день, если бы это случился обычный будничный день, рынок сейчас бы гудел: возле палаток толпился народ, суета, поиски места, где подешевле да повкуснее. Но вместо этого палатки и ларьки были закрыты на непрочные засовы, которые ни от чего не могли бы их спасти. Между рядами завывал странный ветер, который как будто говорил мне, что люди сюда больше не вернуться. Врешь, все ты врешь, — сказал я ему. Но ветер не врал: когда *они* пройдут здесь, а ведь *они* уже близко, *они* все тут разрушат, и никогда больше ничего не будет таким, как раньше. Я ускорил шаг, чтобы скорее пройти это место, и оказался перед пятиэтажным домом. Аптека располагалась на первом этаже, на стороне, противоположной подъездной. Я обрадовался, что дошел сюда так быстро и без приключений, но как выяснится, — радовался я рано. Из-за того, что в магазине все прошло гладко, мне подумалось, что и в аптеке меня не будет ждать никаких сюрпризов, но мне так и не удалось попасть внутрь. Аптека была заперта, и возможно, что изнутри. Я дергал дверь, наваливался на нее всей своей тяжестью, осматривал замок, но безнадежно: я не смог бы открыть его. Я же не взломщик и не грабитель, — я обычный человек, который не очень-то умеет обращаться с запертыми дверями, если только от них нет ключа. Через окна в аптеку тоже было не пробраться: на них стояли решетки. Как раз в тот момент, когда я смотрел туда, мне показалось, будто шевельнулась тонкая тюлевая занавеска, и за ней появились чьи-то темные очертания. Я попытался дотянуться до решеток, чтобы подергать их на прочность, но они находились слишком высоко, я лишь коснулся их пальцами.

«Эй, — крикнул я, — эй-эй! Откройте, мне нужны лекарства!»

Я замолчал, прислушиваясь. За окном стояла тишина.

«Откройте! Я заплачу!»

Никто не отзывался. И я понял, что если бы оказался на месте этих людей, то тоже не открыл бы мне дверь. Страх, который служит инстинктом самосохранения, способен превращать людей в животных, полностью парализуя их волю и здравый смысл. Люди не бросаются на помощь себе подобным, — все это книжный и киношный обман. Но, даже зная это, от отчаяния, неожиданно для самого себя, я заколотил в дверь, крича:

«Помогите! Помогите мне! Господи, да будьте же людьми!»

Никто не открыл. Я убеждал себя, что там никого и не было, но слишком отчетливыми казались мне темные очертания за тюлевой занавеской.

Несмотря на то что в другой аптеке меня также могло ждать разочарование, я все-таки решил пойти туда. Во-первых, бессмысленно было так рисковать, выходя на улицу, чтобы в итоге вернуться

ни с чем, а во-вторых, я вспомнил, что в ней были большие окна, безо всяких решеток. Наверное, там стояла какая-нибудь сигнализация, но кому сейчас до нее есть дело? Если аптека закрыта, мне удастся проломить камнем окно и влезть туда. Пускай орет сирена, вряд ли кто-то придет на ее звук. А что, если все-таки придет?

«Да-да, господин полицейский, арестуйте меня. Арестуйте и препроводите в вашу безопасную камеру. Ха-ха».

К новой аптеке я выбрал наиболее короткий путь — через школьный двор. Я знал, что за школой, в заборе есть дыра, и там можно неплохо срезать. Правда, надо было пройти мимо насаждений древних кустарников и теплопроводных труб, на которых обычно спали бомжи, — этот короткий путь представлялся рискованным — но я все равно решил идти именно так. И к черту все это.

Но перед школой я невольно остановился. На асфальте белой краской была выведена надпись: «Школа, мы тебя любим! 11 «Б». Буквы выглядели потертыми, бог знает, сколько времени они держались на этом месте, краска еще не скоро сотрется отсюда. Может быть, школы-то уже не будет, а краска останется. Во всем здании темнели окна: они казались пустынными и одинокими, и легко можно было себе представить, а точнее, почувствовать, что тут никого нет. Это было правильно: школа не казалась достаточно надежным местом. Большим, и может быть теплым, но уж никак не достаточно надежным. Я подумал, что именно к школе *они* направятся первым делом, когда окажутся здесь. И вздрогнул от неожиданности: я понял это только потому, что на их месте сделал бы то же самое. По какой-то причине я думал, как они, я чувствовал, какая ими движет жуткая страсть, страсть разрушения, и вслед за этим понял, какое они при этом испытывают наслаждение, которого мне, по счастью, узнать было не дано, но о котором я по каким-то причинам догадывался.

Когда-то это была и моя школа тоже. Стоя около нее, глядя в ее пустые окна-глазницы и на эту надпись, я почувствовал в сердце нежность. Мне захотелось, чтобы все, что существовало сейчас, ушло и вернулось на свои места: я снова стал первоклассником в синей форме, с портфелем в одной руке и букетом астр, закрывающих половину меня, — в другой. Мне так отчаянно захотелось вернуться в те времена, когда не надо было прятаться у себя квартире; когда не болели зубы, а если бы и заболели, мама тут же принесла бы мне лекарство и мне не требовалась бы взламывать аптеку, чтобы достать их; когда я еще не чувствовал себя таким одиноким, будто бы остался единственным человеком на земле.

Я перелез через дыру в заборе и оказался возле аптеки. Вокруг было тихо и пусто. Тишина казалась умиротворяющей: она не предвещала ни бури, ни опасности, — и от сердца у меня отлегло, стало не так уж страшно.

Прежде чего крушить окна, я нажал ручку двери, просто так, на всякий случай. И дверь легко отворилась. Я осмотрел замок, и не обнаружил никаких следов взлома. Значит, аптеку оставили открытой намеренно. Но вместо радости я почувствовал ту безысходность, которая двигала этими людьми: они уже не надеялись, что ситуация изменится, они знали, что это конец, и аптека в любом случае будет разрушена. Они оставили ее открытой для тех, кому могли понадобиться лекарства: может, успеют взять что-то свои, нормальные люди, прежде чем варвары все тут сокрушат и уничтожат. И я почувствовал благодарность. Не только за то, что теперь у меня будут необходимые лекарства, но и за то, что эти люди оказались вот такими. Как странно, в критической ситуации в незнакомых мне репортерше, новостнике, этих неведомых аптекарях, обнаружить такие качества, которых, как я думал, человечество давно лишилось. В обстановке тотальной вражды должны были обостриться злость, желчь, ненависть, себялюбие и эгоизм. Но нет! И это удивляло меня, как не удивляло ничто и никогда прежде.

Я зашел в аптеку и прислушался.

«Эй», — тихо сказал я.

Звуки гулко разнеслись по пустому залу.

«Я друг», — добавил я после некоторого раздумья.

Опять никто не откликнулся, но я и не думал, что тут кто-то есть. Следы присутствия другого человека ощущались везде, но в тоже время аптека была пуста. Люди брали самое необходимое и уходили. И тут мне стало

жутко: мне показалось, что этими людьми был я сам, и там в магазине, и здесь в аптеке. Это и мог быть только я! Кто, как не я? Что-то странное происходило с моей головой, что-то, что мне совсем не нравилось...

Болеутоляющие, которые продавались без рецепта, я нашел без труда. Они стояли на стенде, на самом видном месте. Одну коробку я распаковал сразу, взял две таблетки и проглотил. Запить было нечем, об этом я не подумал, и таблетки встали в горле неприятным комом. «Черт», — сказал я вслух, но тут же испугался, как нехорошо призывать черта, и исправился в своих мыслях, суеверно подумав: «я вовсе не это имел в виду!». Я попробовал набрать в рот слюны, воображая себе лимоны, и это немного помогло, но во рту все равно было сухо. «Зато боль скоро утихнет, скоро все пройдет», — успокаивающе сказал я сам себе, и тут только понял, что не чувствую боли давно, наверное, с тех самых пор, как вышел из дому.

Кроме болеутоляющего, я взял две упаковки бинта, йод, зеленку, два батончика гематогена, аспирин, парацетамол, таблетки от диареи, снотворное. Я брал понемногу, понимая, что кто-то оставил это для всех тех, кто будет в этом нуждаться. Мне и самому захотелось быть таким человеком, который оставит все это для меня. Для следующего меня.

Я стоял возле окна, у стеллажа с зубной пастой и щетками, как вдруг, подняв глаза, увидел, что больше я не в один. Я так увлекся поисками аптеки, своими мыслями, а затем и лекарствами, что совсем забыл об опасности. Но теперь, когда я меньше всего ее ожидал, я увидел опасность собственными глазами. Страх охватил все мое существо, пот липкими пятнами проступил по телу, меня парализовало и я никак не мог двинуться с места. Они были совсем близко: через дорогу от аптеки, в одном из нежилых здании, занятых подсобными помещениями и офисами на втором и третьем этажах. На первом — размещались винный магазин, парикмахерская, салон красоты, отделение банка, магазин обоев. В винный они и направились первым делом. Трудно сказать, сколько их было: сотня, две. Они казались осами в улье, и сосчитать их было невозможно. Сначала мне почудилось, что на их лицах надеты маски, но приглядевшись, я понял, что это и есть настоящие лица: искаженные гримасами, которых я прежде никогда не видел. У них имелось оружие: у кого-то самое настоящее, пистолеты, дубинки, кастеты, у кого-то оружием служили первые попавшиеся под руку предметы, ножка от стула, лопата, простая палка. Их было так много, что все они не могли уместиться в маленьком помещении, но все равно напирали, стараясь протиснуться туда, оказаться в толпе. В процессе они крушили не только витрину, и то, что находилось внутри, они калечили своих же братьев, самих себя, даже не замечая этого.

«Господи, что же ты сделал с людьми?» — шепотом произнес я.

И только эти слова были сказаны, оцепенение спало. Сердце мое от испуга заколотилось так быстро, что в груди стало больно. Надо уходить. Но выйти через главную дверь я не мог: она была у *них* на виду. Они заметят меня, и что тогда будет со мной? Как *они* поступают с людьми? Узнавать это на собственном примере я не спешил. Потасовка у винного заканчивалась, изверги стали рассредоточиваться, часть из них уже ринулась к школе. Они бежали, подняв над головой свое оружие, и орали что-то во всю глотку. Это были не люди, это были какие-то звери, или даже хуже. Я зашел за прилавок и оказался в маленьком темном помещении. Свет включать я не решился, и пришлось двинуться на ощупь. Я слышал, как снаружи кричат, и мне все время казалось, что *они* уже начали бить витрину. Держась за стену, я щупал пространство вокруг себя в поисках двери, и тут мои руки наткнулись на швабру: она с грохотом упала на пол. Я замер. Но звуки растворились, в аптеке стояла тишина. Я продолжал двигаться, уже давно без надежды, когда, наконец, к своему облегчению, нащупал дверь. Вот она! Я подергал ручку, но дверь не открылась. Да что ж это такое! Неужели заперто? Опустив руку ниже, я нашел замок. Я не знал, в какую сторону вертеть, и покрутил два раза вправо, но дверь не поддавалась. Тогда я навалился на нее всем телом, и еще раз крутанул замок. Замок щелкнул и дверь открылась.

Он сидел на земле и пил вино из бутылки, взгляд его устремился в сторону школы, с которой расправлялись его товарищи. *Он* просто наблюдал, но услышав шум, повернулся ко мне.

Он оказался совсем еще мальчишкой, — ему, наверное, не было и семнадцати. Его детское простодушное лицо, совсем не взялось с тем, как он выглядел: вся одежда перепачкана грязью и кровью, куртка, явно с чужого

плеча, — порвана, лицо пылает подзажившими ссадинами и одной свежей травмой, рассеченной щекой, из которой все еще сочится кровь. Наверное, он собрался отправиться в аптеку за пластырем или бинтом, но присел отдохнуть, понаблюдать издали за тем, что творится в этом мире по их вине, и по его вине тоже. Я смотрел на него во все глаза и понимал, что мне не справиться с ним. Если бы он был один, то возможно мне бы удалось, но стоит ему только крикнуть, как сюда прибежит сотня таких же. Грязных, перепачканных кровью, обозленных мальчишек. И что будет потом? Я был напуган и не сразу понял, что он говорит мне. Но когда он повторил, я услышал.

Он сказал:

«Уходи!»

Я решил не заставлять его повторять еще раз и побежал. Вслед я услышал его крик:

«Прячься!»

Только бы добежать до дому! Я мчался со всех ног в сторону, где находился мой дом, в противоположную от них сторону. Но кто знает, откуда еще они идут? Они могли быть во всех четырех сторонах света, и тогда бежать мне некуда. Но навстречу не попадалось никого, кроме тишины и одиночества. Снова заморосил дождь, и мне, из каких-то глупых суеверий, подумалось, что дождь — на удачу. Я бежал, не чувствуя под собой ног, бежал, что есть сил, и только оказавшись за дверью своей квартиры, только запев ее на все замки, сел прямо на коврик возле порога, грязный, в песке от следов ботинок, коврик. Я сел на него и заплакал.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что все еще сжимаю в руке пакет с лекарствами. Я с удивлением посмотрел на него, соображая, как он у меня оказался. И тут почувствовал невыносимое облегчение, но не из-за боли, которой больше не было, и не из-за этого пакета, который сумел захватить с собой из аптеки, а из-за того, что после долгого перерыва ко мне снова вернулось дыхание. Наверное, я никогда не узнаю, почему тот мальчишка спас меня, и раз уж я так ошибаюсь в людях, мне не суждено об этом догадаться. Он выглядел, как нормальный парень, таких тысячи. Если бы я встретил его на улице, то вряд ли обратил бы внимание. Но теперь, теперь я буду помнить его лицо всю оставшуюся жизнь, оно еще долго будет являться мне во сне.

Я не знал, кто эти люди и откуда они пришли. Почему, если они хотели свергнуть правительство, власть, они угрожали жизни простых людей? Может, на самом деле, они и не хотели ничего менять в существующей системе? Может, ими двигало что-то иное, более страшное, чем политические убеждения? Неужели их лидер или вожак, один-единственный человек, повел за собой столько людей, чтобы крушить, грабить, убивать без всяких оснований, без какой-либо на то причины? Я готов был поверить и в это, готов был поверить, что такое возможно. Он и его последователи просто получали от этого кайф, я видел все собственными глазами. В их действиях, в них самих было столько жестокости, что их никак нельзя было назвать жертвами, доведенными до отчаяния, теми, кому нечего больше терять. Этими отчаявшимися людьми как раз и были мы, обычные граждане, и если среди них нашелся кто-то, достаточно сильный, кто повел их за собой, то почему такого человека не может появиться среди нас? Я не знал ответа на этот вопрос, и не знал, кто мог бы таким человеком оказаться.

Но на сегодня самое страшное было уже позади. То, что я видел, казалось безумством, массовой истерией, но когда-нибудь это закончится. Несмотря ни на что, я все еще верил в это. Верил в мифическую армию, которая придет и спасет всех нас, верил в существование неких людей у власти, которые скоро объявят с экранов телевизоров о том, что все закончилось, и мы можем спокойно спать, верил в то, что моя репортерша будет вести скучные репортажи из жизни провинциального городка, а все прошедшее окажется всего лишь сном...

Я встал и, как ни в чем не бывало, отправился готовить ужин. Мне показалось это единственным верным решением. Куда лучше делать вид, что ничего не случилось, чем сидеть, забившись в угол, и бояться того, что в итоге так и не произошло. Когда-нибудь я буду много об этом думать, против собственной воли я буду возвращаться в памяти к событиям этого дня, но только не сейчас, давайте малость попозже, когда я буду во всеоружии готов к осознанию случившегося.

Я принял душ, переоделся в чистую одежду, приготовил ужин. Я сел на пол, к своему импровизированному столу. Телевизор, как обычно, был включен, мигая синим экраном, — что-то новенькое! Что случилось, пока

меня не было? Но на сегодня я слишком устал, чтобы удивляться, и просто принялся есть. Несмотря на испытанный стресс, спать не хотелось, и, закончив с едой, я уставился в экран в ожидании новостей.

Она вышла в эфир глубокой ночью, когда я и не надеялся ее увидеть. Я пил коньяк, празднуя, что остался жив. Теперь я думал только о сегодняшнем дне и перестал надеяться на завтра. Завтра, как я отчетливо понял, завтра может и не быть.

Я смотрел новости, но мое сознание, будто бы отстраненное, не воспринимало больше ничего, кроме нее. Даже тех слов, что репортерша произносила с экрана и того места, где она находилась. Я просто любовался ею.

«Хорошо выглядишь, дорогая! Ты знаешь, сегодня я чудом избежал смерти».

Она посмотрела на меня понимающим взглядом, и я подумал, — а сколько же раз смерти удавалось избегать ей? Когда же до меня дошел смысл ее слов, я поперхнулся коньяком, терпкая жидкость неприятно обожгла горло, оно засадило, и я протяжно закашлялся.

«Мы надеялись на военных, — говорила репортерша, — мы надеялись на правительство, но никто не приходит нам на помощь, и больше мы не можем ждать. Мы не будем терпеть эти погромы и разруху. Мы собираем группу добровольцев, которые смогут... смогут воевать», — последние слова она произнесла тихо, но твердо, и то были самые верные слова. Да, это будет война и ничто иное. Уж я-то знаю.

«Нам надо противостоять им. У нас есть оружие, и если понадобится, мы будем убивать».

«У них тоже есть оружие, — ответил я ей, — и они о-о-о-очень злы. Да. И сколько бы ни было вас, их все равно будет больше! Злость распаляет их, она размножает их, как саранчу!».

«Мы не призываем вас выступить вместе с нами, мы просто сообщаем о планируемой акции. Чтобы те, у кого есть силы для борьбы, те, у кого есть яростное желание, вышли навстречу этим мерзавцам вместе с нами».

Она говорила пылко и убедительно, и мне должно было стать стыдно, что я не стою сейчас возле студии и не рвусь в бой. Но я не рвался в бой. Я уже чуть не умер сегодня, и не собираюсь умирать вновь. Я подожду, я лучше подожду и посмотрю, чем все это закончится.

«И в который раз мы напоминаем вам, что следует держаться всем вместе. Вместе со своими семьями и друзьями, не теряйте самое дорогое, что у вас есть».

Она сказала эти свои последние слова и ушла из эфира.

Несмотря на то, что голова моя была окутана туманом, а все тело ломало болью пережитого, спать не хотелось, в крови еще бурлил адреналин. Все же я лег и закрыл глаза, и обнаружилось, что я всего лишь храбрился сам перед собой, потому что заснул я тут же, заснул крепко и глубоко. И во сне я встретился с Босхом, тем самым художником. Я узнал о нем совершенно случайно: его имя упоминалось в дешевом детективном романе, одном из тех, что я читал, чтобы убить время. Обычно мне, в наш век потока информации, совсем не хочется забивать себе голову тем, что происходит в детективах под мягкой обложкой, и если там встречается незнакомое слово, название песни, которую я никогда не слышал, говорится о фильме, который я не смотрел или о книге, которую я не читал, я не теряю времени, чтобы узнать, хотя бы поверхностно, что же это такое. Но имя Босха было особенным, и я полез в интернет, повинувшись скорее какому-то сиюминутному импульсу, и первое, что я увидел, стала его картина «Сад земных наслаждений».

Нельзя сказать, что я полюбил ее, но из всего того немногочисленного творчества Босха, что дожило до наших дней, она приковывала к себе мое внимание больше всего. Да и само слово «любимая» не совсем применимо к тому, что я испытывал по отношению к «Саду...». Картина вызывала во мне мучительное отвращение, но отвращение не бессознательное, а какое-то жалостливо-понимающее, подобное тому, что мы испытываем, например, встречаясь взглядом с бездомными. Чтобы разглядывать картину сколько угодно долго, во всех ее подробностях, иметь такую возможность круглые сутки, я даже заказал по интернету художественный альбом с качественными иллюстрациями. Оригинал картины мне так и не довелось увидеть, и я не знаю, доведется ли когда-нибудь теперь.

И вот, этой самой ночью мне приснился Босх. Несмотря на то, что я много читал о Босхе, долго и часто рассматривал его картины, я не знал, как на самом деле он выглядел. Мне никогда не приходило в голову интересоваться этим, но теперь передо мной предстал человек, который только и мог нарисовать «Сад...»: худощавый старик с непривычно крупными чертами лица; длинная кустистая борода, спускающаяся ниже пояса, делала его похожим на старца из доброй сказки; смуглое широкое лицо вдоль и поперек было изрыто глубокими морщинами, но глядя в эти ясные, без тени сомнений, голубые глаза, никак нельзя было обнаружить, что это древний старик.

Босх был печален, но печаль эта засела в нем давно, и не я был тому причиной. Это мысль принесла мне облегчение.

«Эй», — сказал я, не зная, как к нему обратиться.

Босх не откликнулся и не смотрел на меня. И тогда я стал говорить с ним так, как будто бы он был Богом, и я обращался к Богу напрямую.

«Эй, ты можешь объяснить мне, что происходит?» — спросил я.

Босх-Бог молчал, да и мог ли он мне ответить?

«Неужели наступил тот самый конец, который ты так давно предсказывал? Я видел этих существ. Тех же, что видел и ты. Только они были реальные, самые настоящие. Да, они выглядели немного иначе, чем на твоих картинах. Они выглядели совсем как люди, но на самом деле они были теми самыми существами!».

Босх понимающе смотрел на меня.

«Может быть, еще можно все исправить? Можно вернуть все на круги своя?»

Босх отрицательно покачал головой.

«Но как же мне быть? Как быть всем нам?».

Ответа на этот вопрос у него не было, а может быть, он и был, но Босх не хотел выдавать его мне.

«Я не думал, что это случится так скоро! Мне казалось, должно пройти лет сто, прежде нас коснутся серьезные перемены. Ну, ты понимаешь. Придет глобальное потепление, начнутся войны и все такое, но я-то их уже не застану! Я думал, просто доживу свой век так, как есть. А там, через столетие, обязательно найдется кто-то, кто сможет все исправить. Ведь во все времена находились такие люди. Разве я не прав?»

Босх кивнул головой в знак согласия, и неожиданно заговорил со мной.

«Вам не грозит гибель, пока еще нет. Скоро станет легче, и вы вновь будете сидеть перед телевизорами, ругать свой мир, рыдать от боли, но не сделаете и шагу, чтобы изменить его».

Я хотел поговорить с ним еще, убедить в том, что теперь мы стали другие. Но вдруг заиграла печально-прекрасная «Лунная соната», и Босх исчез.

Когда я открыл глаза, то понял, что «Лунная соната» мне вовсе не привиделась. Где-то у меня над головой и вправду играло фортепиано. Я взглянул на часы — четыре утра. Кому такое могло прийти в голову? Я стал вспоминать, кто живет надо мной: кажется, как раз та семья, где все время ругается отец с дочерью. Девочка то ли заканчивала школу, то ли только недавно поступила в университет, она все время ходила с большой сумкой, набитой книгами, — вот и все, что я о ней знаю. Я не обращал на нее внимания, да и она не привлекала его, никогда не улыбалась, никогда не поднимала головы. Когда мы встречались в лифте, она стояла, уткнувшись взглядом в пол, и не здоровалась, а скорее неловко кивала. Наверное, как и я, не любила своих соседей. Как же это я раньше не заметил ее присутствия, не услышал ни голосов, ни каких-то других звуков? Этому могло быть только одно объяснение: она осталась там совсем одна. Черт знает, где там кроются ее родители, но я обязательно услышал, если бы в квартире находились люди. Они с отцом ругались бы по несколько раз на дню, как пить дать. Они всегда ругались! Но она была там одна. Слышала ли она меня? Может быть, и слышала, но не давала этого знать. Все мы, по какой-то неясной причине, боялись показаться друг другу на глаза, хотя самым разумным сейчас было бы собраться вместе. Если страшно мне, взрослому мужчине, то, каково ей там одной? И тут я понял, что она чувствует, а вернее сказать, понял, что и так это слышу: то была музыка, которую она играла. В такое время суток музыка звучала по-особому. Она резонировала с молчаливым домом, эхом отра-

жалась от опустевших стен, разносилась по осиротевшим квартирам, где остались нетронутыми вещи, хозяева которых уезжали в спешке. Они уезжали неизвестно куда, к далеким родственникам, не зная, что там их ждет. А может, — только сейчас задался я вопросом, — они уезжали не потому, что спасались бегством, не потому, что кого-то боялись, может быть, они уезжали к кому-то, к тем, кто был им близким и родным. В эти смутные дни они хотели быть вместе с ними.

Я так и не понял до конца, что же это за мир, в котором мы живем. Вся моя жизнь состояла из вечной борьбы и плохих новостей. И не только моя, у всех — то же самое. Мы так привыкли слышать с экранов телевизора о стихийных бедствиях, техногенных катастрофах, терроризме, сокрушающих ударах и болезнях, и снова катастрофах и засухах, кризисах и оставшихся без работы людей, что после этого самые страшные новости казались нам пустяками. Самые страшные новости превращались в шоу, в пищу для того, чтобы обсудить это за ужином и посмотреть популярное ток-шоу, качая головами. Этот мир давно пора было взорвать к черту, но он взорвал себя сам, как огромный кроваво-красный нарыв, который рано или поздно должен был лопнуть. И мне вспомнилось лицо репортерши во всех деталях, как будто я видел ее перед собой, и красно-рубиновые волосы, которые она поправляла рукой. И тут только понял, почему мы так долго протянули. Со всеми этими бедами, которые каждый день обрушиваются на нас, со всеми несчастьями, нам помогает справиться любовь. Как бы мне ни хотелось придумать что-нибудь другое, какой-то другой ответ, его просто нет. Только ради нее эти люди идут сейчас к студии или уже находятся там. Они делают это, потому что по-другому просто никак. Они не хотят спасать эту чертову планету, да кому она вообще нужна? Все, чего они хотят — это любовь. И я — вместе с ними, и я — тоже.

Мне кажется, я снова проваливался в забытье, в полусон с открытыми глазами, а может, я и закрывал их, но когда наступило утро, я все еще сидел на полу. Утро наступило серыми полосками рассвета, рассекающими мою комнату на части, я повернул голову к окну и с удивлением смотрел в него, потом что-то пробормотал, лег на расстеленное одеяло и закрылся покрывалом с головой. Кажется, я сказал что-то вроде: вот и наступил новый день.

Новый день выдался тревожным. Ничего не происходило, но душу камнем придавило беспокойство, временами становилось трудно дышать. Это было тем более странно, что на улице царил тишина: я не слышал никаких звуков, не слышал вообще ничего. Новостей не было, и это только усугубляло мою тревогу. Я отвлекался только, когда думал о девочке наверху и когда старался прислушаться к тому, что там происходит. Мне казалось, я слышу шорохи, неясные интонации речи, шум телевизора, но скоро иллюзия пропадала, на самом деле, в квартире наверху не раздавалось ни звука. Она больше не садилась за фортепиано, и казалось, вообще ничего не делала. Первой моей мыслью, как только я проснулся, было пойти к ней: наверняка, ей страшно и также одиноко, как и мне. Но потом я вспомнил эту ее неохоту здороваться, нежелание казаться общительной и милой, и подумал, что эта девочка, как и я, не хотела, чтобы вторгались в ее жизнь. Я оставил ее в покое, не смотря на желание как-то присмотреть за ней, уберечь от опасности. И все-таки исподтишка я продолжал прислушиваться, надеясь, что и сегодня что-нибудь произойдет, что отвлечет меня от необъяснимой тревоги.

На улице похолодало, и в квартире тоже стало холодно, отопление дать так и не успели. Сверху привычной домашней одежды пришлось натянуть свитер. Почти весь день я провел у окна, наблюдая за пасмурными тучами на горизонте. Погода становилась еще отвратительнее, хотя казалось бы, куда уж хуже. Самые беспросветные ожидания оправдались ближе к вечеру: снова пошел морозящий дождь, такой противный и мелкий, что мне стало не по себе. Новостей не было с самого утра, и из-за их отсутствия тревога моя все нарастала. И тут я услышал, как наверху хлопнула дверь и через несколько секунд послышался скрип тросов, тянущих лифтовую кабину наверх. Я расхохотался. Да она молодец! Она просто взяла и вызвала лифт. Куда это она собралась? Я бросился к окну, надеясь, что она пойдет в эту сторону, и действительно, скоро она вышла из-за угла. Это была та самая девочка, про которую я и думал. Она была тепло одета, за плечами рюкзак. Шла быстро и уверенно, шла, не оборачиваясь, — совсем не похоже на то, как я, словно испуганный кролик, бежал к магазину. Она шла в сторону

центра, и я даже знал, куда. Она шла к студии. Конечно, иначе никак. Куда же ей еще идти? Я открыл окно и провозжал ее взглядом до тех пор, пока маленькая фигурка не скрылась из виду.

И как раз в этот момент неожиданно, начались новости.

На экране вместо моей репортерши возникла студия новостей и диктор. Он сообщил, что сегодня включения с улиц не будет в связи с тем, что репортерша и оператор, с которым она вела репортажи, этой ночью пропали. Но я ему не поверил. Она сейчас должна появиться на экране, так как было все это время, все эти несколько дней. Она скажет, что это была всего лишь шутка, такие обычные дикторские шутки, и я, может быть, даже посмеюсь. Может быть. Если только она сейчас появится на экране. Но она не появлялась.

Как выяснилось, в ночь перед исчезновением, они вели репортаж из моего района, близко к тому месту, где орудовали банды. Но явилось ли их исчезновение следствием встречи с *ними* или же необходимостью спрятаться, не знал никто. Диктор сообщил, что они давно перестали выходить на связь, хотя обычно всегда давали о себе знать. Он просил связаться со студией, если кто-нибудь располагает данными о местонахождении репортерши и оператора, но каким образом это следует сделать, диктор не упомянул. Наверное, его слова были всего лишь пустой формальностью, попыткой вернуться в те далекие времена, когда еще ничего не случилось и о пропаже или местонахождении человека можно было сообщить, просто позвонив по телефону. После этого он говорил что-то еще, то, что касалось предполагаемых действий и выступлений, но я уже не слушал его. В голове билась только одна мысль: пропала, пропала, пропала.

Первым делом я выключил телевизор, он больше был мне не нужен, и оказался в полнейшей, абсолютной тишине. За окном опускались сумерки, и я понял, что надо спешить. План созрел быстро, я решил действовать. Скорее, как можно скорее. В шкафу я нашел старый рюкзак, с которым еще в юности ездил путешествовать, положил туда немного еды, воды, кое-что из лекарств, запасную смену одежды. Я взял и кухонный нож, завернул его в газету и положил в боковой карман рюкзака. Так, на всякий случай. Я не знал, что может пригодиться, и поэтому мне все время казалось, будто чего-то не достает, что я обязательно забуду что-то важное, но сколько бы я ни ходил по квартире взад-вперед, пытаюсь понять, что может быть важным, я так этого и не понял.

Все оказалось просто: сейчас я выйду на улицу и попробую найти ее. Мысленно я перестал называть ее репортершей, я и раньше знал ее имя, но почему-то не решался его произносить. Теперь я сказал имя вслух, и от этого стало легче, появилась уверенность и ... надежда.

Я не знал, как я буду искать ее и где. Я даже не представлял, зачем это делаю, я только знал, что должен попытаться. Благодаря ей все эти дни я не сошел с ума, благодаря ей я многое понял. Я посмотрел на квартиру, которую оставлял. После того, как я закрою дверь, она останется такой же обездоленной, как и ее соседки. У меня возникло ощущение, что сюда я больше не вернусь. □ □

© Текст: Анна Лавриченко

Максим Гуреев

заонежье. свет не вечерний

Дороги-то и нет...
Под черной водой тепло и сумрачно. Сгнившие листья и хвоя проросли водорослями на дне, а острые корни, что змеи, зарылись в скользкую глину.

Дорогу с Кянды на Нижозеро — гать из сопревших валежин — еще прошлым сентябрем утопила трелевочная машина и сама села по кабину. Пока на хоздворе в Кянде искали солярку, трос, пока уговаривали тракториста поехать выдергивать, ударили первые морозы, и машина вмерзла намертво. Пришлось ждать всю зиму, и вытащили только на майские. Да и то не сразу. Сначала дергал колесный трактор, но и у него оторвало задний мост. И уже потом пригнали вездеход на танковом ходу и вытащили сразу двоих.

Ну действительно, не бросать же...

Избы-зимовья я встречал здесь до самого моря: изба Котова, Ильина, изба Белоозеро, изба Вежма, изба Красные Мхи. В последней изредка останавливаются покосники из Пурнемы, которых привозят на лошадях или тракторах. Остальные избы по большей части пустуют.

На побережье зимовья сменяют целые рыболовные хозяйства или тони — дом, сарай, конюшня, ледник для рыбы, а если рядом есть топь, то рыбу хранят и во мхах. После влажного, парного, гудящего лесного духа прохлада кажется сумрачной и беззвучной. В доме темно, потому что окна затянуты мутным, запотевшим целлофаном. Как слюдой...

Рыбацкая изба — это длинный, рубленный в лапу барак, стоящий по углам на дубовых пнях или ледникового происхождения валунах; маленькая, обитая рваным дерматином дверь; печь, давно не беленая и обтрескавшаяся; стол, прибитые к полу скамьи. На стене железные кружки висят в ряд на длинных загнутых гвоздях. В углу развороченная сыростью, как взрывом, лохань для умывания, над панцирными сетями-кроватями марлевые пологи от комаров. Еще здесь на полу свалены в кучу горчичного цвета матрасы, а провода, свисающие с низких притолок, приспособлены под бельевые веревки.

Все ушли.

Осталась только одна девочка лет тринадцати готовить суп и греть во дворе на костре воду, чтобы потом мыть посуду.

Девочка совершенно рыжая, чешет пылающие оранжевые щеки и толстую шею, искусанную комарами. Говорит, что знает дорогу с тони, потому как осенью здесь прошли трактора, а зимой так и вообще прокладывают автозимник, и из самой Онеги в эти края приезжают на «ЗИЛах» и «КАМазах».

Девочка закатывает до колен шерстяные тренировочные штаны, берет ведро и уходит на ключ за водой...

С полпути начинаются прозрачные, пряно пахнущие хвоей боры. Дорога наконец-то выходит из-под черной воды и взбирается на земляные осыпающиеся уступы, кручи, заросшие клевером и иван-чаем, а затем вновь падает в топкие, однообразно гудящие тучами комаров провалы.

К полудню парит невыносимо. Взобравшись на пологие, растрескавшиеся оврагами холмы, лес перестает двигаться и затихает.

Горовосходные холмы.

Вырубки.

Стекланные канифолевые потоки.

С вышины небо переворачивается, и облака, влекомые ветром, повитые низким свинцом (ночью будет дождь), оказываются в светлом подземелье.

Это — Нижмозеро.

Озера на Севере таинственны, и все знают, что они есть глаза леса, обращенные вверх. Немигающие, недреманные, остекленевшие вовек.

Недреманное Око.

Пробираясь сквозь зеркало черных, бездонных вод, здесь плавают илистые острова-плоты, неизвестно откуда взявшиеся. Раньше на таких островах, порой даже и каменных, и неподвижных, устраивали «собинные» (особые) монастыри — островные пустыни: на Кожеозере в Турчасовском крае, Вожеозере в Каргополье, на Кий-острове и Конд-острове, на острове Каменном близ Вологды.

Нижмозеро знало только деревянную церковь XVII века на горе, но и ту сожгли года три назад. Тут же, на берегу речной протоки, соединяющей разорванные и разбросанные плёсы, стоит деревня Нижма.

— А что? Такие вот дела... сожгли церкву, — говорит Анисимов, сидя на светлых, тщательно выскобленных ножом ступенях крыльца, — а может быть, и не сожгли, а сама сгорела от молнии, например. Ведь у нас тут как? Была на острове сосна. Бог ее знает, как она там оказалась... так вот, молния ударила в сосну и убила насквозь, наповал, то есть, а щепы и ветви до самого берега летели.

В Нижму Анисимов приехал сразу после войны из Мурманска. Там он работал в порту на погрузке, и почему он вдруг очутился именно в этой глуши — было совершенно неизвестно, по крайней мере, он об этом ничего не рассказывал. С тех пор у него остались только фотографические карточки, это он сам так говорил: «фотографические карточки» — девять на двенадцать в толстой крашеной раме под стеклом.

Такой иконостас: какие-то люди в домотканых сукманах и лохматых звероподобных треухах на берегу замерзшего озера (Анисимов теперь уже с превеликим трудом вспоминал, кто бы это мог быть); солдаты перед отправкой на фронт, некоторые из них даже и улыбаются, поднимая тяжелые колонны рукавов шинелей старого образца; сенокос; колхозники на тракторе; хор женщин в платках, одна из женщин держит аккордеон, запрокинула голову и, кажется, закрыла глаза...

Единственное, о чем любил рассказывать Анисимов, так это о том, как он застрелил медведя. Когда работал колхозным сторожем.

Все началось с того, что неизвестный доселе в этих краях «шатун» убил собаку, охранявшую складской барак. После чего разворотил забитое досками окно, забрался внутрь, пожрал целых два мешка комбикормов, а один уволок с собой в лес. Такого в Нижме никогда не было. Благодарили Бога, что медведь еще не забрался в соседний барак, где хранились мешки с мукой для местной пекарни.

Тогда Анисимову и дали ружье — старый расстрелянный «жекан», оставшийся в правлении колхоза еще с тех пор, когда в ближних борах стояли избы Онежского охотхозяйства.

Ждать «шатуна» долго не пришлось. Через пару дней, разломав окно и забравшись в барак, медведь принялся методично крушить стеллажи с мешками, а когда увидел человека, то нимало не испугался, посмотрел на Анисимова насмешливо, затем ухватил целый мешок с комбикормом и лениво поволок его к проделанному им лазу.

Тут Анисимов и убил медведя.

— Но перед тем как выстрелил, посмотрел ему глаза, это ведь очень важно — посмотреть в глаза, — помолчал и добавил: — шкуру председатель себе забрал, а мне — разрешил отрубить лапы с когтями. Пойдем покажу!

В сарае, устроенном под сушило для рыбных голов, на стене висела огромная суковатая длань.

— Остальные лапы ребятам раздарил, — усмехнулся Анисимов, а потом прибавил с сомнением в голосе, указывая на свой чудовищный трофей-мумию, — вот, говорят, счастье приносит... только жена не разрешает в дом приносить, боится.

Жена Анисимова — Зинаида Васильевна — всю жизнь прожила на Нижмозере, разве что в 60-х годах пару раз выезжала к родственникам в Архангельск. Но нынче, видимо, родственники умерли (письма от них перестали приходить в конце 80-х), и ездить стало не к кому. Хорошо помнит войну и рассказывает, что с двумя младшими сестрами жила в это время у Капитолины Леонидовны, бабы Капы, матери отца, к тому времени уже убитого на фронте.

У бабы Капы была деревянная, прошлого века, темная изба-дымник., хотя у всех в Нижме уже давно были русские печи. Капа говорила, что привыкла топить по-старинному, по-черному, потому что так «полезней» и «прочней». Для той надобности в потолке вынимали брусы-потолочницы, открывали двери и слепые оконца для вытяжки, но все равно помещение наполнялось дымом, ело глаза и нечем было дышать. Огонь тогда хранили у устья очага в небольшой кирпичной нише, каменном мешке, куда сгребали уголья и присыпали пеплом.

Изба стояла на самом краю деревни, на берегу озера.

Ночью над Нижмозером разразился дождь.

Веранда, завешанная застиранными занавесками, погрузилась на дно зеленого цветущего водоема, а грохот падающей воды заглушил комариный вой-гул. Белая ночь стала уже не прозрачной, а мглистой, да и ветер усилился, принеся с озера треск волн, холод и пронзительный, до судорог, запах водорослей.

— Вот и по радио дождь обещали в Онежском районе и по всему побережью, а может быть, даже и до Пертоминска... кто ж его знает? — Анисимов выходит босиком под навес, чтобы покурить перед сном, и вдруг говорит: — Надоело мне тут, уйду на дальние озера, построю себе избу и буду жить один, вот только топор надо заточить, притупил малость, пока баню делал, да пилу развести.

Под утро дождь прекратился, наверное, ушел на море или в глубь полуострова, оставив за собой красный предрассветный туман в низинах. Только и видно, что заваленные «осеки» — деревянные изгороди из длинных острых кольев, уподобившиеся костистым рыбьим скелетам, да бревенчатые стены домов, безмолвно выступающие из неподвижной утренней дымки.

Дорога от Нижмозера к Пурнеме (32 километра до побережья) начинается за деревней и сразу исчезает в густых зарослях высокой мокрой травы.

— Идти в Пурнему легче, чем к нам с Кянды, потому что отвороток нет, — Анисимов уже надел полотняный картуз с пластмассовым козырьком и обвязал шею от комаров старым выцветшим платком. Он собрался на колодец.

— Иди и иди себе прямо, никуда не сворачивай. Разве что мосты через Ухту и Вейгу проверять надо, потому что сгнили совсем.

Часам к десяти туман рассеялся полностью, незаметно поднялся ветер, лес вздрогнул, очнулся и заговорил трубно, утягивая внутрь себя раннюю утреннюю мглу, дыхание дна, кусты и низко несущиеся струи пара.

На море начался отлив.

На полути к Пурнеме у меня появился попутчик — Коля Коряжемский. В эти края он приехал после освобождения из лагерей. Рассказывал, что сначала на полгода застрял в Котласе, «с корешами застрял».

Выбирал, куда возвращаться — к себе в Брянск или к брату в Белёв, что в Тульской области. Однако все решил случай: люди, у которых жил, уезжали на лесосплав в Онегу. Поехали вместе. Так и оказался в этих местах.

Коля (хотя предпочитал, чтобы его называли более официально — Николай) еще до посадки как-то работал в лесосплавной бригаде в устье Онеги и хорошо помнил, как шел сплав-бревноход. Тогда водометные катера, изрядно помятые бревнами, что со страшным грохотом вырывались из каменных узких горловин низовьев реки, настойчиво нарушали порядки обледенелых, скрежещущих ржавой проволокой и цепями коридоров. По-

рой приходилось орудовать и длинными тяжелыми баграми, совершая опасные рейды по то погружающимся, то всплывающим бонам, по этим зыбучим мостовым, в самую середину кипящей Онеги. Бывали случаи, когда рабочие срывались в ледяную воду...

Коряжемский рассказывал, что все дно онежского устья нынче устлано многометровым слоем древесных отходов.

Сплавной лес их бригада пропускала до морского порта и лесобиржи. Здесь плавкраны принимали усмиренную бонами хрустящую древесную моль и перегружали ее на лесовозы.

До Пурнемы — километров десять-двенадцать, но так как пришлось обходить раскисшее, гудящее душным влажным маревом болото по узким, извивающимся в высокой траве тропам, то вышло и больше. Миновали ключи в разноцветных колодцах глин, миновали и реку Вейгу с красной торфяной водой, в топких поймах которой были покосные луга и выгоны. На побережье вышли к трем часам дня.

Из-за береговых холмов показался купол-глава пурнемской церкви. Внезапно дохнуло морем.

Ослепило сияющей равниной во время отлива.

Придавило огромным небом-оком.

Оглушило воплями чаек.

А вот раньше все было иначе: в просторных сараях, выстроенных на песчаной косе еще в XIX веке, где на выскобленных скребками бревенчатых стенах висел разного рода рыболовный инструментарий — сеть-мережь, острога для ручного боя рыбы, изъеденная морской солью драга для сбора водорослей, берестяной пестерь, что не пропускал воды, а в брезентовом мешке — каменные грузила разных величин и назначений, строили лодки.

Когда Николай впервые приехал в Пурнему, то стариков, которые знали бы строительство поморских лодок — кочей, ёл и шняков, уже не было, но их еще помнили. Теперь и их забыли.

Все забыли...

В море выходят на «моторах», а зимой промышляют на двух сейнерах, что пригоняются из Мурманска.

Остановились в доме для приезжих. Дверь в низкую, густо закопченную залу была заперта специально для того припасенной трубой. В семь часов вечера дали электричество, и Коля Коряжемский сварил на плитке борщ. Приправил его крепким перцем-порохом, так что изо рта шел дым и губы горели. За заваркой пошел к соседям. Вернулся скоро и сообщил, что там все чифирият, его приглашали, но он отказался — «я свое на зоне отчифирил, а сейчас если и балуюсь, то редко». Долго пили чай в молчании, а потом Коля сел у окна, над которым были приколочены крылья какой-то птицы и висела пушистая лапа сарыча с когтями, закурил и об одном лишь сожалел, что не захватил с собой книгу:

— Я когда на озера хожу рыбу ловить, сяду у воды, намажусь от комара и книгу читаю, ночи-то светлые, и время быстрее идет...

В Пурнему Николай выбирался редко. Как он сам говорил, «погулять компанией». Но после того, как здесь задушили, а потом съели его собаку — лайку Симку, что-то оборвалось внутри, даже начал слепнуть. Уехал к себе на тоню в Ручьи, долго болел, а когда выправился наконец, мечтал об одном: найти того, кто это сделал, и убить...

Из Онеги в Лямцу пришел пароход «Шебалин» с почтой.

Прибытие парохода здесь всегда было праздником, потому что вся деревня выходила встречать его, вернее, забиралась загодя на высокую прибрежную кручу, в ясный день с которой был даже виден Кондостров. Рыбаки, ходившие на сейнерах на ловлю сельди, рассказывали, что во время шторма им не раз приходилось останавливаться здесь.

Раньше на Кондострове находился островной монастырь, потом, после расстрела монашествующих в начале 20-х годов, тут устроили тюрьму для стукачей, которых сюда перебрасывали с Соловков.

Теперь Кондостров пустовал, и без особой на то надобности сюда предпочитали не заплывать: место было сырое, насквозь продуваемое ветрами, мрачное и необитаемое. Гиблое...

«Шебалин» вставал на рейд как раз напротив знаменитого чугунного Лямецкого Креста, утвержденного здесь на фундаменте из ядер в честь подвига крестьян села, отразивших в 1855 году высадку десанта с английской эскадры, пытавшейся штурмовать Онежский полуостров и архангельские верфи.

По устью полноводной в часы прилива реки Лямцы к «Шебалину» выходили моторки. Отъезжающих с побережья провожали всем селом. Лодки описывали в бронзовой от дневного солнца воде своеобразные круги почета, натужно воя моторами, швартовались к «Шебалину». С корабля на них перегружали муку, почту, спирт.

Капитана звали Сергеем Максимовичем Поляковым, однако в Лямце и Пурнеме за ним утвердилось странное прозвище «Кевин Костнер», очевидно, за его кельтский профиль — воспоминание об убогой сельской кинопередвижке. Этакий северный Робин Гуд в исполнении известного американского киноактера.

— Ну что, Кевин Костнер, привез гостинцев из Онеги? — вопрошали мужики с подходящих моторок.

— Привез, привез, — усмехаясь, отвечал Поляков, закуривал, посматривал на сложенные брезентовые тюки с написанными на них шариковой ручкой посланиями — «Сергеевым в Лямцу», «Межаковым в Лямцу», «Ляховым в Лямцу», и вопрошал неторопливо:

— А сами-то меня шаньгами угостите? Что я вам за так, что ли, отдам?

— Угостим! Угостим! — вопили хором со всех лодок.

Ровно в полдень, по окончании перегрузки, «Шебалин» отправлялся в обратный пятичасовой путь на Онегу.

Накануне прибытия парохода у Любы Межаковой собрались гости. Сначала похлебали ущицы, потом выпили и разговорились. Оказывается, что многие из гостей уже давно перебрались в районные или областные центры: в Онегу, Мурманск, Кемь, Архангельск, кто куда...

В деревне на зиму оставались только старики, остальные приезжали в Лямцу на лето. Некоторые из гостей помнили, как в 20-х годах здесь раскатали деревянную церковь на дрова, что стояла на самом берегу моря на плоском земляном уступе-городище, где теперь возвышалась геодезическая вышка. Говорили еще и о том, что раньше умели лодки строить так, что они при шторме волну резали, не то что сейчас — как консервные банки с волны на волну переваливаются. Размышляли, как древесную чагу следует применять в лечебных целях и пить горький перламутровый отвар перед сном. Наконец вспоминали, как ходили на танцы в клуб в скрипучих «аспидах» — сапогах с подковами. Бывало, что и дрались, конечно.

Керосин договаривались особо не жечь, расходились рано. И спали до утра глухо, беспокойно, а за горой, в которую когда-то попадали ядра, выпущенные из пушек английской эскадры, ревели море, исходя свирепым штормом.

Через четыре часа после выхода из Лямцы «Шебалин» подошел к Кий-острову...

Во время прилива с фарватера, проставленного ржавыми бакенами, к острову ходят водометные катера. Мимо отмелей и выступающих из воды каменных глыб, облепленных жирными лиловыми водорослями, судно способно подойти и к местному причалу — огромному сварному поплавку из-под плавающего крана. С дебаркадера на берег к домам ведет сколоченная из горбыля мостовая. Раньше здесь на мысу находилась монастырская таможня, о которой свидетельствуют сохранившиеся до сих пор вбитые в прибрежные гранитные луды стальные кольца — так перегораживали островную бухту, привязывали корабли. Особо соблюдали вывоз и провоз соли, которую выпаривали на солеварнях Кия.

Дома островных рабочих стоят у самой воды, и если ночью не закрывать окно, то в дрожащую красными сполохами печного огня комнату будет доноситься неумолчный шум моря, веками точащего мертвые камни, и крики чаек.

На Кий-острове наступает ночь, солнце погружается в сердоликовый расплавленный горизонт. Выключают местную дизельную электростанцию, а рыбаки ждут большой воды, чтобы часов в двенадцать вернуться на материк.

В стену алтаря храма во имя Происхождения Честных Древ Креста Господня вмурован закладной каменный крест. Изведенный молитвенным трезвением в «камне диком» и свисающих тиглями наледях, захлебнулся в болотной воде.

Урчит, пузырится.

Соборная площадь Кийостровского Крестовоздвиженского монастыря наполнена зеленой дымкой, как шестом ветвей, как воспоминаниями о 1656 годе, когда здесь впервые появился неистовый Патриарх Никон.

Молчание.

Пустынно.

Утром, выбравшись из тумана, «Шебалин» вошел в устье Онеги. Значительно сбавил ход и, маневрируя между обструганными сплавом бонами, принялся разворачиваться напротив заставленного буксирами причала. По лестницам уже спускались люди, переваливались через поручни и смотрели, как из желто-бурых дыр в бурлящую от маневра воду выплывался кипяток. Потом тяжелый борт «Шебалина» ударился о стертые автомобильные покрышки, прикрученные проволокой к брусу дебаркадера, уткнулся в них, вздрогнул и затих, грузно и величественно раскачиваясь на мерной волне портового прибоя.

Остановка.

И уже вечером, спустившись к Онеге-реке по песчаному откосу, что как раз напротив старинного, обшито-го вагонкой особняка — «Концессия Руснорвеголес 1923–28 гг.», можно допоздна сидеть на перевернутой, вросшей в илистое дно лодке и смотреть туда, где в северной бесконечности и безначальности начинается море, слушать тишину побережья и вспоминать о его таинственных путях.

Таинственные пути — там.

Ночь — здесь.

А завтра в полдень 21-й прицепной вагон уходит на Москву...

остров

Непонятное время суток какое-то. Вроде бы над Секирной даже солнце выбирается из клокастых, несущихся наудалую облаков, а у подножия горы почти ночь, непроглядная темень из-за сгрудившихся, повалившихся друг на друга деревьев, столь напоминающих приговоренных к расстрелу арестантов. Вот они лежат со связанными за спиной колючей проволокой руками, ждут своей участи, что-то бормочут, при том, что большинство из них не знает ни одной молитвы.

Согласно Соловецкому преданию, гора Секирная, расположенная на северной оконечности острова, получила свое название еще во времена преподобных Зосимы и Савватия, когда ангелы посекали здесь огненными мечами некую девицу, что не пожелала покинуть остров, потому как смущала иноков.

На какое-то мгновение солнце все же пробивается сквозь летящие куски серой ваты, выдранной из больничных тюфяков, и освещает склон горы, из которого торчат сапоги.

— Вот с этих сапог-то все и началось, — Малышев снимает резиновые сапоги, аккуратно ставит их у самой двери, проходит на кухню, приглашает к столу, — нет, не с этих, а с яловых, тех, что прошлой весной на Секирке нашел.

— То есть как?

— А вот так...

Малышев приехал на Соловки в середине семидесятых и где только не работал за это время: в музее экскурсоводом, лесником, в охотхозяйстве, в охране островного аэродрома, на агаровом заводе или на «водорослях» в Реболде — так тут называли артель по добыче водорослей и морепродуктов. Тогда же начал собирать материал по Соловецкому лагерю особого назначения (сокращенно — СЛОН). Ходил по острову с фотоаппаратом и снимал следы лагеря, понимая, что пройдут годы, и все забудется. Так оно и вышло.

— Сейчас летом на Соловках много туристов, экскурсионных групп, но почти ничего не говорят о СЛОНе. О монастыре, о природе, но только не о лагере. Правильно, а зачем? — Малышев усмехается и показывает свой фотоаппарат — немецкий Contax 30-х годов, надежная машина, а ведь он ровесник здешних событий.

И сразу же представляется: молодой немецкий инженер приехал на остров помогать строить здание Соловецкой тюрьмы особого назначения (СТОН), в начале 30-х годов сменившей СЛОН. Разумеется, член НСДАП, разумеется, атлетического сложения, разумеется, увлеченный фотографией и этим самым фотоаппаратом Contax снимающий прекрасные северные пейзажи и зэков, естественно, по договоренности с лагерным начальством.

— Мы так и называем ее — «немецкая тюрьма», это рядом с кирпичаводом, — Малышев бережно кладет фотокамеру на подоконник, — так вот о тех самых яловых сапогах! Прошлой весной, как только сошел снег, выдвинулся я на Секирку, но не по главной дороге, а со стороны моря, по охотничьим тропам. Тут редко кто ходит, местность заболоченная, к прогулкам не располагающая, но мне по работе в зверосовхозе знакомая. К подножию горы вышел где-то к часу дня, посмотрел на небо — развиднелось, развел костер, сверился с картой, перекурил и начал восхождение туда, где стоял Алексей Максимович Горький, в 1929 году посетивший СЛОН. Здесь, на вершине горы Секирной, где тогда находился лагерный штрафной изолятор, писатель курил трубку, находил себя весьма и весьма походившим на Фридриха Ницше, размышляя вслух, как если бы записывал свои наблюдения в блокнот с маркировкой «Литературный фонд СССР»: «Особенно хорошо видишь весь остров с горы Секирной, — огромный пласт густой зелени, и в нее вставлены синеватые зеркала маленьких озер; таких зеркал несколько сот, в их спокойно застывшей, прозрачной воде отражены деревья вершинами вниз, а вокруг распростерлось и дышит серое море. В безрадостной его пустыне земля отвоевала себе место и непрерывно творит свое великое дело — производит «живое». Чайки летают над морем, садятся на крыши башен кремля, скрипуче покрикивают».

Сейчас об этой полузабытой поездке «буревестника пролетарской революции» на остров по приглашению руководства ОГПУ много говорят. Одни обвиняют писателя в конформизме, в том, что воспел каторжный труд и палачей; другие же напоминают, что, поняв весь ужас происходящего, Горький не отвернулся от страдающих и многим из них протянул руку помощи, пользуясь своими высокими связями в руководстве страны.

Связанные за спиной руки.

Когда Малышев уже почти достиг вершины Секирной, боковым зрением заметил торчавший из земли предмет. Хотел не останавливаться и продолжить восхождение, но вдруг понял, что именно увидел. Остановился, послушал наполненную дыханием моря тишину — нет, здесь никого нет! Повернулся: из земли торчал яловый офицерский сапог...

И это уже потом, когда приехала милиция и археологи из музея, выяснилось, что здесь, на вершине Секирной горы, проходили массовые расстрелы заключенных СЛОНа, а потом и тех, кто их расстреливал. У всех руки были связаны за спиной колючей проволокой, всем стреляли в затылок. Трупы лежали друг на друге в несколько рядов, их просто накрывали драным промасленным брезентом, засыпали лапником и мхом, забрасывали камнями и валежником.

С тех пор Малышев редко бывал на Секирке, хотя прекрасно понимал, что таких мест на Соловках очень много и достаточно сойти с раскатанных тракторами островных дорог, углубиться в лес, чтобы услышать гул, идущий откуда-то из-под земли. Конечно, так могла гудеть дизельная электростанция в поселке или по старинке намотанные на керамические пробки изоляции провода, могла завывать пузырящаяся заболоченная местность; наконец могли издавать странные звуки и перекошенные узловатые деревья, внутри которых прятались птицы, но Малышев был уверен, что дело здесь совсем в другом. Он так и говорил, что это не гул никакой, а шепот, шелест сухих ладоней и растрескавшихся губ.

Доставал фотоаппарат, чтобы снять вырезанный на коре крест — верный знак того, что под этим деревом кто-то лежит.

Впервые на Соловках я оказался в июне 1997 года. Тогда мы приехали сюда снимать кино про святого Филиппа (Кольчѣва), митрополита Московского и всея Руси.

Как известно, будущий Московский святитель, один из немногих русских первоиерархов, возвысивший свой голос против светской власти и заплативший за этой своей жизнью, начинал своё иноческое служение именно здесь — на Соловках, пройдя путь от послушника до игумена обители. Именно при Филиппе Спасо-Преображенский монастырь принял те архитектурные очертания, которые угадываются в нынешней классической планировке обители. Будучи человеком деятельным и энергичным, Соловецкий игумен заложил основы монастырского хозяйства, превратив пустынный северный остров в землю обетованную, ставшую для многих поколений монашествующих и паломников Небесным градом Иерусалимом, затерянным в бескрайних просторах «Северной Фиваиды».

В 60-х годах XVI века молва о даровитом хозяйственнике и мудром Соловецком пастыре дошла до Кремля, вернее сказать, до царя Иоанна Васильевича IV Грозного.

Вполне возможно, что информация о Филиппе (Кольчѣве) попала к «опричнику вся Русь» неспроста. Известно, что у будущего Московского владыки на острове были недоброжелатели и завистники, что и понятно: талантливый, энергичный, пользующийся уважением большинства братии молодой игумен, творил на Дышащем (Белом) море буквально чудеса. Решили сыграть на происхождении Филиппа: старинная боярская фамилия «Кольчѣв» не могла не привлечь внимание Москвы, ведь почти все родственники Соловецкого игумена были уничтожены опричниками.

Иван Грозный, будучи любителем разного рода пышно обставленных представлений, стал писать игумену Филиппу «челобитные» (что само по себе абсолютно нелепо!) с просьбой приехать в Москву и занять митрополичью кафедру. В своих письмах на Соловки Иоанн Васильевич, к слову сказать, обладавший весьма оригинальным для своего времени эпистолярным даром, умолял призреть на него, «недостойного и многогрешного», слёзно просил подать ему святое игуменское благословение, призывал приехать в разоренную опричным «террором» Москву и умирить страсти своим архипастырским научением.

Теперь, зная крестный путь святого Филиппа, мы понимаем, что он не мог отказаться от настойчивых приглашений царя, не мог отсиживаться на острове, когда православные Москвы и Новгорода, Пскова и Коломны, Твери и Можайска жестоко убивали друг друга.

Поставление на Московскую митрополию Филиппа (Кольчѣва) произошло в 1566 году. То, что увидел бывший Соловецкий игумен в первопрестольной, потрясло его — красная от крови река Неглинка, непогребенные тела бояр, детей, женщин земских на улицах, выгоревшие кварталы, как после нашествия кочевников, толпы озверевших и пьяных опричников.

Царь ожидал, что размах репрессий, уничтожение почти всего рода Кольчѣвых устроят Святителя, превратят его в «ручного» Московского владыку, который будет и далее благословлять опричников на их бесчинства и злодеяния.

Увы, этого не произошло! Более того, Филипп, митрополит Московский и вся Русь, начал публично обличать Иоанна Васильевича, чем совершенно потряс униженных и замученных опричным беспределом москвичей, вселив в них надежду и веру в скорое прекращение массовых репрессий и казней.

«Наше молчание налагает грех на твою душу и всенародную наносит смерть!» Послушать подобные слова владыки после Божественной Литургии в Кремль стекались многие и многие богомольцы, а публичные обличения митрополитом Московским царя Иоанна Грозного перед многотысячной паствой казались чем-то абсолютно немислимым...

Конечно, святой Филипп, до конца следовавший за Христом, знал, что делает, прекрасно понимал: неистовый царь никогда не простит ему того, что он оказался сильнее его, что власть земная будет повержена властью небесной. Митрополит знал, что мученическая кончина неизбежна, и ожидал ее со смирением и радостью.

Уже находясь в заточении в Тверском Отрочем монастыре, святитель Филипп печаловался лишь о том, что больше никогда не посетит любимые его сердцу Соловки, никогда не будет молиться в Спасо-Преображенском соборе, никогда после Всенощного бдения не выйдет на берег Дышащего моря и не насладится его мерным, уходящим за горизонт гулом...

Гулом — как шепотом, как шелестом сухих ладоней и растрескавшихся губ...

В ту первую поездку на остров мы жили в монастырской гостинице рядом с Филипповской церковью. Ночи были холодные, и вечером приходилось топить печь, расположенную в коридоре. Такую систему отопления я видел во многих северных монастырях: в Спасо-Прилуцком под Вологдой, в Кирилло-Белозерском, в Спасо-Суморинском в Тотьме. Протапливалось сразу две кельи при совсем небольшом расходе дров. Для той надобности на этаж назначался дежурный-истопник, который запускал сразу все печи и следил за прогаром. Эта же схема сохранилась и в монастыре, когда в кельях были устроены тюремные камеры. Истопник из числа блатных пользовался особым уважением, ибо по своему усмотрению мог кому-то добавить тепла, а кого-то и «подморозить», всегда был связан с лагерным начальством, а посему обладал особыми правами, ну и «стучал», разумеется.

С утра сквозь запотевшее окно не разглядеть ни монастырского двора, ни Спасо-Преображенского собора. Лишь очертания его угадываются, нависают, как Голгофа, и потому страшно протереть стекло.

Впрочем, на Соловках есть своя Голгофа — это остров Анзер.

Идти на Анзер можно или от известной на Соловках рыболовной тони Реболда, или через кипящую, исходящую пенистыми бурунами каменную горловину Железные ворота мимо острова Муксалма.

Реболда — это зимний вариант. В конце февраля, когда ледяной припай соединяет два острова, до Анзера по прямой можно дойти на снегоходе минут за двадцать. Но это опасно: подводные течения могут взломать некрепкий лед прямо у вас на глазах, и утопленный снегоход будет еще не самой значительной потерей.

Летом же все идут через Железные ворота — путь оказывается длинней, но надежней, да и до Реболды добраться почти невозможно: оживающие в мае болота проглатывают и без того кривую, разбитую дорогу.

У Малышева о Реболде сохранились отдельные воспоминания.

По правилам агаровой артели, куда он устроился разнорабочим на все лето, уходить с тони в поселок было нельзя. Любое нарушение установленного распорядка и особенно выпивка карались увольнением. Когда нанимался в артель, разумеется, знал обо всем этом, но завербовался на все лето специально — захотел почувствовать себя предельно несвободным. Потом усмехался: «Почувствовал. В первый же день отобрали фотоаппарат и вернули, только когда отбыл срок, день в день». Жалел, конечно, что не удалось запечатлеть эту странную полуагартную жизнь на пленку, но ничего не поделаешь.

Остались воспоминания.

На заработанные деньги Малышев купил в Москве дорогую фотокамеру, но, приехав на остров, утопил ее во время съемок на каналах. Перевернулся в лодке.

Как-то глупо все тогда получилось...

Возвращение с Анзера на Большой Соловецкий остров — это как возвращение с другой планеты. В поселке уже включили фонари, которые проваливаются в слоистом тумане, что тянется со Святого озера.

Это туманность.

Это мгла.

Малышев выходит на крыльцо покурить. Он все никак не может забыть те офицерские яловые сапоги, хотя с их возникновением в его жизни и прошло уже три года.

Назавтра собирается в Кемь.

С проходящим скорым «Москва–Мурманск» ему должны передать из столицы несколько коробок черно-белой фотопленки. Здесь ее не купить, а в цвете Соловки видел только Алексей Максимович Горький.

С горы Секирной, разумеется...

исполатов

ОТ Устья Кубенского до Высоковской Запани добрался на попутном мотоцикле. Точнее сказать, выдвинулся, конечно, пешком, но уже при выходе из города нагнал мужик на «Яве» с коляской, остановился, предложил подвезти до моста через Кубену, это как раз рядом с лесобиржей Высоковская. Поинтересовался, куда иду. Я ответил, что иду на Кушту, а вернее, в Александров-Куштский монастырь, что за Лысогорским погостом. Мотоциклист, разумеется, опешил, хотя виду и не подал, разве что выдавил из себя ради приличия:

— А это зачем тебе? Геодезист, что ли?

Теперь пришло время удивиться мне:

— Почему геодезист?

— Да там вышка геодезическая, лет пять назад туда приезжали из Вологды что-то бурить.

— Нет, я не геодезист.

— Понятно...

На этом наш разговор и закончился. Правда, когда мы уже остановились у моста и я слез с мотоцикла, мужик снял шлем, закурил, посмотрел на меня пристально и неожиданно сказал:

— На Лысогорском еще мой дед служил, он священником был при советской власти, там церковь не закрывали. На него донос свои же прихожане написали. Отсидел как положено. Вернулся. Умер пять лет назад в возрасте 92 лет. Ты если будешь в храм заходить, то на канун свечку поставь. Его Сергеем Васильевичем звали, Исполатовым. Только не забудь...

Путь от Высоковской Запани до Лысой горы, что возвышается на противоположном берегу Кубены как раз напротив Устья, занял около часа. Здесь река расширяется, и уже невозможно понять, где сам поток, который еще несколько километров назад блуждал среди Глушицкого леса, среди топляка, среди восковых, источенных водой стволов, среди бурелома и песчаных навалов, а где уже озеро Кубенское. То самое, о котором еще в 1855 году писал путешественник и писатель Андрей Николаевич Муравьев: «обширное Кубенское озеро, на 70 верст длины, оживляющее своими водами всю окрестность, потому что многочисленные села и деревни выстроились с обеих сторон вдоль его берегов, на малом расстоянии одно от другого».

Усиливающийся ветер наудалую раскачивает выстроившиеся вдоль дороги сосны, превращает речную дельту в закипающую короткими, подрезанными, как плавники умерших в сушильне рыб, волнами горловину. Гул нарастает, доносит до берега брызги, что оставляют на песке и камнях россыпи пузырящейся живой пены.

Как и следовало ожидать, Лысогорский храм оказался закрыт.

Согласно местному преданию, раньше здесь, на вершине горы, находился Лысогорско-Богородицкий монастырь, но в XVIII веке его упразднили, а Рождества-Богородицкая церковь была разрушена. Однако в 1861 году на месте монастыря возвели Афанасьевский (во имя святого Афанасия Великого) храм с огромной трехъярусной колокольной, который до недавнего времени был единственным действующим храмом на весь Кубенский район.

А с доносом в 1953 году вот как все получилось.

Пасха тогда была в начале апреля. Во время чина освящения куличей протоиерей Сергей Исполатов сказал, что не будет кропить святой водой пасхальные угощения у тех, кто не улыбается. Сразу же в райотдел НКВД сообщили, кто-то из своих сообщил, что настоятель Афанасо-Лысогорского храма заставляет своих прихожан смеяться, когда вся страна скорбит по недавно усопшему «дорогому тов. Сталину». На следующий день Исполатова арестовали и увезли в Устюжну, а потом этапировали на Дальний Восток.

Вышел по амнистии, но до дома добрался только к весне 55-го. Тоже на Пасху.

В сторону реки Кушты, одного из многочисленных лесных потоков, впадающих в Кубенское озеро, с Лысой горы тянется долгий пологий спуск, постепенно уходящий в колючее заболоченное редколесье.

И по-прежнему ни одной души. Хотя в этом нет ничего удивительного: Заозерье и Глушицкий лес, что тянется на север до Ошевенского края (это уже Каргопольские земли), издревле привлекали любителей пустынного жития, отшельников и аскетов: Дионисия Глушицкого, Александра Ошевенского, Евфимия Сянжемского, Александра Куштского.

Когда в Устье я узнавал про Успенский Александров-Куштский монастырь, то меня предупредили, что в нем находится интернат для душевнобольных, причем открытого типа. То есть место настолько дремучее и удаленное от населенных пунктов, что закрывать на замок куштских обитателей смысла нет, все равно куда они не денутся, а посетителей там не бывает в принципе.

Когда Лысогорская колокольная окончательно исчезла за частоколом леса, и дорога полностью ушла в сырой, неподвижный сумрак, наступила полная и нерушимая тишина. А ведь где-то там, на озере, ревет штормовой ветер, но здесь все не так, здесь — молчание, исихия, за которым сюда в XV веке и пришел инок Спасо-Каменного монастыря Александр Куштский.

Год прожил подвижник здесь в полном одиночестве, после чего стали к нему стекаться иноки и богомольцы, а молва о нем дошла до князей Димитрия и Симеона, владевших Заозерской вотчиной. Именно их усилиями здесь и был основан во имя Успения Пресвятой Богородицы монастырь.

Вот как в своей книге «Русские монастыри в 1913 году» это место описал С.В.Булгаков: «Успенский Александров-Куштский монастырь, в 40 верстах от города Кадникова, а от Спасо-Каменного монастыря в 8 верстах,

на берегу реки Кушты... сей монастырь в 1764 году был упразднен, а в 1833 году восстановлен и тогда же приписан к Спасокаменному монастырю».

Однако тишину неожиданно нарушил гортанный, выходящий откуда-то из глубины безразмерного ватника голос:

— Меня зовут Валерий-Уалерий, а тебя как зовут?

Я назвал свое имя.

Передо мной стоял средних лет мужик в вязаной шапке, надвинутой на самые глаза.

— А у меня вот что есть, — придурковато ухмыляясь, проговорил Валерий-Уалерий, отвернул шапку и показал мне свое окровавленное ухо.

— Подрался?

— Не-е, — вдруг голос его стал плаксивым, — это меня Серёженька укусил.

— Какой еще Серёженька?

— Он у нас самый добренький...

— Я уж заметил!

— Хочешь тебя с ним познакомлю?

За разговором мы вошли в бывший монастырский двор.

От обители здесь осталось лишь две постройки: Никольская церковь, превращенная нынче в баню, и святой источник — в интернате просто колодец, спрятавшийся в зарослях рябины.

В бывшем монастыре с этим деревом было связано предание, восходящее к 1439 году. После кончины преподобного Александра его тело было предано земле у полуденной стороны алтаря, а год спустя над его гробом выросло рябиновое дерево. Однажды кто-то из паломников отломил рябиновую ветку, и рука его начала отсыхать. Лишь после того, как монахи накормили страдальца ягодами с Александрова дерева, к нему пришло исцеление.

Теперь тут заросли рябины, совершенно неожиданно из которых выглянул тщедушного сложения, совершенно лысый, с необычайно подвижным птичьим лицом человек неопределенного возраста.

Поклонился церемонно:

— Здравствуйте, меня кличут Серёженькой.

Я оглянулся — от Уалерия-Валерия и след простыл.

Ну что же, я тоже поклонился, представился.

Разговорились. Оказалось, что Серёженька — бывший учитель математики из Белозерска. Любит порядок и дисциплину, которую в интернате и поддерживает по мере своих скромных сил и возможностей. Это он сам так сказал: «по мере моих скромных, поверьте, совсем скромных сил и возможностей». Да, бывает порой несдержан, даже свиреп, но всегда справедлив. Любит перед отбоем вслух посчитать до ста и обратно, хотя, конечно, понимает, что теперь уже совсем не тот, что был раньше, когда легко разбирал тригонометрические функции и решал задачи с интегралами. Конечно, много думал, даже очень много думал, и вот — пожалуйста! — Серёженька картинно развел руками: «повредился в рассудке».

Я вышел на берег Кушты, гул ветра, доносившегося с Кубенского озера, был здесь много явственнее.

И тут же вновь вспомнились слова А.Н.Муравьева об этой местности, написанные им в 1855 году: «Буря не утихала, и белые валы высоко подымались с запада... Несмотря на непогоду, мы решились плыть в пустынь преподобного Александра Куштского... которая находится на восточном берегу озера, при устье реки Кушты. Плавание туда было менее опасно по отмелям, а иногда доводилось проходить между островками, поросшими тростником, и оттого напор волн менее чувствителен. После часового хода на веслах мы благополучно достигли малого залива Кушты и, вышедши на мирный берег, забыли о непогодах озера; солнце сияло в полном блеске, день был весьма жаркий, благоухало весной. Скромная пустынь преподобного Александра произвела на меня впечатление самое приятное, так как сохранила свой первобытный характер безмолвия скитского».

На обратном пути в Устье я еще раз подошел к Лысогорской церкви, мысль об Исполатове не давала покоя. Совершенно не укладывалось в голове, как могли люди, пришедшие в храм в преддверии Пасхи, донести на человека, который вместе с ними и перед ними служит Тому, Кто их же и освободил от мерзости бесчестия и пре-

дательства Своею смертью на Кресте. Значит, они ничего не поняли, значит, предпочли идти не узким путем, но проторенной, веками вытопанной дорогой.

Например, Аппиевой дорогой, вымощенной булыжниками.

Мне повезло, выкрашенная синей масляной краской железная дверь Афанасьевской церкви оказалась открыта. Я вошел. В храме никого не было, хотя настольная лампа у свечного ящика горела. Положил деньги на пластмассовую тарелку, прикрученную при помощи изоленты к прилавку, взял свечи.

Канун здесь был устроен, как и в большинстве сельских церквей, — деревянный ящик с песком.

Канун как прообраз Фиваидской пустыни в Верхнем Египте, куда в IV веке удалился Онуфрий Великий.

«По истечении же тридцати лет Бог дал мне более обильное питание, ибо близ пещеры моей я нашел финиковую пальму, имевшую двенадцать ветвей; каждая ветвь отдельно от других приносила плоды свои, — одна в один месяц, другая в другой, до тех пор пока не оканчивались все двенадцать месяцев. Кроме того, по повелению Божию, потек близ меня и источник живой воды. И вот уже другие тридцать лет я подвизаюсь с таким богатством, иногда, получая хлеб от ангела, иногда же вкушая финиковые плоды с корнями пустынными, которые, по устройению Божию, кажутся мне более сладкими, нежели мед», — читаем в Житии святого Фиваидского отшельника.

Песок в канун, что и понятно, собирали тут же рядом, на берегу Кубены.

Летом у деревни Чирково, что находилась у подножия Лысой горы, у самой воды устраивали пляж. Сюда приезжали из Устья и Сокола, жарили шашлыки, выпивали, сидели допоздна, жгли костры, а когда начинало смеркаться и туман клоками выползал из заросших камышами и кустами-водохлебами заводей, затягивали долгие заунывные песни, под которые и засыпали.

На следующий день на автостанции встретил я мотоциклиста, он здесь встречал жену, которая с детьми ездила в Вологду на цирковое представление. Поздоровались, разумеется.

Я сказал, что вчера зашел в Лысогорскую церковь и поставил свечу на помин души раба Божия Сергия Исполатова...

Вообще-то это такие священнические фамилии: Святюватский, Воздвиженский, Богоявленский, Боголюбов, Протоклитов, Райский, Любомудров, Достоевский — от «Достойно Есть», Исполатов — от «Исполате дэспота».

Мужик-мотоциклист поблагодарил и, помолчав, прибавил:

— Последний раз там на пляже года три назад был, вроде ведь и живу рядом, а никак не доеду, всё дела какие-то, суета. Теперь в календаре помечу и поеду обязательно. Буду специально дни считать.

Перед сном Серёженька из Александрo-Куштского монастыря любит считать до ста и обратно.

Вслух.

нога

Железнодорожная ветка Обозерская–Онега–Мурманск, проложенная в 1938 — 1941 годах заключенными Сороколага, тянется до горизонта сквозь мерно покачивающуюся высохшими, заизвестковавшимися стволами топь.

Комары. Мошкá. Жарко.

Сизая, пахнущая креозотом насыпь, подобная единственному в этой местности, бесконечному и уже заросшему прельми лишаями, покрывшемуся плесенью каменному бархану. Раньше на участке Обозерская–Беломорск на протяжении всей трассы располагались лагерные пункты, вернее сказать, целая система лагерей для содержания строивших ж/д ветку, а также бесконечные, безымянные захоронения, могильники. Идеальный расчет предполагал на каждые десять километров дороги контрольный пункт, а на каждый метр полотна — по одному заключенному.

Параллельно железной дороге тянули и автодорогу, ныне почти полностью заброшенную. От станции Порог (Вонгуда) до Онеги был проложен тупиковый отворот тоже, разумеется, заключенными. Вдоль этого местного отрезка пути лагерные пункты располагались на 11-м километре, на Каменной горке, в урочище Пивка и в Кировском поселке, как раз напротив знаменитого Онежского гидролизного завода.

Теперь здесь ничего нет, все съедено болотом: сгнило и ушло в вонючие, пузырящиеся торфяные недра — няши. Только горячий июльский ветер, несущий шелестящую гарь мертвой сосновой коры — серебряной рыбной чешуи, да удушливый смрад сероводорода из глубины чавкающей под ногами трясины.

Гудят провода, что намотаны на керамические пробки изоляции.

Комары ли, мошка?

Миновав поворот на грузовой разъезд-тупик Онежской лесобиржи — полустанки: Вонгуда, Порог, Анда-Кирпичная, поезд уходит далее на северо-запад, к Летнему берегу Онежской губы Белого моря: лесозавод Поньга, Нименьга, Малошуйка, Ворзогоры.

Память о так называемом Ворзогорском восстании теперь хранит разве что Свято-Лазаревский Онежский погост. В 1930-х годах кладбище было почти полностью разорено, но церковь, как ни странно, закрыта и разграблена не была, одним словом — выстояла.

История Онежской Лазаревской церкви любопытна: деревянный кладбищенский храм был освящен в 1791 году на месте обветшавшего более древнего храма. 24-го мая 1884 года деревянная кладбищенская церковь сгорела, и на ее месте было решено воздвигнуть новую — каменную.

Известно, что на строительство каменного Свято-Лазаревского собора было потрачено 3 тысячи рублей из церковных сбережений и 8 тысяч рублей, собранных по губернии. Более всех пожертвовали на строительство самые именитые и богатые онежане: купец Корчажинский — 1800 рублей и купец Воробьев — 1050 рублей. Однако страшный пожар 5-го июля 1886 года уничтожил большинство построек города Онеги, в числе которых оказалась и Лазаревская кладбищенская церковь.

Новый каменный собор был освящен 10-го декабря 1889 года игуменом Кийостровского Крестного монастыря Варлаамом. Следует заметить, что с Крестным монастырем, основанным Святейшим Патриархом Никоном в 1656 году, Свято-Лазаревскую церковь связывает особое, чрезвычайно своеобразное обстоятельство.

Дело в том, что в притворе церкви находится сосновый крест середины XVII столетия (1556 или 1657 года) — 3 метра 34 сантиметра высотой, выполненный по точным размерам Креста Христова с горы Голгофской.

По сообщению Патриаршего ставрофора (биографа) дьяка Ивана Корнильевича Шушерина («Житие Святейшего Патриарха Никона», 60–70-е гг. XVII в.), Святейший в 1656 году заказал в Палестине кипарисовый крест в размер того Креста, на котором был распят Спаситель. Крест был изготовлен и получил наименование энколпион — мощевик. Это значит, что в него было вложено около 400 сот частей святых мощей угодников Божиих, 90 из которых стали высокочтимыми Церковью: часть Креста Христова, кровь святых первомучеников, части святых камней Палестинских — Гроба Господня, Гроба Богородицы.

На сторонах сего поклонного креста-энколпиона были изображены равноапостольные святые царь Константин и царица Елена, а также коленопреклоненные царь Алексей Михайлович, царица Мария Ильинична и Патриарх Никон.

В Москве священная реликвия была украшена золотом, чеканным серебром и аксамитами, и в сопровождении роты драгун в полном вооружении и роты пушкарей с заряженными пушками кипарисовый крест был отправлен на Кий-остров. Крест везли через Каргополь по Онеге-реке. Останавливались в деревнях и небольших пустынях. Здесь местным умельцам дозволялось снимать копии с Патриаршей реликвии.

Так, в Онежской деревне Чешьюга в местной часовне была установлена точная копия кипарисового креста: именно Чешьюгский крест теперь и стоит в притворе Лазаревской церкви в Онеге. Это, к слову сказать, единственная сохранившаяся до нашего времени копия XVII века. Ценна эта копия и своей надписью, полностью скопированной с подлинника: «При державе Благообретенного и христолюбивого Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца и иных Государств Государя и Обладателя и при Благоверной Государыне Царице и великой Княгине Марии Ильиничне и при сыне их Благо-

верном Государе Царевиче и Великом Князе Алексее Алексеевиче сотворен сей Великий Крест Божией милостью Никоном Архиепископом Царствующего великого града Москвы и Всея Великия и Малыя и Белья Руси Патриархом от честного древа кипариса и украшен серебром и золотом во хвалу и поклонение христианам. Христе Боже, помилуй и спаси душу мою силою Честнаго и Животворящего Креста и святых, ради молитв их же мощи водружены в сем Кресте. От воплощения Слова Божия 1656 году и от создания мира 7164 года августа в 1 день».

До сих пор Лазаревская церковь оставалась единственной действующей церковью Онежского района Архангельской области.

Среди немногих сохранившихся надгробий погоста обращает на себя внимание одно — почти полностью заросшая колючим проволочным кустарником проржавевшая сварная пирамида с погнутой пятиконечной звездой наверху, непосредственно связанная с Ворзогорскими событиями лета 1918 года.

Итак, читаем в Онежской хронике 20-х годов: «Из-за опасений высадки союзного десанта в Ворзогорах был выставлен пост охраны и наблюдения за морем. Прибывших из Онеги красноармейцев встретили недружелюбно, никто не пускал их на ночлег. Для наблюдательного пункта красноармейцы избрали колокольню, но народ воспротивился этому. В это же время с колокольни были сняты колокола. Поп Сибирцев отправился в Онегу для выяснения обстоятельств этого дела, но был там арестован. Известие это взволновало жителей Ворзогор, и они обзоружили пост красноармейцев». В результате стихийно возникшей перестрелки, более, надо полагать, ставшей результатом неразберихи и внезапно наступивших сумерек, один красноармеец был убит, а другой ранен в ногу. Рана пострадавшего была сочтена достаточно серьезной, и красноармеец был срочно перевезен в Онегу, где простреленную ногу ему ампутировали.

На следующий день, пролежав таким образом всю ночь в леднике больничного морга, нога была завернута в красное знамя и с соответствующими почестями предана земле недалеко от алтарной части Лазаревской церкви. Затем последовал траурный митинг, на котором были произнесены известные слова о победе одних с последующим убиением других, о торжестве мировой революции даже в такой русской глубинке, как город Онега. Немногочисленные красноармейцы, рекрутированные по большей части из работавших по найму фабричных из Шенкурска и Архангельска, а также любопытствующие местные жители числом не более десяти из окрестных барачков, в массе своей нетрезвые и недовольные новой властью, нехотя разошлись, лениво переговариваясь, вернее сказать, вяло переругиваясь между собой, что по сути одно и то же.

Казалось, что инцидент был исчерпан...

С Дерягиным мы познакомились во время хождения на Кондостров, что находился в горловине Онежской губы при выходе в Белое море.

Разговорились...

В Онеге Дерягин работал на гидролизном заводе и жил тут же в заводском общежитии — двухэтажном красного кирпича здании с замшелой шиферной крышей, деревянным разохшимся крыльцом и длинными коридорами, крашенными до половины коричневой краской, другая половина — белая. Под потолком здесь горели лампы без плафонов.

Однако после того, как все шестеро соседей Дерягина по комнате друг за другом сели (воровали заводской спирт), Дерягина выселили, и он был вынужден снимать угол в поселке Шалга рядом с заводом.

Строительство гидролизного завода для производства спирта из древесной щепы и кормовых дрожжей было начато еще в 1939 году, но с началом войны оно было приостановлено и возобновлено лишь осенью 1945 года, а в сентябре 1954-го завод выдал первый спирт.

В Шалге Дерягин жил недалеко от железнодорожного разъезда Покровское, где в 30-х годах заключенными разрабатывались каменоломни. Были каменоломни на Кий-острове недалеко от Крестного монастыря. В тех же 30-х годах поселок Шалга, расположенный на живописнейшей одноименной круче (так на севере называют прибрежные горы), с которой было возможно обозревать безбрежное пространство вод, Кий-остров и даже Ворзогоры, был приспособлен под традиционный в то время парк культуры и отдыха рабочих лесопильно-деревообрабатывающего комбината №32-31. Здесь были поставлены павильоны, а также сооружена знаменитая на всю Онегу лестница на кручу Шалгу, состоявшая из более чем двухсот ступеней.

Ныне же все разрушено, парк заброшен, павильоны сгнили и рассыпались. На месте лестницы сейчас — лишь оползень и громадный овраг, появившийся после того, как прямо из-под горы стали забирать песок на строительство железной дороги, ведущей в Покровские каменоломни.

Однако Дерягин любил гулять именно здесь. При том, что в Онеге у него жила мать, но приезжать к ней (дом стоял как раз рядом с Лазаревским погостом) он не любил, а если и приезжал, то спешил уехать к себе в Шалгу до темноты. На заводе говорили, будто он чего-то боялся...

И это уже потом, когда Дерягин работал связистом на линии Онега–Кянда–Нижмозеро–Пурнема–Лямца, рассказал он (нехотя, отворачиваясь и покашливая), что на кладбище за церковью была похоронена нога, и это было невыносимо.

Однажды после поминок брата, будучи в изрядном подпитии, Дерягин решился все-таки пробраться на погост и отыскать почти полностью заросшую колючим проволочным кустарником проржавевшую сварную пирамиду с погнутой пятиконечной звездой сверху.

Отыскал.

А брата Дерягина убили.

Дело в том, что спиртопровод к загрузочным танкам-цистернам с недавних пор начали охранять с автоматами. Это, надо думать, была крайняя мера, потому что двойной кожух трубы умельцы расверливали и, вставив специальную разборную воронку, по внешнему контуру специально пускали грязную техническую воду, сливали спирт. Если раньше охрана была из местных заводских вохровцев и с ними всегда можно было договориться, то теперь спиртопровод охранял ОМОН из Архангельска.

Сверлить ходили, как правило, ночью, что и понятно.

Брату Дерягина просто не повезло. Когда работа была уже закончена, по периметру совершенно неожиданно врубили прожектора. Не надо было бежать, а он побежал по деревянной мостовой вдоль кожуха...

Может быть, его просто хотели попугать, но оказалось, что в него выпустили почти целый магазин. А он еще оступился и упал: нога подвернулась.

Дерягин отыскал могилу, что была недалеко от алтарной части Лазаревской церкви, ту могилу, где была похоронена нога неизвестного красноармейца. Но здесь же упал и уснул в кустах, потому что было тихо, а ветер полностью отсутствовал. □ □

© Текст: Максим Гуреев

Владимир Салимон

стихи

***

Волосы повязаны платком
у идущей мне навстречу женщины,
стиснуты до боли пиджаком
груди у несчастной деревенщины.

Перед Богом каждый норовит
выглядеть, как подобает случаю,
рот закрыть, серьезный сделать вид.
Только я зазря себя не мучаю!

Пуговицу на воротнике
расстегнул я в церкви беззастенчиво,
стоя в полумгле на ветерке.
Мне давно скрывать от Бога нечего.

***

Тщась подобрать слова для тех,
кого люблю и ненавижу,
таким усердьем, как на грех,
боюсь я заработать грыжу.

Лишь безразличные вполне
к риторике высокопарной,
не ищут выгоды во мне
торговки с площади базарной.

Они смеются надо мной.
Они в усмешке скалят зубы,
что словно сахар кусковой,
и в волчьи кутаются шубы.

© Фото: Виктор Ярошенко

* * *

Снег липкий липнет ко всему –
и к человеку, и к собаке,
в нем, словно в пушечном дыму
над полем боя, реют флаги.

Вопрос привычный: *кто кого*,
кому достанется победа,
хотя мне это нелегко,
но я оставлю без ответа.

Напрасно от поэта ждут
того, чего он дать не может,
конечно, если он не плут,
тщеславья червь его не гложет.

* * *

Отныне в порядке вещей
читать и писать против правил
на родине бедной моей,
которую я не оставил.

Тому было много причин.
Не должен быть, как мне казалось,
поэт на Руси сукин сын,
хотя и такое случалось.

И что наш язык не забыт,
хотел я иметь подтвержденье
и ждал, когда мне позвонит
мой маленький внук в день рожденья.

* * *

Принялись чесать мы языки
о свободе и о несвободе
и читать заветные стихи,
так, как это прежде было в моде.

О свободе много мудрых книг
прочитал я по библиотекам,
свежих мыслей, новых смыслов в них
кое-как наскреб я по сусекам.

Но зато узнал, что человек
может тосковать, страдать, томиться,
может замолчать навек поэт,
если не свободен он, как птица.

* * *

Без сомненья –
ветры дуют,
гнется куст, звенит стекло,
и реально существуют
на земле добро и зло.

До того, что я их кожей
чувствую, как свет и тьму,
что я чувствую их ношей
тяжкой сердцу и уму.

* * *

Почему был окружен
городок стеной и рвом?
Думал я, со всех сторон
обходя его кругом.

Неожиданно на ум
мысль престранная пришла,
когда я услышал шум,
стук дверей и звон стекла.

Налетело воронье,
набежала татарва,
немцы, шведы!
То да сё.
А у нас – ни стен, ни рва.

* * *

Будто над водой летели
в полумгле стальные цапли,
над большой софой висели
на ковре ножи и сабли.

Мальчиком, еще ребенком,
страшным птицам вслед смотрел я,
слыша в клетке их звонком
звуки пьяного веселья.

Между дружеским застольем –
пенье труб и звон стаканов,
между дикого раздолья –
крики злобных великанов.

* * *

Предначертано судьбой
было статуи богини
откопать не нам с тобой
заступом в тяжелой глине.

Может быть, тебе и мне
следует с судьбой смириться,
оставаться в стороне,
не мелькать, не суетиться.

Пусть другие напролом
лезут, носом землю роют,
надорвавшись животом,
жалобно скулят и ноют.

* * *

Гуси-лебеди одолевают.
 Попрошу у печки, чтоб она
спрятала меня, пока не стают
снег со льдом и не придет весна.

Яблоня в саду раскинет ветки,
по весне покроется листвой,
спрятаться тогда, как птица в клетке,
я смогу от солнца в летний зной.

Я, в конце концов, найду защиту
от испепеляющих лучей,
тех, что греют здешнюю элиту,
славы, денег и дурных людей.

* * *

Впотьмах, вскочившие с постели,
ужасно выглядели люди.
Как плети руки их висели.
Опали животы и груди.

Спросонья люди беззащитны,
совсем как маленькие дети.
Як України діти рідни,
коих жальме всех на свете.

Как малолетние сирийцы, –
продолжу загигать я пальцы, –
американцы,
евразийцы
и молодые мексиканцы.

* * *

Вдруг духовой оркестр умолк,
как будто канул в пустоту.
Встал на плацу пехотный полк,
как паровоз, на всем ходу.

А я всё шел, всё шел и шел,
встречая множество людей,
кто, как и я, был сир и гол
в глуши лесов, среди полей.

Наш путь лежит в чудесный край –
шептались мы между собой,
спеша путями птичьих стай
вернуться из гостей домой.

* * *

Сторона моя, сторонка!
Будь что будет впереди,
но порвется там, где тонко –
и к гадалке не ходи.

Для России тонким местом
оказаться может Крым,
потому что связан с детством –
дорог, памятен, любим.

Может сила тяготенья
непомерно велика
оказаться без сомненья,
а материя — тонка.

* * *

Рисунок незамысловатый
на мысль печальную навел,
что был художник бородатый
глуп безнадежно, как осел.

Снег за окном валит нещадно.
С ним в столкновение придя,
как только сделалось прохладно,
замерзли капельки дождя.

Перемешались дождь со снегом.
И осенило нас с тобой
смешать, подобно древним грекам,
напополам — вино с водой.

* * *

Много про народы первобытные
есть чего порассказать,
факты привести прелюбопытные,
что сумели раскопать.

Но неандертальцы с кроманьонцами
пусть покамест подождут,
потому что разбираться с горцами
нам пришлось не пять минут.

Потому что русских с украинцами
примирить куда трудней
будет, чем евреев с палестинцами,
и значительно больней.

* * *

Это все уму непостижимо,
это выше умопониманья,
но из пепельницы струйка дыма
достигает центра мирозданья.

Этого в буквальном смысле слова,
быть может, только в переносном
может быть подорвана основа,
воцарится чужь на масле постном.

Как-то незаметно соскользнули
в танцы-шманцы, шутки-прибаутки,
а когда вокруг запели пули,
в пляс пустились, повинувась дудке.

* * *

С крыши сбрасывая снег,
производят столько шума,
сколько в наш ужасный век
Государственная дума.

Словно ровно в пять утра
рукавицы и лопаты
в тайне — с заднего двора
получают депутаты.

Среди них — ни одного
ни узбека, ни таджика,
но их племя велико,
речь темна, глуха и дика.

* * *

Смотрю на свечи тусклый пламень,
что больше прежнего чадит.
Что сердце у него не камень,
кто человека вразумит?

В конце концов он — не железный,
чтобы спокойно боль терпеть.
Бесспорно нужен друг любезный,
чтобы опору в нем иметь.

Сегодня в храме многолюдно.
Как если б к Богу стало вдруг
пробиться в одиночку трудно,
мы, словно дети, стали в круг.

* * *

Мировых катастроф отголоски,
что сумели достичь наших дней,
как на камне гранитном бороздки
от огромных медвежьих когтей.

Были мечены лапой медвежьей
не однажды отец мой и дед,
а теперь относительно свежий
вижу я на груди своей след.

Эта метка – не воинской славы
знак, что носит герой на парад,
не награда Великой державы.
У нее для нас нету наград.

* * *

Я вдруг заметил измененья,
произошедшие со мной,
так долго я держал равненье,
что шея сделалась кривой.

В основе действий коллективных –
парадов воинских частей,
веселых праздников спортивных –
труд рабский взрослых и детей.

Лишь братства с равенством немножко,
но никакого либерте
не вижу, глядя за окошко,
доверившись своей мечте.

* * *

Что избежать сумел застенков,
я в полном праве утверждать
и на лугу среди оттенков
желто-зеленых возлежать.

Гудок московской электрички
вспугнул сидящих рядом птиц,
тех, что, как люди без привычки,
боятся каменных темниц.

Лишь воробьи сидеть остались
в траве высокой в летний зной,
поскольку больше не боялись
экспериментов над собой.

2015 январь – февраль

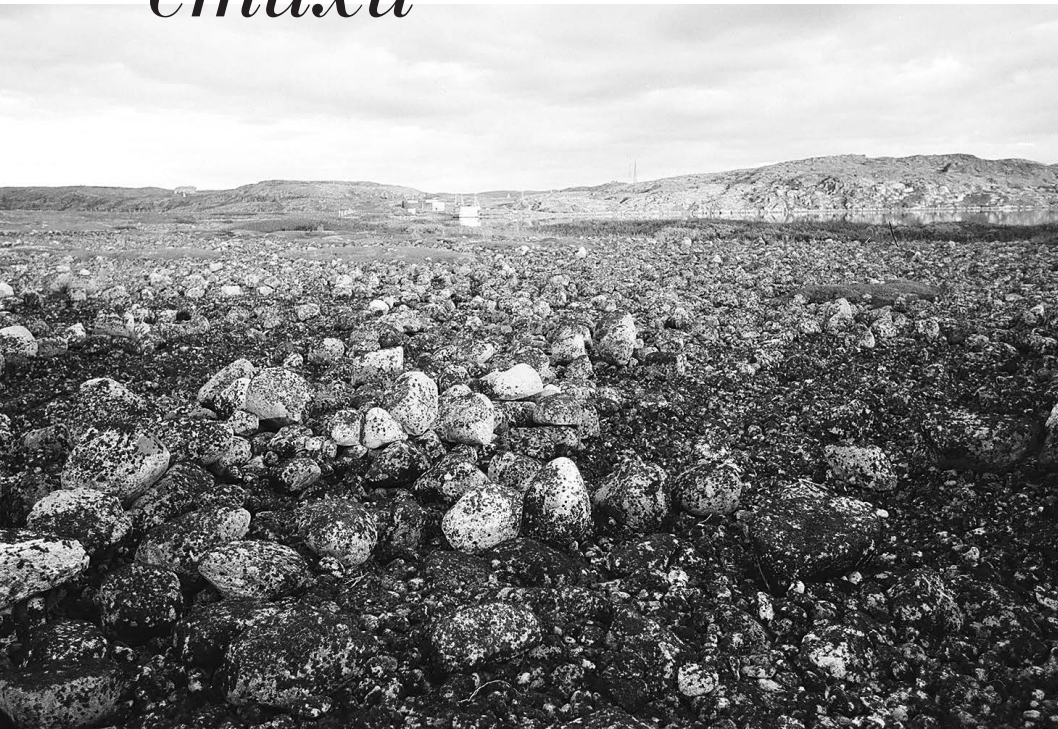
© Текст: Владимир Салимон

© Фото: Анна Мамсеева

стихи

Ирина Котова

ЧЕЛОВЕКОКИТ

1

Пока кит поднимается над равниной вод,
человек успевает сваи в него вогнать,
человеку кажется: он киту и отец, и мать.
Человек бросает семя и кормит род,
кит мальков выпускает в бездонный рот.
Человек копьё меняет на миномет,
кит — плывет.
Но потом кит уходит на глубину,
разрушая вмиг, что веками на тушке нес —
слишком горько и горячо от огня и слез.
Человек за него цепляется, голосит про свою
вину,
про детей, жену,
жизнь — одну.

Кит в ответ ему:
Не сверну.

2

Разве дано человеку очутиться внутри у Бога,
управлять им, словно тряпичной куклой?
Ему можно лишь попросить немного
да род продолжить в лачуге утлой.

Человеку дано очутиться внутри кита,
провалиться пищей киту в желудок.
Человек не хочет — судьба не та,
человеку Бог подарил рассудок.
Человеку дано добыть китовый ус —

заточить гарпун и метнуть с размаху.
Только он бежит на берег — скалист и пуст.
У него два чувства: любви и страха.

3
Кит лежит у моря, и косточки побелели.
Тот, кто держит землю, он тоже смертен.
Кит уснул в волне, как в своей постели —
Без сетей, без ран, без иных отметин.
Человек заходит внутрь кита как в свою
квартиру,
между ребер (слышишь: там бьется сердце).
Говорит: ты был для меня полмира,
на кого оставил, скажи на милость?
Помнишь, мы с тобой в обнимку плавали — брат
и брат,
а младенцы качались в люльках и старились
понемногу.
Как забыть твой хвост? Я растил там сад,
в том саду, болван, изувечил ногу...
Кит — молчит. Он — мертвый, к тому же — зверь.
Солнце слезы ловит бездонным веком,
будто Бог отчалил, забанив дверь.
Неужели это выбрано человеком?

* * *

– Как умеешь ты не бояться,
словно ластик гнуться и не ломаться?
Я лежу в песке,
соль веснушкою на виске,
поцелуй застыл на моем соске —
сладкий памятник злой тоске.
Я — пружина, всегда в броске.
Путь войны лишен и любви, и страха.
Посмотри — волна, в ее пенном рту,
позабыв небесную высоту,
как безумная бьется птаха.
Мама, мама, на дне морском,
в несуразный самый свернувшись ком,
моя женственность-тонкопряха,
жемчуга да шелковая рубаха.
Как умею я не бояться?
Помнишь, в детстве:
не бойся драться.

Подводная лодка

Андрею Волосу

I

– Ну, куда мы с этой подводной лодки? — говорит
мужик, наливает водки.
– Жизнь как земля, — говорит, — разбита на
сотки,
за сотками — околотки.
Иди, дружок, паши.
Сдюжишь — в шкуре лошади, сладишь — в тельце
блохи иль вши.
Как напашешься от души — не скупись: птицам
хлеба черного кроши.
Да ложись на печь. Нужно крепче спать, чтоб
себя сберечь.
Ты свободы бойся — в ней кровь кипит и рябит в
глазах от могильных плит.
Обжигает водка, затухает речь.
Если это лодка, — в ней должна быть течь.
Подхожу к окошку — там не конь, а кит —
лыбится, тарашится, на меня глядит.

II

Вот девочка: кузнечика хоронит и ставит крест
из тополиных веток.
Так смерть нас потихоньку привечает и знаки
подает.
По сути, череда смертей — есть череда зарубок,
меток.
Меж ними пчелы в ульи носят мед, меж ними
дворник колет лед.
Меж ними юноша стоит под фонарем и думает:
наверно, не придет.
А у нее сломалась молния, сапог отброшен и
телефон разряжен.
Так смерть становится как будто ни при чем —
прицел ее не важен.
Отринув мизерность планеты нашей, дети
выводят буквы в классе.
Старуха орхидеи поливает и размышляет: есть
ли жизнь на Марсе?
А вот скользит по склону лыжник — адреналин
гуляет пьяницей по телу.
При чем тут дурочка с косой и в капюшоне? Ей
до всего какое дело?

Ш

Как помотришь вокруг — мир похож на полотна
Магритта,
В небе — полдень, на улицах — полночь,
безлюдье.
Будто ты под водой и собратья — мурена,
ставрида
Ил со дна поднимают и потчуют мутью.

Выбегайте, матросы-подводники! — лодка
пробита.
Нужно брать этот город с его санузлов.
Отфильтруйте планктон через пальцы, сквозь
сети и сита
И несите на свалку богатый улов.

Бедная Лиза

Это бедная Лиза жжет и бросает спички за
спину —
гори все огнем — ночью гори и днем.
Скачет огонь конем — музыка тлеет в нем,
шепчет он Лизе: если нырнешь в трясины,
я не покину.
Лиза идет пехотинцем по головам, по могилам —
ищет тепло, холодом руки свело,
сзади жаром дом смело, впереди — бело.
Лиза спички жжет — жизнь закоптила,
но все ей по силам.
Как-то садится в пустой троллейбус. Дождь лупит
сбоку.
Троллейбус идет до конечной —
в путь вечный.
Его пугается каждый встречный,
пес калечный.
Наша Лиза вдруг прозревает как от удара током,
по карманам промокли спички —
ищет их по привычке.
Оборачивается за спину —
нет огня,
думает: точно, сгину —
чур меня.
Ну отчего, отчего я так одинока?

Царевич

Русь недвижно лежит меж морей, как
морщинистый морж,
На белесых костях в ожиданьи чудес и спасенья.
Черный глаз полыньи на реке, и куда ни
пойдешь —
всюду Дмитрий-царевич прозрачную тенью.

Слышь, заходятся бабы:

— Младенца, царевича Дмитрия, нянька бросила в
реку с моста!
— Распять ее нужно, ехидну! Нет ей креста!
— Льдами скован, утоп наш наследник, наш
спаситель Руси...
— Царь Иоанн, сгоряча, нас удушит в единой горсти...
— Несчастливая Русь, голоси!
— Господи, Иже еси...

Русь веками живет сожаленьем о лучшем царе.
По дворам, с колотушкой, юродивый бродит
ночами
с обещанием счастья. Но свистнет ли рак на
горе,
если клешни обломаны, если лишь кровь за
плечами.

Если поезд летит не по рельсам, а с ходу — в
кювет,
виноват лишь подвыпивший стрелочник,
спящий в бытовке.
Виноват и поставлен к стене — соучастников нет.
По разбитым вагонам лютуют косматые волки.

* * *

Детей крестить,
по воде тащить
в подоле.
Из воды — в огонь,
из огня — в полымя.
Как припомнить пол
или имя?
Пеленать полынью,
купать в золе
от дурного глаза и от заразы.

Сотню тысяч раз –
ум за разум
Воровской напев напоет гармонию.
Одна живем:
хочешь – шум тебе,
хочешь – вонь.
Крестник мой гулит,
гомонит.
Может, песнь поет, может, мается.
Посмотри вокруг –
обалденный вид:
Конопля,
острог,
речка-старлица.

* * *

Уж который гонец обречен
на пути от Болотной к Сибири.
Он бесстрашен, выносив, учен.
У него квадроцикл есть и челн
Плюс мобильник, чтоб биться в эфире.
Но Сибирь заскучала по силе,
по железной, мохнатой руке,
она видит, как там, вдалеке
император над пробками скачет
на лимонном от солнца коне.
Сочи топит сомненья в вине,
а Сибирь самогоном фигачит.
Сок лимонный лимонит гонца –
до зубов, до костей, до конца.

* * *

Вот прабабка моя – несет коромысло,
Вот я – накрываю стол...
Как ты думаешь: жизнь не имеет смысла?
– Нет, не имеет.
– Да, не имеет.
В этом ее прикол.

* * *

В человеческой массе как ножик и вилку найти,
чтобы смело орудовать ими, зерно отделяя от
плевел,
не толкаясь локтями, не встав никому на пути.
Может, проще бежать? На уме – лишь
арктический Север.

Вновь и вновь улетает Гагарин и машет рукой,
вновь и вновь допетровская Русь разбивает
колени,
вновь на кладбищах много военных (Господь
упокой),
вновь тебя упрекают не только в семейной
измене.
И тюрьма – не тюрьма, и свобода – как эхо в
горшке.
Обезьяний свой рот то кривишь, то растянешь в
усмешку.
Ты как бабочка в коконе (иль поросенок в
мешке),
ну, а попросту – пешка, никчемная пешка.
Приглядишься – торговые центры рекламой
манят,
раскрывают объятя – глазей на тряпье, ешь от
пуза.
В переходе метро бабка просит на корм для
щенят,
на бульваре сосулька-гаджик, и – арбузы,
арбузы...
Как в открытые трубы, уходит на ветер тепло,
руки греть у костра – нет отваги да, в общем, что
толку.
И как будто кому-то вразрез или даже назло
наблюдаешь за детской игрою, смеяшь
втихомолку.

ПАЛИСАДНИК

Столько вёсел утрачено в разных речушках
ретивых,
что берешься за новое как-то совсем без эмоций.
В палисаднике тонут в цветении бархатном
сливы.
Ты на спилах пытаешься выяснить жизнь их по
кольцам.

Нет надежды на счастье, но есть иронический
разум,
как спокойная заводь, как щит, как житейская
тайна.
Одиночество есть. И оно убивает не сразу.
В палисаднике ворона дети хоронят печально.

Признавайся, ты ждешь: половодьем закружит река,
понесет — не удержишься, страстью расколется лодка...
А пока — в палисаднике — нищий, трясется рука.
Ты монету бросаешь — на хлеб, а по факту — на водку.

БОЛЬНАЯ РОДИНА

В моей палате лежит больная Родина. Фамилия
у нее такая.
Тело ее, похожее на морского льва, выгружали
ребята из МЧС.
Ее привезли, коматозную, просьбам детей
потакая.
Спина ее — пролежни, брюхо — гнойно-кروавый
замес.
А еще тело ее похоже на ежа: иглы и трубки,
трубки и иглы...
Я не знаю, где грань, разделительная межа,
когда битва за жизнь уж не битва, а роли и игры.
Этот ежик все бродит в тумане и бредит, рыдая
и хохоча,
этот Родина-ежик не дышит, не слышит и пышет
пожаром.
Я кричу ей: проснитесь же, Родина! Вы узнаете
врача?
Но недвижно лицо. Все усилия — даром.
Я ночами не сплю, я мечусь, как укушенный пес.
Все твердят, мол, уходит. Каталка уж катится
в морг.
Вот — священник, вот — вёдра с охапками роз.
Я стою со шприцом. Я не верю. Бессмысленен
торг.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Минуло десять лет, и он пришел,
возник из книг, шкафов, присел за стол.
Сказал: «Пятно на платье, в стирку брось,

опять посуда в раковине — валом,
как прежде все — потом и на авось.
А впрочем, чушь! Что время тратить даром?
Как ты жила? Очнись же, я — не сон».
Но я стою как столб на: он-не он.
Откуда и какие преодолел пути, мгновенья,
мили?..
Мы раньше... об учебе говорили...
— Я, папа, не учусь, все больше — сама учу, лечу.
Но это скучно как дважды два, как очередь к врачу.
Наука для меня лишь хлеб, а ты цедил ее как дорогие вина.
Люблю слова и рифмы, перед тобою в том...
повинна.
— А что твоя вторая половина?
Ты счастлива? Ты все чего-то ждешь?
Он яблоко разрезал, на блюдечко пристроил нож.
Его движенья... Ты опять... опять уйдешь?
Глотаю ком и горечь прячу в губы:
— Что рассказать о счастье? Счастье — странно,
несчастье — глупо.
— А внучка как? Уж, верно, в кого-то влюблена...
Казалось мне, что те — с небес или дна,
должны о нас все знать и этим, может быть, не одиноки...
Стоит за шторой утро — руки в боки,
всё громче шепот шин и топот тел.
— Ты плакала и жизни не хотела, а я тебя журил,
ведь я — хотел,
за пару дней до смерти. Что там было?
Что я не понимал? На что тогда мне не хватило
силы?
Черты его стирались — нос с горбинкой и глаз
асфальт...
— Не уходи! Я дочке сакс купила — альт...
Но солнце лупит — не видать ни зги.
Слышны обрывки: не бери долги...
Протяжным эхом: маму бе-ре-ги...
Повсюду — солнце, солнце... солнце...
Включаю кран —
тарелка бьется.

Любиза Арсич

тот другой, поджидающий в ночной темноте

Блуждая в одиночестве поздно по ночам, он любил прогуливаться мимо пришвартованных лодок и гондол, притягивая их за канат к берегу, а когда они приближались совсем близко, резко отпускать, ударяя канатом по воде.

Ему, с детства окруженному каменистым, лишенным растительности пейзажем, полный месяц над морем казался настоящим чудом. Этот месяц нисколько не стыдился своего округлого и гладкого лица. Очертания черных спящих домов проступали в свете мерцающих в темноте карнавальных факелов. А там внизу — приглушенное бормотание моря и мерцающие огни.

Как только он вышел на улицу, вслед за ним устремился один из слуг, сопровождающий его по дороге в Венецию, который принес ему плащ. «Смотрите, владыко, не простудитесь. Прошлой ночью вы много кашляли». Где-то издалека доносилось пение пьяных масок: «Ты все еще в моем сердце, ты все еще моя королева...». Из темного подъезда выбежала, поправляя платье, Коломбина, а вслед за нею Пьеро, умоляя ее подарить хотя бы еще один поцелуй. Парочка перебежала мост в поисках укромного места для тайного свидания. Туда-туда, в пустое и всегда безлюдное укрытие их манили низкие, пепельного цвета облака.

Он подтолкнул ногой в море несколько карнавальных бумажных гирлянд, которые стыдливо устремились к лодке, обвив ее корму, напоминаящую нос венецианского дожа. Вчера на аудиенции у принчипе тот жаловался на подагру, рассматривая отражение своих пурпурных туфель в холодном мраморном полу.

Шагая по улице, он придерживал края своего плаща. Забрел в тупиковую улицу, немного накренившуюся в одну сторону. Ютящиеся друг к другу дома шептались о стоявшем у лестницы гитаристе. Глаза музыканта скрывала черная маска. У его ног валялись арлекинские бубенцы, которыми звенят придворные шуты. Гитарист наигрывал мелодию *Sul mare luccica l'astro d'argento*. В узком переулке между двумя домами целовалась парочка. В какой-то момент из темного сплетенного клубка двух тел выскальзывала белая женская ножка, которая как будто старалась уклониться от поцелуя, но потом пугливо возвращалась в свое укрытие. На краю моста валялась бумажная шляпа, шляпа какого-то незнакомца, который пьяным соперником был вовлечен в поединок на шпагах, в смерть в мутных водах канала.

Он потянул к себе лодку, наблюдая, как ее корма рассекает воду, колыхая по воде яичную скорлупу, стручки гороха, разбивающиеся о волны от прибрежных буйков.

Вчерашняя беседа с дожем заставила его на какое-то мгновение позабыть о поэме, сочинением которой он занимался в Венеции в эти дни. Он назвал ее «Луч микрокосма», вдохновленный отблесками, возникающими, словно светлячки в черной воде, когда притягиваешь к себе пришвартованную к берегу лодку, когда на мгновение мелькнут

в воде хвосты перепуганных рыбок, а затем все опять затихает и погружается в темноту. Он дошел до главы, в которой архангелы беседуют с Богом о бесконечности пространства. Гавриил не смеет пускаться в толкования, сладкоречивый Михаил пытается объяснить значение пространства и бесконечность его грани.

Прогуливаясь среди лодок, он думает о том, каким образом архангел рассуждал бы о бесконечности, с чем бы ее сравнивал, чтобы своими суждениями не умалить значения божественного познания. С бесконечным морем? Но и оно конечно. Является ли бесконечностью расстояние, в сто раз превышающее расстояние от земли до самой далекой звезды? Или бесконечное пространство — это небо, скрывающееся в сводах еще более широкого неба, а то другое небо — в еще более огромном небе, и так сто раз, тысячу раз, словно разрезанный многослойный лист агавы, в котором каждый лист скрывается в другом листе. Но и это лишь часть пространства. Есть и другая часть. Поэтому существует и граница мрака, которого столько же, сколько и света. Действительно ли все так, и что об этом говорит Бог? Там наверху между звездами небо растворялось в других небесах, подобно кругам на воде от случайно брошенного камешка.

Он услышал рядом с собой всплеск воды. Какая-то незнакомка пыталась попасть камешком в карнавальную шляпу, колыхающуюся по воде среди гондол. У нее была необычно белая, очень гибкая шея. Она изогнула ее изо всей силы, чтобы как можно лучше прицелиться, затем подошла к нему и протянула камешек. Он замахнулся и бросил, шляпа перевернулась и наполнилась водой.

— Не спится по ночам, вот и гуляю, — сказала она.

— А вы не боитесь?

— Я ничего не боюсь.

Его удивило, что в чужой стране эта незнакомка обращалась к нему на его языке. Разве не странно, что вот так неожиданно, в этой одинокой ночи могут встретиться два человека и говорить на одном языке?

— Таких высоких людей мне удавалось встречать только среди земляков моего мужа. Его зовут Йован Ризнич, он занимается поставками провианта. Он прибыл в Венецию по делам, а я поехала с ними, чтобы проведать родственников во Флоренции. Сейчас он спит, можно ему только позавидовать, он всегда спит крепчайшим сном. А то, что его жена гуляет в сумерках одна, разве сегодня не карнавальная ночь?!

Ее не волнует, что будут говорить другие, жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на всякие сплетни. Воздух был влажным, и она несколько раз нехорошо закашляла. Только Богу известно, сколько еще ей отпущено, но и после ее ухода останутся эти лунные ночи, в которые испуганные женщины будут сидеть по своим комнатам.

Незнакомка с тонкой белой шеей очень красиво говорила. Никогда он ранее не слышал, чтобы дамы так изящно выражались. Это карнавал был виновен в том, что он смотрел ей прямо в глаза, пока она говорила и смеялась над какими-то неправильно выговариваемыми ею словами, называя кузнециков «кузенчиками», так как она была итальянкой родом из Флоренции. Она показывала на месяц, белый, как и ее шея, на белую церковь на острове Сан-Джорджо, куда она поедет со своим супругом, чтобы помолиться Деве Марии о здоровье своих детей.

— Давайте, я провожу вас до вашего дома, — предложил он ей, и она взяла его под руку.

Они зашагали рядом, стараясь отыскать среди ночи тот самый узкий переулок для невидимок. Им навстречу выскочила кошка, которая гналась за водяной крысой, ловко скрывшейся в дыре. Под ноги им подвернулась маска пажла с опущенными бровями и румяными щеками — на это лицо больше никто не оглянется, ведь это всего лишь грязная, брошенная кем-то на улице перьевая маска. Он немного сжимал ее руку, боясь, что она выскользнет из тепла его руки. Она вела его, мягко подталкивая в нужном направлении, ее тело подсказывало путь.

Они подошли к площади, на которой в тишине стояли какие-то люди. Задрав головы толпа наблюдала за канатоходцем, который двигался по канату, натянутому между соседними домами. Акробат поддерживал равновесие с помощью длинного шеста. Женщина подвела его поближе к стоящим человеческим фигурам, от которых пахло рыбным гуляшем и вином. Высоко над их головой двигался человек по золотому канату, который иногда начинал подрагивать, как будто сопротивляясь его настойчивым шагам. Шаг за шагом он приближался к середине каната, время от времени колени канатоходца начинали трястись, после чего он резко выпрямлялся, и тогда толпа внизу замирала в полном молчании.

Оказавшись совсем рядом со своей спутницей, он смог хорошо рассмотреть ее шею. Она была белая и гладкая, с черными тонкими волосками, которые незаметно двигались при дыхании. От ощущения близкого присутствия этой

женщины его тело отступало, словно море от песка, оставляя место для ее тела, которое проникало в молчаливую толпу, заполняя и огибая ее очертания.

Канатоходец закачался, и она прижалась к нему еще ближе, дотрагиваясь до его ноги, тела, плеча, и на ее талии образовался маленький участок, ожидающий прикосновения его руки. Перед его глазами возникло тонкое полотно, исписанное простыми и волнующими словами: голос, тело, дыхание, прикосновение, рука, опирающаяся на его руку. Жена его земляка с белоснежной шеей, покрытой темным легким пушком, несла с собой великую весть, но не ту, которую из века в век тщетно ожидают христиане. Та весть ударила его прямо в живот, а он и не знал, что здесь находится средоточие любви, где прекращается его знание и начинаются ее владения.

«Если бы только до нее дотронуться», — подумал он и испугался. Если бы он до нее дотронулся, этот человек наверху потерял бы равновесие и сорвался вниз. Не позволяя себе нежно прикоснуться к ее шее, он помогает канатоходцу удержаться наверху. Если бы он только до нее дотронулся, они тотчас бы провалились в раскрывшуюся бездну. Сначала они бы летели по воздуху, закружившись в страшном вихре, а затем оказались бы за пределами земли, на другой стороне моря, где их никто не знает. Если бы он дотронулся до нее губами, то никогда бы больше не смог оторваться от ее кожи.

Его глаза не видели канатоходца, все его внимание было приковано к ее шее, с которой сполз воротничок. На тонкой шее покоилась женская головка с густыми заплетенными в косу локонами. Черный пушок напомнил ему о месте, которое он когда-то давно увидел у пастушки из Суторины, оголившей свои белые ноги навстречу солнечному свету. «Пока существует это таинственное место, не будет покоя для мужчин на этом свете», — подумал он.

А Бог? А что обо всем этом думает Бог? Он посмотрел на человека, двигавшегося по золотому канату. Что же скажет Бог о его желании овладеть незнакомкой, женой его земляка? И если бы все пространства слились в потоки воздуха, а потоки воздуха — в тончайшую линию подобную тросу, по которому двигается канатоходец, а та линия могла бы охватить огромную плоскость, это была бы всего лишь одна точка в бесконечности.

Она сделала ему знак рукой о том, что пора идти. Он готов был следовать за ней куда угодно. Вместо того чтобы писать о «Луче микрокосма», он сочинит поэму о любви. Его спутница ускорила шаги. Неожиданно она отделилась от него и оставила одного перед неизвестным домом, широкие двери которого были немного приоткрыты. Незнакомка проскользнула в образовавшуюся щель и, не попрощавшись, резко захлопнула за собой дверь. Послышался скрип опускающегося засова, звук удаляющихся шагов, пока они окончательно не затихли в одной из комнат. Он вновь оказался один в ночи.

Забегав в дом на цыпочках, чтобы не разбудить мужа, она тихонько прошла мимо его постели и уже почти прокралась в свою комнату, когда услышала сонный голос: «Амалия, Амалия». «Я здесь, спи», — ответила она, и он повернулся к стене. Тихо сняла туфли, жавшие ей ноги. Начала растирать уставшие от тесной обуви пальцы.

Во время путешествий они спали в разных комнатах. Ее муж Йован Ризнич нуждался в особом покое, а она любила сидеть при свечах до поздней ночи, украдкой листая тетрадь со стихами. «Простишь ли мне ревнивые мечты, моей любви безумное волненье?» Эти строки написал один смуглолицый русский в Одессе, куда ее муж направлял корабли с провиантом, а она развлекалась на балах, танцуя кадрили. Кавалер кружил ее по всему залу, словно обессиленную промокшую птицу, которую ветром выбросило на мокрые листья, затем простился с ее мужем, который низко ему поклонился.

Когда они уходили с бала, муж рассказывал ей о стихах и вспыльчивом нраве поэта, о которых уже ходила молва по всей России.

Уставшая, она сразу прошла в свою комнату, окна которой выходили в сад с беседкой, окруженной густыми жасминовыми кустами. Перед сном она долго сидела, водя расческой по волосам, мягко поглаживая их. Распущенные волосы достигали пола и дотрагивались до непропорционально больших ступней, которые она скрывала под длинными, уходящими в пол платьями. Она готовилась ко сну, когда из-за темных портьер возник кудрявый смуглолицый дьявол, ее кавалер, танцевавший с ней кадрили. Он закрыл ей рот рукой, чтобы она не закричала, и крепко держал ее руку, пока страх в ее глазах не сменился удивлением, а затем тихим возгласом радости от неожиданной встречи. Уверившись, что она не закричит, он опустил свою руку, чтобы нежно дотронуться до ее губ, затем провел ладонью по ее лицу, лаская места, до которых она дотрагивается каждое утро во время утреннего туалета. Оба узнали прикосновение пушка, крыльев и ножек насекомых.

Чтобы немного успокоиться, она берет со стула шаль и набрасывает ее на плечи, делая вид, что неожиданно продрогла. Дрожь нарастает и раздается в ушных раковинах — прозрачном фарфоре. Стараясь непринужденно рассмеяться, но не слишком громко, чтобы не разбудить никого в доме, она пытается изобразить беззаботный смех, словно в ее голове по-прежнему звучит кадрили, но в этом смехе не чувствуется хрустального звона и смелости, как тогда, во время их первой встречи, и он желает вернуть этот смех своими ласками. Увертываясь от его рук, она все глубже погружается в его объятия, в которых соединяются сила волн и хрупкость стекла.

Какие же шальные и упойтельные мысли пробегают в голове, когда представишь, что именно тебя поздней ночью в глубине твоих покоев, куда вправо входит только муж и прислуга, поджидает незнакомец. Он готов ждать ее часами, и когда наконец она появляется, словно притаившийся разбойник, он с наслаждением наблюдает за ней, ничего не подозревающей: как она прихорашивается, расчесывает свои волосы, расстегивает и освобождает свою грудь от тесного корсета. Да, именно так все и происходит, она может почувствовать это своей рукой, которую он наводит на место средоточия его возбуждения. Впервые она замечает, что это место напоминает упругую красноватую змею, которую она никогда не видела у своего мужа, так как обычно все происходит в полной темноте и заканчивается очередной беременностью. Она может дотронуться до этой отвердевшей плоти, которая и есть для нее любовь, ибо к чему тогда все это ночное томление в глубине черных портьер и оцепенение в момент его проникновения в ее тело? Она проникает в него. Они проникают друг в друга. Они сидят друг на друге. Движения говорят за них, оставляя без ответа вопросы: кто они и будут ли они любить друг друга вечно? Затем они лежат в изнеможении на полу, наблюдая за мерцанием гаснущих свечей. Она накрывает его своими волосами.

— Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой твои глаза не следуют за мной, — нашептывает ей кудрявый поэт, а она в ответ ему смеется, пряча лицо в его жилетке. Он развлекает ее забавными речами и шутками, которые затем записывает в тетрадь: *Дорогой госпоже Ризнич, Александр Сергеевич Пушкин*. Она проводит рукой по лицу поэта, скрывающему под телесной оболочкой другое его лицо.

Она поклялась себе, что будет любить его вечно, но это оказалось неправдой. От общих знакомых ей стало известно, что ее любовник в Одессе одновременно состоял в связи с Элизой Воронцовой, богатой полячкой, которую он часами поджидал в тени темных аллей.

Нет вечной любви. Она думала, что любит этого взбалмошного русского, но в Венеции, в ту карнавальную ночь, один незнакомец, земляк ее мужа, все переменял и убедил ее, что это не так. Он ни разу не поцеловал ее, он едва ли прикоснулся к ее телу, но по сильным уколам невидимых иголок, пробежавших по ее чувствительной шее, она почувствовала приближающуюся опасность. Она слышала его дыхание, представляя их вдвоем в ее волосах и ощущая внутри себя его сильное большое тело, вытесняющее воспоминания о бывшем любовнике. Мысль о его серьезном, склонившемся над ней бородатом лице, в момент, когда с него спадает привычная маска, обнажая растворяющееся в наслаждении и нежности существо, возбуждала ее. Если за одну ночь она способна забыть про одного и влюбиться в другого, тогда она может любить всех мужчин в этом мире. Значит, она не способна любить. «Пока существует мужская плоть, мееобразный жезл, нет женщинам счастья на этом свете», — думала она.

Может быть, незнакомец еще стоит там, в ночи, ожидая, когда она подаст какой-нибудь знак? Она стянула волосы веревкой и подошла к окну. Портьеры развевались, напоминая беспокойные морские каналы, разрезающие рельеф материка. В первый момент ей показалось, что кто-то действительно стоит у ворот, но когда ее глаза привыкли к темноте, она поняла, что внизу никого нет.

Госпожа Амалия Ризнич скончалась от чахотки в мае следующего года. Ее супруг Йован Ризнич продолжил заниматься поставками провианта в Россию. Однажды он приехал в Петербург посетить своего компаньона и друга Карла Кузьмича, который перенес их обед на шесть часов, ибо в тот день он торопился на отпевание Александра Пушкина, застреленного Дантесом на дуэли. Гроб с телом поэта охранял отряд жандармов. В беседе с купцом Ризничем монах Геннадий рассказал, что строгие меры были предприняты в связи с приездом сербского митрополита Петра Петровича Негоша. Митрополиту было запрещено появляться в Петербурге, дабы не вызвать недовольства со стороны турецкого посла: Россия пообещала Турции не вмешиваться в их внутренние дела с Сербией.

Митрополиту была отведена монашеская келья. Из окна своей темной кельи поэт простился с поэтом.

Перевод с сербского языка: Анна Зыкова-Майкич

Повсюду говорить с тобой

VITA NUOVA

* * *

1

Ни в Граде, ни в миру, ни в пустыни – ни среди сумрачных
огней,

Которые глазами грустными глядят из-за спины твоей,

Ни тут, на берегу заброшенном, где ржавое мерцает

дно,

Скажи, ведь ничего дороже нам негромкой речи не дано. –

Одно да будет мне позволено – повсюду говорить

с тобой:

Где замусоленными волнами бумажными шуршит

прибой,

И где серебряною утварью горит намокшая трава, –

Да будет речь твоя заутреней и всенощной, и голова

Моя, как темный улей пчелами, роится звуками в ответ –

Рыдающими ли, веселыми, сердитыми, а если нет –

Тогда душа покинет лагерь свой, растаяв, как вороний

крик.

Без твоего – зачем мне ангельский и человеческий язык?

* * *

2

Смерть похожа на оттепель – видишь, как тают тела –

Точно лед под мостом вытекает из трещинки, ранки,

Под копытом, взбивающим воздух, пока удила

Не порвали губу, растворясь в ядовитой Фонтанке.

Смерть похожа на сумерки – видишь, как тело в мираж

Превращается к ночи – оглохшей зимующей яхтой,

Привалившейся к берегу, скинувшей весь такелаж,

Как сухую листву, позабывшей о парусе. Так-то

И от нас не останется утром почти ничего —
 Ни улыбки, ни родинки, ни позвонка, ни колена,
 Ни зрочка-поплавка на поверхности радужных
 вод, —
 Видишь, все это временно, только объятье
 нетленно:

Точно обруч сжимает бочонок — не вылить
 вино,
 Точно стебель вздымается вверх —
 не рассыпаться розе.
 Лишь объятье — та вечная форма, в которой
 дано
 Неподатливой плоти отлиться — вернее, чем
 в бронзе.

* * *

3
 Ни пыльные башни крапивы, ни сизые чащи,
 Ни клевера пламя, ни дым от помойки горящей,
 Ни дребезг трамвая, ни плачущий ангел
 на шпиле,
 Ни угол остывший, где умерли те, кто любили,
 Ни юг, шевелящий златыми устами пшеницы,
 Ни ветренный север, бесплодный, как лоно
 блудницы,
 С полями, как вечность — гниющая мелкая
 свекла,
 Ни сено, что скошено утром, к обеду намокло,
 Ни серая твердь, ни корявая глина, где нашу
 Неплотную плоть распускаем, как пеструю
 пряжу,
 Ни гром запоздалый, ни заросли дикой
 малины —
 Твой голос мне родина, все остальное —
 чужбина.

* * *

4
 Как игла в вышиваньи, скользкая взад
 и вперед,
 То к полудню узора, то в ночь узловатой
 изнанки,
 Или рыба, в породе прозрачных рассыпчатых
 вод
 Узкий ход проложившая мимо постылой
 приманки,

Как синица, снующая в мутном потоке ветвей,
 Как в начале строки и в конце промелькнувшее
 слово,
 Разрывая листок, как сияние плоти твоей,
 Что, во мраке моем исчезая, является снова;
 Словно луч, зажигающий кожи эмаль
 и финифть,
 Огонек алкоголя, дрейфующий темною веной, —
 Смерть вплетается в жизнь, как блестящая
 тонкая нить,
 Завершая рисунок и делая ткань драгоценной.

* * *

5
 Ты, ты, ты!
 Я не стану, как тот поэт,
 Ввинчиваться в черты
 С бреющей высоты
 Времени. Твой портрет,
 Плавающий в стекле
 Вечером, поутру,
 Мне безразличен, мгле —
 Тем более, ибо он
 Вечен. Я не умру,
 Или умру не вся —
 Но не лирой тряся —
 Глядя в него, как в сон,
 Тихо сгущаясь в фон.

* * *

6
VITA NUOVA
 Синий колокол умывальника возвещает утро
 Новой жизни, снящейся мне как будто
 Девять лет — и все же сегодня новой —
 Как золотая нитка, что выбилась из основы.
 Колокол знает: когда возникает vita
 Nuova — любая другая тонет, как Атлантида.

Новая жизнь — это смерть для того, что раньше
 Жизнью казалось: был и закат оранжев,
 И трава нежна, и желток ромашки
 Не проливался, и чертик сидел в рюмашке —
 Но не с такою усмешкою откровенной,
 Уловив которую, кровь по звенящим венам
 Пятится и бежит по иному кругу,

С громким пением приближаясь к уху,
То визжа, то гудя армстронговыми басами.
И тогда был ангел покрыт глазами,
Только их уже заслоняли бельма,
Так что он проглядел, шелестя бесцельно,
Как ты, на правах известного серафима,
Приникал к губам, пробегая мимо,
Вынимая сердце, чиня положенные увечья,
Наделяя меня — сам не желая — речью.
Новая жизнь, дыша пузырьком цезуры,
Твоей сигаретой, небесной киноварью, лазурью
Водяной, умещается точно в строчку.
Ангел, покрытый глазами, кружит, уставясь в
точку.

* * *

7

Если ты не придешь, значит, придет снег —
Остановкой дыханья, холодом по спине,
Он обнимет меня, увидит, что я пуста,
И войдет — в середину безлистленного куста,
В середину сердца, рассыплется по ветвям,
Белый палец прикладывая к губам.
Я не знаю, где ты, где снег, но вы оба — сон,
Так что мир до плеч закутан и занесен,
И уже не видно, кто там ко мне приник,
Закрывая собою, - ты или твой двойник.

* * *

8

В желтой стерне, где чернильная капля грача
К краю стекает, за насыпью, в буйных вихрах
Серой пыли, на рельсах, где, смертно крича,
Вдруг электричка проносится, ветер и прах

Взвив за собой, на дороге, пятнистой от ям,
Крупной щебенкой засыпанных, на лугу,
Где в розоватых коронах мерцает бурьян,
Пляшут сороки на одиноком стогу;

На прошлогоднем пожарище — лапой скребя
Черную землю, тревожа цветущую сныть,
Речь, как собака хозяина, ищет тебя,
А не найдет — по-собачьи научится выть.

* * *

9

Возлюбленные не стареют,
Их Бог от старости хранит.
Их молодость над ними реет,
Как нимб, и в голосе звенит.

Влюбленные не умирают —
Они идут, рука в руке,
Для них калина у сарая
Горит, и мир, на волоске

От гибели висящий, с ними,
Глядишь, дотянет до утра.
Над ними небо сине-сине,
Как небо августа. Пора.

* * *

10

Я не хочу с тобой прощаться,
Как с белым светом.
Подумай на минуту — счастье —
Сознание: где-то

Ты есть — не важно, что не рядом.
Очнешься утром —
И мир не кажется парадом
Теней, абсурдом.

Так не лишай его хоть капли,
Хоть крошки смысла.
Не то — из бревен лезет пакля,
Варенье кисло,

Сияющие идиоты
Идут на приступ.
Будь — вот и вся твоя работа,
Сейчас и присно...

* * *

11

Умираешь, значит? Закрываешь лавочку?
Сворачиваешь проект,
На который пошло немерено водки, чернил
и обесцененных слез,

И отборных острот, и продукции сивого
мерина. — Неужели последний аккорд
пропет:

Высокий, он не тает в воздухе, словно радуга.
Ты всерьез?

Да, конечно, не поле боя, не дорога и не отель, —
Правда, чужбина за бессмысленной рябью миль —
Но зато в кругу семьи, в своей постели, как ты
хотел.

Мир оседает медленно, как после взрыва — пыль.

В воздухе проплывает кресло, обнажая
потертый бок,

Проплывают два стула из кухни, на которых
сидели мы, —
Жареная картошка, твоя любимая, водка,
томатный сок,
Суп из фасоли. Чтобы остались разделены

Красное с белым, водку ты наливал, подставляя
нож,

К стенке стакана — помнишь тот хитрый трюк?
Хороша была «кровавая Мэри». Что ж,
И диван проплывает, расшатанный в хлам,
и даже утюг,

Гладивший блузку перед твоим приходом, и тот
паром,

Первый раз увозивший нас за границу —
почитай, на тот свет,
И капитан, поди, до сих пор не знает, что он
Харон,

Медленно проплывая в воздухе, руку подняв —
привет!

Рядом с ним проплывает причал и чугунные
фонари

У Петропавловки, с позолоченною стрелой,
Полосатая будка — только будочника внутри
Расстреляли, когда еще не было нас с тобой.

Проплывает кладбище Новодевичьего
монастыря

С могилой Тютчева, куда ты меня водил
Тайными тропами, и, вообще говоря,

Это место, в виду снесенного купола и заросших
могил,

Выглядело живей, чем сегодня — с золотом
и толпой

К поясу Богородицы, к Бог знает каким мощам.
Помнишь, в цеху грохочущем — в бывшей
церковке мы с тобой
Полустертых ангелов встретили? Отощал

Каждый — кто крыльев лишился, кто головы
своей,

И все равно светились, в грязи и скрежете:
вопреки.

Я вот думаю — срам, поругание — страшно
сказать — честней

Фарисейской покраски-побелки...

Проплывают ржавые катерки

По Неве, над которой мы до сих пор сидим
С бутылкой красного, свесив ноги,
на крепостной стене —

На краю тюрьмы, естественно, и цветные
дворцы, как дым,

Клубятся на том берегу.

А нынче, как на войне,

Кругом постреливают, но бежать в кусты —
Нет такого рефлекса, а главное — не страшней
Тобой оставляемой пустоты:
Ни брони от нее, ни бомбоубежища,
ни траншей.

Мирная жизнь прекращается мигом: вот только
что пили чай,

«Рио-рита» кружилась, и вдруг — Левитан,
метроном,

Серые реки бушлатов, скулы, штыки, прощай,
На углу заколоченный «Гастроном».

Что ты наделал? Мир без тебя, как брошенная
на стул

Одежда, не может ни двигаться, ни дышать.

Подожди, подожди, подожди, пожалуйста, —
видишь, там, на мосту,

За тобой, спотыкаясь и падая, плача, бежит душа.

* * *

12

И как ты коленки сгибал во сне,
И какую любил еду —
Все тащит память в скупой возне,
По-плюшкински, на ходу,

Пока ты уходишь за горизонт,
Закуривая, в закат,
Вдоль серых заборов. Так гарнизон
Покидает город. Пылят

Ботинки, кружатся чайники ворон.
Как «о» в беззвучном «любовь»,
Зияют пустые арки ворот:
Врывайся и грабь любой.

* * *

13

Да, сколько их было, родных пепелиц и гробов
Повапленных, родин
Морозных — встревоженных глаз и насупленных
лбов:

Теперь ты свободен.

Тебя не поймают ни сны, ни расстрельные рвы,
И в липкую полночь
Тебя обойдет стороной, заходя во дворы,
Чекистская сволочь.

Ты вовремя выскочил в щелку, откуда сквозняк
Все тянет и тянет.
Тебя не достанет крысиная наша возня,
Кровавая баня,

Тебя не догонит обломков безудержный дождь
Безумной отчизны.
Ты знал это, правда? И не унимается дрожь —
Как будто на тризне

Твоей мы сжигаем страну — как коня и жену
Язычника-князя.
Как будто мы спим — и не в силах противиться сну
До смертного часа.

* * *

14

За океаном было близко —
До океана
Мой голос долетал без риска
Порваться. Пьяный

Матрос его не путал с чайкой,
Пока летел он
К тебе — веселый ли, печальный,
Лишенный тела,

Но не внимающего уха,
А значит, дома.
Теперь, назойливый, как муха, —
Аэродрома

Лишенный самолет, мой голос
Кружит над кухней —
Пока горячее осталось,
Пока не рухнет.

* * *

15

Я буду всегда молодой —
Как ты меня помнил.
Как будто мы в комнате той,
Где солнце, и полный

Веселья, идет разговор,
Печали и блеска,
А мир — не видать из-за штор,
Задернутых резко.

Ты будешь всегда молодым —
Из мелкого шрифта
И горя, закутанный в дым
И острый, как бритва.

Тебе уж воистину — ни
Страны, ни погоста,
Зато отовсюду — взгляни —
Мы буднично, просто

Таковыми друг другу видны —
Последняя милость —
Как ты заходил в мои сны,
Как я тебе снилась.

* * *

16

ИЗ ПЕСНИ

Скажите мне, где мой любимый,
Из этих мест куда ушел он?
Блестят домов сырые спины
Между Аидом и Шеолом,

Сочится горький сок рябиновый,
Торчат ребристые заборы.
— А где, скажите, мой любимый?
— Не плачь, не плачь, вернется скоро.

— Когда, когда же он вернется?
Ложась в постель, его ждала я.
Его лицо зашло, как солнце
За тучу, медленно сгорая.

На коже капельки от душа,
Моей не высохли. Наверно,
Он вышел только что — пойду же
Искать его по всей деревне —

За ветхой почтой, за сторожкой,
Уже три года как снесенной,
За ниткой железнодорожной,
Заштопанной польнью сонной,

На чердаке у бабы Шуры,
Умершей прошлою зимою,
И на валу, на пестрой шкуре
Травы, где за прыгучей тьмою

Вокруг костра галдят подростки,
И пахнет жженою резиной,
И лица тают, как из воска,
И алкаши у магазина

Мычат мне в спину и гогочут,
Бьют кулаком между лопаток:
— Где твой любимый? Смылся ночью —
Так, верно, до молодок падок!

И у гаишников, у стражей
Дорожных я спрошу, конечно,

— Где мой любимый? — И подальше
Пошлют меня во тьме кромешной.

Пойду я в город, к теплым сотам
Оконным — где же мой любимый? —
К коням, к колоннам — где пасет он?
— Да между лилий, между лилий,

Меж асфоделей, между статуй
В густом помете голубином —
Домов медлительное стадо
Пасет ночами твой любимый.

И крикну во дворе-колодце,
Где месяца пробились рожки:
— Когда, когда же он вернется?
— Вернется он, когда умрешь ты.

Тогда и руку с сигаретой
Узришь, и дивную усмешку,
Как бы предвестие рассвета.
Тогда беги к нему, не мешкай.

* * *

17

Не я тебя держала за руку,
Когда душа из-под ресниц
Твоя скользнула — в дверь и за реку,
Текущую куда-то вниз,

Меж голубыми небоскребами,
Сквозь маленькие города,
Вдоль частых шпал, торчащих ребрами
И не ведущих никуда.

Но я смотрю теперь, куда она
Летит, ныряя, сквозь миры
И Аристотеля, и Дарвина
В лучах божественной игры,

Где правила известны загодя,
И где поставлены на кон
И звезд рассыпанные ягоды,
И твой блуждающий огонь.

ИРОНИЯ

как источник света

Интонация Самуила Лурье

*Горадио, ты лучший из людей,
С которыми случилось мне сходитьсь.*

Шекспир «Гамлет»

РОНА

Рона умерла через два дня после своего 85-летнего юбилея. Еще посидела за огромным столом, в бордовом бархатном платье, в ожерелье жемчужном, принимая верных старых друзей; все знали, что последний раз. Сани не было за этим столом, потому что он уже второй год умирал в Америке. Он улетал лечиться, и не насовсем, он точно собирался вернуться, когда немного продлят ресурс. Я переписывался с ним почти до последних его дней. Мы попрощались мэйлами.

Я успел подробно написать ему про смерть и похороны Кати Гениевой, которую он знал мало. Он ценил моих близких друзей — Егора и Катю...

Катя умерла 9 июля. Мы с ней незадолго до этого побывали в Лондоне, где месяц назад, 9 июня, она произнесла блестящую речь на своем королевском английском, в редакции дружественного журнала «Herald of Europe».

Мы все знали, что они умирают: и Рона, и Саня, и Катя. И они сами это знали. Все это было уже неизбежно, бесконечно печально, но при этом происходило будто где-то очень высоко, уже не среди нас.

Рона Зеленова, Санин друг последних пятидесяти лет (и моих сорока пяти), наперсница и соучастница. Яркая, эффектная блондинка — не подумаешь, что инженер-электронщик, не поверишь, что разрабатывала и испытывала в ледяном казахстанском поле систему посадки «Бурана»...

Когда-то, в шестидесятые, по линии комсомольской активности, занесло ее к творческой молодежи — поэтам, прозаикам, драматургам... Им на всю жизнь и присягнула...

Она была будто из тех уже давно ушедших времен, когда в петербургских салонах царили властные и умные дамы, легко и жестко формировавшие общественное мнение, создававшие (и губившие на корню) репутации и карьеры, менявшие мужские судьбы и биографии.

BOSCH

LIBRARY
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII

Stacks of books and papers on a desk to the left of the man.

Потом начались глухие семидесятые, постчехословацкие, брежневские застойные годы — впрочем, своей безнадежной стылостью похожие на нынешние.

Тогда-то мы все и познакомились — в 1971-м году.

В московской молодежной редакции нас познакомил щедрый на друзей Вадим Борисович Чурбанов, мой недолгий тогда начальник.

Он отправил меня в первую ленинградскую командировку, и с его благословения Рона пригласила меня к себе в дом, что на улице Красной связи, и там она, подвергнув меня некоторому придирчивому экзамену, решила впустить (уж не знаю, за что) в закрытый круг своих отборных друзей: Саня, Яша, Дима, Таня, Женя, Лёня... О них трудно писать: Рона, Саня и Яша — строгие критики, и не дай Бог подпустить хоть одну фальшивую ноту.

Особняк, где в просторной квартире, давно превращенной в коммунальную, жила Рональда Вениаминовна Зеленова с мамой и полуслепым братом, добрейшим Эдиком, был когда-то — до разрухи, до войны — роскошен. Парадная лестница с витражами и хрустальными стеклами и сейчас еще была почти не разорена; перила не выломаны на дрова, ступени не побиты. Прихожая красного дерева. И что из того, что когда-то буржуазная квартира теперь представляла собой типичную питерскую коммуналку, в которой жили семь или восемь семей, а на кухне стояло соответствующее число плит, а возле двери в ванную висела батарея выключателей... Рона царила и там, проплывая по общему коридору с жареной курицей на серебряном подносе в две свои комнаты, где собирались ее гости.

Я повадился ездить в Ленинград и через Рону бесконечно щедрю к людям, которых она считала талантливыми, познакомился и с Самуилом — Саней Лурье, и с Димой Притулой, и с Таней Галушко, и с Яшей Гординым, и с Диной Морисовной Шварц, благодаря которой пришел в БДТ, даже был допущен к Георгию Александровичу Товстоногову. Тогда же попал и в Эрмитаж — к Борису Борисовичу Пиотровскому, Инне Сергеевне Немиловой, к реставратору Александре Михайловне Маловой, работавшей тогда над джорджониевской «Юдифью», но это уже другая история.

Они были хоть и молодые, но довольно серьезные люди — ленинградские литераторы, филологи, искусствоведы, музейщики из Эрмитажа и Пушкинского Дома на Мойке, историки, поэты. И я — молодой московский журналист из молодежного журнала, что вообще-то не предполагало долгих и глубоких отношений, если бы не Рона!

Она приняла меня в свой круг, и это означало, что и все другие примут — круг рано или поздно. Ее непоколебимая воля и вера в друзей преодолевали все.

Так уж сложилось, что прошедшие сорок пять лет не развели нас. Все мы оказались одного *кафаса*, как говаривал Курт Воннегут, друг еще одной моей незабвенной старшей подруги — Риты Яковлевны Райт-Ковалевой...

С Саней наши контакты, в силу неизбежности, были эпизодическими. Ну, раз, два раза в год, но непременно всякий мой приезд в Питер (и не всякий его — в Москву)...

Эти встречи можно было бы даже наверняка и перечесать по пальцам; было их не более полусотни вечеров, растянувшихся на целых сорок пять лет.

* * *

В те годы Саня работал в журнале «Нева», заведовал прозой; я часто захаживал к нему на Невский, или мы встречались у Роны на Красной связи, а потом на Мытненской, куда она переехала уже в *отдельную* квартиру, когда их дом выкупил какой-то богач. Саня жил через Невский, на Полтавской, рядом с милицейским ДК.

До сих пор помню его блестящие тех лет этюды о художниках, которые он публиковал тогда в «Авроре» (был, и кажется, и сейчас есть такой ленинградский молодежный журнал). Помню его яркий, свежий, как мокрая сирень, этюд о Борисове-Мусатове. Не текст, конечно, помню, а ощущение от текста.

«Аврора» была сильна своим литературным отделом (там печатались Соснора, Битов, Горышин, братья Стругацкие: их «Пикник на обочине» передавали из рук в руки, переплетали в книжку), но слаба публицистической частью, придавленной всеильным партийным обкомом. Лурье регулярно печатал в «Авроре» свои заметки об искусстве. Их публиковали в самом конце номера, с выходом на последнюю обложку, между картинками, так же как и меня, специального корреспондента отдела культуры, писавшего «о прекрасном» в «Сельской молодежи».

* * *

У меня есть первое издание «Литератора Писарева» (1969–1987) Сани Лурье с его теплой надписью, эту книгу много лет муржили в издательстве. И неспроста: жизнеописание литератора-диссидента с рассуждениями о вредности цензуры о порядках в государственных исправительных учреждениях. Рассуждениями, вызывающими неблагоприятные ассоциации у незрелого читателя, которому якобы и адресована книга.

Недавно (2014 г., издательство «Время») переизданный, этот роман показался мне совсем даже новым. Пыль времени не прибила его плотную фактуру и неожиданную, короткофокусную оптику, меняющую замысленный банальностью взгляд на внутреннюю жизнь людей литературы времен Александра-Освободителя и Николая Чернышевского (Гончаров, Тургенев, ну и, конечно, Дм.Писарев тут живые). Без этой грустной книги, в которой проявилась особая способность Сани видеть иное время, а в нем — даже мелкие и мельчайшие детали, предметы быта и литературной повседневности.

Впрочем, «что факты? Все факты нашей жизни погибнут вместе с нами. Остается только любовь. Иллюзии остаются. Слова» («Литератор Писарев», самая последняя страница).

Без «Литератора Писарева» не было бы и романа «Изломанный аршин» (Лурье называл его «трактат») — о Николае Алексеевиче Полевом, между прочим, придумавшем слово «журналистика».

Издатель «Московского телеграфа», запрещенного по велению Императора Николая I, Полевой завещал похоронить себя в домашнем халате, что означало скандал. В знак протеста. За сломанную жизнь. И жена не ослушалась! Этим своим умением (от слова «ум») — создавать из конструктора слов работающую машину времени, С.Л. воспользовался сполна, составляя свой аршин.

Книга получилась даже не только о знаменитом журналисте, писателе, историке Николае Алексеевиче Полевом, но и о Пушкине, о текущей жизни русской словесности, столь подробно изученной им, что казалось, автор — сам выходец из редакции «Московского телеграфа». И, как оказалось, о стоячей русской жизни, мало меняющейся в своей глубинной сущности, даже за полтора века.

* * *

Проскрипели семидесятые, неспешно проплыла в небытие половина восьмидесятых, потом, с приходом Горбачева, время пошло веселей, все быстрее, пролетели «перестройка» и «гласность», ожидания, выборы, весеннее время надежд.

Темперамент не дал С.Лурье остаться в позапрошлом веке. Он оказался одним из яркой, подлинной элиты ленинградских гуманитариев, прочно связавших себя с демократической революцией, как бы она дальше ни развивалась.

Нет, не то. Просто в какой-то момент мысли и чувства Самуила Лурье оказались вполне созвучными общественным настроениям — увы, на недолгое время. В дни августовского «путча» 1991-го он писал прокламации, за которые, повернись все иначе, могли даже и пристрелить.

В ранние 90-е годы выгодоприобретателем он не стал, да и не мог стать, так же как и никто из его друзей; хотя несколько лет не без удовольствия редактировал независимый журнал «Постскриптум» (в соредакторстве с Владимиром Алоем и Татьяной Вольтской). Исчезла цензура, ненавидимая им почти так же, как Большой дом с его обитателями, — однако счастья так и не наступило. Наступили будни, еще более унылые, нежели прежде. Старое никуда не делось, оно, пропитав всю жизнь, проступало отовсюду знакомым послевкусием пошлости.

Саня писал ироничные, меланхоличные, а то и ядовитые, яростные колонки в газете «Дело» — остроактуальные, без обиняков, безоглядные.

В девяностые годы я часто приезжал в Питер, иногда — с Егором Гайдаром. Мне не случилось близко свести их, однако Сане Егор был близок внутренним, труднопроговариваемым, но взаимощущаемым «базовым согласием». Маша, жена Егора Гайдара, была дочерью Аркадия Натановича Стругацкого, а брат его и соавтор Борис Стругацкий был близким confidentом Сани: такое не бывает случайным. Незримая сеть своих — именно такие сети всегда искала охранка всех времен.

Когда мы с Гайдаром начали издавать журнал «Открытая политика», а затем — «Вестник Европы», он был рад, что Самуил Лурье одним из первых согласился войти в редакционный совет и стал нашим автором.

Надо сказать, что в 91-93-м не так уж и многие люди из литературных и художественных кругов были тогда на нашей стороне; большинству более приличным казалось отстраниться, находиться «как бы над схваткой», по принципу Меркуцио: «чума на оба ваши дома!»

Саня выбрал нашу сторону, и когда потом все пошло так как, пошло, глубоко страдал, но от выбора не отказался.

Когда убили Галю Старовойтову, он тоже был с нами. Вот что писал Лурьев в те страшные дни:

«Главное — у Старовойтовой был совершенно необходимый для российского политического деятеля, но именно в России наиредчайший талант: она умела через любую подробность, в любом факте, на любом уровне выявить связь между нравственностью и пользой. Что нравственно, только то и полезно — для страны, для народа, для человека. Она и сама была в этом уверена и каждому могла доказать это буквально на пальцах. То есть — скажу на философском, извините, жаргоне: под пресловутый категорический императив она подводила здравый смысл. Это делало ее логику неотразимо захватывающей. Понятной народу. Старовойтова была — народный мыслитель. Как, скажем, Чернышевский. Как Лев Толстой. Поэтому-то настоящие люди — которые, как бы мало их ни оставалось, и составляют народ, — пошли бы за ней куда угодно, в огонь и в воду. Поэтому же и в практической работе у нее получалось все.

Так что убить ее надо было обязательно. Если таких людей не убивать, то ведь рано или поздно — а чего доброго, и очень скоро — они, собравшись вместе, найдут выход из положения... И Россия заживет пусть не богато — не сразу богато, но сразу честно, без страха и лжи. В таком воздухе, который побуждает работать, потому что дает надежду...»

* * *

В «Вестнике Европы» Саня сотрудничал с первого номера и напечатал у нас отличные тексты, среди них дважды — «Записки провинциала».

Сергей Чупринин про него написал, как выразился сам С.А., «великодушный» и довольно-таки пространственный текст, названный как-то уж слишком отважно: «**Мастер**».

Начал, правда, задиристо:

«Из того, что по русским меркам, положено сделать заметному критику, Самуил Лурье не преуспел почти ни в чем.

Не открыл нового Гоголя.

Не разрушил – так, чтобы дотла – ни одной дутой репутации.

Не создал или не возглавил, перехватывая инициативу, своего литературного направления.

Не воспитал учеников – чтоб было у кого учиться после.

<...>Пишет, правда, хорошо. Может быть, лучше всех»¹.

<...>Именно ему дан редкий дар так расставлять “лучшие слова в лучшем порядке”, что чудится, будто эта старинная формула Кольриджа охватывает собою не только стихи, но и любое литературное сочинение. Например, рецензию.

Искусство, с каким Лурье сплетает слова и выстраивает интонацию, всякий раз новую, в рецензии на самую чепуховую книгу, часто кажется избыточным. Даже раздражает – как охота на мух со свернутой в трубочку рукописью гениального стихотворения.

<...>Мотив надсады, бессильной и оттого еще более глупей неприязни к тому, как непоправимо не только русская литература, но и русская жизнь отпали от классической нормы».

Или вот еще – сказано опять же о литературном персонаже, но снова как бы и о себе, и о своих:

«<...>Так называемую действительность он переживает как оскорбление – не то чтобы незаслуженное, а как бы адресованное не совсем ему».

Но кроме как с этими людьми, жить Самуилу Лурье не с кем и незачем.

Одним всего лишь утешаясь:

«Пока в России разрешают свободно читать Пушкина – будем верить, что потеряно не все»².

Эссе Сергея Чупринина «Мастер», как писали в советских газетах, «нашло героя» и удостоилось его комментария почти уже из-за кулис.

«...Вы говорите: пишет (вообще-то, правильнее: писал) чуть ли не лучше всех. Кого – всех? Других критиков? Какой он критик? Он ворон. Не способен составить простейший ряд из трёх фамилий. Не видит течений, не верит в направления, не обобщает, не предсказывает, никакой не стратег, ни разу не тактик. Рецензент-одиночка. Просто – читатель, владеющий слогом. На черта ему слог?»

Рецензия, написанная излишне хорошо, – плохая рецензия. Сливной бачок не должен быть красив. Или дверная ручка. Изящный мусоросжигатель – пошл. Объявите диагноз, проставьте цену; без афоризмов, пожалуйста; без метафор, будьте так добры.

А он пользуется чужой книгой как поводом разобрать шум в собственной голове.

Мнимый, стало быть, рецензент.

К мёртвым – да, внимательней; да, участливей. К их текстам – горячей. Возможно, ему разок-другой посчастливилось, и кое-какие гипотезы окажутся когда-нибудь разгадками каких-то тайн. Но – окажутся, нет ли, а высказаны они (про «Капитанскую дочку», про «Бедных людей», про «Нос», про «Дон Кихота») так давно, что уже теперь сделались как бы ничьи. Несуществующий, короче, филолог.

Беллетрист – сомнительный. Да, кое-кого вытаскил (на полстолетия, в лучшем случае) из скуки ада, из ада скуки. Дмитрия Писарева, например. И Николая Полевого. Но сам уйдёт туда безвозвратно. Настоящий был писатель. Несамодовольствующий. Без рокового заблуждения. Без ключа. Говорил о других, чтобы не думать (и промолчать) о себе, – вот и всё. (Это я выделил. – В.Я.)

Вот и всё, что я добавил бы к этому блестящему и великодушному тексту Сергея Чупринина.

Самуил Лурье».

¹ Сергей Чупринин. «Критика — это критики // Версия 2:0. М., 2015.

² Там же.

© Самуил Лурье на Анничковом мосту. Фото: архив редакции «Вестника Европы»

Лукавит, конечно, слова в простоте не скажет. И писал-то *отсебятину* — *всё от себя*. То ему нравится, то ему не нравится, от этого тошно жить и невозможно уснуть, надумавшись на ночь. Какой был бы Гедройц без его открытого лица (в наглухо, правда, заgrimированной личине).

Настоящий писатель, в том смысле, что провел жизнь с удовольствием за этим занятием — вышиванием бисером из слов. Или выжиганием. Или выпиливанием лобзиком (ну, лобзиком — это уж вред ли). Все равно получалось точно и очень умно. Хоть плачь.

Иногда он вспоминал (или ему напоминали, что правдоподобнее) про прерогативы члена редсовета, и тогда он присылал (сто раз извинившись) тексты новых авторов, не всегда мною понятых и принятых.

Так, он первым прислал мне рукопись (тогда еще даже не файл, а папку с блекло распечатанным текстом) неведомого автора под псевдонимом *Фигль-Мигль*.

Текст был тонок и прихотлив, и интонация в нем была, но мне (как потом выяснилось, и многим другим) никак не хотелось публиковать в журнале автора под таким фиглярским, паяничающим псевдонимом. И я не опубликовал.

Саня расстроился наверное, но виду не подал. А автор стал известным и признанным писателем.

С. Лурье дважды публиковал в «Вестнике Европы» «Записки провинциала» — точные и едкие очерки петербургской социальной жизни, очерки ранних нулевых XXI столетия, со все нарастающей интонацией скепсиса и разочарования.

Его публиковали, книги выходили одна за другой, он становился все более широко известным в узких кругах», его даже позвала в председатели Буккера, и он стал заезжать в Москву.

Но надежд становилось все меньше, и времени — тоже.

«К ничьей, однако же, культуре или морали не взываю более. Тут все так непоправимо, так нефрстойно скверно, что следовало бы оставить как есть. Да только не оставляют: пошлость и деньги уже прихлынули, поглощая поверхность, за участком участок»³.

Знал себе цену, жил трудно, в цепи неразрешимых домашних обстоятельств и взятых на себя обязательств, в хроническом безденежье (а откуда деньги у литератора — ни телевидения, ни глянца, ни бешеных тиражей?). И главное — уже без охватившего на какое-то мгновение ни с того ни с сего исторического оптимизма, но и ощущения идущей не туда страны... От какой-то безнадёги (а с другой стороны, чего делать-то филологу? — в брокеры идти, ресторан открыть? Не ленив был только в текстах) он подрядился на труд классического литературного подёнщика; писал множество текущих рецензий на самые разные книги — практически рецензировал «поток».

Маленькие эссе, эти блестящие контейнеры мыслей, гипотез и находок (другим бы каждую из его заметок хватило бы на толстую книгу), которые он печатал в нищих независимых журналах, времени отнимали много. Он не написал бы и страницы, не изучив вопрос досконально. Не прочитав — перечитав — собрания сочинений со всем прикладом комментариев. Слава Богу, читал он быстро.

Большую часть (перепало и другим; «Вестнику Европы» тоже иногда) он публиковал в «Звезде». Текущую критику печатал под (материнской, девичьей) литовской княжеской фамилией Гедройц⁴.

Первая книга С.Гедройца из литературных рецензий, собранных в книгу «Сорок семь ночей» (СПб., «Звезда», 2008), произвела немалый переполох в литературных куцах: кто такой, столь элегантный, язвительный и точный, как профессиональный дуэлянт?

³ Самуил Лурье. Железный бульвар. Архипелаг гуляк. СПб., 2012, с. 69.

⁴ Ежи Гедройц — легендарный деятель польского интеллектуального сопротивления, редактор легендарного журнала «Культура», тоже был бы здесь кстати упомянут, но не знаю, были ли они знакомы, однако Саня о нем, конечно, был хорошо осведомлен.

Вторая книжка «молодого и настырного» С.Гедройца называлась «Гиппоцентавр, или опыт чтения и письма» (СПб., «Читатель», 2011).

Из аннотации, написанной, скорее всего, самим С.Л.:

«Еще 135 рецензий загадочного С.Гедройца. Фактически перед вами второй (и последний) том его собрания сочинений. Здесь собраны рецензии, опубликованные им в журнале «Звезда» в 2007–2009 годах. ... Не академическое литературоведение и не глянцева журналистика (которую С.А. ненавидел. — В.Я.) а тексты, отражающие отношения человека, общества и времени».

И далее:

«Эти маленькие шедевры кое-кто считает образцами стиля и жанра. Для начинающих литературных критиков книга сможет стать чем-то вроде наглядного учебного пособия».

Стёб, конечно, но ведь сущая правда!

В предисловии, названном «Итого», Лурье, улыбаясь едко, писал:

«Лит. жизнедеятельность С. Гедройца продолжалась 10 лет и выразилась в том, что он печатно разобрал (именно так, точное слово: «разобрал». — В.Я.), пересказал, превознес (мало кого, признаем. — В.Я.) высмеял (многих — В.Я.) примерно 300 чужих книг. Потратив (если правда, что он писал исключительно по ночам) ночей так сто» (примерно по три рецензии за ночь. — В.Я.)

«Вероятно, какое-то время (будем надеяться, дневное) ушло на то, чтобы эти книги прочесть. Ну и взглянуть в полторы–две тысячи таких, о которых — ни слова.

Надо думать, ему нравился этот легкий способ заколачивать деньги. Местные расценки на подобный т.н. труд позволяют предположить, что годовой лит. доход С. Гедройца составлял сумму, на которую он за границей мог бы приобрести, если бы только захотел, 12 баррелей нефти марки ural, а в Петербурге столько же продовольственных корзин, доверху наполненных, или 180 дм водки типа «наповал».

К тому же он завоевал известность...

О Гедройце заговорили... Короче говоря, наш молодой друг многого добился. Сделал успешную карьеру. Обеспечил себе прочное положение, завидную будущность: знай, читай и пиши до самого Альцгеймера, пиши и читай. Беги ближе, кидай дальше, отдыхай, пока летит.

А он вдруг возьми и исчезни. Из литературы и, по-видимому, из страны...

Прошел слух, что его видели на Готланде... Будто бы живет там в доме, принадлежащем общине цистерцианского монастыря. Есть серьезные основания думать, что он никогда не вернется...

Что же осталось? только собрать вот этот — второй и последний — томик. В нашем городе и почему-то в Мюнхене нашлись люди, числом 15 человек (йо-хо-хо — и бутылка рома!) — скинулись на издание.

Чтобы, видите ли, никуда не делась интонация С. Гедройца. А то мало ли. Рассеется вся в атмосфере — только ее и слышали».

Чего только не читал, о чем только не писал! Даже о вполне научных сборниках, таких как дебаты в «Неприкосновенном запасе».

Коротко и точно: «всю, буквально всю окружающую реальность видит насквозь — это плюс. Однако, судя по всему, не очень-то надеясь уцелеть — это минус. А наше дело, само собой, сторона. Наша линия совпадает с названием работы Бориса Дубина: «Всеобщая адаптация как тактика слабых». Ирония у него легкая, но с сильной горчинкой, как и должно быть.

Это, конечно, шутка. Не очень-то Саня стремился к адаптации. Скорее наоборот. Не торчал на баррикадах, но демонстративно и открыто заявлял свою позицию.

Это ему принадлежит знаменитая фраза, которая теперь пошла гулять по свету сама по себе.

Фраза, увы, подытожившая жизнь: «Какая печальная судьба: родиться при Сталине, умереть — при Путине».

Насмешник Дмитрий Быков обозвал его циником, вот уж пальцем в небо.

«Лурье всегда позиционировал себя как скептика и циника. Не лучшая маска. Но скептики и циники хороши интеллектуальным бесстрашием и готовностью признаться не только в чужой глупости, но и в своей тотальной ненужности... На его примере как раз очень видно, чем отличается начитанный воображала от человека, действительно живущего культурой, как Лурье».

Про Быкова Гедройц /Лурье, конечно, тоже писал — и не без восхищения (как и не без иронии):

«Все-то этот Дмитрий Быков раздражает. То есть, конечно, не всех, а всех нас – торговцев слоной, составителей предложений. Потому что он плюется дальше всех, а предложения печет как «теремок» – блины: очень быстро, очень многие и ведь хорошие»...

(Это о быковской книге про Окуджаву.)

Вот уж кто не циник, так это С.А.Лурье. Истинный джентльмен, человек старорежимной питерской деликатности и стальной вежливости, правда, иногда давал себе волю в яростном неприятии хамства и пошлости. Тогда и ироничности уже не было в его тексте, и двойного культурного подтекста — прямая, как клинок рапиры, речь.

«... Стало вполне безопасно, прилично, удобно даже сознаваться во всеуслышанье в таких вещах, которые возмутили бы общественное мнение любой страны, где оно существует, а у нас – всего несколько лет назад – официальную мораль. В России сегодня нет ни того, ни другого, и слишком многие с каким-то сатанинским восторгом спешат поразить современников (нас, бедных) цинической откровенностью чувств, поступков... мыслей даже».

ТЕНЬ СМЫСЛА

А метод какой прелестный у Гедройца:

«Вытишу абзац наугад» — и ведь угадывает отличный кусок прозы...

Или играет себе на клавиатуре легкую импровизацию из слов, которая вдруг переходит во вполне серьезную рецензию на книгу почтенного социолога Б. Фирсова «Разномыслие в СССР».

«Как глубоко скучна была бы жизнь, если бы случилось только неизбежное; если бы все происходящее мы полагали единственно возможным. Ум, incapable к сослагательному наклонению, не уловит — и ловить не станет — изредка все-таки пробегающую по событиям тень смысла».

Тень смысла. И на название потянет иной книжки, но не книги самого Лурье. Он, напротив, из теней, авторской невнятицы ощущений вытягивает концентрат смысла. «Такой способ понимать» (название еще одной его книги).

Про журнал «Сноб»: *«Роскошный; вам не по зарплате, мне, разумеется, не по гонорару... Классные фотографии, щегольская такая как бы эссеистика. Сама себя осознающая как московский остроязыкий п...ж (цензура моя. – С.Г.)»*

О второй книге С.Гедройца сказано в рекламном слогане на 4-й обложке:

«Все тексты короткие, как выстрел, и убивает он, совершенно не оглядываясь».

Отмечали, что С.Лурье изобрел особый жанр — «Гедройц», — остроумной, насыщенной, глубокой, умной и хлесткой литературной эссеистики.

Не пользуясь ЖЖ или ФБ, он создал канон БЛОГА, не подозревая о том, что создает образец интернет-эссеистики, и стиль, который старались перенять многие, но как это — без его уникального литературного знания, чутья и вкуса? Да никак.

* * *

С.Л. умирал под калифорнийским солнцем. Здесь было слишком ярко, дома ненастоящие и очень резкие, и тени очень черные. Ему не хватало полутонов, сочетаний охры и сурика, мягкого света и раннего сумрака. Не хватало родного города, который он мог вообразить и написать.

«...Я думаю, что пока Нева течет меж своих берегов, пока солнце освещает наш город под этим углом и пока вы можете идти по какой-то улице – пусть она называется Воинова или Шпалерная – все равно! – к Смольному собору и, глядя на него, испытывать странное чувство, что где-то впереди, на невероятной высоте, существует мир ценностей, более важных, чем ваша собственная жизнь, – до тех пор петербуржцы не переведутся в Ленинграде. Хотя всё делается для того, чтобы их не было.

...Так получается, что вдали от этого города человек обязательно тоскует по нему и никто из нас не хочет умереть в какой бы то ни было иной точке мирового пространства. Потому что, как говорит Алиса в Стране Чудес, это очень, очень странное место».

Лурье и его друзья были для меня всегда немного иностранцы; а я и другие люди, наезжавшие из Москвы, – иноземцами для них. Мы по-разному понимали очень многие вещи и по-разному существовали. Московские и питерские – между ними всегда был сложный комплекс приязни-соперничества, известный холодок и даже антагонизм. Московские были ближе к власти и известности, к поездкам за границу, да и по стране, жовиальнее, что ли... Питерские – беднее, с одной стороны, провинциальнее, но, с другой стороны, сдержаннее, аристократичнее, подлиннее, закрытее и часто – глубже московских.

Лурье:

«Этот город стал неким чудовищным фурункулом, стянувшим к себе всю бюрократию страны, всю силу власти, но одновременно чуть ли не всю литературу и науку. И затем в нем произошли катаклизмы, известные под названием «трех революций», а потом он стал бывшей столицей, репрессированной, опальной, ненавидимой, а затем его постигло чудовищное бедствие в годы войны, тоже небывалое в истории...»

Про русскую литературу он, казалось, знал всё, все ее этажи: от подвалов до чердаков, всю подноготную, вплоть до тайных гонораров, выплаченных (или не выплаченных) авторам.

«Мы не знаем ни одного крупного русского писателя (до Блока), который бы здесь родился. Сюда приезжали, получив образование в других местностях...

Даже самые петербургские люди – герои романов Достоевского, – даже они откуда-нибудь приехали... Люди приезжали сюда, а потом здесь умирали...»

Лурье уехал далеко отсюда и потому велел развеять свой прах над океаном, чтобы не создавать хлопот.

«...Нет ни у кого из нас, наверно, более высокого и прекрасного момента, чем когда удастся постоять одному на Неве, – скажем, на Дворцовом мосту, и отовсюду вас охватывает бесконечно стройное, исключительно хорошо темперированное пространство. Эту минуту, или похожую на нее, описывал Достоевский... Эта минута – очень странная. Вы действительно чувствуете, что жизнь имеет смысл.

Река и эта дивная, разнообразная архитектура состоят между собой – и с вами – в каких-то особенных отношениях. Наверное, их можно описать пропорцией: ширина Невы – высота дворцов – человеческий рост... Вы находитесь внутри художественного произведения, может быть, на огромной сцене пустого театра, где с необыкновенным искусством выписан задник.

Получается так, что все это устроено для зрителя – жить в этом нельзя, на это можно только смотреть... Город не для вас, в нем невозможно жить, им можно любоваться.

Зимний дворец, Биржа, Дворцовая площадь, Сенатская – ни одно из этих зданий не имеет в виду какого-то удобства для заказчика, вообще не предполагает никакой жизни. Многие говорят, что никогда

наш город не был так красив, как в разруху двадцатых годов или сразу после блокады. Чем безлюднее, тем лучше. Он вообще не рассчитан на массы населения. Когда идешь по нему белой ночью часа в четыре, это очень заметно...»

* * *

Мы ходили по городу, и он мне его рассказывал. Когда я начал выпускать «Вестник Европы», он показал мне дом, и этаж, и квартиру, где жил издатель и редактор второго «Вестника Европы» — М.М. Стасюлевич, и где была контора журнала, и где жили его главные авторы...

Исаак Утин, отец Любви Исааковны Стасюлевич, жены издателя «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича (а откуда бы у него деньги на поставленный на широкую ногу журнал, новейшую собственную типографию, как не от тестя?)

«...Вообще петербургские домовладельцы – таинственное племя, они даже в литературе не фигурируют. Непонятно, кто это были. Они составляли ничтожное меньшинство; остальные нанимали квартиры... Снимали угол в комнате, комнату в квартире, квартиру в доме...»

— Утин, — рассказывал мне Саня синим декабрьским вечером лет пятнадцать назад, — был одним из таких таинственных питерских девелоперов. Богач. Ну, как Березовский! Но его семья имеет огромные заслуги перед русской культурой.

И рассказывал интереснейшую историю семьи миллионщика Исаака Утина и его детей, троих сыновей — Николая, Бориса и Евгения, дочери Любви, интеллигентов, юристов, историков, писателей, просветителей, революционеров. Но об этом — в другом месте и в другой раз.

* * *

«Мне даже нравится, что меня обманывают, потому что меня не обманешь».

С. Л. знали в городе и любили многие, и на его лекции и «круглые столы» с его участием собирались специально. Книжки его не найдешь в питерских магазинах, на них можно случайно наткнуться в Москве, или вот одну я купил в Ульяновске, где о нем не знают.

Много раз мы представляли очередные номера «Вестника Европы» в Ахматовском музее в Фонтанном Доме (стараниями Роны Зеленовой и попечением директора Нины Поповой), и С.Лурье всегда блистательно участвовал в них — до самого своего печального отъезда на лечение.

МИЗАНТРОП

«Книжный магазин – единственное место, где нетрудно вообразить, будто проживаешь в цивилизованной стране. Иной раз такая бросится в глаза обложка – просто ахнешь про себя: послушайте! Ведь если подобные книги выпускают, значит, это кому-нибудь нужно? Значит, кто-то хочет, чтобы они были?»

* * *

«Хорошо, что филологи, как правило, пишут скучно и что наука о литературе – странное создание человеческого ума – состоит главным образом из непривлекательных текстов о текстах по преимуществу привлекательных».

* * *

«О Мандельштаме лучше вообще помолчать – примерно как о Пушкине, – ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами укусить. Тут поэзия как таковая, смысл смысла, осознавший свою бесконечность – и голос слуха... Всё понимать, но ничего не бояться, обращая неизбежность утрат в свободу отказа».

О 55-ЛЕТИИ БРОДСКОГО

«Бродский храбр настолько, что верит в существование вселенной без него».

«Вчера умер Иосиф Бродский. Он олицетворял собою последнюю отчетливую мысль человечества о своей судьбе и роли в мировом процессе. Культура Запада не могла дойти до этой мысли сама: ее творцам не доставало личного опыта творческого существования в тоталитарном режиме».

«Бесчеловечность как основное свойство миропорядка; ничто как строительный материал бытия; отчаяние как свобода, ирония, как единственный источник света...»

7 февраля 1996 года С. Лурье заканчивает текст на смерть И. Бродского страшной, тогда казавшейся уж совсем мизантропической фразой:

«И нынешнему поколению советских придется, очень вероятно, жить при национал-социализме. Тогда книги Иосифа Бродского будут сожжены палачами под рукоплескания вертухаев. До венецианского кладбища Сан-Микеле не дотянутся этим существам, иначе как бомбой, – вот и хорошо».

* * *

Русскую литературу не то чтобы знал, он ею дышал.

«Тютчев сказал все, что думал, и притом незабываемыми стихами, но с такой высоты, из такой глубины, где человек не встречается с человеком».

* * *

Кого только не перечитал Лурье, и всякий раз лазерным своим острым фонариком высветил, казалось бы, известное, а на самом деле вовсе и не прочитанное.

Из текста «Нетленный муравейник» (интервью «Литгазете», май 2000 г.):

«...Вот заберитесь, если удастся, на кровлю Мраморного дворца – на площадку возле Часовой башни. Тут одна из лучших точек обзора. На другом берегу Невы, прямо перед вами Петропавловская крепость – политическая тюрьма, сгубившая, не знаю сколько жизней. Несколько градусов к востоку – Дом политкаторжан – возведен для революционеров после революции: отсюда их чуть ли не всех и увели на расстрел. Еще правей, уже на левом берегу, – Большой дом – государственная бойня. Сколько человеческой крови утекло подземной трубой в Неву? – катерами, говорят, в иные дни приходилось разгонять багровый след. Еще поворот по часовой стрелке – Михайловский замок, тут убили Павла Первого. Еще поворот – Спас на Крови. А между ними крыши, крыши, сотни старых домов, в них десятки тысяч квартир – в каждой кого-нибудь взяли, чтобы уничтожить как врага народа... Вы топчетесь у Часовой башни Мраморного дворца, не зная, на чем остановит взгляд: до чего же красив этот город убитых!»

...Солнце так светит (особенно белой ночью), вода так сверкает, листва так роскошно мрачна, здания так убедительно имитируют античность... Ослепительный эшафот».

* * *

Мы много говорили с С.Л. о феномене его города, который я, посторонний, именно так и чувствовал – как прекрасную мрачную декорацию прошлых трагедий, безмолвный тысячеголосый вопль умирающих и убиваемых. В Питере любят графику Пиранези. Этот мотив всякий раз вселялся в меня, как только я выходил на Невский из-под арки Московского вокзала. Потом-то город брал свое, побеждал, конечно, завлекал, расслаблял, умилял, поражал световыми эффектами, игрой огромного неба над Невой. Пока не вздрогнешь от какой-нибудь мелкой, но возвращающей в реальность детали. А они-то здесь жили. Под двухметровыми сосульми, свисающими с кариагид.

«У нас есть общий предрассудок, что глупость – это слабость ума. Но это не так. На самом деле, глупость гораздо сильнее ума. Это, собственно говоря, сила ума, сила его тяжести... что ли. Эта сила метафизическая... Глупость видоизменила наш город, и очень заметно...»

Но нам останется все-таки мир петербургских слов.

...Это город, в котором мерещится смысл. И потому этот город – не только герой русской литературы, но и автор ее».

Но – в том-то все и дело! – это был его город, собранный им из слов, как из домов, из сюжетов, имен придуманных героев: Германа, и Башмачкина, и Макара Девушкина, и Ивана Ильича Обломова с Гороховой улицы...

Он жил в этом городе литературы, а город советского и постсоветского новояза наводил на него меланхолию.

«Мы прописаны в руинах метафоры, сочиненной не про нас, – бесчеловечно государственной. Неуютно, фундамент затоплен, небосвод ненадежный, протекает. Зато похоже именно изнутри – на реальность, на мироздание как есть, без иллюзий».

О СМЕРТИ

Болел он уже довольно давно и знал, что болезнь эта его убьет. Иногда, расслабившись, он говорил об этом близким людям. Просто чтобы знали.

Но говорил коротко, одной-двумя фразами, потому что мы не умеем ни говорить, ни слушать на тему смерти.

* * *

Катя Гениева, очень близкий мне человек, друг и соучредитель «Вестника Европы», умирала в это же время и так же долго и вполне ясно. Она отошла на месяц раньше Сани.

Я еще написал Сане о ее кончине и похоронах. Но и с ней мы не говорили о смерти до самого конца. О том, что будет без нее с ее Библиотекой, с нашим журналом.

Саня писал о смерти в своих текстах, она была с ним слишком рядом, чтобы ее игнорировать.

Кате было проще говорить об этом в публичных интервью, чем с близкими людьми.

...Иногда он писал как бы рецензии – а на самом деле о своем, просто книги под руку попадались подходящие, чтобы об этом как бы невзначай поговорить.

«Владимир Янкилевич, французский философ (1902–1985) будто бы первый из людей попробовал подумать о смерти неотрывно, непрерывно, как можно дольше, в упор и до упора».

Оказалось, что это невероятно трудно – все равно, как смотреть на солнце. Сравнение тонкое (впрочем, не новое) – потому что дело не в чувствах, а ум не выдерживает – выходит из строя. Человеческое мышление не справляется с фактом по имени Смерть, не в силах включить его в систему своих категорий, подыскать подходящую аналогию, привязать его к чему-то понятному. Потому что это факт особого порядка, уникальный, противостоящий всем остальным. Пресловутое, хваленое наше мышление запрограммировано кем-то исключительно на обработку данных т.н. бытия».

Вот и не выдержал Саня, перешел на привычную ироническую интонацию, так легче.

Но справился. Дальше – всерьез:

«...смерть зияет посреди сознания как черная бездна – мы видим ее и не видим: это пятно слепоты – Небытие – буквально – не нашего ума дело. Можно сколько угодно размышлять, и говорить, и писать о смерти, но мыслить о ней, помыслить ее – нельзя!»

С.Лурье вспоминает трактат о небытии советского философа А.Чанышева, опубликованный в 1990-м, а написанный за тридцать лет до того. «Лично я предпочитаю скрипящий голос Чанышева: «Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не поняв»...»

* * *

...В полудреме опять думал про Саню. И надумал, что он человек не из города даже, а из целой страны слов. В этой стране есть разные города и слова, они говорят на разных языках, но общее у них всех то, что они вечны, эти слова, нанесенные на пергаменте, бумаге или даже на твердом (или каком-то жестком) диске...

Егор, другой мой очень близкий друг, с Саней знаком был очень шапочно, но Саня его знал и ценил, и читал, я дарил ему книги Егора — он тоже из этой облачной страны слов. И в этом облаке неуничтожимых слов и смыслов Саня узнается сразу — интонацией, ритмом речи, блеском неожиданной метафоры, замаскированной под остроту.

Не просто звуки, тающие в воздухе, а формулы человеческой речи, только и отличающей нас от других животных, не обладающих словами. В словах этих заключено все: и смыслы, и тайны, и эмоции, и муки, и обещания, и проклятия.

В одном эссе Саня пишет, что любит, углубившись в чьи-то тексты и думы об авторе этих текстов, *некоторым образом оживлять, вызывать его...*

Он умирал долго, думал о смерти, но мы не говорили об этом (но что разговор: «Хорошо с тобой, Витя, выпивать!»).

Главный разговор он, конечно, доверял бумаге, или там ноутбуку, и этот разговор зафиксирован, и его можно всегда продолжить, открыв его книгу или журнал.

* * *

Конечно, он знал, что каждый автор пишет только всегда один и тот же бесконечный текст, иногда закольцованный, уносимый, как воды Невы в море слов... в эти облака, которые теперь уже витают в эфире, превратившись в двоичный код, в пульсирующую вселенную.

Он любил героев своих коротких сочинений (обычно к юбилею — иначе кто ж напечатает о Свифте или Дон Кихоте?), о каждом из которых мог бы писать книгу за книгой, но книги у него писались долго. Фигурантов проходных рецензий, этих литературных фельетонов «в старом смысле слова» порой и уничтожал вежливой фразой: мол, старательный автор, должно быть, культурный, но вот только слово с орфографической ошибкой, да и цитата неисправна, или вовсе книжку делал неряшливый редактор.

Ненавидел неисправные тексты, страдал от этой неоформленной речи.

Он очень любил знаки препинания, эти дирижерские жесты, определяющие ритм и дыхание: точки, точки с запятой — очень, и тире после восклицательного знака, и слово с прописной за ним. С прилагательными обращался бережно, как с девушками, впрочем, не слишком на них полагаясь. Не накручивал деепричастий, делающих речь гипсокартонной, ровной на вид, но рыхлой внутри.

Открыв книгу «Муравейник, фельетоны в прежнем смысле слова», я наткнулся на надпись: *«Дорогому Вите с любовью. 2 май 2003 г.»*.

Открыл, как он любил, «наугад» и цитирую наугад. Из лекции, читанной в ленинградском Доме журналистов 13 апреля 1988 года («Очень странное место»).

ЛИТОРИНЫ

«Как раз в этой местности, где мы с вами находимся, совсем еще недавно обитали исключительно литорины, брюхоногие моллюски. Их было страшно много, и море, в котором они обитали, называлось Литориновое...»

С. Лурье вообще любит начинать текст с каких-нибудь моллюсков, или с корюшки, или там кашалотов.

«Этот город имеет нулевую точку отсчета – мы можем точно назвать время, когда его не было, не было ничего, просто была вода, потом она отступила и появилась суша. Жалкий клочок, из-за которого в течение ряда столетий велись войны, совершенно как в “Гамлете” Шекспира...»

(Отметим это тяготение к Шекспиру; оно станет неодолимым к концу, когда он напишет «Меркуцио». Здесь, как и во многих его текстах, мелькнет легкая тень, кусочек плаща, силуэт в окне; речь в конце коридора – слов не разобрать, но интонация узнаваемая. Горацио...

Об этом наша последняя, так и не случившаяся встреча.)

ЛУРЬЕ И БРОДСКИЙ

Саня, с его обостренным чувством такта и деликатности, переходящей чуть ли не в манию, несколько раз писал о Бродском. С.Л. называли первым российским эссеистом, и, мне кажется, ему нравилось это. И Бродского называли, и он читал, я думаю, с особым интересом и пристрастием, видя в нем собеседника, и тут каждое слово важно.

«Мы ровесники и, видимо, типологически схожи, по образу мироощущения похожи, ну и знакомы. Все-таки это чуть ли не единственный человек из всех моих героев, которого я знал лично и лично любил. И мне-то как раз кажется, что он своими стихами выражает значительную часть моей личности».

ГЕДРОЙЦ И ЛУРЬЕ

– Будешь в Питере, зайти в «Звезду», скажи секретное слово ГИППОЦЕНТАВР, и тебе мою книжку дадут, – написал он мне незадолго.

Почему, гиппоцентавр этот, а не кентавр, попросту говоря?

Потому что он и был такой – наполовину из рода Лурье, наполовину из фамилии Гедройц.

Девичья фамилия матери. (В «Меркуцио», вспоминая о матери, – крик комсомольского секретаря: А ты, Гедройц, почему плачешь?!)

См. в уважаемой Википедии:

«Гедройцы – литовский княжеский род герба “Гиппоцентавр”, по родовой легенде XVI века ведущий своё происхождение от легендарного князя Гедруса. В XIV–XVI веках представители некоторых ветвей этого рода переселились на территорию современных Белоруссии, России и Украины. Описание герба: в серебряном щите кентавр. Его конская половина чёрного цвета, человеческая – натурального. Вместо хвоста у кентавра червлёная извивающаяся змея с высунутым жалом. Кентавр, оборотясь, стреляет из червлёного лука червлёной стрелой в пасть змеи. Над щитом княжеский коронованный шлем. Герб внесен в Общий гербовник дворянских родов Российской империи... представители некоторых ветвей рода за участие в Польских восстаниях 1830, 1848, 1863 годов были лишены как родового княжеского титула, так и княжеского и дворянского достоинства Российской империи с конфискацией земель, имущества и ссылкой в Архангельск, Читу или Иркутск».

С.Лурье:

«У меня хранится номер газеты 1941 года, где написано, что лучший выпускник филфака Арон Лурье⁵ в этом году осенью взойдет на кафедру Томского университета. Вместо этого он взошел в окоп. Сначала было блокадное ленинградское радио, потом окоп, артиллерийская разведка, он дошел до Праги и так никогда и не взошел на университетскую кафедру. В Педагогическом институте (Герценевском, правда) преподавал».

Саня родился в Свердловске, в эвакуационном госпитале, 12 мая 1942 года. Ленинград уже был в блокаде, война захватила всю Европейскую часть страны. Родился в мае (Саня любил детали), зачат был в августе 1941-го, когда горели Бадаевские склады. Беременная мать довезла.

Почти его ровесник, питерский по культурному происхождению человек, ученик Товстоногова, режиссер Кама Гинкас вообще провел первые месяцы жизни в 1941-м в Каунасском гетто. Шансов выжить у него было очень мало. У Сани в Свердловске шансов оказалось побольше.

* * *

Примерно за месяц до смерти он взбудоражил интернет пронзительным текстом.

Письмо Герману Грефу

«Многоуважаемый (нет, лучше все-таки дорогой) господин Греф!

Я – Самуил Лурье, русский литератор, очень мало известный (Вам – наверняка нет), но все-таки профессионал: полвека печатаюсь, полтора десятка книг, премии (потешные, конечно), – словом, потратить на мое письмо минуты четыре даже такому важному человеку, как Вы, не запахло. В настоящее время я проживаю в Америке, «лечусь» от сансега в этой щедрой, великодушной, милосердной и человеческой стране. Но все равно, как Вы (и некоторые Ваши подчиненные) догадываетесь, умираю. И осталось мне от нескольких дней до нескольких недель. А денег семье не оставляю. Не заработал за всю жизнь. И я подумал: хоть шерсти клоч. И выслал моей сестре в СПб. доверенность, чтобы она успела получить недозабранную (за год, кажется) пенсию. Речь идет о сумме, едва ли превышающей дневной заработок (ну ладно: у уборщицы, может, месячный). И сестра пришла с доверенностью в Сбербанк. Где ее, конечно, завернули: попросили подождать десять дней, которые необходимы для проверки. Потому что, – сказала старухе оператор или как ее, длинноногою: – такую бумажку может изготовить любой. А я-то не знал: в Сан-Франциско ездил, к консулу (чтобы заверил), и деньги платил. Нужна, видите ли, серьезная проверка – на какую-то безопасность. Кажется, даже на финансовую. Причем времени она потребует едва ли не больше, чем всем банкам Европы понадобилось бы на проверку долга Греции. Грошовый и гнусный расчет понятен: я умру раньше, или сестра, не дай Бог, заболит и не доедет до Старо-Невского. Они спишут эти деньги

⁵ Арон Наумович Лурье, доктор филологических наук, литературовед, библиограф, преподаватель, родом из Пропойска Быховского уезда Могилевской губернии. В Пропойске в 1607 году впервые появился Лжедмитрий II, где был схвачен как лазутчик. После первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) отошел к Российской империи и был подарен Екатериной II князю А. Голицыну. По переписи 1897 г. в Пропойске числился 4351 житель, из них 2304 еврея. В XIX веке в Пропойске работало несколько десятков небольших промышленных предприятий. Большинство из них принадлежало евреям. Переименован (одновременно с возвращением статуса города) в связи с присвоением дивизии, освобождавшей город, звания гвардейской. Наименование «Гвардейская Пропойская дивизия» оказалось неблагозвучным.

У Константина Симонова есть стихотворение, посвященное городу: «Сказка о городе Пропойске».

Должно быть, название это
Недаром Пропойску дано,
Должно быть, и зиму, и лето
Там пьют беспробудно вино.
Должно быть, в Пропойске по-русски
Грешит до конца человек,
И пьет, как в раю, — без закуски,
Под дождик, под ветер, под снег.

1943

как выморочные и потом как-нибудь перепишут на себя, на банк, не знаю. Грошовый-то он грошовый, но в масштабах города стариков можно недурно приподняться. Курочка по зернышку клюет, а сыта бывает (вариант: а весь двор изгадит). Поймите правильно: я вовсе не жалею на эту компанию бездельников на Старо-Невском. Я даже считаю, что они поступают правильно, своими методами посильно разрушая это отвратительное государство. Я приветствую саботаж и коррупцию и с удовольствием наблюдаю за пандемией глупости. Правы они, а не мы – несчастное поколение родившихся при Сталине, умирающих при Путине. Мы не боролись с этим государством, а работали на него, рабы. Слишком поздно – и то немногие, – поняли, что ничего этого не существует (литература, впрочем, указывала, пока была): ни страны, ни погоста, ни государства. Есть только ГБ, нацеленная на единственную задачу: уничтожить на планете Земля человеческую цивилизацию. И что бы мы ни делали, мы фактически работали на нее, рабы. Так что я вовсе не желаю ни соблюдения закона, ни наказания виновных. Да и на деньги мне, если честно, плевать: есть прекрасные дети. Но все-таки отдайте. Это мое. У Вас (хорошо, у вас, согласен, наверно, разница какая-то есть) они пойдут на убийства и на выплату страховки за лошадиные призы, то есть опять-таки на убийства. Не позволяю. Между нами: больше всего мне хотелось бы финала в духе Диккенса: чтобы минут через десять после получения Вами этого письма группа хорошо одетых людей вывалила из конторы на Старо-Невском и кортеж полетел на Шоссе Революции, где живет сестра (предупредить, не напугать!). Извиниться, вручить цветы, вообще ни разу не хамить. Не скрою: не возражал бы и против небольшого веселого (не траурного!) оркестра. Пожалуй, клезмеры тут были бы хороши. Ну, посмотрим.

Самуил Лурье 27 июня 2015. Пало Альто, Калифорния».

Надо отдать должное Герману Оскаровичу – он Сане должное отдал.

Герман Греф: ответ Самуилу Лурье

«Уважаемый Самуил Аронович!

Позвольте от имени Сбербанка и от себя лично принести Вам самые искренние извинения в связи с инцидентом, произошедшим с Вашей сестрой. Я знаю, что в настоящее время проблема решена, Ваши пенсионные средства выданы по доверенности в полном объеме. Каждый подобный инцидент, который происходит с клиентом Сбербанка, меня по-настоящему огорчает. Несмотря на то, что формально сотрудники нашего банка не нарушили правил и инструкций, считаю, что формализм по отношению к клиентам недопустим. И Ваша ситуация – пример недопустимости такого подхода. Мы действительно очень много делаем для того, чтобы нашим клиентам было комфортно общаться со Сбербанком. Да, получается это не всегда, но мы стараемся каждый день меняться к лучшему. Самуил Аронович, я знаком с Вашим творчеством и знаю, что Вы – не только талантливый, но и сильный человек. От всей души желаю Вам побороть Ваш недуг».

* * *

Думаю, он чувствовал свою жанровую несовместимость с Пало Альто, столицей Кремниевой долины... Вот уж что менее всего походило на ландшафты города, который он знал, писал, ненавидел и любил.

Экономист Дмитрий Травин, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, написал о нем:

«... я практически не помню Самуила Лурье веселым, улыбающимся.

Грусть умного, талантливого литератора, казалось, навсегда впечаталась в его лицо. Он видел наш мир таким, каков он есть. А уж последние пятнадцать лет у него и вовсе не оставалось никаких иллюзий».

Все, кто сколько-нибудь знали его, отмечали невероятную деликатность. Она, правда, не распространялась на область литературной или политической войны, где он мог уничтожить без жалости, на всю жизнь одним словом. Думаю, таких кровников у него много. (В Полях Елисейских, где он проживал ночами, общаясь с бессмертными, это было вполне принято, а в обыденной, дневной, серой жизни – нет.) В 90-е он очень всерьез поселился в этой дневной жизни, занявшись актуальной журналистикой. Публицистика его была такая же безоглядная, как рецензии, о реакции он не думал.

ПУБЛИЦИСТ

«Думаю, что главное в работе журналиста – это борьба с двумя силами, которые постоянно вмешиваются на уровне подсознания в нашу работу, а также в политическую, интеллектуальную, литературную жизнь страны. Силы эти я называю бессмертными “богинями”. Одна – пошлость, другая – глупость».

* * *

Журналист Даниил Коцюбинский вспоминал: «Мы прилетели с Самуилом Лурье в Беслан 3-го сентября 2004 года, в самый разгар штурма. Подъезжая к городу, видели, как в небе над одним из зданий повис вертолет и как после этого над крышей взметнулся столб дыма. Слышали звуки начавшегося боя. Потом были в больнице, видели врачей, раненых... Обо всем, что мы смогли тогда узнать и что смогли понять, мы написали репортаж в газету «Дело», от которой и были командированы на место событий» В эпоху интернета вспомнить легко – было бы желание. «Заложников не спасли. Они спасали себя сами» – так назывался репортаж. Через две недели С. Лурье написал об этом в интернет-журнале «Чайка».

«...Ну вот, видите. Глава государства, оказывается, просто не знал, что по бесланской школе № 1 били из гранатометов, огнеметов и танковой пушки. Вообще понятия не имел, что операция была не ювелирная. И что жертв так много... Он ни сном, ни духом. Он ничего не знал. И поэтому нет смысла задавать ему главный, роковой вопрос. Которого, между прочим, никто еще не посмел сформулировать. Поскольку ответ, в общем-то, очевиден... И не может же быть, что и не думали об этом. Что с ходу списали в неизбежную убыль несколько сот жизней, в том числе детских. Что сразу поступила директива: Переговоры исключены! зора, как в Буденновске, не будет! будет непоколебимость!

...А мы-то с вами, господа народ? Разве не предчувствовали, чем все кончится? А ежели предчувствовали – отчего не вышли 2 сентября миллионными толпами на улицы городов: дескать, делайте что хотите, а только чтобы дети обязательно остались живы? Вышли бы – спасли бы. Не вышли – не спасли. Это значит, у нас такие сердца, такие мозги. Вот и все...»

ПАМЯТИ АННЫ ПОЛИТКОВСКОЙ

«...Вам представляется странной сама идея, что иные убийства бывают вредней некоторых печатных текстов? Но рассудите: текст вреден, когда опасен; опасен же – когда обладает определенной силой, которая

часто заключена в его убедительности. Ergo: убийство, повышающее убедительность наказуемого текста, действительно может причинить больше вреда, нежели сам текст.

Например, убийство автора, который уверял – тщетно! – своих читателей, что в РФ укоренился и процветает «государственный самосуд». В самом деле: Анна Политковская писала и печатала про «эскадроны смерти». Про убийства свидетелей убийств.

А сама была свидетель. И собирала свидетельства. Вообще-то неопровержимые. Но недостаточно убедительные. Поверить ей было невозможно....

И вот ее убили. Застрелили в кабине лифта. Четырьмя, что ли, пулями, считая контрольную... Эти четыре пули – все равно что круглые печати на текстах Анны Политковской: с подлинным верно. Подтверждающие опасную ценность текстов».

«Ботаник» в очочках. Еврей. Филолог. Русский интеллигент. Самая ненавистная для людоедов порода. У таких, как он, людей с тихим голосом и гладкой, глубокой речью, – с ними внутривидовая несовместимость.

«В общем, есть о чем поразмыслить, пока вокруг такая тоска и жестокость, глупость и ложь» (Железный бульвар. Стиль власти. Власть стиля, с. 81).

МЕРКУЦИО

Последнюю повесть он писал будучи уже смертельно больным.

Он любил погружаться в своего героя, часто приурочивая погружение к датам. В 14-м году был юбилей Шекспира. Я писал ему, звал в наш шекспировский номер. Но он остался верен «Звезде», куда отдал своего «Меркуцио».

О чем это? О всем известной трагедии «Ромео и Джульетта» – и о том, как под всем известным сюжетом, будучи вскрытым, таится бездонное, подлёдное озеро смыслов, предысторий, ассоциаций, о роковой силе любви – и обстоятельств. Героем, а скорее биноклем, сквозь линзы которого он заново увидел всю сцену, С. Л. избрал Меркуцио.

Бретёр, дуэлянт, задира... Почему Меркуцио, Саня? Почему о Меркуцио в последние месяцы своей почти уже невозможной работы, слепнувший и уходящий в темноту и вечный шум? Что такого ты в нем нашёл?

В далекие уже годы, когда завязывалась наша дружба, я, приезжий неофит, каждый день, как на работу, ходил в БДТ, театр Г.А.Товстоногова, в перерывах внимая щедрые откровения Мастера, общаясь с художниками и актерами... Саня слушал мои восхищения с равнодушно-отчужденным видом. Он даже как-то не без вызова декларировал свою нелюбовь к театру: не люблю театр!

Но нелюбовь эта, думаю я теперь, была глубоко травматическая. Он строил свои тексты по поводу чужих текстов как режиссерские разработки – и интерпретировал их по-своему. Критик – это режиссер чужих текстов, а еще хуже того, беззастенчивый интерпретатор смыслов. Вот и в «Меркуцио» – точнейший хронотоп, посекудно и сантиметрами выверенная сцена: кто откуда входит, выходит, сколько минут звучит насмешка, когда начнется драка и где упадет Меркуцио, заколотый Тибальтом из-под руки Ромео, откуда будет свет. Покадровый режиссерский расчет пьесы, где шестерым предстоит умереть – с воскресенья до пятницы.

* * *

Говорит человек, свидетельствует, – и бывает, что Небеса его слышат.

Прошлым летом М.Б. подарил мне статуэтку, должно быть, начала XX века, купленную у ми-

лейшего Марка Салливана в антикварной лавке, в переулке у Черинг-Кросс. Гутенберг стоит, опершись на свой станок, и грустно смотрит на свиток в руках. А на свитке написано: «*Lalumier Livi*». То есть надо понимать так: изобретатель кино прислал вызов книгопечатнику Гутенбергу. Лурье бы оценил.

Уже лет сто твердят то о закате, то о конце «Гутенберговой эры». Это близко, хотя и скучно. Но уже ясно, что с бумажной книгой не кончится поэзия, искусство речи и литературы. Сейчас, когда буквы и слова стали суть электроны и пронизали собою эфир, мы, как никогда, может быть, приблизились к реальному бессмертию всего написанного и сказанного.

ГОВОРИТЕ: ВЫ В ЭФИРЕ

«Но бывают минуты: идешь по Дворцовой набережной, справа Зимний дворец, слева Петропавловская крепость... Неважно, что в Крепости казнили и мучили, в Зимнем тоже занимались разными глупостями, да и жили там в основном дураки. А просто смотришь – прекрасно, фасады отражают солнце, и Нева блестит, – а иной раз можно увидеть, как солнечный луч тугой золотой нитью соединяет шпиль Крепости со шпилем замка: летом на закате случается такое поразительное мгновение. И тогда говоришь себе – нет, не мерзость, все-таки не мерзость, именно этими словами сам с собою почему-то говоришь...»

Публикации Самуила Лурье в журнале «Вестник Европы»:

- Самуил Лурье.* Бумажный театр (О книге Дм. Мережковского «Драматургия»). Т.1, с. 170.
Самуил Лурье. Эта адская музыка (О книге Дм. А. Пригова «Живите в Москве»). Т.1, с. 171.
Самуил Лурье. Те, кого нет (О романе Кейса Верхейла «Вилла Бермонд»). Т.3, с. 245.
Самуил Лурье. Гулливер и ласточка. Т.8, с. 285.
Самуил Лурье. Дневник провинциала. Т.9, с. 241.
Самуил Лурье. Дневник провинциала-2. Т.10, с. 236.
Самуил Лурье. Юбилей Бродского. Т. 28-29, с. 271.

© Текст и фото: Виктор Ярошенко

ИДЕЯ ВОЙНЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ИЗЛОМ

В перспективе судеб цивилизации Первая мировая война явила собой реальный — историко-культурный, а не условный — календарный конец XIX века. Обрушив его миропорядок и обнажив иллюзорность утопии позитивистского миропонимания, она одновременно возвестила начало нового этапа европейской цивилизации и таила в себе предпосылки еще более глобального — охватывающего абсолютно все сферы общественного и индивидуального бытия — конфликта, который и предопределил облик надвигающегося XX столетия. Зарождаясь в лоне Первой мировой войны, оно было порождено ею как продолжение присущего ей типа мышления и характера реализации плодов такого мышления. Теперь, с перспективы уже XXI века, двадцатый век предстает не в хронологических категориях смены столетий, а как особая и замкнутая во времени историческая эпоха радикального раздвоения секулярного мышления и последующего противостояния двух его параллельных материализаций. Одно являло собою концептуальную зрелость и практическое воплощение тоталитарных утопий, реализация которых полностью разрушила сами аксиологические основы европейской цивилизации. По-своему и с тем же конечным

результатом, что и средневековая Церковь, тоталитарные режимы претворяли в жизнь идеи создания общества, идеального в своей монолитности и абсолютной управляемости, с тем чтобы духовную роль конфессии играла секулярная идеология, а институтов Церкви — партийная организация и партийное государство. Это «новое средневековье» как секулярный аналог христианского Средневековья противостояло другому типу секулярного мышления, насильственно подавляя и жестоко искореняя его носителей и его институты на манер святой инквизиции, но в несравненно более широких масштабах и на неизмеримо более высоком технологическом уровне. Этой второй параллелью материализации секулярного мышления были государственно-демократические системы со свойственным им открытым обществом и идейно-культурным плюрализмом.

Первая мировая война, разрушая устоявшиеся каноны культуры и уничтожая сложившиеся государственные образования, свойственные им политические системы, вызволила те центробежные силы, которые до этого, будучи маргинальными, сдерживались внутри этих образований и контролировались их институтами.

Первопричиной военного столкновения всех народов одной цивилизации, истоком этого первого опыта самоуничтожения Европы, коллективного самоубийства составляющих ее наций был исторически объективный и хронологически длительный процесс внутреннего раздвоения той изначальной аксиологии и обусловленной ею системы мировидения, которая стала основой возникновения, становления и развития европейской цивилизации. Исторически — со времен Возрождения, позднее Просвещения, а затем позитивизма второй половины XIX — начала XX века — нарастающая критическая масса этого внутрицивилизационного излома и вызвала общецивилизационный взрыв Первой мировой войны.

Элита власти в Европе ставила свои политические цели, пренебрегая теми аксиологическими основоположениями, на которых зиждилась европейская цивилизация. Способом же достижения этих целей традиционно являлись разные типы насилия, крайним проявлением которых была война. Для социотехнической манипуляции общественным сознанием в целях мобилизации масс ради достижения стратегических целей государственной политики конструировалась сама идея войны как национальной целесообразности и гражданского долга. Для этого имперские планы передела чужих владений были облечены в популистскую оболочку национально-государственной идеи. Защита родины, помощь «братским народам», поддержка единоверцев, солидарность с политическими союзниками — все это, вызывая народы к патриотизму и возбуждая в массовом подсознании дремлющие атавистические инстинкты агрессии и восприятия «чужого» как врага, возвышали идею войны до уровня высочайшей нравственной ценности. Тем самым политический Олимп Европы изначальное понимание войны подменял ее сугубо секулярной трактовкой.

Военные конфликты и противостояния в истории человечества были порождением самого человеческого естества. Исходя из исторического опыта и самой антропологической сути бытия, христианство осмысливало такого рода неизбежность реальности в категориях морального императива, нравственности, тем самым стремясь подчинить прагматику мышления *profanum* логике миропонимания *sacrum*. Отсюда отношение Церкви к войне как к неизбежному злу, отсюда и просматриваемая в учении Церкви

о войне сама диалектическая трактовка этого зла применительно к конкретным реалиям всеохватывающей политики и к навязываемым ею крайностям ситуации индивидуального этического выбора.

Возникшая в раннем Средневековье и присутствующая первоосновам общеевропейской культуры, концепция войн справедливых и несправедливых была сформулирована Блаженным Августином (354–430), а позднее развита св. Фомой Аквинским (ок.1225–1274). Затем — в эпоху Возрождения — европейский резонанс обрели возникшие в русле этой богословской традиции идеи голландца Эразма Роттердамского (ок.1469–1536) и его младшего современника — поляка Анджея Фрыча Моджевского (ок.1503–1572), латиноязычные труды которого издавались на Западе в оригиналах и переводах. Общей для Эразма и Моджевского была развиваемая ими концепция войн справедливых (оборонительных) и несправедливых (захватнических), а также вытекающие отсюда конкретные вопросы, связанные с обороноспособностью государства и политическими методами разрешения конфликтов. Блаженный Августин, трактуя мир как «гармонию порядка», соблюдаемую справедливыми — основанными на законах — политическими объединениями, признавал право вооруженной защиты этого миропорядка. Ответственность же за принятие такого рода решений целиком лежит на политиках. Конечной целью справедливой войны является установление прочного мира именно во имя справедливости. Эти основополагающие идеи по сей день присутствуют в римско-католической доктрине (энциклики Павла VI и Иоанна Павла II).

Первоначально связанная исключительно с теологией, трактовка войны наложила отпечаток на светскую правовую мысль начиная с эпохи Средневековья, когда возникают и кодифицируются *jus ad bellum* (право на справедливую войну), *jus contra bellum* (предпосылки и поводы решения конфликтов мирным путем), *jus in bello* (законы ведения войны), что отразилось также в рыцарском кодексе чести. С этих времен в международном праве усиливается тенденция к ограничению юридических поводов решения конфликтов военными методами. Отражением такого пути исторического развития правосознания европейской цивилизации является эволюция антивоенного права (*jus contra bellum*) и институтов его соблюдения.

Своего рода историческим итогом этого процесса в преддверии Первой мировой войны явилась Гагская конференция 1907 года. Непосредственный же путь к ней означали такие вехи в устремлениях европейской дипломатии, как выдвинутая императором Наполеоном III в 1863 г. идея созыва конференции для обсуждения вопроса об ограничении вооружений, а затем предложение (1899) Николая II обсудить проблему ограничения вооружений, ведущих к военному столкновению. Эта идея имела фундаментальное научно-теоретическое обоснование, вытекающее из конкретных выкладок и практических расчетов.

Ее автором был уроженец Царства Польского Ян Готтлиб Блох (1836–1902) — финансист, экономист, предприниматель (с ним, в частности, связано строительство железной дороги, соединившей Петербург с Варшавой). Зачинатель нового в европейской науке подхода в исследовании войны как общественно-политического явления (шеститомный труд «Будущая война в аспекте техническом, экономическом и политическом», 1899–1900), он приходит к выводу, что современный уровень военной техники настолько высок, что затраты на наступательные действия делают войну нерентабельной. Своими экономическими расчетами и футурологическими прогнозами Я.Г. Блох сумел заинтересовать Николая II и убедить его в необходимости новой европейской политики. Следствием этого был созыв Гагских конференция 1899 и 1907 гг. и принятых на них постановлений.

Параллельно светской мысли о мире эволюционировало и светское мышление о самом феномене войны. Переломным моментом в этом процессе явился трехтомный труд К.фон Клаузевица «О войне» (1832–1834), ставший квинтэссенцией принципиально нового философствования на вечно актуальную тему и предопределивший общую научную теорию трактовки войны в «старой доброй Европе».

Рассматривая вооруженное столкновение как легитимный способ достижения поставленных целей (политических, общественных, территориально-экономических), Клаузевиц аргументировал невозможность осознания природы войны, ее внутренней сути вне постижения связей и соотношений морально-психологических (которые не поддаются измерению) и материальных (которые следует взвесить, просчитать и практически реализовать) факторов. Сама же

война — как столкновение сил моральных и материальных осуществляется средствами сугубо материальными, являя собой некое триединство, которое составляют стихия враждебности и ненависти, игра вероятности и случайности, а также соподчиненный этим факторам и использующий их инструментарий политики. Первый из этих факторов связан с народом, второй — с военным руководством и армией, третий — с правительством. Причем фактор моральный, который играет важнейшую роль, не поддается логике расчета, а тем самым и предвидению. Сама же война является продолжением политики, но с применением уже иных средств. Поэтому именно политика, обращаясь к военному методу достижения своих целей, должна вырабатывать стратегию войны.

Обращенное вспять — к опыту прошлого — инерционное мышление правящей элиты «старой доброй Европы» в своих планах военного решения политических проблем оказалось не в силах учесть ни хозяйственно-экономические, ни общественные, ни национальные последствия научно-технической революции, чтобы в соответствии с общепризнанной концепцией Клаузевица внести в свою стратегию войны поправки на современность новейшей Европы. Сама же эта стратегия, выстроенная лишь в обратной перспективе истории и вне прямой перспективы, открывающей специфику современности, тем самым проигнорировала конкретные технические выкладки и экономические расчеты Я.Г.Блоха, равно как и вытекающие из них политические выводы и футурологические суждения.

Несоизмеримое с прошлой историей количество вооружений, их несравнимое с минувшим качество и принципиально новые виды (подводные лодки, танки, броневики, автомобили, самолеты, пулеметы, газы, радиотелефонные средства связи), сам невиданный до сих пор масштаб военной промышленности и немыслимая ранее численность масс, поставленных под ружье, — все это вследствие отступающего от всё нарастающих темпов развития научно-технической цивилизации менталитета и самого культурно-исторического кругозора политических элит в конце концов обернулось крушением «старой доброй Европы».

В ее руинах из более чем 73-миллионной массы мобилизованных навечно погребены свыше 11 млн. 102 тыс. человек (больше, чем во всех вой-

нах XVIII–XIX вв. вместе взятых). Потери среди мирного населения — 15 млн. 700 тыс. человек.

В этом саморазрушении народами своей цивилизации, массовом взаимоуничтожении («чужих» во времена войны и «своих» в череде спровоцированных ею революций и брожений), в катастрофическом упадке не только уровня жизни, но и традиционных норм морали и права (в том числе законов ведения войны), распаде общецивилизационных представлений о добре и зле зарождалась новая Европа — не только в историко-культурном, но и в государственно-политическом плане.

В ходе Первой мировой войны на континенте обрушились четыре империи — Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская Порты. Вследствие распада воюющей с собой Европы возникли новые национальные государства. Результатом же вызванной войной культурной деградации, духовного кризиса и социально-политического развала появился тоталитаризм (фашистская Италия, большевистский СССР, нацистская Германия), отзвуки и воздействия которых в разной степени и масштабе проникли во все страны Европейского континента и Америки.

С точки зрения истории европейской цивилизации и ее истолкований — теперь, с перспективы начинающегося XXI века, окончательного крушения тоталитарных систем, развития процессов глобализации и формирования Европейского Сообщества — все более и более убедительной становится философско-социологическая концепция Питирима Сорокина и историософско-культурологическая — Николая Бердяева. Обе эти концепции, близкие по типу мышления и идейной направленности, формировались в контексте двух параллельных «диагнозов» духовного и физического состояния организма европейской цивилизации и противостояния им. Социолог П. Сорокин искал причины болезни в изживших себя государственных устройствах и экономических системах. В качестве исцеления рекомендовал проводить реформы. Н. Бердяев же констатировал состояние коллапса, предвещающего неотвратимую гибель цивилизации.

И Бердяев, и Сорокин, рассматривая феномен Европы в сопряженных аспектах диахронии (история цивилизации) и синхронии (современное ее состояние), пришли к выводу, что причины нынешнего кризиса восходят не к сферам политики и экономи-

ки, но таятся в глубинах человеческого самосознания, системообразующей основой которого является аксиология.

Исходя из этого, рассматривая всю европейскую историю в свете ценностей, основополагающих для отдельных составляющих ее эпох, с точки зрения принципов человеческой деятельности и поведенческой мотивации, ученые констатировали: *современный кризис означает не конец цивилизации, а переходный период от одной доминантной сверхсистемы культуры к другой.*

В фундаментальном труде П. Сорокина, с точки зрения приоритета культурных ценностей (а именно это является системообразующим стержнем его концепции), просматриваются в процессе социокультурной динамики и классифицируются три основных вида культур — **идеациональный, идеалистический и чувственный**. Для **идеационального** вида религия, божественная идея является основополагающим принципом системы, всеобъемлющим и соединяющим воедино все сферы общественной жизни и индивидуального бытия, все проявления материальной культуры и художественного творчества, тогда как для вида **чувственного** основой основ является сенсуализм: мир — это только та реальность, которая воспринимается органами чувств. Отсюда вещное, материальное восприятие мира (когда эмпиризм отделяет от социальных ценностей религию, добро, красоту) распространяется на всю общественную реальность — от политики до религии, от этики до права, от повседневной прагматики до литературы и искусства. Своего рода промежуточный между этими двумя видами является вид **идеалистический**, который представляет собой их синтез, «созданный нашим разумом».

Смена этих трех видов культур в истории европейской цивилизации объясняется тем, что «ни одна система не заключает в себе всю истину, так же как ни одна другая не является целиком ошибочной». Суть же в том, что «каждая из систем частично истинна и достоверна, предоставляя знание важнейших аспектов сложной объективной реальности». Современную же реальность П. Сорокин рассматривал как кризис именно чувственного вида культуры, ценностная система которого низвела человека «до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма». Выходом цивилизации из этого состояния будет преодоление **чувственного** вида культуры

путем «перехода к **идеациональной** этике и праву», что означает обретение «новой абсолютизации и универсализации ценностей».

Время, отделяющее нас от идей, провозглашаемых Н. Бердяевым и П. Сорокиным, свидетельствует в их пользу: крах цивилизации не свершился, она просто переживает кризис исторически очередного типа культуры, который П.Сорокин квалифицирует как **чувственный**.

Осознание конца «старой доброй Европы» и начала новой Европы XX века в свете именно культурного состояния цивилизации, а тем самым — определенной системы ценностей — означает попытку рассматривать этот процесс не в свете общественно-политической истории и свойственных ей хозяйственно-экономических факторов, а с точки зрения **аксиологии** как взимообуславливающей сферы идей, которыми руководствуются отдельные индивиды и целые социумы во всех видах своей практической деятельности (включая ту же политику и экономику) равно как и в художественном творчестве.

Раздвоение общецивилизационного процесса (социально-политическая динамика, с одной стороны, а с другой — эволюция культуры, жидущейся на тех гуманных ценностях, которые стали первоосновой Христианского Мира — *Pax Christiana*) постепенно — с концом эпохи Средневековья — по мере своего усугубления создавало все нарастающее внутрицивилизационное напряжение. На протяжении XIX века его темпы стремительно ускорялись: эпоха формирования наций, времена институциональной зрелости национальных государств и складывающегося национального самосознания — все это являлось локальным источником тех центробежных сил, которые противостояли, а в конечном итоге (коим стала Первая мировая война) возобладали над центростремительными силами, порожденными надэтническим универсализмом европейской цивилизации.

Национальные культуры, являя собой двуединство самосознания нации и сознания ее принадлежности к изначальным — универсальным — ценностям наднациональной цивилизации, тем самым сближали народы Европы. Поэтому, порождая те духовные и художественные ценности, которые отражали развитие нации и ее культуры, они одновременно обогащали европейский универсум. Однако в противовес этому

национально-государственные идеологии, расчлняя такое внутреннее двуединство и противопоставляя его составляющие, разделяли народы одной цивилизации, а властвующие элиты сталкивали их в целях достижения поставленных ими политических целей. Спекулируя на национальных чувствах, манипулируя понятием патриотизма, который в критические моменты игры политических интересов перерождался в шовинизм (отсюда толстовское: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев»), национально-государственные идеологии создавали свою особую аксиологию. Противостоя традиционной системе ценностей цивилизационного универсума (которая во времена Просвещения обрела секулярную составляющую в комплексе идей космополитизма), она исподволь разрушала культурное единство Европы, ибо разрывала двуединство национального и универсального.

Подчиняя государственному идеалу все сферы бытия нации и все институты (в том числе и Церковь), государство трансформировало традиционные для наднациональной цивилизации — **универсальные** — этические понятия, мораль и мировоззренческие идеи (включая саму идею Бога) в **локальные** (национально-государственные). Тем самым традиционная для цивилизации — аксиологическая сущность была превращена в формальную оболочку, призванную скрывать подлинное идеологическое ядро.

Беспрецедентная по своим масштабам на протяжении всей предшествующей истории, Первая мировая война стала поистине взрывом достигшей критической массы напряженности. Взрыв этот был вызван вызванным раздвоением цивилизационной аксиологии и внутренним столкновением ее составляющих во всех сферах национально-государственных самопроявлений цивилизации. Сама же масштабность этого пика внутрицивилизационного кризиса — не только количественная (поставленные под ружье массы), но и качественная (новые виды вооружения, работающая на войну индустрия), — разрушила формальную оболочку. Всеразрастающееся пламя военного взаимоистребления испепеляло камуфляж пропаганды, сокрушало насаждаемые стереотипы официального патриотизма и необходимого ему образа «врага отечества».

Обнажив скрываемую под лексической формой оболочки национально-государственных ценностей

их подлинную идеологическую сущность, а тем самым истинный характер войны, грандиозная бойня народов тем самым открыла массам глаза на свершенную институтами государства аксиологическую подмену. Обнажились цели властвующих элит, которые предстали в противоречии изначальной для цивилизационного универсума ценностной основе. Ее первоэлементы этики и морали — понятия добра, справедливости и сострадания — оставались присущими культуре как секулярной, так и конфессиональной. Поэтому-то массовая вера в официальную Идею рухнула, оставив после себя пустоту, растерянность и порождаемую этим деградацию, которая обрела выход не только в падении нравов и бесчинствах, но и в стихийных бунтах. Вот их-то и использовали в собственных целях радикальные политические группировки, всё больше разжигая недовольство масс с помощью своей идеологической демагогии.

Духовному обвалу способствовал и сам характер невиданного в истории столкновения наций, аранжированного национальными государствами. «Прежние войны, — в этой связи отмечает Г. Померанц, — вели профессиональные армии, сохранявшие что-то от рыцарских правил игры. Народы в целом не воевали. Возвращаясь к родным очагам, солдаты всасывались мирной средой, растворялись в ней... Мировая война все это переменяла. Она загнала в окопы слишком много мужчин — добрую половину во всех цивилизованных странах. И цивилизация начала расползаться, как старая кожа змеи, и вылезла жестокость. Жестокость вошла в искусство, даже в религию... Жестокость надула паруса идеологий и классово-борьбы... Война развязала вкус к жестокости, и он окрасил XX век».

Прямым следствием Первой мировой войны было возникновение тоталитарных режимов: большевистского в бывшей Российской империи, фашистского в Италии и нацистского в Германии. Идеологически санкционированный культ насилия над собственным населением и сопряженная с этим пропаганда войны или мировой революции как средства достижения политических целей, культивирование ненависти к врагу (классовому у большевиков: «недочеловекам», «низшим расам» — у нацистов) как средство мобилизации масс для борьбы за высшие — национально-государственные — ценности, отождествляемые с программой партии и культом вождя, — все это, сдетонировав

взрыв Первой мировой, отражало внутрицивилизационный кризис того вида культуры, который достиг фазы зрелости в течение XIX века.

Демократические страны, в которых сам тип функционирования политической системы зиждился на принципах взаимосвязи и взаимозависимости государства с гражданским обществом, стремились к реализации антивоенного курса как во внутренней, так и во внешней политике. Это было другим — прямо противоположным тоталитаризму — следствием Первой мировой. Пацифизм, столь ненавидимый тоталитарными режимами, отражал вызванное войной шоком и крушением воинствующих государственных национализмов отрезвление наций, их обращение — возвращение к универсальным ценностям цивилизации.

Итак, аксиологическое раздвоение цивилизации стало материализоваться и в системно-политическом раздвоении Европы. Это и прямое следствие Первой мировой войны, и непосредственное отражение вызванной ею динамизации кризиса определенного вида культуры.

Демократические страны в своем стремлении всеми силами сохранить мир выражали общественное мнение, с которым правительства не могли не считаться в силу как государственного устройства, так и самого типа политической культуры. Мюнхенское соглашение стало следствием политики, продиктованной настроениями абсолютного большинства демократических стран, которое затем — после нацистской аннексии Чехословакии и аншлюса Австрии, в период предвещающего новую войну гитлеровского ультиматизма Польше — выступало под лозунгом «Не хотим умирать за Данциг!».

Мюнхен — полное отражение ценностной ориентации демократического Запада и его полное непонимание феномена тоталитаризма, который, опираясь на силу, и проповедуя силу, только силу принимал во внимание. Поэтому и общаться с ним можно было только с позиции силы. Этот урок демократия усвоила благодаря Второй мировой войне и использовала в течение «холодной войны».

Мюнхен был иллюзией демократии, а отнюдь не ее «сговором» с Германией Гитлера, как это утверждалось в советском идеологическом лексиконе. Сговором же Германии Гитлера с Советским Союзом Сталина были соглашения, подписанные в Москве

23 августа 1939 г., а затем — после совместной оккупации Польши — закрепленные договором «О границах и дружбе» 29 сентября того же года. При всех идеологических различиях этих двух тоталитаризмов, ценностная ориентация, тип культуры и менталитет элиты власти Германии и СССР настолько совпадали, что, как свидетельствует И. фон Риббентроп, на обратном пути из Москвы «данцигский гауляйтер... сказал: порой он чувствовал себя просто “среди своих старых партайгеноссен”». Такого рода *coincidentia oppositorum* (совпадение противоположностей большевизма и нацизма) обусловлена тождеством этих типов тоталитаризма в сфере этики и морали, которые были полностью перемещены в партийную идеологию и опирались на принципы партийной целесообразности.

Крушение тоталитаризмов, ликвидируя системно-политическое раздвоение Европы, одновременно означает перспективу ликвидации ее аксиологического раздвоения в сфере общественно-государственного устройства. В сфере же морально-ценностных установок эта тенденция как реакция на конец «старой доброй Европы» и Первую мировую войну проявилась сразу же после ее окончания в философии (крупнейшие представители — Н.Бердяев и П.Сорокин), а особенно широко — в литературе. Ее творцами преимущественно были те, кто сам изведал окопную жизнь. Поэтому сама тема стала для них прежде всего отражением собственных жизненных испытаний, интеллектуально-художественным переосмыслением пережитого, иначе говоря — самовыражением, а не чем-то внешним, идеологически либо эстетически заданным.

Подлинная идея войны, развязанной политической элитой Европы в 1914 году, ради передела имперских владений и сфер влияния, обнажилась в ходе самой войны и была настолько скомпрометирована и уничтожена самой же войной, что литература уже не смогла откликнуться на это новым «Дон Кихотом».

Эпический шедевр Сервантеса философски был грустным и ироничным прощанием с рыцарством и рыцарственностью Средневековья, а эстетически — травестацией популярнейшего литературного жанра — рыцарского романа. Литература же после Версальского мира откликнулась на уход в прошлое миропорядка XIX века едко и сатирично — «Швейком» — этим Санчо Панса на «старую добрую Европу».

Снижение жанра (от героики романа о войне до традиции плутовского романа) и героя (от возвы-

шенно-благородного воина до пройдошливого проstacka) — все это интеллектуально и эстетически отражалось как упадок идей, двигавших «старой доброй Европой», так и упадок этой самой Европы, предощущаемый Ницше, Шпенглером, Ортега-и-Гассетом, а на иной лад — Марксом, его последователями и эпигонами.

Война не только обнажила создаваемый и скрываемый социотехническими манипуляциями властных элит цивилизационный излом, но и взорвала внешний цивилизационный лад изнутри.

Гибель Большой Идеи, скрепляющей цивилизацию, аннигиляция ее локальных составляющих — традиционных национально-государственных идеологий, агрессивно-имперских идей, раскалявших теперь воинственно-шовинистический угар, — вылились в братание на фронтах, массовое дезертирство, брожение в армии и революционные взрывы в тылу. Потому-то в образовавшемся идейном вакууме, на пепелищах разрушенной европейцами Европы не возникли, да и не могли возникнуть такие эпосы, как «Илиада» во времена античности, «Песнь о Роланде» — в эпоху Средневековья, «Неистовый Орландо» — в эпоху Ренессанса, «Освобожденный Иерусалим» — во времена барокко, поэма Пушкина «Полтава» — в эпоху романтизма, эпопея Толстого «Война и мир» — во времена реализма.

Гибель Большой Идеи цивилизации предопределила в литературе отказ от эпической перспективы. Ее устремленность в целостный макромир теперь, когда он свою целостность утратил, «опрокинулась» в противоположную сторону, трансформируясь в обратную перспективу, которая открывалась на внутренний мир индивидуума, экзистенциальные проблемы личного бытия и судьбы тех, кто был брошен в горнило бессмысленного самоуничтожения. Это характерно для литератур по ту и другую сторону разделенной войной Европы, для литератур всех народов, вовлеченных в общеевропейскую бойню. При всем различии идейно-эстетических установок и своеобразии творческих индивидуальностей такая перспектива является общей для ставшей классикой военной прозы Ремарка, Барбюса и Хемингуэя на Западе, с одной стороны, а с другой — в Центральной и Юго-Восточной Европе — для славянских литератур, отражающих свой национальный вариант, воссоздающих свое, локальное видение общеевропейского кризиса

цивилизации и обретения собственной государственности (в Чехии — это Франя Шрабек, Карел Конрад и др., в Словакии — Ян Грушовский, Мило Урбан, в Сербии — Иво Андрич, Милош Црнянский, Драгиша Васич, в Хорватии — Мирослав Крлежа и Аугуст Цесарец, в Словении — Воранц Прежихов. Даже для поляков, чьи легионы своими штыками восстановили государственную независимость, война предстает в литературе отнюдь не в эпическом сиянии и патетической тональности. С.Жеромский, В.С.Реймонт, Ю.Каден-Бандровский, А.Струг и другие показывают ее жестокость, безнравственность и трагизм индивидуальных судеб).

Особая ситуация России предопределила и особенность ее литературы. Здесь Первая мировая война переросла в войну Гражданскую. В столкновение Больших Идей — России давней и России революционной — исторической и внеисторической. Поэтому-то русская литература отразила прежде всего не мировую войну, а войну внутрироссийскую, положившую конец исторической России и давшую начало СССР. Столкновение двух Больших Идей вско-

лыхнуло страну, ее народы и ее искусство. Эти Большие Идеи породили как новую литературу, так и ее эпическую перспективу — роман «Тихий Дон».

Гражданская война стала не только ведущей темой, но и основной драмой российской истории. Потому-то лишь спустя полвека к теме Первой мировой войны обратился А.И. Солженицын. Однако его эпопея «Красное колесо» уже своим названием обращена к основной драме российской истории. Первую мировую писатель стремился осмыслить в перспективе последующей трагедии России — массовой гибели не только людей, но и идей, которыми эти люди жили и на которых зиждилось их государство.

Литература, по-своему осмыслив факты и художественно отразив конец Европы XIX века и начало Европы века XX наряду с документальными материалами является, с точки зрения исторической антропологии, тем важнейшим источником, который засвидетельствовал состояние умов, мироощущение, менталитет, ценностную мотивацию и поведенческие установки переломного периода. □ □

© Текст: Александр Лунатов

Источники: <https://commons.wikimedia.org/...>;
<http://nevsepic.com.ua/armiya/...>;
<http://news.tut.by/kaleidoscope/...>;
<http://feldgrau.info/...>

Наталия ЗАЗУЛИНА¹

БЕНЕДИКТ XV АПОСТОЛ МИРА НА МИРОВОЙ ВОЙНЕ

«БЛАЖЕННЫ МИРОТВОРЦЫ»

30 октября 2015 года в Атриуме Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино, в рамках проекта «Блаженны миротворцы», инициированного покойной Е.Ю. Гениевой, генеральным директором библиотеки, состоялось торжественное открытие памятника папе римскому Бенедикту XV работы скульптора, народного художника России А.Н. Бурганова.

Церемонию открыли новый генеральный директор ВГБИЛ В.В. Дуда, папский Нунций, его высокопреосвященство архиепископ Иван Юркович и президент регионального совета провинции Тоскана Eugenio Gianì.

Сегодня личность папы римского Бенедикта XV приобретает особое значение не только в связи с мемориальными событиями, посвященными 100-летию Первой мировой войны, но и в связи с ощущаемой всеми растущей угрозой всеобщему миру.

*Посвящается памяти Е.Ю. Генцевой,
создавшей проект «Блаженны миротворцы»*

ЗА 10 ЛЕТ ДО ВОЙНЫ

Папа Лев XIII, до избрания кардинал Винченцо Джоакино Рафаэлле Луиджи, граф Печч — разносторонне образованный полиглот, свободно говоривший на нескольких языках, изучавший теологию и право в университетах Рима и Витербо, имевший в 26 лет три докторские степени — богословия, гражданского и канонического права. В 33 года будущий папа Лев XIII стал епископом, а в 44 — кардиналом и, громко заявив о себе на 1-м Ватиканском соборе, более не исчезал с небосклона Святого престола. Лев XIII первый папа, избранный после объединения Италии в 1870 г., заставил не только Европу, но и весь христианский мир видеть в нем не лишённого власти светского государя, а главу миллионов католиков. При этом понтифик, не признавая присоединения Рима к Италии, объявил себя «узником Ватикана». Не покидая Ватиканского холма, пользуясь средствами связи конца XIX — начала XX века, невиданно возвысил значение папства. Своим личным прелатом он сделал авторитетного немецкого историка Иоганна Янсена, одного из основателей ультрамонтанства². Лев XIII не боялся ярких личностей, напротив, всячески приближал и продвигал их. Государственным секретарем Св.Престола стал 44-летний кардинал Мариано Рамполла, маркиз дель Тиндаро. Этот блестящий дипломат и доктор юриспруденции, золотой медалист Папского Григорианского университета и Папской академии духовной знати весь период понтификата Льва XIII отвечал за внешнюю и внутреннюю политику. За четверть века пребывания Льва XIII на троне Святого Петра папа и его госсекретарь совершили чудо, создав посреди тотального наступления атеизма новую модель папского служения, в условиях изоляции

понтифика расширили влияние и авторитет католической церкви.

В 1900 году художник-портретист Филипп Алексис де Ласло пишет в Риме два портрета — папы Льва XIII и кардинала Рамполлы.

На Всемирной выставке в Париже в 1900 году портрет понтифика получил года Большую золотую медаль. И сегодня эти два портрета — одни из самых удивительных изображений князей церкви на сломе веков, а в ракурсе драмы, разыгравшейся через три года на конклаве, еще более любопытны.

Как далекий от политики и католической веры, тридцатилетний Филипп де Ласло разгадал характеры этих двух людей? Откуда в 1900-м ему было знать, что добровольный «узник Ватикана», этот почтенный старец, и кардинал Рамполла, за двадцать три года понтификата Льва XIII совершили невозможное: Святой Престол в Ватикане, после утраты папой светской власти, стал одним из политических центров не только Европы, но и всего мира.

Каким чутьем сын ткача-иудея из Будапешта понял и так запечатлел на холсте двух самых влиятельных фигур христианского мира — Льва XIII и кардинала Мариано Рамполла?! Горящие огнем глаза кардинала, — это и огонь его служения, и огонь его личности и сжигающий его изнутри огонь жажды власти, которой он уже де-факто располагает, но обернется пепелищем и тщетой надежд.

С XVI века три католические державы — Испания, Франция и Св.Римская империя имели право вето — «Jas Exclusivae» (Право на исключение), т.е. светского вмешательства извне в выборы римских пап на конклавах. После исчезновения Священной Римской империи это право

перешло к Австро-Венгрии. Право вето озвучивалось на конклавах 16 раз, через кардинала, представлявшего одну из трех стран. Вето нельзя было накладывать на уже выбранного кандидата, а лишь на явно набравшего наибольшее количество голосов перед следующим туром и нежелательного для одной из трех стран.

В 1903 году уже семидесятитрехлетний император Австро-Венгрии Франц Иосиф наложил вето на избрание кардинала Мариано Рамполлы папой Римским. Для выполнения своей воли Франц Иосиф избрал иезуита, князя-епископа Кракова кардинала Яна Мауриция Пузина. Конклав 1903 года открылся в Сикстинской капелле 31 июля, и мало кто сомневался в избрании кардинала Рамполлы, самого опытного и авторитетного князя церкви.

Но усиление политического веса Святого Престола не входило в планы ревностного католика Франца Иосифа.

Европа тем временем неминуемо скатывалась к войне. И один из главных сторонников решения вопросов путем военной силы, и также ревностный последователь иосифизма Франц Иосиф не хотел слышать одергиваний из Ватикана, тем паче — быть отлученным от церкви. За прошедшие годы австрийский император хорошо изучил кардинала Рамполлу и знал, что этот политик в сутане, последнее десятилетие по сути и управлявший всем католическим миром от имени Льва XIII, при случае не дрогнет.

Строгий в вопросах уважения постулатов веры, в целом Лев XIII был человеком высокой культуры и большой широты взглядов, либералом, тонко чувствующим перемены в мире, которые несет прогресс и развитие экономики. Впервые социально-экономические вопросы жизни людей, его паствы приобрели первостепенное значение и стали занимать в его проповедях и энцикликах (которых он издал — 88!), не меньше места, нежели вопросы веры. Лев XIII и кардинал Рамполла утверждали, что именно социально-экономическое положение народов определяет международную политику в стремительно меняющемся мире, и главам государств и правительств, лидерам партий необходимо уде-

лять этому должное внимание. И все это согласуется с учением Христа!

15.05.1891 года Лев XIII издает энциклику «*Regum novarum*», где сформулировал первые тезисы римско-католической социальной доктрины, которую его преемники модифицируют и дополняют по сей день. В 1991 году, к 100-летию ее издания, папа Иоанн-Павел II, не меняя смысла и основополагающих постулатов, развил ее идеи в своей «*Sentensimus annus*».

В 1891-м Лев XIII приветствовал Международного бюро мира, созданного в Риме по итогам работы Международного конгресса мира, первым председателем которого стал датский писатель и политик Фредерик Байер. Папа Лев XIII опередил Франклина Рузвельта, сказавшего про «Капитал» Маркса: «...*Мы эту умную книгу одним коммунистам не отдадим!*»³, словами: «*В этом сложном труде слишком много интересных и горьких истин, чтобы они могли быть оружием лишь против нас. Эти знания могут быть и нашим оружием!*»⁴

Впервые Лев XIII прочитал «Капитал» на немецком языке в 1871-м, а затем в 1879-м, когда труд К.Маркса был переведен на итальянский язык в популярном изложении анархо-коммуниста Карло Кафьери.

Лев XIII обращался к монархам и правительствам, политическим, экономическим и интеллектуальным элитам, напоминая об их ответственности перед Богом за земные дела, в случае если их земные дела обернутся военным или социальным катаклизмом. Едва ли не чаще других в обращении понтифика звучало слово «плюрализм».

«Узник Ватикана» Лев XIII не уставал указывать, что число социалистических обществ различных направлений и степень радикализации растет по Европе тысячами, и с этим нельзя не считаться.

Убийство короля Умберто I было мстью анархиста Г.Бреши за расстрел мирной демонстрации в Милане в мае 1898 года. Понтифик снова указывал власть предрежающим, что бессмысленная жестокость порождает новую агрессию, а усиленная постулатами марксизма становится серьезной политической силой.

Но все мирные послы Ватикана расходились с планами сильных мира сего о переделе колоний и рынков сбыта, с гегемонным стремлением Германии потеснить Британию на среднем Востоке, франко-германскими противоречиями в Эльзасе и Лотарингии, «неминуемым столкновением России с Австро-Венгрией на Балканах»⁵. Таким было начало XX века.

* * *

Когда 20.07.1903 года Лев XIII скончался, император Франц Иосиф сделал все от него зависящее, чтобы последователь папы, а скорее всего, и реальный соавтор энциклик 1902 года, да и многих других, кардинал Рамполла не занял престол Св.Петра.

После трех голосований, когда все были уверены в победе госсекретаря Ватикана, от имени австрийского императора кардинал Ян Пузина наложил вето на его кандидатуру. Император Франц-Иосиф держал свои планы в тайне, и конклав не ожидал вмешательства монарха Австро-Венгрии. Казалось, все думали только о войне, конклав 1903 обещал быть быстрым, и поэтому никто не был готов к случившемуся.

Кардинал Рамполла безуспешно протестовал против вмешательства светских властей, заявив: «...я сожалею, что светской властью в вопросе избрания папы нанесен столь серьезный удар свободе Церкви и достоинству Святой кардинальской коллегии...»⁶

Император Франц Иосиф сыграл на внезапности.

Конклав был смят, и, как это часто бывает в подобных случаях, наибольший шанс получил аутсайдер, меньше всего ожидавший папской тиары: шестидесятивосьмилетний патриарх Венеции Джузеппе Мелькиоре Сарто.

Кардинал Рамполла отказался снять свою кандидатуру, еще рассчитывая на оскорбленное самолюбие Коллегии кардиналов. Но выборщики конклава лишь выразили недовольство посланцу Франца Иосифа и подчинились.

Император Австро-Венгрии был единственный католический государь, с которым после

1870 года, после потери светской власти у Ватикана не было проблем, и 04.08.1903 г. папой стал патриарх Венеции, взявший имя Пий X.

В тот же день, 4 августа, новый понтифик уволил без последующего назначения с поста госсекретаря Ватикана кардинала Рамполлу и поставил на его место не имевшего никакого политического опыта 38-летнего испанского кардинала Рафаэля Мерри дель Валь-и-Сулугета.

* * *

Пий X и кардинал Мерри дель Валь были сторонниками продолжения консервативной политики римско-католической церкви и откровенно чужды всякой международной деятельности. Если Лев XIII и кардинал Рамполла мыслили категориями европейского масштаба, то Пий X считал их деятельность бесполезной. При Пие X к власти в Ватикане пришли люди, не готовые ни к какой политической деятельности, обязанные своим возвышением ордену иезуитов, которому новый понтифик был признателен.

Главной заботой Пия X была борьба с модернизмом, для чего, исходя из примера Средневековья, он создал специальную организацию для сбора доносов на подозреваемых в этой «ереси XX века». Подобные шаги понтифика быстро уничтожили унаследованный от Льва XIII авторитет международного арбитра в церковных и политических вопросах.

За время понтификата Пия X прошли Балканские войны и Итало-турецкая война, где впервые были применены радио, авиация и бронетомобили, но занятый борьбой с ересью папа, не увидел за этими конфликтами приближения более страшного несчастья для Европы и мира.

ВЫСТРЕЛ В САРАЕВО

Выстрел в Сараево стал для мира точкой невозврата. Декан трибунала Священной Римской Роты кардинал Микеле Лега вспоминал, что известие о начале Первой мировой войны и объявления военных действий странами друг другу Пий X выслушивал спокойно и даже равнодуш-

но, как прогноз погоды. Всего за десять дней, с 28 июля по 6 августа 1914 года, Австро-Венгрия, Сербия, Россия, Люксембург, Бельгия, Германия, Франция и Великобритания оказались втянутыми в военный конфликт.

20.08.1914 года, после десяти лет понтификата и меньше чем через месяц после начала войны Пий X умер, ему было 79 лет. Похоронен в Соборе Св.Петра. Мир не заметил его ухода и никак не отреагировал на него. Но пути Господни неисповедимы, и в 1951г. папа римский Пий XII возвел Пия X в ранг блаженных, а в 1954 г. объявил его Святым.

Лев XIII не удостоился подобной чести даже от Иоанна-Павла II, который во многом скопировал его понтификат. Лев XIII и в наши дни выглядит слишком передовым пастырем для «истинного католицизма».

БЕНЕДИКТ XV

збрание Бенедикта XV проходило в самом начале Первой мировой войны.

Собравшиеся в конце августа 1914 года в Ватикане на конклав кардиналы – представители воюющих сторон ухватились за соломинку, им была нужна хотя бы тень Рамполлы. Папой выбрали архиепископа Болоньи, маркиза Джакомо делла Кьеза, всего три месяца бывшего кардиналом, но много лет работавшего под началом кардинала Рамполлы и обладавшего солидным дипломатическим опытом.

Личность понтифика отделена от мира так, как не отделена от мира личность ни одного монарха на Земле.

Три года отделявшие воюющую Россию от революции 1917 года, не оставили нам, за исключением редких писем-докладов российских послов в Италии, Ватикане и других странах Европы, никаких других свидетельств о личности Бенедикта XV. Советская историография и публицистика были категорично немногословны в описании Первой мировой войны, отгородившись от нее термином «империалистическая».

Как будто этот термин что-то меняет или делает ее последствия менее катастрофическими для России, и для всего мира. Также не был избалован вниманием и честным подходом советских историков Ватикан, и вся история папства, оказавшаяся в стане идеологических врагов СССР⁷.

* * *

3 сентября 1914 года с балкона собора Св. Петра прозвучало: *Nabemus Papam!* После десятилетия правления крестьянина Пия X Святой Престол занял аристократ, представитель «черной знати». Папа Каллист II принадлежал к семье дела Кьеза. Папа Иннокентий VII принадлежал к роду матери Бенедикта XV Джованни Мальорати. Ватикан было трудно удивить древностью рода понтификов, а посреди разрастающейся войны это и подавно уже не имело былого значения.

В 1914 году Святой Престол имел дипломатические отношения с четырнадцатью государствами, но и эти легаты были лишь второстепенными наблюдателями, а не влиятельными дипломатами. Первым шагом нового понтифика явился перенос церемонии инаугурации из собора Св.Петра в маленькую Сикстинскую капеллу. Накануне инаугурации стало известно о бомбардировке и разрушении Реймского собора, и новый папа отказался от положенной ему традиционной пышности и почестей. Тогда этот его шаг оставили без внимания. Бенедикт XV направил к архиепископу Реймса, французскому кардиналу Луи-Анри Жозефу Люсону, своего представителя со словами поддержки и отправил письмо кайзеру Германии с осуждением этого неслыханного варварства.

В первую неделю после инаугурации Бенедикт XV направил письма монархам и главам правительств воюющих стран с призывом остановить боевые действия и начать мирные переговоры. В те дни предметом его особой заботы стала оккупированная в августе Бельгия, и папа направил бельгийскому кардиналу Мерсье особое послание «*Cum de fidelibus*», со словами поддержки и сочувствия и стал собирать средства для университета в Левене, подвергнувшегося особо жестокому разгрому немецкими войсками.

О разгроме Левена (или Лувена) хочется сказать особо. Этот средневековый город, находившийся на дороге между Льежем и Брюсселем, был известен своим старинным университетом, основанным в 1426 году, и библиотекой, не имевшей себе равных в мире. Библиотека левенского университета насчитывала 230 тысяч томов, а также славилась знаменитой коллекцией средневековых манускриптов и более чем тысячью инкунабул. (Инкунабула — книги изданные в Европе от начала книгопечатания до 01.01.1501г. Тиражи этих изданий были от 100 до 300 экз. Некоторые инкунабулы в библиотеке лувенского университета считались единственными в мире.)

Помимо университета, с его уникальным книжным собранием, в Ливене были разрушены и сгорели жемчужина готического искусства — городская ратуша, церковь Святого Петра, алтарь которой украшали работы Дирека Бута; погибло множество мирных жителей.

Уже в первом апостольском послании от 8 сентября 1914 г. «Ubi regnum», направленном католикам всего мира, понтифик призывал свою паству способствовать установлению мира. Говоря о сожжении уникальной библиотеки, Бенедикт XV назвал это не только войной с мирным населением, но и с последующими поколениями. Слова понтифика о поколениях, которые уже не прочтут книг лувенской библиотеки, настолько потрясли 52-летнего нобелевского лауреата Мориса Метерлинка, что он тотчас же отправился добровольцем во Французский иностранный легион. Близорукий писатель и философ работал писарем, читал legionерам лекции о европейской культуре, однако уже ничего не мог писать сам.

В «Ubi regnum» понтифик объявил о строгом нейтралитете Святого Престола в условиях войны. Но было ли это возможно?! Первое обращение в защиту Бельгии возымело действие. После выступления римского первосвященника глава немецкой пропаганды Маттиас Эрцбергер признавал, что Бельгия «...подняла против Германии почти весь мир». Положение не исправил не опубликованная в СМИ телеграмма кай-

зера Вильгельма президенту США В.Вильсону со словами сожаления, ни организованный М.Эрцбергером «Манифест ко всему цивилизованному миру», который подписали девяносто три интеллектуалов Германии в поддержку действий немецкой армии. В этом «Манифесте 93-х» варварство и жестокость германских войск оправдали беллетрист Герман Зудерман, философ Генрих Геккель, композитор Энгельберт Гумпердинк, архитектор Людвиг Хофман, лауреаты Нобелевской премии — выдающиеся физики Конрад Рентген, Филипп фон Ленард и Макс Планк, химик Фриц Хабер, основоположник химиотерапии Пауль Эрлих, создатель противодифтерийной сыворотки Адольф фон Беринг, драматург Герхарт Гауптман и многие другие. Среди подписавших манифест был организатор фестиваля в Байрейте, сын Р.Вагнера и внук Ф.Листа, композитор Зигфрид Вагнер, а также создатель первого Зальцбургского фестиваля Макс Рейнгардт.

Но, как писала The Times: «обвинение папы Римского и зола Лувенской библиотеки взывали громче»⁸.

Шовинистическая истерия именитых коллег удивила Альберта Эйнштейна, писавшего в эти дни своему другу: «Европа, обезумев, совершила что-то невероятное. Такие времена показывают, как столь жалкой породе животных мы принадлежим...»⁹

Вместе со своим коллегой-физиологом и врачом Георгом Николаи — Эйнштейн разработал альтернативное обращение к ученым, призывая их проявить «добрую волю» и использовать свой авторитет, чтобы их страны отказались от захвата чужих территорий, от того, чтобы убивать друг друга.

Через месяц после опубликования «Манифеста 93-х» в своей первой энциклике «Ad Beatissimi Apostolorum Principis» от 1 ноября 1914 г. Бенедикт XV уже обращался не только к Церкви, не только к католикам, но и к народам всех стран, призывая воюющие стороны к миру. Понтифик протестовал против бесчеловечных методов ведения войны, продолжающейся агрессии и жестокости.

Первая энциклика Бенедикта XV подверглась резкой критике Ромена Роллана (нобелевского лауреата по литературе 1915 г.). Вот уже сто лет из книги в книгу, из статьи в статью вместо прочтения самой энциклики и уяснения ее смысла переписывают гневные тирады Р.Роллана, который не заметил осуждения понтификом войны и призывов к миру. Р.Роллан вычитал в энциклике только осуждение социалистов и предупреждение о грядущих революциях вследствие всемирной бойни, в которой не будет победителей. Увы, понтифик точно предсказал будущее Европы.

Но, призывы папы Римского к миру, и война, которую он одним из первых назвал «самоубийством Европы», вот уже сто лет заслонены обличениями писателя-гуманиста Р.Роллана.

В первые же дни войны Роллан опубликовал свою знаменитую оду «Ага расис» («Жертвенник миру»), уже одним обилием латыни похожую на энциклику и, как он сам полагал, «являющуюся утверждением веры во внутренний мир человека».

«Крики войск не заглушат ее. Я вижу, как вздымается кровавое море, несущее на своих волнах прекрасное тело изувеченной Европы, я слышу дикий рев ветра, возбуждающий души, — тщетно!

Пусть я останусь одиноким, но я буду верен тебе. Я не приму участия в святотатственном причащении кровью. Я не вкушу от своей доли Сына Человеческого. Я брат всех людей, и я люблю всех вас, люди, живущие один лишь час и крадущие у себя этот час».

В принципе, Бенедикт XV и Ромен Роллан оказались единомышленниками. После бомбардировки Реймского собора писатель опубликовал статью «Pro aris» («В защиту алтарей»), где, как и понтифик, осудил варварство немецкой армии, но, вероятно, политические взгляды не позволяли ему публично поддержать точку зрения Святого Престола.

В первое военное Рождество 1914 года Бенедикт XV призвал к перемирию и прекращению военных действий, но это его предложение осталось без ответа. В начале войны понтифик еще верил (!) в одну из главных интеллектуаль-

ных основ, на которых пятьсот лет зиждилась западная цивилизация, уповая на могущество человеческого разума, подкрепленного верой в Бога.

* * *

Призывы и увещания к прекращению боевых действий, обращения Римского первосвященника к монархам и главам правительств, его голос, взывающей к миру, посреди бредящего войной континента произвели впечатление на молодого Осипа Манделштама. Энциклике Бенедикта XV великий русский поэт посвятил удивительное и глубокое стихотворение, так и названное — «Encyclicis». Художники и поэты нередко бывают пророками, и Осип Манделштам, предчувствуя грядущую катастрофу хватался за соломинку, за многовековой авторитет Святого Престола — в надежде, что голос Бенедикта XV будет услышан:

*Есть обитаемая духом
Свобода — избранных удел.
Орлиным зреньем, дивным слухом
Священник римский уцелел...*

*И голубь не боится грома,
Которым Церковь говорит,
В апостольском созвучьи Рима!
Он только сердце веселит.*

*Я повторяю это имя
Под вечным куполом небес,
Хоть говорящий мне о Риме
В священном сумраке исчез!*

* * *

КРАСНЫЙ КРЕСТ

С осени 1914 года, по распоряжению Бенедикта XV, Святой престол начинает активно сотрудничать с Красным Крестом и с нейтральной Швейцарией. В своем письме от 1 октября 1914-го к президенту Международного комите-

та Красного Креста Гюставу Адору понтифик писал о необходимости совместных усилий по контролю за условиями содержания военнопленных и интернированных. И уже через две недели (!) по инициативе Бенедикта XV и Гюстава Адора был создан Международный центр по вопросам военнопленных. В январе 1915-го понтифик перечислил Красному Кресту часть своих личных сбережений и накоплений своего старшего брата – адмирала Джованни Антонио делла Кьеза.

Тогда впервые папа обратился к своему клиру с призывом, что *Церковь должна быть бедной*, а в годы испытаний просто не может не разделять трудности со своей паствой. Спустя сто лет этот призыв Бенедикта XV стал основополагающим в папском служении папы Франциска.

* * *

На момент избрания папой Бенедикта XV у Ватикана сохранялись дипломатические отношения только с 14-ю государствами: такое убогое политическое наследство оставил ему Пий X. Поэтому дипломатия стала приоритетом нового понтифика. В 1915 г. Ватикан установил дипломатические отношения с Англией, и это был не дежурный обмен посланниками и верительными грамотами. Далее Ватикан заключил дипломатические отношения с княжеством Монако, в 1917-м с Японией, в 1918-м – с Бразилией, Финляндией, Польшей, Перу, Эстонией, Украиной, Югославией, Чехословакией и Китаем. Впервые в истории папства Бенедикт XV предложил миру программу всеобщего милосердия. Своим распоряжением от 15 января 1915 г. Бенедикт XV учредил Международный день молитвы о мире.

В 1915-м понтифик распорядился об ограничении исполнения гимна «Te Deum» («Тебя, Бога, хвалим!») по случаю военных побед, назвав кощунством восхваление Бога после битв, унесших множество жизней.

Этим же распоряжением Бенедикт XV запретил католическому священству произнесение экзальтированных и пафосных речей на панихидах по павшим, считая что их гибель не

должна взывать к новым. Тогда же Бенедикт XV обратился с предложением о захоронении павших на поле брани, с обязательным извещением родственников.

В начале 1915-го папа выступил посредником между Австро-Венгрией и Италией, с тем чтобы призвать итальянцев не вступать в войну. Посланник понтифика в Вене кардинал Эудженио Пачелли (будущий папа Пий XII) не смог договориться с Францем-Иосифом и венгерским примасом Яношем Чернахом, но его миссия дала повод странам Антанты обвинить Бенедикта XV в симпатиях к Центральным державам.

Тогда впервые во французской печати понтифик был пренебрежительно назван – «папа-бош». В ответ 22.01.1915 г. В консисторской речи понтифик напомнил о нейтралитете Ватикана, хотя соблюдать нейтралитет было не просто даже в стенах римской курии. Немецкие и австрийские кардиналы тянули Бенедикта XV в свою сторону; французские, итальянские и бельгийские прелаты – в свою.

* * *

Вступление Италии в войну осложнило положение Святого Престола – дипломаты стран, противостоящих Антанте, выехали в Лугано. Король нейтральной Испании Альфонс XIII предложил понтифику переехать в Эскориал; ему было также предложено перебраться в Швейцарию или Лихтенштейн. Бенедикт XV остался в Риме, и ему, призывавшему к миру, пришлось столкнуться с чуть ли не полным одобрением итальянского духовенства о том, что правительство Италии решило вступить в войну.

Вступая в войну на стороне Антанты и опасаясь растущего влияния понтифика, Италия 15-м пунктом тайного соглашения в Лондоне от 22.04.1915 г. оговорила исключение Ватикана из процесса послевоенного урегулирования. Само участие понтифика в мирных переговорах ставилось в зависимость от позиции итальянского правительства. Политические интриги уже заранее умаляли возрастающий международный авторитет Бенедикта XV.

СУДЬБА ВОЕННОПЛЕННЫХ

Понтифик учредил информационное бюро (Opera dei prigioneri) по розыску пропавших без вести, военнопленных, интернированных и заключенных бюро разместились в Ватиканском дворце. За время своей работы оно получило 170 тыс. запросов и разослало более 65 тыс. сообщений в семьи. Проблема военнопленных была одной из наиглавнейших. За период Первой мировой войны в плену оказалось 8 миллионов человек. И это при том, что ни одна из воюющих сторон не была готова принимать, размещать и содержать такое количество пленных.

Особенно тяжелым оказалось положение российских пленных, так как император Николай II отказался посылать им продовольствие по линии Красного Креста под предлогом того, что *«невозможно проверить, что хлеб действительно будет доставлен по назначению, а не будет использован для продовольствия германских войск»*¹⁰.

Так что имевший трагические последствия отказ СССР подписать Женевскую конвенцию о содержании военнопленных содержал вот эти исторические корни. Ни при помазаннике Божием, ни после победы Октябрьской революции 1917 года в России не ценили человеческие жизни¹¹.

После неоднократных обращений папа Бенедикт XV добился от глав воюющих сторон обмена заключенными и ранеными, более гуманного отношения к беженцам. С 1915 по 1918 г. более 30 тыс. тяжелооболченных раненых из разных стран было вывезено на лечение в нейтральную Швейцарию. Только благодаря настойчивым обращениям папы с 1916 г. отцы многодетных семей и военнопленные, пробывшие в тюрьмах более полутора лет, подлежали возвращению на родину. В том же, 1916-м все больные туберкулезом итальянские солдаты были возвращены домой. По призыву Бенедикта XV католические священники активно посещали лагеря военнопленных, принимали их обращения и письма к родным, писали подробные доклады о состоя-

нии содержащихся в них людей и о первоочередных мерах по оказанию им помощи.

В 1916 г. понтифик горячо поддержал инициативу Международного комитета Красного Креста публиковать на почтовых открытках фотографии из лагерей военнопленных, поручив католическим прелатам отправить в Женеву все имеющиеся и у них фото. В своем письме к президенту международного Красного Креста Г.Адору Бенедикт XV писал, что эта акция вселит надежду в тысячи сердец членов семей военнопленных.

НОВОЕ ВАРВАРСТВО

Вночь с 27 на 28 октября 1915 г. во время австрийской бомбардировки Венеции был разрушен купол одного из прекраснейших строений эпохи барокко церкви Санта Мария делла Скальци, храма монастыря Босоногих кармелитов на канале Гранде. Во время взрыва и пожара погибли находящиеся там прихожане и те, кто бросился тушить огонь. Была уничтожена знаменитая картина Джованни Баттисты Тьеполо, изображающая перемещение святого дома в Лорето, украшавшая купол храма. Это известие, вместе с поступающими с фронтов сводками о химических атаках, произвели на Бенедикта XV удручающее впечатление. В уничтожении христианских святынь, веками бывших для людей надеждой на спасение, Бенедикт XV видел тот страшный рубеж, перейдя который, суть христианской морали тоже превращается в пыль. По свидетельству кардинала Пьетро Гаспарри, понтифик долго молился, повторял, что «Господа прогневили, что Господь отвернулся от людей». На возражения окружающих Бенедикт XV отвечал, что мир уже никогда не будет прежним! Этой же ночью у понтифика случился первый инфаркт. Но, едва оправившись от болезни, уже через два месяца он вернулся к прежнему ритму работы. Одним из первых его обращений к главам воюющих стран стал призыв о запрещении воздушной войны вне зоны боевых действий. Но, как и многие из мирных призы-

вов понтифика, и это его обращение было проигнорировано.

Посетившему в конце 1915 года Ватикан германскому эмиссару Маттиасу Эрцбергеру понтифик сказал: *«Если война затянется надолго, то будет социальная революция, какой еще свет не видывал»*.

Работая секретарем кардинала Рамполлы, Джакомо делла Кьеза внимательно изучал работы социалистов, делал комментарии к работам К.Маркса для Льва XIII и куда лучше многих политиков, стоявших во главе правительств и партий в Европе, представлял реальные последствия I-й мировой войны. Но тогда, в конце 1915 г. М.Эрцбергер пропустил мимо ушей предупреждение Бенедикта XV и отделался мелкими уступками на его просьбы.

Когда в августе 1918 г. понтифику доложили, что в первом в мировой истории (!) ночном налете бомбардировщиков на Вену принял участие итальянский поэт, считавшийся романтиком и эпикурейцем, Габриэле д'Аннунцио, Бенедикт XV долго отказывался в это верить, считая эту новость пропагандой военного — министерства Австро-Венгрии. Понтифик не считал д'Аннунцио гением, но и поверить, что поэт не мог бомбить мирных жителей Вены. Но, увы!

ВАТИКАН И РОССИЯ

Известие о Февральской революции в России взволновало понтифика. Глава российской дипломатической миссии при Святом Престоле Н.И.Бок записал со слов кардинала Пьетро Гаспарри о серьезной озабоченности Бенедикта XV, считавшего, что революция в разгар тяжелой и долгой войны, неминуемо будет радикализировать общество. Во многих книгах и монографиях, упоминая Н.И.Бока, приводят цитату из его доклада в Петербург, где он пересказывает беседу с понтификом, и обвиняет последнего в скрытности. Авторы, не знакомые с биографией Н.И.Бока, выставляют его врагом Бенедикта XV, но российский дипломат искренне уважал понтифика. В 1925 г., сорокапя-

тилетний Н.И.Бок стал католическим священником, приняв имя Бенедикт.

В феврале 1917 г. понтифик направляет в Петербург своего посланника кардинала Акилле Ратти (будущего папу Пия XI) для установления контактов с Временным правительством и оказания помощи арестованной царской семье, но папский легат смог добраться только до Варшавы.

В марте 1917 г. Временное правительство освободило из заключения графа А.Шептицкого, но его деятельность снова не нашла одобрения, и идеолог объединения католических и православных церквей Украины уехал в Швейцарию¹².

В мае 1917 г. Бенедикт XV преобразовал (а не впервые создал, как часто пишут, «чтобы навредить Советской России») Конгрегацию по делам восточных церквей (Congregatio pro Ecclesia orientale), учрежденную еще в 1862 г., в Независимую конгрегацию, для руководства которой сформировал коллегия из двадцати кардиналов.

Продолжающаяся война захватила Балканы, Ближний Восток и Африку, и Святой Престол везде обозначал свое присутствие через миссионеров. Для подготовки миссионеров понтифик создал Институт восточных исследований, разрешив обучать там православных. В апреле 1918 г. Бенедикт XV назначил прелата Акилле Ратти своим представителем в России, Польше и Прибалтике, но из-за Гражданской войны в России прелат продолжал оставаться в Варшаве.

Летом 1918 г. Бенедикт XV обратился к большевистскому правительству с просьбой освободить императора Николая II и его семью. Переговоры об отъезде царской семьи в Ватикан вели нунций Эудженио Пачелли (будущий папа Пий XII) и архиепископ Могилевский Эдуард фон Ратт, но они закончились безрезультатно.

Когда в Ватикане узнали об арестах православных священников в России, по поручению Бенедикта XV кардинал Пьетро Гаспарри 12.03.1919 г. направил в Москву следующую

телеграмму: «...из серьезного источника сообщают, что Ваши приверженцы преследуют служителей Бога, в особенности тех, которые принадлежат к православленной религии. Святой отец Бенедикт XV уещевает Вас дать строгие приказания, чтобы служители всякой религии были уважаемы. Человечность и религия будут Вам за это благодарны»¹³. 13.03.1919 г. из Москвы за подписью Г.В.Чичерина пришел ответ: «Получив Вашу радиограмму от 12 марта, могу Вас уверить, что упомянутый в ней серьезный источник ввел Вас в заблуждение»¹⁴.

27.07.1919 г. Бенедикт XV уже лично в письме к народному комиссару иностранных дел Г.В.Чичерину протестовал против гонений Русской православной церкви и предложил выкупить конфискованную советской властью церковную утварь. Будущий Патриарх, а тогда митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) от имени Священного Синода поблагодарил понтифика и Святой Престол за заступничество. «Искреннюю благодарность за христианскую акцию» выразил Бенедикту XV Святейший Патриарх Тихон. До самой кончины Патриарха Тихона ему передавалась помощь через о. Уэлша, благословленного на это римским первосвященником, и от католических миссионерских организаций.

НАНСЕН

В апреле 1920 г. норвежский полярный исследователь и общественный деятель Фритьоф Нансен занимался по линии Лиги Наций вопросами репатриации военнопленных, разбросанных по разным странам Европы. Бенедикт XV немедленно распорядился предоставить в распоряжение сотрудников Ф.Нансена всю информационную базу в Ватиканское бюро по розыску пропавших без вести, военнопленных и интернированных. Уже в ноябре 1920 г. Ф.Нансен отчитался перед комиссией Лиги Наций о возвращении на родину двухсот тысяч человек, указав в докладе действенную помощь данных полученных от Святого Престола. На том же за-

седании Ф.Нансен предсказал скорое начало серьезного голода в разоренной Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной России, указав, что по странам Европы рассеяно более двух миллионов русских.

По предложению британского делегата Лиги Наций Филипа Ноэль-Бейкера в 01.09.1921 г. Ф.Нансен становится Верховным комиссаром Лиги Наций по делам беженцев. При этом Лига Наций отказалась помогать голодающим в России, и Ф.Нансен обратился к частным организациям и лицам, а также к папе Бенедикту XV. Понтифик обратился с призывом ко всем цивилизованным нациям о сборе пожертвований для голодающих в России. Бенедикт XV нашел слова для жителей разоренной войной Европы, обратиться с христианским милосердием и помощью к людям, умирающим в далекой России.

В декабре 1920 г. Бенедикт XV вручил архиепископу Э.фон Ратту и представителю Ватикана в Петрограде Я.Цепляку 1 млн. лир в помощь голодающим. 30 сентября 1921 г. Ф.Нансен выступил на заседании Лиги Наций с просьбой, что для спасения людей в России нужно 5 млн. футов стерлингов на закупки зерна в США и Канаде, собравшими в тот год богатые урожаи. Бенедикт XV распорядился напечатать речь Ф.Нансена во всех католических изданиях и объявил новый сбор средств для помощи голодающим.

* * *

22 августа 1921г. Патриарх Тихон обратился с призывом к верующим всех конфессий во всем мире оказать помощь голодающим в России. 8 декабря 1921 г. советское правительство разрешило Русской Православной Церкви и другим религиозным организациям сбор средств для спасения людей от голода.

В 1921 г. папа Бенедикт XV выступает с энцикликой, посвященной необходимости спасения детей и в России, и оказавшихся в тяжелом положении детей стран послевоенной Европы. Римский первосвященник напоминал, что для христианского милосердия нуждающимся не существует ни конфессиональных различий,

ни государственных границ ни политических предпочтений! Одним из первых Бенедикт XV говорил о награждении Ф.Нансена Нобелевской премией мира, — именно за его работу Верховным комиссаром Лиги Наций. Консistorию 7 марта 1921 г. называли — «консistorией милосердия» или «консistorией пятидесятилетних кардиналов».

21.12.1921 г. папа передал лично Фритюфу Нансену еще 500 тыс.лир. для оказания помощи всем нуждающимся «без различия вероисповеданий». Нансен поблагодарил понтифика и передал ему благодарность и фотографии женщин и детей, сделанные им самим в поездке по голодающим областям России.

По поручению Бенедикта XV архиепископ Бостона, кардинал Уильям Генри О'Коннелл, архиепископ Филадельфии кардинал Дэнис Джозеф Доэрти и архиепископ Квебека кардинал Луи-Назер Бежен связались с Ф.Нансеном и, организовав сбор средств в помощь голодающим, напрямую отправляли хлеб в Россию из США и Канады. Активно собирав средства для спасения русских голодающих детей 52-летний архиепископ Мюнхена и Фрайзинга Михаэль фон Фаульбахер. Участие американских и канадского кардиналов, европейского клира и лично Бенедикта XV в спасении голодающих было отмечено в выступлении Ф.Нансена на церемонии вручения ему Нобелевской премии мира в 1922 году. Существует небольшая (всего пять писем) интересная переписка Бенедикта XV и Ф.Нансена, продолжавшего заниматься репатриацией беженцев. Получая информацию от Ватиканского бюро по розыску пропавших без вести, военнопленных и интернированных, понтифик писал Ф.Нансену, что одной из главных проблем является отсутствие документов, не дающих людям юридического статуса в стране пребывания. Едва ли не впервые идея «нансеновского паспорта» — удостоверения личности для людей, лишившихся гражданства, обсуждалась 02.03.1922 г. в письме Бенедикта XV к Ф.Нансену. Документы начали выдавать в 1922 г, уже после смерти папы, и вначале его получали русские, затем и беженцы из других стран.

МИР БЕЗ ПОБЕЖДЕННЫХ

1

августа 1917 г. Бенедикт XV призвал заключить всеобщий мир без победителей и побежденных, выступил с призывом прекратить военные действия и начать мирные переговоры. Папа Римский предложил план мирного урегулирования из семи пунктов, предусматривавший взаимное сокращение военного ущерба, взаимную реституцию оккупированных территорий, улаживание территориальных споров между Центральными державами и странами Антанты, решение проблемы армянского народа, балканских государств и Польши.

Понимая, что изнурительная война неминуемо радикализует все слои общества, в своей энциклике «*Humani generis*» от 1917 г. понтифик пытается оградить клир от вовлечения в политику, регламентировав церковные проповеди и запретив политическую агитацию.

* * *

Друзья и враги Бенедикта XV отдавали справедливость его щедрости и отзывчивости. Среди передаваемых на благотворительность денег часть всегда составляли личные сбережения понтифика и его брата — адмирала делла Кьеза. Вскоре после скорострительной смерти Бенедикта XV 01.02.1922 г. в Россию для раздачи продовольствия выехали 12 католических священников, получивших благословение папы, почившего в бозе.

* * *

Бенедикт XV прекрасно знал классическую литературу, выразив свою любовь в интереснейшей энциклике «*In graecia*» от 30.04.1921г. по случаю 600-летия со дня смерти Данте. Впоследствии специалисты по творчеству Данте сравнивали энциклику «*In graecia*» с полноценной докторской диссертацией, где помимо глубокого анализа религиозности поэзии Данте папа Бенедикт XV показал себя серьезным знатоком его творчества, истории и итальянского языка.

В своей речи о Данте понтифик связал минувшее военное лихолетье с людским невнима-

нием к предостережениям Данте из глубины веков, к Слово Божию, Его призывам.

Активная миротворческая деятельность Бенедикта XV в годы Первой мировой войны снискала ему международный авторитет и уважение. Мир готовился к конференции, которая должна была поставить точку в четырехлетней войне.

В энциклике «*Guod iam diu*» понтифик призвал к публичной молитве за успех мирной конференции и прочный мир, основанный на принципах христианской морали. Но человек этот, больше всего сделавший для прекращения войны, не был даже допущен на Версальскую мирную конференцию.

* * *

Дело было не только в позиции Италии и не только в том секретном пункте Лондонского соглашения, который перестал быть тайной после обнародования в 1918 г. В.И. Лениным дипломатических документов царской России. Мир стремительно менялся, и в его послевоенном устройстве многие стремились занять место, принадлежащее римскому первосвященнику.

Победители уже не помнили вчерашних ошибок и не думали о завтрашнем дне, они жили текущим триумфом, повторяя старые промахи и ошибки. Если в начале войны всем был нужен третейский судья, к которому можно апеллировать, то при дележе добычи никто уже не хотел считаться с мнением Бенедикта XV. Окончание Первой мировой войны совпало с вручением учрежденной в 1901 г. Нобелевской премии мира, и все признавали, что наиболее достоин премии Бенедикта XV, Джакомо делла Кьеза.

В 1914, 1915 и 1916 г.г. Нобелевская премия не вручалась. В 1917 г. «За деятельность по улучшению положения военнопленных», Нобелевской премией мира наградили Международный комитет Красного Креста. В 1918 г. премия вновь не присуждалась, а в 1919-м общественное мнение, и в частности председатель Международного бюро мира Анри Лафонтен и президент Швейцарии и Международного комитета Красного Креста Гюстав Адор называли понтифика

едва ли не единственным реальным претендентом на ее получение. Но в послевоенном мире добро легко забывалось, тем более что получить Нобелевскую премию мира почему-то захотел американский президент Вудро Вильсон.

Энергичный американский политик, вызвавшийся быть посредником между Ватиканом и державами-победительницами в вопросе участия понтифика в Версальской конференции, посетил папу в 1919 году. В начале того года Бенедикт XV перенес второй инфаркт и, не оправившись от болезни, уступил напору В. Вильсона, отказавшись от дальнейших попыток участия в конференции.

Надо отдать справедливость В. Вильсону: в начале Первой мировой войны он провозгласил политику нейтралитета и был инициатором создания Лиги Наций, предложив 22 января 1917 г. план мирного урегулирования через создание этой организации. Но 6 апреля 1917 г. вступили в войну и США. Сам президент назвал «... *вступление в войну – подготовкой мира к демократии!*»¹⁵.

Еще до визита Вильсона в Ватикан была проведена мощная PR-кампания – на передовице «*The New York Times*» от 02.01.1919 г. красовался заголовок – «Папа надеется на создание Лиги Наций». Накануне встречи в Версале как по мановению волшебной палочки в газетах разных стран появились статьи со старыми обвинениями понтифика в прогерманских симпатиях. Все в одночасье забыли сделанное миротворцем Святого Престола – Апостолом мира.

С протестом против оскорблений понтифика выступил в английской печати Редьярд Киплинг. Потерявший в 1915 г. на фронте старшего сына, последующие три года войны Киплинг с женой проработал в Красном Кресте и знал об обширной общественной деятельности римского первосвященника

Оскорбленный Бенедикт XV не признал итогов Версальской конференции и образованной Лиги Наций, ставшей частью мирного договора. Вступлению Ватикана в Лигу Наций воспрепятствовали Италия и Франция. Туда же не была принята и Россия, но – что еще более лю-

бопытно — в нее не вступили и США. Тогда как, именно за создание Лиги Наций 28-й президент США В.Вильсон в 1919 году был удостоен Нобелевской премии мира, которую от его имени получил американский посол в Норвегии Альберт Шмедеман. К тому же Конгресс США отказался ратифицировать Версальский договор. Нобелевская премия мира В.Вильсона стала платой вчерашней Антанты за уступки Англии и Франции на мирной конференции, но не убедила США в прочности Версальской системы и перспективах Лиги Наций как арбитра международных споров. Почти сто лет назад Конгресс США исключил возможность иностранного вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь страны.

К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ?

В энциклике от 20 мая 1920 г. «*Pasem Dei, munus*», посвященной окончанию Первой мировой войны, понтифик высказал критическое отношение к установленному миропорядку, непрочно-сти мира в условиях тотального унижения Германии и Австрии и указал на игнорирование Святого Престола. Но это отнюдь не волновало победителей; мнения же побежденных никто и не спрашивал. Бенедикт XV едва ли не первым указывал на неизбежность проблем с Германией, потерявшей часть своей территории с несколькими миллионами жителей, и наложенными на нее непосильными репарациями. Сохранный военно-промышленный потенциал и распространенность реваншистских настроений представлялись лишь делом времени разрыв Версальского договора грозил новым вооруженным конфликтом.

На богослужении в день начала Великого поста 1919г. — Пепельную среду (*Dies Cinerum*) Бенедикт XV посыпал голову пеплом и произнес одну из своих удивительных проповедей — о посыпанной пеплом бедной Европе. Его жест удивил даже знавших его кардиналов, хотя, если вдуматься, в этом не было ни эксцентрики, ни позы.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1 1919 год — первый год после окончания 1-й мировой войны. Европа приходила в себя, словно не веря в то, что едва уцелела. Бенедикт XV был интеллектуалом, и к нему стекались все культурные новости послевоенного континента. Давайте задумаемся в эти новости.

Еще в 1917г. архиепископ Вены, кардинал Фридрих Густав Пиффль по просьбе искалеченного войной австрийского пианиста Пауля Витгенштейна ,отправил личный запрос в Ватиканское бюро по розыску военнопленных с просьбой найти его младшего брата, философа Людвиг Йозефа Иоганна Витгенштейна, одного из самых ярких мыслителей XX века. Когда установили его местонахождение, Бенедикт XV направил личное ходатайство об освобождении Л. Витгенштейна, и в 1919-м благодарный философ сообщал в Ватикан, что написал в плену «Логико-философский трактат», который вскоре будет издан. Старший брат Л.Витгенштейна, пианист с ампутированной после ранения правой рукой Пауль Витгенштейн вскоре возобновляет концертную деятельность, играя левой рукой, и благодарит Бенедикта XV за помощь в спасении брата. Понтифик просил апостольского нунция в Вене Т.Вальфре ди Бонцо и кардинала Ф.Пиффля опубликовать в печати о творческих успехах и концертах однорукого пианиста, подчеркивая, что каждый его концерт для таких же покалеченных войной стоит многих месс!

Надо быть папой римским, чтобы писать это своему прелату.

Архиепископ Парижа, кардинал Леон-Адольф Аметт, еще в конце марта 1918-го сообщил Бенедикту XV о безвременной смерти дивного композитора Клода Дебюсси. Кардиналы знали, что понтифик — поклонник его музыки, а его самые любимые произведения — кантата «Блудный сын» и пьеса для фортепиано «Лунный свет». Бенедикт XV не раз говорил, что погружение в такую музыку сродни молитве!

После начала 1-й мировой войны Дебюсси неделями не подходил к роялю, оставив напоследок пронзительную «Героическую колыбель»

ную» и «Рождество детей, которые лишились крова» («Оды в честь Франции» остались незавершенными). 25 марта 1918 г. под грохот обстреливающих Париж орудий 55-летний композитор скончался.

Весной 1919 г. кардинал Амэтт радовал понтифика новостями о композиторе Морисе Равеле, добровольно служившем с 1914 г. шофером грузовика — сначала в пехоте, а затем в авиационном полку французской армии. Подорвав здоровье в 1918-м, М.Равель был комиссован по болезни и шел на поправку. Но! По словам друзей, ничего больше не пишет. В 1919-м Морису Равелю было всего сорок пять лет!¹⁶

Патриарх Венеции, его высокопреосвященство кардинал Пьетро Ла Фонтен, среди прочего, писал Бенедикту XV о композиторе Эрмано Вольф-Феррари, известном до войны своими комическими операми на либретто комедий К.Гольдони. Переживший войну в швейцарском Цюрихе, музыкант, по словам кардинала Ла Фонтена, пребывает в глубокой депрессии. Первая мировая война стала закатом творчества композитора Эрмано Вольф-Феррари, его первое произведение появилось лишь в 1925 г., и критики отметили в нем меланхолию и мрачность.

Судьбу Э.Вольф-Феррари почти в точности повторил живший до 1913 г. в Берлине композитор Ферручо Бузони.

Вероятно, кардинал Т. Вольфре ди Бонцо хорошо знал настроение Бенедикта XV после войны, так как, помимо дел клира, отчета о посещении лагерей военнопленных, госпиталей и сиротских приютов, спрашивает впечатление понтифика от прочтения номеров венского журнала «Факел», автором и издателем которого был австрийский писатель и фельетонист Карл Краус.

Любимец Вены, остро слов К.Краус в 1911 г., в тридцать семь лет, сознательно принял католичество, и апостольский нунций гордился острой пера и популярностью писателя-католика. В 1919 г. вышла книга К.Крауса, написанная за четыре года войны на основе актуальных материалов европейских газет, с невеселым названи-

ем — «Последние дни человечества». В наши дни публицист Ольга Федянина назвала Карла Крауса жителем Вены, который в одиночку пытался предотвратить XX век!

Предотвратить время не удалось никому, но мир держится на простых историях. Некоторые афоризмы Карла Крауса попали в переписку Бенедикта XV. Например: «...*Чем ближе разглядываешь слово, тем более отстраненно оно выглядит*».

«*Слабый человек сомневается перед тем, как принять решение, сильный — после*».

«...*Дьявол — большой оптимист, раз верит, что людей можно испортить*».

Бенедикт XV уже не узнал, что остроумец Карл Краус в 1923-м покинул лоно католической церкви. Рана, нанесенная Первой мировой войной, не заживала, а К.Краус искал виноватых.

Зальцбургский фестиваль лета 2014-го открылся постановкой антивоенной драмы К.Крауса «Последние дни человечества».

Упомянув богослужение Пепельной среды 1919 г., я привела несколько примеров личных трагедий и драм выдающихся людей начала XX века, чтобы попытаться объяснить состояние понтифика. Последствия Первой мировой войны были слишком тяжелыми, они отразились на всех сторонах жизни общества. Бенедикт XV лучше других понимал, что довоенный социальный и культурный строй Европы был разрушен.

Роджер Осборн, автор книги «Цивилизация. Новая история Западного мира», писал о двадцати годах мира между Первой и Второй мировыми войнами: «*Преобладающим ощущением межвоенных лет, выразившимся в большинстве значимых произведений культуры, было ощущение утраты системы координат*». Р.Осборн назвал Первую мировую войну «*междоусобной войной цивилизованных наций*», и страшное осознание этой истины как раз и было в богослужении Пепельной среды 1919 года.

Интеллектуал Бенедикт XV понимал, что цивилизация не тождественна разрушенному Реймскому собору или Санта Мариа дель Скальци в Венеции, но она неразрывно связана с ними. Читая письма своих нунциев и папских лега-

тов со всех концов света о состоянии общества, понтифик понимал размеры произошедшей катастрофы, понимал он и то, что мир никогда уже не будет прежним.

К чести подписантов «Манифеста 93-х» от 14.10.1914 г. надо сказать, что за годы войны две трети из них публично отреклись от своих подписей.

Написанный в 1919 г. Полем Валери «Кризис духа»¹⁷ не только отклик поэта на войну, но и его отклик на проповедь понтифика:

«Не все подверглось гибели, но все познало чувство уничтожения. Необычайный трепет пробежал по мозгу Европы. Всеми своими мыслительными узлами она почувствовала, что уже не узнает себя более, что уже перестала походить на себя, что ей грозит потеря самосознания...»

Папа Римский не мог закрыться от мира, как Ги Ропарц или Э.Вольф-Феррари, не мог позволить себе замолчать на несколько лет. Бенедикт XV, как М.Равель, братья Питер и Людвиг Витгенштейны, Карл Краус, словенский композитор Эмерик Беран и миллионы других учились жить в новой реальности. 10 ноября 1919 г. Бенедикт XV отменил «non expedit» (1871 и 1874 гг.) и дал разрешение католикам участвовать в парламентских выборах, легализовав в глазах паствы прогрессивные католические движения. Одновременно понтифик разрешил верующим создать в Италии свою политическую организацию – Народную партию (Partito Popolare Italiano), которая на первых же парламентских выборах заявила о себе как о реальной силе. Обращаясь к лидерам католических партий, понтифик призывал их способствовать созданию в послевоенной Италии христианского общественного строя, при этом жестко исключил Ватикан из сферы их политической деятельности. Своим разрешением создания католической партии, папа Римский достиг примирения и диалога с парламентом Италии. С момента образования Итальянского государства, Бенедикт XV был первым из пап, который попытался решить «римский вопрос» и примирить Ватикан с Квириналом. Между Святым Престолом и правительством Орландо было до-

стигнуто предварительное соглашение о предоставлении в пользование Ватикану небольшой территории, но из-за скорой отставки правительства Орландо эти планы не осуществились. Своими действиями Бенедикт XV фактически полностью подготовил заключение договора между Ватиканом и правительством Италии, которое вскоре и было бы заключено, если бы не его преждевременная смерть в 1922 году. (Соглашения между Ватиканом и правительством Италии («Латеранские соглашения») были подписаны 11.02.1929 г. от имени папы Пия XI – кардиналом Пьетро Гаспарри, а от имени короля Виктора-Эммануила III – Б.Муссолини.)

Продолжая политику сближения с Францией, в мае 1920 г. Бенедикт XV причислил к лику Святых – национальную героиню французов Жанну д'Арк. Вскоре после этого, в 1921-м, понтифик восстановил дипломатические отношения с Францией, бездарно разорванные его предшественником.

В 1920-м в Милане по инициативе Бенедикта XV был открыт университет Святого Сердца, светское учебное заведение для католиков, призванное облегчить диалог Церкви с современным обществом. Разрушительные последствия Первой мировой войны для европейской цивилизации были предметом многочисленных выступлений и писем понтифика. Бенедикт XV всемерно старался способствовать послевоенному восстановлению израненной души Европы.

14 ноября 1920 г. в Лондоне и Париже прошли торжественные церемонии захоронения останков Неизвестного солдата. Идея создания подобного памятника возникла во время войны. Англиканский священник, капеллан британского флота Дэвид Рейлтон нередко оставлял на могилах неизвестных воинов надпись – «Неизвестный британский солдат». В Лондоне мемориал был сооружен в Вестминстерском аббатстве; в Париже, после отделения церкви от государства, – под Триумфальной аркой.

В Рождество Христово 1920 года Бенедикт XV назвал эти памятники Неизвестному солдату самым благим покаянием человечества перед убитыми солдатами.

14 ноября 1921г. Могила Неизвестного сол-

дата была установлена в Риме, на площади Венеции, в мемориальном комплексе Витториано.

Понтифик горячо благословил открытие монумента, но его беспокоили настроения общества. Демобилизованная из армии молодежь хлебнула безработицы и стала легкой добычей националистов и радикалов, которые всего через год заразят их «коричневой чумой» фашизма. Вместе с журналистом Муссолини, ярко сияла звезда ветерана войны поэта Г. д'Аннуцио. Окончившаяся два года назад война все еще продолжалась в головах людей!

* * *

Бенедикт XV — Джакомо делла Кьеза — взял свое апостольское имя в честь папы Бенедикта XIV — Просперо Лоренцо Ламбертини, понтификат которого пришелся на 1740–1758 годы, и полностью подтвердил свою преемственность. В XVIII веке папа Бенедикт XIV был известен как «Папа конкордатов», он заключил более десяти этих конкордатов на выгодных условиях. Папа Бенедикт XIV реформировал образование священнослужителей, внимательно изучая труды эпохи Просвещения, переписывался с Вольтером и Монтескье. Бенедикт XIV был известен своей честностью и осудил лихоимство в своей энциклике «*Vix perenit*». Бенедикт XIV (Ламбертини) удостоился памятника в Англии (!), и слова, выбитые на постаменте, удивительным образом подходят к апостольскому служению папы Бенедикта XV (делла Кьеза), и к продолжающемуся служению папы на покое Бенедикта XVI (Ратцингера): *«Любимый папистами, уважаемый протестантами, клирик без хвастовства и алчности, князь без фаворитов, папа без nepотов»*. Проходящее сквозь века, удивительное преемство римских первосвященников.

Приведенная здесь биография Бенедикта XV кажется объемной и многогранной, но все перечисленное уместилось в семь коротких лет его понтификата.

Бенедикт XV, по меркам Ватикана, стал «маленьким папой», ему было всего 60 лет. Все готовились к долгим годам его апостольского служения, ведь Джакомо делла Кьеза отличался

прекрасным здоровьем, но тревоги и беды Первой мировой войны подточили его здоровье. Несколько инфарктов, после которых понтифик спешил вернуться к делам и никогда не менял своего распорядка дня. Его рабочий день начинался в 5 утра, а заканчивался не раньше 11 вечера. Бенедикт XV всегда лично читал свою объемную почту, сам писал речи и энциклики.

Понтифик не был идеален. Но кто из людей идеален?! Бенедикту XV ставили в вину сдержанность и некоторую отстраненность. Понтифику была чужда церковная экзальтация, проявление мистицизма и церковного фанатизма. Так же, как и Лев XIII, он окружил себя яркими и талантливыми людьми: сначала назначил статс-секретарем Ватикана кардинала Доменико Феррата, а после его смерти — выдающегося юриста кардинала Пьетро Гаспарри. На дипломатическом поприще блистали будущие понтифики — Акелле Ратти и Эудженио Пачелли. Его внезапная смерть явилась для всех обескураживающим шоком. На рождественских богослужениях 1921-го Бенедикт XV простудился. Болезнь быстро переросла в бронхит, а бронхит — в пневмонию, и сердце совсем еще не старого понтифика не выдержало. 22.01.1922 г. Бенедикт XV скончался.

Многие из его начинаний и христианских инициатив продолжались и после его скоропостижной смерти. По воспоминаниям кардинала Пьетро Гаспарри, внимание и сострадание Бенедикта XV к преследуемой советской властью Русской Православной церкви, было продолжено Святым Престолом. Когда в мае 1922 г. в Москве был арестован Патриарх Тихон, обвиненный в антисоветской деятельности и сопротивлении изъятию церковных ценностей, монсеньор Пиццардо направил 14.05.1922 г. Г.В.Чичерину послание с просьбой отказаться от процесса над Святейшим. 07.06.1922 г. кардинал Пьетро Гаспарри от имени Пия XI обратился с аналогичной просьбой к В.И.Ленину, но оба обращения остались без ответа. В сентябре 1922 г. кардинал Гаспарри просил разрешения представителю Святого Престола присутствовать на суде над Патриархом Тихоном, но суда над Предстоятелем Русской Православной церкви так и не бы-

ло. Святейший Патриарх Тихон находился под арестом до самой смерти.

ЭПИЛОГ

О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

И еще один интересный штрих. Будучи политиком и дипломатом, Бенедикт XV не только тратил время на миротворческие увещевания европейских монархов и глав правительств, он внимательно следил за процессом над Гаврилой Принципом, и получал от своих прелатов конфиденциальную информацию.

После Второй мировой войны в советских архивах оказались документы и переписка апостольских нунциев в Австро-Венгрии и Австрии. Кардинал Раффаэле Скапинелли ди Легуиньо навещал Г.Принципа в тюрьме Терезинштадта. По поручению понтифика кардинал Скапинелли ди Легуиньо следил за ходом расследования убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево, докладывал в Ватикан. Следствие не доказало связи организации «Млада Босна», к которой принадлежал больной неизлечимой формой туберкулеза Г.Принцип, и еще пятерых смертников с официальным Белградом. Будучи несовершеннолетним, девятнадцатилетний Г.Принцип был приговорен судом к 20 годам тюрьмы, где и умер 28.04.1918 года.

Кардинал Скапинелли ди Легуиньо ссылаясь на источники в Венгрии указывал на связь организации «Млада Босна» с венгерским премьером Иштваном Тисой. Объявленный наследником императора Франца-Иосифа в 1886 г., его племянник эрцгерцог Франц-Фердинанд был образованным человеком, основательно готовился к будущей роли правителя. В частности, эрцгерцог хорошо понимал необходимость преобразований в Австро-Венгрии и в 1906 г. вместе с политиком Аурелем Поповичем составил план преобразования империи в федеративное государство с двенадцатью автономиями.

Рабочим названием будущей страны было — Соединенные Штаты Великой Австрии, три-

единое государство (Австро-Венгро-Славия), где для каждой крупной народности предусматривалось одинаковое автономное устройство. Это устраивало всех, кроме Венгрии, которая теряла свое привилегированное положение. Граф Иштван Тиса дважды был премьер-министром Венгрии от Либеральной партии (в 1903–1905 и в 1913–1917) и самым горячим сторонником монархии Габсбургов. Эрцгерцог Франц-Фердинанд с его планами преобразования Австро-Венгрии, был его непримиримым врагом. И.Тиса откровенно говорил: «Если престолонаследник вздумает осуществить свой план, я подниму против него национальную революцию мадьяр»¹⁸. Францем-Фердинанд отвечал И.Тисе прямыми обвинениями в проведении политики мадьяризации невенгерских народов империи, особенно хорватов, румын, русинов и словаков.

Политические реформы и равные права в будущей федерализации империи для всех автономий уничтожали дуалистическую монархию, и лишали перспектив главного идеолога мадьяризации — Иштвана Тису. У наследника трона Австро-Венгрии были и клерикальные расхождения с кальвинистом Тисой. В 1901г. Франц-Фердинанд стал попечителем «Католического союза школ», и его речь на церемонии подтвердила явные симпатии католическим устоям общества и нетерпимость к атеизму. Его речь подверглась яростным нападкам со стороны графа Иштвана Тисы.

Убийство эрцгерцога в Сараево стало поводом к началу Первой мировой войны. Поводом, но не причиной! Досконально изучив вопрос, кардинал Скапинелли ди Легуиньо писал Бенедикту XV, что известная статья от 30.06.1914 г. в венской газете « Райхспост», возложившая всю ответственность за убийство эрцгерцога на Сербию и на имевшую там большое влияние Россию, была написана секретарем Иштвана Тисы, сама же газета до 1917-го фактически принадлежала Национальной партии труда Венгрии. Кардинал указывал, что венгерский премьер И.Тиса и подчиненные Эриха фон Фалькенхайна из специального корпуса штабных офицеров Германии были членами одной

и той же масонской ложе. Возможному стовору с сербской военной верхушкой, по мнению кардинала Р.Скапинелли ди Легуиньо, мешали православное вероисповедание сербов и исповедуемый Тисой редкий для Венгрии кальвинизм пуританского склада, вкупе с патологическим монархизмом.

Даже выбор даты убийства эрцгерцога в Сараево – 28 июня – день Святого Вита, день поражения сербов на Косовом поле, по мнению кардинала Скапинелли ди Легуиньо, был выбран нарочито кем-то извне. Нунций пишет Бенедикту XV, что *«...не верующий в Бога, умиряющий фанатик Г.Принцип не знал и не знает, что день Св.Вита 28 июня приходится на день национальной сербской трагедии»*. В этом же письме в Ватикан кардинал направил копии переписки покойного Франца-Фердинанда с министром финансов Австро-Венгрии А.Шпицмюллером, где среди прочих есть слова эрцгерцога: *«...Я никогда не буду воевать против России»*.

(Любопытно, что еще в 1902 г. как председатель Пражской Академии эрцгерцог Франц-Фердинанд собственноручно вычеркнул из списка вновь избранных почетных членов Льва Николаевича Толстого, узнав об отлучении его Священным Синодом Российской империи от Церкви.) И далее: *«Я пойду на жертвы, чтобы избежать этого. Война между Австрией и Россией завершится свержением либо Романовых, либо Габсбургов, а может быть, и обеих династий»*¹⁹. Комментируя эти письма, кардинал писал Бенедикту XV, что зная болтливость А.Шпицмюллера, точка зрения будущего императора не была секретом.

Весной 1914 г. 82-летний Франц Иосиф серьезно заболел, и, желая избежать грядущих политических реформ своего наследника и ожидаемую смену внешнеполитического курса, его противники начали действовать. Кардинал подчеркивал, что весной 1914 г. совпали интересы не только венгерского премьера и сторонника укрепления военного союза с Германией графа Тисы, но и германского генштаба. Тиса добивался лишь устранения Франца-Фердинанда и не помышлял о мировой войне, но изменить дальнейший ход событий уже было невозможно.

В подтверждение своих слов нунций ссылается на ранее отправленные в Ватикан копии писем австрийского генерала Конрада фон Гетцендорфа немецкому начальнику полевого генерального штаба Х-И-Л фон Мольтке-младшему от мая-июня 1914 г. Судя по черновикам писем кардинала Р.Скапинелли ди Легуиньо, Бенедикт XV уже писал императору Францу-Иосифу о нескольких фанатиках с большой психикой, обреченных на смерть туберкулезом и ставших игрушкой в руках тех, кто обрекли на смерть миллионы людей в Европе, и призывал монарха одуматься и остановить войну. В расследовании истины Сараевской трагедии, сборе информации о причастности к ней И.Тисы кардиналу Р.Скапинелли ди Легуиньо помогал венгерский кардинал, архиепископ Эстергома и Венгрии Янош Чернах и его секретарь, бенедиктинский иеромонах Дьердь Юстиниан Шереди. Одного года войны хватило, чтобы примас Венгрии Янош Чернах осознал размеры катастрофы и начал рьяно поддерживать миротворческие усилия понтифика.

В причастности графа И.Тисы к убийству в Сараево писали в своих трех письмах к кардиналу Яношу Чернаху венгерские политики – бывший в 1917-1918 гг. спикером палаты магнатов Венгрии Эндре Хадик-Баркоци и его брат министр продовольствия Янош Хадик де Футака. Копии их писем из Будапешта, Земплена, Паннонхалма, Праги, Любляны и Триеста находятся в московском архиве.

* * *

В письме от 16.09.1916 г., в годовщину гибели императрицы Елизаветы (Сисси), апостольский нунций в Австро-Венгрии кардинал Теодоро Вальфре ди Бонцо писал Бенедикту XV, что император Австро-Венгрии плох, и возможно, перед последним причастием прислушается к призывам из Ватикана. После двух лет войны лоскутное одеяло Австро-Венгерской империи трещало по швам! Европа истекала кровью! Кардинал Вальфре ди Бонцо писал об эпидемиях в лагерях беженцев; архиепископ Словении Антон Еглич осенью 1916 г. сообщал в Рим, что военное министерство Австро-Венгрии приняло

решение снимать на переплавку церковные колокола, многие из которых были фамильнымикладами его прихожан, а также изымать огромные котлы для изготовления вина, что оставит виноделов на будущий год без куса хлеба.

* * *

Кардинал Вальфре ди Бонцо напрямую призывал Бенедикта XV пригрозить Францу Иосифу отказом в последнем причастии, или отлучением от Церкви на смертном одре.

Но еще в 1903 году Франц Иосиф знал, что делал, когда лишил кардинала Рамполлу папской тиары! Бенедикт XV не решился.

21 ноября 1916 г. Франц Иосиф умер, а его наследник — племянник покойного Франца-Фердинанда — Карл I послушно шел в кильватере германской политики. Через год после неурожая начался голод в Венгрии и на Балканах, в результате поражений на фронте, и ровно через два года после смерти Франца Иосифа Австро-Венгрия распалась. Отправленный в отставку, апологет милитаристской политики И.Тиса в октябре 1918 г. был убит в первый день буржуазно-демократической «революции астр». Основными лозунгами были: перемирие с Россией на любых условиях, проведение реформ и снабжение населения хлебом!

В интервью парижской газете «Пари суар диманш» в июле 1937г. сын эрцгерцога Франца-Фердинанда Максимилиан Гогенберг возложил ответственность за смерть родителей в Сараево на германский генеральный штаб и их сторонников, первым назвав виновником графа Тиса.

Упомянув М.Гогенберга, хочется сказать о многолетней патологической ненависти политического руководства Германии к памяти убитого в Сараево наследника престола Австро-Венгрии и его потомкам. После аншлюса — насильственного захвата Германией Австрии 12-13 марта 1938 г. — все дети эрцгерцога Франца-Фердинанда — два сына и дочь были арестованы и заключены в концлагерь Дахау, где провели семь лет вплоть до окончания Второй мировой войны.

1918 год похоронил под своими обломками: сначала умершего от туберкулеза 28 апреля в

Терезинштадте террориста Г.Принципа, 31 октября — убитого восставшими в Будапеште экс-премьера И.Тису, а 12 ноября — распавшуюся Австро-Венгрию.

Главную поджигательницу войны — Германскую империю взорвала изнутри Ноябрьская революция все в том же 1918 году.

ГРИМАСЫ ИСТОРИИ

История любит гримасы. В 2014 году эти двое опять соединились мистическим образом. Через 100 лет после начала Первой мировой войны мы стали свидетелями открытия памятников: 9 июня 2014 г. — Иштвану Тисе в Будапеште, а 28 июня 2014-го — Гаврило Принципу в Сараево, в Боснии. Какая-то единая акция по восславлению виновников Первой мировой войны. Памятник Иштвану Тисе в Будапеште работы скульпторов Дьердя Залы и Антала Орбана уже был установлен в 1934 г. (в день его рождения 22 апреля).

В 1945-м памятник был разрушен неизвестными. Характерно, что в уничтожении памятника И.Тисе в 1945 г. никогда не обвиняли советских воинов. После войны на опустевшем постаменте стоял монумент Михаю Каройи, «левому» премьер-министру революции, которая и убила графа Тису. Но в начале 2014 г. памятник М.Каройи увезли в другой город, а на его место водрузили новый памятник Тисе работы скульптора Иштвана Элека.

Двухметровая скульптура Гаврилы Принципу работы белградского архитектора Зорана Кузмановича отлита из бронзы. Через сто лет история причудливым образом соединила этих двух людей, один из которых неосознанно, а другой — сознательно разожгли пожар Первой мировой войны.

Для чего так подробно через нунциев Европы Бенедикт XV собирал данные об убийстве, приведшем к началу мировой бойни?! Может быть, рассчитывал обнародовать и указать на шитые белыми нитками политические аргументы победителей и побежденных?! Неизвестно.

Во всяком случае, апостольские нунции в Вене по крупицам собирали для понтифика информацию об убийстве в Сараево, приведшем к военной катастрофе. Нунций сообщал о проверке данных, касающейся судьбы пленных и интернированных, полученных от епископа Падеборна – Карла Йозефа Шульте и епископа Бреслау Адольфа Бертрама. Последним документом из писем апостольских нунциев Австро-Венгрии, а затем Австрии в Ватикан, относящимся к периоду понтификата Бенедикта XV, является черновик письма кардинала Франческо Маркетти Сальваджани от 01.11.1921г., где тот сообщает, что розыски документов дела по расследованию убийства в Сараево ничего не дали, а привезенные в Вену тома бесследно исчезли.

Но в истории ничего не пропадает, просто не сразу находится.

Несомненно, Бенедикт XV хотел знать истину, чтобы народы, заплатившие такую большую цену, не повторяли прежних ошибок.

Бенедикт XV не обладал яркой внешностью и харизмой кардинала Рапполлы, у него была неприметная внешность университетского профессора, со спокойными тонкими чертами лица. Но понтифик был прекрасным оратором и собеседником. После его смерти выяснилось, что в церковной казне нет денег. Для покрытия расходов, связанных с погребением папы и созывом конклава, кардинал-камерленго Пьетро Гаспарри вынужден был обратиться за займом к римским банкирам.

Дабы впредь избежать подобного казуса, преемник Бенедикта XV – папа Пий XI (Акелле Рати) своим распоряжением установил неприкосновенный, так называемый «похоронный фонд», предназначенный для погребения римских первосвященников. Жертвуя деньги пострадавшим в Первой мировой войне, Бенедикт XV потратил не только личные и церковные сбережения, но и все средства своего брата адмирала делла Кьеза. Переживший брата-понтифика на несколько лет, парализованный адмирал, был похоронен на средства сестры – графини Персико.

В знак признания высокого морального и политического авторитета Бенедикта XV и

в связи с его смертью был объявлен траур по всему миру. Похоронен был Бенедикт XV в Ватикане, в соборе Святого Петра. Но до сих пор в Италии – Бенедикт XV – папа-миротворец, папа-гуманист и бессребреник не пользуется не только заслуженным почитанием, но и просто воздаянием за свои труды.

P. S. На 4-м заседании конклава 19.04.2005 г. избранный папой римским кардинал Йозеф Ратцингер выбрал себе апостольское имя Бенедикт и стал Бенедиктом XVI. Принятие имени вновь избранным римским первосвященником никогда не бывает случайным и говорит о преемственности церковной политики. Сопратники Бенедикта XV кардиналы Акелле Ратти и Эудженио Пачелли став, понтификами предпочли преемство от Пия X, более спокойное и консервативное. Подвергавшийся же нападкам при жизни Бенедикт XV после кончина был забыт.

Начавшаяся сто лет Первая мировая война стремительно забрала силы Бенедикта XV, назвавшего бойню «самоубийством Европы», от которой континент едва ли оправится. По воспоминаниям секретаря Священной Конгрегации пропаганды веры кардинала Камилло Лауренти, весь 1921 год, последний год своей жизни, Бенедикт XV часто сокрушался, что его энциклики так и не была услышаны людьми! И на возражения о возросшей религиозности в Европе он горестно сетовал, что это отчаяние и опустошение душ, а не торжество веры.

В мире, еще не оправившемся от потерь и разрушений Первой мировой войны, через два десятилетия вновь вспыхнул пожар – теперь уже страшной Второй мировой войны. И наш современник Бенедикт XVI, Йозеф Ратцингер с жаром богослова и философа призвал в своих книгах осмыслить произошедшее, которое необратимо изменило будущее цивилизации, и попытаться что-то изменить.

Природа не терпит пустот! Пустоты необратимости человеческих и культурных потерь после двух мировых войн стремительно заполняются извне, до неузнаваемости меняя общество, которое уже не является наследником и

преемником уничтоженной цивилизации. Бенедикт XVI в своих книгах пытался объяснить всю опасность игнорирования последствий прошлых катастроф — и он тоже не был услышан и понят стремительно меняющимся миром. Понтифик-философ, понтифик-богослов нашел в себе силы освободить Престол Святого Петра для того, кто более твердо проведет корабль Церкви через море повседневности, а сам тихо живет в маленькой обители, как хранитель мудрости и знаний, которые еще надеется передать людям. Нам остались его книги и его слова, обращенные к нам.

И афоризм американского поэта, философа, мыслителя и пастора Ральфа Уолдо Эмерсона: «**В сущности, никакой истории нет; есть только биографии...**»

* * *

Бенедикт XV был одним из первых организаторов сбора помощи и держал под контролем поступление помощи в разоренную Первой мировой и Гражданской войной Россию.

В 2004 г. Москве, в Большом Левшинском пер., перед зданием Российского Международного Красного Креста установлен памятник Фридьофу Нансену работы скульптора В.Цигаля. Бенедикт XV заслужил не меньше прав на памятник от России, но его имя у нас почти неизвестно. И множество россиян даже не знают, что в далеких 1921-1922 годах их бабушки и дедушки были спасены от голодной смерти благодаря помощи римского первосвященника и миротворца Бенедикта XV.

Список литературы:

1. *Fond Mariano Cardinal Rampolla del Tindaro; Главный городской архив Палермо, Сицилия.*
1. *Scott J. M. Fridtjof Nansen – Sheridan, Oregon: Heron Books, 1971.*
2. *Reynolds E. E. Nansen – Harmondsworth, UK: Regnum Books, 1949.*
3. *Archidioecesis Salisburgensis. Liberia: Fond of Johannes Baptist Katschthaler. 1903.*
4. *Franklin Delano Roosevelt A Resoucer Guide Libraru of Congress*
5. *Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политик», Международные отношения, М., 1969 г.*
6. *Лорту Йозеф. История Церкви, т.2. М.: Изд-во «Христианская Россия», 2000.*
7. *Архиепископ Аверкий (Таушев) Пятидесятилетие представления Святейшего Патриарха Тихона (1925–1975) Jordanville, 1976 г.*
8. *Протоиерей А.И.Введенский. Церковь Патриарха Тихона. 1923.*
9. *Хвостов В.М. Глава 13. Дипломатия в годы Первой мировой войны; История дипломатии под редакцией В.П.Потемкина.*
10. *Бэзил Лиддел Гафт 1914. Правда о Первой мировой. М., Эксмо, 2009 г.*
11. *Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925гг.: происхождение, особенности, последствия. Волюфад. 2007 г.*
12. *Белокопытов В.И. Лихолетье (Из истории борьбы с голодом в Поволжье 1921-1923 гг.). Казань, 1976 г.*
13. *Gallet G. Le Papa Benoit XV et la guerre. P. 1921.*
14. *Hayward F. Un pape meconnu Benoit XV. P. 1955.*
15. *Benedetto XV e la pace / A cura di G Rumi. 1990.*
16. *Migliori G. Benedetto XV. Mil. 1955.*
17. *Peters W. H. The life of Benedict XV. Milwaukee. 1959.*
18. *Pollard J. F. The Unknown Pope Benedict XV (1914-1922) and the Pursuit of Peace. L. 1999.*
19. *Enchiridion delle encicliche. Bologna. 1998. Vol. 4.*
20. *Доичер И. Троицкий. В 3-х томах. М.: Центрполиграф, 2006 г.*
21. *Венгер Антуан. Рим и Москва: 1900-1950 гг. М.: Русский путь. 2000 г., Французское издание 1987 г.*
22. *Й.Ратцингер. Церковь, экуменизм и политика: новые очерки о экклезиологии. 1987г.*
23. *Й.Ратцингер. Поворотная точка для Европы? 1991 г.*
24. *Й Ратцингер. Много религий, один завет. Израиль, церковь и мир. 1997 г.*
25. *Й.Ратцингер. Истина и толерантность: христианская вера и мировые религии. 2003 г.*
26. *Й.Ратцингер. Христианство и кризис культуры. 2005 г.*
27. *Ю.Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992 г.*
28. *Ю.Хабермас. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011 г.*
29. *Ю.Хабермас. Урок истории? Международные чтения по теории, истории и философии культуры. СПб.: 1997 г. Вып. 2 стр. 256-362.*
30. *Ю.Хабермас. Зверство и гуманность. Война на границе права и морали. Логос. 1999 г. №5(15).*

Примечания

- 1 Зазулина Наталия Николаевна — историк, писатель, публицист, общественный деятель. Область научных интересов — российско-европейские культурные связи. Автор «Вестника Европы». Награждена Святейшим Патриархом Алексием II орденом Равноапостольной княгини Ольги I ст.
- 2 Ультрамонтанство (*от лат. ultra montes — за горами, то есть за Альпами, в Риме*) религиозно-политическое направление в католицизме, сторонники которого отстаивают идею неограниченной верховной власти римского папы и его право вмешиваться в светские дела любого государства.
- 3 *Franklin Delano Roosevelt*. A. Resouser. Guide Libraru of Congress. Fond F. D. Roosevelt. 1885.
- 4 Из выступления Льва XIII перед кардиналами в 1880 году.
- 5 Ссылка на знаменитую фразу О.Бисмарка: «Если в Европе начнется война, то она начнется из-за какой-нибудь глупости на Балканах» (*Ludwig Reiners. Bismarcks Aufstied. С. Н. Beck; Munchen, 1995, с. 355.*
- 6 (Gallet. G. Le Papa Benoit XV et la Guerra, p. 1921. P. 34-35).
- 7 Книга И.Р. Григулевича «Папство, век двадцатый», настолько отвечает пропагандистским запросам, что ее даже трудно назвать исторической. Немногом лучше, и книга М.М.Шейнмана «Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX века» и «История папства» С.Г. Лозинского. Но сегодня, за неимением другой литературы на русском языке по этой теме, уже упомянутые книги активно цитируются, а значит — дело советского Агитпропа живет. Относительно недавно появились интересные и серьезные публикации о Бенедикте XV Е.В.Калининченко и Н.Н.Паташинской. Нопопробуемойтиотштампа,ипознакомитьсясБенедиктом XV.
- 8 *Barbara W. Tuchman. The guns of august. 1962. copyright renewed 1990; by Dr. Lester Tuchman // Издание на русском языке. М.: Астрель, 2012, с. 412-413.*
- 9 *Дюкас Э.,Хофман Б. Альберт Эйнштейн как человек // Вопросы философии. М.: 1991, с.143-144.*
- 10 *Теплицын В.Л. Возвращение домой . К истории русских военнопленных Первой мировой войны. М., 2011, с. 14.*
- 11 Небольшое отступление: 17.08.1941 г. НКВД СССР обратился с нотой к Швеции с просьбой донести до сведения Германии, что СССР признает Гаагскую конвенцию 1907 г. о содержании военнопленных и готов ее выполнять на взаимных условиях. Ответа не последовало. Ту самую конвенцию подписанные статьи, которой нарушил Николай II . 27.04.1942г. была нота НКВД СССР о присоединении СССР к Гаагской конвенции лишь de facto.
- 12 *Christoph E Palmer. Thomas Schnabel — Matthias Erzberger 1875–1921. Patriot und Visionar. Stuttgart, 2006, p. 127.*
- 13 *Антуан Венгер. Рим и Москва: 1900–1950 гг.». М.: Русский путь. Французское издание 1987 г.*
- 14 Там же.
- 15 Из речи президента В.Вильсона о вступлении США в Первую мировую войну от 06.04.1917 г.
- 16 Первая мировая война потрясла М. Равеля, и он ничего не писал до 1925 г. Его первым произведением после восьми лет молчания стала сюита «Гробница Куперена», которую он посвятил друзьям, погибшим на войне. Импрессионизм в музыке М.Равеля исчерпал себя, уступив эмоциональному началу, изменившему стиль произведений композитора. Впоследствии сам Равель определил эту тенденцию в своем творчестве как «лаконизм, до предела».
- 17 *Porche F. Paul Valery et la poesie pure. P., 1926, p. 23.*
- 18 *Arhive Tisza Istvan in Austrian War Arhive in Vienna // F 8 (1912) p 123-124.*
- 19 *Austrian War Arhive in Vienna // Fond Franz Ferdinand von Osterreich Este// 1914г. Переписка эрцгерцога Франца-Фердинада с министром финансов Австро-Венгрии Артуром Шпицмюллером.* □ □

© Текст: Наталия Зазулина

Наследие и наследники о. Александра Меня

■ В последнее время всё чаще говорят о наследии отца Александра. Находятся люди, которые говорят: «Какое наследие? Нет у него никакого наследия. Он был всего лишь популяризатором».

Так есть наследие отца Меня — или нет?

Безусловно, есть — обширное, богатое, не вполне понятое людьми и ими усвоенное лишь отчасти. Но если есть наследие, должны ведь быть и наследники. Кто же они?

А это его духовные дети, его ученики. Но ограничиться только ими было бы неправильно. Потенциально (а я думаю, что когда-нибудь так и будет) наследники Александра Меня — это христиане *par excellence*, прежде всего верующая православная (и не только православная) интеллигенция, люди культуры.

Отец Александр и сам осознавал себя наследником — в первую очередь наследником русских религиозных философов: Владимира Соловьёва, Петра Чаадаева, о. Сергия Булгакова, о. Павла Флоренского, Сергея Трубецкого, Семёна Франка, Владимира Лосского, Георгия Федотова. Он написал о каждом из них, и обнаружилась поразительная вещь: то, что он считал наиболее ценным, наиболее важным в наследии своих предшественников, присутствует и в наследии самого отца Александра не только в полной мере, но и в

высочайшей степени. Заинтересовался я этой темой — наследие о. Александра Меня — лет двадцать назад.

Итак... Наследие отца Александра поистине необозримо: богословие, библеистика, философия, история, религиоведение, культурология, историософия, педагогика. И это наследие нашло свое выражение в таких формах, как книги, словари, комментарии, статьи, рецензии, интервью, проповеди, исповеди, лекции, выступления, беседы, проза, стихи, иконы, рисунки, письма, слайд-фильмы, видеозаписи, магнитофонные записи, киноленты...

Я перечислил только научные дисциплины, жанры, виды документов — как бы полочки, на которых лежит это наследие. А ведь у него всё это существует в живом единстве. Скрепляет всё это в единое целое Нечто...

Что же скрепляет?

Разумеется, дух. Дух дышит, где хочет, и он всегда дышал в этом человеке, в его слове. Это евангельский дух, который сам отец Александр определил как «дух свободы, любви, терпимости, уважения к личности человека — образу и подобию Творца». А ещё он говорил: «Если дух свят, он захватывает всё существо человека, и тело его становится храмом».

Так и было с отцом Александром. Он был гением, религиозным гением — это смутно ощущали все, кто с ним сталкивался. А гений — это чудо, и потому наследие о. Меня отмечено удивительной гармонией, присущей этому человеку.

Прежде всего надо сказать, что это *духовное наследие*, выраженное в его словах, в его личности, в его жизни и мученической смерти. Это наследие связано с прошлым и настоящим и устремлено в будущее.

Мы — наследники. Что же мы наследуем? И что мы в силах унаследовать?

1. ОТКРЫТОЕ ХРИСТИАНСТВО

■ Я думаю, прежде всего мы наследуем традицию *открытого христианства*, которую отец Александр развил и обновил. Христианства, понятого не как теория, не как свод правил, заповедей и повелений, а как новая жизнь, преобразующая человека. Христианства, открытого всем ветрам истории, распахнутого навстречу человеку, говорящего с человеком на доступном ему языке, открытого миру и его проблемам. Такое христианство поистине основано на вере, любви и свободе — тех дарах, которые Бог дал человеку; на тех принципах, которые заповедал нам Христос. Для такого христианства характерны терпимость, восприимчивость, чуткость к иным традициям, уважение к личности, диалог с миром и людьми, поиски общехристианского и общечеловеческого единства.

Открытое христианство мало похоже на «бытовое, обрядовое православие с его стилизацией, елейностью и “вещанием”» (слова отца Александра). И оно неизбежно сталкивается с иной, закрытой моделью христианства — «христианством» косным, мертвящим, унижающим человека, умеющим только возводить стены, строить баррикады, ставить границы. Его приверженцы — это духовные «пограничники» или конвойные «караульщики», закон которых: шаг вправо, шаг влево — открываем огонь. Повсюду им мерещатся уклоны, ереси, русофобия, оскорбление религиозных чувств. Являясь на словах непримиримыми ревнителями веры, на деле же они невольно становятся союзни-

ками погромщиков веры — коммунистами и нацистами.

Для закрытой модели христианства характерны узость, шовинизм, агрессивная религиозность, культурный эгоцентризм, духовный сепаратизм. Это конфронтационная модель, которая не может существовать без врага. Поиски и уничтожение врага становятся смыслом жизни.

Любовь, терпимость, открытость — это всё связано, это всё едино. Ненависть, нетерпимость, закрытость — это тоже связано, это тоже единый комплекс.

Отец Александр говорил, что *«нетерпимость, фанатизм... есть проявление не столько веры, сколько неуверенности... нетерпимость есть род душевного недуга, способного извратить любую, даже самую светлую идею»*.

Закрытая модель — это фарисейское, имитаторское христианство и, если называть вещи своими именами, — религия человеконенавистничества, лжехристианство, христианство без Христа, язычество в христианской упаковке. Отец Александр считал его крайне опасным для общества, гораздо более опасным, нежели атеизм и даже антихристианство. Но он не столько напрямую обличал это лжехристианство, сколько противостоял ему по сути, практически, всей своей жизнью и творчеством, отстаивая и развивая принципы истинного открытого христианства.

2. НОВЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ СИНТЕЗ

■ Отец Александр дал новый религиозный синтез, соответствующий духу и стилю нашего времени, эпохи цивилизационной ломки, эпохи социальных, политических и духовных мутаций.

Этот христианский синтез представляет собою сплав церковной традиции с высшими достижениями русской и мировой культуры, как духовной, так и светской. Но это именно *христианский синтез*, а не духовный синкретизм, не смешение религий. Отец Александр рассматривал христианство не просто как силу, влияющую на сознание людей, а как «силу, объемлющую все стороны жизни, открытую ко всему, что создал Бог в природе и в человеке», и даже «не столько как религию, а как путь в грядущее».

Возьмём одну только сторону богословия отца Александра — его экзегезу. Новизна созданного им синтеза была связана не с отходом от христианских догматов, в чём его неоднократно и незаслуженно обвиняли, а с очень глубокой, абсолютно оригинальной и самостоятельной интерпретацией основ и принципов христианства и его ветхозаветных истоков. В частности, это относится к интерпретации Пролога книги Бытия.

Пример — истолкование отцом Александром такого символа, как Древо познания добра и зла. Почему Бог запретил первым людям вкушать от плодов этого дерева? Довольно распространённая интерпретация сбивает с толку: древо трактуется как символ познания мира, чуть ли не науки. Получается, что Бог, наделив человека разумом, Сам же закрыл человеку путь к использованию этого дара.

Отец Александр поясняет: древо — принятый в древности символ Вселенной, мироздания в целом. Называя это древо Древом познания добра и зла, Библия имеет в виду не столько нравственные категории, сколько полярные свойства природы, потому что «тов вера» (добро и зло) есть идиома, обозначающая «всё на свете», «всё сотворённое», а «познать» — на библейском языке означало «владеть», «обладать».

Таким образом, *«это древо символизирует власть над миром, которую Змей предлагает похитить вопреки воле Творца...»* Поэтому «посягательство человека на плоды Древа познания добра и зла можно истолковать как его стремление обладать, владеть миром», причём владеть независимо от Творца, распоряжаться миром по своему усмотрению. *«В том числе — по-своему строить этические принципы. Это и означает желание “быть как боги”».* Следовательно, человек попытался овладеть не просто властью над миром, но властью, автономной от Бога, вопреки Его воле, в своекорыстных целях. *«Именно в этом грех прародителей, так называемый “первородный грех”, и мы все причастны ему от рождения».*

Змей (сатана), говоря Адаму и Еве «будете как боги», действует очень тонко: признавая богоподобие людей, он призывает превратить его в орудие мятежа, подрывает доверие к Богу.

Можно сказать, что религиозный синтез отца Александра — это углубление христоцентричного мирозерцания, развитие христианской метафизики не как абстрактного учения, а как вполне практического инструмента для достижения единства мира.

Нет сомнения, что мы накануне серьёзных цивилизационных трансформаций. Они давно назрели и подспудно происходят. Я имею в виду порыв к единству, точнее — *императив общечеловеческого единства* перед лицом ожесточённого сопротивления деструктивных, архаических, в своей основе языческих сил. Это сопротивление — яростное, доходящее до бешенства, — происходит на наших глазах, сегодня. Универсализм же отца Александра соответствует универсализму христианства.

3. УРОК СВОБОДЫ

■ В христоцентризме и необычайно динамичной христианской метафизике отца Александра коренится и его общий подход к человеку как образу и подобию Божию. Мир принципиально не завершён, и человеку отведена поистине уникальная роль в его становлении и преобразении. Именно человек, в сотворчестве с Богом, призван связать земное и небесное, временное и вечное. Однако это призвание невозможно реализовать без опоры на внутреннюю свободу человека, дарованную ему свыше. И эта свобода неотделима от ответственности человека. Ответственности за всё, что происходит не только с ним, но и с миром, который он призван преобразить.

Для отца Александра это был не просто теоретический принцип. Он так жил. Он знал, что духовный рост человека возможен лишь во внутренней свободе. Он дал нам урок свободы.

4. О ДУХЕ ИСТИНЫ И ДУХЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

■ Наследие отца Александра — это углубление понятия духовности, евангельского его понимания. Духовность — это *«не бездумная вера в новую теорию, в отвлечённую концепцию; она основана на живом внутреннем опыте, на до-*

стоверности встречи с Запредельным. Она не унижает разум, а лишь показывает, что пределы рационального познания не безграничны. Она допускает осмысление опыта. Именно она и даёт нам критерии для различения добра и зла, высшее обоснование этики». Мень говорил об осмысленной вере, отнюдь не иррациональной: «Борьба между разумом и интуицией, разумом и верой — явление ненормальное. Это конфликт, разрушающий целостность человека, ибо человек создан двуединым».

Очень важная особенность богословия отца Александра — понимание того, что духовность амбивалентна, потому что сфера духа поляризована. Он писал: «Я не могу разделить тот взгляд, по которому любая религиозность служит этическому возрождению». Да, дух дышит где хочет. А если он не хочет дышать там, где ненависть?.. Тогда там дышит другой дух. Вот сегодня мы слышим, мы ощущаем злобное дыхание этого духа.

Отец Александр развил традицию различения духов, заложенную ещё апостолом Иоанном, который призывал «испытывать духов, от Бога ли они», и говорил о «духе истины и духе заблуждения» (1 Ин 4, 1-2). Дух истины — дух Христов. Дух заблуждения — дух злобы, ненависти, разделения. Всё, что соединяет людей, — от Бога; всё, что разделяет, — от дьявола, который отнюдь не является символической фигурой. «Мне неоднократно была явлена реальность светлых и тёмных сил», — писал отец Александр. Поэтому правильное говорить не о бездуховности, а об отрицательной духовности (пример — лжехристианство).

5. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

■ Отец Александр утверждал, что «служение истине и Богу невозможно без верности нравственным заветам, данным человеку» (выделено мной. — В.И.). Нарушение этих заветов ведёт к катастрофе. «Релятивизируя нравственность, мы открываем простор для звериной борьбы за существование, для “войны всех против всех”, для безграничного властолюбия, которое не остановится перед пирамидами из черепов и превращением целых народов в лагерную пыль».

Он понимал, что разрыв в духовной традиции опасен: «Неудивительно, что вырвались такие тёмные силы на поверхность. Они могут обуздываться только духовным началом. Если этого начала нет, если человек не имеет представления о нём — в нём вылезает зверь. Хуже зверя — демон».

Я не соглашусь с теми, кто утверждает, что отец Александр был лишь пастырем интеллигенции; тем не менее её роли, её духовному состоянию он придавал большое значение. Говоря о России, он подчёркивал: «В каком-то смысле катастрофа была предопределена нравственным и духовным разбродом в интеллигентской среде начала XX века» Отсюда призыв к интеллигенции — обрести твёрдую духовную почву под ногами.

Подобный же разброд наблюдаем мы и сегодня. Поэтому катастрофу в близком будущем вряд ли удастся предотвратить. Да она, собственно, уже пришла. Мы живём в состоянии войны. Это неважно, что она не объявлена: война идёт, а война — всегда катастрофа.

Отец Александр не уставал повторять: «Кризис культуры возникает, когда люди теряют духовные ориентиры, когда нравственная почва уходит у них из-под ног, когда они порывают с вечными ценностями и начинают погоню только за сиюминутным». И ещё: «Современная цивилизация может совсем лишиться будущего, если она не взглянет правде в глаза, если не найдёт твёрдого обоснования нравственным принципам».

6. ПУТЬ СВЯТОСТИ И ПУТЬ КУЛЬТУРЫ

■ Отец Александр показал, что религия и культура совместимы, культура и вера совместимы так же. Более того, путь святости и путь культуры — это отнюдь не обязательно разные пути. Они могут сближаться и даже совмещаться, потому что культура нерасторжимо связана с духовным измерением человека. В самом отце Александре глубокая, непоколебимая, живая вера сочеталась с высочайшей культурой. Он говорил о Владимире Соловьёве и Павле Флоренском, что они сами были культурой, «и она-то, — добавлял он, — свидетельствует о Церкви, о Христе, о христианстве».

7. ЛЮБОВЬ КО ХРИСТУ И ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ

■ Любовь ко Христу и любовь к человеку — это для отца Александра две стороны неразрывного единства, ибо любовь, по его определению, — величайшая динамическая сила на пути конечного преображения человечества и мироздания. Христос — центр истории, Божественная рука, протянутая человеку, путь спасения. Человек — высшая ценность, и его высокое достоинство не только в том, что он образ и подобие Божие, но и в том, что Бог явлен людям в лице Богочеловека — Иисуса Христа. Отсюда у отца Александра очень личностное отношение к Евангелию, понимание жизни как мистерии и благоговение перед жизнью как пред даром Создателя, сотворившего и природу, и нас — Его образ и подобие. Отсюда и его взгляд на историю как на историю спасения. Отсюда и его уважение к демократии как к условию реализации свободы человека.

8. ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХРИСТИАНИНА

■ Ещё одна составляющая наследия отца Александра — это призыв к социальной активности людей, особенно христиан, которая подразумевает и их личную ответственность за всё, что происходит в обществе. Если христианство — это сила, которая объёмлет все стороны жизни, то оно *«включает и социальную сферу. Отстаивая достоинство человека, оно не может быть равнодушным к социальной несправедливости»*.

В своём «Кредо» отец Александр подчёркивал, что *«борьба за утверждение Царства Божия должна вестись в средоточии жизни»*. Он призывал к активному участию человека в истории как богочеловеческом процессе. Он высоко ценил Андрея Дмитриевича Сахарова не только как ученого и общественного деятеля, но и как *праведника*. Ибо и сам он был и праведником, и общественным деятелем, главным было духовно-нравственное измерение жизни. Он обращался к сердцу человека.

9. ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ СПАСЕНИЯ

■ Отец Александр любил Церковь не просто как родной дом, но как инструмент спасения,

созданный самим Господом, и понимал, что когда речь идёт о Церкви, речь идёт о будущем мира. Эта любовь включала в себя заботу об авторитете Церкви. Именно поэтому он отвергал шовинизм, фанатизм, антисемитизм в православной среде, отталкивающие людей от Церкви. Именно поэтому он содействовал сближению церкви, призвал уважать иные модели христианства.

«Русскую идентичность», о которой так много говорят в последнем Всемирном русском народном соборе, зачастую интерпретируют как имеющую чисто этническое основание. Эту идентичность рассматривают как генетически обусловленную: *русский* — значит православный, *православный* — значит русский. Но это — нехристианская, это чисто расистская позиция.

10. НЕПРЕРЫВНЫЙ ДИАЛОГ С БОГОМ

■ Отец Александр не делил мир на верующих и неверующих, а жизнь — на религиозную и светскую. Он говорил: «Нет жизни “самой по себе”, которая была бы независима от веры». Поэтому его наследие — это отношение к жизни как к насквозь пронизанной Божественной любовью и Божественной заботой о человеке. В Боге — вся реальность, вне Бога — только небытие. Он завещал нам непрерывный диалог с Богом, равно как и стремление сочетать свою волю с волей Творца, чтобы в конечном счёте торжествовала богочеловеческая воля.

11. ЖИЗНЬ КАК НАВРСТВЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ

■ Отец Александр оставил нам и другое наследие — образец поведения, безупречную *нравственную* позицию, единственно оправданную для служителя христианской Церкви, Русской Православной Церкви. Если бы Церковь в нашей стране занимала именно такую позицию, климат в России — нравственный, политический, психологический, а в итоге и духовный — был бы совершенно иным. Но дело обстоит далеко не так, и потому многие думающие люди не идут в Церковь, а другие разочаровались в ней. Это лишь делает более актуальным призыв отца Александра к ответственности мирян за Церковь, за единство

Церкви. К ответственности, которая подразумевает ясно выраженную христианскую нравственную позицию.

Отец Александр сделал осознанный выбор, сознательно и активно участвовал в борьбе сил добра с силами зла. В его выборе тоже гармония — гармония воли, разума и чувства.

12. «ЧТОБЫ ДЕЛО ПРОДОЛЖАЛОСЬ...»

■ Дороже всего в наследии отца Александра — он сам, необычайная, неповторимая, интегральная личность. И не следует удивляться тому, что он по сей день вызывает споры, вражду и даже ненависть, ибо, как говорил о. Сергей Булгаков, «глаза ненависти зорки и внимательны». Новатор, выдающийся мыслитель, а тем более религиозный гений всегда вызывают сопротивление. Люди не готовы к восприятию их идей. Их примут потом, примут как нечто само собой разумеющееся и вполне очевидное. А кроме того, религиозный гений — явление духовное, божественное по своему происхождению, и он, естественно, вызывает ожесточённое сопротивление, сопротивление сил зла. Кстати, я помню, что, говоря о преподобном Серафиме Саровском, отец Александр всегда повторял: *он был гоним*. Для него это было весьма значимо. Это как знак каче-

ства, как свидетельство верности заветам Христа. *«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».*

Наследие отца Александра и он сам — наглядное пособие для нас: как жить верой, как следует жить, чтобы «всё вращалось вокруг единого стержня». Он жил, действовал и творил в условиях несвободы, а когда свобода пришла — был готов к ней. Он говорил: *«Сейчас я чувствую себя подобным стреле, которую долго держали на натянутой тетиве».* А ещё он утверждал — и не без основания: *«Я слишком хорошо понимаю, что служу только орудием, что всё успешное — от Бога. Но, пожалуй, нет для человека большей радости, чем быть инструментом в Его руках, соучастником Его замыслов».* Здесь — целомудренная скромность при ясном понимании своей миссии — быть инструментом в руках Господа.

Однажды он сказал: *«Что бы меня порадовало, если бы я умер и оттуда следил за происходящим? Только одно: чтобы дело мое продолжалось».*

Мы должны, если хотите, даже обязаны не только сохранить наследие отца Александра, но и по мере сил осмыслить его, развить, передать нашим потомкам. Чтобы дело его продолжалось. Сумеет ли мы это сделать? По силам ли это нам? Это уже зависит от нас и от благодати Божией. Если мы заслужим её. □ □

От редакции

Этот номер журнала мы с Е.Ю. Генцовой задумывали больше года назад и хотели в значительной мере связать его с именем и делами отца Александра Меня, которому в 2015 году выпал двойной юбилей — 80 лет со дня его рождения и 25 лет его мученической смерти.

Для Екатерины Юрьевны отец Александр, которого она знала с раннего детства, был не только учитель, духовник и исповедник, но и образец христианского служения людям, которое беспарочно, как крестьянский труд, но целостно и радостно, ибо требует человека всего, без остатка, но оно же, как возделанная пахня, отдаёт все, что он вложил от души своей многократно.

Сложилось, однако, так, что Мeneвский год стал последним в земной жизни Екатерины Юрьевны Генцовой, завершившейся после тяжелой болезни, которую она переносила с высочайшим достоинством.

Традиционная сентябрьская меневская конференция в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино проходила уже без физического присутствия Екатерины Юрьевны, но никак нельзя сказать, что без нее. Слушая и читая тексты об отце Александре Мене, мы лучше осознали феномен личности Екатерины Генцовой, с такой открытой радостью занимавшейся богоугодным делом улучшения, окультуривания человека.

В. Ярошенко

«НА ПИРЕ ПЛАТОНА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»

Нет, пастернаковская строка — не про-
воцирующая аналогия, а дружеский
спор двух писателей — пока не платоновское пир-
шество. Да и время их беседы еще не чума и не ко-
нец света. Участников ее рано принимать за пуш-
кинских лихачей: завтра сгинем, ныне же вдосталь
навеселимся на трапезе духа. Да если бы и были
у них основания для такого веселья, разве знали
о том пирующие по своим углам сотрапезники?
Застолье их выглядит странным, кто-то пришел
на него неволей. Один из друзей приглашает дру-
гого к столу, ломящемуся от угощений, а тот отво-
дит его руку в сторону и твердит свое: ледяной во-
ды мне дайте. И если бы сам он уподобил разговор
их пиршеству, то, не считаясь с хорошим тоном,
заговорил бы о своей тошноте. И о вежливости
позабыв, воскликнул: и ароматные ваши пития
отравлены. Впрочем, слова эти едва ли не произ-
несены в полный голос, почти в лицо устройте-
лю пира, но произнесены спокойно, нерезко, не-
оскорбительно. Однако именно этот страстный,
монотонный протест настраивает и всю книгу.

То, что вызывает благоговение одного, пред-
ставляется безысходным пленом другому. Там,
где европейское человечество веками училось
находить свои жизненные ориентиры, он «заблуд-
дился в сумрачном лесу». И чуть ли не кошмаром

видятся ему платоновские облака идей, одеде-
невшие водопады непреложных и ступенчатых
истин. С таким восприятием, понятно, не хочет
согласиться само взрастившее их культурное
наследие, отрядившее на это состязание одно-
го из самых чрезвычайных и полномочных сво-
их послов. Да и тот ниспровергатель основ тоже
не похож на варвара; для оспаривания культур-
ного своего наследия европейское человечество
нашло весьма искушенного оппонента.

— | —

Вячеслав Иванов и М.О. Гершензон: *Перепис-
ка из двух углов*. Никто эту *Переписку* не за-
думывал, она возникла случайно. Ольга Шор, био-
граф Вячеслава Иванова, рассказывает:

«Друзья В.И. выхлопотали для него разреше-
ние провести два месяца в одной из московских
здравниц “для работников науки и литературы”.
В те годы “буржуазные” особняки были обраще-
ны в санатории, где находили приют и отдых за-
мученные и переутомленные люди умственного
труда. В скромных, но по тогдашним понятиям
роскошных комнатах “здравниц” можно было
порою встретить наряду с обычными “работни-
ками” и изысканнейшую элиту русской духовной
жизни той поры» (О.Дешарт. *Введение к Первому
тому Сочинений Вячеслава Иванова*).

Они оказались соседями по комнате — Вячеслав Иванов и М.О.Гершензон. Шел 1920 год, на Москве третий год новой эры, но вот «здравницы для работников» уже существовали. Революция умела быть великодушной. Но, скорее всего, это Буревестник ее, утомившись «гордо реять» и звать бурю, принялся теперь хлопотать о разоренных ею гнездах «науки и литературы».

Вспоминая об этой встрече, Лев Шестов затем напишет:

«Они... стали переписываться после того, как много и долго прежде разговаривали и лишь когда убедились, что дальше разговаривать нельзя. Почему нельзя? Может быть, потому, почему у Достоевского не могли разговаривать меж собой Шатов и Кириллов: ведь большевистская здравница мало чем отличалась от того американского сарая, в котором жили герои “Бесов” (О Вечной Книге. Памяти М.О.Гершензона).

Но хоть далеко ей было, наверное, до нынешних курортов и былых домов творчества, все же понапрасну он так. Если бы новая власть и впредь отбирала для них «работников», не вдаваясь в свои определения того, какими надлежит быть науке и литературе, мышлению и поэзии, разуму и чувству, вере и воображению, не заставив их подчиниться новому канону, разом махнув рукой и на каноны и на здравницы, то какое же шествие предстояло бы русской культуре? Оно началось уже с первых подступов «религиозного ренессанса», с эпохи великих поисков и экспериментов десятых — двадцатых годов, оно было предвещено поразительным стечением талантов, чьи голоса вот-вот прорезались или уже звучали в полную силу. «О жертвы мысли безрассудной, вы уповали, может быть...»

Целой страницы бы не хватило, пожалуй, на перечисление только одних имен первого ранга: мыслителей, поэтов, художников разнообразных дарований, которые накатившей на них историей были убиты, уморены, перемолоты или выброшены вон. Речь идет не только о жертвах — узниках и мучениках и не только об изгнанниках, но и о тех, кому предстояло едва ли не худшее: принять насилие или соблазн «исторической необходимости» за веление собственного ума и сердца.

По словам Моммзена, которые часто вспоминал его ученик Иванов, «мировые события, идя на землю, отбрасывают вперед свои тени». Одна из этих теней легла, несомненно, и на эту *Переписку*. Мы хорошо видим ее из далека прошедших десятилетий. И потому можем взглянуть на этот спор в перспективе двойного опыта культуры: того, что был осмыслен его участниками, и того, что впоследствии был усвоен нами.

«Мэтр», «вождь», «Вячеслав Великолепный», «король невенчанный», прославленный и ославленный, предмет восхвалений и восторгов, но и мишень сплетен, сказок, нелепых инсинуаций — Вячеслав Иванов поражал, волновал, раздражал, «очаровывал» людей — этот наскоро собранный ворох давних слухов и впечатлений, вынесенный еще из «мирного времени», мы находим у самого благожелательного из его биографов — Ольги Дешарт.

«...единственное в своем роде сочетание и примирение славянофильства и западничества, язычества и христианства, философии и поэзии, филологии и музыки, архаики и публицистики» (Федор Степун).

А вот уже более развернутая оценка, взгляд, брошенный с иного расстояния, — Николая Бердяева:

«В России он был человеком самой утонченной культуры. Такого и на Западе не было. Ценила его главным образом культурная элита, для более широких кругов он был недоступен. Это не только блестящий писатель, но и блестящий *causeur*. Со всеми он мог говорить на тему их специальности. Его идеи по видимости менялись. Он был консерватором, мистическим анархистом, православным, оккультистом, патриотом, коммунистом и кончает свою жизнь в Риме католиком и довольно правым. Но в своих изменениях он всегда оставался самим собой. В жизни этого шармера было много игры. Приехав из-за границы, он привез с собой религию Диониса, о которой написал замечательную и очень ученую книгу. Он хотел не только примирить, но и почти отождествить Диониса и Христа. Вяч. Иванов, как и Мережковский, вносил много язычества в свое христианство, и это было характерно для ренессанса начала века. Поэзия его также

хотела быть дионисической, но в ней нет непосредственного стихийного дионисизма... Вяч. Иванов был человеком многосоставным и многоплановым, и он мог оборачиваться разными своими сторонами. Он был насыщен великими культурами прошлого, особенно греческой культурой, и жил их отражениями. Он частью проповедовал взгляды славянофильские, но такая гиперкультурность была не русской в нем чертой. В нем не было того искания правды, той простоты, которые пленяли в литературе XIX века. Но в русской культуре должны были быть явлены и образы утонченности и культурного многообразия. Вячеслав Иванов останется одним из самых замечательных людей начала века, человеком ренессансным по преимуществу» (*Русская идея*).

Заметим: здесь говорится об Иванове только начала века: оно еще переживет Бердяева, бывшего своего друга, соучастника многих изданий, председателя на знаменитых «средах» — симпозионах, собиравшихся на ивановской «башне», но не странно нам читать написанное им «был» и даже «был человеком». А меж тем за этим прошедшим временем, как и за нашим равнодушием к нему, — один из разрывов русской культуры. Живой и пишущий в Риме поэт Иванов для Бердяева из Кламара, для петербургско-парижской России, да и для *Русской Идеи* в тогдашнем ее, со роковых годов изданий, — «был».

Бердяевские характеристики точны, трезвы, давно выношенны, хотя многолетняя эмигрантская выдержка не всюду пошла им впрок; на ветру прошедших десятилетий они, по правде говоря, задубели и стали несколько жестковаты. Был ли Иванов действительно консерватором, мистическим анархистом, оккультистом или «довольно правым»? Всех этих клейменных слов чешуя как-то совершенно не идет и не прилипает к нему; идеи его меняли кожу, зацветали и отцветали; Вячеслав Иванов оставался самим собой.

Когда он пишет статью о *неприятии мира* (т.е. «мистическом анархизме»), он утверждает свое неприятие не только как «аскетическое» «Доколе?», но и как «жертвенное нисхождение духа в мир, жертвенно им приемлемый, дабы преображен был мир его любовными лобзанием и кротким лучом его таинственного «Да».

Когда после революции он служил в учреждениях (кормил семью и «был коммунистом»), а затем четыре года был профессором на кафедре классической филологии в Баку, он не переживал каких-либо мировоззренческих ломок и не издавал послушно-восторженных кличей, а словно бы пропустил зашпешившую вдруг историю мимо, ею оставаясь внутренне не задетым.

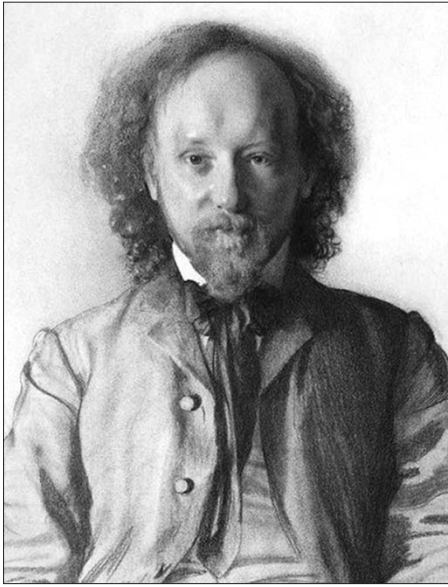
Он оказался в Баку в конечном счете не только потому, что там отыскалась для него кафедра, но и потому, что туда поманил и там открылся уголок его земли, его ивановской эйкумены... «Я люблю Баку, — писал он Брюсову, — с его генуэзскими очертаниями, с его иерусалимскими холмами, с его выжженными высотами и врезанными в камень колеями пригородных дорог, с его скорпионами, фалангами, змеями в расселинах камней и сухими благоухающими травами по темням скал». Брюсов звал его в Москву для совместной работы, но там в то время прокладывалась и пылила столбовая дорога истории, ну а в Баку было больше солнца.

Солнце же для Вячеслава Иванова было залогом всех его «да», всех разноречивых «приятий мира».

«Есть поэты от Да и поэты от Нет. В поэзии В.И. Да есть основной звук и первый двигатель. Недаром само имя его — Вячеслав — значит славословие» (О.Дешарт).

В «мистическом анархизме» его славословий одно сердечное Да не создавало в нем тотчас жесткого заслона из многих бескомпромиссных Нет, но зачастую протягивало руку другому Да, не менее ликующему и горячему, сколь бы двусмысленным и изменчивым ни казался этот союз славословий. Хотел ли он «отождествить религию Диониса и Христа»? — или же (очарованный Ницше и сын того «двоящегося» времени) слишком долго не мог разделить их? И поначалу даже нашел какое-то внутреннее примирение между ними — поэтическое и научное одновременно — в *Эллинской религии страдающего бога*.

«Дионис для эллинов — ипостась Сына, поскольку он «бог страдающий»? Для нас же, как символ известной сферы внутренних состояний, Дионис прежде всего правое как, а не некое что или некоторый кто, — тот круг вну-

Вячеслав Иванов (1866–1949) — поэт, символист, мистик
Источник: <http://www.newtimes.ru/articles/detail/82984/#bcq=5AUJCDp>

треннего опыта, где равно встречаются разно верующие и разно учительствующие из тех, кто пророчествовали о Мировой Душе» (*Две стихии в современном символизме*).

Тем и характерен Иванов — слитостью и множественностью своих Да. В этом один из истоков его поэзии, но и искус эпохи, весенней и будоражащей. Через хмель ее прошли, так и не переварив его до конца, и Розанов, и Мережковский, и даже Бердяев. У Иванова же и сама добротность и «нагруженность» его познаний, и несколько наигранная утонченность, поражавшие современников, настоены на каком-то хмелю, его культуру как будто слегка качает. И если, как говорит Бердяев, «такого и на Западе не было», это значит, что едва ли там, где хмель и трезвости положены строгие границы, умели так тесно соединять познания с верованиями, так безоглядно бросать их на весы интимнейших убеждений, так органически претворять их в поэзию. Там давно уж, вероятно, не рождалось тех великолепных ученых-поэтов, чья ученость была столь поэтической, что порой уже не хотела и не могла отделиться от изучаемого ею мифа. Какому еще из исследователей дионисийства, будь то сам Ницше, придет

на ум всерьез повести хоровод, украсив венком лысеющую голову?

Здесь вспоминается еще один отзыв, может быть, и неверный, соблазнительный, но слишком живописный, чтобы им пренебречь, — Андрея Белого:

«...золоторунная, изумрудноглазая его голова с белольняной бородкой, которую он отпустил, наклоняясь лоснящейся красной лобинной с загнутым носом, ронявшим пенснэ к дамским ручкам, с пугавшей свирепую вежливостью, обрывавшей сборки спотыком о юбку, опускалась перед старцами, впавшими в детство, политиканами-мастодонтами, юными девочками, перед пупсами, перед багровой матроной, пред светскою львицей; стадами поэты стекались к доброму пастырю, чаровнику, даже уши дерущими так, что, казалось, щекочет под ухом» (*Начало века*).

Читатель поймет: танец пера сам себе здесь главный закон, и живописность корыстна в погоне за словом, и внутренний ритм правит смыслом, владеет и водит памятью, но вот одно из признаков неожиданно открывает нам того Вячеслава Иванова, которого мы встречаем как раз в «Переписке»:

«...совсем перестал я бояться медовости кажущейся лишь “иезуитической” тонкости: до “чересчур” эта тонкость рвалась; ригорист, фанатический схематизатор с нею таился в приеме: пробраться в чужое сознание, выволочить подоплеку, ее подтащить к себе, очаровать, полонить, покорить, сагитировать, в сложных идейных интригах на версту всем видных, с наивной лукавостью жизнь проводил..., все ведь интриги его бескорыстны...»

Бескорыстие следует поставить нам в центр; Иванов при всей своей сложности внутренне целен. При всем избыточном его артистизме не чувствуется в нем припрятанного где-то расчета на впечатление, при всей языковой «котурности» не проступает в его стихах поэтичности сделанной, внешней. Всякий заметит: между его поэзией и прозой нет привычной твердой преграды, они близко соприкасаются в тематике и стиле, они как бы еще не разделились окончательно. Иной раз его стихи как будто хотят убедить, полонить мыслью, завлечь в тонкосплетенную

идейную интригу, но тут же он готов бескорыстно поделиться ею в ученой или философской статье, и мы видим: его убеждения и идеи суть те же пласты поэзии, прошедшие переплавку.

Издали Вячеслав Иванов видится, конечно, иным; рельефней выступает его связь с русской культурой, с ее темами и традицией, с ее характером и духовным строем. В нем была глубоко русская отзывчивость ко всякого рода иррациональным стихиям — стихиям времени, стихиям стиха и мысли, стихиям различных вер и даже стихиям земли. Его верования, как и порождаемые тексты, исходили от него волнами, посылаемыми «духом музыки», по-разному в нем звучавшей. И потому музыкальность — женственная музыкальность — его облика неотделима от его религиозности. Это соединение музыки и религии в некоем поэтическом центре называлось им привычно «мистикой».

Та «мистика», которая бродила в нем, то и дело прибывала его к островам различных «твердых» мировоззрений, а затем так же легко смывала с них в свой океан. И потому первичной оставалась в нем эта уступчивая покорность ее волнам, ее иррациональным, захватывающим ритмам. Наглядней всего эта черта проступала в поэтах (Блок и Белый), живших под властью лирических стихий, у Иванова же прежде всего — сознательно выбранная установка. Трудно сказать, что стояло у него в начале: экстагический порыв или решение следовать порыву. Но во всех порывах и решениях своих он неизменно оставался художником.

Это единственное призвание, которому он всегда следовал, от многого сохранило его; всю жизнь разговаривая на одних высоких приподнятых нотах, расхаживая запросто среди им возвыгнутых декораций, нигде не выглядел он нелепо, почти нигде не подводило его чувство меры, каденции, вкуса. И в многообразии вер никогда не нарушал он изначальной связующей верности. И когда вопрос ставился: или — или? он умел делать выбор между Дионисом и Христом. На склоне лет, уже будучи католиком (впрочем, не столь уж и правым, как думал Бердяев), он скажет о своей последней окончательной вере и настоящим выбором:

«Мое присоединение (к католической Церкви — *Авт.*) должно было стать безусловным ответом на вопрос, который Революция поставила нашей совести: «Ты с нами или с Богом?» И вот: если бы я не избрал партии Бога, то уж, конечно, не из-за тоски по прошлому отошел бы я от дровишней вселенской религии навыворот» (*Письмо к Шарлю де Босу*).

Таким мы встречаем Вячеслава Иванова и в *Переписке*; художником своего мировоззрения, мыслителем, но верным не умозрительной, а своей сердечной, лирической правде, артистом в деле убеждения, спорщиком-гипнотизером, легко меняющим приемы, и даже профессором, выговаривающим плохо поспевающему за его мыслью студенту. Здесь он отстаивает религиозное призвание культуры, то высокое и мистическое начало в ней, которому всегда служил и как ведомому и как «неведомому» богу. Однако в этом споре бессильным выглядит все его искусство, а доводы и славословие — тщетными. Его собеседник упрямо остается не затронутым ими. Не то чтобы он был к ним глух и невосприимчив; напротив, голос Иванова — отчасти и его собственный голос, голос его настоящего и прошлого.

— II —

Лет за десять до встречи *из двух углов* Вячеслав Иванов посвятил своему будущему корреспонденту стихотворение. Называлось оно притязательно: *Совесть*:

Когда отградных с вами встреч
В душе восстанавливаю повесть
И слышу, мнится, вашу речь, —
Меня допрашивает Совесть:

«Ты за день сделал ли, что мог?
Был добр и зряч? Правдив и целен?..»

Однако в те времена — в эпоху написания *Нежной Тайны* (начало десятых годов прошлого века) — Совесть, говорившая тогда устами М.О.Гершензона, устраивала ему не очень трудный экзамен; она допрашивала Иванова лишь о чистоте слога его поэзии. Такую Совесть легко было уговорить, скорее даже поставить на место

притворной сдачей и заявкой на поэтическую вольность:

А, впрочем, помолчу.

Кто — геометр; кому — быть зодчим...

Но не в пример зоилам прочим,

Все ж вам понравится — хочу.

И вот ныне этот давний, наверное, уже полузабытый разговор с совестью возник вновь. Оба собеседника говорят от ее имени. Но спор идет теперь не о слоге, но, собственно, о слове, что оно значит во внутреннем мире человека: бремя или богатое наследство, свое оно там, исконное там или навязанное и чужое? И на этот раз совесть (которую хочет переубедить Иванов) говорит устами и признаниями Гершензона. Она не произносит бесповоротного осуждения, не учиняет суда, но просто исповедуется в своей секретной и смертной усталости от засилья многих важных и омертвевших слов в душе. Она признается в тайной ностальгии по немоте. И вот интонация совести, столь ясно различаемая в *Переписке*, обусловила то, что книга сбылась. Хотя никто и не вышел в ней теперь победителем.

Историк русской общественной мысли, издатель ее классиков, крупный ученый, самобытный мыслитель, член множества редколлегий, исследователь многих архивов — какой памятью помянуть нам Михаила Осиповича Гершензона? Он был одним из тех, чьи усилия, часто остающиеся как бы на полях столбовых дорог, проложенных другими, делают возможным само существование культуры как осмысленной исторической памяти поколений, как традиции, как духовной школы или просто сплоченной семьи, хранящей и чтущей свою родословную. Призванием Гершензона было соединять разрозненное, возвращать из забвения. Как и Иванов, он был эрудитом и художником, но художником чужих жизней, чьих-то поисков, путей и судеб. Он мог бы показаться сторонним созерцателем культуры, если бы не то напряженно личное отношение к ней, то внутреннее родство с ее создателями, которое ему было свойственно. Андрей Белый изображает его несколько неожиданно;

рядом с умиротворенно светлым обликом гершензоновских книг из-под разбежавшегося пера словно вырастает древний прообраз кочевника, жоюанина, наследника меченосцев:

«Под очками хмурого, очень строгого лика, с напученными губами, обрамленными курчавой растительностью, — лика, внушавшего страх, когда он откидывался в спинку кресла, — под очками этого лика из глаз вырывались огни; под крахмальной грудью — кипели вулканы, в иные минуты казалось, что будет сейчас тарарах: где устои культуры? Где выдержка мудрости? Только огонь, ураган, землетрясение.

Ученейший культуртрегер явил мне не раз мощь в нем живших природных стихий...» (*Между двух революций*).

Здесь же встречаем и уловленный опыт восприятия работ Гершензона, вписанный памятью в «рамки эпохи»:

«...стоило перенести данные очерков в зрительное восприятие — вставляли полотна, которые были бы лучшими украшениями «Мира Искусства» — таковы исследования о Печерине, братьях Кривцовых, такова Грибоедовская Москва, идущая в паре с лучшими постановками Мейерхольда».

Но далее всех идет Андрей Белый — до глубинных душевных истоков им отмеченной зрительности. Зримость, жизненная пластичность фигур, представленных Гершензоном в его очерках, связана, на мой взгляд, с неким секретом его зрения, с тем особым взыскующим вниманием к чужой душевной жизни, которым это зрение направлялось. Хотя и здесь — даже не память, не впечатление, но слово Андрея Белого, которое у него так часто быстрее, догадливей мысли, что-то подсказывает:

«...но главного своего он не выразил в книгах: смутного лепетания над данностью мира — из темного переулка; лепетания напоминали древние руны...»

«У Гершензона отсутствовало чувство ответственности: он был бесконечно дарящим, даже не мыслью, но семенами мыслительности».

Мне думается, подлинную его жизнь сопровождала какая-то тоска. В отличие от стольких поэтов, он не мог найти уюта в своих экстазах,

не влюблялся в свои видения, боли и трепеты, он влюблялся в чужие. В противоположность Иванову, который, отдавая себя стихам, не ведал при этом какого-то стороннего, всматривающегося в себя «я», Гершензон, несмотря на столь личную привязанность к *образам прошлого*, никогда не мог слиться с ними, утратить какой-то сокровенный пафос дистанции. Он был участливо-вовлеченным, добро-завистливым зрителем чужих судеб; отсюда — зримость его биографий. Он искал вечных спутников, с которыми мог бы разделить жар и холод, прекрасные, горькие, невидимые миру порывы души. Вот обращается он к жизнеописанию Владимира Печерина, известного до сих пор лишь по краткой, как будто скользнувшей по нему главе в *Былом и думах*, вглядывается в его судьбу, ищет разгадать ее смысл: что заставило его, младшего современника Пушкина, романтического поэта и классического филолога (не духовного ли предка Вячеслава Иванова?) с проклятьем бежать из России, что сделало его католическим монахом?

В противоположность Вячеславу Иванову, бывшему — удивительно счастливое его свойство — в разных языках, разных странах, разных мировоззрениях — как-то легко и интимно дома и у себя, никакого вкуса к ностальгии не имевшему, Гершензон кажется даже внутри себя как бы бездомным. И приглядывается к таким же: рядом с «мятущимся» Печериним словно «застывший» Чаадаев — что было ключом его жизни, мысли, учения? Почти десять лет он собирает его письма и рукописи, прелая свою тягу к человеку в самую добросовестную исследовательскую работу. И вот результат — и по сей день лучшая книга о Чаадаеве, лучшее на то время собрание его сочинений. От этих патентованных «ненавистников» России Гершензон без всяких скачков и изломов (ибо не в мировоззрениях было дело) обращается ко влюбленным в нее славянофилам, к их смятенности и устроенности, к теплу их веры и прочности родовых гнезд. Однако устроенность как будто отталкивает его; скорее его тянет к тем, кто почему-то не успел досказать своего слова, выполнить своей жизненной задачи — словно он хочет досказать и помочь. Поэтому в его галерее славянофилов рядом с братьями

Киреевскими (Иваном, так и не довершившим свою философию; Петром, так и не успевшим собрать русских песен) не хватает Хомякова, знаменосца движения, вполне успевшего, в глазах Гершензона, слишком твердо стоявшего на ногах (в этом он, пожалуй, ошибался). И на месте Хомякова, как кто-то заметил, странная пауза в его *Исторических записках*.

Особой радостью было для него восстановление утраченного, приобщение к безвестному и потерянному, когда речь шла о личности, казавшейся близкой:

«Мы знали бы о И.П.Галахове очень немного, если бы не уцелела пачка писем на французском языке к женщине, которую он любил. В этих письмах сказала такая полнота жизни, так ярко отразился в них дух времени, что они дают возможность заглянуть не только в душу писавшего их, но и вообще в душу “человека сороковых годов” (*История Молодой России*).

Так начинается одно из его паломничеств в чужую судьбу, происходит еще одна встреча, за которой следует возвращение к себе, к неутоленной потребности в людях и в духовном очаге, разыскиваемом всегда на чужой земле.

Видимо, в последнее десятилетие своей жизни М.О.Гершензон стал задумываться о внутреннем движущем смысле всех этих *странствований по душам*. Этот смысл следует искать лишь в том, что выше и глубже душ человеческих и вместе с тем от них неотъемлемо. В одной из последних своих книг — *Ключ веры*, вышедшей через год после *Переписки с Ивановым*, Гершензон по логике своего пути, но внешне, может быть, неожиданно, обращается к Библии, к Завету своих предков, своих корней.

«Кто хочет понять человека и себя самого, должен бросить лот в самую глубокую идею, какую создал человеческий ум, — в идею Бога. Она паразитерна в целом, как предвосхищение единой мирообъемлющей истины, еще и теперь смутно брезжущей перед нами; трудно понять, какой опыт открывал полудиким людям тайну вещей, казалось бы, вовсе недоступных чувственному познанию» (*Ключ веры*).

«Идея Бога» в Библии, может быть, последняя из его дорог на духовную родину, куда,

как мы знаем из его признания в *Переписке*, ему не удалось вернуться. Закономерно и трагично: он исследует «идею Бога», невольно повинувшись тем навыкам мышления и тому культурному достоянию, на которые в нашей книге так последовательно восстает, от коих с такой ноющей живой болью хочет избавиться. Он находит эту идею в космически правильной, методологически упорядоченной человеческой жизни. Человек раздражается между потребностью в свободе и жадной благоденствия, «благоденствие дается ему только за отказ от свободы», он мечется между тем и другим, упиваясь то свободой, то благами земными, которые посылаются ему только за рабское, рассудочное послушание. «Мудрость опыта учит его уступать понемногу, то в одном, то в другом; он не в силах отказаться ни от одного из своих желаний — остается примирить их, согласовать в количестве... Трудная и тонкая работа жизни!» (*Ключ веры*).

Подберем к этому «ключ» Ницше: «Перенеси эти слова, — советовал он, — в душу человека, написавшего их».

Книги о вере, написанные людьми, желающими действительно понять ее, и не вовлеченные в размышления о Боге особой профессией или особым призванием, иногда сохраняют в себе какую-то неожиданную свежесть настоящего поиска. Человек, обращенный к Богу, даже если он не принадлежит ни к одной из Церквей, уже в меру своего обращения — свидетель.

Конечно, никакой действительно верующей веры мы не отомкнем гершензоновским «ключом». Даже если примем «идею Бога» в качестве «образа мира, познанного как единство действующих в мире сил», или «закономерной объективации человеческого духа». Даже если согласимся с нею как с «регулятивной идеей», исходящей из волящей субъективности нашего миропознания, по Канту и Шопенгауэру, о которых вспоминает Гершензон. Регулятивная, или иная «идея» Бога — не Бог Живой, Которого всякая вера знает абсолютно Иным и более Близким и нам, чем мы сами. Разве интуиция веры, которую мы так непосредственно чувствуем в авторе, помирится когда-нибудь с идеей методического урезывания человеческой свободы ради покорности космиче-

ским мировым силам, владеющим ключами благоденствия? Покорится ли она своему культурному дедуктивному методу, когда внутри себя знает, древним, родовым чутьем слышит: там, где Бог — кончается рабство, там — неслышанная свобода?

Окончательного возвращения не произошло и теперь. То, что для Иванова освоенная обетованная земля, для Гершензона — мираж над пустыней сорокалетних странствий. В «очарованном страннике» по душам, о котором должна сохраниться благодарная память у читающей и, стало быть, все той же, неизменной *Молодой России*, мы узнаем иудея, заблудившегося в диспоре среди европейских умозрений.

«Я живу подобно чужеземцу, освоившемуся в чужой стране...» (*Переписка...*)

— III —

«Друзья заняли каждый по углу в их общей комнате и, по старому обычаю, по целым дням что-то рассказывали и спорили. Сказал однажды сосед соседу: “Мы слишком много разговариваем и мешаем друг другу заниматься; давайте лучше обмениваться письмами”. “Отлично, — отозвался насельник противоположной стороны общего “квадрата”, — у нас получится “Переписка из двух углов”» (О.Дешарт).

Пришло ли им на память, что их *Переписка*, еще не возникнув, уже вписалась в традицию, оказалась в пространстве русских споров? Конечно, иначе название книги не явилось бы на лету. «Два угла» — геометрические символы общего духовного «квадрата», общего наследия неразрешимых вопросов, отгороженного и все же когда-то вольного жилища русских проблем, всемирных и угловатых, всплывающих заново чуть ли не в каждом поколении.

«Господа, — говорил Белинский, охрипнув под утро спора, — мы никак не можем расходиться, ведь еще не решили вопроса о Боге...» Не расходимся до сих пор.

У небольшой книжечки оказалась неожиданной счастливой судьба. По версии О.Дешарт, рукопись увидел С.М.Алянский и уговорил авторов издать ее в своем издательстве «Алконост», хотя она и без того писалась с расчетом на публикацию. По понятным причинам она не переиздава-

лась в России в советские годы, потом была переиздана несколько раз. В XX веке была переведена на ряд европейских языков, вызвав множество откликов.

Ее ожидали десятки переводов и переизданий.

«Чудесный, волнующий, радующий и болезненно пронзающий документ» (Е.Лундберг).

«В послевоенное десятилетие, — говорится в одном итальянском журнале, номер которого в 1933 году был целиком посвящен Вячеславу Иванову, — появились два кратких размышления о европейской культурной традиции, оба редкостно возвышенные, каждое со своим своеобразием и стилем; одно — “метаполитическое”, другое — религиозное...» (*La crise de l'Esprit Валери и Переписка между Ивановым и Гершензоном* — *Il Convengo*).

Немецкий историк культуры Эрнст Роберт Курциус в книге *Deutscher Geist in Gefahr* (которую нам не удалось раздобыть) назвал эту переписку «самым важным из всего сказанного о гуманизме после Ницше».

Кризис духа или, скорее, разума по Полю Валери — «в свободном сосуществовании во всех образованных умах самых несхожих идей, самых противоречивых принципов жизни и познания». Пусть так. Но вправе ли мы всерьез говорить о кризисе, не желая видеть или выбрасывая, как «нечистый метафизический продукт», именно то глубинное начало в человеке, которое только и дает жизнь нашему духу со всеми его принципами и идеями? Вне этого, не обнажаемого мыслью, питающего корня — который не наш, — кризис духа на рациональной плоскости легко становится комфортом разума, когда «любой мозг известной высоты служит перекрестком для всех видов мнений»; когда «что ни мыслитель, то всемирная выставка идей!» Допустим. Но разве слова и идеи, не высветленные изнутри, утратившие видимую связь со Словом, должны быть сообразными друг другу? Но уже Поль Валери как будто догадывается, что кризис духа, войдя в обиход, завершается интеллектуальным комфортом. Он изображает Гамлета (который есть символ европейского разума), сидящего на огромной террасе Эльсинора (который есть символ Европы) и размышляю-

Михаил Гершензон (1869–1925) — литературный критик, философ и публицист, составитель сборника «Веки»
 Источник: <http://www.newtimes.ru/articles/detail/82984/#bcq=5AUJCDp>

щего о жизни и смерти истин. Гамлет со скукой перебирает черепа: этот череп знаменит, «когда-то он был Леонардо» (который есть символ европейских изобретений). Вот другой череп — Лейбница, «грезившего о всеобщем мире. А вот тот — был Кантом (который есть символ критики познания)... «Kant qui genuit Hegel, qui genuit Marx, qui genuit...» (*La crise de l'Esprit*).

...помимо скучающего многоточия Маркс в каком-то смысле породил также известные события, которые как раз и могли бы — впрочем, неожиданно для самого Маркса, Гамлета и Валери — стать законным оправданием для той христианской фразы, с которой и начинается *Кризис духа*:

«Мы, цивилизации, знаем теперь, что мы смертны».

В *Переписке*, правда, нет этой тонкой риторики европейского ума, находящего рассудочное удовольствие в рассуждениях о своем кризисе. Но то, что Валери дано было сказать, Гершензону было дано пережить: смертность культуры, перегруженной истинами и знаниями, чьи духовные родники обезвожены.

Начало книги — по сути, за пределами ее текста. Вероятно, из-за жары, какая иногда бывает

летом в Москве, обоим писателям не работалось, и Гершензону, кто знает? — может быть впервые захотелось поделиться ощущением внутренней тяжести и духоты... И в ответ на его признания в Иванове пробуждается дифирамб, порыв к славословию... Начало его бесхитростно и смиренно.

«Знаю, дорогой друг мой и сосед по углу нашей общей комнаты, что вы усомнились в личном бессмертии и личном Боге. И не мне, казалось бы, отстаивать перед вами права личности на ее метафизическое призвание и возвеличение. Ибо, по истине, я не чувствую в себе самом ничего, могущего притязать на вечную жизнь» (*Письмо I*).

Начало ивановского письма — человек перед Богом: исповедание нищеты. Но от покаянной или показной нищеты разговор тотчас поворачивается к богатству, оно заключено в личности пишущего, обители Бога невидимого, создающего все то, что эта личность внутри себя порождает.

«Я знаю Его в себе, как темное рождающее лono, как то высшее, чем преодолевается самое лучшее и священнейшее во мне, как живой бытийственный принцип, более содержательный, чем я, и потому содержащий в ряду других моих сил и признаков, и признак личного сознания, мне присущий. Из Него я возник, и во мне Он пребывает» (*там же*).

Развитие и завершение *Первого письма* — Бог в человеке: исповедание богатства.

Иванов говорит о Боге, открывшемся через личность и память со всем культурным ее достоянием. И потому его слова, как бы они ни были точны, сочны и лично правдивы, остаются словами о содержании его религиозного «я». И потому то, что дано, обращается в то, как оно усвоено. Не сам Бог Откровения, перед которым всякое «я» умалается, но наше живое ощущение бытия, принцип, который рождается из этого ощущения, стихия, которая соединяется в нас с этим принципом, или «символ известной сферы внутренних состояний...»

В *Первом письме* Бог как бы сливается с душевной плотью культуры.

...Но для «другого угла» такой «бог во плоти» — словно камень вместо хлеба. Нет, собеседник Иванова не усомнился в личном бессмертии

и той реальности, которая заключена в личности, «но об этих вещах, мне кажется, не надо ни говорить, ни думать». «Заоблачное зодчество», — отвечает он, — праздное и безнадежное дело.

Тема Гершензона: в ответ на предложенное религиозное и культурное богатство, коим его владеец так щедро готов поделиться, — ностальгия о нищете.

«Какое бы счастье кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, как первый человек, нагим, легким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнаженные руки, помня из прошлого только одно — как было тяжело и душно в тех одеждах, и как легко без них» (*Письмо II*).

Это еще не спор, но перекресток исповеданий. Они еще не отделились от своего «рождающего лона», не обросли аргументацией, не заострились в полемике. Мы застаем их в состоянии «человеческого документа». И видим: письма из двух углов не доходят друг до друга. Между ними — барьер несообщаемости. Об этот барьер ударяются два религиозных опыта: символический, облачающий и разоблачающий, экзистенциальный. Впрочем, слово «религиозный» слишком аморфно, поверхностно и вторично; Гершензону хотелось бы смыть с себя и все «религиозное», чтобы выйти на берег к очищенному от религий и обрцов Богу — нагим.

Желание вырваться из культурных одежд, которые прилипли к душе, жажда воли и внутренней наготы на берегу реки, текущей из рая, — все это противоположно и пафосу и жизненному делу Вячеслава Иванова. Он всегда трудился над созданием того храма Памяти, который Гершензону представляется низким, сырым подвалом. Ивановский храм — это собор памяти поколений, в котором человеческая душа находит свое подлинное «я», ощущая свою к нему сопричастность. В последующих письмах он будет защищать или, если угодно, пропагандировать свое дело все более тонко, все более напористо и даровито. Это уже не просто дар слова, коим он наделен, но дар прожитой им жизни, который он хочет здесь отстоять и еще раз выразить.

«Я не зодчий систем, милый М.О., — отвечает он Гершензону, — но не принадлежу к тем запуганным, которые все изреченное мнят ложью. Я привык бродить в “лесу символов”, и мне понятен символизм в слове не менее, чем в поцелуе любви. Есть внутреннему опыту словесное знаменование, и он ищет его и без него тоскует, ибо от избытка сердца глаголят уста» (*Письмо III*).

— IV —

Задолго до *Переписки* Вячеслава Иванова повелось именовать декадентом, упадочником или символистом, что в то время означало, в общем, одно и то же. Для Иванова же это было нечто противоположное. «Будем, подобно Ницше, настороженно следить за собой, нет ли в нас ядов упадка, заразы “декадентства”».

Что такое *décadence*? Чувство тончайшей органической связи с монументальным преданием былой высокой культуры вместе с тягостно горделивым сознанием, что мы последние в ее ряду. Другими словами, омертвевшая память, утратившая свою инициативность, не приобщающая нас более к инициациям (посвящениям) “отцов” (*Письмо VII*).

Лукавая тонкость этого определения заключается в том, что декадентом оказывается именно тот, кто смеет называть Иванова декадентом. Здесь он ссылается на Льва Шестова, опубликовавшего в 1916 году статью *Вячеслав Великолепный*. (Как и все шестовское, эта статья не столько о «Великолепном», сколько о своем шестовском, но через него острым косым лучом из глубины внезапно извлекается то, что составляет секрет другого.) А разоблачаемый им секрет Иванова в том, что: «он, как истинный упадочник, готов верить в кого угодно и во что угодно, только ему было бы обеспечено, что первозданный хаос, как он говорит, не разорвет наложенных на него тысячелетних культурных цепей». Его идеи перестали питаться соками, идущими от жизни, и потому пожелтели, оделись «в багрец и золото». Дар Иванова — по Шестову — в том, чтобы выразить пышное увядание культуры — т.е. мировоззрений, идей, «словесных знаменований». Как будто их глубинные корни подрублены у самого основания, и потому так по-осеннему красочен за-

имствованный у Бодлера «лес символов»; над его красотой уже, как говорится, веет тленный дух.

Спор с Шестовым, да и с Гершензоном, идет по сути об этих уходящих в память веков корнях нашей культурной и религиозной памяти, связующих ее с жизнью или с Источником всякой жизни... Этот Источник питает нас, как он питал отцов наших, они живы в нас благодаря этой живой, связующей нас нити посвящений (здесь бы Иванову вспомнить о Федорове!), и будут жить в наших отдаленнейших потомках, ибо «ни одна йота новых когда-то писем, врезанных на скрижалях единого человеческого духа, не прейдет» (*Письмо VII*).

В том же письме Иванов не оставляет и Шестова без ответа: «Его надлежит предоставить его демону: пусть мертвые погребают своих мертвецов. Поверить ему значит допустить червоточину в собственном духе...» И далее с не свойственным ему немудрящим оптимизмом провозглашает: «будем верить в жизнь духа, в святость и посвящения, в незримых святых окрест нас, в бесчисленном слитном сонме подвизающихся душ, и бодро пойдем дальше, не озираясь и не оглядываясь, не меря пути...»

Но уже нечего было мерить, путь этот был на исходе. Путь русской культуры, которая одевалась «в багрец и золото» в сочинениях Вячеслава Иванова, была ведома и впитана им, едва ли не был тогда завершен. Правда была более жесткой: он был оборван и, может быть, осужден. Ему предстояли еще мирные, долгие годы жизни, и недаром последняя (лучшая) книга его стихов называется *Свет Вечерний*. Но это была уже частная судьба поэта Вячеслава Иванова, а не того «предводителя подвизающихся душ» в «монументальном предании культуры», которым он хотел себя ощущать.

Корни «в багрец и золото» одевавшейся культуры были подрублены; исторически Лев Шестов оказался неожиданно прав. Но пока оптимизм Иванова неподделен: «бодро пойдем дальше». Впереди же ему издавна представлялось примирение Поэта и Черни в «умном народном веселии», в соборном действе и большом мифотворческом искусстве. Ибо миф соединяет уединенное бряцание на лире с младенчески бурной Чернью,

и Поэт — орган самопознания ее древней души — становится, сойдя с башни, ее «жрецом и иерофонтом, пророком, магом, теургом».

Вся его предшествующая жизнь художника мысли в стихах или прозе была им задумана, чтобы служить прологом к этой грядущей соборности, вышедшей из свободной словесной игры. Мировая культура, казалось, нашептала Иванову на ухо все свои заветные, невысказанные доселе чаяния, и он с условной и первозданной, изысканной наивностью поверил их «веселой науке» своего творческого «веселия». Она, культура, словно призналась ему в своей тайной тяге к материнскому лону культа, и он указал на миф о Дионисе: в начале было «внутреннее состояние» или экстаз. Из экстаза родилось слово, из слова сказание... Из нашептываний мифов, из «сказаний» в поэзии и в прозе не родилось какой-нибудь «культурфилософии» в западном строгом смысле; его тексты должны быть внутренним событием читающего, его символы должны «восхитить» иную, реальнейшую реальность...

«В каждой точке пересечения символа, как луча нисходящего, со сферой сознания он является знаменем, смысл которого образно и полно раскрывается в соответствующем мифе» (*Две стихии в современном символизме*).

«Образ и подобие высших реальностей, впечатленные в символе, составляют его живую душу и движущую энергию; символ — не мертвый слепок этой реальности, но ее наполовину оживленный носитель и участник. Однако лишь наполовину жив он и хотел бы ожить до конца; с самою реальностью, им знаменуемой, хотел бы он целостно слиться. Символ — слово, становящееся плотью, но не могущее ею стать; если бы же стало, то было бы уже не символом, а самою феургической действительностью. И этот эрос символизма и действия свят; но дело, которого алчет символизм, не смертное и человеческое, но бессмертное и божественное дело» (*Мысли о символизме*).

С.С.Аверинцев, наверное, единственный, наследник Вячеслава Иванова, переплавивший и очистивший «дело» его в себе, напишет: «Символизм держался верой, что настоящая жизнь

символиста начинается с некой инициации...» (*Скворешниц вольных граждан...*).

Непосвященный, который станет доискиваться конкретных смыслов, последних ответов о «бессмертном и божественном», только запутается в изящном, чуть тяжеловатом кружеве фраз. Чтобы почувствовать или понять, нужно быть приобщенным к инициации. При пересечении со сферой познания всякий символ заявляет прежде всего о многоликости и музыкальности своих смыслов. Но это не музыка Блока (сквозящие в душе ритмы времени, вихри страсти), не музыка символистов французских (звонкий разбег стиха), в ивановских символах музыка должна выразить и явить собою нечто платонически вечное: «божественное всеединство последней реальности». Символизм алчет свести эту реальность с неба на землю, одеть ее «плотью» здешних смыслов, слов, красок, которые, собственно, и получают от этой истинной, неисчерпаемой реальности право быть символами. Из символов же «художник тклет драгоценное покрывало Душе Мира, как бы творя вторую природу, более духовную и прозрачную, чем многоцветный пеплос естества» (*Заветы символизма*).

Душа художника уходит корнями в миф, который ее питает, в Душу Мира (одно из имен для «реальнейшего»); но не есть ли эта «большая» душа только проекция человечески здешней души символиста? Не помещается ли само «реальнейшее» (одно из имен для мифа) в символической душе?

Но Иванов — мастер снимать неуместные вопросы и разговаривать с чернью с маленькой буквы — маловерами, критиками, скептиками и мотильщиками символизма:

«Символизм умер? — спрашивают современники. «Конечно, умер! — отвечают иные. Им лучше знать, умер ли для них символизм. Мы же, умершие, свидетельствуем, шепча на ухо пирующим на наших поминках, что смерти нет» (*Спорады*).

В «теургической действительности», которую созидает символический художник, нет ни сомнений, ни смерти. Бессмертие же, как читаем мы в *Переписке*, достигается преодолением всего обособившегося, «огненной смертью в духе».

А точнее сказать — в символе. Грандиозность поставленной задачи все же заставляет усомниться в ее серьезности. «Огненная смерть в духе», — отвечает Гершензон в последнем письме, — совершенно не нужна для культурной работы; кроме того, она такая же редкость, «как превращение блудниц в святых». Если бы ему пришлось разъяснить свою мысль, он мог бы добавить, что это всего лишь одна из культурных ценностей, рядом с ивановской «огненной смертью» трудно и погреться. Из нее еще могут рождаться только тексты, звенящие символическим многомыслием как сказочные (не скажу: бутафорские) кони, подкованные золотыми-серебряными подковами. Поэт мчится на них к вершинам, белеющим сразу же за оградой здешней действительности, и зовет за собой. Я же и с этой земли не в силах приподняться под гнетом навалившихся на меня вечных ценностей, как и символов, — откликается другой угол, — что мне до «огненной смерти».

Не так уж часто художник, жизненное дело которого — созидание новой реальности, дерзает на претворение в своих символах реальности запредельной. Не так уж часто мыслитель — не бесплотно и переносно — но так вольно, как «власть имеющий», посягает умозрениями на бессмертие. Однако такова предпосылка ивановского символизма в его звездный час — созидание новой реальности, прозреваемой им в глубине вещей, эстетическими средствами. Горнилом такого созидания служит для Иванова его мистика. В мистике совершается таинственно сладостное слияние души художника с облюбованным им «реальнейшим» или, может быть, с самой Душой Мира, освобожденной от всяких покрывал.

«Мистика, будучи сферой последней внутренней свободы, есть анархия» (*Идея неприятия мира*). «В ее волнах движется комочек «безусловно самоопределяющейся волевой монады, утверждающей свою независимость от всего, что не она, будь то воля Божества или мировая необходимость» (*там же*). Мистика — это замкнутый круг «восхищений» реальнейшего, священных безумств, вещей догадок, тяготений к «полюсам сверхличного», «последних “Да”, погребенных в последнем Молчании, и вращающихся вокруг собственного религиозного цен-

тра. Иванов любил повторять строку Леопарди: *E il naufragar m'è dolce in questo mare* («И сладостно тонуть мне в этом море»). Тонуть в иерархии благословений, восходящих к Богу, по мысли Иванова (*Письмо III*).

Бог, конечно, не водоем, чтобы в нем тонуть. Но на символических подступах к Нему Он посвоему отражается в играющих водах мистики. У раннего Иванова Бог предстает чем-то подобным идеальной объективации его «восхищений», крушений и взлетов. Когда художник вглядывается в Него с земли, он видит лишь Очень Большого и Очень Взыскательного Художника:

«...и суд Его, думается, будет взглядом мастера, обманутого в своих ожиданиях ленивым или нерадивым учеником. Кто скажет, что наши добро и зло — критерии божественной критики Художника? И не хочет ли Он только того, что мы назвали бы талантом? И всякий талант — не воспоминание ли о едином Мастере и Его искусстве?» (*Спорады*).

Так культура, подымаясь от праха к небу, строит и там свой замок. Снизу вверх: от человеческого мастерства — к единому Мастеру, от мистики и художества — к Праискусству. От восхождения — к богостроительству. От эстетической утопии — к символопоклонству.

Если бы Вячеслав Иванов был менее поэтом и более богословом, то выступил бы, наверное, с оригинальной «теологией культуры». Раньше Тиллиха и, вероятно, куда изысканней, он выразил бы его мысль о том, что «культура — это форма религии, а религия — это субстанция культуры». Но Иванов, как и подобает поэту, захотел воплотить то, о чем другой мог бы только рассказать. Он, не обещав, создал: религиозный миф о культуре, символическое сказание о ней.

— V —

Смена этого мифа рассеяны в строках и между строк *Переписки*. Здесь уже нет былой его, пышной поросли; что-то стало более строгим и ясным в самом Иванове. Но разговора, по сути, не получается; мы видим с одной стороны проповедь, с другой — аргументированный отказ эту проповедь слушать. Как проповедник Иванов обнаруживает нечто более, чем искус-

ство, и то, что он говорит, выношено им десятилетиями, осмыслено, взвешено и переговорено, должно быть, сотни раз. Мысль его стала сильнее и тверже без лепных украшений, а речь — менее прихотливой, но более подкупающей. Пахучие, чуть дурманящие цветы, оказывается, только мешали ей.

«Вы сирена, мой друг, — признает Гершензон, — ваше вчерашнее письмо обольстительно. Мне казалось — сама культура, олицетворившись, лукаво прельщает меня своим богатством и с любовью остерегает от разрыва с нею. Да, ее голос неотразим для меня: разве я не сын ее? Не блудный сын, как вы думаете, а, что тяжеле, сын блудной матери» (*Письмо VIII*).

Грех культуры наследствен, Гершензон ощущает его в глубине своего духа как нечто внешнее, привнесенное. Он не столько вооружается против него — ибо «всякий довод, поднимающий меч, от меча погибает», — сколько ищет слова, чтобы выразить свое подспудное, прятавшееся всю жизнь ощущение несвободы от тех знаний, умозрений и доводов, которые в нем теснятся и преследуют каждое движение души. Он хочет найти предшественников: «Мне мерещится, как Руссо, какое-то блаженное состояние — полной свободы и ненагруженности духа, райской беспечности» (*Письмо IV*), — и вот он выслушивает от Иванова безукоризненное рассуждение о грехе и об отравленности самых истоков духовно-душевной жизни. Речь Иванова права, но боль Гершензона здесь правее. Потому что Иванов великолепной речью хочет переубедить боль.

Оба говорят о грехе; Иванов даже зовет к принципиальному отречению от грехопадения культуры верой (*Письмо V*), но Гершензон твердит о нем тем невысказанным, для которого любые умозрительные слова (в том числе о грехе) должны находиться под запретом. Грех он исповедует болью совести или, как говорит Экклезиаст, «томлением духа». (Это образованная совесть рассудительна; примитивная же, древняя совесть почти безъязыка, она объясняется скорее мычанием.) И вот едва ли не мычанием, какой-то кручиной, которая не находит верных и точных слов, Гершензон доносит до нас гнетущую мысль своей совести. Возьмем на себя смелость пере-

вести эту мысль изречением любимого им Гераклита: «Многознание уму не научает». Не научает уму, не очищает сердца, не делает более свободным и зрячим в мире. И прежде всего не научает быть личностью, т.е. не соединяет человека с тем сокрытым в нем началом, с той тайной его самого, где только и хранится его подлинное, сотворенное для вечности «я». А что есть мировая культура, как не накопленное и навязанное нам знание? Гершензон жалуется не столько на ученость свою, сколько на внутреннюю тесноту своего «я», на его изношенность и закрытость. Многознание закрыло от него какую-то личную правду, которая была ему нужна, или волю, по которой он тосковал; в давке разного рода сведений заглохло то единственное, настоящее, плодоносящее знание, которое в нем пробивалось.

«Я отдал бы все знания и мысли, вычитанные мною из книг, — говорит он, — и в придачу еще те, что я сам сумел надстроить на них, за радость самому лично познать из опыта хоть одно первоначальное, простейшее знание, свежее как летнее утро» (*Письмо IV*).

Он не верит и в веру: «она делит участь всех его душевных состояний: она заражена рефлексией, искажена и бессильна» (*Письмо VI*). Над личной — «только моей» — верой клубятся отвлеченные ценности: «громады Богословия, Религии, Церкви» (*Письмо VIII*). Не верит, но хочет прямого — не опосредованного формулами, не искаженного чужой мыслью (и потому «не-мыслимого») ведения Бога, хочет быть один на один, с глазу на глаз, и тем самым неизбежно остается вне веры, с «религиозным чувством». Но оно столь живо, молодо, сильно, что оказывается в чем-то убедительней, теплой, «многознающей» веры Вячеслава Иванова, и тот это чувствует.

В признаниях своего корреспондента Иванов слышит свое, знакомое: соблазн отречения, беспомысленное бегство, интеллигентское опрощение. Он подозревает, что идеал Гершензона «есть инстинкт с его имманентной телеологией» (*Письмо IX*). Многознание отличается домовитым пристрастием к порядку; все должно лежать по местам в его большом ученом хозяйстве. Но за этим пристрастием — тот же инстинкт внутренней целесообразности: те доводы или те «символы серд-

ца», которые у Иванова служат для оправдания культуры — метафизическое достоинство личности, живая историческая память, смысл истории, «посвящения отцов» — все они также слагаются в созерцании некоего порядка идей, и если взглянуть на него издали как на единое целое, ему не откажешь ни в строгости, ни в красоте.

Культура предстанет этому взгляду в виде иерархического строя символов, соответствующих первореальности или пути к ее постижению, на котором все более ясным и творческим для Вячеслава Иванова становится «самосознание человека как «забытого и себя забывшего бога» (*Письмо XI*). Смысл культуры, как можно разгадать его по Иванову (именно смысл, а не видимое существование ее в произведениях искусства или философии) есть воплощение мысли Творца или самой божественной жизни в символе, способном — как верит художник — ее вместить и выразить. И потому настоящее творчество — в конечном счете всегда обращенное к Богу — понимается Ивановым как движение вглубь или скорее как «...духовное возрастание, лестница небесная, нагорный путь. Довольно выйти в дорогу, найти тропу, остальное приложится само собой» (*Письмо V*).

Тропа Вячеслава Иванова — то единственное «ознаменование», что ведет от зримого к подлинному, — подымается круто вверх. Образ или мотив этого движения постоянно мелькает в его письмах. «Весь смысл моих к вам речей есть утверждение вертикальной линии, могущей быть проведенной из любой точки, из любого «угла», лежащего в поверхности какой бы то ни было, молодой или дряхлой культуры» (*Письмо VII*).

«На каждом месте, — опять повторяю и свидетельствую, Вефиль и лестница Иакова...» (*Письмо XI*).

«Для вас культура — система тончайших приращений, — пишет он Гершензону уже в Третьем письме, — для меня же она — лестница Эроса и иерархия благоговений».

«Лестница Эроса». О ней в платоновском «Пире» Сократ приводит рассказ мудрой Диотимы. Эрот, сын Пороса и Пении, обитает где-то посередине между богами и людьми. Он — посредник между ними. Внушая людям любовь

к прекрасному, он ведет их от созерцания красоты чувственных вещей к созерцанию чистого и высшего блага. И тот, кто восходит к этому созерцанию, рождает и истинную добродетель, и ему достается удел богов — бессмертие.

Между тем имя Диотимы было для Вячеслава Иванова ознаменованием любви. Это было домашнее имя Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал. Затем оно унаследовано Верой, дочерью умершей Лидии, ставшей женой Вячеслава и внезапно скончавшейся в тридцать лет через несколько дней после выхода Иванова из здравницы.

— VI —

Если *Переписка из двух углов* не окаменела для нас, не стала одной из литературных реликвий, это случилось благодаря тому, что спор о культуре стал состязанием двух видов любви. У Иванова за его апологией и символикой — «иерархия благоговений», которую ощущаешь за всеми его ассоциациями и образами. Он благоговееет перед собранным до него и в нем отложившемся богатстве посвящений, в котором личное сливается с коллективным, соборным, запечатленным в иконах прошлого. Он живет в восхищенной памяти о культуре как на обетованной земле. «На каждом месте — опять повторяю и свидетельствую — Вефиль и лестница Иакова» (*Письмо XI*). Но лестница Иакова, упираясь в землю, подымается к небу, которое возвещает о себе через икону. Небо не принадлежит лишь художнику, находящему для него символы; оно пронизывает собой все творение. Культура становится подлинным посвящением — так я понимаю Иванова — когда прикасается к свету неба и удерживает его в себе.

Этот свет открывается любовью, которая находит его внутри и вне человека, как его начало и средоточие. «Любовью человек исполняет естественный закон, — говорит Гершензон, — ибо любовью “я” растворяется в “не-я” (*Тройственный образ совершенства*). В ее свете (пусть лишь едва мерцающем для наших глаз) — центр его личности и, стало быть, творчества. Иванов ощущает его в себе неким пришельцем, «светлым гостем» бессмертия. «Этот гость не даром посетил меня, — пишет он в самом начале *Переписки*, — и во мне «обитель сотворил». Цель его, думается

мне, одарить гостеприимца непонятным моему рассудку бессмертием. Моя личность бессмертна...», — потому — осмелимся мы добавить, — что двигательное начало, тайну ее составляет любовь как «инициация посвящений», накопленных памятью. Но Гершензон ощущает эту светлую тайну иначе — как недостижимую родину, огражденную со всех сторон чужими «знаниями» и «культурой». Ему все время хочется перебраться через эту ограду и вернуться на совсем другую обетованную землю, которую он смутно различает, но хорошо чувствует. Издали он почти видит ее долины, почти вдыхает ее запахи, он как бы уже касается, осязает ее — любовью. Удача этой книжицы в том, что мы готовы поверить и той и другой любви и следовать за обеими.

«Две любви создали два града», — приводит Вячеслав Иванов слова Блаженного Августина в эпиграфе к своей поэме *Человек*. Но два размышления о любви и создали два пути человека к самому себе. Один из них ведет к утопии здешнего града, построенного из символов, указующих на пока непонятное небо, другой движется к утопии духовного освобождения и раскрепощения, достигаемого ценой отказа или бегства от символов и «инициаций». Культура, содержание которой в этом споре неимоверно возрастает, едва ли не отождествляясь со всяким проявлением нашего разума и духа, в данном случае есть только внешняя тема спора; его суть, ядро — это обретение личности перед Богом. Культура есть только «поле битвы», где решается вопрос о том, как личное может вновь стать глубоко интимным в то же время восприниматься как всеобщее, но тем самым — и как Божие; ведь Богу принадлежит самое интимное и глубокое в человеке. И как человек во всяком своем проявлении — благодаря культуре или вопреки ей — может узнать, по словам обоих корреспондентов, подобно Марии, «заодно и Свое дитя, и Бога» (*Письма X, XI*).

Ответы Иванова и Гершензона различны, как различны жизненные пути их, но «обители», сотворенные в них «светлым гостем», пребывают где-то неподалеку друг от друга. Поэтому через душевное и аргументированное их несогласие пробивается нечто объединяющее их, то, в чем соприкасаются обе правды. Две любви,

когда они подлинны, могут встретиться и в раздоре. Истина о культуре и человеке едина, хотя имеет два лица или две души.

Тратить себя на «словесные знаменования» или отказываться от них, «как от вещей, полученных займы» (Пастернак), возводить строительные леса для храмов или уходить в пустыню...

Двойственностью этих решений отмечены уже сами корреспонденты. В те дни, когда Вячеслав Иванов жил в здравнице, рассказывает биограф, он начал цикл сонетов, весьма далеких по звучанию от дифирамбического тона его писем. *De profundis amavi* — как называется этот цикл по аналогии с началом 129-го Псалма — *Из глубины возвах*. В этих стихах рассказывается, как медленно спадает «сновиденье жизни, долгий морок», как любовь, отданная вначале «пожару дремучей плоти», пробуждается и прозревает себя в единственной и настоящей любви, которая дана человеку:

...Расточися, враг!

Воскресни Бог!.. Уже давно не дорог
Очам узор хитро заткавшей тьму.
Что ткач был я, в последний срок пойму;
Судье: «Ты прав» — скажу без оговорок...

Да и Гершензон в те времена не только не переставал быть членом ученых обществ, но и продолжал задумывать и писать статьи и книги; среди них *Ключ веры* и *Гольфстрем*, в которых хотел отыскать себя скорее в пути к истокам своей культуры, нежели в отречении от нее. Его отречение оставалось частным делом, мятежные и мрачные ноты души, поселенной в душевной здравнице, заглушались дневной текущей работой; сама резкость его слов объясняется тем, что в момент их рождения (но не записывания) они предназначались не для посторонних ушей, но лишь для одного давнего, понимающего друга.

«Наша речь и слово словно затканы паутиной...»; «Я все время говорю о соблазнах в духе, о яде в крови, которая есть сама жизнь; я говорю именно о самом ценном, что добыто в тысячелетнем существенном опыте.., я говорю, что этот живой источник духовного бытия отравлен и уже не животворит...» (*Письмо VIII*).

Притвор Царства Небесного. Тяжесть внутренней преисподней. Два опыта культуры начинают свой спор в *Переписке*. Отзвук этого спора слышен и в нас.

— VII —

Не расслышим ли мы за этим спонтанным и, должно быть, впервые выговариваемым движением гершензоновской усталости от культуры одно из основных ощущений людей нашего времени? То, что писалось из двух углов, давно провозглашается на кровлях. Ощущение накопленных знаний, как отравленных колодцев, дегуманизация искусства, механизация душ, призрачность человеческого существования... «Властители мысли» единодушно вынесли общий диагноз: невозможность человека быть самим собой. Или *отчуждение*, выражаясь классическим языком. Если принять этот стершийся от долгого употребления термин, то в ответах Гершензона мы можем прочесть одно из самых ранних и достоверных первых ярких симптомов этой философской болезни.

Есть отчуждение по Гегелю, учившему о *несчастном*, т.е. раздвоенном сознании, заключающем в себе противоречие с самим собою. Есть отчуждение по Фейербаху, который считал, что человек отчуждает от себя свою реальную сущность, наделяя ее иллюзорным бытием в религии (которую в понимании Гершензона можно считать частью культуры). Ницше видит отчуждение в морали и прежде всего христианской. Хайдеггер, не столько разоблачитель, сколько художник отчуждения, описывает его как растворение человека в безликости некой стертой социальной усредненности. Марксисты Франкфуртской школы (других не стоит и касаться), связывая отчуждение с теорией товарного фетишизма, углублялись в разыскания о фетишизме идеологическом и культурном в качестве ложного сознания постиндустриального общества. Фрейд прямо указывает на культуру, вырастающую на отчуждении от непосредственных жизненных влечений и основанную на принуждении, объявляя ее таким образом необходимой, но лукавой укротительницей нашей подспудной, темной, рвущейся на волю «звериной» души. («И

печальна так и хороша детская звериная душа». *Мандельштам*). У Гершензона же на волю рвется душа младенческая, которая хочет встряхнуть свою «умную», усталую взрослость. В любом из этих «отчуждений» мы, если захотим, легко отыщем тот или иной ключ к гершензоновской тоске от культуры.

Но попробуем сойти с этих протоптанных троп, повернув к традиции библейского понимания отчуждения — отчуждения от Имени.

Читателя Библии, раскрывающего ее впервые, кажется, не может не поразить одна вещь. Тот, Кто называет Себя «Господом» и «Сущим», Кто так мощно и многообразно проявляет Себя в истории своего народа (Исход из Египта, дарование Закона, завоевание Земли обетованной и т.д.), требует для Себя только одного — веры и верности. Требует беспощадно: почти всякое уклонение наказывается незамедлительно и жестоко. Но если блага земные так щедро посылаются за покорность Закону, — как думал и Гершензон, а непокорность так явно и гневно карается, можно в таком случае колебаться? Израиль же — как «трость, ветром колеблемая». Зачем же ему все эти золотые тельцы, все эти капища Ваала, если за них больно били и отцов, и дедов, и прадедов? Зачем? Вероятно, Ваалы и тельцы по своему удовлетворяли какой-то с недавней людей религиозной или по-нашему культурной потребности, которую едва можно было сдержать всеми громами, язвами и нашествиями иноплемеников. Идолы вообще больше соответствовали естественной религиозности, которую люди спешили насытить, как только оставались без видимого присмотра. Они больше «устраивали» языческую душу, в чем-то были ощутимей и понятней, чем тот Неосязаемый и Обитающий во мгле, перед Кем даже шестикрылые серафимы закрывали очи. Однако существовала какая-то неоспоримая связь между этим нераскрытым, полным неистовой мощи Именем и всем народом-богоизбранником, как и всякой его частицей. Разрушение этой связи прелюбодейкой-женой, образ которой так часто принимал на себя Израиль, влекло за собой внезапное перерождение безумия любви в неистовство ярости.

Имя Божие охранялось рядом заповедей («не делай себе кумира и никакого изображения...», «не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно...»), а также цепью ритуальных запретов, и все же сохранить его было невероятно трудно. Сама буква Закона могла вытеснить Бога и сделаться идолом. Идол требовал беспамятства. «Се, оставляется дом ваш пуст».

Когда в Первосвященнической молитве Христос произносит слова «Я открыл Имя Твое человекам...» (Ин. 17, 6), это означает, что святая святых присутствия Божия распаивается миру. Откровение или раскрытие Имени утверждает новый статус человека: в глубине своего «я» он может прочитать ставшее предельно близким ему божественное «Ты». И отныне сопряженность с Именем — одного или многих — оживает и обновляется. Имя словно выходит из-под спуда, сбрасывает покровы. Человек осознает свое неслыханное призвание — быть носителем и сосудом этого Имени, быть живым изображением его святости, его таинством, словом.

О том же учил Вячеслав Иванов в своей поэме *Человек* (хоть и странно сказать «учил в поэме», но Иванов действительно «пел» как «учил», излагая затем учение в поэтических размышлениях): человек познает свое «аз есмь» либо как сын — в обращении к «Ты еси», либо как мятежная тварь: «я есмь весь в себе и для себя». Человек подлинный — человек любящий, поднявшийся по ступеням любви к своему другому, к «Ты еси». Так писал Иванов в статье *Лик и личины России*, служащей теоретическим осмыслением поэмы и одновременно введением к исследованию о Достоевском. (Три тесно переплетающихся побега, выросших из одного корня.) Пробравшись через хитросплетенную вязь своих стихов и теологумен, он завершает статью простым исповеданием веры: «В наши дни с особенною проникновенностью звучат, повторенные могильным отзвуком тяжкого ряда веков, старые, а в устах Достоевского так дивно юные, слова о Христе: “во всей вселенной нет Имени, кроме Его, которым можно спастись”».

Отчуждение от спасительного Имени, скрытого в человеке, есть начало замыкания человека в вымышленном или сфабрикованном им мире.

(По Иванову: «искуситель исчез, себя же почувствовал человек висящим в пустоте содержимого им мыслимого мира».) Но гершензоновское рабство у культуры — не то же самое? Разве мир остывших, окаменевших ценностей не ограждает со всех сторон источник живого, внутреннего тепла? Отчуждение началось не вчера, но чуткая или нервная современная мысль ощущает его тоньше, острее. И свидетельствует о нем по своему. Но всего настоятельней заявляет она о безымянности, анонимности, неподлинности окружающего его мира (в том числе и «мира идей»), когда дом ее оставляется пуст, и возмездие стоит у порога, когда распадается «связь времен», традиций и верований.

«Гигантская система современной культуры, — писал Гершензон в своей пророческой и забытой книге *Тройственный образ совершенства* (1918), — всецело движется на двойственном отвлечении. Отвлечение — специальный метод культуры, другого орудия она не имеет, совершенствуя искусство отвлечения, культура развивается».

Отречение от культуры в *Переписке* — одно из таких свидетельств. Оно тем более подлинно, что не претендует ни на какую особую трактовку, не берется говорить за будущее, не надстраивает на своем отрицании новой и позитивной культуры. Свидетельство Гершензона тем более весомо, что доходит до самых глубоких корней отчуждения духа, до «самого ценного», что добыто в тысячелетнем опыте существования. Автор несколько не вменяет его себе в заслугу; напротив, его отказ от «общего культа» с Ивановым и со всеми культурными людьми только мешает его дневному служению «на культурном поприще». «Но в глубине сознания я живу иначе... Неумолчно звучит мне оттуда тайный голос: не то, не то! Какая-то другая воля во мне с тоскою отвращается от культуры... Ей скучно и не нужно все это, как борьба призраков, мятущихся в пустоте...» (*Письмо XII*).

Но за тем, что прямо говорится в этих письмах, стоит еще и другое. За ощущением чуждости и греховности культуры — неизбежность суда. Человек Библии, Гершензон слышит в себе и то приближение кары, что мучительно со-

зревает во всяком опыте идолослужения. Кары над чем? Над умозрениями и плодами творчества? Неужели суд должен разразиться не только над людьми с их грешными телами и душами, но и над созданиями их рук и изделиями духа, над самой «лестницей Эроса» с ее ступенями платоновских созерцаний?

Вместо ответов нам даны лишь догадки. Задолго до переписки с Ивановым М.О.Гершензон писал в веховской статье «*Творческое самосознание*» (чье «ивановское» именование уже говорит о некоторой ее иноприродности духу нынешних писем):

«Все мы, образованные, знаем так много божественной истины, что одной тысячной доли той, которую мы знаем, было бы достаточно, чтобы сделать каждого из нас святым. Но знать истину и жить по истине, как известно, разные вещи» (*Вехи*).

Не став святыми, мы, однако, научились носить на себе культурные костюмы святости: мораль, мировоззрение, религиозные ценности. Гершензон болезненно ощущал, как горяча «божественная истина» и как холодны ее застывшие в нас осколки и смутные отражения и мучался этой разницей температур. Вслед за *Перепиской*, где он жалуется на холод и окаменелость культуры, он пытается через ту подлинную реальность, которую носит в себе, отыскать путь к огню. В начале в *Ключе веры* — в «регулятивной идее Бога», затем в *Гольфстреме* — в огненном образе Бога. Упрекнув Иванова за «сыновнее почтение к истории», он в дневном творчестве своем еще более сыновен.

Глубина личности — глубина веков, совсем по-ивановски утверждает он. Там зародилось то вечное течение, которое пронизывает дух человечества и каждую отдельную душу. Эту струю энергии, полную разумности и мощи, лежащую в основе всех мыслимых и материальных вещей, ощущали все древнейшие народы и выразили это знание в своих религиях. Ее впервые описал Гераклит, назвав ее Логосом и Огнем.

Может быть, в другой книге, которую Гершензон не успел написать или опубликовать, он сумел бы рассказать и о своей надежде: раскаленная струя духа расплавит когда-нибудь наши

окаменелые знания и мировоззрения, вернет их в первоначальное газообразное состояние, из которого они выйдут потом — по-настоящему личностными и святыми.

В последней своей статье он писал: «Частичные омертвелости духа пока нужны человеку, как отдых и как ободряющее движение того покоя, но они — обман, потому что в них нет движения» (М.О.Гершензон. *Нагорная проповедь*).

В ту эпоху в России раздавались столь несхожие между собой голоса Александра Блока и Льва Шестова. Исподволь нарастающая тема у обоих — неминуемое крушение гуманизма и омертвление его культуры. Оба искали и находили для себя нечто высшее; один — «музыку революции», другой — вопль Иова и озарения пророков. И то и другое по-своему отозвалось в *Переписке*. Разумеется, не в детских рассуждениях о пролетариате, «всецело стоящем на почве духовной преемственности». Но через лирическую стихию Блока, философские битвы Шестова, признания Гершензона (столь далекие друг от друга) просачивался общий мотив обреченности — не только «старого мира», но и культурного его наследия, его ценностей, самой красоты его. «В смертный час я вспомню не об этом.., — признается в этом Гершензон, — в трудные, роковые минуты в жизни мне это не понадобится...».

И нам вдруг становятся понятны его слова о духоте, о бремени всех умственных достояний, близко и неожиданно затрагивают они нас...

«Не носите больше даров тщетных...» (Исайя, I, 13).

— VIII —

Смутное пророчество Гершензона — «как некогда жжение и зуд в плечах у амфибии, когда впервые зарождались крылья» (*Письмо VI*). «Современная культура есть результат ошибки.., человек нашего мира пошел ложным путем и забрел в безвыходную дебрь» (*Письмо X*). Мы можем строить множество догадок и умозрений об истоках и обстоятельствах этого пути. Но об одном из его этапов мы знаем на собственном опыте, и о нем невозможно не сказать. Ибо если приложить к этому грубому опыту наш возвышенный спор о культуре, то в нем Иванов ока-

жется по-своему прав против Гершензона, а Гершензон по-своему прав против Иванова.

Культура как система грубейших принуждений

То, о чем мечталось Иванову — соборное искусство, хоровое начало, мистерия-теургия, в которой Чернь примиряется с Поэтом, а Поэт с Чернью в приобщении к единой сверхреальной реальности, — все это время от времени случается в русской истории. Это произошло уже при жизни авторов *Переписки* — тотальное отчуждение человеческих ценностей и помыслов. Сразу же оговорюсь: если оставить в стороне предзнаменования или неясные «тени будущего», никакого отношения ко всем этим превращениям не будут иметь — ни чаяния одного, ни тоска другого.

Говорить о культуре в наш век, начисто позабыв о том, как он распоряжался культурой, значит предаваться умозрительной и непозволительной роскоши.

Гершензон словно предчувствовал: «из системы тончайших принуждений» культура может стать системой принуждений грубейших. Конечно, систему грубейших принуждений мы как-то не привыкли связывать с культурой. Последняя чаще всего представляется нам в ивановских терминах: лестницей в высоту. Недопустимо скандальным представляется нам превращение культуры в орудие политическое. Но и то и другое заполняет вместилища нашего духа, занимает соседние этажи души. Да и платоновская лестница может одеревенеть, «иерархия благоговений» — стать государственным культом с человеческими жертвами. Так совсем не по-ивановски и не по-гершензоновски культура может вернуться к своему культовому истоку.

Поэт уже не возвышает душу Черни своими дифирамбами, напротив, Чернь приручает Поэта. Стихосложение служит переложению большого коллективного Мифа. Мифа, слившегося с населением его исповедующим.

Идеология вовсе не обязательно вдевается душу, как кольцо в ноздри Левиафана, она способна окольцевать и стреножить и весьма тонкие, почти неуловимые вещи. Чтобы сделать человека чужим самому себе, она отнюдь не всегда раство-

ряет его в толпе. В своем споре с Ивановым психологически Гершензон подстерег и выследил ее у самых корней:

«Как бороться против тех ядов культуры, которые вошли в кровь и отравили самые истоки духовной жизни? — не риторически спрашивает он у самого себя. — Есть паутинные сети умозрений, из стальной паутины, сотканной вековым опытом: они пленяют ум неощутимо и верно; есть торные пути сознания, куда незаметно вовлекается лень; есть рутина мышления и рутина совести, есть рутина восприятий, трафареты чувств и бесчисленные клише речений. Они подстерегают самое зачатие духовных зародышей, тотчас обволакивают их и как бы в любовных объятиях увлекают на избитые пути. Наконец, есть несметные полчища знаний, страшные своей многочисленностью и непреклонностью; они наводняют ум и располагаются в нем по праву объективной истины...» (*Письмо VIII*).

Эти слова ложатся как эпитафия к прошедшей эпохе. Все сбылось.

Но тот, кто говорит о внутренней своей неволе и смотрит на нее со стороны, остается еще на свободной земле. Идеология эту землю забирает себе; она отдает ее в пользование коллективному хозяину, который поселяется в нас и вместо нас мыслит, чувствует, даже испытывает муки совести. Все, что мы привыкли считать неотъемлемым и своим, может быть им захвачено, а нами отдано добровольно, если не с радостью. Ибо легче быть не собой; быть собой — значит находиться в страшной близости Бога, но — другим, укрывшимся в невидном и безопасном месте. Все же наше, находящееся в этой близости, — нравственный инстинкт, сокровенная жизнь духа — наделяется чужим и всеобщим смыслом, становится некой ценностью. «Мир почуял в ценности первородную силу, заложенную в нее творцом, и хочет использовать эту силу для своих нужд; его отношение к ней — корысть, а корысть всегда конкретна» (*Письмо VIII*).

В потемках души миф оплодотворяет и творческую память, и она рождает ему детей: не только песни и лозунги, но и признания в любви к новой соборности, коллективности, системе, ценности, вождю и невесте.

Отчуждение (или отвлечение — по слову Гершензона), которое исподволь накапливалось в культуре Мыслителей и Поэтов, вдруг взрывается в массовом сознании Вождей и Черни. Все, что в этом сознании было выращено и взлелеяно культурой, становится только сырьем, материалом, глиной, из которой лепится идеологический колосс.

Прежде всего он овладевает теми ценностями, которые пошли на его изготовление, и прибирает к рукам их создателей. Он бросается на культуру и топчет ее или же дрессирует, хватая ее за горло или же торгуется с ней, но при этом, апеллируя к ее культурному разуму, к ее традиционной, религиозной или гуманной морали, он вынужден, пародируя ее, копировать. Ибо как-никак он выношен культурой или «культурным инстинктом», и ей, в отличие от беспамятной идеологии, не следует забывать об этом.

Если принять идеологию за конфигурацию корыстных ценностей, то именно тот, кто создает ее (в собирательном смысле), и становится первой ее добычей. Она порождает свой вымышленный «ценностный» мир и помещает в него человека. Устраивается ли человек «с Богом» или «без Бога» (по слову Достоевского), в «системе ценностей» он так или иначе замыкается от Него в кругу своих замыслов, конструкций и переживаний. Потому что Бог открыт нам и беспределен; Он не вмещается в идеологические «модели мира», но обитает на той далекой духовной родине, доступ куда бывает закрыт для нас «рутиной мышления» и «трафаретами чувств». И все же подлинная культура — и в этом прав Иванов — может стать лестницей Иакова и найти по ней дорогу домой. Она живет впитанным, отраженным светом этого дома, который есть «обитель Отца», и потому «культурному сознанию» или, если хотите, сердцу художника знакомо бывает ощущение чужбины. По-настоящему творческий дух иногда ощущает до странности чужими свои плоды.

Существует круговая порука отчуждений ума и духа, и «сети умозрений из стальной паутины», «рутина совести» и «трафареты чувств», бывает, материализуются на фабриках идеологии. Из них изготавливается тот порядок, который называется тотальной властью. Тотальная власть строится

не только на полиции, но и на традиции. Традиция опирается на согласие в системе ценностей.

Вчитываясь в письма Гершензона, пытаюсь его понять, я вспоминал часто повторяемые, давно разоблаченные и высмеянные за радикализм, но по-прежнему загадочные слова Теодора В. Адорно: «Всякая культура вместе с настойчивой критикой таковой после Освенцима — только прах» (*Negative Dialektik*).

Прах, по логике Адорно, потому что не могла ничего сделать, ничему помешать. Оказалась безделушкой. Однако она могла внести и свою весомую лепту. Культура, обернувшись идеологией, может выпить всего человека, заменив его изнутри ценностями-фетишами. Фетиш-оборотень живет своей собственной, полнокровной жизнью, ставит и решает большие национальные и исторические задачи. В XX столетии культура поняла то, что знала и раньше: она может быть и материализованным фетишем, корыстным захватом человеческого духа. В этом захвате душа, сознание, руки — только средства, цель же идеологии лежит вне ее. Сила, которая вызывает ее к жизни, не может быть ею осмыслена. Цель эта может быть понята только в культуре — культуре, осмыслившей опыт своего отчуждения, вырвавшейся на свободу, чтобы искать пути на родину.

Смысл культуры теперь, после пережитого ею опыта извращения и автопародии, — не в творчестве как таковом, но в опыте самопознания. Самопознание открывает нашу двойственность, трагизм ценностей, взрывчатость смыслов. Оно приводит иногда к тому истоку, в котором проявляется «рождающее лоно» культуры в Слове и Имени, к тому благословию, которое было дано некогда Адаму — давать вещам их доподлинные имена. Однако благословие культуры и всяческого человеческого созидания не должно отрываться от памяти о возможном проклятье, всегда подстерегающем их, о грехе, вздымающемся из человеческих низин и отвердевающим в отчужденных «идеологических продуктах».

Переписка из двух углов удивительна тем, что утверждает правоту обоих корреспондентов: изначальность благословения и возможность проклятья. Она передает нам духовный и чело-

веческий экзистенциальный опыт того и другого. Надежда на благословение не покинет нас, коль скоро не оставит нас «память смертная» — память о грозящем омертвлении культуры.

Омертвление всегда начинается с глубины. Но там же происходит и воскрешение. Пока мы ощущаем тяжесть и грузность культуры, нам дано будет ощутить легкость ее и святость. Хуже всего бывает тогда, когда ощущение тяжести забирается от нас — вместе с душой.

«Где опасность, однако, там и спасенье», — говорит любимый Ивановым Гельдерлин.

— IX —

Книга, по сути, не завершена. Читатель неохотно расстается с ней, хотя все аргументы споривших высказаны не по одному разу. Но нас не покидает ощущение, этот спор продолжается, что самим его участникам, как и потомкам их, еще предстоит в нем участвовать. Сама *Перениска* — лишь перекресток двух разных путей.

Для Гершензона это был момент лично им выношенной и долго скрываемой истины, которое вдруг вылилось в аскетическое отвержение культуры («в смертный час я вспомню не об этом...»). Если бы ему были отпущены полные годы жизни (он умер в 1925 году, не дожив до 56-ти), то, может быть, поверх умозрений, чужих и своих, он переступил бы порог Евангелия. Как некогда Нафанаил, тот самый «израильтянин, в котором нет лукавства», он, отвергнув тяготившие его теории и предпосылки («из Назарета может ли быть что доброе?»), когда-нибудь должен был спросить у Христа: «почему Ты знаешь меня?» Весь строй его ищущей дом души, честность и пылкость мысли предвещали такую встречу. Именно в те годы, когда старая «ивановская» культура была смятена разъяренным идеологическим варварством, лик Божий открывался многим тогда как раз на руинах «иерархии благословений» — «в полях и в лесу, в пении птиц и в крестьянине, идущем за плугом, в глазах детей и порой в их словах, в божественно-доброй улыбке...» (*Письмо XII*). На той первозданной, только что сотворенной земле, по которой тосковал Гершензон, была своя «лестница Иакова», и ангелы восходили по ней к небу.

«И в культуре есть сокровенное движение, влекущее нас к первоистокам жизни», — вторил ему Иванов в предыдущем письме (*XI*).

Вяч. Иванову было дано продолжать свое осмысление культуры и после *Перениски*. В *Письме Шарлю дю Босу* (1930, Лигурия), в котором он объясняет свой переход в католичество, он говорит о своей вере, которая стала «утверждаться на развалинах моего языческого гуманизма». Нельзя сказать, что его переход был вызван изменой тому, чему он не был особенно верен с самого начала; то православие, из которого Иванов уходил, было слишком «символическим» и не слишком церковным. Для него обретение новой веры было углублением верующей памяти. Иванов пошел дальше вглубь тем путем, который был проложен его письмами: к культуре как к человеческому звучанию Логоса. «Всякая большая культура, — писал он десятилетие спустя, — поскольку она — эманация памяти, воплощает важное духовное событие, а воплощение такое является актом и аспектом откровения Слова в истории; вот почему всякая большая культура есть ничто иное, как многовидное выражение религиозной идеи, образующей ее зерно» (*Письмо Шарлю дю Босу*).

Для такого события — явления Слова в истории — Иванов находит словесную икону: «Все-ленский анамнезис во Христе — вот, значит, цель гуманистической христианской культуры, потому что такова историческая предпосылка осуществления всемирной соборности» (*Письмо Аллесандро Пеллегрини о "Docta Pietas"*, 1934, Павия).

Можно ли евангельское *Сие творите в Мое воспоминание* распространить на все, что добывается человеком из вод Слова, текущих, по словам Христа, в жизнь вечную? Если бы не Гершензон, легко было бы ответить: да. И все же, как говорит св. Иустин Философ, этим Словом осеменен весь род человеческий. Им, по догадке преп.Максима Исповедника, пронизана всякая тварная вещь. Слово звучит и в камне, и в бабочке, и в реке. Может быть, дело художника именно в этом и состоит, чтобы это Слово слышать, Его «вспоминать», придавать Ему тот образ, который был некогда вложен во все, что сотворено?

Бог сохраняет всё, — напишет Бродский к столетию Анны Ахматовой, взяв у нее один из ее эпиграфов (*Deus conservat omnia*):

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры остриё и усечённый волос
Бог сохраняет всё; особенно — слова
прощенья и любви, как собственный свой
голос.

Не есть ли эта сохранность в необъятном, непостижимом кладе Памяти Божией то, что Иванов подразумевал под *вселенским анамнезисом*? Бог сохраняет все, и человек ищет и находит частицы этого кладе. Он соприкасается со Словом, вступает в замысел Бога о твари, и Слово, через которое все приходит в мир, отдает, дарует себя нашим словам, интуициям, образам. Мы делаем их формой нашего опыта, вещей мира и «вещей души». «Есть внутреннему опыту словесное знаменование, и он ищет его, и без него тоскует, ибо от избытка сердца глаголет уста» (*Письмо III*). Но «культурные сокровища» незаметно берут в плен сердце, которое «глаголит» в культурных ценностях, ставших самодовлеющими. Всякое богатство — это внутренний плен, и пафос Гершензона — ностальгия по свободе, жажда общения с Богом без посредничества того, что создано человеком.

И потому этот спор ностальгии по *tabula rasa* и «полных житниц», библиотек, музеев, тезаурусов, пирамид, в сущности, нескончаем. И происходит он не только между двумя углами комнаты, но и между двумя углами глаголющей от избытка культуры души. «Критическая культура, — пишет Иванов в немецком докладе *О Русской идее*, — культура сынов Каиновых, ковщиков металла и изобретателей мусикийских орудий. В ней прорастают ростки зависти и ревности, возмущения духа и братоубийства».

Критическую культуру он в ту пору противопоставлял органической.

И все же всякий спор — всегда какая-то неправота. Истина окружена радостным безмолвием. Не спорит ли здесь мир воображения с усталостью «плоти и крови»? Или — прельщение интеллекта с обольщением подавленной им языческой души? И не завершается ли этот вечное прение дня и ночи в истории европейского гуманизма жестокими конвульсиями, а затем долгим-долгим твердым порядком? Оба начала сбрасывают свои благородные и культурные обличья и предстают в примитивном виде. С одной стороны, напористый, хамоватый, плохо грамотный рационализм, с другой — «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». И пока на просвещенном верхнем этаже маститый вождь русского символизма патетически убеждает замечательного историка русской культуры, подспудные силы как-то находят и познают друг друга и сплетаются воедино.

Бердяев говорил, что в то время, когда «внизу» клокотала Первая русская революция, «наверху», на ивановской башне, велись утонченные прения о символизме. И не было никаких связей между «башней» и «улицей». Но этот разрыв между ними, тени будущего падают и на улицы, и на башни, хотя сверху их иногда труднее заметить. Даже тогда, когда они начинают материализовываться.

Пока теурги ставили свои драмы и на воображаемых подмостках братались с Чернью, история следовала своей — «культурной» и осознанной — необходимой дорогой. Еще не стал музеем Освенцим, уже плел — на десятилетия! — холодную паутину ГУЛАГ, — земные, весомые плоды отвлеченного и превращенного духа, о чем, не ведая, вели спор два возвышенных мыслителя, встретившиеся случайно в здравнице.

Но Бог сохраняет всё и дает нам что-то припомнить.

1975, 1986, 2014.

© Текст: Владимир Зелинский

Др. Элизабет РОБСОН*

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ и Би-Би-Си

Эту статью передала в редакцию «Вестника Европы» Е.Ю. Гениева, которая очень близко знала и высоко ценила служение и личность митрополита Антония Сурожского и многое сделала для его памяти. Элизабет Робсон на протяжении ряда лет общалась с Е.Ю. Гениевой, в Лондоне и в Москве, по делам Библиотеки иностранной литературы и вообще по многочисленным аспектам культурных связей Британии и России. Что же касается проповедей Митрополита Антония, многие из них благодарные российские слушатели сохранили, они изданы в нашей стране. Прежде всего это опубликованный по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II фундаментальный том «Антоний, митрополит Сурожский. Труды. М.: Практика, 2002. В предисловии к этой книге тогдашний епископ Керченский Иларион (Алфеев) писал: «Он является человеком, испытавшим себя годами подвижнического труда, проводящим жизнь в созерцании и потому имеющим право философствовать о Боге.

Его богословие — точное и адекватное, и вместе с тем современное и актуальное выражение веры апостольской, веры отеческой, веры православной».

Это материал об очень важной стороне деятельности митрополита Антония, а именно — о его выступлениях по радио как способа донести свои проповеди до возможно большего числа людей. Ему, тогда еще простому священнику, радио позволило, помимо своих прихожан, обращаться ко всем британцам и зарекомендовать себя харизматичным оратором, стать видной фигурой в межцерковных дискуссиях. Он открыто, с воодушевлением обсуждал фундаментальные вопросы веры. Радио позволило ему также обращаться напрямую к членам Русской Православной Церкви и слушателям в СССР.

Предлагаемая статья имеет целью дать представление об истории и темах его радиопередач на основе архивных материалов Би-би-си. Хотя мы и не можем услышать его выступления, однако эти документы дают возможность почувствовать их силу.

Архив ВВС

Митрополит Антоний выступал на английском, французском и русском языках. Первоисточники находятся в совершенно нетронутом состоянии; их воспроизведение запрещено административным и финансовым персоналом; иногда встречаются заметки, порой противоречивые, относящиеся к радиопередачам. Что же касается контента передач, то об этом можно судить только по заголовкам и некоторым письменным заметкам. Имеется отдельная коллекция микрофильмов, содержащих тексты исторических программ ВВС, но записи передач митрополита Антония отсутствуют. Имеются также регулярные доклады об исследованиях, касающихся аудитории, но по религиозной тематике их слишком мало. Записи хранятся в Письменном архивном центре (Written Archives Centre BBC — WAC) в Кавершаме, поблизости от Ридинга. К сожалению, архив содержит материалы только начала 1980-х годов, более поздние материалы ожидают раскрытия для исследователей, поэтому я сосредоточусь на раннем периоде его продолжительной деятельности. Звуковой архив хранится отдельно в Британской библиотеке, а архивы

телепрограмм разбросаны по разным местам, и за ними трудно уследить. Поскольку материалы не отражают характерные черты и харизму митрополита Антония, мы дадим беглое представление о его личности и о том, как нам работало с ним.

Начало передач ВВС на русском языке

В январе 1949 года, когда митрополит Антоний, тогда еще молодой священник, прибыл в Лондон для работы и служения, ВВС была единственной организацией, имевшей лицензию на вещание как внутри Британии, так и за границу. Зарубежное вещание ВВС по объему превосходило вещание на внутреннюю аудиторию, что было следствием военного времени, когда передачи предназначались для союзных, оккупированных и вражеских стран, а также для традиционной аудиторий Британской империи. Главной задачей всех служб было установление связей с иностранными слушателями, с тем чтобы донести до них правдивые новости и общую информацию, доступа к которой тогда там не было.

Идея передач на СССР возникла в связи с тем, что Советский Союз заключил с Германией «пакт о ненападении», но тогда на Би-би-си практически ничего не было сделано, поскольку не было известно об условиях прослушивания, о наличии у слушателей радиоприемников и возможностях получать сведения о реакции аудитории. Первая историческая передача на русском состоялась в 1941-м в связи с нападением Гитлера на СССР: то было выступление Черчилля в парламенте, объявившего о нацистском вторжении. Речь транслировалась напрямую, в тот же день она была переведена на русский и передана по радио.

Я никого не встречала из слушавших тогда эту речь, но «Манчестер Гардиан» от 28 июня 1941 г. писала, что переданные по московскому радио фрагменты выступления Черчилля были встречены с воодушевлением довольно большой группой собравшихся.

Выступление Черчилля, однако, не привело к началу регулярных передач во время войны, поскольку предполагалось, что Сталину это не по-

* Элизабет Робсон много лет возглавляла Русскую и Украинскую службы Би-би-си.

нравится, но ему было важно сохранить столь трудного союзника на своей стороне.

24 марта 1946 года, когда начались передачи на русском языке на СССР, отношения с Советским Союзом были еще относительно теплыми. Однако по мере того, как СССР все более ужесточал режимы в Центральной и Восточной Европе, а московское радио транслировало довольно враждебные передачи на Запад и Великобританию, стало ясно, что «дружественным» передачам наступил конец. Задача же Би-би-си оставалась прежней: на фоне этих атак по возможности сохранять нейтралитет.

Религиозные передачи на русском языке

Одна из причин начала религиозных программ на СССР была связана с передачами на оккупированные страны Восточной Европы. Очень скоро стало ясно, что зарубежным радиослушателям необходима поддержка: повсюду закрывались храмы, священников подвергали арестам, а верующим грозили санкции по месту работы. После окончания Второй мировой войны в основу политики религиозного вещания был положен принцип, изложенный в записке директора религиозных программ, объясняющей решение прекратить передачи лютеранских служб на Германию: «Это не является нашей политикой в отношении передач религиозных служб в другие страны на языках соответствующих стран. Мы намерены вести передачи для зарубежных слушателей *только в случаях, когда они лишены возможности удовлетворять эти свои потребности в своих странах* (выделено автором статьи)».

Рекомендация эта была получена от Совета по зарубежным связям Англиканской церкви. Участь верующих и церквей на территориях, освобожденных Советской Армией, вызывала глубокую озабоченность Англиканской церкви, которая с помощью радиопередач желала оказать верующим соответствующую помощь. Преследование верующих в СССР усиливалось. На этот факт отреагировал Совет по внешним сношениям Англиканской церкви, который в марте 1949 года выступил в поддержку идеи радиотрансляций

служб в православных храмах. Однако на Би-би-си к этому отнеслись без энтузиазма, ссылаясь на «достойные сожаления эстетические стандарты, до которых опустилась православная служба» в Британии и вообще на Западе. Тем не менее в июле 1949 года два священника румынской православной церкви обратились с призывом начать соответствующие радиопередачи для румынских верующих. К сентябрю появилось сообщение о начале ежемесячных 15-минутных религиозных программ, которые включали инструкции по богослужению.

Совет по внешним связям Англиканской церкви рекомендовал службам Би-би-си для участия в программах для русской и румынской аудиторий отца Владимира Теокритова, отца Виталия Устинова; затем были добавлены князь Дмитрий Оболенский из Тринити-колледжа (Кембридж) и профессор Григорий Нандрис — в качестве советников по анализу обстановки в России и Румынии соответственно.

Совет обращался к Би-би-си неоднократно, призывая делать больше передач для преследуемых христиан. Были устроены специальные службы в соборе Святого Павла. В письме Совета от 3 декабря 1949 года говорилось:

«Чего более всего боятся коммунисты, так это сообщений о преследованиях верующих. Известно, что вдоль границы они установили более сотни станций подавления (глушения) наших радиопередач».

Глушение

В письме Совета от 18 января 1950 года также говорилось о планах начала передач с учетом проблем глушения. Во внутренней записке от 31 января 1950 года сотрудник Европейской службы Би-би-си сообщил о том, что в течение трех месяцев, с 12 февраля 1950 года, будут транслироваться передачи на русском языке (см. копию письма сотрудника информационного отдела Британского посольства в Москве от 14 февраля 1950 г., сообщавшего о начале религиозных передач, которые были слышны, по крайней мере, в Москве). Он продолжал:

«Нет сомнений, что многие люди в СССР оценят трансляции по радио православных служб,

но это будут люди, не имеющие какого-либо политического влияния. Церковные службы не прекратят советское радио».

Техническая сторона глушения была понятна западным специалистам, которые вели мониторинг как своих, так и советских передач. Советский Союз использовал местные средства для создания подавляющих шумов на частотах, выделенных в соответствии с международным соглашением между западными странами, и когда мощность трансляций усиливалась, советы усиливали свои мощности для подавления.

Складывается впечатление, что первый опыт религиозных трансляций был расценен как неудачный: в мае 1950 года в обзорном письме из Хью Карлтон Грин в связи с трансляциями на Европу говорилось, что сообщения сотрудников служб информации не свидетельствовали о перспективах для продолжения передач. В сообщении из Москвы от 14 июня говорилось, что передачи Би-би-си не имеют смысла, поскольку полностью глушатся. Сотрудник по информации продолжал прослушивание до конца периода — вплоть до воскресенья 9 июля. Он писал, что если передачи будут прекращены, советские действия по глушению музыки и церковных служб (исключая проповеди), должны быть широко обнародованы. 22 июня 1950 года Карлтон Грин писал: *«Это печальный конец того, что я считал хорошей идеей, но тут русские выиграли. Я уверен, что в нынешних условиях нет смысла для продолжения передач».*

Глушение оставалось проблемой для всех радиопередач на СССР вплоть до того момента, когда Горбачев отменил его в конце 80-х годов. Время от времени, когда отношения между СССР и Западом становились более теплыми, глушение приостанавливалось (например в период хрущевской политической оттепели некоторые программы или частоты не глушили), но когда происходили события, такие как вторжение в Венгрию в 1956 году, в Чехословакию — в 1968-м, или же события в связи с движением «Солидарности» в Польше, глушение становилось тотальным. Словом, интенсивность глушения целиком зависела от политических событий. Так, во время политических визитов на высоком уровне, таких как ви-

зит Хрущева в Лондон или британского премьера в Москву глушение вообще приостанавливалось.

Станции глушения обычно размещались вблизи населенных пунктов и городов, однако любители природы могли мирно слушать передачи во время пребывания на дачах или посещения родственников в деревнях. Лондон соответственно реагировал на это, Би-би-си готовила специальные программы выходного дня.

Возвращаясь назад, к 1950-м годам, можно сказать, что BBC вовсе не отказывалась от религиозных программ на СССР. Хотя я и не нашла официальных решений или обсуждений этого вопроса, совершенно ясно, что церковные службы широко транслировались на восток в Рождество и на Пасху. Передачи предназначались как верующим в Советском Союзе, так и православным верующим во всей Восточной Европе. Было понятно, что регулярные религиозные программы будут продолжены или вскоре возобновятся.

Радиoproграммы священника Антония Блума

Новый священник в Лондоне отец Антоний Блум должен был знать о передачах Би-би-си на оккупированную Францию во время войны, возможно, он слышал от отца Владимира Теокрита и о передачах на СССР. Вполне возможно, что именно отец Владимир, а также Англиканская церковь рекомендовал отцу Антония участвовать в религиозных программах. И до сих пор, чтобы узнать точку зрения православных по какому-то вопросу, Англиканская церковь, как правило, обращается к греческим священникам.

Первое прямое упоминание о его преподавании Антонии Блуме, которое я нашла в архиве, датировано 3-м января 1952 года. Речь шла о записи проповеди (по-русски) в дни празднования православного Рождества. Проповедь прозвучала 6 января 1956 года в 21.15 и повторена дважды на следующий день. Она продолжалась всего около девяти минут, гонорар выступавшего составил 8 гиней (8,8 фунтов стерлингов старыми деньгами — примерно 8,4 фунтов стерлингов). Эта сумма сегодня кажется смехотворной, но тогда, в начале

1950-х, была вполне достаточной, когда деньги были значительно дороже, чем ныне, и указанной суммы хватало, например, для оплаты аренды дома. Из двух других записей следует: 6 января 1957 года — за проповедь в течение 6 минут гонорар составил 6 гиней, а 21 июня 1957 года был уплачен аванс за 15-минутную передачу в сумме 15 гиней.

Проповеди его преподобия отца Антония предназначались для Советского Союза, хотя в контракте не оговаривалась сама служба. Но уже к 1959 году дело значительно продвинулось. В записке зарубежному отделу радиостанции Би-би-си говорилось: «Так же как и в предыдущие годы (выделено автором), мы хотели бы вести передачи в прямом эфире на страны Восточной Европы». Языками передач должны быть английский, русский, сербо-хорватский, болгарский и румынский. Его преподобие отец Василий Родзянко обещает комментарии (кстати, отец Василий Родзянко вел передачи церковных служб на русском языке в течение многих лет).

Служение его преподобия отца Антония в своем приходе уже принесло свои плоды, и Англиканская церковь заметила, как расширилась православная община. В декабре 1956 года была освящена новая православная церковь в районе Эннисмор Гарденс (Лондон). В связи с этим Московская Патриархия решила назначить туда настоятеля. Его преподобие отец Антоний был посвящен в сан епископа в ноябре 1957 года, в связи с чем Би-би-си стала именовать его епископ Антоний (Блум).

С этого момента записи на радио становятся регулярными, их число увеличивается. Епископ Антоний улучшил свой английский, он стал востребован различными программами, в том числе и теми, которые шли на русском языке. Он также вел передачи по-французски на Францию и весь франкоговорящий мир.

Участие епископа Антония в передачах Би-би-си были не всегда бесспорны: незадолго до того, как он был посвящен в епископы, в сентябре 1957 года, он принял участие в программе из серии «Дай и бери». Тема передачи была заявлена так: «Ад, Рай и Дьявол». Перед микрофоном сидели епископ Джон Робинсон, писатель Джон Вейн,

Родерик Филер, Питер Вильямс, писатель и радиоведущий Кеннет Олсон и отец Антоний Блум.

После того как запись дискуссии стала широко известна, в письме Дж.М. Черч от 27 сентября 1957 года указывалось на недостаточность интеллектуального содержания программы, однако в целом она была одобрена в следующих выражениях:

«Вообще-то, нам известно, что эмоции передаются слушателю, и я не считаю, что одного этого достаточно, чтобы негативно отнестись ко всей дискуссии, которая была, мягко говоря, поверхностной и неудовлетворительна в интеллектуальном отношении. Часто мы не можем дать слушателям или зрителям полностью и отчетливо сформулированную, безупречную мысль или идею. (А должны ли мы?) Обычно мы довольствуемся тем, что подмешиваем к своим мыслям иррациональное.»

Некто Х.Х. Хоскинс (в записке без даты) писал менее доброжелательно: «Порядок (дискуссии) не вызывал возражений — все зависит от выбора участников. Удивительно, но обычно неплохо получается, когда неумехи сталкиваются с твердолобыми невеждами...»???

Большинство же мнений было положительным. Доктор Дж.Р. Саймонс написал: «Я считаю, что это была хорошая дискуссия — рационалисты были простодушны и не доводили рассуждения до конца».

Т.С. Грегори писал: «Дискуссия на такую тему могла бы быть более интересной. Мне не доставало напора, более убедительных доводов со стороны священника». К сожалению, он не указал, кого именно он имел в виду. Что впечатляет, так это то, что митрополит Антоний, в то время скромный священник, участвовал в программе совершенно наравне со всеми другими, не демонстрируя свои успехи перед теми, кто прибыл в Британию, не владея английским языком.

Однако вернемся к архивным к папкам: 19 июня 1958 года епископа Антония попросили подготовиться к 20-минутной школьной радиобеседе в четырех частях с 16–19-летними подростками о характере и основных целях Крестовых походов Средневековья. Передачи планировалось выпустить в эфир весной 1959 года.

Епископ Антоний согласился, но он должен был представить письменный текст к 3-му марта за гонорар в 25 фунтов. Запись наметили на 24 февраля, но текст так и не появился. Запись перенесли на 2 марта, за день до передачи, однако сценарий так и не поступил. В приложенной к тексту передачи записке говорилось, что передача шла без заранее написанного сценария, поэтому, возможно, потребуется редактирование. В ответном письме епископ Антоний извинялся за изменения даты записей; однако и далее он никогда не готовил письменных сценариев, предпочитая (и это стало его неизменной практикой) вести программы в прямом эфире.

В мае 1959 года он подготовил еще несколько передач по-английски для школьников: четыре программы к Пасхе для православной церкви на тему «Мирозозерцание и Истина», предназначенной к выходу в эфир 28 июня 1960 года. Серия получила название «Христианская религия и ее философия».

Также в папке хранится проповедь по-русски к празднеству Благовещения, запись которой должна была состояться в доме епископа на Аппер Эдисон Гарденс. Это было 6 апреля 1959 года. Другая передача по-русски была названа «Отцы Киево-Печерского монастыря», ее запись была назначена на 8 октября 1959 года. Он также записал небольшой текст по-французски (2 мин. 45 сек.) по случаю благословения Темзы в Волингфорде.

1960 год принес больше приглашений: по крайней мере четыре от Русской Службы и в 1961 году по-английски для серии передач «Вознесите ваши сердца». Эти передачи были записаны с эфира 18 января 1961 года, и предполагалось даже их повторение, однако этого не случилось, и тогда епископ Антоний выразил протест, на что он получил обтекаемый бюрократический ответ: мол, в последнюю минуту в программе вещания произошли изменения. История умалчивает о том, как Би-би-си в действительности оценивала его вклад в работу, так же как и то, насколько он был удовлетворен ответом. Тем не менее он продолжал сотрудничать с Би-би-си на трех языках.

Передачи на русском продолжались и в 1961 году, в том числе по случаю Великого поста, как вдруг пришла весть, что Русская Православная церковь

(Московский Патриархат) намерена присоединиться к Всемирному Совету Церквей. Епископ Антоний выступал по-английски в программе «10 часов» (тогда новости передавали в 9 после полудня), это же относилось и к выступлениям по-русски. Его выступления на русском отражены в сентябрьском и октябрьском отчетах 1961 года о молодежном лагере в Бангоре, где прошли религиозные дискуссии в форме вопросов и ответов между молодыми людьми и епископом, которые, по-видимому, были организованы им самим. Гонорар выплачивался аккуратно, епископ использовал записывающую аппаратуру и в случае необходимости говорил в прямом эфире.

В конце 1961 года его преемник Пол Эстерайхер, будучи помощником руководителя отдела религиозных передач, предложил епископу Антонию программу из серии «Way of Life» («Жизненный Путь»). Передача «Христос — Свет нашему Миру» вышла в эфир 10 декабря 1961 года и была передана в записи на Нью-Дели, где в тот момент проходила ассамблея Всемирного Совета Церквей. Епископ Антоний записал для французской службы Би-би-си сюжет об этом событии, а по-английски — сюжет для подготовленной Полом Эстерайхером Недели моления Объединенной Церкви. Его вклад был оценен следующими словами:

«Уважаемый Епископ Блум, позвольте мне искренне поблагодарить Вас за огромную помощь в подготовке программ о Нью-Дели. Мне кажется, что передачи прошли успешно и были очень полезны для Недели моления для Объединенной Церкви. Мы благодарны за Вашу готовность уделять столько времени для программы, сколько это необходимо, чтобы передача состоялась».

В 1961 году митрополит Антоний впервые посетил Россию с тех пор, как он покинул ее маленьким ребенком. Для него это был во многих отношениях памятный визит, о котором он часто говорил впоследствии, в том числе и в передачах русской службы Би-би-си.

В 1962 году число выступлений на русской службе увеличилось (до девяти), а в 1963-м году их стало еще больше (в том числе одно печальное — в связи с убийством президента США

Дж. Кеннеди). Русская служба Би-би-си включала и дискуссию на тему «Вера и современность», программу «Думая вслух», Рождественскую антологию для внутренней службы Би-би-си (теперь Радио 4). Все эти выступления митрополит Антоний написал и прочитал на радио сам.

1964 год открылся выступлением 19 января для Всемирной службы Би-би-си на тему «На пути к Объединенной Церкви». Имеется письмо (без даты) епископа Антония помощнику руководителя всемирной религиозной службы Би-би-си канонику А.Дж. Фишеру. Епископ Антоний писал:

«Уважаемый каноник,

Это моя запоздалая реплика. Вполне понимаю, что я не соответствую принятым правилам, и это отчасти потому, что письменный сценарий для меня — непреодолимое препятствие, отчасти потому, что я не в состоянии собраться с мыслями. Может быть, мне не следует сейчас заниматься этим текстом, а дополнить его уже в ходе записи?»

Написанное выше объясняет силу воздействия его живой речи, он предпочитал импровизацию, нежели заранее заготовленный текст. И это является одним из секретов успеха его выступлений на радио. Важно понимать, что в 60-е годы большинство передач тщательно готовились письменно, затем репетировались, чтобы добиться максимально возможного естественного звучания. Ныне митрополит Антоний чувствовал бы себя гораздо свободнее, окажись он в современной студии, где идут живые дискуссии.

Его опыт проповедования также помог ему: имеется много свидетельств его прихожан и других, слушавших его, что он обладал огромным «магнетизмом», который исходил от него как при обычном разговоре, так и во время проповеди или публичных выступлений.

В том же 1964 году у него было еще больше выступлений (я насчитала 22 для русской службы и 4 — для внутренней службы, включая интервью для программы «Way of Life» на тему «Священник или психиатр» (28 июня 1964 года) продолжительностью ок. 7 минут. Выступления имели такие за-

главия: «В чем смысл Святого Духа», или «Агностики и ищущие ответы христиане». Примечательно, что его приглашали регулярно один или два раза в год на программу для женщин «Женский час». В 1964 году его записали для программы «Время и мистический опыт», а в следующий раз он был в программе Женского часа в качестве «Гостя недели». Это продолжалось в течение нескольких лет, а значительно позднее согласно контракту от 7 апреля 1979 года его записали как участника дискуссий в прямом эфире. Он также появлялся в новостных передачах: в частности, говорил по поводу празднования 50-летия Московского Патриархата.

Среди более поздних свидетельств можно отметить подготовку десяти передач для русской службы на тему «О молитве» (по 8 мин. каждая). 18 марта 1979 года митрополит Антоний участвовал в дискуссии на Радио 3 под рубрикой «Религия и политика», с доктором Эдвардом Норманом.

В 1980 году Радио 4 подготовило передачу о нем. В 1981 году у него взял интервью Джеральд Пристленд, в то время корреспондент Би-би-си по вопросам религии. В том же году он подготовил несколько религиозных программ для английской службы (это интервью затем было опубликовано в еженедельнике Би-би-си «Лисенер»). Митрополит Антоний также упомянут в книге Дж. Пристленда «Работа Пристленда», в основу которой положены это и другие интервью отца Антония.

Короткие формы радиопередач также вполне подходили ему (такие, например, как «Молитва дня», по 4 мин. каждая в 1979 г.), а в 1980-м он подготовил три программы всемирной службы Би-би-си для серии «Отражения» под названием «Первые слова Христа» («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин: 1,1).

БОГ: Да или нет? Дебаты¹ о Вере с Марганитой Ласки

В деятельности митрополита Антония на радио, охватывавшей широкий круг религиозных вопросов, случались особые случаи, один из которых

¹ Бог: Да или Нет? Митрополит Антоний Сурожский. Беседы Верующего с неверующим. М.: Никея, 2013.

стал легендарным: его теледебаты с Марганитой Ласки об атеизме, противостоящем вере в Бога.

Марганита Ласки была успешным писателем, драматургом, критиком, эссеистом и радиожурналистом. А также — убежденной атеисткой. Ее имя и голос были знакомы телезрителям и радиослушателям. Она участвовала во многих политических, философских и литературных дискуссионных программах. Она была активным членом ПЕН-клуба, который поддерживал во всем мире писателей, преследуемых за свои произведения, одной из составительниц знаменитого словаря «Оксфорд-инглиш». Она писала романы, рассказы и делала авторитетные критические обзоры новых книг. Неполный перечень радиопередач г-жи Ласки в аудиоархиве Британской библиотеки содержит ряд передач на специфические религиозные темы, включая дискуссии с настоятелем Вестминстерского собора и ректором церкви Святой Марии де Буа, которые продолжались в течение ряда лет.

Будучи известным интеллектуалом и атеистом, она интересовалась проблемой притягательности религии и религиозными верованиями. Некоторые сведения о том, откуда может проистекать ее позиция, дает книга М. Ласки, написанная за десять лет до дебатов с митрополитом Антонием: «Экстаз: изучение некоторого внецерковного и религиозного опыта» (1961 г.). Это квазинаучная работа, где Ласки исследует случаи чрезмерных, мистических примеров, которые могут толковаться как религиозные откровения верующих.

Так вот, Марганита Ласки и епископ Блум, записали две программы под названием «Атеист и Епископ», в которых она успешно использовала хорошее знание предмета и свой научный образ мышления в дискуссии с его глубоким христианством. Тон был постоянно дружеским, и после просмотра фильма и чтения стенограммы мне показалось, что хотя она и не признала каких-то изменений в своей душе, что-то от убежденности в вере митрополита Антония глубоко ее затронуло.

Еще один пример дискуссии митрополита Антония с неверующим — это дебаты с известным комментатором русской службы Би-би-си Анатолием Голдбергом (многие советские слушатели

знали его как Анатолия Максимовича). Дебаты состояли из шести передач и проходили на русском языке. К сожалению, я не нашла записей передач в архиве Би-би-си, но признаю, что Анатолий Максимович обладал легкоузнаваемым голосом и особой манерой говорить, а также пользовался огромным доверием своей аудитории, которая слушала его с начала 1950-х годов. Вероятно, в России по сию пору существует несколько его неофициальных записей.

Но тут есть некая загадка: в сообщении о встречах со слушателями (в рамках Торговой выставки 1961 года в Москве) есть комментарий, в котором сказано, что дискуссии между неназванными верующим и неверующим представляли некоторый интерес для атеистов. Один слушатель высказался так: «Все было настолько ясно и понятно, что я даже записал это на пленку и давал слушать ее своим друзьям».

Загадка касается даты программы: письменная запись датирует ее десятью годами позднее — 1972-м. Тем не менее была более ранняя дискуссия по вопросам, которые, как утверждает советская пропаганда, якобы исходили от советских неверующих. Эту информацию А. Голдберг собрал и передал ее митрополиту Антонию. Вполне возможно, именно такая дискуссия и проходила в 1961 году.

Завоевывающая русскую аудиторию

То, что митрополит Антоний с помощью радио и телевидения стал значимой фигурой для британской публики, ясно. Он был также в хороших отношениях с Англиканской церковью, поскольку был приверженцем экуменизма и сотрудничал с Советом британских церквей и Всемирным Советом Церквей.

В то же время он уделял много времени и сил своей аудитории в СССР, выступая по-русски с проповедями и беседами, которые так или иначе передавались еженедельно в религиозных программах русской службы Би-би-си. Каково было их влияние? Прямого ответа не существует, ибо в советский период программы глушили, а западные специалисты не имели доступа к любым опросам общественного мнения, если таковые вообще существовали.

Нам следует помнить, что в 1952 году, когда состоялась первая запись радиопередачи митрополита Антония, в Советском Союзе было «раскрыто» так называемое «дело врачей», которое завершилось лишь со смертью Сталина в 1953 году. Тысячи были арестованы, некоторые казнены, другие сосланы в Гулаг. Сталин рассматривал их как своих личных врагов и требовал от секретной полиции разоблачать тысячи «врагов» для пополнения трудовых лагерей.

В те годы была разрешена только очень контролируемая церковная жизнь, духовенство и верующие преследовались так же, если не больше, чем рядовые граждане. О слушании заграничного радио говорить было запрещено, тем более признаваться в этом.

«Есть обычай на Руси: ночью слушать Би-би-си»

С тем чтобы иметь хотя бы приблизительное представление об аудитории, русская служба Би-би-си была вынуждена полагаться на отзывы отдельных слушателей и на публикации в советских СМИ, которые выражали крайнюю враждебность в отношении Би-би-си и других иностранных вещателей, и это как раз свидетельствовало о том, что аудитория была довольно значительной. Периодически в газетах и журналах, вроде наиболее популярного в СССР сатирического издания «Крокодил», а также сатирических плакатов, появлялись карикатуры в связи с радиопередачами из-за границы, целью которых была дискредитация этих передач. Би-би-си использовала материалы советских журналов, которые публиковали сведения о ежегодном производстве радиоприемников, о том, насколько устойчиво электроснабжение в послевоенные годы, имеются ли в продаже электрические батареи, где находятся крупные населенные пункты — все это для того, чтобы иметь представление о количестве потенциальных, а не фактических, слушателей. Вместе с отзывами отдельных граждан все это позволяло Би-би-си оценивать, какой процент фактических слушателей, как они слушают в условиях глушения радиопередач, какой контент дойдет до них.

Советские радиостанции вещали на внутреннюю территорию на коротких волнах, точно так

же вещали и зарубежные радиостанции в расчете на СССР. Би-би-си анализировала глушение зарубежных передач с тем, чтобы находить способы обхода глушения. Однако после первой пробной передачи религиозной программы русская служба Би-би-си отказалась продолжать их, поскольку казалось, что никто просто не сможет физически слышать эти передачи.

В период «холодной войны» наиболее глубокое исследование аудитории проводилось американской радиостанцией, известной вначале как радио «Свобода» (впоследствии радио «Свободная Европа»), вещавшей на страны Восточной Европы, и радио «Свобода», вещавшая на СССР. Пытаясь получить хотя бы более-менее обоснованное представление о количестве слушателей, использовались различные приемы. Представление базировалось на отзывах побывавших в СССР, отзывах приезжих из Советского Союза, которых расспрашивали о том, кто слушает передачи, какие темы наиболее популярны. Достаточно аргументированные и эффективные методы были найдены для изучения отдельных материалов, чтобы прийти к общим выводам.

Доклады об исследованиях Би-би-си выходили ежегодно, и в них обычно был раздел о религиозных программах, но не всегда было ясно, оценивали это сами информаторы, каждый из которых давал оценку по всему перечню программ, или же разные люди оценивали каждый свою программу. Судя по тому, что говорилось в конце 1980-х — начале 1990-х годов, люди в разных регионах СССР слушали всё подряд по зарубежному радио, всё зависело лишь от условий и качества приема передач. Слушатели могли отличать разные стили передач и имели возможность выбирать, но даже если им хотелось узнать о чем-то конкретно, они должны были слушать всё подряд. Поскольку религиозные программы Би-би-си передавались в определенное строго установленное время, слушателям приходилось искать их. И ранние доклады свидетельствовали, что это им удавалось.

Из одного документа 1955 года известно, что некий ленинградский теолог сообщал в письме в Би-би-си, что его друг — священник из Луцка слышал очень хорошо религиозную программу (город Луцк находился недалеко от польской гра-

ницы, там был очень хороший прием от передатчика с Кипра), в то время как в Ленинграде слушать можно было лишь сквозь глушение, и то только на одной частоте; по воскресным же дням не было слышно ничего.

В 1956 году пришла новость от священнослужителя Православной церкви: его коллега в СССР регулярно слушает религиозные программы. В тот год глушение прекратилось полностью с 18 апреля по 28 октября, немецким военнопленным было разрешено вернуться в Германию. Многие из них в интервью рассказали о том, что передачи Би-би-си можно было слушать беспрепятственно круглые сутки. Тогда стало ясно, что сотрудник русской службы Анатолий Голдберг хорошо известен в СССР как радиокомментатор. К сожалению, короткий период без глушения закончился в связи с вторжением советских войск в Венгрию и судом и казнью Имре Надя, призвавшего венгров к борьбе за демократию и независимость.

В течение 1957 года радио Би-би-си было одним из главных источников новостей о развитии обстановки в Венгрии. Благодаря Би-Би-Си слушатель в Югославии написал об особенностях визита Патриарха Алексия в Белград. В 1958 году значительное число испанских беженцев в период Гражданской войны, которые нашли приют в СССР, были репатриированы в Испанию, где их расспрашивали, слушали ли они зарубежные радиопередачи. (В 1959 году в докладе о состоянии аудитории описаны ответы на вопросы репатриантов в Грецию и Германию. Все доклады дополнили общее представление о зарубежных слушателях, хотя точное число опрошенных установить было невозможно.)

В 1958 году отец Василий Родзянко, в течение многих лет готовивший для Би-би-си религиозные программы для России, встретился со священнослужителем Русской Православной церкви в Утрехте, который сообщил, что в СССР есть постоянные радиослушатели религиозных программ. Священнослужители провели много дружеских, откровенных встреч. Когда отец Василий Родзянко критиковал Патриарха Алексия за его пропагандистские заявления, митрополит Николай Крутицкий и Коломенский объяснял это следствием невежества, поскольку у них-де

не было достаточной информации с Запада. Сам же он регулярно слушал радио и знал немало подробностей о программах, даже несмотря на глушение. Он был убежден, что число слушателей увеличивается повсеместно, и высказался за продолжение программ. Митрополит даже согласился записывать проповеди на тему «Святая Русь», которые повторялись по нескольку раз, и проповедовать их среди детей. Он и другие священники выразили благодарность работе русской службы Би-би-си:

«Объективное и всегда невразумительное отношение Би-Би-Си к Русской Православной церкви в сочетании с ясным христианским посланием, а также правдивая информация являются огромной ценностью для миллионов слушателей, как верующих, так и неверующих».

В 1959 году один из советских слушателей инженер по образованию, высоко оценил передачу Пасхальной службы и другие праздничные передачи, он написал, что его матери нравятся религиозные программы.

В 1960 году большое стечение народа в Переделкине на похороны поэта Бориса Пастернака, быть может, объяснялось и той подробной информацией об этом событии по радио Би-би-си. Духовенство оценило качество религиозных программ.

В 1961 году, согласно словам респондентов, создалось впечатление, что многие люди только и слушают передачи церковных служб, хотя сами церковь посещать не решались. Служители Православной церкви говорили, что религиозные программы Би-би-си слушают и в Москве, и повсюду. Тем временем советская служба отслеживания зарубежных религиозных программ заявила, что религиозные программы гораздо опаснее, нежели передачи новостей, и поэтому следует глушить!

В 1962 году сотрудник Религиозного департамента Би-би-си, встречавшийся со многими русскими делегатами на различных религиозных конференциях в Западной Европе, сообщал, что «был удивлен числу лиц, которые слушают передачи русской службы Би-би-си. Их основным интересом, как они говорили, была церковная жизнь на Западе». Другие, как, например, священник из Ар-

мени, говорили о росте популярности передач о церковных богослужениях и внутри СССР.

Интересное «доказательство» о слушании религиозных передач приводится в докладе того же 1962 года:

«...согласно сообщению журналиста советской секретной полиции было предложено представить количественные сведения о зарубежных радиопередачах. По понятным причинам, сведениям из такого источника не следует доверять, но если они все-таки существуют, есть все основания полагать, что власти озабочены тем количеством людей, которые слушают зарубежные радиостанции».

В 1963 году, судя по сообщениям с мест, откуда писали слушатели, аудитория разрасталась. Один из корреспондентов говорил, что он слушает радио уже 9 лет, другой — 12. Также сообщалось, что многие слушают несколько зарубежных станций — такое имело место повсюду в советское время. Что же касается религиозных программ, то русский священник писал из Москвы о полемике, возникшей по поводу выступления британского епископа Вулвича (автора *Верный Богу*), что породило серьезные дебаты в Русской церкви — первой подлинно теологической дискуссии между советскими верующими и неверующими (насколько я могу вспомнить).

В 1964 году в дополнение к сообщениям приезжих в русскую службу Би-би-си пришло 227 писем, включая много сообщений от слушателей-студентов, в которых говорилось, что «слушают все» — не только интеллигенция, но и рабочие. Политический кризис также способствовал росту числа слушателей: один из них сообщал, что именно Би-би-си впервые сообщило о том, как Никита Хрущев стучал по столу ботинком в ООН, а затем о его смещении с поста Генерального секретаря ЦК КПСС.

О китайско-советских разногласиях сообщали только западные станции. Официально слушание западного радио не одобрялось, но политический климат был таков, что слушание распространилось широко. Некоторые русские церковнослужители с энтузиазмом писали, что выступление премьер-министра Гарольда Вильсона «Почему я верю в Бога» вызвало у них немалый интерес.

В 1965 году был проведен конкурс среди радиослушателей. Один из вопросов был такой: с кем бы из участников программ Би-би-си Вы хотели бы встретиться? Было упомянуто много спортсменов и деятелей культуры, но из русской службы радиостанции были названы глава службы Мэри Сетон-Уотсон и отец Василий Родзянко, который вел регулярные религиозные программы (10 упоминаний). Следом за ним упоминали постоянного политического комментатора русской службы Би-би-си Анатолия Голдберга, а также епископа Антония. Популярность отца Василия Родзянко свидетельствовала о ширившейся аудитории религиозных программ в СССР.

Ежегодные доклады продолжались, при этом было отмечено немало интересных деталей, многие из которых касались религиозных программ. Интерес Министерства иностранных дел в 1970 году к работе Всемирной службы Би-би-си объяснялся тем, что служба финансировалась из специального фонда, и требовалось подтверждение о целесообразности сохранения религиозных передач. Ответ Би-би-си был тщательно взвешенным:

«Что касается радиопередач по-русски... главным обоснованием является то, что русские в высокой степени религиозные люди и религиозные передачи оправдали свою необходимость тем, что постоянно привлекали своих слушателей, которые оставались у радиоприемников для прослушивания и других передач из Лондона».

Это объяснение оставалось в силе и не менялось еще долго и в постсоветский период.

В заключение я хотела бы упомянуть некоторые воспоминания отдельных лиц о влиянии радиопередач митрополита Антония Сурожского. Их число, естественно, невелико, но они свидетельствуют о том, что голос митрополита Антония звучал ясно на протяжении лет, несмотря на глушение, и этому способствовали его поездки в СССР. Здесь мы должны отдать должное работе сестер Майданович и многих других, которые бескорыстно помогали мне в поиске и доступе к записям его передач. Живое слово митрополита Антония, его приверженность говорить не по написанному — особенно этим-то отличались его

речи, его послания. Тысячи, если не миллионы слушателей подтверждают это.

Во время разных поездок по России я встретила многих людей, которые с радостью говорили о своих ранних впечатлениях от передач Би-би-си по-русски. Один человек (сейчас это ушедший на пенсию профессор университета) рассказал мне, что он стал верующим еще в детском возрасте благодаря радиопередачам Би-би-си, когда он с родителями уезжал летом из Москвы в сельскую местность. Он говорил, что целый мир открылся ему, благодаря передачам отца Василия Родзянко и митрополита Антония Сурожского. Проповеди митрополита Антония полностью раскрылись перед ним во время молений, и это было несравнимо с молениями русских священников, поскольку жизненный опыт митрополита Антония был совершенно отличен. Позднее он слушал митрополита Антония во время его поездок по России, и он до сих пор отчетливо помнит эти проповеди, настолько они доходили до сердца и простых и образованных людей, настолько пропитаны высокой, непостижимой духовностью. Его вера сохраняется до сегодняшнего дня.

Стиль передач митрополита Антония напоминал доверительное общение с глазу на глаз. Дочь в семье, которую однажды посетил в Москве митрополит Антоний, вдохновенно говорила о том, как он рассказывал о вере, жизни Христа, и как его глаза, казалось, излучают божественный свет. Многие другие отмечали, что его взгляд держит вас и вы чувствуете, что он может коснуться вашей души.

Одна русская дама, которая посещала его еженедельные выступления в лондонском соборе в Энисмор Гарденс, говорила об удивительной силе его рассказов, часто взятых из его собственной жизни. До окончания вечерней службы отец

Антоний обычно говорил с каждым присутствующим. Она чувствовала, что он мог бы рассказать о том, что ее волнует, и уверить ее в своей поддержке.

На первой международной конференции в Москве, посвященной наследию митрополита Антония, в сентябре 2007 года митрополит Минский отметил распространение учения митрополита Антония Сурожского в России благодаря Фонду его имени, напомнил о том «значительном вкладе в духовное пробуждение и возрождение в годы, когда наша Церковь (в России) существовала в чрезвычайно ограниченных внешних условиях».

В заключение, оценивая радиопередачи митрополита Антония на Советский Союз и Россию, скажу несколько слов об отце Александре Борисове. Борисов был одним из тех, кто рассказывал, как проповеди митрополита Антония верующие переписывали, копировали и распространяли в советский период *самиздатом*. В письме ко мне после нашей встречи он писал:

«Главное, о чем он (митрополит Антоний) всегда говорил и писал, — это была встреча с Христом. Личные с Ним отношения. Это было то самое, что, к сожалению, отсутствовало в христианских проповедях в России в то время. Много говорят о Православии, о традициях, великом прошлом, патриотизме и т.д. Но наш Господь Иисус Христос остается, как и раньше, за скобками, бесспорным обязательным условием нашего спасения, с которым все ясно, и поэтому, мол, здесь не о чем говорить. Но именно по этой причине проповеди митрополита Антония были особенно важны, поскольку в их основе его собственный опыт, который ценен для Церкви и для каждого верующего, для каждого человека.» □ □

© Текст: Элизабет Робсон

© Перевод: Александр Максимов

Вероника ЯЗЬКОВА

Папа Франциск: «Не будем терять время!»

В последнее время в Европе вновь заговорили о религиозной свободе, трактуемой учением Церкви как неотъемлемое право человеческой личности свободно исповедовать свою веру устно и письменно, либо же не исповедовать её вовсе. В нынешнем секулярном обществе это право зачастую понимается как свобода от религии. Примеров такой «свободы» предостаточно. После трагических событий во Франции, расстрела сотрудников «Шарли Эбдо» и захвата заложников европейская общественность задалась вопросом: дозволено ли оскорблять и высмеивать веру? Приговор Европейского суда по правам человека по так называемому «делу Лаутси о распятии» в 2010 г., в сущности, вынес вердикт убрать христианскую символику из школ, и потребовалось вмешательство двадцати европейских стран, чтобы Италия не уступила требованиям политкорректности и отстояла свои традиции. Наконец публичное заявление Рокко Буттильоне, кандидата от Италии на пост еврокомиссара по юстиции, свободе и безопасности, о том, что он считает гомосексуализм грехом, вызвало громкий скандал в Европарламенте... Эти и другие примеры заставляют задуматься о рамках религиозной свободы и вообще о будущем Церкви в современном глобальном мире.

Таинственная лихорадка жизни

Масштабы свободы... Вспомним, что само отречение Бенедикта XVI от папского престола в 2013 г. подняло волну споров о границах его свободы. Папа добровольно отказался от всей полноты исполнительной, законодательной и судебной власти, какую только предоставляет человеку Конституция Ватикана, заявив, что не имеет более сил осущест

влять возложенное на него служение епископа Рима, наместника святого Петра. В мире, где все хотят казаться моложе, сильнее и влиятельнее, чем они есть на самом деле, старый немецкий теолог не побоялся открыто признаться в слабости и дряхлости¹. Его заявление поражало смелостью, шокировало откровенностью, пугало внезапностью. Это

отречение и первые «сто дней» понтификата нового папы, аргентинского иезуита Хорхе Марио Бергольо, принявшего имя Франциска I, в буквальном смысле ломали расхожие представления о молодости и старости, бедности и смысле религиозности, глобальном и универсальном.

13 марта 2013 г., в среду в 19:06, толпа на площади Святого Петра закричала «Habemus papam» (буквально «у нас есть папа»)! Дождь лил весь день. Народ праздновал. Дети смеялись и гримасничали перед телекамерами. Люди спешили на площадь, позабыв о дожде, счастливые, что им довелось оказаться здесь в такой исторический момент. Одни были движимы любопытством, другие — необъяснимой, мистической потребностью в чуде. «Католические праздники всегда такие — красочные, шумные, музыкальные, насыщенные многообразием и противоречивостью человеческого, включая крайности; необычные благодаря таинственной лихорадке жизни, которая преображает повседневность, придавая ей насыщенность, глубину, неистовство веселья, о котором никто до этого не мог и помыслить, — читаем в корреспонденции С.Гуиди, штатного автора ватиканской газеты «Оссерваторе романо». — Многие слышали о Бергольо впервые, спрашивали о нём у соседей... Это похоже на приход в семью долгожданного ребёнка. Ты понимаешь, что он уже стал частью твоей семьи, что ты его полюбишь, но ты ещё не знаешь, какое у него лицо, каким будет его голос, темперамент, судьба»².

5 тысяч копий «Оссерваторе романо» были распроданы тут же, на площади Святого Петра. «После известия об отречении Бенедикта XVI я растерялась, — написала в чате движения мирян “Католическое действие” девушка по имени Симона. — Как жить, когда никто больше не поддерживает тебя, не защищает? Но тут же вспыхнула надежда. Я поверила, что будет поворот. И вот вышел папа Франциск... Взгляд мягкий, немного неуверенный... Его “добрый вечер” сразу же

поселил в моём сердце мир и надежду... Я полюбила его... ВАУ! ПАПА МОЙ ПАПА НАШ ПАПА... ПАПА ФРАНЦИСК!»³ В те же дни на страницах еженедельного журнала «Панорама», посвящённого папе Франциску, итальянский философ Дж.Реале писал: «Я глядел, как стекаются толпы людей на площадь св. Петра, как их становится всё больше и больше, и пока я наблюдал за этим удивительным зрелищем, мне пришли на память слова датского мыслителя Сёрена Кьеркегора: «Сущность веры в этом и состоит: а именно — узреть в Христе современника. До тех пор пока это отношение будет сохраняться, до тех пор на Земле пребудет вера»⁴.

Взгляды миллионов были обращены к Ватикану. Корреспондент британской газеты «Гардиан» заявлял, что избрание Франциска — признание того, что будущее церкви не в Европе, во всяком случае, не только в Европе. Как отмечалось в «Таймс», голос папы — это голос человека, который оказывал пастырскую поддержку жертвам воротил рыночной экономики и глобализации, по мере того как росло значение Латинской Америки в глобальной экономике. Французская «Ле Фигаро» сконцентрировалась на задачах, которые предстоит решить Франциску, а именно: на реформе курии, евангелизации общества и реабилитации Церкви в глазах верующих. Берлинская газета «Тагесцайтунг» подчеркнула скромность понтифика, «Шпигель» назвала его «интеллектуалом-аскетом», «Тагесшпигель» и «Зюддойче цайтунг» — «бедным папой для бедных»⁵, чьё имя — имя святого Франциска Ассизского, обручённого с Госпожой Бедностью, говорит само за себя. В Сети множилось фотографии папы, который, как все простые люди, ездит на работу на автобусе и метро...

Избрание Бергольо было встречено с энтузиазмом и самой Церковью. Новый папа, — заявил Фернандо Филони, кардинал-префект Конгрегации евангелизации народов, — «призывал нас... идти к нуждающимся, внести свет радости и надежды во все аспекты нынешней реальности». Церковные иерархи и лидеры

движений мирян говорили о необычайной простоте, харизме понтифика, отмечали, что Бергольо привнёс из Латинской Америки своё видение отношений между народом и его епископом — путь братства, любви и взаимного доверия. «Этой ночью я буду спать спокойно, и папа Франциск тоже будет спать спокойно. Церковь в хороших руках. Мы все это знаем»⁶, — заверил прессу архиепископ Нью-Йорка Тимоти М. Долан.

Не заставила себя ждать и реакция представителей не католических ветвей христианства и других религий. Федерация евангелических церквей Италии подчеркнула, что в лице Бергольо на папский престол поднялся искатель мира и социальной справедливости. Патриарх Константинопольский Варфоломей высказал пожелание, чтобы деятельность нового папы содействовала миру в нашем дезориентированном мире. Секретарь по межхристианским отношениям Московской Патриархии архиерей Д. Сизоненко, выразив надежду на позитивную динамику в отношениях между РПЦ и РКЦ, заявил, что вновь избранный папа известен своими «консервативными» идеями, и его понтификат, очевидно, будет отмечен укреплением веры⁷.

Глава мусульманской общины Италии Фуад Аоди сказал корреспонденту «Соле 24 оре» через полгода после избрания Бергольо: «Для нас папа — идеал, исламскому миру был бы очень нужен лидер такого масштаба»⁸.

«Папа, который изменит церковь»

Судя по многочисленным заголовкам в итальянской печати («Папа надежды», «Папа против кризиса Церкви», «От коррупции к новой Церкви: букварь Бергольо», «Франциск обращается к молодым, чтобы создать новый мир»), от нового понтифика ждали и ждут решительных действий — возрождения пророческой миссии Церкви, её авторитета и очищения. В самом деле, проект преобразований ватиканской «Большой восьмёрки» в географическом отношении представляет обе Аме-

рики — Северную и Южную, Азию, Европу, Африку и Австралию (координирует работу «восьмёрки» кардинал из Гондураса, архиепископ Тегусигалпы Оскар Родригес Марадьяга), включает реформу Синода, Госсекретариата и дикастерий, а также ряд финансовых преобразований, чтобы придать более широкие полномочия епископским конференциям. Учреждена комиссия по пресечению случаев педофилии и их намеренного сокрытия. Известные итальянские историки религии А. Риккарди и А. Торньелли высоко оценивают «дипломатический стиль» нового понтифика, нацеленность на молодёжь, программу «бедной церкви для бедных»⁹. Ещё будучи кардиналом, Бергольо призывал высшее духовенство выглянуть за пределы собственного «мирка», идти на периферию не столько в географическом, сколько в экзистенциальном смысле; на периферию греха, горя, несправедливости, невежества, всякой и всяческой бедности нашего времени, говорить с людьми не только на языке литургических и теологических формул, постигать глубокую врождённую мудрость народа.

Как только не характеризовали папу Франциска в печати: прогрессист, папа-реформатор и даже папа-революционер! «Новый папа — папа принципиально *новый*» — под таким показательным названием вышло интервью с профессором теологии Вито Манкузо. В чём же заключается эта новизна помимо того что Бергольо — первый папа, выходец из Латинской Америки, первый папа-иезуит и первый, кто взял имя Франциска?

В. Манкузо утверждает, что, в отличие от Иоанна Павла II, выдающегося мирового лидера, от Бенедикта XVI, выдающегося теолога, Франциск I делает ставку на другое — на своего рода «практическое духовное измерение». На вопрос о «революционности» понтифика профессор Манкузо ответил, что позитивные плоды приносят лишь те революции, которые вершатся просвещёнными консерваторами. Достаточно вспомнить папу Иоанна XXIII и Второй Ватиканский собор. В этой связи прав французский мыслитель

Морис Белле, сказавший, что настоящий консерватор вынужден быть революционером, поскольку «реальность меняется так быстро, что дабы сохранить её, необходимо следовать за её трансформацией»¹⁰.

И всё же, как показывает практика, папа Франциск с трудом подпадает под общепринятые политические дефиниции. Непримиримых католиков-традиционалистов он возмущил молитвой о мире в Сирии 7 сентября 2013 г. с участием адептов некатолических культов. «Бдение», по мнению ультраконсерваторов, должно было стать «молитвой единому истинному Богу, а оно, напротив, ведёт к религиозному релятивизму»¹¹. Консервативное крыло католической церкви выражает недоумение по поводу неторопливости папы в вопросе реформ, критикует его за популизм. Похвально склонять голову перед бедными и обнимать юных наркоманов, — заявил архиепископ Нью-Йорка Тимоти М. Долан, тот самый, который заверил всех, что с избранием Бергольо «Церковь в хороших руках», — однако необходимо урегулировать скандалы, связанные с педофилией и финансовыми махинациями, предотвращать подобное в будущем, т. е. решить все те проблемы, которые обозначились во всей остроте в канун выборов в Ватикане¹². Неоднозначно были восприняты прохладные отношения папы с епископатом Италии (при всём его уважении к истории и традиции европейского христианства), свободное обращение с церемониалом, отказ Франциска жить в официальных папских покоех своих предшественников, установка душевых кабин для бездомных на площади Святого Петра и прочее. В то же время Бергольо нельзя заподозрить в симпатиях к модернизму: его демократизм и ломка стереотипов ни в коем случае не означают радикализации курса. Позиция папы в отношении эвтаназии, абортов, однополых браков, гей-усыновлений, допуска к причастию разведённых, повторно вступивших в брак, остаётся неизменной. По словам кардинала Марадьяги, о Третьем Ватиканском соборе думать пока не приходится, нужно сначала воплотить в жизнь решения

Второго собора¹³, добиться гуманизации современного общества, искоренения вопиющих форм политического и экономического произвола¹⁴. Понтифик подверг резкой критике абсолютизацию понятия свободы, этический релятивизм, крайний индивидуализм, культ потребления, демократию, сведённую главным образом к процедурным нормам, отношение властей и общества к трудовым мигрантам и беженцам. Граждане больше не доверяют институтам Евросоюза, — заявил папа в Страсбурге 25 ноября 2014 г. — Они считают эти институты далёкими и устанавливающими правила чуждые, не отвечающие устремлениям отдельных народов, а подчас откровенно вредоносными. Создаётся впечатление, что «Европа устала и постарела, что старушка Европа бесплодна, что она рискует постепенно потерять собственную душу и дух гуманизма»¹⁵.

Религиозное безразличие или возврат к идолам?

Тревога папы понятна. Невзирая на популярность воскресных молитв «Ангелус» на площади Святого Петра, несмотря на активное вовлечение мирян в систему апостольского служения¹⁶, статистика упрямо констатирует рост критического отношения к католической церкви. К примеру, в Испании число католиков, регулярно посещающих воскресные мессы, сократилось до 13 %, во Франции — до 4,5 %. В Польше лишь 31 % католиков участвуют в жизни прихода¹⁷. В Италии, колыбели католицизма, 52,3 % чувствуют Церковь «далёкой», 44,4 % — излишне «суровой»¹⁸. Что касается института посвящённой жизни, то есть монашествующих, то тут ситуация выглядит ещё печальнее: 67 % молодых людей и 75 % девушек не склонны считать, что монашествующие делают полезные вещи, которые не смог бы сделать кто-либо другой¹⁹. И если они ещё принимают из соображений практической пользы так называемые «деятельные» ордена, которые заняты в системе

милосердия и образования, то к «созерцательным» относятся скептически.

Как отмечает кардинал Поль Пупар, президент Папского совета по культуре, секулярность породила так называемый тип «человека безразличного», стиль жизни которого можно сформулировать так: «Возможно, Бога нет, это даже не важно, во всяком случае, мы по Нему не скучаем». Мы живём сегодня, утверждает кардинал Пупар, в культуре безразличия, более того, — в культуре невежества²⁰.

Разумеется, Церковь не бездействует. Клирикам и мирянам открывают двери теологические институты, христианские культурные центры, духовные библиотеки, созерцательные монастыри, в которых можно найти утешение в молитве, сосредоточиться на духовных упражнениях или просто укрыться от бешеного ритма современной жизни. Ассоциации мирян ведут воспитательную, образовательную, миссионерскую работу в тесном взаимодействии со священниками и епископами. Большое внимание уделяется межрелигиозному диалогу, гуманитарным проектам в Африке и Юго-Восточной Азии. Делается очень много, но, как признают сами церковные иерархи, проблемы остаются.

По мнению ряда исследователей²¹, причины отдаления европейского общества, прежде всего молодёжи, от Церкви и институтов посвящённой жизни кроются в процессах глобализации, триумфе интернета, развитии новых технологий. Институты семьи, школы, церкви, которые традиционно влияли на социализацию человека, перестали быть отправной точкой. Молодёжная культура сделалась самодостаточной. Само понимание молодости трактуется сегодня иначе, чем раньше, — отмечает на страницах католического ежемесячного журнала «Тестимони» Рино Коцца, член конгрегации «Священники Святого Сердца Иисуса». «Молодость — уже не преддверие зрелости, не биологический возраст, а некое идеальное состояние, самоощущение, предмет инвестирования. Современная массовая культура делает ставку на технологический прогресс, тогда как религиозная культура опи-

рается на историческую, философскую, гуманистическую традицию. Религиозная жизнь предполагает постоянство выбора и имеет чёткую концепцию греха, а массовая культура выступает за множественность путей, за мобильность, страшится ограничения своей свободы, превозносит настоящее: не важно, что будет когда-нибудь в отдалённом будущем, о котором учит катехизис, важно то, что происходит *здесь и сейчас*»²².

Религиозные догмы перекочёвывают из разряда аксиом в разряд «мнений», имеющих такое же право на существование, как и все остальные. Отсюда релятивизм, равенство и плюрализм мировоззрений. Если для церкви важна каждая отдельная душа, подчёркивается своеобразие каждой личности, то массовая культура или — шире — глобализм как идейно-мировоззренческая система²³ унифицируют всё и вся, поддерживают глобальный тренд, переводят общение из категории межличностного в категорию безличного, виртуального.

Молодёжь перенасыщена информацией, которую не в состоянии освоить и оценить, отчего часто поддаётся влиянию примитивных моделей, навязанных массовой культурой и пропагандой. На опасность подобной «информированности» указал папа Ратцингер в книге «Вера — Истина — Толерантность». Он подчеркнул, что телевизионные программы, обрушивающие на человека лавину фактов, обширные возможности компьютера и интернета (при всей их несомненной пользе для человека), дают «мнимую, а не истинную мудрость», отчего люди кажутся «многознающими, оставаясь в большинстве невеждами... трудными для общения... мнимознающими»²⁴. Совершенно очевидно, что универсальная образованность становится уделом единиц. Поэтому большинство людей, ограждая себя от излишнего груза информации, сознательно или интуитивно делают ставку на иные ценности, соответствующие уровню их интеллекта, ментальности и религиозности.

Вероятно, именно поэтому секулярность Запада, вопреки прогнозам, не привела к полному отказу от сакрального. Напротив, ны-

нешняя эпоха отмечена невероятным всплеском духовности — религиозной и светской. По данным Центра исследований новых религий CESNUR, в Италии число тех, кто верует в какую-либо форму высшей власти, в жизнь после смерти или уделяет время медитации, достигает 80%²⁵.

Духовный выбор многих людей можно охарактеризовать сегодня как «верю, но не принадлежу»: речь идёт о тех, кто стремится к духовности, но не принимает регулярного участия в деятельности религиозной конфессии, отказывается от христианского понимания Бога в пользу космической энергии, пересматривает понятие греха, сакрализует «Я-бытие» человека, отдаёт предпочтение индивидуальным религиозным практикам, то есть «приватизирует веру»²⁶.

Как результат — рост интереса к магическим культам, к эзотерике, к теософии, к религиям Азии, языческим, неошаманским культам, к йоге, к движению Нью Эйдж. В таких случаях налицо неприятие как воинственного атеизма (в мировом масштабе число его приверженцев составляет всего 1 или 2 %), так и традиционной веры. «Верующие без принадлежности» не отказываются от сакрального, но под влиянием природной любознательности или жизненных трудностей ищут новую постоянно меняющуюся религиозность, блуждают по религиям в поисках истины.

Позиция католической церкви однозначна: она выступает против подобных учений, приводящих, в конечном счёте, к уничтожению религии как таковой. Но что может противопоставить Церковь новым духовным практикам? В состоянии ли она помочь человеку справиться с тревогой, депрессией, фрустрацией — неизменными атрибутами глобализации? Сможет ли она понять нужды современного человека, подать пример бескорыстия и любви? Наконец, чем может привлечь к себе европейцев папа, который, судя по его речи в Страсбурге, весьма критично относится к завоеваниям европейского либерализма, да и к самой нынешней Европе — «дряхлой и бесплодной»?

Новая Евангелизация

«Ослабить оборону и отворить ворота», прислушаться к точке зрения другого, разумеется, не впадая в релятивизм²⁷, — вот к чему призывает папа Франциск.

Он — епископ Рима, миссионер, если понимать под миссионерством не прозелитизм, а евангелизацию, возвешение Евангелия и культуру диалога, — полагает итальянский историк Андреа Риккарди, автор книги «Парадокс папы Франциска. Кризис и будущее Церкви», основатель движения мирян — Община Святого Эгидия. По мнению Риккарди, беда католической церкви в Европе в том, что она защищает «непреложные ценности христианства» в маленьких, замкнутых на себе общинах «немногих, но верных» прихожан. Церковь теряет свою универсальность. То же происходит и с самой Европой²⁸.

Теме новой евангелизации культуры посвящено Апостольское обращение папы «*Evangelii gaudium*» (Радость Евангелия). Речь идёт о жизни в Духе Святом, о «привлекательности света Креста», о котором ещё начал говорить папа Бенедикт XVI. Суть этой идеи можно кратко сформулировать так: началом и концом всякого действия должно стать прославление Троицы. Каждый христианин призван свидетельствовать о Христе своей жизнью, «заражать» других Его светом. «Бог спасает человека через человека», — говорил итальянский теолог, основатель церковного братства мирян «Причастие и освобождение» Дон Джуссани²⁹. Молодёжь не завоеешь теоретическими разговорами, им нужно живое свидетельство — свидетельство веры, мужества, духовное подвижничество, святость в миру, в семье, в браке.

Концепция новой евангелизации, радости живого свидетельства о Христе в том виде, в каком это было предложено папой Франциском, неразрывно связана с программой «бедной церкви для бедных» и, следовательно, с темой народной религиозности. В этой связи исключительно важно прошлое Бергольо — первого папы, рождённого в Южной Америке, для которой «бедность» не была отвлечённым понятием.

**Человек на фоне эпохи:
«Меня нашли на самом краю света»**

Хорхе Марио Бергольо родился в Буэнос-Айресе 17 декабря 1936 г. Его отец Марио Хосе, уроженец Турина, отплыл с родителями в Аргентину в конце 1928 г. Братья перебрались туда еще раньше. Экономическая депрессия 1932 г. вынудила семью распродать всё имущество, а двадцативосьмилетнего Марио Хосе поступить на должность счетовода. Тремя годами позже он женился на Реджине Марии Сивори и вскоре стал ждать первенца — Хорхе Марио.

Таким образом, Бергольо, потомок итальянских мигрантов в Аргентине, — представитель «Евро-Америки», условно именуемой так историками, в противовес «Индо-Америке» или «Афро-Америке». Как отмечает бразильский антрополог Д. Рибейро, Аргентина наряду с Уругваем, некоторыми районами Чили и югом Бразилии стала второй родиной для нескольких мощных волн европейской миграции между 1850 и 1914 гг. Итальянцы, ирландцы, испанцы, немцы, поляки, русские, евреи — общей численностью более 6 миллионов человек — осели на этих землях в поисках лучшей жизни³⁰. Индо-американское и афро-американское воздействие на Бергольо, по мнению Ф. Страццари, было незначительным. «Индо-Америка» доминировала в Мексике, Гватемале, Боливии, Эквадоре и Перу, ревностно хранящих исконные традиции, искусство, ремесло и религиозность. «Афро-Америка», выросшая на крови и костях африканских невольников, в большей степени представлена в Карибском бассейне, в Бразилии, в некоторых регионах Центральной Америки. Общеизвестно, что европейские выходцы в Аргентине плохо поддавались ассимиляции, с трудом признавали обычаи и верования коренных народностей, отстаивая таким образом достижения цивилизации перед лицом варварства.

Войны диктатора Х.М. Росаса (1826–1832; 1835–1852) и Парагвайская война (1864–

1870) изрядно сократили цветное население, однако местная самобытная культура бережно передавалась из рода в род, внося свой вклад в формирование аргентинского народа, его благочестия и религиозности, зачастую весьма отличной от католицизма европейских мигрантов³¹. Разумеется, Хорхе Марио Бергольо не избежал, да и не мог избежать контакта с Индо- и Афро-Америкой. В годы пастырского служения ему часто доводилось встречаться с полуголодными жителями глубинной Америки: аргентинскими индейцами тоба и мапуче, с индейцами Боливии и Перу аймара, с парагвайским народом гуарани, с чернокожими «*cabecitas negras*», потомками невольников, работавших на сахарных плантациях северной Аргентины или в порту Буэнос-Айреса³².

История мученического подвига

История латиноамериканской Церкви — это история мученического подвига, до недавних времён, в силу господствующего европоцентризма, не вполне оценённого Западным миром. Во время завоевательных войн и военных диктатур были уничтожены тысячи людей, которые выступали против социальной несправедливости и неравенства, вставали на защиту бедняков, чей труд использовался на принудительных работах в серебряных и золотых рудниках, на фабриках и фазендах. Начиная со II и III Генеральных ассамблей епископских конференций Латинской Америки, созванных Советом латиноамериканских епископов (СЕЛАМ) в Медельине (Колумбия, 1968) и Пуэбле (Мексика, 1979), церковные иерархи решительно осудили последствия колониализма, «узаконенные» формы экономического, политического, социального и культурного насилия, расизм, призвали противодействовать этому злу, прежде всего посредством очищения церкви, евангелизации, укрепления веры и воспитания народов. В послании Постоянного Совета конференции французских епископов, направленном в

Пуэблу, говорилось, что множество бедствий, проистекающих из отсталости и экономической зависимости стран Латинской Америки, объясняются непропорционально большими привилегиями богатых, развитых стран, которые охотно поддерживают статус-кво, невзирая на христианские традиции цивилизованного Запада и даже вопреки им. Уменьшение числа клириков, первичные христианские общины, помогающие обездоленным, народные чтения Библии, «общая ответственность всего “народа Божьего” за евангелизацию, — отмечалось в послании французских епископов, — вот то, в чём опыт церковью Латинской Америки опережает опыт наших церковей и указывает на будущие возможности всего христианства»³³.

Теология освобождения: по-прежнему актуальна?

«Дух Медельина» часто ассоциируется с так называемой теологией освобождения. Это сложная многогранная система мировоззрения, которая сочетает в себе духовное измерение, заключённое в обновлении и оживлении веры, с практическим, подчас радикальным направлением — открытой борьбой против попрания свободы, достоинства и прав человека. В реалиях Латинской Америки тех лет многие сторонники теологии освобождения и честные принципиальные служители Церкви жестоко преследовались государством. Приблизительно 850 священников были арестованы, подвергнуты пыткам или приняли мученическую смерть, как епископы Э. Анджелелли и О. Ромеро. Иоанн Павел II и Бенедикт XVI высказались против радикальных, «революционных» аспектов теологии освобождения и политизации Церкви. V Генеральная конференция епископов в Апарсиде (Бразилия, 2007) признала подвиг мученичества латиноамериканской Церкви, «отважное свидетельство веры святых, мужчин и женщин, которые, не будучи канонизированы, сделали выбор в пользу Евангелия, отда-

ли свои жизни за Христа, на благо Церкви и своего народа»³⁴. В то же время Конференция отмежевалась от либерального капитализма и от марксизма как чуждых духу Евангелия миражей призрачного счастья, оставляющих после себя печальное наследие в виде деградации человеческого духа, экологической катастрофы и экономической разрухи. «Церковь остаётся защитницей справедливости и бедных именно потому, что не отождествляет себя ни с политиками, ни с их партийными интересами, — заявил на открытии конференции пап Бенедикт XVI. — Лишь будучи независимой, она может направлять умы, учить великим... и неотъемлемым ценностям, которые выходят за пределы политической сферы»³⁵. В то же время, утверждал понтифик, деполитизация Церкви ни в коем случае не означает молчаливого принятия авторитаризма, государственного терроризма, этического релятивизма, утилитарного отношения к человеку.

Несмотря на то что радикальные формы теологии освобождения подверглись серьёзной критике, многие её направления, напротив, были оценены по достоинству. Важнейшим вкладом латиноамериканской религиозности Йозеф Ратцингер считал «народную интерпретацию» Библии. Трудно переоценить экзегетику, — говорил он, — теология с её колоссальным духовным багажом необходима в мировом диалоге культур, но нужно помнить, что Библия дана прежде всего простым людям, нельзя игнорировать «высшую простоту веры, которая в простоте и искренности своей обращена к Богу»³⁶. Х.М. Бергольо — на тот момент кардинал Бергольо — усматривал в народной религиозности реальный опыт переживания Бога, способность выразить веру, не прибегая к рационализации, путём интуитивного созерцания. И хотя некоторые, — замечал он, — отвергают этот тип религиозности, считая, что он не задействует личность человека, а только его сердце, чувственный аспект не входит в противоречие с глубочайшим духовным опытом»³⁷.

Во многом под влиянием религиозности Третьего мира понятие «бедности», традици-

онно рассматриваемой как *бедность материальная*, или нехватка элементарных средств для ведения достойного образа жизни; *бедность, или нищета, в Духе*, понятая в евангельском смысле Заповеди блаженств (Мф, 5:7-9) как полная открытость Богу, алкание духовной пищи; *бедность как миссия*, — эти традиционные трактовки обогатились новой — *бедность как солидарность*. В христианском смысле, — отмечал идеолог теологии освобождения Г. Гутиеррес, — христианская бедность есть любовь к ближнему и протест против бедности³⁸, т. е. солидарность с теми, кто стал жертвой произвола, незаконий этого мира, терпит нужду, страдания или оставленность в самом широком смысле.

Хорхе Марио Бергольо принял участие в подготовке итоговых документов ассамблеи в Апаресиде, в частности, раздела о народной религиозности, в котором подчёркивалась важность евангелизации и гражданского воспитания христианина. Выступая на организованной им в 2010 г. конференции «Мы как граждане, мы как народ», кардинал спрашивал: «Чему отдать приоритет: индивиду или народу? Современный индивидуализм — бедствие нашего времени. Гражданин принадлежит не к массе, а к народу. Однако стать его частью непросто. Формирование народа, особенно в библейском понимании “народа Божия”, — процесс длительный, тяжёлый, подчас болезненный; это процесс, растянутый во времени. Экспансия же власти, напротив, осуществляется в пространстве. Следовательно, лучше отдавать предпочтение времени, а не пространству; предпочтительнее «зачинать процессы», нежели «захватывать пространства».

В этом вопросе, — пояснял Бергольо, — важно обрести баланс между глобализацией и локализацией. И та и другая в чистом виде препятствует человеку жить во всей полноте, вынуждая его либо погрязнуть в повседневности своего мирка, либо утратить контакт с реальностью. Геометрической моделью такого баланса мог бы стать многогранник, являющий собой единство в многообразии. «Полно-

та» полиэдра не есть полнота сферы, так как первый сохраняет особенное, а вторая его сглаживает вплоть до уничтожения. Нужна не глобализация, во всяком случае, не такая, какую мы наблюдаем сегодня, а универсализация общечеловеческих ценностей. В нынешнем мире это солидарность с бедными. Союз народностей, которые осознают себя единым народом, — вот главный субъект истории, не класс, не фракция, не группа или элита.

«Нам не подходит, — заявлял Бергольо, — проект меньшинства для меньшинства, пусть даже просвещённого или призванного к свидетельству, которое присваивает себе право выражать мнение всех. Важно общее решение людей жить вместе... желание быть народом-нацией». Для этого нужно твёрдо знать, куда ты хочешь прийти, иметь мечту, пусть даже утопическую, потому что человек, лишённый её, лишён надежды³⁹, — так считал Бергольо, когда он был еще архиепископом, так считает он и сегодня.

***

Когда однажды Хорхе Марио Бергольо спросили, какое место на Земле он любит больше всего, он сказал: Буэнос-Айрес. Вне всякого сомнения, город отвечает ему взаимностью. Тысячи горожан собрались на Пласа-де-Майо, чтобы посмотреть на большом экране трансляцию литургии начала понтификата. Люди размахивали знамёнами, несли изображение Божией Матери из Лухан, танцевали под музыку народных оркестров, в буквальном смысле «прочитывая» слова пророка Исайи, которые любит повторять папа Франциск: «Я творю Иерусалим веселием и народ его радостью» (Исайя, 65:18).

«У нас есть Папа!» — в первые дни после избрания Бергольо эти слова заменяли «буэнос диас». Люди не скрывали своих чувств:

Альберто, служащий банка: «Аргентина пережила сначала европейскую колонизацию, потом экономическую, и мы всё ещё оплачиваем долги... С 90-х годов жизнь улучшилась, спору нет, но я думаю, что папа, особенно этот папа, скорее поможет нам избавиться от груза

бедности, чем экономическая политика прошлых лет. Заметьте, тут нет никакой иронии. Экономика в первую очередь основывается на доверии между людьми, не только на способности производить расчёты. Надежда и вера, которые может принести понтифик, — важная часть выхода из кризиса... Я думаю, современное общество, где господствует утилитаристская мораль, должна присмотреться к вере... В сущности, Церковь — душа общества. Духовно депрессивное общество — это общество, которое не питает доверия к своему ближнему, а это губительно для самой экономики».

София, уроженка провинции Салта на севере Аргентины: «Этот папа необыкновенный. Во всех смыслах... Он хочет вернуться к истокам, к христианству Евангелия. А если его кто сейчас и критикует, в том числе здесь, в Аргентине, то я всегда вспоминаю Сервантеса: “Собаки лают на нас, Санчо, значит, происходит что-то важное” [неточное воспроизведение фразы: “Собаки лают на нас, Санчо, значит, мы движемся вперёд”. — В.Я.]»⁴⁰

... **С**о времени избрания Бергольо прошло два года, однако за это время специалисты так и не «разгадали» Франциска I. Этот папа заставляет говорить о себе других — политиков, историков, журналистов, простых людей. Сам же он, как истинный Пастырь, проповедующий Слово, предпочитает оставаться неузнанным. Его яркие лаконичные образы понятны на уровне обыденного массового религиозного сознания, но часто ставят в тупик историков Церкви. Одни считают, что он призван пробудить европейцев и на этом его миссия закончится, другие видят в нём создателя новой «теологии города» или «теологии народа»⁴¹, третьи — выдающегося миссионера. Будущее внесёт свои коррективы. Несомненно одно: чтобы понять язык, на котором разговаривает папа Франциск, по всей вероятности, нужно отказаться от традиционной европоцентристской оптики и уделить большее внимание национальным церквям Латинской Америки и Африканского континента.

Примечания

- 1 Melloni A. Il Conclave di papa Francesco. Roma, 2013, p.3.
- 2 Guidi S. “Festa di popolo in piazza San Pietro” // L'Osservatore romano, 15 marzo 2013, p.5.
- 3 <http://www.2.azionecattolica.it/francesco-saremo-te>.
- 4 Quando il professor Bergoglio mi diede zero. // L'Osservatore romano, 17 marzo 2013, p.4.
- 5 Sorpresa e speranza. // L'Osservatore romano, 15 marzo 2013, p.5.
- 6 Ibid., pp.6-7.
- 7 Ibid., p.6.
- 8 Finotto C.A. Il digiuno di pace di Papa Francesco per la Siria // www.ilsole24ore.com/art/notizie/2013-09-07/papa-francesco-twitter-pregate-103304.shtml.
- 9 Riccardi A. La lezione laica sulla cultura dell'incontro. — Corriere della sera, 15 novembre 2013 // <http://www.andreariccardi.it/it/articoli/la-lezione-laica-sulla-cultura-dellincontro>; Paglialonga R. Vi spiego perché Francesco è il papa della speranza. Parla Riccardi. — Formiche, 09-11-2013 // <http://www.formiche.net/2013/11/09/vi-spiego-perche-francesco-il-papa-della-speranza-parla-riccardi/>; Millepagine: Intervista ad Andrea Riccardi sul libro «La sorpresa di papa Francesco» // <http://www.riccardiandrea.it/2013/11/millepagine-intervista-ad-andrea.html>; Quando il professor Bergoglio mi diede zero. // L'Osservatore romano, 17 marzo 2013, p.4; Romeo S. Lettera ai potenti. // SanFrancesco Patrono d'Italia — numero 7 luglio 2013.
- 10 Un nuovo papa, un papa nuovo. Intervista a Vito Mancuso. // www.frontieredigitali.it/online/un-nuovo-papa-un-papa-nuovo-intervista-a-vito-mancuso/
- 11 Finotto C.A. Op.cit. // www.ilsole24ore.com/art/notizie/2013-09-07/papa-francesco-twitter-pregate-103304.shtml.
- 12 Il lamento di Dolan per la chiesa di Francesco. // Il Foglio, 2 agosto 2013, p.1.
- 13 Кардинал: реформа Римской курии и Церкви будет длиться годы. Katolik.ru, 08.10.2013 // <http://www.katolik.ru/vatikan/116758-kardinal-reforma-rimskoj-kurii-i-tserkvi-budet-dlitsya-gody.html>; L'Osservatore romano, 31 ottobre 2013, p.5.
- 14 Deliziosi F. Francesco si appella ai giovani per creare il nuovo mondo. / Giornale di Sicilia, 29 luglio 2013, p.2.
- 15 http://www.repubblica.it/esteri/2014/11/25/news/il_papa_al_parlamento_europeo-101355462/?rss
- 16 Речь идёт о религиозных движениях мирян, таких как Католическое Действие, Причастие и Освобождение, Неокатекуменат, Община Святого Эгидия, Фоколяры, Обновление в Духе и др.
- 17 www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=12788; www.katolik.ru/tag/-statistika.html.
- 18 Исследование проведено на северо-востоке Италии конгрегацией сестёр-урсулинок. Donatella Motin. Donne e chiesa verso nuove immagini. // <http://www.orsolinescm.it/pagina.asp?quale=699>

- ¹⁹ Donatella Motin. Vita consacrata e culture. // <http://www.orsolinescm.it/pagina.asp?quale=364>;
- ²⁰ Христианство и вызовы секуляризма, неверие и религиозное безразличие. // www.katolik.ru/tserkov-i-obshchestvo/item/1558-hristianstvo-i-vyzovy-sek.html
- ²¹ Donatella Motin. Vita consacrata e culture. // <http://www.orsolinescm.it/pagina.asp?quale=364>: Cozza R. Nella società dell'informazione. Come parlare ai giovani di Vita Consacrata, in «Testimoni», 7/2010, pp. 9-11. Интернет-версия: http://www.vocazioni.net/index.php?option=com_content&id=1501:come-parlare-di-vita-consacrata-ai-giovani-di-oggi&Itemid=128; Косиченко А. Г. Глобализация и религия. — «Век глобализации». №1, 2013 // <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18821-globalizaciya-i-religiya.html>.
- ²² Cozza R. Nella società dell'informazione. Come parlare ai giovani di Vita Consacrata // http://www.vocazioni.net/index.php?option=com_content&id=1501:come-parlare-di-vita-consacrata-ai-giovani-di-oggi&Itemid=128.
- ²³ Подробнее о глобализме в религии в: Косиченко А. Г. Глобализация и религия. — «Век глобализации». №1, 2013 // <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18821-globalizaciya-i-religiya.html>
- ²⁴ Бенедикт XVI (Й. Ратцингер). Вера — Истина — Толерантность. М., 2007, сс.270-271.
- ²⁵ http://www.cesnur.org/religioni_italia/introduzione_01.htm
- ²⁶ Смирнов М. Стратегии религиозных организаций в России: клерикальность и секулярность. // www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1562.
- ²⁷ Il discorso di Papa Francesco a La civiltà Cattolica: «Non addomesticate le frontiere!» // www.pccs.va/index.php/it/documenti/magistero-del-papa-sulla-comunicazione/item/1548-citt%C3%A0-del-vaticano-il-discorso-di-papa-francesco-a-la-civilt%C3%A0-cattolica-non-addomesticate-le-frontiere
- ²⁸ Riccardi A. La lezione laica sulla cultura dell'incontro. — Corriere della sera, 15 novembre 2013 // www.andrearriccardi.it/it/articoli/la-lezione-laica-sulla-cultura-dellincontro; Caracciolo L. Maronta F. Andrea Riccardi: «Francesco è il primo papa della globalizzazione». // www.repubblica.it/esteri/2014/03/11/news/andrea_riccardi_francesco_il_primo_papa_della_globalizzazione-80738593/
- ²⁹ Джуссани Л. У истоков христианского притязания. «Путь». Книга вторая. М., 2010, с.141.
- ³⁰ Strazzari F. In Argentina per conoscere Papa Bergoglio. Bologna, 2013, p.6.
- ³¹ Подробнее об инкультурации веры, народной религиозности и теологии освобождения см.: Коваль Т. Б. Новый Свет Папы Франциска // Латинская Америка. 2013. № 7, сс. 4-20.
- ³² Strazzari F. Op.cit., pp.6-8.
- ³³ Ярчик Г. Католическая церковь в Латинской Америке. — Символ, Журнал христианской культуры при Славянской Библиотеке в Париже, №2 // http://krotov.info/libr_min/18_s/im/vol_021.htm
- ³⁴ Strazzari F. Op.cit., p. 14.
- ³⁵ Речь Святейшего Отца от 2007.05.12 на заседании открытия V Генеральной конференции епископов Латинской Америки и Карибских островов. // <http://www.katolik.ru/radio/item/2289-rech-svjatejshego-ottsa-o.html>
- ³⁶ Цит. Й.Ратцингера по: Strazzari F. Op.cit., pp.23-24.
- ³⁷ Цит.Х.М.Бергольо по: Brosel Gavilá J.J. Tendenze attuali nel rinnovamento dei pellegrinaggi. // http://www.pcmigrants.org/pom-120/tendenze%20brosel.htm#_ftn2
- ³⁸ Gutiérrez G. Teologia della liberazione. Brescia, 2012, p.340.
- ³⁹ Ibid., pp.20, 83-85, 88.
- ⁴⁰ Grimaldi C.M. Quell'affetto nato alla stazione della metropolitana. // L'Osservatore romano, 17 marzo 2013, p.5; Grimaldi C.M. Papa della carità. // L'Osservatore romano, 20 marzo 2013, p.6.
- ⁴¹ Riccardi: «Francesco è il primo papa della globalizzazione». // www.repubblica.it/esteri/2014/03/11/news/andrea_riccardi_francesco_il_primo_papa_della_globalizzazione-80738593/

© Текст: Вероника Язькова

Мой друг Колян

Владимир САЛИМОН

*Я не слушаю почти
радио
и не читаю.
Часто, сидя взаперти,
думаю, что умираю.
Нужен воздуха глоток –
шум ли это законный
или за полночь звонок
наглый, вздорный, телефонный.
Чтоб со мной товарищ мой
поделится свежей сплетней,
ничего, что я босой
на полу стою в передней.*

Владимир Салимон

AD MEMORIAM

Состарились и стали бояться смерти. Неожиданно после панихиды нас осталось человек десять-пятнадцать, остальные разбежались кто куда. В последний путь мы двинулись в полдень, жарким июньским днем. Николай Климонтович, Коля, мой дорогой Колян, умер 64 лет от роду от сердечной недостаточности, умер в Год литературы, провозглашенный нашим правительством по какой-то неведомой нам причине. Коле, если верить нынешней статистике, можно было вполне рассчитывать на десятилетие творческой активности, а значит на новые повести и романы, которые по милости Божьей или одной преуспевающей редакторши могли бы быть опубликованы в виде небольших книжиц.

К несчастью, этого не произошло.

Колян — в гробу, весь в цветах, как народный артист после спектакля в гримерке.

Я склонился и поцеловал Колю в лоб, полагая, что этот поцелуй он унесет с собой туда, в тот мир, где уже пребывает немало наших добрых товарищей и друзей, ждущих встречи с нами.

Мы познакомились давно, в том самом среднем возрасте, когда женщины вырастают из молодежной моды, а мужчины меняют сорт вина и сигарет. На наш средний возраст пришелся «Золотой век». Журнал, сей перл российского книгоиздательского дела, сейчас уже начисто забыт, как были забыты когда-то «Аполлон», «Золотое руно», «Весы». Победил Москвошвей! Но тогда никто не сомневался в нашей победе, все хотели печататься в «Золотом веке», бороться и побеждать. Я не скажу, что Климонтович с жаром отдался борьбе, так как это тоже будет «москвошвей», правильнее — Коля был одним из нас. Для меня самым близким и нужным.

Теперь, когда Коли не стало, я еще острее чувствую его близость и нужность мне. Свой ломаный грош я бы истратил на звонок другу Коляну. Я бы спросил у Климонтовича:

Ну, как ты там? Встретил ли кого из наших? Как там вообще? У нас подходит к концу 2015 год, год скверный во всех отношениях, голодный и холодный в том самом смысле слова, который мы называем переносным.

Загадка Лермонтова

Он миру чужд был.
Все в нем было тайной

(М. Лермонтов. «Св. Елена»)

Миссия Лермонтова —
одна из глубочайших загадок
нашей культуры.

(Д. Андреев. «Роза мира»)

равенства между главным персонажем и автором, «геройское сердце которых высушено в клочок кожи», а сам роман счел «клеветой на поколение», определив

Всего четыре года признания было отведено в русской литературе одному из величайших ее писателей. Корнет лейб-гвардии гусарского полка Михаил

Юрьевич Лермонтов стал известен широкой публике в 1837 году, после написания знаменитого стихотворения «Смерть Поэта», в котором вина за гибель А. С. Пушкина возлагалась на власть. Слава была мгновенной и скандальной: стихотворение в тысячах рукописных копий разошлось по России буквально в несколько дней, автор же был сочтен неблагонадежным и сослан на Кавказ. Публикацию недозволенного произведения, да и то с купюрами, отложили на целых двадцать лет.

Двумя годами ранее в «Библиотеке для чтения», без ведома автора, появилась поэма «Хаджи-абрек», оставшаяся не замеченной читателями. Зато все то немногое, что удалось напечатать после опалы, воспринималось с глубочайшим интересом и публикой, и критикой. Это были стихотворения и поэмы, печатавшиеся в журналах, чуть позже собранные под обложкой единственного прижизненного сборника, и роман «Герой нашего времени» (оба издания вышли в 1840 году).

Однако если поэзия Лермонтова принималась по большей части одобрительно, то роман получил критику довольно противоречивую и контрастную.

Первый отклик был отрицательным. Зоилом² Лермонтова стал Степан Бурачок, с ходу поставивший знак

его как «памятник легкого чтения», в котором «философии, религиозности, русской народности и следов нет», оттого это не более чем «гроб повапленный — снаружи красив, блестит мишурой, а внутри гниль и смрад».

Вторая рецензия пера небезызвестного издателя «Северной пчелы» Фаддея Булгарина имела целью опровергнуть нелестное мнение, однако лишь добавила непонимания. «Роман этот прелесть, от первой страницы до последней», — утверждал критик, а «его господствующая идея... есть разрешение великого нравственного вопроса нашего времени», а именно: человек «без положительных правил, без веры, надежды и любви» непременно кончит «эгоизмом», «пресыщением жизнью», «душевной сухоткой и гибелью».

Концептуально глубокое, хотя и не бесспорное прочтение принадлежало Виссариону Белинскому и задало тон критике на полтора столетия вперед. Именно оно поставило Лермонтова в число первых поэтов российской словесности и определило его как родоначальника русского психологического романа. При этом полемический пафос Белинского обрушился на «общество», не понявшее главного героя: «Вы предаете его анафеме не за пороки, — в вас их больше и в вас они чернее

и позорнее, — но за ту смелую свободу, за ту желчную откровенность, с которой он говорит о них<...> ваше инквизиторское аутодафе готово для всякого, кто имеет благородную привычку смотреть действительности прямо в глаза, <...> называть вещи настоящими их именами, и показывать другим себя не в бальном костюме, а ... в уединенной беседе с самим собой, в домашнем расчете с своей совестью».

В то время как сосланный поэт пребывал на Кавказе, страсти по нем бушевали в столицах, упрочивая славу в краткие приезды между следующей ссылкой, в которую он угодил в 1840 году после дуэли с атташе французского посольства Эрнестом Барантом. Редкие отпуска длились недолго, Лермонтову никак не удавалось выпросить прощение и уйти в отставку. В последний свой приезд в Санкт-Петербург он был окончательно принят литературной средой, строил планы издавать собственный журнал, но, получив предписание вернуться в полк, снова отбыл на Кавказ, где тремя месяцами позже был убит на дуэли в неполных 27 лет от роду.

О Лермонтове бурно погоревали друзья и почитатели, император Николай I прославился своей желчной репликой «собака собачья смерть» и сослал Мартынова, убийцу поэта, на покаяние в Киев. Более двадцати лет имя Лермонтова замалчивалось, и лишь в 1850-е годы усилиями биографов и литераторов были собраны мемуары современников, отысканы неизданные произведения и письма поэта. Оказалось, что Лермонтов — автор около четырехсот стихотворений, трех десятков поэм, двух незаконченных повестей, одного романа и полудюжины драматургических сочинений. При жизни было опубликовано менее четверти его наследия.

Когда же за дело взялись критики, выяснилось, что писать о Лермонтове весьма непросто. И по сей день, несмотря на старания множества исследователей, биография его изобилует «белыми пятнами»; история создания большинства произведений остается туманной; общая концепция творчества представляет проблему, а обстоятельства смерти до конца так и не выяснены. Время, как кажется, лишь множит усилия интерпретаторов, отодвигая разгадки на будущее.

***

Михаил Юрьевич родился в Москве в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова (по бумагам — Лермантова) в ночь со 2 на 3 октября 1814 года. Сожженная Москва только-только приходила в себя от нашествия

Наполеона, а в молодой семье его родителей развивалась семейная драма. Отец, мелкопоместный дворянин, был неверным супругом, что, по всей вероятности, и способствовало ранней смерти кроткой, набожной и болезненной матери поэта, принадлежавшей к старинному и богатому роду Столыпиных-Арсеньевых. После похорон матери началась настоящая битва за ребенка между отцом и бабушкой — Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, женщиной замечательной красоты и сильного характера, «любившей притом высказывать всякому в лицо правду, хотя бы самую горькую». В результате этой битвы трехлетней Миша Лермонтов остался не только без матери, но и без отца, который отныне жил отдельно и виделся с сыном едва ли более одного раза в год. Бабушка добилась полной опеки над внуком до совершеннолетия, предъявив ультиматум. Юрий Петрович отступился, поняв, что по скудости своего дохода не сможет дать сыну должного образования. Елизавета Алексеевна поставила крест на бывшем родовом гнезде: сожгла барский дом в Тарханах, в котором жили дочь с зятем, и выстроила рядом новую усадьбу, где и поселилась вместе с внуком.

Все это не могло не оставить следа на психике мальчика. Он с малолетства слышал пересуды о недостойном поведении и захудалости рода своего отца, что неизбежно бросало тень и на его собственное происхождение. В юности это вылилось в своеобразный «комплекс безродности»: он разыскал полулегендарные сведения о фамильном предке — шотландском поэте-прорицателе Томасе Лерманте, один из потомков которого якобы некоторое время жил в Испании, а с XVI века следы его рода оказываются уже в России. Собираемый образ этого мифологического предка столь часто виделся Лермонтову в воображении, что он даже нарисовал его портрет, дошедший и до нас.

Бабушка щедро компенсировала сиротство внука пламенной и искренней любовью, превратившей его в избалованного барчука. Мишелю ни в чем не было отказа: вся дворня исполняла его малейшие прихоти; для компании в доме постоянно проживали дети знакомых и родственников, которыми он быстро приучился верховодить. Не было недостатка в мамах, гувернерах и учителях, заботившихся о его воспитании и обучении. Мишель был счастливо одарен способностями, учился рисованию, музыке, занимала его и лепка из цветного воска, и театр марионеток, к которым он писал пьесы собственного сочинения. Он вовсе не был затворником в Тарханах: ребенка возили и по гостям, где собирался местный «свет»,

Миша Лермонтов в детстве.

и устраивались детские праздники. Возили Мишеля и на богомолье, и на оперу в Москву, и на Минеральные Воды на Кавказ для лечения золотухи.

По воспоминаниям современников, Лермонтов рос довольно резвым и впечатлительным ребенком, в котором, «несмотря на прирожденную доброту, развивался дух своеволия и упрямства». Он «с малых лет уже превращался в домашнего тирана, ... трунил над всеми, даже над своей бабушкой». «Проявления же поэтического таланта вовсе не было заметно в то время, — писал воспитывавшийся вместе с ним кузен Аким Шан-Гирей, — все сочинения... он писал прозой и нисколько не лучше своих товарищей». Это то, что видел друг, сам же Лермонтов тайно (!) завел юношескую тетрадь, в которую пока только переписывал отрывки из произведений Сент-Анжа, Лагарпа, Пушкина и Байрона.

Когда возможности домашнего воспитания были исчерпаны, бабушка везет Михаила в Москву, где он готовится поступить в Московский университетский благородный пансион, 1 сентября 1828 года зачислили в 4-й класс. В свою юношескую тетрадь он начал заносить собственные стихи собственного сочинения, поэму Байрона «Корсар» (1828), а затем и начальную редакцию «Демона» (1829), где действовали его первые одинокие герои.

11 марта 1830 года Московский университетский благородный пансион посетил Николай I. Визит кончился грандиозным скандалом: о приходе императора

не оповестили, и никто царя не узнал, никто не вытянулся «во фронт». Две недели спустя вышел Высочайший указ Сенату о преобразовании благородных пансионов при Московском и Санкт-Петербургском университетах в гимназии. Тою же весной, закончив курс, Лермонтов принял решение поступать в Московский университет.

Летом с семьей он отправился в паломничество в Троице-Сергиеву Лавру, здесь он познакомился с Екатериной Сушковой, влюбился, но получил первое разочарование: легкомысленная красавица жестоко посмеялась над своим воздыхателем, сочтя его ребенком — Михаил действительно был моложе ее на два года. Лермонтов отдал целой серией стихотворений в ее альбом, из которых самое знаменитое — «Нищий». Обиду он запомнил надолго.

Осенью он уже в университете, где общение с однокашниками и преподавателями не складывается. Начитанный и умный юноша, знакомый не только с произведениями русских и западных писателей, но и с эстетикой Шиллера и Шеллинга, не находит среди студентов равных себе по интересам и пристрастиям и замыкается в своем высокомерии. Он подчеркнуто держится отдельно от остальных, при этом его «ядовитость во взгляде... была поразительна. Сколько презрения, насмешки и вместе с тем сожаления изображалось тогда на его строгом лице», — вспоминает один из студентов.

Самое светлое событие университетского периода — знакомство с Варварой Лопухиной, которую многие считают единственной искренней любовью Лермонтова. Следы этой истории можно отыскать в неоконченной повести «Княгиня Лиговская». Переписка поэта с Лопухиной продолжалась вплоть до ее замужества в 1835 году, которое Лермонтов воспринял необычайно эмоционально, хотя к тому моменту их отношения, по-видимому, перешли просто в прочную дружбу.

Именно в этот период окончательно оформляется двойственность поведения Лермонтова: он приветлив, сердечен и жизнерадостен лишь в кругу близких, всякого же нового человека встречает он в лучшем случае холодом, в худшем — едкой насмешкой. Московский университет окончательно теряет для него интерес, он подает прошение об увольнении и собирается перевестись в университет Петербурга.

Но и тут его ждет неудача: Петербургский университет отказал Лермонтову в переводе из-за того, что он не представил экзаменационного аттестата из университета Московского. Начинать же первокурсником

Слева направо: мать, бабушка и отец Михаила Лермонтова.

Михаил не захотел и принял неожиданное для всех решение стать военным.

Школа гвардейских прапорщиков, куда Лермонтов был зачислен 14 ноября 1832 года, ввела его в совершенно новую среду. Это была сплоченная казарменным братством мужская компания, в которой Лермонтов стал одним из заводил. Он добился привилегий — жил преимущественно не в полку, а на частной квартире у бабушки, которую упрямился переехать в Петербург. В то же время, желая избавиться от остатков женского воспитания, Лермонтов стал усиленно культивировать в себе «мужские качества»: занялся конной выездкой, научился мастерски сражаться на саблях, завел курительную трубку и не пропускал ни одного из казарменных кутежей. Художественное дарование его приняло иное направление: в Школе имели большой успех его юнкерские стихи в духе понятной в этой среде барковщины: «Гошпиталь», «К Тингазуну», «Петергофские праздники», «Уланша». Все это никак не могло быть опубликовано и находило приют лишь в рукописном журнале юнкеров «Школьная заря».

В это же время Лермонтов стал появляться на балах, где искал дамского общества. По свидетельству многих, был он далеко не красавец. «С его... желанием везде и во всем первенствовать и быть замеченным, не думаю, чтобы он хладнокровно смотрел на этот небольшой свой недостаток», — отмечал соученик по юнкерской школе Александр Меринский. Но Михаил Юрьевич поставил перед собою цель добиться внимания «силою своих речей» и дал волю злomu языку, оттачивая искусство каламбура и остроты. Тактика была успешной. Постепенно в салонах северной столицы за ним прочно закрепилась роль отвязного повесы и острошлова.

С внешней точки зрения, это была деградация: Лермонтов принял правила игры того общества, в кото-

рое хотел вписаться. С его же точки зрения — то была победа: в утрированной, отшлифованной до блеска издевательской форме он предлагал светской культуре ее собственный язык общения, доводя его до логического предела — игрового эпатажа.

Но под мишурной оболочкой скрывалась иная жизнь: в альбомы светских красавиц он десятками писал лишь колкие эпиграммы; для души же оставались письма друзьям, оставшимся в Москве, тайные от товарищей по юнкерской школе литературные занятия — чтение и записи в заветную тетрадь: «Парус», «Измаил-бей», новая редакция «Демона». И необычное признание в одном из писем: «Единственно, что придает мне сил, — это мысль, что через год я офицер».

Наконец свершилось и это: 22 ноября 1834 года Высочайшим приказом Лермонтов произведен по экзамену из юнкеров в корнеты лейб-гвардии гусарского полка.

Надев офицерский мундир, он сей же час едет по красоваться на бал, где по случайности встречает давнюю знакомую — Екатерину Сушкову. Но Лермонтов — уже не тот желторотый влюбленный, которого некогда легкомысленно отвергли. Теперь он вооружен для взятия реванша. Знаменитая история с Сушковой — это хорошо поставленный жестокий спектакль с лихо закрученной интригой. Узнав, что Сушковой сделано предложение, Лермонтову удается свадьбу расстроить, притворяясь пылко влюбленным. Когда же Мишель добивается взаимности и от него тоже ждут предложения, он от имени анонимного доброжелателя пишет «даме сердца» письмо, в котором сообщает, что все это лишь игра. Подделку легко раскрывают, ибо она написана всем известным почерком, однако Лермонтову этого и надо: он является на «серьезный разговор» и холодно подтверждает, что — не любит и никогда не любил Ека-

терину. Именно на такой эффектный финал и был весь расчет: месть удалась.

Весьма сомнительная история лишь упрочила авторитет: кроме семейства Сушковой от дома никто ему не отказал. Он продолжал вращаться в обществе, деля время между казармой и балами, дружескими кутежами и светскими развлечениями. В полку повсюду процветают карточные игры, попойки с девицами и с цыганами, и самый усердный почитатель всех этих увеселений — Лермонтов. Такая жизнь требовала немалых средств. Друзья, знающие о литературных занятиях Лермонтова, предлагают ему продавать свои стихи, печатать их, но он легкомысленно отделяется цитатой из Гете:

Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

(Я вольной птицею пою,
И звуки мне отрада!

Пер. Аполлона Григорьева).

В материальном отношении Лермонтов был крайне беспечен, целиком полагаясь на бабушку, и Арсеньева весною 1835 года отправляется в Тарханы, дабы изыскать необходимые средства для любимого внука. Это первая серьезная разлука, «удалой гусар» в ужасе: «Не могу... выразить, как огорчил меня отъезд бабушки. Перспектива остаться в первый раз в жизни совершенно одному — меня пугает».

В феврале 1837 года, после гибели Пушкина, разворачивается «дело о недозволительных стихах», Лермонтов попадает под Высочайший указ, его переводят из гвардии в Нижегородский драгунский полк, расквартированный на Кавказе. Несчастливая бабушка пробует использовать все свои связи, чтобы добиться хотя бы отсрочки, но ничего нельзя поделывать: 19 марта Лермонтов отбывает к месту назначения.

В апреле он уже в Ставрополе. Простудившись в дороге, Михаил Юрьевич пишет рапорт о болезни, в результате его переводят в Пятигорский военный госпиталь для лечения ревматизма минеральными водами. По выздоровлению ему предписано отправиться в осеннюю экспедицию против черкесов.

В Пятигорске Лермонтов живет отнюдь не анахоретом. Он принимает участие во всех пикниках и праздниках. Здесь же поэт познакомился с Виссарионом Белинским. Встреча произвела на обоих самое неслестное впечатление. Лермонтов, как обычно при встрече с незнакомым человеком, до упада острил; Белинский же, склонный к серьезным разговорам и не терпевший пустосло-

вия, горячился и злился. Расстались холодно. Лермонтов утвердился во мнении, что критик — «это недоучившийся фанфарон», а Белинский позже написал тому, кто решил познакомить их: «Пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов».

Наконец поэт прибывает в Грузию, но осенняя экспедиция отложена, и вся служба свелась к бесконечным передвижениям по казенным надобностям, где только пару раз довелось отстреливаться от случайных разбойников. Эти бродяги, оказывается, нравятся ему своей свободой, он начинает учиться татарскому (азербайджанскому), «который необходим в Азии, как французский в Европе», и планирует когда-нибудь ехать в Мекку, в Хиву, Персию. Но благодаря бабушкину заступничеству его переводят в Россию, направляют в Гродненский полк. Поэтический итог ссылки 1837 года: «Ветка Палестины», «Узник» (следы «внезапного вдохновения» в самые первые дни опалы), «Песня про купца Калашникова...» (написанная «от скуки» во время болезни), «Кинжал», «Гляжу на будущность с боязнью...» и еще около десяти других, столь же первоклассных лирических стихотворений.

Новый, 1838 год Лермонтов встречает уже в России. 3 января 1838-го он прибывает в Москву, во второй половине января — уже в Новгороде, где поселяется в доме для холостых офицеров, а в середине мая поэт окончательно прощен и получает право вернуться в Санкт-Петербург. Все отмечают, что он возмужал, стал более сдержан. Сам же он обнаруживает в свете «пропасть сплетен» о себе и докучливое внимание. «Целый месяц я был в моде, меня разрывали на части... Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах, с наслаждением окружает меня лестью...».

Лермонтов все более и более мечтает об отставке, чтобы заняться литературой. В это время он сближается с семейством Карамзиных, и они всячески поощряют его. Он знакомится с Жуковским и передает ему «Тамбовскую казначейшу», получив в обмен «Ундину» с дарственной надписью. Андрей Краевский печатает в «Отечественных записках» «Думу», «Поэта», «Русалку», там же, на подходе, — переводы из Байрона, «Бэла», другие части «Героя нашего времени» и многое другое. Кажется, будто Лермонтов стремится наверстать время, потраченное на пустую жизнь, и буквально исторгает из себя всё, что долгие годы так и просилось с пера.

Граф Владимир Соллогуб по заказу Императорского двора пишет пасквиль на Лермонтова — в повести

«Большой свет» выводит его под именем «маленького корнета» Мишеля Леонина, стремящегося проникнуть в высшее общество. Лермонтов предпочитает «не заметить» этот эпизод. Его заботы другого порядка: он крайне избирателен к печати, отдавая ей лишь «самое безукоризненное». Он безжалостно выбрасывает в мусор тетрадку своих детских опытов; кузен Шан-Гирей весьма осуждал публикацию этих незрелых стихов Лермонтова после его гибели (их собрали-таки из копий в альбомах и письмах).

Самый загадочный эпизод в жизни Лермонтова — его участие в «Кружке шестнадцати». О членах и деятельности этого таинственного аристократического клуба не осталось почти никаких свидетельств. Лишь по смерти некоторых из них самые общие сведения появились за границей в мемуарах одного из участников — поляка Ксаверия Браницкого: «В 1839 г. в Петербурге существовало общество молодых людей, которое называли, по числу его членов, кружком шестнадцати... Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там, после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и всё обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III отделения собственной Его Императорского величества канцелярии вовсе и не существовало...».

Известно, что, помимо самого Браницкого, в кружок входили Лермонтов и его кузен Монго-Столыпин, дипломат и иезуит Иван Гагарин, морской офицер барон Фредерикс, кавалергард Жерве и, возможно, Александр Васильчиков. Предполагают, что участники кружка обсуждали вопросы свободомыслия и исторического пути России; возможно, что под влиянием этих разговоров Лермонтов и написал «Фаталиста», а позднее — стихотворения «Родина» и «Спор». Отголосок подобных мыслей можно услышать и в знаменитом высказывании Лермонтова о России: «Хуже всего не то, что некоторые люди терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого» (опубликовано в мемуарах Юрия Самарина). Это — глубинный уровень ментальности поэта, которая выходит на поверхность чрезвычайно редко и охраняется особенно тщательно. Замки двойные — и от уха третьего охранного отделения, и от насмешников. Лермонтов стыдится своей сострадательности.

Неудовлетворенность увеличивалась невозможностью свободно проявлять свои умонастроения. Но она должна была найти выход. 16 февраля 1840 года на балу

у Лавалей Лермонтов ссорится с атташе французского посольства Эрнестом Барантом. Дело кончается дуэлью. Трудно сказать, что послужило внешним поводом: дама либо нелестное высказывание француза, затрагивающее честь русских. Слухов было много. Дрались на саблях, Лермонтов получил легкую рану, после чего перешли на пистолеты: Лермонтов выстрелил в воздух, Барант промахнулся. На том и разошлись. Дело долго не получало огласки, пока какая-то из светских дам не проболталась «в очень высоком месте», в результате на Страстной неделе Лермонтов был заключен под арест. Узнав об этом, Елизавету Алексеевну разбил паралич, однако бабушка просит в письмах («чтобы Мише было не так скучно») обеспечить вход к арестанту для друзей и знакомых в «ордонанс-хауз».

Место это вошло в анналы истории тем, что именно в каземате произошла вторая встреча поэта с Белинским, с которой критик ушел глубоко потрясенным: «В первый раз я видел этого человека настоящим человеком!! Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: “дай Бог!”... В словах его было столько истины, глубины и простоты!.. А ведь чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хотя на минуту быть самим собою».

Между тем состоялся суд. Хотя дуэль закончилась без потерь, сам факт ее проведения и утаивания повлек суровое наказание: 13 апреля 1840 г. Лермонтова — он уже поручик — переводят в Тенгинский пехотный полк на Кавказ.

Начинается долгий и мучительный отъезд. Он прощается с безутешной бабушкой (больше они не увидятся) и едет через Москву, где останавливается на несколько дней и принимает участие в вечере, на котором чувствуют Гоголя. Лермонтов читает на вечере отрывок из поэмы «Мцыри». Суждения Гоголя, как всегда, безжалостно точны и пророчески: «Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца».

10 июня он прибывает на Кавказ, его прикомандируют к отряду артиллерии генерал-лейтенанта Галафеева. Как разительно отличается этот приезд от предыдущего! Ни развлечений, ни безделья: почти сходу он участвует в походе из крепости Грозной в Малую Чечню, где ведутся перестрелки, где русские отряды сжигают деревни и истребляют близлежащие засеянные поля. 11 июля он принимает участие в битве при реке Валерик. Итоги

его описаны в журнале военных действий: «Чеченцы в сем деле оставили на месте боя до 150 тел и множество оружия всякого рода. Потеря с нашей стороны в этот день состояла из убитых 6-ти обер-офицеров, 63 нижних чинов...».

Впервые Лермонтов видит массовую гибель людей и пишет стихотворение «Валерик»:

Я думал: «Жалкий человек,
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

В конце июля солдатам дают кратковременный отпуск. Лермонтов немедленно отправляет письмо бабушке с просьбой прислать книг: полное собрание сочинений Жуковского и полного Шекспира на английском языке. Бог знает, какие планы зародились у него в голове: биографам Лермонтова об этом ничего не известно. Зато много лет спустя появляются дневники французской писательницы-авантюристки Адель Омер де Гелль, которая претендует на роль «последней любви» Лермонтова. В дневниках красочно был описан их бурный роман: «Мы полюбили друг друга в Пятигорске. Он [Лермонтов] меня очень мучил... Он сблизился со мною за четыре дня до моего отъезда... и бросил меня из-за старой рыжей франтихи...». Эту мелодраму позднее разоблачили как мистификацию переводчика, который стилизовал всю историю под сюжет из «Княгини Лиговской».

В сентябре 1840-го вновь начинаются сражения. Лермонтову подчиняют отряд в сто казаков, которыми он удачно командует, устраивая вылазки против горцев: «Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными». Храбрость Лермонтова в осенних походах была отмечена в рапорте начальства, и в декабре месяце ему разрешают отпуск, и поэт едет в Петербург.

Он возвращается с Кавказа с новыми мыслями о России: «Мы должны жить своею самостоятельную жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским? Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще малопонятны...». Эти мысли не вполне согласны с формирующимся мнением, в России как раз начали зарождаться первые объединения будущих «славянофилов» и «западников», которые

ищут скорее точек расхождения, жаждут боев, а не проникновения в смыслы друг друга.

В то время как интеллектуалы стараются вовлечь Лермонтова в свои объединения; светское общество стремится позвать к себе «знаменитость», двери всех салонов открыты для него. В начале февраля Михаил Юрьевич появляется на балу у графини Воронцовой-Дашковой; но вдруг — ушат холодной воды: ему объявляют, «что он уволен в отпуск лишь для свидания с “бабушкой”, и что в его положении неприлично разъезжать по праздникам, особенно когда на них бывает Двор».

Но вот высшая несправедливость: бабушка, жаждущая повидаться с внуком, из-за распутицы не может добраться до Петербурга. В ожидании ее приезда, Лермонтов покупает множество книг. Среди авторов — Лафатер и Галь: его новое увлечение — френология. Завязались и новые знакомства, среди прочих — с поэтессой графиней Евдокией Ростопчиной. Он, как кажется, ведет себя осторожно и вроде бы даже остепенился. Но это уже не имеет значения, ибо Двор помнит его; «непозволительные стихи», Двор раздражен растущей славой поэта, и самим его присутствием в Петербурге. Внезапно терпению приходит конец, Лермонтову предписано в 48 часов покинуть столицу и срочно отбыть в полк.

У Ростопчиной состоялась прощальный ужин. Лермонтов в отчаянии: о желанной отставке и речи нет; встреча с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой так и не состоялась; он только и может что написать: «Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и уверены, что Бог вознаградит Вас за все печали».

23 мая в сопровождении кузена Столыпина поэт прибывает на Кавказ. По предписанию ему надлежало ехать прямо в армию, но по какому-то необъяснимому наитию его тянет в Пятигорск. Ничто не препятствует ему в этом выборе: Столыпин легко соглашается свернуть с пути, пятигорское начальство выписывает «липовую» справку о болезни, разрешающую находиться на водах «вплоть до излечения». Молодые люди нанимают дом, где Лермонтов и проведет последние два месяца своей жизни и напишет последние — самые лучшие свои стихи, одно из которых — «Сон» — самое загадочное: это предсказание собственной смерти.

Мысль об этом одолевала поэта с самого момента отъезда из Петербурга, тому есть десятки свидетелей. Все это время он как бы уже и не жил, а парил над миром, был по ту сторону бытия и смотрел оттуда на себя — еще живущего. Это был сильный зов смерти, которому

и хотелось, и не хотелось сопротивляться. Хотелось — ибо он почти нащупал способ, приемлемый для жизни, но то была бы жизнь без соли, жизнь, купленная ценою ответственности, то есть несвободы. Не хотелось — ибо маска приросла и принудительная «свобода» игры с жизнью все еще влекла своей мнимой непредопределенностью. Оба выхода не предлагали ничего, кроме «гибели всерьез». Понимание вело не к резиныции, но к холодному отчаянию.

События разворачивались стремительно. Рядом с компанией Лермонтова селится бывший однокашник по Школе прапорщиков Николай Мартынов. Он не друг, так ... приятель, небольшого ума и с претензией на «оригинальность». Лермонтова, всегда чуткого к фальши, это бесит, и он принимается методически изводить несчастного. Мартынов долго терпит, но в конце концов тот шлет вызов оскорбителю. Их пытаются примирить, однако происходит это довольно неловко. Дуэль назначают у подножия Машука на пистолетах.

Гордыня обоих уже «зашкаливает» — и это не дозволяет просить друг у друга прощения. Каковы же будут действия?

Оскорбитель — стреляет в воздух. Оскорбленный же — целится в сердце. И попадает...

...В описи имущества, оставшегося после убитого на дуэли Тенгинского пехотного полка поручика Михаила Лермонтова среди прочего числятся:

«Образ маленькой Св. Архистратиха Михаила в Серебрянной вызолоченной рызе.

Образ не большой Св. Иоанна Воина в Серебрянной вызолоченной рызе.

Таковий же побольше Св. Николая Чудотворца в Серебрянной рызе с вызолоченным венцом.

Образ Маленькой.

Крест маленькой Серебрянный вызолоченный с мощами.

Собственных сочинений покойного на разных ласкуточках бумаги кусков — 7».

***

Михаил Юрьевич Лермонтов принадлежит к тем натурам, жизнь которых тесно связана с творчеством. Это ощущает любой исследователь, потому так часты попытки вывести непосредственно из биографии поэта темы, мотивы, а то и прямо сюжеты его произведений. При всей оправданности такого подхода он порой дает парадоксальный эффект. Те, кто видит в Лермон-

тове лишь «пресыщенного жизнью аристократа, разъедаемого рефлексией», заходят в тупик при объяснении «Ангела», «Молитвы», «Песни про... удалого купца Калашникова» и т. п. Поборники «почвеннических» и «религиозных» тенденций в его творчестве выводят на передний план «Молитву», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Бородино» и полностью отвергают как скверное или неудачное «Демона», «Маскарад» и «Героя нашего времени».

Связь между менталитетом, психологией и жизнью Лермонтова, с одной стороны, и его произведениями — с другой, безусловно, есть, но она совершенно особого порядка.

Лермонтов был в равной степени наделен волевым началом, неординарным интеллектом и воображением. Всё это — качества врожденные и, при отсутствии мудрого наставничества со стороны, взрывоопасные.

Волюнтаризм проявился в нем очень рано и на первых этапах жизни получил сильную подпитку вседозволенности. Но чем более культивировалась и поддерживалась тепличная атмосфера любви и обожания Мишеля в детстве, тем неизбежнее его должен был настичь момент кризиса при столкновении с реальной жизнью. Уже в Московском благородном пансионе Лермонтов встретил глухое сопротивление со стороны «внешнего социума». Несмотря на все таланты, оценивали его как «среднего ученика», ничем не выделявшегося из общей массы, а стихотворные опыты юного Лермонтова в кружке Семена Раича были приняты за обычные ученические эскзерсисы. Это была отрезвляющая ситуация, надо было что-то срочно делать.

Мишель выбрал, как умел: отсек от себя всю внешнюю критику и стал «запойным» книгочеем. Мир художественного вымысла как опора одинокого «я» — общее место романтической личности, с которой Лермонтов в этот период идентифицирует себя. «Кто несчастлив в сегодняшнем мире, — писал еще Новалис, — кто не находит того, что ищет, пусть уйдет в мир книг и искусства., пусть живет в этой гонимой церкви лучшего мира. Возлюбленную и друга, Отечество и Бога обретет он в них».

Книжное самообразование повлияло не только на формирование мировоззрения Лермонтова, но и на развитие его поэтического дара: природное эстетическое чутье выводит поэта на глубины, где он улавливает самую сущность искусства, его миметическую, подражательную природу.

Художественный мир не возникает из пустоты, он всегда чему-то уподобляется, что-то отражает и преобразует. В силу этого у художественного подражания есть две стороны: собственно *уподобление*, которое обуславливает плодотворное «вживание» в образы, и пейзаивный остаток — сознательное *лицемерие*, разыгрывание, создание обмана — несуществующей реальности.

Оба эти свойства миметического искусства Лермонтов, безусловно, сознает и искусно использует не только в творчестве, но и во внешнем мире. Это, вероятно, самый кардинальный выбор в его жизни, поскольку он находит для себя возможность овладеть не только искусством, но и жизнью. Отсюда вырастают его первые каламбуры, полные язвительной насмешки. Написав искреннего «Нищего», Михаил не добился от первой возлюбленной взаимности («согласитесь, что и вы и стихи ваши еще в совершенном младенчестве», — только и сказала ему Сушкова), но покорила множество барышень едкими и остроумными мадригалами. Он культивирует этот кокетливый салонный жанр и достигает в нем истинных высот.

Но были и другие стихи, которые он хранил исключительно для себя. Глубоко чуждый всякой поэзы, Лермонтов долгое время не помышлял об известности и славе стихотворца и вовсе не стремился публиковать свои произведения: он оттачивал свое орало в тайной лаборатории, ибо действовать предстояло не на целине, а на уже густо засеянном поле. Прежде чем на его участке вырастут цветы несравненной красоты, еще предстоит выполоть немало сорняков.

Лермонтов начинает «полоть» и «сажать свои цветы» в полном одиночестве, фактически без систематического образования. Он не вхож в интеллектуальные кружки: всё, что связывает его с ментальными брожениями эпохи, это чтение журнальной периодики, недолгие поэтические упражнения в группе поэта-переводчика Раича, эпизодические контакты со студентами Московского университета. Все остальное — интенсивная индивидуальная работа и поэтический дар.

Вся ранняя лирика Лермонтова — абсолютно и сознательно *подражательна*. Как много чужих голосов звучит в это время в его стихах: это и знаменитые мотивы «одинокого челнока, мчащегося по воле волн», «листка, оторвавшегося от родимой ветки», «одинокое дерева», «узника, пребывающего в темнице и страстно стремящегося на волю», — все это расхожие штампы столь милой его сердцу романтической литературы, бытовавшие в ни-

колаевскую эпоху в тысячах экземпляров, а порою уже и приевшиеся. Многие почитатели его таланта восхищаются стихотворением «Когда волнуется желтеющая нива...», но стоит помнить, что это совершенное по своей художественной форме произведение — не более чем парафраз столь же знаменитого стихотворения Ламартина «Крик души» («Le cri de l'âme»).

Лермонтов перебирает, перелагает и присваивает не только образы, мотивы и сюжеты, он упражняется в разных стилях, он выбирает наиболее понравившиеся у других выражения и целые фразы, а затем беззащитно присваивает их себе, вставляя в собственные сочинения, шлифует, оттачивает отдельные мысли до уровня афоризмов. Он не стремится экспериментировать со стихотворными размерами — берет то, что уже разработано до него, и использует, смешивая меж собою. Свобода жонглирования формами, игровая функция — вот что прежде всего ценит он в этом увлекательном занятии.

Поэтическая продуктивность Лермонтова в этот период поразительна: за годы «ученичества» он буквально переписывает, переигрывает все доступные ему формы русской поэзии. Когда он все это успевал, остается загадкой. Ведь его почти никто не видел пишущим: на глазах были бесконечные проделки шалуна, розыгрыши, светские развлечения и скандалы. Но остается фактом, что «между делом» с 1828 по 1835 год Лермонтов создал более трехсот произведений, которые составляют три четверти его поэтического наследия.

К этому наследию относятся неоднозначно. В первую очередь — именно за ту самую всеядность. Ее называют по благородным словом «протейзм», то «отсутствием собственного стиля». Степан Шевырев слышит в лермонтовской поэзии «звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова... иногда мелькают обороты Баратынского, Дениса Давыдова... — и сквозь все это постороннее влияние трудно нам доискаться того, что, собственно, принадлежит новому поэту». А Борис Садовской заявляет не чинясь: «Полное собрание его стихотворений являет собою огромную грудку черновиков».

С этим, конечно, трудно не согласиться, если забыть о том, что эти «черновики» для полного собрания сочинений вовсе и не предназначались. В наследии Лермонтова действительно содержится много подготовительных материалов, но есть и то «безупречное», что он счел возможным опубликовать в своем единственном изданном при жизни сборнике.

Если обратить внимание именно на эти произведения, то увидим среди них истинные шедевры. Да, Лермонтов не изобрел ничего нового в русском стихе, он не *реформировал* его, но, оставаясь в рамках существующих форм, существенно их *деформировал*. Ведь особое ощущение канона как рамок и правил, в которые замкнут каждый жанр, — это не всегда признак дурной литературы. Бывали эпохи, когда в строгом следовании канонам виделся особый шик, поэтическое мастерство: таково творчество великих виртуозов слова — трубадуров, вагантов, миннезингеров, давших изумительные по своей поэтической изощренности образцы. Лермонтов, порою подчеркнуто утрировавший в своем поведении оригинальность, вовсе не стремился к ней в поэтическом творчестве. Он брал готовые формы, чтобы выполнить куда более сложную задачу: оживить таящийся в них смысл, отложенный десятилетиями, а то и столетиями, напитавший их скрытыми силами, которые дано раскрыть только мастеру. Он делал это, отнюдь не уничтожая форму, а напругая ее изнутри, заполнял старые мехи молодым терпким напитком, который вбирал в себя весь накопившийся аромат древних сосудов.

Два личностных пафоса, равно отражавших его внутренний мир, наполняли эти сосуды: меланхолия и инвектива. Один пафос шел от элегии, другой — от оды. Один отзывался тихими переливами флейты, другой вибрировал барабанным боем. В одном звучала печаль, в другом прорывался гневный протест, а порою звучал и сарказм. И самым необычным было то, что он умел органично сливать эти разнонаправленные голоса, облекая их в слово необычайно простое и прозрачное. Тогда рождались «Молитва», «Дума», «Мцыри», «Пророк», «Парус», «Три пальмы», «Выхожу один я на дорогу...».

Но, делая все это, Лермонтов вовсе не «забывался», не пленялся своими стихами и своими поэтическими «находками». «Когда на меня находит дурь любоваться собственными мыслями, я делаю над собою усилие, чтобы припомнить, где я читал их», — говорил он не только о своих умонастроениях, но и о стихах. Он постоянно помнил о том, что создавал иллюзии, и ироническая дистанция уберегала его от самодовольства и односторонности. Лермонтов изменял этому правилу крайне редко: это случилось, когда он писал «Смерть Поэта» и когда мучился над драмой «Маскарад». Два эти произведения, которые знает каждый русский школьник, ибо они вошли во все учебники, — его самые большие художественные неудачи.

Стихотворение «Смерть Поэта» было написано залпом и отражало искреннее чувство: превыше всего Лермонтов ценил в русской литературе поэзию своего старшего современника — Пушкина, произведения которого являлись для него творческим эталоном. Он воспринял его убийство на дуэли как личную утрату, это было спонтанное чувство, которое тотчас же вылилось в стихотворение — но как раз вот этого и не должно быть в «искусстве». Аффект искренности убирает ту многозначность, которой так дорожит иллюзия, стирает грани между искусством и жизнью, превращает эмоцию в голый вопль негодования или страсти. В такие минуты мир четко делится на своих и чужих, на белое и черное, и тогда на свет являются слова абсолютно спонтанные и однозначные — языковые клише, все, что является в готовом виде. «Смерть Поэта» я считаю именно таким произведением.

Вторым неудачным опытом была драма «Маскарад», которую Лермонтов несколько раз перерабатывал, но так и не довел до желаемого совершенства. Талант его был преимущественно лирического склада. Ему не удавались коллизии, необходимые для развития пьесы. В «Маскараде» прописаны только монологи Арбенина, они-то и заполняют все действие, превращаясь в давящую силу, от этого вся интрига становится сухой и абстрактной, «неправдоподобной». Он потерял свои главные козыри — легкость и иронический взгляд со стороны, вот почему пьеса не удалась.

Однако была у Лермонтова одна тема, к которой он отнесся всерьез и при этом сумел выразить ее адекватными художественными средствами. Она явилась ему довольно рано, еще в ученический период, и превратилась в доминанту его творчества на очень долгий период. Это была художественная проекция того чувства, которое он уже выявил в себе: соблазнение словом, овладение миром с помощью «неистинных речей». Обман предстал здесь в облике Демона-искусителя, древнего архетипа культуры, восходящего к библейской легенде.

Первую редакцию поэмы «Демон» Лермонтов написал еще в 1829 году. Тогда он, экспериментируя с русским стихом, стремился расширить его за счет иностранных влияний, и уже как поэт, а не просто мальчик, учивший английский язык по первоисточнику, обратился к фигуре Байрона. Творчество этого поэта открылось ему поистине «землей обетованной». Русский романтизм, по сути, был ослабленным вариантом романтизма европейского, импортным продуктом, он не имел той перво-

зданной силы, какой обладал в Германии, Франции и Англии. Но языки Франции и Германии были Лермонтову родными, привычными и не могли дать того впечатления, которое произвел Байрон — с его британским сплинном, необузданностью нрава, свободолюбивым протестом и самобытным английским поэтическим стилем, столь отличавшимся от русской просодии. Он усвоил байроническую позу, присвоил мотивы его лирики, но главное — нашел столь желанный для себя образ героя.

Демон пленил его идеей соблазна и скандала (искушения и протеста), которую Лермонтов воспринял через байроновского «Дон Жуана» и «Каина». Он создал восемь вариантов поэмы, в каждом из которых повному обыгрывал все возможности этого емкого образа. Последовательно проявлялся в нем демон-бунтарь, демон-мститель, скучающий демон, а под конец и демон-богоборец. Помимо поэм, тема демонизма проникла и в иные жанровые формы, которые использовал Лермонтов: в роман «Вадим», драму «Маскарад», следы ее видны даже в «Песне про купца Калашникова». Ритмико-интонационная сила монологов беса превращалась в гипноз, постоянно множась лики его грозили заполнить все поэтическое пространство. Это было настоящее наваждение. Тем самым свобода, которую поэт ценил выше всего, подверглась угрозе. Лермонтов отдавал себе в этом отчет и положил предел: как он выразился, «отделался от Демона стихами». Однако, как мы полагаем, это было не совсем верно, окончательный расчет состоялся не в поэзии, а в прозе — в «Герое нашего времени».

Переход Лермонтова к прозе был неизбежен по той же причине, что и ранее к драматургии. Попробовав себя во всех возможных формах поэзии и исчерпав их, он переходит к освоению новых жанров. Первыми опытами стали роман «Вадим» и повесть «Княгиня Лиговская». Оба произведения были забракованы самим автором и остались неоконченными: Лермонтову не удавался сюжет. Но все чудесным образом получилось, когда родилась идея «Героя нашего времени».

По своему жанру «Герой нашего времени» — синтетическое повествование: оно состоит из пяти самостоятельных «произведений», связанных вместе одним героем — Печориным. Обращаясь к ним по отдельности, читатель последовательно оказывается во власти законов построения разных жанровых форм: романтической повести, светской повести, путевого очерка, исповеди, и каждая из них рисует характер героя по-разному. В «Бэле» — это таинственный и притягательный ге-

рой-соблазнитель, Дон Жуан, добивающийся любви «дикарки», и бросающий ее после того, как пресытился ее чувством. В «Максиме Максимыче» — бездушный герой-одиночка, пренебрегающий человеческими привязанностями. В «Тамани» — иронизирующий над собой герой, попавший в комическую ситуацию с «наивными» контрабандистами, завлекшими его в ловушку. В «Княжне Мери» — герой-мститель, от нечего делать увлекающий девушку в сети и убивающий на дуэли ее воздыхателя, когда тот вознамерился посмеяться над ним. В «Фаталисте» — герой-философ, рассуждающий о предопределении и экспериментирующий с ним. В каждом повествовании обнажается какая-то одна черта Печорина, а все вместе они призваны создать единый образ «героя нашего времени», одновременно притягательный и отталкивающий. Хронология не соблюдена, прослеживается лишь связь ракурсов: героя сначала описывает свидетель — Максим Максимыч, затем от лица автора повествования; далее следуют «страницы Печорина». Таким образом, герой предстает перед читателем не только в разных ролях, но и на пересечении точек зрения разных повествовательных дискурсов. Как следует относиться к столь сложно построенному и принципиально неоднозначному произведению, какой в нем заложен смысл, должен понять и отыскать читатель, автор же повествования ограничивается лишь намеком, что на примере своего героя указал отразившуюся в нем «болезнь века», а ее лечение — и тем самым и толкование романа — не его забота.

Такая принципиальная и специально организованная многозначность — главный творческий успех Лермонтова. Читатель, не знакомый с его ранним творчеством, или читатель, занятый решением собственных проблем либо проблем своей эпохи, действительно станет искать в романе самые разные смыслы (их и ищут до сих пор). Но для самого Лермонтова это продолжение и окончательное завершение столь долго мучившей его темы Демона, проблемы соблазна искусства, завершение собственной игры с навязчивым образом обольстительного зла.

Печорин — это доведенный до своего логического конца портрет индивида, эстетизированного романтической литературой. Индивид этот изначальноотягчен знанием о неистинности мира — и на этом основании противопоставляет себя ему. Он знает о своей особенностях, о своей силе и притягательности и любит ее. Он использует других людей лишь как средство, дабы

доставить себе удовольствие или развлечение. Он никого не любит, ибо ничем не жертвует для других. И это погружает его в скуку. Причина в том, что он не видит мира, а видит лишь себя, отраженного в тысяче зеркал. В сущности, он скучает оттого, что сам себе давно наскучил. Последнее средство — поговорить наедине с собою о самом же себе: вот рефлексия, которая постоянно занимает его. Сколько ценных и беспощадных наблюдений над собой он делает, сколь мучительными должны показаться его страдания со стороны. Но ведь и это способно вызвать наконец зевоту: недаром он бросает свои записи, нисколько не заботясь об их дальнейшей участи. Пустота — вот тот замкнутый круг, в котором вечно обречены вертеться и Демон, и Печорин, и всякий романтический герой, погруженный лишь в себя самого. Признание личностных качеств в ком-то другом, и тем самым выйти в мир — сама сущность романтизма против этого.

Этот безрадостный финал героя и его исчерпанность неоднократно подчеркиваются Лермонтовым и даже утрируются. Печорин — уже не герой, а пародия, карикатура на героя. Это почувствовал самый первый критик романа — Степан Бурачок («все герои и героини без исключения... решительно все несносны, потому что поддельны, утрированы...»), но принял за чистую монету дикий и низкий вкус современной литературы. Однако не столь прост был Лермонтов. В самом деле, не стоит наивно доверяться даже «прямому» повествованию от первого лица — «журналу Печорина». Ведь уже сам жанр исповеди — хитрая литературная условность. Всякий дневник пишется вовсе не для себя, а именно для того, кто будет его читать. Поэтому изображается в «журнале Печорина» не искреннее свидетельство души героя, но образ себя самого, который желательно донести до читателя этих признаний.

Весьма двусмыслен и знаменитый монолог Печорина в «Бэле», где герой так описывает себя: «Да! такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли; я стал злопамятен... Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть» и т. д. Обычно этот монолог трактуют как «исповедь сына века», глубокий и трагический самоанализ «лишнего человека», обреченного на бездействие и одиночество

в суровом мире противостоящей ему действительности, загубившей в нем все лучшее. Стоило бы заметить, однако, что произносит он эти речи перед несчастной Бэлой с одной лишь целью — соблазнить ее, пытаясь привлечь к себе внимание и вызвать сочувствие. Да и выстроен монолог слишком «красноречиво», с использованием множества риторических фигур: все время за ним так и ощущается красующийся герой, пленяющий речами внимающую ему публику. Столь же пафосный и неестественный тон находим мы и в «интимном» дневнике, который кладет явный оттенок иронии на смысл излагаемых в нем сентенций.

Знаменитая рефлексия Печорина — это рефлексия романтического героя, рефлексия самолюбования и самооправдания. Ей противоположна рефлексия экзистенциальная, когда перед личностью встает необходимость выбора, свершения реального поступка, последствия которого — что бы ни было выбрано — равно трагичны.

В последние месяцы жизни в ситуации такого выбора оказался и сам Лермонтов. Ему было не позволено все время нарушать правила приличия постоянными провокациями — ни дерзкими инвективами против власти, ни насмешками над отдельными людьми. Высшее общество применяло защиту, старалось оградить себя от подобных проявлений, ограничить свободу поэта. Лермонтов наконец должен был либо принять общие правила, либо уйти в изоляцию, что влекло за собою крах поэтической карьеры. И он мучительно искал выход.

По одну сторону была свобода искусства, которой он не мог пожертвовать ни при каких условиях. А по другую — волюнтаристская свобода действующей личности и реальная разрушительная сила, которая создавала угрозу и требовала узды хотя бы для того, чтобы уберечь свободу творческую.

Вся беда была в том, что обе эти свободы, выросшие из одного источника, для Лермонтова были тесно связаны в единое целое. Разрезать пуповину он никак не решился, не замечая, что одна из частей — его эмпирическое «я» — давно утратила собственную волю, не подчинялась и влекла в бездну.

Лермонтов не принял никакого решения и тем самым утратил возможность руководить собственной судьбой; по сути же обе свои свободы отдал на волю провидения. И приговор не замедлил свершиться рукою Мартынова, который вовсе не был обременен подобными проблемами. Мартынов был точный двойник пошляка-Грушницкого (а в сущности — и самого ёрничавшего Лермонтова),

которого поэт столь долго воспитывал и лелеял в общении с окружающими.

То было насмешкой судьбы и истинной трагедией. В искусстве Лермонтова первоначальный каламбур развился до символа и обернулся плодотворной многозначностью, счастливо избегающей любой односторонности. В жизни Лермонтова тот же каламбур превратился в приросшую маску — гримасу, в которой умерло все, кроме язвительной усмешки. Поэт не выработал защиты от слепоты человеческой эмоции. И Человек убил Великого поэта.

***

Так в чем же загадка Лермонтова? Он не был ни ангелом, ни демоном. Он обладал тонким умом, гениальными способностями, дурным характером. Человек очень нелегкой судьбы. Направление его образа мыслей и художественной интуиции делало его «другим» и выводило за рамки того времени, в которое он родился. Вот почему он оказался так созвучен будущим поколениям. Поэт не давал ответов, но лишь ставил неудобные вопросы, и прежде всего самому себе — высокая интеллектуальная привилегия, еще почти неведомая в России середины XIX века. Лермонтов скрыл свое настоящее лицо и от современников, и от потомков, не доверяя окружающему его миру, устроенному столь несправедливо. В издевку за это несовершенство он оставил в удел своим читателям вечные поиски смысла, которые они раз за разом будут находить в его произведениях. Себя же, связанного с людьми законами «неистинности», он честно заставил расплатиться за эту греховную принадлежность своею раннею смертью и загубленным будущим.

Тем самым был принесен в жертву великий дар — дар, который он в себе подозревал, но которого не смог уберечь.

В одном из самых ранних своих произведений — в «Поэте» — юноша Лермонтов увидел в творчестве «огонь небесный» и почувствовал свое призвание — овладеть этим огнем. И вовсе не Демон, который лишь завлек и заморочил, а что-то иное манило поэта на этом пути всю его короткую жизнь. «Нет, я не Байрон...», — говорил он в поисках иных пределов. Отчизна его «не-

здешней души» представлялась ему то загадочной Шотландией, о чем он поведал в «Желании», то «небом полуночи», где странствовал ангел с «младой душой», то прекрасными пейзажами Кавказа, которыми полны его произведения.

Лермонтов часто называл свои художественные фантазии снами, и они действительно были схожи со сновидениями не только своей многозначной, но и пророческой сущностью: таково стихотворение «Сон» — тройное зеркало, отражающее не только жизнь, но и ее потаенный смысл, открывающий путь вещему предсказанию.

Он, прекрасно владевший словом, так гордившийся своей способностью мыслить, был безоружен перед необъятностью и принципиальной неизъяснимостью того, что являлось его воображению, слабым подобием которого казались собственные стихи. И тихо жаловался самому себе: «Нет звуков у людей, довольно сильных, чтоб изобразить желание блаженства».

Нет, Лермонтов был не прав: его произведения доносили «неизъяснимое», это чувствует каждый читатель его стихов. Вся трудность состоит в том, что никакому объяснению их красота почти не поддается.

Можно бесконечно долго рассуждать о том, что в лучших своих образцах искусство Лермонтова было глубоко символично, что оно открывало путь в бессознательное, являя нам великие и вечные архетипы человеческой культуры. В этом много правды, однако всего точнее будет согласиться с Хайдеггером, что любая интерпретация способна «уничтожить тайну», но не «проникнуть в нее».

Тайна Лермонтова, его загадка состоят в том, что поэт был «пастырем Сущего» и неведомыми ни для себя, ни для других путями сумел донести до нас его сердцевины — «дыхание Бытия».

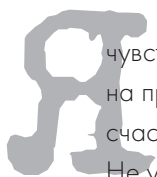
Примечания

- 1 Екатерина Юрьевна Гениева — Генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы, доктор филологических наук, знаток и комментатор творчества Джеймса Джойса, соучредитель журнала «Вестник Европы».
- 2 Зоил — ученик Сократа, известный своими нападками на поэзию Гомера. В переносном смысле — придирчивый, несправедливый и язвительный критик (Прим. ред.).

© Текст: Екатерина Гениева

ЛЮДИ И КНИГИ МОЕЙ СУДЬБЫ

Я чувствую себя здесь как дома, потому что вижу столько людей, которых знаю уже на протяжении многих лет. Поэтому, если кто-то задастся вопросом, что такое счастье, я отвечу: вот он, момент счастья. Спасибо большое!

Не уверена, что я заслуживаю того высокого стиля, в котором Михаил Борщевский сегодня говорил обо мне. Возвращаясь к вопросу об истоках, хочу сказать, что огромное влияние оказала на меня еще в детстве моя бабушка Елена Васильевна Гениева. И одна из книг на выставке в соседнем зале посвящена моей бабушке, уникальной женщине, владевшей четырнадцатью европейскими языками. Когда ей исполнилось 80, она решила учить польский, что и сделала. Она была родом из знатной дворянской семьи в Санкт-Петербурге, поэтому дома говорили по-французски. Близкие знают, что даже сейчас, когда я волнуюсь, я говорю с очень смешным французским акцентом. Я неправильно произношу все эти трудные русские «р» и «ш», потому что так меня учили в детстве. Бабушка говорила со мной по-французски. По-немецки со мной разговаривала одна дама, я сейчас уже не помню, как ее звали. Тогда я не знала, но сейчас понимаю, что она была немкой из Поволжья, и единственным возможным языком общения с ней был немецкий.

Моя бабушка была очень религиозным человеком. Она принадлежала к так называемой катакомбной церкви, которая в послереволюционные годы не принимала официальную церковь. Я отлично помню, как разные люди появлялись у нас дома, одетые очень просто, даже бедно, потом они переодевались и оказывались священниками. Литургию служили в нашей столовой. Для меня не существовало разделения между религиями. За столом перед ужином моя мама произносила «Отче наш» по-русски, а эта немецкая дама — на латыни или по-немецки.

Бабушка научила меня не только знанию языков, но и феномену чтения. Каждое утро после завтрака мы садились на диване, и она читала мне по-французски, намного реже по-русски, истории из Библии. Когда я поступила в Московский университет, я была уверена, что все знают библейскую историю, и была шокирована тем, что знал ее только один человек из группы.

Выступление на творческом вечере в Лондоне 9 июня 2015 года. Организатор и ведущий вечера профессор Михаил Борщевский, главный редактор журнала «Herald of Europe». Перевод с английского. Публикуется впервые.

Еще огромное влияние на меня оказал человек, 25-я годовщина смерти которого, к сожалению, будет в этом году. Это отец Александр Мень. 9 сентября прошло уже 25 лет с момента его убийства, и в это до сих пор очень трудно поверить. Я знала его с четырех лет, это был мальчик, который приехал к нам на дачу на каникулы. И он ужасно меня раздражал, потому что все время что-то писал или читал. Я-то считала, что было бы лучше, если бы он со мной играл. Но без него я бы никогда не стала тем, кто я есть: хранителем, библиотекарем, директором библиотеки. В Библиотеке иностранной литературы я работаю 40 лет. Это огромный отрезок времени. Директором я являюсь со времен «перестройки», поскольку для меня, наполовину русской, наполовину еврейки, православной верующей, не члена партии, было просто немислимо возглавлять такое огромное идеологическое учреждение, как это называли в советские времена. Но с началом горбачевской эры стали происходить перемены, интеллигенция хотела доверять этому лидеру. В 1989 году ветер перемен коснулся и меня, и я получила предложение от Министерства культуры стать директором библиотеки, что явилось для меня некоторым шоком. Я решила, что мне нужен совет, не другое мнение даже, а основное, первое. Отец Александр Мень сразу понял, что я хотела обсудить с ним нечто важное. Я стала говорить, что ни за что не приму это предложение, но он прервал меня и произнес слова, которые я никогда в жизни от него не слышала. Он сказал: «Знаешь, Катя, я никогда не дам тебе на это благословения».

— Не дадите благословения? Но почему?

— Кто-то должен этим заниматься.

— Да, но почему я? — И добавила: — Я вообще-то литературный критик, я не хочу становиться бюрократом — директором библиотеки.

С присущим ему фантастическим чувством юмора он спросил, глядя на меня: «Ты что, Лев Толстой?» Этим вопросом он сбил меня, остановил поток моих дальнейших вопросов и споров.

— Нет, я не Лев Толстой, — ответила я спокойно, — но мне кажется, я довольно неплохо образованный литературный критик.

Дальше он спросил меня о том, чего больше всего в жизни я боюсь потерять. Я ответила. Он сказал: «Тебе будет дано время».

Это была замечательная сделка. Вы знаете, это действительно сделка, своего рода договор; потому

что если вы делаете что-то, что не соответствует «высшей бухгалтерии», то время сокращается, и я ощущаю это физически. После нашего разговора Мень должен был на два месяца уехать. И мы, безусловно, не могли знать, что произойдет это ужасное убийство 25 лет назад, 9-го сентября. Иногда отец Александр мне снится, правда, очень редко. Я твердо знаю, что он не здесь, что он приходит из другого мира, потому что его губы другого цвета и т.д. В одном из моих снов я хотела получить книгу, которую он должен был закончить. «Отец Александр, Вы обещали закончить книгу». «Я заканчиваю», — был тихий ответ. «Но она мне нужна для публикации». Внезапно мы оказались с ним в какой-то квартире из ночных кошмаров, он протянул мне изданную в Брюсселе Библию, к которой он действительно писал комментарии, и сказал: «Вот текст». — «Да, но он же не закончен» — «Продолжай! Делай что-нибудь!».

Вот так ...

Другим человеком, который научил меня понимать, что такое библиотека, — был, конечно, Дмитрий Сергеевич Лихачев. Для меня большая честь и счастье (даже не знаю, какие подобрать слова) в некоторой степени считать себя его ученицей. В годы, когда я с ним работала, он начинал размышлять над ролью библиотек в мире. И я думаю, что только сейчас я поняла, что он имел в виду. Мы хорошо знаем его лестное высказывание о библиотеках как о самых важных составляющих культуры. Почему? Почему библиотеки, почему не музеи, не филармонии, не концертные залы? Не сразу я поняла его слова о том, что если все в мире пропадет, цивилизация рухнет, но выживет хоть одна библиотека, то у культуры будет шанс на восстановление. Я думаю, что он был абсолютно прав, но мы (то есть я) тогда этого не понимали. Ибо что такое библиотека? Это просто собрание разных книг. Но если эти книги не читают, их не обсуждают, — они мертвы. Библиотеки — это своеобразное отражение мира, микрокосмос в макрокосмосе. Для меня библиотеки — это место диалога, встреч, толерантности, сострадания, взаимопонимания и разнообразного общения. Именно это я пытаюсь создать с момента своего назначения директором библиотеки в 1989 году.

Честно говоря, мы довольно забавная структура, поскольку нигде в мире вы не найдете ни одной библиотеки иностранной литературы. Есть иностранные коллекции, есть национальные библиотеки (например,

Британская библиотека) и т.д. Наша библиотека была создана в 1921-м, поэтому мы постреволюционное учреждение. Библиотека была создана одной замечательной дамой, откуда и пошло наше название: Библиотека иностранной литературы имени Рудомино. Рудомино — фамилия основательницы библиотеки. Маргарита Ивановна Рудомино — девушка из Саратова, приехавшая в послереволюционную Москву с чемоданом маминых книг. Друзья называли ее хранителем. Да, Хранительница — это наиболее подходящее определение именно для нее. Она была действительно замечательным библиотекарем, она была изобретательницей, человеком с необычайной фантазией и интуицией. И то, что она сделала в 1921 году, до сих пор очень важно для нас. Я познакомилась с ней только под конец ее жизни, потому что она была директором библиотеки на протяжении более чем пятидесяти лет. Потом дочь премьер-министра Косыгина захотела вдруг возглавить ГБИА. И Маргариту Ивановну изгнали из библиотеки буквально за два часа. Она была человеком, которого советское правительство послало в Германию, чтобы привезти многочисленные немецкие книги в качестве компенсации за потери страны в Великой Отечественной войне. И она свое задание выполнила очень хорошо. В то время никто не сомневался, что это было правильно. Но уже тогда Маргарита Рудомино поняла, что этот акт не соответствовал общепринятым нормам международного права. Я помню, когда она умирала, она попросила меня прийти к ней попрощаться. И она сказала мне: «Катя, я хочу, чтобы ты знала, что я привезла в СССР двухтомное издание Библии издания самого Гутенберга, самое ценное в мире». После ее смерти я стала изучать происхождение наших немецкой, австрийской, польской коллекций. Это очень интересная и сложнейшая, не только юридически, но и эмоционально окрашенная история.

Еще один человек, которого я хотела бы упомянуть, в этом контексте, связанный с историей всех этих книг-трофеев (и вы будете удивлены именем, которое я сейчас назову), это папа римский Иоанн-Павел II. Однажды мне прислали приглашение на один официальный ужин в Ватикане, которое я сразу отложила в сторону, ибо была уверена, что произошла ошибка. Я была уверена, что человек, являющийся главой католической церкви, занят более важными делами, нежели встреча с директором Библиотеки иностранной литературы. Но это не было ошибкой. Мне за два часа дали

визу, я приехала в Ватикан, и это был, я бы сказала, просто незабываемый ужин. Это был ужин по-польски: капуста, колбаски, очень по-польски. И он уже был такой слабый (показывает), это было после попытки покушения на папу. Мы с ним говорили о разных вещах. Я не помню сейчас, о чем конкретно мы говорили. Но в конце концов, как говорится, любопытство взяло верх, и я в очень вежливой форме спросила его, зачем он меня пригласил. «Вы пригласили меня, потому что отец Александр Мень был моим духовным наставником?» Иоанн-Павел II сказал: «Да. Я молюсь ему, как святому. Но не только по этой причине». И он прошептал что-то на ухо кардинала, который переводил. Происходил перевод с английского на итальянский, с итальянского на английский. Так мы и разговаривали. Затем тут же появились каталоги книг, изданных Библиотекой иностранной литературы, в том числе и каталог немецких книг XVII века из нашей коллекции. И я глупо спросила: «Где вы взяли эти книги?» — «Библиотека Ватикана — за углом», — улыбнулся папа. Я сказала: «Но почему это для вас так важно?» Он ответил: «Не только потому, что я из Польши, но также потому, что то, что делает Ваша организация по возврату книг, можно охарактеризовать как попытку закончить ту большую войну. Вы знаете, для меня это было важным посылом, чтобы принять очень серьезное решение».

И наконец, Андрей Дмитриевич Сахаров. Мне очень повезло увидеться с ним всего несколько раз. Но я расскажу вам про одну из таких встреч, которую можно охарактеризовать одним словом — толерантность. У Сахарова была маленькая собачка. На мой взгляд, очень неприятная. И всякий раз, когда у них в квартире появлялся незванный гость, эта собачка обязательно набрасывалась либо на ноги, либо на юбку — словом, на все, что ей удавалось достать. Я все время пыталась отодвинуть ее от меня, Сахаров же, напротив, все время давал ей возможность делать то, что она хотела. В этом и была толерантность — предоставлять свободное пространство для маневров.

Вообще-то, мне очень повезло. Моя бабушка (и это было абсолютно нормально для меня) ввела меня в круг своего культурного общения, познакомила с поэзией Максимилиана Волошина и Марины Цветаевой. Однажды я была в одном московском музее, и когда хранитель сказал, что у них есть портрет светленькой кудрявой девочки, но они не знают, кто эта девочка,

я сказала, что это была моя мама, Михаил Нестеров нарисовал ее, когда был у нас в гостях. Поэтому что я могу сказать? Видите ли, я думаю, по большому счету, это не мое достижение, это *их* достижение. Всем *им* удалось вложить что-то в меня, и то, что я сейчас стараюсь делать, насколько могу, — это создавать и поддерживать нашу библиотеку, это очень важное учреждение. «Времена не выбирают, в них живут и умирают...» Сейчас для библиотеки настало довольно трудное время, проходят многочисленные расследования по поводу того, что работники ГБИЛ имени Рудомино являются либо иностранными шпионами, либо иностранными агентами. Но я знаю, что единственное, что мы пытаемся сделать, — это сохранить то, что еще можно сохранить в нашем сумасшедшем мире, — культуру, образование. И если вы спросите меня, как я сама себя ощущаю, я вам скажу, что не считаю себя хранительницей, я бы назвала себя просто библиотекарем, а не генеральным директором... Кроме того, я ощущаю себя немного тягловой лошадкой просвещения, именно не образования, а просвещения. И именно так мне представляется моя миссия.

Спасибо всем вам за помощь, потому что здесь находится так много людей, кто помог мне в развитии библиотеки, здесь есть международные члены нашего попечительского совета. Не знаю, ответила ли я на ваш вопрос, но я очень старалась.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Профессор Ирина Кириллова:

Прежде всего я хочу поблагодарить Екатерину Гениеву и за воспоминания из ее личной жизни, и за рассказ о том, что она сделала, чтобы Библиотека иностранной литературы стала гораздо больше, чем просто прекрасной библиотекой, где можно отыскать любые книги авторов на русском языке (несмотря на название), и в переводе на русский, и на оригинальном языке практически каждой страны (главным образом все-таки европейской). Забывается, к сожалению, что Россия является неотъемлемой частью европейской культуры. Мы внесли в нее очень важный, весомый вклад. И я хотела бы попросить Вас развить мысль, которой Вы уже касались: какой Вы видите роль библиотеки, которая является не просто книгохранилищем, а — международным культурным

центром, центром, который привлекает людей, интересующихся идеями, искусством, интеллектуальным прогрессом России. Могли бы Вы рассказать немного больше о роли Библиотеки иностранной литературы в общекультурном аспекте?

Екатерина Гениева:

Большое спасибо за вопрос. Начну не с формального, а с персонального ответа. Однажды в нашей библиотеке, на том этаже, где у нас находится BBC Library Alive, я увидела маленького мальчика. Я думаю, ему было лет семь. Он ел огромное яблоко, что вообще-то в библиотеке запрещено, но не важно. Играл с компьютером (многое из того, что он делал, он делал лучше, чем я могу это делать). Я испугалась, что он потерялся в огромном здании, подошла к нему и спросила: «Может быть, ты не знаешь, куда идти?» Он посмотрел на меня, и у меня появилось ощущение, что не я смотрю на него сверху вниз, а он смотрит на меня сверху вниз, и сказал: «Ты знаешь, я работаю в этой библиотеке уже давно и знаю все, что здесь происходит». Думаю, что это самое важное для ответа на ваш вопрос.

Почему Дмитрий Сергеевич Лихачев верил в то, что библиотеки очень важны? Сюда, цитируя того, кто хорошо известен послу Brentону, приходят абсолютно все, без каких-либо ограничений. Это не университет, куда вход ограничен, мы не всегда даже знаем, что это за люди. Иногда это могут быть даже не очень приятные персонажи, но мы говорим им только «добро пожаловать», до тех пор пока они не станут физически опасны для своего соседа. Я думаю, что в современном мире, мире гонки технологий, которую мы не можем и не должны останавливать, библиотеки остались немногими местами, где мы можем посмотреть друг на друга, увидеть выражение лица, попытаться понять, почему мы разные, почему мы должны быть толерантны и, используя выражение Пушкина, полны сострадания друг к другу. Это огромная задача, особенно в такой сложно управляемой, необъятной стране, как Россия. За 11 часов путешествия из Москвы в Петропавловск-Камчатский вы пролетаете через 11 часовых поясов, как в поездке из Москвы в Соединенные Штаты. Я упомянула это в ответе на ваш вопрос, Ирина, так как мы очень богатая библиотека и пытаемся работать не только в пределах МКАД, не только в Москве или Санкт-Петербурге. У нас огромная сеть по всей России: мы стараемся распространять авторов, публикации, устраиваем дис-

куссии, детские программы и т.д. Сейчас мы работаем с нашими книгами и распространителями в 49 регионах России. Это особенно важно в наше время с огромным количеством политических проблем и в России, и во всем мире. В наш век цифровых технологий, экранов, дисплеев, которые отнимают читателей у книг, традиционные читатели не посещают библиотек. Читатель сейчас часто не идет к нам ногами, он вызывает нас к себе пальцами. Но важно сохранить библиотеку не только как место, куда человек все-таки может прийти и почитать, но и как место, где он может просто *побыть*. Так как книги, в какой бы форме они ни были напечатаны, не только живут, но и выдыхают жизнь в людей.

И еще могу сказать, процитировав слова Меркуцио из «Ромео и Джульетты»: «Чума на оба ваши дома!» Если мы оберегаем культуру, то она способна сделать гораздо больше, нежели политики со всеми их переговорами. Иногда мы даже более влиятельны, чем люди, занимающиеся политикой. Я думаю, Дмитрий Лихачев, когда говорил что, если мир будет разрушен и выживет только одна библиотека, то мир будет иметь шанс для возрождения, подразумевал именно это. Но есть и функциональный ответ: мы должны быть и мы остаемся платформой для межкультурного, межрелигиозного, интернационального диалога. Это то, чем должна заниматься библиотека. Огромная миссия, но она, с моей точки зрения, выполнима.

Андрей Корчевский:

Я прошу прощения за, возможно, очень личный вопрос. Я хотел бы спросить Вас, как человека верующего: что для вас персонально значит разделение христианских церквей — Русской Православной и западной церкви?.. Это должно иметь смысл, это не просто что-то случайное. Для чего это было, по вашему мнению и, может быть, мнению отца Александра Меня? Как вы видите будущее? Видите ли Вы мосты между церквями в будущем? Будут ли они объединяться или еще более разделяться?

Екатерина Гениева:

Это очень сложный вопрос, и я не уверена, что смогу ответить на том уровне, который вы задали. Но я скажу вам, что я об этом думаю, что чувствую, и, раз вы спросили, что отец Александр Мень думал об этом. Я смотрю на этот процесс с некоторой надеждой. Мы знаем, когда это произошло, но мы также знаем, что все, что произошло после 1917 года, было

результатом разделения. У нас в семье всегда считали, что созданные барьеры между христианами «неотягивают до рая». И самое мое любимое высказывание отца Александра на этот счет такое: мы должны быть вместе в главном, мы должны быть терпимы друг к другу в том, что нас разделяет, в остальном мы должны руководствоваться любовью. К этому нас призывал Господь. Другого ответа у меня нет.

Лиз Робсон:

У меня очень приземленный вопрос. Я сама абсолютно верю в библиотеки и в их просветительскую роль. Но в нашем XXI веке большинство молодых людей используют компьютеры. Они читают, конечно, но на элптопах, планшетах и т.д. Считаете ли Вы, что суть культуры меняется, когда Вы не держите в руках книгу?

Екатерина Гениева:

Конечно, меняется, но я не знаю, долго ли еще уцелеет так любимая мною печатная книга. Все переменчиво: например, в высокоразвитой технологически Голландии люди начинают вновь покупать книги, дарят их в качестве рождественских и пасхальных подарков. Вы абсолютно правы в том, что развитие технологий вытесняет традиционного читателя, превращает его во что-то иное. Хотя вот в нашей библиотеке наблюдается очень забавное явление. У нас с Людмилой Скачковой, директором культурного центра, проблема не в том, как пригласить молодых людей прийти к нам, а в том, как уговорить их возвращаться домой до одиннадцати часов вечера. Вот почему мы нужны. Необходимо не только приглашать читать — вы не можете заставить читать человека, если он не хочет. Но мы приглашаем людей для различных видов диалога, для встречи друг с другом, и это работает. Из моего опыта: в России, с ее недостатком финансирования и низкими зарплатами, библиотекари довольно часто являются новаторами. Они создают своеобразные культурные центры, работают над культурным образом своего региона, что особенно важно. Я могу легко предсказать, что, может быть, лет через десять все наши книги станут чем-то вроде реликвий погибшей Римской империи.

Однажды у меня была очень интересная дискуссия с Д.С. Лихачевым. В то время мы вместе с фондом Сороса создавали интернет-центры по всей России, и Лихачев присутствовал во время технических обсуждений оптоволокну, «пропускной способности»

и т.п. Он сидел на углу стола, хотя определенно ничего не знал об оптоволоке. Я не утерпела и спросила, почему он тратит свое время на всю эту технологию. Он сказал: «Катя, я не понимаю того, о чем они говорят, но я понимаю, что мы вступаем в новую эпоху человеческого рода, человеческих чувств. Технологии, как океан в «Солярисе» Тарковского, диктуют нам, что делать». Это очень сложный философский вопрос, я боюсь, мы не сможем его сегодня обсудить, но это всё вокруг нас. Технологии, конечно, очень важны, но они очень опасны. Это — как огромная яма, куда бросают и хорошее, и плохое. Конечно, это влияет и на пользователей библиотек.

Валентина Полухина:

Согласны ли Вы, что для того, чтобы вернуть любовь молодого поколения к книге надо сделать то, что когда-то предложил Иосиф Бродский: будучи лауреатом Нобелевской премии, он был готов распространять недорогие поэтические сборники во всех уголках, в школах и т. д.

Екатерина Генеева:

Согласна на 500 процентов! Это ведь не технологическая, а философская идея Бродского. Мы делаем нечто подобное и в нашей библиотеке. Программа называется «Большое чтение». Мы выбираем книгу, печатаем тиражом, достаточным для распространения в школах и библиотеках какого-либо региона, проводим вокруг этого разнообразные мероприятия, привлекая на добровольной основе людей всех возрастов. И это работает!

Когда мы начинали эту программу, я посещала библиотеку Конгресса США. Господин Биллингтон руководил библиотекой Конгресса и то время, когда Иосиф развивал эту идею. Во время моего визита господин Биллингтон предложил мне познакомиться с человеком, который разрабатывал программу «THE BIG READ» («Большое Чтение») в США Дейна Джойа; кстати, он работал вместе с Бродским. Я спросила: почему они не читают русские книги? Он ответил, что им никто этого не предлагал, а если я предложу что-то подходящее, то читать, конечно, будут. Предложенная книга, правда, должна была соответствовать определенным критериям: не должна быть очень большой, как «Война и мир», должна быть написана известным автором, и я подумала про себя, что русские классики все довольно известны. «Чехова и Тургенева не предлагайте, это достойные книги,

но, так как у них очень устаревший перевод, молодые люди их не понимают». И мы в 2006 году с Публичной библиотекой Чикаго начали читать «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Потом издавали, распространяли и читали «Убить пересмешника» Харпер Ли. А с 2007 года этот проект поддерживали уже во многих регионах России.

Это чудесная идея — не просто распространять книги, а иметь целевую программу для школ, университетов и т.д. Очень важно, какие люди участвуют в этой программе. Это должен быть не тот, кто говорит, как скучный школьный учитель, отбивающий охоту к чтению вообще, но такой человек, кто сможет подобрать ключик к аудитории... Я абсолютно уверена, что библиотека благодаря своей структуре и философии приглашает людей разных культур, религий, уровня понимания, верований принять участие в дискуссии. Библиотека — это специальная территория для людей, которые не пойдут в церковь, не пойдут в университет или научный институт. Библиотека — это своего рода Ойкумена, место, где происходят встречи людей, обмен мнениями. Теперь «Большое чтение» — это международная программа, которой уже десять лет. В ней под патронажем ВГБИЛ участвуют множество библиотек самых разных стран.

Некоторые слова, привнесенные в русскую культуру, так и не становятся ее частью. Одно из таких слов: толерантность. Это не терпимость, это что-то совершенно другое. И если честно, возникает масса проблем. С Людмилой Улицкой мы опубликовали набор прекрасных книг «Другой, другие, о других». У нас возникли сложности с нашей, скажем так, правовой структурой, потому что в одной из книг упоминалось о семьях, где только два папы или только две мамы. К сожалению, попадая в школу, дети из таких семей могут подвергаться насилию или даже могут быть избиты до полусмерти. Целью этой публикации была защита детей от насилия. Но в связи с этой книгой у меня возникли юридические проблемы, так как некоторые провинциальные учителя и чиновники решили, что это оскорбляет национальный менталитет. Вы затронули важный вопрос, ибо привнести эту идею в страну с давними традициями довольно сложно. То же самое происходило и с трофейными коллекциями.

Я не буду говорить, что и как мы вернули. Важно понимать, что все, что произошло с миром, объединяет его. Однажды, когда мы выясняли происхождение од-

ной немецкой коллекции, коллега из Германии сказал: «Вопрос, который мог сделать нас врагами, делает нас друзьями». Я не могу сказать, что это легко, иногда бывает очень сложно. Сейчас, к сожалению, возвращается множество советских клише. У нас большие проблемы с властями по поводу Американского центра. Его хотели закрыть. Я сказала, что не буду его закрывать, тогда нужно закрывать и Британский Совет. Если это просто политика, скажите, я закрою и не буду ничего избретать. Что будет, когда мы встретимся в следующий раз, я не знаю, пожелайте мне удачи.

Кстати, о проблемах с Британским Советом. Вы знаете, за высокой политикой всегда скрывается что-то человеческое. Наши учителя (в отношении которых идеи Бродского очень уместны) написали множество писем в Государственную Думу: «верните нам наш Британский Совет». Так как там были книги, фильмы, языковое образование. Другой смешной случай: нынешний министр культуры Мединский выступал против Американского центра и Британского Совета. Придя в библиотеку, он сразу прямо направился в Американский центр. В тот момент там находилось большое количество студентов военных училищ. Министр поинтересовался, что они тут делают? Человек довольно сублильный, он долго проталкивался между крепкими высокими студентами. Когда ему это удалось, он снова спросил: «Что они здесь делают?» Я ответила, что как министр культуры он мог бы предположить, что ребята пришли сюда почитать.

Посол Энтони Брентон:

Сегодня мы много говорили о книгах в целом. Не могли бы вы назвать две-три книги, которые имели значение для Вас? И почему?

Екатерина Гениева:

Думаю, господин посол, Вы спросили о том, какие книги я взяла бы с собой на необитаемый остров. Конечно я возьму сонеты Шекспира в оригинале и в прекрасном переводе человека, который находится здесь, в зале (Андрей Олеар). Кем бы ни был джентльмен, которого называли Уильям Шекспир, его тексты я возьму. Также небольшое собрание сочинений Пушкина, в первую очередь поэзию и, если в чемодане хватит места, некоторую прозу. Один из моих любимых ро-

манов — «Сила и Слава» Грэма Грина. Сейчас, когда я перечитала Лермонтова, возьму его религиозную поэзию. С моей точки зрения он был довольно неприятной личностью, многое о нем неизвестно, но он был гениальным и очень верующим поэтом. Это четыре. И еще возьму хорошее издание Библии. Это мой выбор. Знаете, я бы взяла еще одну книгу. Джон Донн. Точно, это номер 6.

Если говорить о том, что мы покупаем для библиотеки, это зависит от разных факторов. Думаю, что мы должны стараться отвечать на сложные задачи современного мира. Иногда такие книги соответствуют не моему вкусу, а вкусу наших читателей.

Валентина Полухина:

Какие книги российских и британских авторов являются самыми популярными среди Ваших читателей?

Екатерина Гениева:

Переводы классической американской и британской литературы очень популярны. Тиражи небольшие, но российский книжный рынок весьма богат и разнообразен.

Продолжаю: необыкновенно популярный жанр — это фэнтези. Что бы вы ни думали об этом, Гарри Поттер — это хит в России. Так же как здесь. Популярны двуязычные книги, что поначалу было для меня загадкой. Но это очень важно для изучения иностранного языка и для новой школы переводчиков. Однажды мы пригласили молодых переводчиков перевести Уильяма Блэйка. Некоторые из моих коллег думали, что я сошла с ума. Кто посмеет переводить Блэйка после Маршака? Но это произошло. И это важно, так как иначе теряется прекрасная школа перевода с английского языка на русский. Еще одна вещь, которую мы стараемся поддерживать в библиотеке: у нас есть прекрасная структура с государственным финансированием для перевода с русского на иностранные языки. Мне самой не верится, что мы уже поддержали 400 книг на два миллиона долларов. Если кто-то захочет сделать новый перевод романов «Отцы и дети» или «Анна Каренина» и сможет договориться о публикации его в западном издательстве, то мы заплатим за перевод. Это двусторонний процесс — новые переводы и публикации на Западе, продвижение имиджа России. * * *

© Текст: Екатерина Гениева

ad memoriam

НЕЗАБВЕННАЯ ЕКАТЕРИНА

Митрополит Волоколамский Иларион
ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА ГЕНИЕВА

В московском храме святых бессребреников Косьмы и Дамиана в Шубине председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион совершил чин отпевания директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино Екатерины Гениевой, скончавшейся 9 июля.

Владыке Илариону сослужили настоятель храма протоиерей Александр Борисов, проректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры иеромонах Иоанн (Копейкин), духовенство г. Москвы. В храме присутствовали министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации М.А. Минь, заместитель министра культуры Российской Федерации Г.П. Ивлиев, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ В.В. Григорьев, советник Президента Российской Федерации по культуре В.И. Толстой, директор Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко, советник Председателя Государственной Думы П.В. Хорошилов.

На отпевании также присутствовали апостольский нунций в Российской Федерации И. Юркович, ординарий архиепархии Божией Матери в Москве, председатель Конференции католических епископов России архиепископ Паоло Пецци, чрезвычайный и полномочный посол Федеративной Республики Германии в Российской Федерации барон Рюдигер фон Фрич-Зеерхаузен, временный поверенный в делах Польши в России Ярослав Ксенжик.

Кроме того, память Е.Ю. Гениевой почтили писатели А.Н. Архангельский, В.Н. Войнович, Л.Е. Улицкая, вдова А.И. Солженицына — Н.Д. Солженицына, актер А.Г. Филиппенко, а также близкие Е.Ю. Гениевой: ее супруг, дочь, внук, сестра и зять.

По окончании заупокойного богослужения митрополит Иларион обратился к собравшимся с архипастырским словом:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня мы провожаем в последний путь, путь вся земли, дорогу для нас и незабвенную

Екатерину Юрьевну, с которой почти каждого из нас в жизни связывало очень многое.

Когда мы совершаем отпевание и внимаем текстам молитв и Евангелия, которое читается за отпеванием усопшего, то всякий раз убеждаемся, что речь в них идет не столько о смерти, сколько о жизни. В этом евангельском чтении пять раз звучит слово «жизнь», и Господь Иисус Христос, беседуя с иудеями, говорит им, что Он является жизнью, воскресением и источником жизни (см. Ин. 5:24-30).

Эти слова для всех нас служат утешением в тот тяжелый период, когда мы теряем близкого и дорогого для нас человека.

Уход любимого человека всякий раз переживается очень тяжело, ибо мы понимаем, что наша земная человеческая семья понесла невосполнимую утрату, ведь человека, который ушел, заменить никто не может. Но в то же время мы осознаем, что в той великой семье людей, которых объединяет на небесах Господь наш Иисус Христос и Спаситель, на одного члена стало больше.

Мы знаем, что каждый из нас должен будет пройти тем же путем, каким сейчас идет раба Божия Екатерина. Каждого из нас ждет последнее целование здесь, на земле, и встреча там, на небесах, с Господом, а также с теми, кто нам был дорог в земной жизни.

И сегодня, молясь о Екатерине Юрьевне, с которой многие из нас общались совсем недавно, еще несколько дней назад, мы понимаем, что эта разлука — временная, имеющая для каждого свои сроки. Ведь рано или поздно мы все перейдем туда, чтобы воссоединиться на небесах, обетованных каждому из нас Господом Иисусом Христом. И этот переход для нас будет светлым и радостным, если мы будем вести достойную и праведную жизнь, какую вела Екатерина Юрьевна.

Можно много говорить о ее заслугах, о ее человеческих и профессиональных качествах, но сегодня, в этом храме, я хотел бы сказать прежде всего о ее глубокой воцерковленности. Екатерина Юрьевна была человеком Церкви во всех смыслах этого слова. С детства воспитанная в религиозной семье глубоко верующей бабушкой, знавшая

с юности многих выдающихся священнослужителей и будущих священнослужителей, среди которых был и приснопамятный протоиерей Александр Мень, она в течение всей своей жизни пронесла любовь ко Христу и Церкви.

Она была очень близким человеком отцу Александру, и после его трагической кончины всегда чтит его память, которая была для нее священной. Она всегда собирала людей в день его кончины. Скоро исполнится уже четверть века, как отец Александр покинул этот мир. Екатерина Юрьевна также отдала много сил и времени для возрождения этого храма, приложив немало усилий и для того, чтобы его возвратили Церкви. И ровно 24 года назад этот святой храм в честь святых бессребреников Космы и Дамиана Римских был возвращен Церкви, и первая служба была совершена здесь, в день их памяти. И не случайно именно отсюда сегодня мы провожаем ее в последний путь.

Екатерина Юрьевна до последних дней своей жизни сохраняла то глубокое чувство причастности Богу, предстояния Ему, которое озаряло ее жизнь и ее дела. Мне довелось увидеться с ней за две недели до ее кончины, когда она была уже истощена болезнью, но не сломлена ею, пребывая в бодром духе и всегда с присущим ей, даже в последние дни, чувством юмора. Несмотря на физическую немощь, она встретилась со мной, со слушателями Общецерковной аспирантуры и прочитала свою последнюю лекцию так, как делала это на протяжении многих лет, когда Господь давал ей здоровье и силы.

До последних дней она находилась в окружении дорогих и близких ей людей. Кончина ее не была безболезненной, но при этом подлинно христианской, непостыдной и мирной. Она ушла из этого мира, примиренная со всеми, соединившись с Богом через Причастие святых Христовых Тайн, приняв их на смертном одре из рук священника.

Екатерина Юрьевна не хотела, чтобы ее отпевание было печальным. И ее отпевание было торжественным. Предваряемое Божественной литургией, оно было проникнуто тем чувством предстояния Богу, которое испытываем мы всегда, когда приходим в храм Божий, когда вместе совершаем богослужение.

И сейчас, в этом святом храме, когда мы в последний раз в ее присутствии будем возглашать ей «Вечную память», помолимся о том, чтобы Господь упокоил ее душу в селениях праведных и простил ей все грехи вольные и невольные, ибо нет человека, который жив был бы и не согрешил. И будем просить Господа, чтобы помогал нам не забывать ее, чтобы мы учились ее трудолюбию, жизнелюбию и беспредельной любви к Богу и преданности Церкви. Аминь.

Вечная память новопреставленной рабе Божией Екатерине».

* * *

В связи с кончиной Екатерины Юрьевны Гениевой председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион направил послание с выражением соболезнования супругу почившей Юрию Беленькому

Дорогой Юрий Самуилович!

С глубокой скорбью узнал о безвременной кончине Вашей супруги — Екатерины Юрьевны Гениевой. Ее уход не стал неожиданностью, так как на протяжении последних недель на ежедневной основе я получал сводки о состоянии ее здоровья. Тем не менее воспринимаю ее смерть как личную боль, ибо много лет знал эту удивительную и сердечную женщину с подлинно христианской душой.

Храню теплые воспоминания о встречах с Екатериной Юрьевной. Ее отличали яркая харизма, лидерские качества, неравнодушие к людям. Даже страдая от тяжелого заболевания, она отдавала все силы своему призванию — служению культуре.

Высоко ценю вклад Екатерины Юрьевны в повышение образования духовенства Русской Православной Церкви. Ее лекции в Общецерковной аспирантуре и докторантуре неизменно вызывали интерес и восхищение у слушателей. Последнюю из них она прочитала незадолго до своей кончины. Тогда же я имел возможность в последний раз пообщаться с ней, ослабленной долгой болезнью, но сохранявшей самообладание, присутствие духа,

неизменно присущее ей чувство юмора и глубокую веру в милосердие Божие.

Уход из жизни Екатерины Юрьевны является огромной утратой для русской культуры, для книжного и библиотечного дела. Но верю, что ее труды будут продолжены теми, кто, находясь рядом, учился у нее.

Кончина Екатерины Юрьевны не была безболезненной, но была подлинно христианской, непостыдной и мирной. Она ушла из жизни, напутствуемая молитвами священника и близких, соединившись с Богом в причастии Святых Христовых Тайн.

В эти тяжелые для Вас дни желаю Вам и всем близким почившей крепости сил и стойкости в вере. Возношу молитвы ко Всемилостивому Господу, да упокоит Он душу рабы Своей Екатерины в селениях праведных, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная.

С искренними соболезнованиями,

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион

* * *

Текст соболезнования на сайте Минкультуры:

«Ушла из жизни Екатерина Юрьевна Гениева — директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы, специалист с мировым именем.

Екатерина Юрьевна была человеком с блестящим образованием и редкими качествами. Талантливый организатор и большой ученый, за двадцать лет ей удалось создать уникальную библиотеку, равной которой в своей сфере нет в мире.

Мы много спорили, но и много работали вместе с Екатериной Юрьевной, которая активно участвовала в разработке государственной стратегии библиотечного дела, вела многочисленные международные проекты, была одаренным переводчиком английской литературы, непревзойденным знатоком творчества Джеймса Джойса.

Уход Екатерины Гениевой, скончавшейся после тяжелой продолжительной болезни, — большая утрата для русской культуры».

Министр культуры РФ *В.Мединский*

* * *

Екатерина Юрьевна не дожила нескольких месяцев до своего семидесятилетия. Более сорока лет жизни посвятила она Библиотеке иностранной литературы — то есть Книге, Culture, Слову. Им она служила верой и правдой; годы этого служения пришлись на трудную и еще не завершённую переходную эпоху. <...>Она была человеком широчайшей эрудиции и разделяла убеждение своего интеллектуального учителя — академика Д.С. Лихачева, который верил, что XXI век либо станет веком гуманитарной культуры, либо его вообще не будет.

Духовным ее наставником был отец Александр Мень, и от него она, православная, восприняла веру в благотворность для человечества открытого диалога между различными вероисповеданиями и церквями.

В ее представлении, главным объединителем людей служит общечеловеческое культурное пространство. Совокупную культуру человечества она понимала как единое целое, хотя и слагающееся из самостоятельных величин — самобытных и неповторимых национальных культур, среди которых русская культура занимает достойное место благодаря своему духовному богатству и художественному разнообразию.

В каждом человеке Гениева видела носителя определенной культуры, поэтому находила с ним общий язык. Она обладала особым умением распознавать в людях добрые качества и скрытые таланты, она привлекала людей, давая им возможность показать себя, раскрыть свои потенциальные возможности. Ее друзьями были великие библиотекари мира — от основательницы и первого директора «Иностранки» Маргариты Ивановны Рудомино, законной наследницей и продолжательницей миссии которой Екатерина Юрьевна ощущала себя, до директора Библиотеки Конгресса США доктора Джеймса Биллингтона.

Екатерина Юрьевна воплотила в жизнь выстраданную ею концепцию ВГБИЛ, мультязыковой библиотеки (с книгами более чем на ста языках) как международного культурного центра, поля встречи и взаимодействия разных языков и культур

и обмена национальными духовными ценностями. Она была автором и инициатором множества культурных, художественных, образовательных и научных программ, конференций, симпозиумов, вовлекающих в пространство и библиотеки, и профессиональные гуманитарные сообщества, российские и иностранные, и просто охочую до знаний и общения молодежь. Все, что она делала, было освещено светом ее личности.

Екатерина Юрьевна была филологом от Бога, критиком, переводчиком и толкователем сложнейшей европейской литературы, блестящим эссеистом. Но при этом она могла бы стать успешным ректором университета, главой большого издательства, министром — на выбор: культуры, образования, здравоохранения.

Авторитет Гениевой был велик, ее высоко ценили в России и во всем мире, ибо приобщение россиян к мировой культуре она сочетала с мудрым и радостным представлением отечественной культуры за рубежом.

За вклад в диалог культур Гениева была награждена орденами многих государств — и российским Орденом Дружбы, что несет несомненный символический смысл. Столь же символично воспринимается сегодня ее последняя награда на закате жизни — Орден Восходящего Солнца, врученный ей в Москве от имени императора Японии 16 июня 2015 года.

Трудовой путь выпускницы средней школы Кати Гениевой начинался с работы санитаркой в раковой палате больницы — тогда для поступления в вуз требовался «трудовой стаж». Она говорила, что тот год научил ее многому, и прежде всего — мужеству. Мужество понадобилось ей и в конце ее трудового пути, совпавшего с концом пути жизненного, когда она в считанные часы угасала от рака. Такой — не сгибаемой, гордой, мудрой, ироничной, бесконечно доброй и всё понимающей, она осталась в памяти и сердцах тех, кто ее знал и любил, с кем ее сводила жизнь, работа или общие интересы и увлечения. «Дерзких планов много. Мало времени» (из ее последнего интервью).

Опубликовано на сайте ВГБИЛ

Источник: <https://mospat.ru/ru/2012/04/25/news62262/>

Борис Минц

НЕЗДЕШНЯЯ ЛЕГКОСТЬ КАТЯ

Что самое главное? Что написать о человеке, ворвавшемся в твою жизнь не так уж и давно? Тем не менее ставшем, опровергая все близорукие земные законы, что в зрелости друзей не приобретают, близким и дорогим. Что написать? Ты приготовился к благословенным временам: все дальше и дальше, рука об руку, с тем, кто понимает и хочет понять, кто дарит тебе право на совет, помощь, поддержку — не ведя подсчетов: кто сильнее или слабее, кому нужнее, вовремя и по силам ли?

Но это о себе и о собственной теперешней тоске — слишком коротко, мимолетно и остро не хватает. Это о том, что ее номер до сих пор не стерт в моем телефоне. Что до сих пор кажется — вот приедет из своих вечных командировок, позвонит и радостно выложит очередную идею. И не просто идею, а идею под тебя, для тебя и с ее живейшим, несмотря на занятость, участием.

Это она умела. Умела дарить другим и быть с другими. Умела щедро, без сожаления, не ожидая ничего взамен и радуясь свершившемуся. Быстро настраиваясь на волну другого человека, она буквально из воздуха сплетала для него прекрасную действительность. «Ты знаешь, Боренька, как было бы хорошо, если бы ты смог показывать свои картины в российских библиотеках!» И уже через несколько месяцев первая картина поехала в Саратовскую государственную библиотеку. Для меня до сих пор остается загадкой: как и когда она все это успела «наладить» (любимое словечко, постоянно сопровождающее наши беседы). За короткий промежуток земного времени она перекроила план жизни «Музея русского импрессионизма», подарив нам и интересное дело, и большую ответственность. Мы теперь счастливые заложники — перед теми, кто в тысячных исчислениях приходит смотреть на одну картину, в одной, не всегда избалованной вниманием библиотеке. Она и о них думала, «налаживая» эту историю.

«Боренька, мне кажется, что «Премии Гайдара» необходима международная номинация. Сейчас самое время это наладить. Давай подумаем...» Раз-

говор происходил в начале лета. Думали мы ровно час совместной беседы. А уже 15 ноября вручили премию «За выдающийся вклад в развитие международных, гуманитарных связей с Россией» Лешеку Бальцеровичу. Если честно, она заставила меня поработать — не перенести утверждение номинации на следующий год, а сразу, с места, выносить на Оргкомитет, менять нормативные документы, сколачивать рабочую группу. Катин «Завтра» всегда было «Сегодня».

Последний раз мы обсуждали список возможных номинантов Премии Гайдара у нее дома. Она только-только вернулась из Тель-Авивской клиники. На улице стояла жара. А она зябла, кутаясь в теплую кофту. На встрече настояла она, извиняясь, что просит приехать домой. Кате было тяжело, но она внимательно, без сносок, обсудила со мной весь длинный список кандидатов. «Все нормально, — успокаивала она меня, — ну не грипп, конечно. Но это ничего не меняет в нашей жизни». В нашей, наверное, не меняло. Меняло — в ее.

«Боренька, я хочу познакомить тебя с замечательными людьми». «Замечательными людьми» оказались Мария фон Мольтке и ее муж Вольф. После нашей встречи в Берлине мы как-то незаметно и радостно подружились. И вот я уже в курсе дел питерского «Фонда Романова», патронируемого «Маришей» фон Мольтке и занимающегося восстановлением и реабилитацией детей с ДЦП.

— Катя! А тебе это зачем надо?!

— Ну как же, Боренька. Люди делают такое благо дело!

Последний раз она прилетала на заседание правления Фонда в Санкт-Петербург вместе со мной в мае. С милым кокетством рассказала в самолете, как пыталась оформить больничный лист: «Представляешь, они мне сказали, что с моим диагнозом надо получать инвалидность, что люди в таком состоянии не могут работать. И очень удивились, что я могу. И что не хочу никакой инвалидности». Да, она могла. И я, видя, с каким трудом ей иногда давалось сделать даже несколько шагов, терялся: сказать ей, что мы немедленно прекращаем работать, что ей надо отдыхать, что бог с ними, делающими «благое дело», что надо о себе... или молчать и про-

сто быть рядом. Я терялся и молчал. Был рядом. И это еще одно Катино завещание — не разминивать дело на себя и свое состояние. Ей можно было долго доказывать, как не важен тот или иной проект, она молчала. Только кивала головой, но, не щадя себя, все равно делала. Важное оно или неважное, не нам и не сейчас разбирать. У нее была своя диалектика — делай, что должно, а важность дела определится потом, сложится как положено в земной системе координат.

В ней была нездешняя легкость. Открытость. Казалось, что все в ее делах и жизни происходит по мановению ее интеллекта, фантазии, жизненной хватки — мир для Кати был одним открытым пространством, наполненным только попутными ветрами. Иногда и не совсем попутными. Но они все равно позволяли ей подниматься на те высоты, которые она себе назначала. Не для себя — для других. И только для других.

А все, что касалось ее самой, было из иных «климатических» категорий. И давалось не так уж и легко. Она за себя не очень-то и умела постоять. Я помню, как Екатерина Юрьевна Гениева, человек международной репутации, директор, кавалер многих орде-

нов и т.д. и т.п., волновалась при приеме в члены Попечительского совета Фонда Гайдара. Уж она-то — неизменный советник Егора по всем гуманитарным вопросам, его доверенный соратник, имевший безусловное право на вхождение в этот Совет!

Та, что умела сворачивать горы и двигать преграды, перечеркивать запреты и заодно условности, была, оказывается, очень беззащитным человеком. И очень благодарным. Катя не только делала добро, но и помнила. Всегда, от каждого, не оценивая степень, не запиная в категории. У нее была феноменальная верность «своим». И для того чтобы стать «чужим», нужно было, мне кажется, презреть все законы морали и человеческого жития.

Она умела прощать. Умела видеть. Умела терпеть. Она многое умела для других. Без всякой пощады к себе. Наверное, ее номер сегодня сохранился во многих телефонах у многих людей, до сих пор не стертый. Наверное, многие и разные люди тоскуют сегодня по ушедшему ДРУГУ.

Мне все кажется, что она просто уехала в очередную командировку, забегалась и просто не успевает позвонить. И вот-вот вернется. Я знаю, что это неправда. Но не могу согласиться с правдой.

Рюдигер фон Фрич, чрезвычайный и полномочный посол Германии в России
ЕКАТЕРИНА ГЕНИЕВА: ЛИЧНОСТЬ, СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Есть люди, которых, кажется, знаешь, хотя ещё никогда с ними не встречался: так у меня было с Екатериной Гениевой. Когда в марте 2014 г. я прибыл послом Германии в Москву, в голове у меня засел один из советов: «Когда приедете в Москву, вам следует поскорее встретиться с госпожой Гениевой!»

Как же правы были те, кто снабдил меня этой рекомендацией! Скольких больших и малых, но всегда хороших и ценных кирпичиков в здании германо-российских отношений не существовало бы без Екатерины Гениевой! Собирая их, она ис-

пользовала свою базу, Библиотеку имени Рудомино, «свою» библиотеку — точку кристаллизации либеральных идей, сила притяжения которой действовала далеко за пределами Москвы. Еще в 1990-е годы Екатерина Гениева создала в ГБИЛ демократическую и открытую всему миру площадку, которая вносила важный вклад в построение и укрепление гражданского общества в новой России. Во имя свободы и терпимости она бросала на чашу весов весь свой человеческий и профессиональный авторитет, если это было необходимо боролась, — до последних дней своей слишком рано оборвавшейся жизни.

Наша первая встреча с нею произошла вскорее — на одном из многочисленных культурных мероприятий в моей Резиденции. Облик и манера держать себя, самообладание, отточенность

языка — все привлекало в особенной личности Екатерины Гениевой. Первая же «рабочая встреча» не заставила себя ждать. Какой генератор идей, какая решимость, но сколько прагматизма — таково было моё впечатление. Она делилась множеством текущих и планируемых проектов Библиотеки иностранной литературы и тут же предлагала новые идеи для нашего сотрудничества. Она уже не скрывала своей тяжёлой болезни: нам обоим было ясно без слов, что у неё не хватит времени реализовать все замысленные ею планы. Но она стремилась хотя бы начать очень многое и это ей удалось. Её положительный настрой и недюжинная энергия оставались впечатляющими до самого конца.

Вскоре мы осуществили наши первые совместные проекты. Гениева была соавтором идеи проводить в нашей посольской резиденции цикл бесед о выдающихся личностях германо-русской истории под девизом «Личность, свобода и ответственность». Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург, Иосиф Гаас, святая Елисавета — всё эти личности, сыгравшие особую роль в истории германо-русских отношений, многое значили и для Екатерины Гениевой. Так, московский «святой доктор» Фридрих-Иосиф Гаас был тесно связан с её детством. Она с удовольствием рассказывала о том, как девочкой играла неподалёку от Немецкого кладбища в Москве. Её рассказы зачаровывали, и неудивительно, что из них часто рождались идеи для новых проектов.

Началом нашей серии мероприятий по её предложению стал вечер, посвящённый графу Фридриху Вернеру фон дер Шуленбургу. Он был послом Германии, в 1941 г. передавший ноту об объявлении уже начавшейся войны. Вернувшись в Германию, граф Шуленбург присоединился к движению Сопротивления, за что в 1944-м был казнён. Замечательно, что эта личность привлекала Екатерину Гениеву. Бывшему послу уже был посвящён один её проект: она составила каталог книг, которые послу в 1941 г. пришлось оставить в Москве и которые сейчас находятся в фондах московских библиотек. Как и все её публикации, каталог получился настолько удачным, что пользуется интересом и среди библиофилов. В этой публикации, как и в похожих

проектах, проявился характерный для Екатерины Гениевой подход: она лично была вполне готова вернуть культурные ценности, которые в период Второй мировой войны были вывезены из Германии в Россию или остались здесь. Именно такими были изначальные договорённости, однако принятые в 1990-х гг. российские законы ныне делают это практически невозможным. С присущим ей прагматизмом Екатерина Гениева старалась хотя бы составлять каталоги, в которых указывались те книги, которые находятся в России. Таким образом, она помогала и помогает сделать так, чтобы эти сокровища были доступны. По её инициативе были составлены каталоги библиотек Шуленбургов и Вартенбургов, затем она начала заниматься библиотекой графов Харденбергов.

Уже после её смерти мы провели ещё одно такое памятное мероприятие, посвящённое великому российско-еврейско-немецкому гуманисту Льву Копелеву, которого она знала и высоко ценила.

Своей активной деятельностью Екатерина Гениева играла определяющую роль в германо-русском библиотечном диалоге, который, так же как и германо-русский музейный диалог, создал площадку для обмена между экспертами, связывающую людей и способствующую созданию доверия в непростой сфере. Сильная личность, глубокая образованность и огромный энтузиазм Гениевой были заразительны для многих. Вдохновлённая жизненным путём великой поэтессы Марины Цветаевой, Гениева выступила с идеей проведения «Дней русской культуры» во Фрайбурге. Никого не удивило, что эта идея была реализована и что Екатерине Гениевой удалось привлечь к ней даже обербургомистра города Фрайбурга. Благодаря ей между Фрайбургом и Москвой начинает развиваться плодотворное культурное сотрудничество.

Она была бесспорным руководителем Библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино, которому при жизни не могло быть альтернатив. Тем не менее её никоим образом нельзя считать автократом: замечательно было видеть, насколько демократичным, либеральным и свободолобивым был образ не только её мыслей, но и действий.

Свои сильные позиции в культурной среде она использовала для поддержания культуры свободымыслия в России и международного диалога. Она была крайне смелым человеком: её мужеством и самоотверженностью восхищались даже те, кто мыслил и действовал совершенно иначе, чем она.

Екатерина Гениева глубоко верила в связующую силу культуры, в её миротворческое и целебное воздействие, в обогащение за счёт различий и в ценность культурного наследия других. Культурный обмен она считала основой мира и примирения. Екатерины Гениевой нам не хватает именно в такие времена, как сегодняшние, когда спрос на культурные связи и на людей, вносящих в них вклад, высок как никогда: дабы укреплять

мирные контакты и диалог между нашими народами.

Екатерина Гениева была нашей соседкой. Её красивая, наполненная предметами культуры и воспоминаниями квартира находилась буквально через дорогу от резиденции. Поэтому бывали и личные встречи — у нас дома за воскресным чаем или у неё. Каждая такая встреча давала очень много, вдохновляла. Хотелось бы, чтобы таких встреч было гораздо больше. Однако им не суждено было случиться. Но и моя жена, и я до сих пор считаем, что в лице Екатерины Гениевой, с которой судьба свела нас всего на полтора года, мы потеряли друга. Спасибо, Екатерина Юрьевна, спасибо за всё.

Мигель Паласио

ПРОГУЛКА ПО МАДРИДУ

*Бог же не есть Бог мертвых,
но живых, ибо у Него все живы
(Лук. 20:38)*

Впервые я увидел Екатерину Юрьевну в июле 2006 года на открытии бюста Симона Боливара во внутреннем дворике Библиотеки иностранной литературы. Церемонию тогда почтил своим присутствием президент Венесуэлы Уго Чавес, считавший свою политику эманацией, а себя — Освободителем Южной Америки.

Е.Ю. Гениева недвусмысленно дала понять едва ли не самому неоднозначному политическому лидеру в мире, что рассчитывает на его помощь в открытии на базе ВГБИЛ культурного центра стран Латинской Америки. И получила от Уго Чавеса заверение о поддержке этой идеи «революционным правительством Венесуэлы».

Национальный характер латиноамериканцев, однако, никак не предполагает оперативного исполнения принятых решений, о чем Екатерина Юрьевна, с ее опытом межкультурных коммуникаций, полагаю, подозревала.

Тем не менее в июне 2007 года, опять же при участии президента Чавеса, состоялось открытие Латиноамериканского культурного центра имени Симона Боливара. Располагался центр поначалу в особнячке через дорогу от главного здания ГБИЛ, но в дальнейшем, по экономическим соображениям, переехал в здание посольства Венесуэлы.

...Честно признаться, тогда я не знал о проповедническом служении отца Александра Меня, а о его страшной смерти — вообще ничего. Переворот в моем восприятии знаменитого священника произошел благодаря Екатерине Юрьевне. Пятого марта 2012 года она пригласила меня поехать с ней и ее другом, послом Ирландии в России Филипом МакДоной, в Подмосковье, в Семхоз, где жил и погиб отец Александр и где в память о нем создан церковно-музейный комплекс.

...В Семхозе я познакомился с матушкой отца Александра — Натальей Федоровной и его племянником — протоиереем Виктором Григоренко. Мы посетили место убийства пастыря, где ныне воздвигнуты храм преподобного Сергия Радонежского и часовня Усекновения главы Иоанна Предтечи, затем прошли в дом отца Александра, где сохранен в первозданном виде его кабинет;

осмотрели музейную экспозицию с его личными и богослужебными вещами. Прошли по тропинке, на которой протоиерея Александра Меня настигли убийцы. Отец Виктор провел увлекательную, живую экскурсию. Екатерина Юрьевна говорила немного, иногда добавляя отдельные детали. Она показалась мне задумчивой: позднее я понял, что каждый приезд в Семхоз отзывается для нее воспоминаниями и размышлениями.

Что же касается меня, то я словно встретился воочию с духовником и близким другом Екатерины Юрьевны. В Семхозе его присутствие ощущается всюду. Отец Александр продолжает жить в памяти преданных ему людей. Отец Виктор Григоренко придерживается той же концепции приходской жизни, которую продвигал и его дядя. Главное в этой концепции — добиться того, чтобы духовенство и прихожане осознавали себя членами единой общины, какие существовали во времена первозданного христианства, еще при служении святых апостолов. Дом автора «Сына Человеческого» сплавляет входящих. В его кабинете я чувствовал себя как в обитаемом помещении. Предметы не утратили теплоты прикосновения: казалось, хозяин вот-вот войдет и позовет нас пить чай.

Екатерина Юрьевна поступала мудро, приглашая в Семхоз разных гостей. Вместе мы привозили сюда митрополита Волоколамского Илариона, послов: Рафаэля Амадора посла Колумбии, посла Кубинской Республики Хуана Вальдеса, чилийского посла Хуана Эдуардо Эгигурена с их женами; великого магистра Мальтийского ордена фра Мэтью Фестинга с несколькими десятками рыцарей. Иностранцев паломников, хотя они и принадлежат другой культуре и в большинстве своем не владеют русским языком, проникнулись харизмой отца Александра (сработал девиз его служения: «Наши земные перегородки до неба не доходят»). Супруга кубинского посла Марта Каррерас, незадолго до отъезда в Гавану, призналась мне, что знакомство с церковно-музейным комплексом в Семхозе произвело на нее одно из важнейших впечатлений за ее более чем четырехлетнее пребывание в России...

Своей неприятной обстановкой офис руководителя ВГБИЛ поражал многих. Зайдя в кабинет

Екатерины Юрьевны, митрополит Волоколамский Иларион огляделся и сказал: «Очень скромно».

Работая над этими воспоминаниями, я сообразил, что каждый год нашей дружбы с Екатериной Юрьевной проходил под знаком какой-то знаменательной личности. Если 2012-й был «годом отца Александра Меня», то в 2013-м нас объединил... Федерико Гарсиа Лорка.

Однажды я поделился с Е.Ю. Гениевой мыслью о том, что у великого испанского поэта, чью биографию и творчество я изучаю, есть немало общего с его русским собратом по перу, жившим на век раньше, — с М.Ю. Лермонтовым: преобладание образов одиночества и смерти в поэзии и прозе, любовь к народной культуре, некая двуликость, гибель от пули в молодости и т.д. Идея эта пришлась Екатерине Юрьевне по душе, она восприняла ее как вполне приемлемую для публичной презентации.

Готовя конференцию «Лермонтов и Испания», проведенную в Мадриде в апреле 2013 года Библиотекой иностранной литературы и тамошним Российским центром науки и культуры, директор «Иностранки» включила в программу мой доклад — «Духовный мир Лермонтова и Гарсиа Лорки: опыт сравнительного анализа». В Испании наша делегация, куда вошли сотрудники ВГБИЛ и других библиотек, а также музеев, пробыла почти неделю. Я не раз путешествовал с Е.Ю. Гениевой, но та поездка останется для меня самой яркой. Я использовал возможность показать Екатерине Юрьевне дорогие для меня места, связанные с Лоркой. Мы обедали в богемном кафе «Хихон», где любил бывать поэт, нередко в компании своего лучшего друга Сальвадора Дали; заглянули в Фонд Гарсиа Лорки, разместившийся в бывшей Студенческой резиденции (общежитии). Навестили мы и памятник создателю «Цыганского романсеро» и «Сонетов темной любви» на площади Санта-Ана, в эпицентре мадридского квартала литераторов. На той же площади, в уличном кафе, пили кофе («Пойдемте попьем кофе», — можно было часто услышать от Е.Ю.), обсуждали проведение вечеров памяти Гарсиа Лорки (или подношений, как именовала их Гениева). Перемещались по Мадриду мы пешком. Почти везде фотографировались.

На один день группой съездили в Толедо. Проведя конференцию «Лермонтов и Испания» и открыв выставку «Петербург в жизни М.Ю. Лермонтова» (я помогал переводить баннеры и буклет на испанский язык), мы отправились в Барселону. Выехали на предоставленном нам автобусе в девять часов утра, прибыли в десять вечера. Я сидел позади Екатерины Юрьевны и наблюдал за тем, как к ней по очереди подсаживались сотрудники, и начинался разговор о текущих проектах. Екатерина Юрьевна постоянно что-то заносила в свое расписание в планшете. Подобные сцены происходили многократно. Здесь же, в автобусе, мы роздали попутчикам карандаши с автографом Лорки, купленные в Фонде его имени. Е.Ю. Гениева любила делать симпатичные презенты. В Барселоне мы пробыли сутки и улетели раньше остальных, поскольку нужно было возвращаться к работе в Москве. Рейс выдался ночной, тем не менее наутро Гениева, уже находилась в библиотеке, вместе с владыкой Иларионом открывала конференцию о Блаженном Августине.

2014 год пролетел, освященный для нас памятью о М.Ю. Лермонтове, 200-летний юбилей которого отмечался в России. Нельзя пожаловаться на малочисленность событий, приуроченных к этой дате. На излете ноября в резиденции посла Австрии Маргот Клестиль-Лёффлер прошел литературно-музыкальный вечер «Мой дом везде, где есть небесный свод...» (начальные строки стихотворения Лермонтова «Мой дом»). И вновь его бессмертные стихи зазвучали на языках мира — теперь из уст представителя Патриарха Антиохийского и всего Востока при Патриархе Московском и всея Руси митрополита Филиппопольского Нифона и Е.Ю. Гениевой (на русском языке), посла Германии барона Рюдигера фон Фрича (на немецком), посла Новой Зеландии Хэмиша Купера (на английском), посла Люксембурга Пьера Ферринга (на французском) и посла Колумбии Хайме Хирона Дуарте (по-испански). Поэтические номера чередовались с музыкальными композициями на стихи Михаила Юрьевича. Затем мы с Екатериной Юрьевной провели аукцион в пользу детского дома, расположенного недалеко от Дому-музея великого поэта в Тарханах.

Специального упоминания заслуживает музыкальная коробка с мотивами эпохи и произведений Лермонтова, оформленная в виде дореволюционной коробки из-под пастилы. Она выполнена в двух вариантах. В «мужском» — шарф, воспроизводящий этот шейный аксессуар начала XIX века, который, как считается, в доармейской юности носил Лермонтов. «Дамская» коробка содержит копию кружевного шарфика Нины Арбениной, героини «Маскарада». Когда «мужская» и «дамская» коробки были открыты, оттуда звучал вальс А.И. Хачатуряна, написанный к драме Лермонтова «Маскарад». Все это — придумала Екатерина Юрьевна, когда в Коломне, в музее пастилы, видела старинные бонбоньерки.

Где бы ни происходило вручение коробки, оно обставлялось игрой: Е.Ю. предлагала угадать, что лежит внутри (обычная и ожидаемая версия — сладости), затем открывала ее — слушатели без труда узнавали разливающуюся мелодию; затем перед ними предстал шарфик, им предлагалось угадать, чем он благоухает.

Нельзя не упомянуть, что Е.Ю. Гениева регулярно устраивала в регионах культурно-просветительские акции, привозила туда известных культурных

и общественных деятелей. Последнюю совместную поездку мы совершили в апреле 2015 года в Саратовскую область, на очередную сессию проекта «Большое чтение», посвященную 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

...В сельских аудиториях Гениева выступала с той же ответственностью и самоотдачей, что и на самых престижных мировых площадках, общалась с достоинством и поистине на равных с людьми любого социального положения. Таково было неотъемлемое свойство правнучки дворянина, начальника Николаевской железной дороги Василия Эрастовича Кирсанова. Воспитывала Катюшу бабушка, Елена Васильевна Гениева, владевшая четырнадцатью языками...

Сопровождать Екатерину Юрьевну, помимо того, что почетно, было еще и занимательно и крайне полезно для собственного развития. Ее манеры, речь, стиль одежды, вкусы — все выдавало в Екатерине Гениевой благородного человека, настоящего русского интеллигента. Личностный уровень Екатерины Юрьевны в немалой степени определили воспитание и тот интеллектуальный багаж, что был получен ею в семье. Она понимала, что ее семейная летопись —

значимая страница в истории страны, и воздавала ей должное, публикуя переписку своей бабушки, Елены Васильевны, с богословом и литературоведом Сергеем Николаевичем Дурылиным; выпуская сборники о Максимилиане Волошине и содействуя ремонту его Дома Поэта в Коктебеле, где когда-то гостила Елена Васильевна; сберегая память о Катакомбной Церкви, в лоне которой Катюша бывала в детстве, и о своих духовных чадах, прежде всего об отце Александре Мене.

Да, поистине ее окружали неординарные фигуры. Екатерина Юрьевна любила сводить людей, причем она четко знала, кто сможет найти общий язык и работать вместе с нею, а кто — нет. Ее не привлекало простое сплетение дружеских связей. Взаимоотношения призваны были служить общему делу, креативному процессу.

На публичных мероприятиях с Гениевой было невозможно поговорить с глазу на глаз, ибо она всегда находилась в центре внимания. Ее хотелось слушать. Время для нормального диалога появлялось лишь во время путешествий и стояния в московских «пробках». Да и то у Екатерины Юрьевны телефон звонил непрерывно. Нередко я посещал

квартиру Екатерины Юрьевны и Юрия Самуиловича. Атмосфера их дома меня восхищала.

В воскресенье, 21 июня 2015 года, я приехал к Е. Ю. и Ю. С. на их дачу, находившуюся на платформе «43-й км». Екатерина Юрьевна была уже очень слаба. Она рассказывала мне о деятелях Церкви, связанных с дачей, показала уголок гостиной, который был приспособлен под алтарь на тайных богослужениях Катакомбной Церкви. Каким-то естественным образом возникла идея подготовить книгу наших бесед о священнослужителях, оказавших влияние на Екатерину Юрьевну. Сожалею, что не сразу стал записывать ее воспоминания. Лишь теперь понимаю, как торопилась она поделиться тем, что составляло исключительно важную часть ее личной истории. Спускались летние сумерки. Мы сидели вдвоем на веранде. Я советовался с нею, где можно провести свой долгожданный отпуск. Екатерина Юрьевна предложила мне Израиль, куда ей в течение 15 месяцев периодически приходилось наведываться для лечения. В то воскресенье я и вообразить себе не мог, что попаду на Землю Обетованную всего через две недели, но, к сожалению, не с целью отдыха.

Спустя два дня Екатерина Юрьевна поехала в Данилов монастырь, с тем чтобы прочитать лекцию учащимся курсов повышения квалификации, которые проводит Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия. Говорить ей было уже тяжело, но ее лекция, как всегда, вызвала большой интерес.

...Должен признаться, что я, как и многие другие, хотя и рационально осознавал всю опасность онкологии, почти до конца был убежден, что Екатерина Юрьевна победит. Верил, что болезнь отступит или хотя бы «заморозится».

...Катя — позволю себе хотя бы единожды, по смертно, так обратиться к ней — была верна своему призванию коммуникатора и знакомила между собою всех, кто волею Провидения приходил к ней в палату. На столике у кровати лежали мобильный телефон, планшет в вышитой сумочке и верстка ее книги. Все было готово к работе.

Договорились, что я приду завтра утром, и мы обсудим наши дела. Но на следующий день состояние Екатерины Юрьевны резко ухудшилось. Пригласили священника. Я искренне благодарен протоиерею Игорю Пчелинцеву, возглавляющему подворье Русской Православной церкви в Тель-Авиве, за то, что он приехал по первому зову и причастил Екатерину Юрьевну Тела и Крови Христа. Они поговорили, вспомнили крупного иерарха Русского зарубежья — митрополита Антония Сурожского: Гениева дружила с ним, а отец Игорь чтит его труды. На третий день, 9 июля, мне предстояло улетать. Из-за лекарств Катя постоянно спала, пробуждала лишь изредка. Простились, обменялись простым «Пока!» — как обычно при встрече или по телефону. Через несколько часов, после того как я вернулся в Москву, меня настигло известие о том, что Екатерина Юрьевна ушла.

Символично, что чин отпевания Гениевой был отслужен в родном для нее храме святых бессребренников Космы и Дамиана в Шубине. В советские годы помещение старинной церкви в Столешниковом переулке использовалось как книжное хранилище «Иностранки»; в начале 1990-х годов Е.Ю. Гениева приложила серьезные усилия, чтобы Космодамианский храм был возвращен Московскому Патриархату и восстановлен. После гибели отца Александра Меня в этот приход перешла и часть его паствы. Митрополит Иларион возглавил отпевание. Владыка воспринял кончину Екатерины Юрьевны «как личную боль, ибо на протяжении многих лет знал эту удивительную и сердечную женщину с подлинно христианской душой».

Знаю точно: сколько бы лет жизни ни отмерил мне Творец, скольких бы людей ни предстояло мне еще узнать, Екатерина Юрьевна не утратит своего подлинно особого места в моем сердце. Сказать, что мне не хватает ее теплого отношения, ее советов, наших встреч и поездок, ее ауры, которая высвечивала в человеке лучшие качества и затмевала дурное, — значит не сказать ничего...

Джон Робертс¹

ЧЕЛОВЕК ИСПОЛНЕННОЙ МИССИИ²

Екатерина Юрьевна Гениева, кавалер ордена Британской империи (1 апреля 1946 — 9 июля 2015) 20 августа 1991 года мир затаил дыхание: начался государственный переворот, имевший целью смещение Михаила Горбачева с поста Президента СССР и прекращение его реформ, известных как *перестройка и гласность*. В то утро по телевидению было сказано всё: диктор с каменным лицом зачитал заявление комитета заговорщиков, в котором Горбачев объявлялся больным и все рычаги власти переходили к ним. В перерывах между повторами этого заявления показывали «Лебединое озеро». Пока остальные институции хранили молчание и ждали развития событий, заместитель директора Библиотеки иностранной литературы Екатерина Юрьевна Гениева начала действовать. От нее исходили энергия и убежденность. В тот день первым ее посетителем был представитель Русской службы Би-би-си, а именно: — я собственной персоной. Тогда обеими сторонами готовился к подписанию смелый и необычный проект — проведение выставки оборудования, позволявшего посетителям слушать программы Русской службы Би-би-си и смотреть программы Всемирной телеслужбы Би-би-си (и то, и другое ранее было запрещено). Выслушав мое предложение о том, что, возможно, ей следует подождать и посмотреть, как все обернется, Екатерина Юрьевна ответила: напротив, контракт должен быть подписан немедленно, с тем чтобы в случае, даже если дела пойдут плохо, она смогла бы показать властям уже подписанный контракт, который непременно должен быть исполнен. Обычно СССР всегда соблюдал подписанные и заверенные печатями контракты. И этот контракт тоже был подписан, печать Би-би-си скрепила сделку. Прогрессивные газеты были запрещены, однако позднее в этот же день появились листовки размером А4, которые расклеивали на стенах и вообще везде, где это было возможно. В них сообщалось о новостях из иностранных радиопередач и от независимых журналистов о ходе путча. Листовки размножались

на пишущих машинках, в то время как копировальная техника и бумага хранились под замками во избежание нелегального использования. Наказание за это было суровым.

Как известно, попытка переворота завершилась полным крахом. Библиотека продолжила свою деятельность, которая была отмечена признанием во всем мире.

Катя, как ее называли друзья и коллеги, родилась в семье потомственных московских интеллигентов. Ее мать, врач, получила назначение вне Москвы, и девочка росла большей частью у своей бабушки. Бабушка обучала внучку французскому и другим иностранным языкам, а также приобщала к религии. Приверженность вере сопровождала Гениеву всю жизнь, вера была ее постоянной опорой. От бабушки Катя также узнала, что есть вещи, о которых нельзя было говорить вне дома: самый важный урок для ребенка из интеллигентной и религиозной семьи. В Московском государственном университете Гениева изучала английский язык, и написала диссертацию о Джеймсе Джойсе, которая затем была издана отдельной книгой. За ней последовали книги о Джейн Остин и Чарльзе Диккенсе.

В 1976 году по инициативе директора Ассоциации «Великобритания — СССР» (в дальнейшем Общества «Великобритания — Россия») Джона Робертса Е.Ю. Гениева посетила Англию. Ее визит оказался весьма продуктивным. Политические отношения в эпоху Брежнева были сведены к минимуму, культурные же связи представлялись и вовсе бесполезными. Но Гениева доказала ошибочность подобных представлений, убедила в этом свое руководство Библиотеки иностранной литературы. В 1989 году она была назначена заместителем директора и стала претворять свои взгляды в жизнь. В 1993 году, Катя была избрана Директором библиотеки. Одной из первых новаций Гениевой стало учреждение ежегодной конференции в память ее духовника, отца Александра Меня. Он благословил ее принять должность директора, она всегда очень остро переживала его потерю. (Мень был убит в 1990 году неизвестным фанатиком).

Как библиотекарь Гениева всегда помнила о книгах, спрятанных от людей в *спецхранах*. В каждой биб-

лиотеке имелось такое хранилище, и в зависимости от жесткости цензуры в разные времена многие книги считались опасными. Если кого-нибудь заставляли за их чтением, то человек объявлялся предателем Советской Родины.

В Библиотеке иностранной литературы хранилось около 40 тысяч книг, поступивших в фонд в конце Второй мировой войны в качестве трофеев. Это были редкие издания из Австрии, Германии, отовсюду, включая книги эпохи Гутенберга. Екатерина Гениева была одна из немногих в России, кто настаивал, что культурные ценности необходимо вернуть их законным владельцам. Начался долгий и болезненный процесс реституции — за достижение соглашений о возвращении некоторых из этих похищенных книг. Эта работа продолжалась до конца ее жизни. Выставка Би-би-си была открыта и работала; за ней последовал ряд инициатив: первым был культурный центр Франции, затем свой офис открыл Британский Совет. Затем в Библиотеке имени Рудомино были открыты культурные центры еще многих стран, в том числе Венесуэлы и США.

У Кати Гениевой был талант: она умела вести дела с правительственными чиновниками, никогда не терялась при встречах с главами государств. Действительно, она очаровывала их и убеждала, что в их же интересах поощрять открытие остального мира. Важным ее предприятием было создание в рамках ГБИЛ Института толерантности. Она привлекла писательницу Людмилу Улицкую к написанию книг для детей по этой теме. (Это обстоятельство дало повод Генеральной прокуратуре заподозрить авторов идеи в «гей-пропаганде» и периодически официально напоминать об этом.)

Русская провинция всегда была бедна на добротные обустройство культурных учреждений. Е.Ю. Гениева разработала программу, состоящую из двух частей. Она стала устраивать выставки и приглашать лекторов в такие города, как недоступный для иностранцев в советский период Екатеринбург. На одной наиболее памятной выставке были представлены диссидентская литература *Самиздата* рядом с экспонатами зарубежных радиостанций, транслировавших чтение этих произведений. Многие из этого советские слушатели тайно записывали прямо с эфира.

Вторая часть ее программы включала в себя огромное количество книг, которые она распространяла по всей стране. Являясь в период с 1995 по 2004 годы президентом института «Открытое общество» (Фонд Сороса, известный с 2010 года как Фонд «Открытое общество»), она использовала новые возможности для расширения и углубления исследований в области культуры.

Казалось, что Гениева постоянно находилась в движении. Она ездила по всей России, бывала в бывших советских республиках, посещала разные страны, общалась с разными библиотекарями. Она с достоинством выполняла обязанности Вице-президента Российской библиотечной ассоциации, первого вице-президента Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений — IFLA (с 1997). Сотрудничая с рядом многих организаций культуры — от ЮНЕСКО до «Трансперенси интернешнл», Гениева призвала читателей своей библиотеки использовать все технические возможности для дальнейшего познания внешнего мира, приглашала писателей и ученых многих стран приехать и внести свой интеллектуальный вклад в организуемые ею различные литературные мероприятия. Она имела награды стран по всему миру. Совсем недавно получила награду в Японии, была кавалером ордена Британской империи. Клуб «Атенеум» приветствовал Гениеву как первую женщину в своем списке членов клуба. Ее кандидатура, среди прочих, была поддержана и нобелевским лауреатом, поэтом Шеймасом Хини, изданным ею на русском языке и с успехом выступавшим в Библиотеке иностранной литературы. Смелость и твердость Екатерины Гениевой в отстаивании своих ценностей вызывали восхищение даже у ее оппонентов. Она никогда не отступала под давлением властей. Незадолго до кончины она ответила категорическим отказом закрыть Культурный центр США; в связи с событиями на Украине в марте 2014 года в ГБИЛ прошел протестный конгресс московской интеллигенции. В сентябре 2014 года Гениева устроила (хотя ее настоятельно «просили» этого не делать!) отменить концерт в библиотеке лидера популярной рок-группы «Машина времени» Андрея Макаревича. (Певец попал под критику за его выступление перед детьми беженцев из Восточной

Украины.) Екатерина Юрьевна вместе с Андреем вышла на импровизированную сцену, которой стало крыльцо Библиотеки иностранной литературы. Гениева сохраняла приверженность основным гуманитарным ценностям и без устали боролась за взаимопонимание между культурами и религиями, этим она выделяется как блестящий пример честности и гражданского мужества. В своем последнем интервью, буквально за неделю до смерти, она мужественно говорила о раке, который убьет ее, и о том, что у нее осталось еще «так много амбициозных планов, но, увы, так мало времени».

С гордостью и радостью оглядываюсь я назад, когда в 1976 году организовал визит Екатерины Юрьевны в Англию. Но наоборот совсем другие — горестные — мысли приходят мне в голову, когда я вспоминаю о тех препятствиях, которые ей пришлось преодолевать...

<...>

После того как Гениеву назначили генеральным директором Библиотеки имени Рудомино, Екатерина Юрьевна открыла в ГБИЛ читальный зал религиозной литературы — первый в постсоветской библиотеке. Следующим ее шагом как директора было формирование влиятельного «протекционистского» Попечительского совета, который включал в себя Библиотеку Конгресса США и многих видных деятелей культуры из разных стран мира. Я был среди его первых членов и в 2004 году имел честь стать его председателем этого совета. За месяц до своей кончины Катя позвонила и попросила меня безотлагательно сделать перевод статьи русского автора Наталии Зазулиной о папе Бенедикте XV. Избранный в 1914 году, Бенедикт XV сделал немало, помогая попавшим в бедственное положение беженцам, пережившим ужасы событий 1917 года. Наделенная мудростью, организаторскими способностями, высокообразованная женщина, Катя Гениева

была еще и приятным, тонким, приветливым человеком. Ее никогда не заботила личная слава, стремление к богатству. Она не сделала свою Библиотеку иностранной литературы вульгарным коммерческим предприятием. Печалюсь об уходе Екатерины Гениевой, я молюсь, чтобы Библиотека иностранной литературы — ее подлинный мемориал — оказалась в руках деликатного и дальновидного руководителя.

Перевод с английского Александр Максимов

¹ Джон Робертс — ветеран культурных связей Британии с СССР и Россией (1973–2000), один из создателей Британско-Российского общества. Бывший председатель попечительского совета Всероссийской государственной Библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино. Автор книги «Говорите прямо в канделябр» (М.: Росспэн, 2001).

² Статья была опубликована в журнале Британско-Российского общества «Восток – Запад». Том 14, № 2, изд. 39, осень 2015 года.

Источник: <https://moscowalk.ru>

Протоиерей Владимир Архипов
КАТЯ

Эти краткие заметки о Кате Гениевой в очень малой степени соответствуют масштабу ее личности. Я почти ничего не знаю ни о ее директорстве, ни о международных служебных контактах, ни о ее многогранной культурно-просветительской деятельности. Есть только мое частное понимание Кати, впечатление о ней благодаря дружеским отношениям и тому малому сотрудничеству, которое имело место за 26 лет.

Конец 1980-х. Отец Александр Мень венчает знакомую ему молодую пару. Чувствуется невидимый оттенок «своих» людей. Негласная, ценная для советского периода, характеристика надежности. Венчаются Юра и Катя. Я с ними не знаком. Как алтарник помогаю отцу Александру. Память сохранила дух слов поздравления батюшки. Они были просты, но проникнуты искренней любовью и особым нежным благословением. Чувствовалась бережная забота о семье друзей и ответственность за их путь. В завершение они пригласили заехать к ним на дачу, отметить событие. Такая открытость и радушие оказались для меня слишком неожиданными, но, как выяснилось в дальнейшем, характерными для Кати и Юры.

Мое участие в венчании было случайным, но это потом оказалось началом длительного знакомства и искренней дружбы. Интересно, как Господь сеет на нашем пути «случайности», из которых в дальнейшем выстраивается наша жизнь.

Оказалось, что Катя работает в «Иностранке», где в рамках культурных и просветительских программ у нее есть возможность проводить встречи и диспуты с участием отца Александра. Катя прекрасно понимала важность широкой открытой проповеди Евангелия и внутренней свободы в стране, где 70 лет пытались вытравить образ Божий в человеке. Проповеди читал отец Александр Мень. И Гениева была рада помочь этому всеми возможностями, которые у нее были в то время. К сожалению, начавшееся сотрудничество оборвалось с гибелью отца Александра. Но он успел благословить ее принять библиотеку в качестве директора, когда возникнет такое предложение. Благословение отца, который видел потенциал Кати,

и ее полное доверие ему имело решающее значение в предстоящей жизни ее и ее семьи. С 1990-го года Катя фактически уже выполняла функции директора ГБИЛ, где ее талант нашел прекрасное применение.

Она любила библиотечное дело, но понимала его значительно шире, чем предусмотрено министерским стандартом. С древних времен библиотеки были гордостью любого народа, являлись центром духовной и культурной жизни. Поэтому Катя и стремилась, чтобы не только ее, но и те библиотеки, с которыми она сотрудничала, могли стать культурными центрами, местом дискуссий и поиском истины. И то, что она видела в других странах в сфере культуры, Катя талантливо адаптировала к нашему менталитету и возможностям. Думаю, что ее идеи были полезны и ее коллегам за рубежом.

Чем больше человек отдает себя принятому благословию, тем большей глубины сердца достигает Господь, и тем очевиднее Его присутствие. Благословение — не пассивное одобрение дела и не формальность, а активное сотворчество Бога, человека и духовника. Оно невидимо действует через доверие и любовь человека к Богу и духовнику. Это необходимая и важная форма духовных отношений пастыря и пасомого. Рождается она как итог молитвы. Принимается и совершается благодаря верности и самоотдаче.

В каждом творческом деле могут быть ходы как тупиковые, так и второстепенные, которые уведут от оптимального решения. Эту запутанность обычно создают сами люди, действуя наугад или по известному принципу «на авось». Удивляла Катина способность в запутанном клубке вариантов находить единственный главный, ведущий к оптимальному решению. Всегда радуется в человеке культура и искусство мыслить, умение видеть на несколько шагов вперед, тем более не на шахматной доске, а на жизненной стезе.

Свойства личности, и деловые, и нравственные, всегда проверяются в нестандартных и непредсказуемых ситуациях. Редкий дар — быть всегда готовым к любой неожиданной и непредвиденной ситуации, из которых и состоит наша жизнь. Смирение как одно из важнейших свойств христианского опыта успешно решает эту проблему. Смирение — как мужество и полное доверие Богу. Незапланированные со-

бытия перестают выводить человека из равновесия, и он воспринимает все как Божие провидение о своем пути. Поэтому не ситуация манипулирует человеком, а он владеет ею. Это не только про Катю, но про каждого, кто пытается Высшую Реальность применить к реальности своей жизни. Такой человек готов взять на себя проигрышную ситуацию и выиграть — но не ради тщеславия, а ради дела.

За те несколько минут, которые я проводил в кабинете Кати, я чувствовал, что ее рука лежит на пульсе подвластной ей «библиопланеты» — как внутри, так и вне стен ее библиотеки. По крайней мере, она готова в любую минуту была включиться в жизнь отделов, культурных центров, выставок, конференций, читальных залов, библиотечного международного мира. Я понимал, что передо мной друг, а для служебной территории — строгий и требовательный директор. Хотя и в частных отношениях она всегда была самой собой — и прямой, и цельной, и деловой. Не было разговоров «ни о чем». Намек на них она тактично прерывала, и разговор переводился в конструктивное русло. Катя умела ценить время, понимая, что оно ей лично не принадлежит, но для чего-то ей отпущено свыше. Подвижник в любом деле, экономя время, не экономит свои силы и здоровье. Он не воспринимает их как самоцель.

Ясностью мысли, цельностью, любовью к жизни, преданностью делу Катя оказалась сделана из того же теста, что и отец Александр. За несколько лет с конца 80-х до начала 90-х, когда появилась надежда на свободу, они оба увидели в этом шанс, который дарует Господь, и были готовы использовать его в полную силу. Правда, иллюзий по поводу наступивших свобод у отца Александра не было: он слишком хорошо знал историю человечества. Но у них были благодарность за Божие доверие, трезвость и полная самоотдача.

Желание открыть людям мир веры и смысл жизни было велико. Отец Александр понимал, что надо торопиться. Время свободы быстро сменяется временем реакции. У многих были радужные надежды, но отец был сторонником трезвых оценок. Катя трудилась с ним заодно, стремясь сделать как можно больше на ниве просвещения и культурного возрождения. Как человек открытый, но отнюдь не наивный, она понимала, что тьма не прощает апостолам света и во все

времена мстит им. Активность же проповедей отца Александра и интерес к ним возрастали. Аудитория слушателей его живой проповеди быстро росла. Священнику стали доверять больше, чем кому-либо. Многие, как в первые времена христианства, стали приходить к Церкви и креститься. Но «противник» Бога не дремал.

Невидимо обстановка вокруг свидетельства о Христе стала напряженной. В такой ситуации было как минимум два варианта: либо сойти с пути и избежать неприятностей, но изменить себе и Христу; либо остаться верным услышанному когда-то призыву свыше и своему выбору быть со Христом. Но в таком случае крест духовный становится уже крестом мученическим.

Гибель отца Александра для всех его духовных чад была и остается тяжелейшей трагедией. Когда он погиб, Катя была из тех, кого горе заставило собраться и по мере сил действовать в духе отца. Она поняла, что необходимо делать, почему он благословил ее принять директорство. На своем месте она могла бы продолжать дело своего духовного отца так, как никто другой. Действительно, без риторики и манифестов она услышала призыв, что может и должна сделать для Бога, Церкви, людям, самой себе, стране. Да, той самой стране, которая отвергнет свободу, убьет своего просветителя, будет обвинять ее в «западничестве», а народ упорно будет стремиться в печальное прошлое. Менталитет и психология довольно инертны, меняются они долго. Она не пугалась горы, а пыталась ее двигать. В этом была вся Катя. Она понимала характер своего народа и его кесаря. Поэтому ее шаги были всегда трезвы, обдуманно, взвешены мудростью, а главное — всегда перед лицом Истины. Ориентировалась только на Божию правду, которая никогда не оставит верного ей.

Катя обладала особой харизмой — вносить смысл в мир абсурда. Она могла признаться, что очень устала и духовно, и физически от окружающего абсурда и глупости. А если скажешь: «Не пора ли, Катя, снизить темп и ехать не в Шереметьево, а на дачу, на 43-й километр, а?» Так она в ответ: «Если не мы, то кто? Еще немного рано». И ни слова лишнего — о долге, о возвышенном, о вере, о христианстве, о Боге. Смирение ее было не в отрешенном взгляде

и не в фальшивых словесах, а в мужестве и трезвости, в готовности сделать все, что даже выше ее сил. А это норма для тех, кто рад отдать всю прибыль Христу. Это особая мудрость и благоговение перед невидимой реальностью — уметь хранить и не разменивать любовь ко Христу на слова о ней. Это была и школа для ее собеседников.

Господь вложил в нее не только дар лидера и победителя, но и смирение, чтобы не забывала, кому она служит — кесарю или Богу. И вновь, как и на отца Александра, исполнился закон Христов: «Кто потеряет жизнь свою ради Меня и Евангелия тот сохранит ее...» Благодаря вере, Катя действительно порою сдвигала горы, непосильные для одного человека.

У отца Александра был замысел — построить баптистерию и воскресную школу при храме в Новой Деревне в Пушкинском районе. После его гибели для нас это стало завещанием. С первых дней Юра, муж Кати, приступил к организации и началу работ. Обсуждения, выбор проекта, планы, сметы, исполнители — и непосредственная физическая помощь. Опять эта необычная в своей искренности и щедрости семья. Наше знакомство перерастало в теплые доверительные и надежные отношения. Снова нас объединяло дело отца Александра Меня и любовь к нему.

А потом поступался 95-й год. Мягко говоря, непростой для нашей с женой жизни. Если бы не ак-

тивное участие Кати с Юрой, моя служба могла бы закончиться. У них за океаном нашелся друг, а у друга сын, классный хирург, как раз по самому что ни на есть моему профилю. И меня «починили» на целых двадцать лет. Я помню свою встречу с Катей и Юрой в Шереметьево.

Без слов было понятно, что программа, которой Катя дала кодовое название «наша нога», привнесла в наши отношения новую, доселе невиданную глубину.

Есть люди, которые могут не быть рядом, не быть дома, не приехать в церковь, но это не значит, что они отсутствуют. Особенно очевидно это с теми, кто навеки связал себя с Иисусом Христом и служением Ему. Катя — как раз из этой бесценной когорты. У меня ни на одно мгновение не пропадала уверенность: если возникнет необходимость, Катя сделает все возможное, чтобы помочь, где бы она ни находилась.

А потом пришли жестокие и неумолимые 2014 и 2015 годы. Но они стали яркими снова благодаря Кате и верному Юре. Была очевидна угроза и понятен, к сожалению, исход. Думаю, не только для врачей. Но Катя все равно осталась Катей! И все, что было в ней, оказалось настоящим и не из временного, а из вечного мира. Стоя у могилы близкого человека, думаешь не о том, чем он знаменит и как велик своими делами, а о том, как он дорог твоему сердцу. Отдав жизнь людям и посвятив себя Богу, он переходит в другое измерение и, по определению, не может кануть в небытие. Такой человек уходит в Жизнь Вечную — и поэтому пребывает в настоящем. И не во временной памяти близких, а в невидимой реальности.

Красота и мощь души не блекнут и не увядают, если она не на поверхности, а из глубины. Она продолжает служить миру, если он имеет уши и очи, свидетельствуя о феномене человеческого духа, рожденного Божьим Духом, жившим Им, служившим Ему! Когда Бог смотрит на таких людей, Он с радостью может сказать: «Добро зело есть. Войди в радость Господина твоего».

Август, 2015

Славко Прегл
(Любляна, Словения)

Мое сотрудничество с российскими издателями началось очень давно, в разгар прошлого века, и тогда для нас было привычным, что наши разговоры были весьма долгими и полными неопределенности. Результат часто зависел от людей, для которых книга являлась административным заданием, а не страстью, любовью всей жизни. Поэтому велико было мое удивление, когда у меня в кабинете летом 2011-го (тогда я был директором словенского Государственного агентства печати) появилась Екатерина Юрьевна со своими сотрудниками. От любезного общего разговора мы — по ее инициативе — очень быстро перешли к конкретным вещам и за несколько дней подписали письмо о намерениях. Издательство «Центр книги Рудомино» в составе ВГБИЛ — при содержательной и финансовой поддержке Государственного агентства печати — начнет публиковать современную словенскую литературу на русском языке. Название серии: «Словенский Глагол». В том же году вышли уже две книги, а потом (на сегодняшний день) еще пять! Мне казалось замечательным, что мы, словенцы, так сказать, все выросшие на русской классике, чуть-чуть начнем возвращаться назад.

Позже, в мае 2012 г., Екатерина Юрьевна пригласила меня вместе отправиться в Саратов. В рамках бесед по проекту «Большое чтение», в который реально было включить и «наши» книги, у меня была возможность поговорить о Словении и ее культуре в местном университете и даже в одной из библиотек близлежащего города Энгельса. Несколько раз я был гостем и на международных конгрессах переводчиков в Москве, где выступал на различных

мероприятиях. И везде ощущалась неукротимая энергия Екатерины Юрьевны.

Ее благосклонность к словенской литературе, доброжелательное отношение к Словении — это именно то, благодаря чему я ее не забуду и из-за чего меня так глубоко потряс ее слишком быстрый уход в страну наших воспоминаний. Ее широкие познания, независимые исследовательские путешествия по вершинам мировой литературы и одновременно галантное лавирование между факторами, ежедневно вторгающимися в нашу жизнь и деятельность, — все это отнюдь не отвратило Гениеву от достижений «малого» языка, языка словенцев, самых западных славян. Ее жизненным и духовным пространством был поистине весь мир, но в то же время она знала, что жемчужное ожерелье состоит из тысяч маленьких жемчужин, без которых оно не будет цельным. Своих сотрудников Екатерина Юрьевна, несомненно, загружала работой, но и себе не делала никаких поблажек, и их совместные результаты, безусловно, давали плоды. Я горд и счастлив, что кое-что нам удалось сделать вместе; я стал богаче, потому что мог у нее учиться.

Екатерина Юрьевна собирала чайные чашки. Я успел подарить ей две, и она так радовалась каждой; в этом году я купил еще одну, особенную — для нашей следующей встречи. Теперь эта чашка останется со мной. И каждый раз, когда я буду пить чай, мысленно буду разговаривать с Екатериной Юрьевной.

Она была исключительной женщиной. Словения, словенская литература и я лично потеряли дорогого друга. Было бы справедливо, если бы ее — и наш — «Словенский Глагол» продолжал выходить и дальше; это будет наш скромный, долговечный памятник в ее честь.

Перевод со словенского Юлии Созиной

Александр Нежный
ПАМЯТИ Е.Ю. ГЕНИЕВОЙ

С кончиной Екатерины Юрьевны Гениевой что-то изменилось в моей жизни.

Собственно, так бывает всегда, когда уходит человек, с которым ты был связан годами тесного знакомства (боюсь написать здесь: дружбы, ибо таких, как я, вокруг нее было великое множество: писатели, переводчики, художники, редакторы, дипломаты, священнослужители — от простого иерея до увешанного панагиями митрополита, сотрудники ее Библиотеки, обожавшие Катю, но теперь в связи с необратимым изменением обстоятельств привыкающие любить новое начальство). Как бы мы ни верили в предстоящую всем нам встречу с теми, кто нас покинул, иначе говоря — *в жизнь будущего века*, — вид разверстой могилы и гроба, где покоится человек, так похожий на живого, человек, с которым не далее как неделю назад ты говорил по телефону, а чуть раньше встречался и обсуждал будто бы важнейшие вопросы издания твоей новой книги, а еще раньше в одном вагоне путешествовал во Псков или в одном самолете летел в Красноярск, — право же, этот мучительнейший из всех разрывов, разрыв между еще живым вчера, а ныне уже мертвым, помимо горя, вызывает отчаяние, перехватывающее горло.

Какая встреча? Будет ли она? Надежда на нее относится к области нашей слабой веры, тогда как глазам предстоит неоспоримая реальность могилы. И не получается, как учит нас Спиноза, смотреть на все *sub specie aeternitatis*^{*}, ибо все случившееся не только больно ранит сердце, но буквально казнит своей дикой неправдоподобностью. Что-то изменилось не только в моей жизни; и не только в жизни других людей; меняется, для нас подчас совершенно неуловимо, само бытие — хотя бы потому, что в создание человека вложено бесконечное количество тысячелетнего труда, и его потеря всегда отзывается на мироздании. А когда тебе выпадает горестное счастье и великая ответственность промолвить несколько по возможности небанальных слов о Екатерине Юрьевне, то прежде всего следует сказать, что в ней

удивительным образом выразился какой-то, вероятно, не до конца понятный нам замысел, создавший эту совершенно неповторимую личность. Было тут, вероятно, и сочетание двух кровей, и воспитание, и огранка мировой культурой, и приобщение к христианству — но было, вне сомнений, и нечто иное, что при взгляде на нее навевало представление о царственных — в лучшем и высоком смысле — особах навсегда ушедших времен. Достаточно было хотя бы раз увидеть, как входит Екатерина Юрьевна в *Овальный* зал, название которого, вопреки его действительной форме, оставил ей в наследство горячо любимый ею отец Александр Мень, как на пути к председателскому (обыкновенно) месту ее сто раз перехватят, остановят, начнут расспрашивать, и она со свойственной ей быстротой ума успевает перемолвиться со всеми и всем ответить; как одним взглядом своих темных глаз диковинной птицы она сбивает пыл с какого-нибудь чересчур увлекшегося собой витии; с каким благожелательством представляет собравшимся людям новую книгу, выпущенную ею же созданным при Библиотеке издательством «Центр книги Рудомино», — автора, художника, редактора...

Несколько раз и я бывал именинником Овального зала, и надо ли говорить, сколь дороги были мне слова Екатерины Юрьевны о моих книгах и предпринятых в них попытках изобразить как трагичные стороны нашего бытия, так и просверкивающие в нем проблески света. Из моих сочинений ей, мне кажется, более всего пришелся по душе «*Nimbus*» — роман о Фридрихе Иозефе Гаазе, «святом докторе», как его нарекли в России, *несчастливым* которой он посвятил почти всю свою жизнь. Прихватив с собой распечатку романа, Гениева улетела в одну из своих бесконечных командировок, а вернувшись, твердо сказала: «Будем издавать». Ее отношение было мне понятно. Оно определилось не столько — скажем так — действительными или мнимыми достоинствами моей прозы, сколько ее глубоким почитанием моего героя — Федора Петровича Гааза, беззаветного подвижника и гения милосердия. О Гаазе и его служении она знала с детства. В этой связи велико искушение написать, что призыв Гааза «Спешите

делать добро» — всю жизнь был биением ее сердца. Но, как говаривает мой близкий товарищ, все так, да не так.

Она спешила делать добро — но на свой лад. Федор Петрович, с какой стороны на него ни глянь, был юродивый. Не таким, как Василий Блаженный или Ксения Петербургская, но, вне всяких сомнений был он «человек Божий». Однако Божий человек ни в советские, ни в наши времена даже и не помыслить не мог, чтобы возглавить крупнейшую в стране Библиотеку; не смог бы создать в ее стенах общероссийский культурный центр: он мог бы лишь бессильно вздохнуть перед невыполнимой и непосильной для него задачей — новыми скрепами соединить отечественную культуру с культурами США, Англии, Франции etc, организовав при ГБИЛ культурные центры этих стран. (Упомянем в этом ряду и Турцию, чей культурный центр недавно был мстительно разгромлен властью). Божий человек вряд ли был бы в состоянии, давясь от отвращения, в сотый раз напоминать чиновникам типа г-на Мединского, отправившего историю на панель подделок, мифов и фальсификаций, что были деятели, при слове *культура* хватавшиеся за пистолет, — но зато каким же роскошно-поучительным манером завершили они свою жизнь! И если Творец еще сохраняет кое-какие надежды на человечество, то Он лучше всех президентов знает, что культура — первое и, пожалуй, единственное средство от нашего всеобщего одичания.

Однако новые хозяева уже въехали в город Глухов на белом коне и со страстью предались своему любимому занятию — жечь гимназии и упразднить науки, а Екатерина Юрьевна, как птица, спасающая свое гнездо, пыталась остановить разрушение дела своей жизни, несмотря на то, что она была смертельно больна и дни ее были уже сочтены. Это был ее *кенозис*. Но перед кем же могла она говорить

о близости своего смертного часа? Перед какими *рылами* открывать душу?

«Божий человек», в чистейшем его виде, просверкнул в ней в этом ее добровольном самоубийстве.

Ее могила на Введенском (Немецком) кладбище находится в нескольких шагах от могилы Гааза. Выискивать в больших и малых совпадениях перст Божий — не мое занятие; но ее посмертное соседство с Федором Петровичем нельзя было не считать знаком, дающим нам возможность глубже понять жизнь и достойную миссию Екатерины Юрьевны Гениевой.

Она ушла в июле 2015-го; последний раз мы виделись, кажется, в июне. Болезнь, перенесенные операции, химиотерапия — все вместе наложили на ее облик тот страшный отпечаток, который виден на лице человека, исчерпавшего силы в долгой, изнурительной борьбе за свою жизнь. Я глядел и вспоминал: вот мы во Пскове, вечером, в ресторане, после тяжелого дня, и она, отвергая мое предложение выпить вина, решительно заявляет: «Нет, нет! выпьем водки!»; вот на обратном пути я захожу к ней в купе, где она, как дитя, не нарадуется на пару каких-то старинных вещичек, купленных ею в антикварной лавке; вот в Красноярске, на рынке, выбираем подарки для своих близких, и она со знанием дела советует: «Купите вот эти рукавички для жены и дочери»; вот... Честно говоря, не так уж он и велик, список моих воспоминаний. Но от всего вместе — от этих поездок, от Овального зала ГБИЛ, от ее неизменного вопроса о всякой моей новой книге: «а какой месседж мы посылаем читателям?», от моих полувнятных ответов — от всего этого возникает щемящее чувство невозможной утраты, завершения большого — больше, чем ее жизнь, — отрезка времени и наступления новой, безрадостной (без нее!) эпохи.

* С точки зрения вечности (*лат.*).

Гарри Бардин
режиссер

Пока мы ее помним — она живая.

Писать о Екатерине Гениевой в прошедшем времени не могу, потому что все, что произошло с ней, болезнь и ее уход, — воспринимаю как чудовищную несправедливость.

Евреи в день рождения пьют за здоровье именинника и желают ему дожить до 120 лет. Редко кто доживает. И то — или японцы, или китайцы. Наше российское воображение чуть победнее. И, хотя мы повторяем как мантру: «В России надо жить долго», — не получается. Уходят рано талантливые и любимые наши люди.

Екатерина Юрьевна Гениева по своим грандиозным планам, по нестандартным задумкам должна бы жить и жить. Ее идеи рождались легко, в общении за столом, между прочим. Наверное, были какие-то домашние заготовки, но трудно представить себе Катю, тяжело погруженную в раздумья, часами сидящую в тиши кабинета... В ней пленяла моцартовская легкость (как и одна — первоапрельского рождения!) возникновения идеи и полное бесстрашие перед осуществлением этой идеи.

Мы с ней много ездили по городам России. Взяв на вооружение мой фильм «Адажио», она начинала свои конференции с просмотра этого фильма. При этом Катя скрупулезно вела счет своих просмотров. Незадолго до смерти она сообщила, что видела фильм «Адажио» 88 раз. Когда я присутствовал

на этих конференциях, то не уставал удивляться той непосредственности, почти детской, с какой она смотрела на экран. В ней органично уживались мудрость и непосредственность. Мужество и женственность.

Она была непререкаемым авторитетом в своей библиотечной среде. Ее слушали затаив дыхание работники библиотек в провинциальных городах России. Благодаря Кате я открыл для себя, что Москва — это еще не Россия. Россия для меня открылась добродушными, интеллигентными, открытыми людьми без столичной спеси и фанаберии. Людьми, живущими скромными доходами в глубинке. Профессия библиотекаря предполагает не просто работу, а служение. И в этом смысле Екатерина Гениева была образцом этого служения.

Она редко жаловалась. Я помню нашу последнюю совместную поездку в город Чебоксары. Наши номера в гостинице были рядом. Встречаю Катю в коридоре. Она, пошатываясь, держась за стенку, идет в свой номер.

— Катя! Что с тобой? — спросил я.

Она повернула голову. На ее исхудавшем лице светилась улыбка.

— Представляешь, душа моя, я самостоятельно поднялась на колокольню. А это — двадцать метров!

Она мужественно преодолевала невзгоды, болезнь, идиотизм вышестоящих инстанций. Как у Чехова: «Неси свой крест и веруй». Она верила в людей, в торжество разума и справедливости. И я это принял как наследство и как вектор жизни. Спасибо тебе, Катя.

Дмитрий Триантафиллидис¹
ЕКАТЕРИНА ГЕНИЕВА —
МАЯК ТОЛЕРАНТНОСТИ

Екатерина Юрьевна Гениева, Генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино, в которой она проработала в общей сложности 43 года, — яркая и смелая личность, которая в своих работах за-

печатлела «проблематичное» двадцатипятилетие, следовавшее за распадом СССР.

Редкий специалист по английской филологии, видный деятель в культурной и политической жизни России, для меня она была олицетворением лучших черт русской интеллигенции. Личность, обладавшая исключительной эрудицией и культурой, она была членом редколлегии литературных журналов «Иностранная литература» и «Знамя»,

специализированного издания «Детская литература», журнала «Библиотека» и других известных российских проектов. Стоит особо упомянуть о том вкладе, который внесла Гениева в возобновление журнала «Вестник Европы», являющемся образцовым вариантом диалога между Россией и Европой.

Личность светлая и в то же время сильная, Екатерина Юрьевна Гениева, щедро дарила людям, окружающим ее, свет, тепло; ее жизнь была примером для подражания. Обладая редким талантом — выявлять доброту и харизму в каждом человеке, встречающемся ей на жизненном пути, Гениева создала целую плеяду людей, которых объединяет общая цель — любовь к культуре и сострадание к ближнему.

Ее кристально-чистая этика всегда руководствовалась невероятной эрудицией и глубокой духовностью. Само ее присутствие, где бы то ни было создавало ту непередаваемую атмосферу, когда моральный долг становился высшим принципом жизни этого человека. Поэтому Гениеву не коснулись непорядочные высказывания людей, которые так и не смогли понять, какой высокой миссией она была наделена и какой высокой моралью обладала.

Благодаря старанию Екатерины Гениевой был задуман и реализован проект «Ex Libris», позволивший сохранить от уничтожения тысячи провинциальных и сельских библиотек на территории России. Несмотря на тяжкий недуг, она до конца находилась «на боевом посту», перевоза в отдаленные регионы России коробки книг для местных библиотек, организовывала поездки писателей в самые крайние районы огромной пушкинской страны, чтобы встретиться с читателями.

Екатерина Гениева являлась президентом «Института толерантности», и яркий луч ее негасимого маяка указывал верный курс, соединяющий мост между Россией и всем миром.

Встречи и общение с Екатериной Юрьевной, как свидетельствуют ее друзья, всегда были оазисом радости, диалога, глубокого взаимопонимания и взаимного уважения.

Однажды у нее дома мы обсуждали различные планы широкого представления греческой культуры в России через переводы и публикации книг, через встречи, через сотрудничество с греческими учреждениями. Екатерина Юрьевна продемонстрировала гостям предметы, представляющие историю нескольких поколений русских интеллигентов. Вместе с мужем они всю жизнь собирали их, с тем чтобы потом пожертвовать библиотекам или музеям. Она обладала талантом убеждать многих состоятельных соотечественников, и люди с удовольствием жертвовали деньги на спонсорские программы для поддержки библиотек и музеев по всей России.

Екатерина Гениева была душой проекта «Возвращение», который финансирует и возвращает в библиотеки России архивы, сохраненные первым поколением российской диаспоры, а также и архивы зарубежных стран, найденных в России после Второй мировой войны. Помню, с какой радостью она рассказывала о том, как удалось вернуть в Австралию тысячи книг и другие ценные предметы.

Екатерина Гениева в жизни была очень храбрым человеком, она непоколебимо шла против течения эпохи, защищая право выражать свое мнение и даже несогласие, развивая диалоги в рамках толерантности.

Екатерину Юрьевну Гениеву можно сравнить с женами декабристов 1825 года, не боявшихся ударов судьбы и принявшими все тяготы сибирской неволи. С теплотой и любовью она воспитала целые поколения библиотекарей, читателей и писателей. За это, как и за многие другие ее заслуги, россияне будут вспоминать ее с благодарностью. Будем помнить ее и мы — те, которым посчастливилось быть знакомыми с ней.

¹ *Дмитрий Триантафиллидис* — греческий журналист, писатель и переводчик с русского языка. Издатель альманаха русской культуры «Степь» и учредитель издательского дома «Самиздат».

Незабвенная Екатерина

Фото Е.Ю. Гениевой разных лет. Благодарим Ю.С. Беленького за предоставленные фотографии

Человек ПРОТИВ ТЬМЫ

(Из воспоминаний о Екатерине Гениевой¹)

...и поняли мы,
Что мы на пиру в вековом прототипе —
На пире Платона во время чумы.

Борис Пастернак

Первая моя встреча с Екатериной Юрьевной Гениевой произошла давным-давно, еще в прошлом веке, почти четыре десятка лет назад. Точнее — на исходе 1977 года. Ко мне поступила просьба (уж не помню, от кого) написать для журнала «Литературное обозрение» (в тогдашнем просторечии «Литобоза») рецензию на только что напечатанный на страницах журнала «Иностранная литература» переведенный Марией Павловной Богословской роман Дж. Джойса «Портрет художника в юности»². Написать-то я написал, но хотел сверить свою рецензию с кем-то из людей, по-настоящему разбирающихся в истории европейской литературы.

Мой знакомый, Александр Борисович Грибанов, как раз и вывел меня на Екатерину Гениеву, тогда еще скромного научного сотрудника Библиотеки иностранной литературы. Её реакция неожиданно для меня оказалась дружеской и щедрой: «Такая рецензия не только Марии Павловне нужна. Она и *ему самому*³ нужна». Меня поразило и обрадовало столь простое и серьезное отношение к проблематике жизни, смерти и бессмертия.

И это в те годы, когда («свежо предание, да верится с трудом!») эта проблематика была предметом преследований и глумления. И сразу же она дала мне на прочтение — незнакомому, по существу, человеку — машинописный фолиант своей диссертации о жизни и творчестве Джойса.

Эту же самую рецензию я показал своему старому приятелю — исследователю французской литературы Самарию Израилевичу Великовскому. Но здесь отзыв оказался менее обнадеживающим: «Рецензия-то ваша, может, и хороша, но — не пропустят. Сидит там один джентльмен, человек очень начитанный. Только вот не по вашему начитанный. Он-то и зарубит...».

К сожалению, прав оказался Самарий Израилевич, человек, понимающий и глубокий, но менее оптимистичный и менее окрыленный, нежели Катя. Человек проникновенного дара, он не выдержал беснующейся тьмы тех времен...

Но всё это — «дела давно минувших дней». Да и тогдашняя казенная тьма нынче перекрасилась из «марксистско-ленинских» в религиозно-фундаменталистские цвета.

Настоящее же наше сотрудничество с Екатериной Юрьевной началось со времен горбачевской «перестройки». Вскоре после открытия российского отделения Фонда Джорджа Сороса (Институт «Открытое общество») Екатерина Юрьевна привлекла меня к работе его различных подразделений, связанных с научными конференциями, с отбором и внутренним рецензированием изданий Фонда, с работой в помощь российскому школьному делу и с разработкой Мегaproекта «Высшее образование в России». Последнее направление, которому Катя уделяла столько внимания, дало мне особенно много. Гениева воистину заражала людей своей озабоченностью судьбами интеллигенции в российских регионах. Работая вместе с ней, я осознавать, что вузовские и школьные преподаватели, священники, библиотекари — эти недооцененные нашим бюрократическим государством люди — подчас даже не вполне интеллектуально изощренные, но преданные делу просвещения и познания, — составляют поистине *соль Земли, соль России*. И, между прочим, именно благодаря Кате и организованным ею поездкам — от Сергиева Посада до Хабаровска, от Коми-Пермяцкого округа до Кабарды — я сделал одно потря-

сающее открытие: оказалось, что не в Москве и даже не в Питере, но именно в российских регионах живут и работают вдумчивые и пристальные читатели моих книг и статей.

Когда Екатерину Юрьевну назначили первым заместителем генерального директора ВГБИЛ академика Вячеслава Всеволодовича Иванова, она привлекла меня к одной из просветительских программ, которую развернула в стенах библиотеки и в которой принял участие будущий Патриарх Московский и всея Руси Кирилл — в те годы митрополит Смоленский и Калининградский. Программа была организована совместно с Домом Анны Франк (Амстердам) и посвящена памяти жертв Холокоста⁴. В те годы, когда постсоветские мозги были изрядно затуманены казенной антисемитской и проарабской пропагандой прежних времен, эта проблематика относилась к разряду полузапретных⁵. И как раз в рамках именно этой программы Гениева попросила меня выступить в Большом зале ГБИЛ с публичной лекцией о природе практики тоталитарного истребления людей: тема еще более запретная, нежели тема Холокоста, и, как говорили в старое время, «постыдная». Слова из разухабистого приключенческого фильма тех времен — «за державу обидно» — были в те годы едва ли не господствующим кредо нашего народонаселения...

Однако казенные «художества» продолжались. 9 сентября 1990 года произошло злодеяние, потрясшее весь мир: доселе так и не раскрытое: убийство нашего общего с Катей духовного наставника и друга — протоиерея Александра Меня. С тех пор, прежде всего именно трудами Гениевой, Библиотека иностранной литературы стала одним из центров увековечения памяти великого российского пастыря⁶. С тех пор — по просьбе Кати — я принимал участие в подготовке и организации ежегодных Меневских научных конференций и в издании их трудов⁷. На мой взгляд, эти четвертьвековые работы нашей Библиотеки имели и поныне продолжают иметь огромное значение в интеллектуальной и духовной жизни России. Да только ли в России? Ибо эти Меневские встречи превратились в постоянную площадку творческого диалога представителей духовенства, ученых, писателей, дипломатов, общественных деятелей из Москвы, из российских регионов и зарубежных стран. И всё это разнообразие людей и мнений так или иначе свя-

зано с той проблемой, которая была центральной в жизни и отца Александра, и Екатерины Гениевой: как достойно жить, как достойно «ходить перед Богом»⁸ в нашем многоликом, бурном и исполненном противоречий мире? Как выстраивать для нынешних и будущих поколений достойную человеческого существования среду?

И эта достойная жизнь, достойная среда, по определению, должна включать в себя умение радоваться⁹.

Помню, как в одну из наших просветительских поездок в Кабарду мы ужинали в каком-то из тамошних ресторанов. Кабардинский оркестр весь вечер играл дежурные лезгинки и фокстроты. И вдруг — бабахнул «семь-сорок». Мы с Катей пустились в пляс. И надо было видеть, с каким артистизмом, с каким царственным озорством выплясывала моя партнерша...

***

Строго говоря, религиозное направление в работе нашей библиотеки, с коим связала меня судьба, началось еще давным-давно, с 20-х годов прошлого столетия.

Кто сейчас помнит, кто сейчас среди нашей беспамятной публики знает, что в начале 1920-х годов, когда «ленинская партия» отступилась от гибельной политики «военного коммунизма», под руководством Надежды Константиновны Крупской, супруги Ильича, началась кампания по выпалыванию из государственных библиотек всей и всяческой религиозной литературы: начиная с Библии и кончая духовными произведениями Лескова, Вл. Соловьева, Толстого? Об изданиях Русского зарубежья я уж и не говорю.

Так вот, уже в тот период, вопреки «генеральной линии» и благодаря инициативе основательницы Библиотеки Маргариты Ивановны Рудомино (1900–1990) в наш книжный фонд стали поступать разнообразные книги на разных языках, спасенные от пожара разгромленных дворянских усадеб. А уж далее — вследствие казенного запроса на «критику буржуазной идеологии» — в ГБИЛ потоком хлынули выписываемые из-за рубежа разнообразные книги по истории литературы, по собственно истории, по философии (а где философия — там и теология: поди отличи!). Благо что среди сотрудников ГБИЛ

работало немало людей компетентных, образованных и глубоко верующих.

Разумеется, большинство этих изданий — по тогдашним идеологическим условиям — подлежало заключению в «спецхране» (как бы особой тюрьме для неугодных начальству книг), но ведь комплектование книг объективно рассчитано не на «злобу дня», но на десятилетия и века...

Специализированное религиозное направление на исходе 1980-х годов стремительно сложилось в ГБИЛ вместе с официальной либерализацией отношения к религии. И — опять-таки! — благодаря не только глубочайшим культурным сдвигам «снизу» (компрометация советского государственного атеизма), но и благодаря «перестроечной» политике М. С. Горбачева. Большая часть бюрократии и общества, хотя и разуверившаяся в «научном коммунизме», всё же не была готова к этим переменам. Но наша библиотека — была готова.

Вообще, становление осознанного и организационно оформленного религиозного направления в нашей библиотеке, подсказанное общими замыслами и усилиями отца Александра Меня, академика Вячеслава Всеволодовича Иванова и самой Екатерины Юрьевны, во многом вытекало из исторически сложившегося парадоксального статуса библиотеки. Действительно, «Иностранка» всегда сочетала в своих трудах два, казалось бы, взаимоисключающих принципа: с одной стороны, принцип специализированной научной библиотеки с сильным филологическим уклоном, а с другой — принцип воистину публичной библиотеки, открытой для всех. После ликвидации «спецхрана» и внедрения в жизнь электронных технологий работы с книгой этот, казалось бы, парадоксальный опыт «Иностранки» оказался востребованным всей системой российского библиотечного дела: библиотека становилась не только сочетанием пополняемого книгохранилища и читальни, не только местом встречи Человека и Книги, но и местом непрерывных контактов Человека с Человеком — и как раз именно на почве великой и никогда не теряющей своего значения книжной культуры.

И не случайно созданное и оформленное Екатериной религиозное направление в работе нашей библиотеки привлекало к себе самых различных людей (читателей, посетителей и участников на-

ших встреч, лекций и конференций, экскурсантов, одновременных посетителей, приходивших к нам за библиографическими и научными консультациями) — от людей немудрящих и даже полуграмотных до профессоров и академиков; от детей до пенсионеров. И всё это не случайно: за всем этим угадывался мощнейший человеческий размах и охват Екатерины Юрьевны¹⁰.

И самоё религиозоведческую материю она понимала широко: не только как описание теологий, обрядов и статистик верующих. Она понимала, что работа над постижением религиозного содержания и смысла теснейшим образом связывает религиозоведение с комплексом филологических, исторических и философских наук. И, само собой, — с книговедением. Не случайно ведь слова «Библия» и «библиотека» однокоренные, в обоих случаях означающие собрание книг¹¹.

И не случайно благодаря своей широте, изысканности и внутренней силе Е.Ю. Гениева была способна — не лукавя и не теряя себя — работать с церковными иерархами, дипломатами, творческой интеллигенцией, представителями бизнеса и гражданского общества. И даже господа из нынешнего «политического класса» — и те не могли не выказывать ей уважения. Вот что значит масштаб личности — гибкой и одновременно непреклонной!

И вот о чём нельзя забывать: человек книжный, куртуазный и по-своему властный, — она всё равно оставалась на стороне тех, кто обделен, кого гнали и травили. Но это — тема целого и притом особого разговора.

А здесь скажу только вкратце. Человек космополитической культуры, Гениева близко к сердцу принимала культурные нужды российских регионов и республик ближнего зарубежья. Отправляя меня в командировки — в Иваново ли, в Пензу, в Харьков или Минск, она всегда набивала мой чемодан и рюкзак книжными подарками для тамошних библиотек: и светских, и церковных — только дотации...

***

Екатерина Юрьевна предложила мне взять на себя религиозоведческое направление в работе ГБИЛ в двадцатых числах июня 2007 года — сразу после кончины возглавлявшего это направление отца Георгия Чистякова. Трудность задачи ошеломила

и испугала меня, но отступать было некуда: многолетняя дружба с отцом Георгием, некоторое участие в его и Катиных библиотечных трудах и, наконец, глубина моего уважения к самой Екатерине Гениевой — сделали свое дело. Да к тому же я чувствовал себя перед нею в неоплатном долгу: именно фонды ГБИЛ неоценимо помогли мне в написании работ на религиозно-философские и богословские темы; именно по её инициативе руководимое ею издательство «Рудомино» напечатало два сборника моих стихов, да к тому же и с моими рисунками, что требовало немалых издательских и полиграфических усилий...

А между тем работа направления, подсказанного отцом Александром Менем, академиком Ивановым и самой Гениевой, была и остается чрезвычайно сложной. Ибо направление это, за которым угадывается глубокий общекультурный и (не побоюсь этого слова) просвещенско-государственный подход, обязывает библиотеку быть средоточием *непрерывного и творческого диалога*: меж верующими и неверующими, православными и инославными, духовенством и мирянами, учеными и простыми людьми, великороссами и представителями иных наций и народов, Москвы и российских регионов, России и бывших советских республик, включая и Русское зарубежье. Так что весь этот комплекс трудов по консультированию читателей, комплектованию религиозоведческой литературы, лекциям, научным и мемориальным конференциям, книжным презентациям, по сотрудничеству с академической, вузовской и церковной наукой, с религиозными конфессиями требует особых знаний и особых усилий.

И не случайно это направление нашей библиотечной работы получило благословение Патриарха всея Руси Алексия II и Патриарха Кирилла (причем последний поддерживал нашу библиотеку еще когда служил митрополитом Смоленским и Калининградским).

Весь этот комплекс работ требовал от Екатерины Юрьевны огромной мобилизации духовных, интеллектуальных и попросту психофизических сил, огромного объема памяти, разветвленных и взаимосвязанных ассоциаций.

Приведу на сей счет курьезный и бытовой, но красноречивый пример.

День 20 ноября 2010 года. Скатываюсь вниз по Яузской улице, бегу от метро «Таганская» в нашу

библиотеку. И вдруг перед самым моим носом резко тормозит автомобиль и оттуда — словно *deus ex machina* — выскакивает Катя:

- Женя, с днем Ангела тебя!
- Катюша, спасибо, только вот почему ты знаешь?
- А я всё знаю.
- А когда я помру, знаешь?
- Знаю.
- Так когда же?
- Нескоро.

Я старше ее почти что на целых шесть лет. Бедная, она уже, наверное, что-то знала и о своей болезни...

***

В мою работу и в мои инициативы она почти никогда не вмешивалась: мол, плыви и выплывай сам, как умешь. Но всегда помогала. Советом, налаживанием внутрибиблиотечных и особенно внешних контактов. Однако поручений и идей от нее — как из рога изобилия. И кое с чем я даже справлялся.

Критику и несогласия по конкретным вопросам работы (по крайней мере, с моей стороны) она воспринимала легко. А иной раз — даже и с благодарностью.

Как это свойственно тонким филологам или психологам, Гениева чувствовала внутренний стиль каждого человека. И в разговоре со мною (разумеется, без свидетелей) она могла даже подпустить и соленое русское словечко. Она понимала людей и связывала их рабочие и творческие возможности с их внутренними предпосылками. И помогала людям в их бытовых и душевных трудностях. Кому могла и чем могла.

А вот к себе была беспощадна. Ибо всегда чувствовала себя в неоплатном долгу пред Богом, культурой, своей страной, своим Домом-Библиотекой, пред окружающими людьми... И даже — перед всем кругом наших текущих трудов.

За несколько дней до своей кончины Екатерина Юрьевна звонила мне домой из последнего своего пристанища — израильской больницы — с просьбой организовать тематический вечер «Поэты-дипломаты»¹².

***

Откуда взялась она такая, откуда пришла?

Известно, что за нею, за ее воспитанием и внутренним опытом стояли глубокие пласты старой рос-

сийской дворянско-интеллигентской культуры и передовая европейская образованность (в частности, и образованность филологическая). Отсюда — и широта ее кругозора, и основательность познаний, и ее мастерство историка литературы (прежде всего — литературы англоязычной), и сами ее манеры, сочетавшие обаяние, уважительное (я бы даже сказал — ободряющее) отношение к собеседнику или партнеру. Но — при несомненной внутренней твердости. Вообще, эта благорасположенная к людям духовная щедрость была характерна для той горстки российских интеллектуалов, которые сумели пронести и развить в себе этот дар вопреки всему окружающему человеческому оскудению, непониманию и преследованиям разной степени тяжести¹³.

И не случайно Катерина — дважды рыцарь: рыцарь Британской империи и кавалер Почетного легиона.

Но за всем этим несомненным обаянием и заслуженным внешним блеском не каждый мог разглядеть и нечто иное: глубинный субстрат полускрытой, гонимой, но не сдавшейся российской церковной жизни XX столетия¹⁴. В этой связи нельзя не упомянуть Сергея Николаевича Дурылина¹⁵, Патриарха Пимена (Извекова), монахиню Досифею (Вержбловскую)¹⁶, людей «катакомбной Церкви», духовный круг отцов Алексия и Сергия Мечёвых, отца Всеволода Шпиллера, митрополита Сурожского Антония, отцов Александра Меня и Георгия Чистякова, о которых писалось выше. Последние годы жизни Екатерины Юрьевны были согреты дружбой с благородным, искренним и широко образованным отцом Александром Борисовым.

Для всех этих священнослужителей любовь и православный молитвенный опыт были превыше политических страстей, суетной конфессиональной и — тем паче — национально-государственной гордыни, превыше всех придинок и гонений со стороны скоропреходящих властей. Екатерина Юрьевна Гениева, как и все упомянутые мною, являла собой особый лик России — России, открытой миру в непрерывных творческих исканиях и в силе духовной и культурной памяти лучших ее людей. Ибо все они — может быть, каждый на свой лад — мыслили и переживали свое человеческое время, свое человеческое творчество в контексте Вечности, в контексте Царства Божия. Переживали как дар Богу и людям...

***

Её жизнь — жизнь против тьмы. Тьмы забот, тьмы истории, тьмы людского невежества, тьмы собственных физических страданий. Потеря такого человека — потеря невозполнимая. Однако благодарной памятью о таких людях, как Катя, скрепляется и развивается земная история. Наша-с-вами-история.

Post scriptum.

О кончине Кати я узнал, проводя отпуск на даче. И почему-то в моей голове сложились такие стихи в память о ней:

*Как-то безнадежно и упрямо
старый сад обхаживаю сам.
Лилий золотые гексаграммы
тянутся к дождливым небесам,*

*и тропинки каменной извивы
Зарастают сорною травой.
Выдирая заросли крапивы,
я к земле склоняюсь головой.*

*Ветренно, легко и одиноко.
Удостоверением чудес
за преградой облачных небес
оживает голубое око...
Зубово, 12.07.2015*

...А когда приехал в Москву прощаться с Катей, случайно узнал, что золотисто-желтые лилии и были одними из любимых цветов...

Москва, август — ноябрь 2015

Примечания

- 1 Подробное и относительно систематичное описание жизни и трудов Е. Ю. Гениевой см.: Паласио М. Екатерина Юрьевна Гениева: 01.04.1946 — 09.07.2015 // Журнал Московской Патриархии. 2015. № 8. С. 84-87.
- 2 1976, №№ 10-12.
- 3 Т.е. Джойсу. Катя всегда говорила со мною недомолвками, надеясь — иной раз тщетно — на остроту моего понимания.

- 4 Открывая эту программу, Е.Ю. Гениева говорила, что проблема Холокоста имеет отношение и к ее собственной судьбе: ее родные по отцовской линии были расстреляны гитлеровцами в Киеве, в Бабьем Яру.
- 5 Мало кто даже сейчас понимает, что советская политика 60–70-х годов на Ближнем Востоке несет немалую историческую ответственность за раскошегаривание нынешнего арабо-исламского экстремизма, ставшего ныне одной из угроз не только нашей собственной стране, но и всему миру.
- 6 Мемориальный культурно-просветительный центр «Дубрава» (вместе с храмом во имя преп. Сергия Радонежского) на окраине Сергиева Посада, возведенный на месте убийства о. Александра, сформировался несколько позднее.
- 7 См., напр.: Двадцать лет без отца Александра. И с ним. /Предисл., сост. Е. Ю. Гениева, отв. ред. Е. Б. Рашковский. — М.: Центр книги Рудомино, 2010.
- 8 См.: Быт 17:1.
- 9 См.: 1 Фесс 5:16.
- 10 См.: Никитинский Л. В. Бог забрал у нас женщину, которая, увы, так и не стала министром культуры // Новая газета. М. 15.07.2015. № 74. С. 20.
- 11 См.: Гениева Е.Ю. Семья и книга [Интервью Е. Б. Рашковскому] // Семья. Духовные и общественные проблемы. — М.: Центр книги Рудомино, 2011. С. 43-45.
- 12 Эту последнюю сообщенную мне волю Кати мы постарались выполнить. Вечер состоялся 27 октября 2015 г. — См.: «Проснувшееся слово». — Инф. ресурс: www.libfl.ru/?page=225465265
- 13 Приведу имена тех из отошедших людей, которые прямо или косвенно прошли через мою жизнь, во многом определив ее ход: историка мысли и литературы С.С. Аверинцева, историка С.О. Шмидта, востоковедов М. А. Батунского, Б. В. Ветрова и В. А. Рубина, социологов Г. Г. Дилигенского, И. С. Кона и Ю. А. Леваду, Е.Б. Пастернака (исследователь и публикатор наследия своего великого отца), философа Г. С. Померанца, поэтов М.С. Петровых и Д.С. Самойлова, — не говоря уже о священниках Владимире Смирнове, Александре Мене или Георгии Чистякове. И что интересно — все они, как и Катя, — очень московские люди. Люди от той Москвы, которой, наверное, уже нет. Москвы, которая загублена казенной спесью в ходе последних четырех-пяти десятилетий...
- 14 Вновь отсылаю читателя к статье Мигеля Паласио.
- 15 См.: «Я никому так не пишу, как Вам...». Переписка Сергея Николаевича Дурылина и Елены Васильевны Гениевой. — М.: Центр книги Рудомино, 2010.
- 16 Вержбловская Е. В. (монахиня Досифея). Близнец. — М.: Центр книги Рудомино, 2010.

© Текст: Евгений Рашковский

Александр ЛИВЕРГАНТ
главный редактор журнала
«Иностранная литература»

О пользе одержимости, или Дело прежде всего

© Фото: Виктор Ярошенко

— Могу ли я поговорить с Екатериной Юрьевной?

— Звоните на следующей неделе. Она в Ижевске — на библиотечной конференции. Вернется в четверг, но в пятницу улетает в Лондон — на книжную ярмарку.

— Так я позвоню в середине следующей недели?

— Со вторника она сначала в Милане — сессия ИФЛА, а в понедельник летит буквально на два дня в Тюмень...

Мне — при том, что дружим мы, по крайней мере, лет сорок — везет ничуть не больше.

Я: — Приезжайте вечером. Попьем чайку, давно не виделись.

Она: — С удовольствием, только лучше бы после Пасхи.

(Телефонный разговор происходит в феврале.)

До конца апреля меня и в Москве-то не будет. Весь март и апрель сплошь разъезды.

У меня «отчетливо» (ее любимое слово) ни одного свободного дня.

Не до «чайку». Не до друзей. Да и не до собственной семьи тоже.

Про мужа, добрейшего и надежнейшего, говорит: «Я за ним как за каменной стеной».

Так оно и есть, но в ее устах это скорее фигура речи: каменная стена ей не нужна. Да и не удержит ее никакая каменная стена. До поры до времени.

Свою ответственность перед родными и близкими загруженная делами Екатерина Гениева (привычнее, естественнее — Катя, даже подчиненные — за глаза, конечно, — только так ее и называли), однако, сознавала. В крохотной красной книжечке с золотым обрезом — подробный перечень не только деловых встреч и «домашних заданий», но и памятных дат членов семьи и друзей. Моих детей, давно уже выросших, она неукоснительно, без подсказки фейсбука, поздравляла из любой точки земного шара, как если б они были годовалыми.

Семейные праздники соблюдались свято и отмечались на широкую ногу. Стол ломился (и когда успевает?), подарки к Новому году под елкой не уместались.

И не формальные (лишь бы подарить), а с тщанием и любовью выбранные, чтобы непременно доставить удовольствие.

Удовольствие не только одариваемому, но и себе, дарительнице: Катя любила делать подарки — гораздо больше, чем их получать. И ее подарок — это вовсе не обязательно флакон духов, сумка, авторучка или красивая тарелка на стену. Это могло быть приглашение принять участие в заграничной поездке, вовлечение в интересный проект — библиотечный, книжный, благотворительный. Из ее кабинета в Библиотеке иностранной литературы почти все посетители выходили окрыленными. Окрылены были многие — вот только «взлетали» потом не все. И не «взлетевшие» выражали недовольство, жаловались: не надо было обещать. Но ведь, пообещав, Екатерина Гениева искренне верила в осуществление своих грандиозных планов, «сюжетов», как она их называла: «Интересный сюжет» или «Что-то этот сюжет мне не нравится». Многие, очень многие «сюжеты» она реализовала, но немало было и таких, которые таяли на глазах, куда-то пропадали, забывались. Когда планов и замыслов бесчисленное количество, из них «отчетливо» исполняются далеко не все.

Человек многообразных и незаурядных способностей, Катя отменно — живо, остроумно, увлеченно — выступала, причем одинаково хорошо

почти на любую тему: от лермонтовского юбилея до библиотечных фондов и проблем реституции. И одинаково свободно — на двух языках. Когда держала речь перед зарубежной аудиторией или когда иностранный гость обращался к аудитории отечественной, нередко отказывалась от услуг переводчика, тем более нерадивого, и переводила сама, речь гостя — на русский, свою — на английский и затем — с английского сызнава на русский. Удовольствие от ее King's English получали и гость, и зал, а — еще большее — она сама.

Так же увлеченно, живо она писала. Ее рецензии, статьи (скорее, эссе, очерки) — вызов схоластике, многословию, псевдоучености. На страницах ее небольших эмоциональных предисловий ее любимый писатель (за нелюбимых не бралась) прежде всего всегда предстал человеком. «Человеческое, слишком человеческое» Джейн Остин, Диккенса, Теккерея, Вирджинии Вулф, Грэма Грина теснило, перекрывало их литературно-историческое значение.

Была фантастически, неправдоподобно активна, деятельна. Розанов писал, что к старости всё становится ненужным. Ей же, и когда она уже была в возрасте, нужно было решительно всё — от этого Катя, может, и казалась моложе своих лет. Бывали годы, когда она одновременно ухитрялась руководить и Библиотекой иностранной литературы (в подчинении полтысячи человек), и Фондом Сороса (еще сто с лишним). И была вице-президентом Международной федерации библиотек, и членом комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, и президентом Российского совета по культуре и искусству, входила в десятки попечительских, наблюдательных и экспертных советов и редакционных коллегий, где неизменно играла ключевую роль. Последнее время была членом совета партии «Гражданская платформа», активно сотрудничала (неактивно она не умела) с Фондом Егора Гайдара, возглавляла издательство при ВГБИЛ «Книжный центр Рудомино». А еще писала — в том числе и для нашего журнала «Иностранная литература». С нашей «Иностранкой» ее связывали десятки лет тесного сотрудничества. В 1989 году в двенадцати номерах подряд Катя публиковала пространные комментарии к двенадцати эпизодам «Улисса»: перевод культового романа Джойса печатался тогда в Рос-

сии впервые. А еще занималась наукой — защищала докторскую. И при этом безостановочно колесила по стране и миру; *regrettum mobile* — это про нее.

И, говорят, всё успевала. Сделать абсолютно всё не успевает никто, даже Катя Гениева. Но она умела то, что умеют немногие: выстраивала дела по ранжиру важности, актуальности. Планы строила на месяцы (а то и на годы) вперед. Старалась для всего найти время, которого при таком объеме дел катастрофически не хватало. Никакой катастрофы, впрочем, Катя в этой нехватке не усматривала.

Катастрофа была бы, если б времени, наоборот, хватало, если б темп пришлось, не дай Бог, снизить. Лишись она работы (во что верится с трудом), она, натура ненасытно деятельная, и дома нашла бы, чем заняться, но такой «участи» не пожелал бы ей никто из всех, кто знал ее близко — я, во всяком случае. Трудно себе представить Катю, которая среди бела дня прилегла на диван с книжкой или часами бездумно загорала бы на пляже.

Если она и выходила на пляж, или шла (нет, метеором проносилась) по магазинам, или сидела в ресторане, то в кармане у нее надрывался мобильник («Я вам перезвоню!»), а рядом находился сотрудник, коллега или деловой партнер, с которым «в режиме реального времени» обсуждались настоящие дела.

Случалось, если конференцию устраивали на морском курорте, сотруднику приходилось вставать в семь утра и участвовать с Гениевой в совместном заплыве: цеу (ценные указания) сотрудник получал в морских волнах. В ее «ценных указаниях» никогда не было приказного: «вы должны»; всегда: «мы должны», «мы с вами подумаем», «давайте попробуем»; первое лицо множественного числа любила больше единственного. Иной раз возникало впечатление: собеседник в теме, каждое слово ловит на лету, отпускает дельные замечания. Но вот он исчезал, и Катя подводила неутешительный и совершенно неожиданный итог: «Ничего не сделает». Или: «Надо искать кого-то другого». Или еще резче: «Пустое место».

В людях разбиралась неважно, судила о них по первому впечатлению, зато деловые качества оценивала довольно неплохо.

Кстати, о «вы» и «мы». В разговоре, интонации, выборе слов Катя никогда не делала различия

между собеседниками, на что уже после ее смерти обратила внимание Людмила Улицкая.

Безупречно, демократично воспитанная, она совершенно одинаково разговаривала с министром, и с секретаршей. Перед начальством не падала. Но и напролом никогда не шла: терпеливо ждала своего часа, умела подобрать нужные и внятные аргументы и с недругами ухитрялась сохранять если не хорошие, то ровные и уважительные отношения. Сейчас, спустя недолгое время после ее смерти, Гениеву — в столь присущем нам стремлении героизировать ушедшего из жизни — стали представлять чуть ли не диссидентку, инакомыслящую, непримиримого борца за справедливость.

Мыслила Катя, действительно, «инако», но диссиденткой никогда не была; напротив, охотно шла на компромиссы — разумные, естественно: и с теми, кто стоял на иерархической лестнице выше нее, и с теми, кто находился ниже; а ведь второе нередко сложнее. На подчиненных никогда не повышала голоса; если что-то не нравилось, просто, говорила тише или же вовсе умолкала: мол, и без слов все понятно. И была в таких случаях как-то особенно, подчеркнуто вежлива. Вежлива, впрочем, была всегда и со всеми. И со всеми, за редчайшими исключениями, — «на вы». Не терпела амикошонства.

В делах Катя не знала усталости; иногда казалось, что она придумывает себе дела, что ей мало того, что есть. И забывала про болезни: здоровым человеком ее назвать было трудно, с молодости — на лекарствах. И про болезнь, в конце концов, ее погубившую, за валом дел забывала тоже.

Она, человек по природе азартный, словно бы играла с неизлечимой болезнью в игру: будучи жить, как жила всегда, как будто тебя у меня нет. Нет, не как всегда — еще более интенсивно и неутомимо. Недели за три до кончины целый день, с восьми утра, провела на книжном фестивале на Красной площади, а на следующий день отправилась в Санкт-Петербург на «Открытую библиотеку», где должна была выступать в тандеме с Александром Архангельским.

На слабые доводы рассудка («Может, не поедешь?») отвечала: «Я должна, я же обещала». В этом «должна», «обещала» было, конечно, некоторое лукавство, ей вообще свойственное: она

ведь не столько выполняла свой долг, сколько убегала от болезни. До поры до времени это удавалось.

Уверенная в своей конечной победе, болезнь не торопилась и не слишком мешала Кате жить привычной жизнью. Напротив даже подстегивала ее, подгоняла: даже в молодости Катя не была столь активна, как в последние месяцы. Но и уже прикованная к постели, когда стало понятно, что болезнь одолевает, берет верх, Катя она как ни в чем не бывало обсуждала с коллегами планы своих будущих поездок, редподготовку книг издательства «Рудомино», свое участие в книжной программе «Экслибрис» прохоровского фонда. Иными словами, предполагала жить и действовать дальше.

И обнадеживала этим не только себя, но и своих сотрудников. Многие из них, люди склада вовсе не романтического, не раз с убежденностью говорили мне: «Катя поправится, вот увидите».

И все же не литературные способности и не деловые качества были самыми очевидными достоинствами Кати Гениевой. Ее главный и несомненный талант состоял в умении делать добро — от подарков на елку до стипендий и устройства на работу.

Среди сотен людей, пришедших в ВГБИЛ на панихиду, не было, пожалуй, ни одного человека, который не был бы хоть чем-то обязан Екатерине Гениевой. Вот этому-то умению, непростому искусству «спешить делать добро» у нее многим стоило бы поучиться.

И вот что еще важно: мне уже приходилось писать, что она *благодетельствовала*, но никогда не *благодетельствовала*, чем, быть может, и объясняется ее столь плодотворное и многолетнее сотрудничество с известным американским филантропом Джорджем Соросом, сделавшим в России 90-х, при Катинином активнейшем посредничестве, немало добрых дел, ныне благополучно забытых.

Катя взяла на вооружение и не раз повторяла любимый соросовский афоризм про рыбу и удочку. Благодетель, по Соросу, должен помогать тому, кто способен помочь себе сам, кто извлечет из оказанной ему помощи реальную выгоду — для себя и для других. Удочку дадим, а вот рыбу выловишь сам.

При ее активности, принципиальности, политической ангажированности у нее было — не могло не быть — множество идеологических оппонентов;

их откровенно раздражали ее одержимость, энергия, энтузиазм, в лучшем же случае вызывали снисходительную улыбку.

Но не эти люди были ее главными противниками. При всей своей сдержанности, толерантности (создала же она Институт толерантности) она на дух не переносила людей равнодушных, лишенных интереса к жизни и к делу, почивающих на лаврах.

«На дух не переносила» — слишком сильно сказано. Вернее было бы сказать, что в общении с такими людьми Катя довольно быстро сникала, начинала скучать, отвлекаться — куда только девались ее всегдашняя сосредоточенность, заряженность, умение мгновенно вникнуть в суть дела. Становилась неузнаваемо вялой, рассеянной — комкала разговор, спешила его закончить: жаль было тратить время на скепсис, цинизм, двоемыслие. И, напротив, влюблялась в людей увлеченных, увлеченность, энтузиазм; верность слову ставила не ниже ума, образованности, таланта, ибо увлеченность, надежность для нее сами по себе были талантом. И не боялась, как боятся многие руководители, талантливых, ярких людей рядом с собой; Катя не только сама постоянно порождала идеи, но и с радостью, с благодарностью усваивала идеи со стороны.

Признаюсь, и мне ее одержимость, какая-то лихорадочная, я бы даже сказал, болезненная активность казались иногда избыточными. Не раз хотелось сказать: «Побереги себя!», «Переведи дух», «Сбавь скорость!», «Всего не успеть!» Да куда там...

Поэтому (думаю я теперь) мы с моей старинной и доброй подругой и коллегой, с которой нас объединяли и общие взгляды на жизнь, и вкусы, и общий круг профессиональных интересов, — в сущности, сотрудничали довольно мало, как-то, я бы сказал, профессионально сторонились друг друга. Меня немного отпугивали ее космические скорости, пулеметные очереди ее страстных монологов, всегдашнее стремление во всем первенствовать, брать на себя инициативу, оставлять последнее слово за собою, заниматься несколькими делами одновременно и — как следствие — не слышать собеседника (соавтора). Я не всегда верил в реальность ее проектов, иной раз казавшихся мне прожектами. Случалось, что я действительно оказывался прав.

А ведь начинался наш творческий союз хоть и трудно, но плодотворно. К английской и ирландской литературе мы с самого начала «подбирались» с разных сторон: она писала и комментировала, я переводил, и «смешивать два этих ремесла» у нас обоих желания не возникало.

В тепер уже далёком 1984 году мы напечатали в «Воплях» большую, совершенно невинную (но по тем временам представлявшуюся крамольной) подборку писем, дневников, эссе и интервью Джеймса Джойса, Катиного кумира, постоянного предмета ее штудий.

На тогдашнем советском литературоведческом Олимпе модернист номер один котировался не особенно высоко, и публикации нашего совместного труда ждать пришлось не один год. Тяжело шел и второй наш совместный труд — том эссе и воспоминаний английского романтика, друга Шелли — Томаса Лав Пикока («Литпамятники» и тогда были тихоходом).

Много позже, уже в иные времена, за несколько лет до своей смерти, Катя предложила мне перевести для «Издательского центра Рудомино» «Дублинцев» того же Джойса. Предложение при всей своей заманчивости, однако меня не захватило: рассказы из этого сборника не относятся к числу моих любимых, да и переводы таких корифеев, как Холмская, Волжина, Калашникова, вряд ли устарели; переводить же «Мертвых» и «Эвелин», по-моему, не стоило.

Зато человеческий наш союз всегда был прочен, хотя, случалось, мы не виделись месяцами. Однако развести нас жизнь так и не сумела, хотя пыталась, и небезуспешно. Проходили наши встречи по большей части либо в Овальном зале Катиной библиотеки, на литературных вечерах, где Катя, как уже говорилось, по большей части солировала, либо в Софрине, на ее любимой «бабушкиной» даче, куда мы с женой исправно приезжали в первый день Нового года.

Гостеприимный софринский дом всегда был полон, причем гости из года в год менялись; половица «старый друг лучше новых двух» у Гениевых не работала. Катя, повторюсь, была человеком увлекающимся, и к людям это относилось в еще большей степени, нежели к «сюжетам». Впрочем, хозяйева были столь радушны, что приехавшие впер-

вые вскоре начинали вести себя так, будто наезжали в этот дом десятки лет. Но делу время, потехе час: и гостеприимной хозяйке не терпелось поговорить о деле (для которого у нее не было ни Пасхи, ни Рождества, ни Нового года); ее гости делились на светских и деловых. Последних Катя с заговорщицким видом умыкала к себе в кабинет, где общение принимало «отчетливо» деловой характер. Чревоугодие при этом нисколько не страдало, перемены блюд поступали минута в минуту. С домашним хозяйством Катя справлялась так же легко, споро и незаметно, как с библиотеками и культурными институциями.

И опять напрашивалось: «И как она все это успевае?» А очень просто: такая жизнь — суматошная, непредсказуемая, бродячая — была ей по душе, она готова была на всё, лишь бы эта жизнь продолжалась, лишь бы не расслабляться, — в этом, собственно, и состоял ее *modus vivendi*.

Не расслаблялась сама и не давала расслабляться другим. В гостиницах, самолетах, поездах, на конференциях часами, с раннего утра до поздней ночи, Гениева не отпускала от себя людей. Вообще, без людей, в одиночестве (в чем никогда бы не призналась) чувствовала себя, по-моему, неуютно. На людях же расцветала. Втолковывала, разъясняла, «разнимала» ссорящихся, выслушивала мнения сотрудников. Проводила с ними конфиденциальные, один на один, душевительные беседы: «Прости, нам надо пошепаться»; и с каждым старалась найти верный тон. Любила выступать в роли третейского судь: суд вершила правый и, как правило, скорый.

На своем мнении обычно не настаивала, потому же, когда размолвка забывалась, поступала по своему — так, как считала нужным. Была не обидчива и не злопамятна — но памятлива: хорошо помнила, кто и что ей обещал сделать. Бывать с ней вместе в командировках — даже если это Париж, Рим или Лондон — было не из легких испытаний. Хорошо помню, как лет пятнадцать назад на библиотечной конференции в Тель-Авиве, которую проводил возглавляемый ею Фонд Сороса, она со своей «свитой» явилась поздно вечером в ресторан, куда незадолго до этого зашел отвлекаться от трудов праведных и я. Села за соседний столик и призвала меня к ответу — принялась с пристрастием

расспрашивать о положении дел в издательской программе этого фонда, которую я тогда возглавлял. Положение дел в программе и без моего отчета Кате было хорошо известно, но ей, как и во всех случаях жизни, хотелось проявить инициативу, а заодно публично продемонстрировать, что главное для нее — дело, а не старая дружба. Отношения наши после этого малозначащего, казалось бы, эпизода не выиграли...

Вместе с тем нельзя сказать, что Катя была только и исключительно *business woman*, какой она рисуется многим. Для занятий бизнесом (скажем в скобках) у нее были все данные: предприимчивость, азарт, размах, чутье, чувство партнера. Многие, плохо Катю знавшие и не слишком ее любившие, считали ее эдакой «железной леди» вроде Маргарет Тэтчер: жесткой, суховатой, сторонившейся радостей жизни, не умевшей и не желавшей вести беззаботное, веселое существование. Нет, она любила живых, остроумных людей, любила застолье, любила вкусно поесть; а насытившись, откидываясь на стуле, закинув руки за голову, со счастливым вздохом, чуть картавя, с расстановкой говорила: «Боже, как же хорошо!» Умела кокетничать, любила веселую компанию, участвовала в застольной перепалке — называла это «мяч в воздухе». В пляс пускалась так же охотно, с таким же энтузиазмом, как в научную или деловую полемику. Во все мероприятия, в которых участвовала, вносила азарт, динамизм, игровой характер.

В ней, энергичной, целеустремленной, с детства исповедующей принцип «дело прежде всего», вообще было много детского, непосредственного, даже, пожалуй, наивного. Нравилось, когда ее хвалили. Не раз после вечера, который вела Гениева (что делала, надо сказать, виртуозно), не без обычного своего кокетства задавала мне дежурный вопрос, на который заранее знала ответ: «Ты мною доволен?»

Ей вообще нравилось нравиться — не потому ли с такой легкостью (порой излишней) раздавала она обещания?

Не потому ли не ссорилась, не шла на разрыв с людьми, которые были ей откровенно антипатичны, предпочитала худой мир?

Как почти всякая женщина, Катя любила красиво одеваться, менять туалеты, знала в этом толк.

Приехав в незнакомый европейский город (а незнакомых городов что в России, что за границей было у нее наперечет), в перерыве между заседаниями и деловыми встречами отправлялась «на охоту» по антикварным лавочкам. Выбор покупок превращался в спектакль с участием тороватого владельца магазина, заранее готового предоставить скидку Кате, которая торговалась азартно, на безупречном английском, с привлечением слов из местного лексикона. «Группа поддержки» из числа ее спутников и подчиненных с восторгом наблюдала за этой сценой.

Шопинг был ее хобби (из трех слов в предложении два — английских); она демонстрировала то, что удалось купить, и сама удивлялась: «До вылета полтора часа, ну не могла же я не зайти в “Макс и Спенсер”!» О красоте ногтей этот в высшей степени дельный человек думал всегда. Радовалась покупкам, любила их демонстрировать, из всех своих многочисленных поездок привозила сувениры, всем и на все вкусы, не забывая никого. То ли от детского желания понравиться любой ценой, то ли из-за неизжитых подростковых комплексов любила присочинить, добавить себе лавров, как если бы ей их не доставало. Себе добавить лавров, а ситуации, в которой оказалась, — драматизма.

В библиотеке всегда было много проблем, но в Катиной интерпретации ее «Иностранка» порой казалась чуть ли не осажденной крепостью, якобы доживающей последние дни. Гениева нередко приукрашивала свою особую роль в важных переговорах, а какой-то беседе, о которой собеседник был даже не слышан, придавала чуть ли не судьбоносный характер. Предстоящей встрече любила придать характер некоей таинственности, так сказать, «закручивала» интригу. Предлагая встретиться и обсудить какую-то тему, обычно говорила так: «По-моему, нам стоило бы на следующей неделе выпить вместе кофейку, ты не находишь?» Придумывала за себя и за оппонента несуществующие реплики, могла рассказать вполне неправдоподобную историю, в которую и сама не слишком верила.

Любила исполнять роль мистической прорицательницы; я часто слышал от нее туманные, раздумчиво произнесенные фразы вроде: «Ты знаешь, я не берусь это объяснить, но что-то в этом разговоре мне не понравилось...» Или: «По-моему,

он темнит...» Или: «Вот увидишь, и года не пройдет, как они...»

Смеялась легко, заразительно и тоже по-детски (иногда даже невпопад) над чем-то совершенно, в сущности, несмешным. А вот плачущей — горько, навзрыд — я запомнил ее всего один раз, ровно четверть века назад, когда был убит самый, должно быть, самый близкий ей человек — отец Александр Мень...

Память об умерших Катя хранила свято. После смерти отца Александра и еще одного священника, тоже близкого ей человека, отца Георгия Чистякова, издавала и переиздавала их труды, ежегодно проводила в своей библиотеке Мениевские конференции, на которые по ее приглашению приезжали со всей страны и со всего света. Вместе с нашим журналом и Католической академией в Штутгарте учредила международную премию отца Александра Меня, которой за эти годы удостоились многие общественные и религиозные деятели, политики, дипломаты, писатели России и Германии. (Эти строки я пишу в августе 2015 года, через месяц должна состояться очередная, двадцать пятая конференция памяти отца Александра Меня, должен выйти сборник воспоминаний о нем. Продолжится ли эта традиция после Катиной смерти? Будут ли жить другие ее замыслы? Хочется в это верить.)

О том, что Катя деятельна, энергична, предприимчива, тщеславна, что изыскания в английской словесности для нее отнюдь не предел мечтаний, мне стало понятно довольно поздно и, в сущности, случайно.

В 1990 году мы вместе отправились на Запад — и оба едва ли не в первый раз. Сначала гостили у моих друзей в Голландии, потом — у ее друзей в Лондоне. И Катя, которую к тому времени я знал лет двадцать, повернулась ко мне неожиданной — публичной, а не домашней — стороной. За границей она искала вовсе не новых впечатлений, как всякий бы на ее месте, а деловые связи. Достопримечательности Амстердама, Брюгге и Лондона занимали ее

не в пример меньше, нежели контакты с «нужными людьми»: библиотекарями, архивистами, музейщиками, работниками благотворительных фондов, университетской профессурой. Мы приехали вместе, но время проводили порознь — не совпадали мотивации. Перед самым отъездом она вскользь обронила: «Знаешь, а здесь есть, пожалуй, чем заняться», и я понял, что Катя, как опытный охотник, напала на след и с него не сойдет. Что развлекательных, туристических поездок для нее не существует в принципе: деловой человек и живет иначе — по деловому.

Ловлю себя на повторении одних и тех же слов: «дело», «деловой», «дельный», «по-деловому», но без них о Кате при всем желании не напишешь. И даже в последний год, когда Катя едва ли не каждый месяц ездила на лечение в Израиль, она не забывала везти с собой книги, чемоданы книг. Книги и людей — поэтов, артистов, художников. И, установив связь с культурным отделом нашего посольства в Тель-Авиве, регулярно проводила встречи, презентации, публичные чтения на Святой Земле, где теперь так много наших соотечественников и так велика нужда в культурном обмене. Как она совмещала это с лечением, с операцией — непредставимо. Но совмещала, и в этом была непревзойденным человеком.

На Святой Земле она и завершила свой жизненный путь, вплоть до последнего вздоха демонстрируя еще одно редкое, по нынешним временам, качество — умение быть благодарной. Слова «спасибо» и «извините» ежеминутно слетали с ее губ при жизни. «Спасибо» было и последним словом, которое, говорят, она произнесла, пока еще могла говорить. Когда я приехал в тель-авивскую клинику, где умирала Катя, она находилась в забытии. Узнала она меня или нет? Но открыла глаза и улыбнулась. Кроткой, виноватой (так мне показалось) улыбкой: мол, вот что я вам всем устроила. Как будто могла в чем-то себя упрекнуть. А впрочем, ей лучше знать... □ □

© Текст: Александр Ливергант

ЛЕВИАФАН

ГОВОРИТЬ С ЧЕЛОВЕКОМ СО ВСЕЙ ПРЯМОТОЙ

Из записок

Левиафан. Актеру

Воспитывать, тренировать в себе следующее качество: не следи за собой, не смотри на себя со стороны. И не про развязность как подмену свободы я говорю, а про свободу от собственного взгляда со стороны, про думку о том, «а как я сейчас выгляжу». И не в смысле: каким своим боком повернулся да как на мне сидит эта футболка, а совсем забыть про взгляд(!). Вместо этого — самому смотреть на объект, заинтересованно, но и не демонстрируя заинтересованность, а скорее даже пряча ее; смотреть самому, а не «предлагать» смотреть на себя другим.

Будто бы тебя не заботит, смотрят сейчас на тебя или нет. Будто бы ты один. Сама природа пусть за собой (тобой) следит. В том смысле я это сейчас говорю, что невозможно себе вообразить — избавление от контроля. Бессознательно оно само будет работать вместо тебя.

Упражнения на «публичное одиночество» были в основе работы студии Ли Страсберга. Заимствовал он их, конечно, у Станиславского.

***

Левиафан. Просмотр

Нет, разумеется, собственное чувство есть. Но нужны третьи лица — отражатели, по которым чуешь что-то новое; даже в своих собственных чувствах находишь это новое. Как будто открывается

что-то, чего не видел по неясной причине. И даже в разговоре после просмотра не так много отыскаешь действительно важного, как в молчаливой атмосфере самого просмотра. Поэтому я и говорю, что сейчас нужно не понимание, не эти неизбывные разговоры про «жизнеустройство».

Их не переговоришь, даже если имеешь с собеседником примерно те же взгляды на некоторые положения.

Про всё про это можно, когда эталонную копию фильма получим да на премьеру пригласим. Сейчас нужно про вопросы «искусствоустройства». Про форму, про лакуны, про ритм, про возможные купюры и про все проблемы и проблемки, если они есть. Сейчас «обыкновенный» зритель не очень-то и нужен.

С идеями все уже тут ясно, и существо дела от сказуемого неотделимо. Вопрос (если он есть) не в этом. Вопрос только в чувстве целого, не мешают ли целому осуществляться без препятствий какие-то мелочи, заусенцы и необязательные места.

***

Левиафан. Чувство целого

Монтаж я закончил, теперь остается звук, а это очень большая работа. А еще нужно время, чтобы отстраниться от фильма, отвлечься, отдохнуть, заняться какими-то совсем другими делами, чтобы через не-

делю-другую взглянуть на него новыми глазами — и, возможно, что-то пересмотреть. Почистить какие-то места, а это обязательно нужно будет сделать. Как обычно.

Что дает тебе время отстранения? Выходишь из его (фильма) плена наружу, и вдруг, оглядываясь, видишь какие-то неровности ритмические, шероховатости, видишь, что нужно было просто срезать их смело. Но когда ты внутри, когда ищешь склейку, ищешь ритм и атмосферу сцены, когда ты так погружён в детали, что созерцательность становится чуть ли не главным оценщиком этой ткани, да и самим инструментом её создания; когда ты полностью растворен в этом часто небольшом отрезке всей картины, — тогда ты не можешь видеть ясно.

Таков первый период собирания деталей: ты видишь, словно в микроскоп, мельчайшие нюансы, буквально молекулы, из которых создан фрагмент. И вот потому тебе нужен второй: этот период можно уподобить дистанцированию. Причем как минимум в двух смыслах этого слова — в эмоциональном и пространственном. Нужно совершенно с олимпийским спокойствием посмотреть однажды на это с высоты, то есть обнять весь фильм и воспринять его как целое, как один фрагмент, как в рассказе Борхеса «Алеф» в одной точке увидеть все детали фильма разом; нужно суметь объять взглядом весь этот предмет в целости, и тогда безжалостно, с хирургическим цинизмом, совершенно дистанцированно, словно это что-то не твоё, чужое, без сомнений резать и переставлять (если нужно), отказываться от полюбившегося, отказываться от красивого, от дорогого сердцу, чтобы теперь детали твоего фильма нанизывались на один-единственный стержень, и чтобы на этом стержне были, подогнанные одна к другой, соразмерные друг другу части волшебного ожерелья.

***

Некая госпожа Б. называет фильм «Левиафан» подлым и лживым, а режиссера обвиняет в нелюбви не только к своим персонажам, но и к людям как таковым. Один из аргументов Б. состоит в том, что никак не может быть, чтобы в такой непростой для главного героя ситуации его старый армейский друг «вые..ал его жену». Кстати, немного с иной стороны, но вторит ей одна известная, интеллигент-

ная вроде как особа, спрашивая у блогера Яблокова: «случалось ли тому е..ать жену слесаря»? Все эти наши образованные издатели и публицисты, признаюсь, вызывают оторопь.

Вы только послушайте себя, барышня Б.: «в такой тяжелой ситуации вые..ал жену друга»... А в обычной ситуации, стало быть, можно? Как же вульгарно и лицемерно миропонимание обывателя. Даже и образованного (я сейчас делаю не то скидку, не то аванс, поскольку, по нынешним временам, если человек может завести себе блог, то уже вроде как можно о нем сказать — образованный). Как же вам, господа и барышни, не хочется верить грубой очевидности! Вы готовы признать, что ее не существует, нежели признать, что человек способен на всё. Даже на такое. Как мало в этом узком взгляде отваги посмотреть себе в лицо! Прямо, не отводя глаз. Умаление человека до существа, которое действует по заранее заданному плану — это и есть нелюбовь к человеку, недоверие к его сложности, создание шаблона, а не персонажа. Человек в отыскании самого себя — вот подлинное имя человека.

Да, в нашей истории Бог не выходит из машины, это было бы ложным решением всей коллизии. И тут дело не в эстетическом, а в этическом аспекте, потому что хватит Ему уже выходить всякий раз, как только нам самим заблагорассудится. Пора уже и самому человеку двинуться Ему навстречу и тем самым, возможно, опрокинуть цикличность, «дурную бесконечность» собственного существования, стать значительно бóльшим, чем есть, чем был вчера.

Человек в становлении, а не застывший на месте, как камень, — вот кто интересен. Не аморфный в своем постоянстве — положительный/отрицательный — персонаж, не детерминированное существо, а живой, пластичный Человек.

Господа и барышни, вы просто топчетесь всё на той же полянке «гуманистической», вытоптали уже всю траву. И всё об одном и том же смотрите ваши однообразные мифы «о самом главном». И никак не возьмете в толк, что истинный гуманизм — это говорить с человеком со всей прямоотой и без обиняков... Сладкие, усыпляющие сказки пересказываете друг другу в десятитысячный раз и всегда в одном

и том же месте пускаете пузыри и слюни. Вот и весь ваш «свет в конце туннеля». Вот и вся ваша... «неподлость», просто даже антоним подобрать не могу. Не честность же в самом деле, потому что фильм «Левиафан» и есть сама честность.

***

«Истинное мужество состоит в том, чтобы любить жизнь, зная о ней всю правду». *Довлатов*

***

Справедливо ли утверждение, что фильм «Левиафан» — антихристианский, то есть нацеленный против Христа? Конечно же, нет. Он даже не против Церкви Христа. Фильм против церкви иерархов. Вот правда.

Когда меня призывают к миру и смирению, когда говорят, что критиковать Церковь можно, только если сам находишься в ее лоне, — а между тем Он учит нас прийти в мир не с елейными речами, но с мечом, — так вот, хочется спросить: как же это можно критиковать Церковь изнутри, если изнутри она призывает к покорности и послушанию, если изнутри властвует строжайшая иерархия?

Если, будучи воцерковленным человеком, то есть находясь внутри Церкви, ты вдруг станешь её критиком, незамедлительно будешь исторгнут, выведен «за ворота», объявлен еретиком или человеком с помраченным умом.

Именно и только находясь снаружи, ты можешь, во-первых, наблюдать несовершенства публичной или обращенной вовне церковной жизни. И, во-вторых, имеешь полное право высказывать свое суждение об этом. Странной мне кажется привилегия неприкосновенности Церкви, столь же общественного института, как и другие, если мы с вами живем в светском государстве.

***

Посмотрел один серьезный и уважаемый мною человек и говорит, что это чуть ли не «оскорбление, ложный навет, неправда» и что-то там еще. «Если вы хотели оскорбить Русскую Церковь, вы этого добились» — это почти цитата.

Что фильм «с высоты художественного высказывания — падает — в публицистическую, даже злост-

ную сферу, становится почти памфлетом»... Как же легко, оказывается, оскорбить Русскую Церковь! Не знал я этого.

И какое же это пустое замечание. Я не ожидал от него такой слепоты. Оскорбить можно человека или человеческое в сердце священнослужителя, но затронуть могучее, не знающее пределов сердце Христова учения нельзя. Как нельзя запятнать имени Бога ни хулою на него, ни слепым идолопоклонством.

***

Некоторые (а такие есть) считают, что мною брошено обвинение в лицемерии всей Церкви.

Таким я хочу напомнить, что Церковь — это не собственность иерархов, а собрание всех верующих. Церковь — это не камни, из которых сложено здание, и не служители культа. Тело Церкви — это все верующие люди совместно.

Рассуждая же дальше, легко прийти к простому выводу: наблюдая в храме за таинством молитвы, ты не можешь знать, что лежит в сердце того или иного.

Бог там — или самообман? Там обрядовереие и язычество — или простое, незамысловатое лицемерие?

Знать человеческое сердце не дано никому. Только по плодам.

А плоды бывают разные, и, думаю, всем нам это хорошо известно. В качестве аргумента могу привести определение, которое известно не только в кругу людей воцерковленных, но и самими священнослужителями употребляемое — «двойник церкви».

Это понятие, с которым сами верующие сопрягают лицемерие, живущее и часто проявляющееся в церковной жизни. Вспомните в этом фильме лица стоящих в церкви простых людей — особенно лицо девочки в белом платке или других прихожан, никак не связанных с чиновниками, стоящих в первом ряду пред солеёй.

Было бы глупо позволять себе такие обобщения: мол, все молящиеся в храме — лицемеры, но нельзя и не доверять собственным чувствам, когда они подсказывают тебе, что тут или там пахнет ложью.

И не в прихожанах дело, а в самом устройстве этого института, возможно, в его уставе, позволяющем упразднить равенство между «божьими детьми» и создающем соблазн власти над «рабами божьими».

ЧУДО-ЮДО, РЫБА КИТ

Коллега и друг по фейсбуку предложил поиграть: каждый очередной участник получал от предыдущего название какого-нибудь цветка, о котором надо было придумать стих. Мне достался рододендрон, и я, словно будучи французом, решил вопреки правилам поставить ударение на последнем слоге. И только потом понял — почему. Рифмой к цветку мне сразу представился морской зверь, и звали его — Левиафан.

«Рододендрон. Левиафан. Армагеддон. Жизнь — это сон. Я был влюблен в кино, как фан. Рододендрон. Левиафан. Но этот фильм не снял Андрон. Левиафан. Рододендрон».

Да, этот фильм не снял Андрон (Кончаловский), его снял Андрей (Звягинцев). Хотя «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» снимались на том же русском Севере, и в этих картинах есть некая мистическая перекличка. Вот как сам Звягинцев определяет свое режиссерское видение «Левиафана»:

«Человек в объятиях собственного страха перед нуждой и неопределенностью, полный туманных представлений о будущем, охваченный страхом за своих близких, страхом приближающейся смерти. Что может такой человек, если не отказаться от собственной свободы, собственной воли, добровольно передав это сокровище доверенному лицу, взамен на мнимые гарантии безопасности, социальной защищенности или некой иллюзии общности? Взгляд

Томаса Гоббса на государство как на чудовище, порожденное самим человеком во избежание войны “всех со всеми” и из понятного желания обрести безопасность в обмен на единственно подлинное свое достояние — свободу, это прямой взгляд философа на сделку человека с дьяволом. Как мы все от рождения несем на себе печать Адамова греха, так и все мы с вами рождаемся в обстоятельствах, которые можно назвать — Государство. Его духовная власть над человеком не знает границ».

«Левиафан» — первый российский фильм XXI века, вышедший за рамки кинематографического контекста и ставший общественно-политическим событием. О нем говорят — одни с восторгом, другие с негодованием — как о вызове государству и режиму, как об индикаторе имиджа страны. Между тем редко какой другой российский фильм столь глубоко погружен в мифологию и несет в себе столь обобщенный, универсальный смысл. Что не мешает безошибочно отнести его к апофеозу чисто русской художественной ментальности.

До «Левиафана» Звягинцев снял три фильма, без которых как следует не понять четвертого. «Возвращение», дебют никому не известного автора из немодной страны России, стал уникальным по своей успешности проектом: он не только завоевал «Золотого льва» Венецианского фестиваля, но и был куплен и прокатан в 73 странах, не считая

государств СНГ. Разгадку этого феномена надо искать, естественно, в самом фильме, но найти не так уж легко. История предельно проста и, кажется, могла бы произойти в любое время, в любом месте. Возвращается отец после долгих лет отсутствия, забирает сыновей-подростков, Ивана и Андрея, на рыбалку, пытается преподать им уроки мужского воспитания. Противостояние характеров, обид и амбиций ведет к как бы случайной трагической развязке. Вот, собственно, и все.

Простота, впрочем, не обходится без мифологических подпорок. В день приезда отца мальчики открывают иллюстрацию к Библии: «Авраам приносит в жертву Исаака». Действие фильма происходит в течение «библейских» семи дней творения — от воскресенья до субботы. Сыновья впервые видят отца спящим — словно мертвым, а когда он везет их в лодке на таинственный остров, он выглядит как заправский Харон — перевозчик, трудящийся на загробных реках. И вообще всем своим грубовато-немногословным поведением отец напоминает гостя с того света. Надо сказать, довольно неприятный тип, который муштрует и строит мальчишек, кому-то названивает по телефону и вырывает на острове из-под земли какой-то железный ящик, вызывая смутные ассоциации с уголовным или военным миром — безусловно мужским и, очень похоже, русским. Это важно подчеркнуть: уже в первой работе кажущаяся абстрактность Звягинцева в эмоциональном смысле оказывается мнимой.

Напряжение в этом фильме растет от кадра к кадру и достигает апогея в сценах, где ничего не происходит, просто колышется трава или шумят деревья; великолепно и изобразительное, и музыкальное решение. Хочется употреблять именно эти старые термины, а не «саспенс» и «саундтрек» — потому что речь идет о настоящем искусстве. В «Возвращении» несомненны следы влияния Андрея Тарковского. Давно мы не видели такого мокрого дождя, такой густой зеленой листвы, такого волшебного озера — и это не пошлая «русская ширь», а то мистическое восприятие природы, которое вместе с Тарковским почти ушло из нашей культуры. Но Звягинцев — современный режиссер и не делает авторское кино образца 1960-х. Его фильм местами напоминает триллер, а еще больше — американский гиперреализм, когда абсолютно фотографическая картинка совер-

шенно неожиданно и безо всякого режиссерского нажима преобразуется в миф или притчу. Когда-то в Венеции впервые победил русский фильм — то было «Иваново детство» Тарковского. Картина Звягинцева — это Иваново и Андреево детство без войны, но в мире, полном неформулируемой тревоги и тяжелых предчувствий.

Второй картины Звягинцева ждали с нетерпением, кое-кто и со злорадством. Хотелось получить ответ на вопрос: триумф «Возвращения» — что это было? Случайное везение «высочки», невесть откуда залетевшего в нормированную клановую киноиндустрию, где каждому определено и указано его место? Умелая адаптация клише русской духовности к формату современного кино? Или действительно самостоятельный творческий акт, открытие индивидуального мира, обладающего мощью и магией?

Первый фильм Звягинцева назывался «Возвращение», второй — «Изгнание». Оба слова имеют бытовой смысл, но режиссер употребляет их в ином — необиблейском. Сюжетом первой картины было возвращение блудного отца, темой второй — изгнание грешников из рая. «Райским» можно считать пейзаж с деревянным домом, одиноким деревом, умиротворяющими холмами и церковью. Здесь природа еще дышит, вырываясь из объятий цивилизации. Но нет покоя в душах героев, хотя внешне Алекс, Вера и двое их детей (дочку, кстати, зовут Евой) являют образ идеального семейства дачников-землевладельцев.

Алекс тяготеет к мужскому миру с его брутальной аурой; законченным воплощением этого мира выглядит и брат Алекса — Марк, бросивший и больше никогда не видевший своих детей. Пресловутая мужская солидарность заставляет Алекса мириться с криминальной подноготной брата, и это еще больше отдаляет его от Веры. Она не видит себя в роли хранительницы очага, пусть даже едва тлеющего. Ее пугает бессмысленный, как будто заведенный каким-то жестоким механиком ход вещей: беременность — рождение — взросление — отчуждение — повторение участи родителей. В этой цепочке пропущен, куда-то выветрился самый важный компонент. Любовь? Сострадание? Жертвенность?

Когда Вера получает через почтальона «благовест» в виде положительного теста на беременность, это вызывает в ней бурю противоречивых чувств.

Алекс же реагирует на известие «по-мужски», резко и грубо, трактуя смятение жены как ее признание в неверности, в том, что ребенок зачат не от него. Зритель, следуя своей интуиции, уже готов определить жанр фильма как психологическую мелодраму. Но тут сюжет адюльтера отходит на второй план перед стремительно разворачивающимися событиями, которые резко меняют курс существования героев и ведут к краху их налаженной «райской» жизни.

В основе «Изгнания» лежит повесть Уильяма Сарояна «Что-то смешное», но фильм скорее ассоциируется с бергмановскими моделями (например, «Сцены из супружеской жизни»), чем с американской прозой. И в живописном, и в актерском, и в музыкальном решениях режиссер работает на культурных контрастах. Константин Лавроненко, сыгравший в обоих фильмах, за роль в «Изгнании» был награжден премией Каннского фестиваля как яркий представитель русской актерской традиции. А его партнерша Мари Боневе — актриса школы Бергмана. Звучащая в финале песня поется по-португальски, но неожиданно приобретает пронзительный русский колорит. А самый финал с титрами озвучен одной из частей «Великого покаянного канона» Арво Пярта. Текст Андрея Критского звучит на старославянском, а «Господи помилуй» и «Exodus» — на латыни. В общем, полный экumenизм.

Как и «Возвращение», вторую работу Звягинцева снимал оператор Михаил Кричман. Во многом благодаря их тандему «Изгнание» воспринимается как большое кино — большое не в смысле бюджетов и спецэффектов, а в смысле стиля. Такое же впечатление, несмотря на свою камерность, производило «Возвращение», и именно это качество сразу выделило Звягинцева из числа других российских режиссеров, сделало его международной фигурой. Однако между судьбами первого и второго фильма есть большая разница. Восприятие «Изгнания» споткнулось не только о чрезмерную мультикультурную абстрактность, но также о настойчивость, если не навязчивость евангельских цитат.

Начиная с «Елены» в творчестве Звягинцева нарастает социальность, а вместе с ней ярче прорисовывается национальный колорит. Эта картина отличается от обеих предыдущих — прежде всего сугубо современным российским антуражем. Елена — бывшая медсестра, ставшая женой-служанкой богатого

пациента — оказывается посредницей между двумя антагонистическими мирами. Хайтековская роскошь дома бизнесмена в московском тихом центре контрастирует с убожеством пятиэтажки люмпенской окраины, где ютится взрослый сын героини с двумя детьми и вечно беременной женой. Но именно за него, непутевого пофигиста и алкаша, всем сердцем страдает героиня, в итоге оказываясь почти перед античной дилеммой.

Елена — троянский конь в стане одной из воюющих сторон. Но картину несколько не утяжеляют «греческие» параллели. Как и прежние фильмы режиссера, это тоже мифологическая модель, но впервые она наложена на опознаваемую систему координат. И трудно даже поверить, что все началось с предложения английского продюсера: он задумал большой проект на тему современного Апокалипсиса, и фильм Звягинцева как часть этого проекта тоже предполагался англоязычным. Но хотя действие перенеслось в Россию, сюжет остался притчево-универсальным: Звягинцев определяет его как «внутренний апокалипсис одной души, неприметный для окружающих».

В «Елене», в силу ее московской прописки, меньше зримых элементов символического языка — таких как смурная ворона в начале фильма, предвещающая вторжение «черни». Если кто-то зачислил Звягинцева по ведомству абстрактного метафизического кино, тут он, не теряя прежних наклонностей, предстает одновременно острым социологом. Семья с цементирующими ее центростремительными и разрушающими центробежными силами, образует ядро всех экранных сюжетов режиссера. Но этот фильм особый: он — о классовой войне, о самом беспощадном и болезненном из ее фронтов, который проходит внутри семьи. «Елена» — это глубокое рассуждение о деградации человеческой природы, оказавшейся пленницей материализма, о генетической связи родителей и детей, о болезненных попытках и невозможности порвать эти связи.

В «Елене» Звягинцев расконсервировал собственный стиль — а это удастся только очень талантливым людям. Будучи достаточно холодным морально-социальным диагнозом, это кино уже почти не напоминает Тарковского, а скорее Михаэля Ханеке — самого значительного европейского режиссера наших дней.

И вот на этом освоенном европейском фоне появляется «Левиафан». Как почти все крупные творения русской культуры, это чудовище дисгармонично и неуклюже, оно ломает жанровый канон, в нем много диспропорций и неправильностей, которые кажутся несуразностями тем, кто судит о кино с позиции бабки на завалинке. Эта глыба и подавляет, и восхищает виртуозным сочетанием высокой и низкой образности, трагических и сатирических красок, юмором, не входившим раньше в число добродетелей Звягинцева, даже матом, который слышится как музыка и которого режиссер раньше тоже избегал. Большое кино, талантливое и смелое, свободное и бескомпромиссное, пугающее и беззащитное, как скелет гигантской рыбы, некогда выброшенной на берег (символический образ фильма).

На автослесаря Николая (его монументально, но без единой фальшивой ноты играет Алексей Серебряков) несчастья обрушиваются, как на библейского Иова. Алчный мэр города Прибрежного хочет отнять у него и бизнес, и дом, и землю, на которой он стоит. А приехавший из Москвы друг-адвокат, хоть и размахивает папкой компромата на мэра, оказывается бессилён перед местной круговой порукой. Дважды в фильме по разным поводам дается сцена судебного заседания. Оба раза «тройка», состоящая из женщин (блондинки, брюнетки и шатенки), долго и нудно зачитывает приговор, обосновывая его такими-то и такими-то статьями закона, с подробностями и объяснениями. И оба раза мы точно знаем: законы здесь приводятся лишь для того, чтобы замуфлировать беззаконие.

В адскую цепь включены не только милиция и прочие силовые структуры, но и церковь, показанная как прислужница власти, проповедующая истину лишь на словах. Этот мотив принципиально нов для Звягинцева и чрезвычайно важен для полной картины сегодняшнего российского общества. Всем памятен финальный вопрос, прозвучавший в «Покаянии» Тенгиза Абуладзе: «Зачем дорога, если она не ведет к храму?» В свое время он стал главным моральным тезисом перестройки. Тридцать лет спустя с ним рифмуется вопрос, звучащий в финале «Левиафана»: зачем храм, если он воздвигнут не теми, не там, не так — построен злодеями, ни во что не ставшими человеческие жизни?

В какой-то момент может показаться, что фильм отклоняется от генеральной линии: на первый план выходит драма распада семьи Николая, а центральной фигурой оказывается его жена Лиля. На самом деле Звягинцев возвращается к своему ключевому сюжету. Актриса Елена Лядова так пронзительно передает тоску во взоре, безысходность жизни на краю света, с вечно пьяными мужиками, с отупляющей работой на рыбзаводе, что ей даже почти не нужно слов. Именно этот трагический женский образ подводит нас к главной теме фильма. К вопросу: виновны ли мы всем миром в том состоянии, в каком находится наше общество, или каждый отвечает только за свои грехи перед Всевышним?

Звягинцев, делая широкий шаг в сторону социального и антиклерикального кино, тем не менее остается на территории мифа. Этому отвечает восприятие природы — величественной и суровой, такой же враждебной человеку, как якобы данная от Бога власть. Из недр Баренцева моря в самый драматический момент совершенно естественно является кит — библейский Левиафан. Это явление каждый расшифрует по-своему. На меня, например, произвела впечатление, хотя и не убедила трактовка Антона Елина: Бог оставил простых людей, «лишенцев», он — «с мэром, с его шестерками, с этой гнилой прокуроршей» (статья «Бог с ними», <http://www.gazeta.ru/comments/column/elin/6385701.shtml>). В многозначности (не путать с многозначительностью) «Левиафана» — глубина этого фильма, вышедшего из пучины абсурда российской жизни.

Но мне не кажется, что это фильм о богооставленности; напротив, это кино о праведнике, который спасет город. Еще раз процитирую Андрея Звягинцева. «В жизни каждого человека наступает час икс, когда он вынужден встретиться лицом к лицу с системой, с «миром» и отстаивать свое чувство справедливости, свое чувство Бога на земле. И именно потому, что еще возможно ставить эти страшные вопросы перед зрителем, именно потому, что можно еще найти в наших пределах трагического героя, или «сына Божьего», всегда и во все времена персонажа трагического, моя Родина и не потеряна для меня, как и для всех тех, кто делал этот фильм».

И ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ...

(авто)портрет в точке прощания
(она же точка сборки)

ПИСЬМА ИЗ ПАРИЖА

Так получилось, что «Левиафан» в Париже пошел гораздо раньше, чем у нас дома (где-то в декабре). Вроде и зима уже началась, Рождество... А за окном всё какая-то сизая морось, тусклая осень. И длился, длился, уходя далеко в зиму, парижский Осенний фестиваль. Наверное, это моя собственная абберрация зрения, мои собственные тревоги вклиниваются дополнительной линзой, но мне и впрямь кажется, что бессознательно в этой заглаженной, светлой и неизменно картезианской Франции на первое место в смотре театрального искусства вдруг выходит тема варварства, тема антипросвещенческой разрушительной энергии.

В осенней серии показывает последнюю премьеру Ариана Мнушкина (Ariane Mnouchkine), и выбор ее — как раз «Макбет», гимн черному соблазну власти и насилия. Бесперывно пьют из бесчисленных стеклянных рюмочек герои «Дяди Вани» у Эрика Лакаскада (Éric Lacascade), с тем чтобы после декоративных русских загулов в конце остаться на сцене во всей своей ободранной, звероватой человечности. Даже изысканный литературно-музыкальный режиссер Франсуа Танги (François Tanguy) проводит нас сквозь рамы живописных полотен, которые вкладываются друг в друга и друг в друге же растворяются — но путь этот вовсе не случайно лежит

от «Пентесилеи» Клейста до «Берлинского зоопарка» Гроссмана — сквозь дым и гарь военной героики и военной же бессмыслицы.

Бесстрашно хулиганит на сцене испанка Анжелика Лидделл (Angelica Liddell) (спектакль «You are my destiny» — «Ты — моя судьба»), разматывающая выющую веревочку страсти до самого конца, до последней ее петельки... Да что там, вот и Роберт Уилсон (Robert Wilson) материалом для своего спектакля взял «Негров» Жана Жене (Jean Genet, «Les Nègres»), этот пьяный, донельзя экзальтированный текст, где страсть не просто царит, но сплющивает и подминает под себя всё.

«ЛЕВИАФАН»

От нашего же «Левиафана» заболеваешь просто физически, до лихорадки. Прекрасная вещь, зависшая, как это часто бывает у Звягинцева, на полдороге между социальными проблемами и чистой метафизикой. Хотя теперь уже (вот так, навскидку) кажется, что нам почти не осталось ничего кроме ненависти. Когда кажется, что лучше бы уж разверзлись хляби небесные, лучше уж пал бы с неба яростный огонь Божий и уничтожил бы это гиблое

место. По чести, Мединский, конечно, крепко «лажанулся», когда дал денег на этот фильм. Смешно — но и я повелась на все эти предварительные рассказы Звягинцева (на голубом глазу: ну, о том, что это, мол, американская история). То есть по глупости так и ждала, что в конце герой сядет на бульдозер и... Да нет, история-то русская. Никуда он не сел — разве что покорно в тюрьму. Но катарсис тут как раз и приходит из тягучего и мучительного сползания в нашу отдельную преисподнюю.

И верно сказал кто-то из зрителей: северный русский пейзаж тут тоже выступает как полноправный герой повествования. Этот странный свет — как бы сквозь полупрозрачную слюду, сквозь тусклый алебастр Вольтерры или Равенны... Когда кажется, что не солнце как-то еще идет на просвет, но, напротив — изнутри сияет сжатая до предела точка. Точка отчаяния? крика? слова? Сжатый свет в глубине как сдавленный голос всех этих бесчисленных мертвецов, что ушли в глубь земли. Мириады перехваченных удавкой гортаней, скрип, щелканье, клекот — как тот «подземный патефон» Марии Степановой, сияющий собрать воедино голоса растворенных в склизкой могильной жиже. И художник (а с ним — и его герой), который ощущает эту обязанность говорить от лица многих, от тех тысяч несправедливо замученных, убитых, растерзанных и чекистскими крючьями, на которые снова и снова подвешивают эту землю, и наглостью сильного, и подлостью лукавого. Так говорит, скупо, со скрежетом, с матом, захлебываясь водкой и отчаянием, герой Серебрякова, этот свободный и бессильный мужик — одинокий ковбой наших с вами просторных, покорно простертых прерий... Ну да, эта водка в «Левиафане»: «черное молоко» Пауля Целана, то «молоко рассвета», которое мы пьем ночью, всё пьем и пьем, поскольку одна лишь смерть теперь здесь — главная хозяйка.

Я понимаю, насколько важен для Звягинцева «Левиафан» Гоббса, где само Государство как бездушная сила встает горбатой спиной, затмевая и свет, и горизонт слабому человечку. Вроде даже какая-то таинственная необходимость обнаруживается в несоответствии, в разности веса и мощи, тупой предопределенности нашей судьбы и жалкого, робкого нашего протеста. Все социальные мотивы «Левиафана» уже

подробно разобраны, мне не хочется тут ломиться в открытую дверь. Малая божья тварь, божья коровка — против этой махины, которая грузно поворачивается, всей тушей вольно гуляя на просторе. «Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его...» Ну да, это из диалога между Богом и Человеком: страшное чудище, рушащее все мыслимые пределы, подавляющее своей мощью... Но ведь Господь говорит об этом Иову не для того, чтобы запугать и обречь того на вечную покорность. Скорее, Он является во всей своей силе — но является, чтобы впервые говорить прямо, говорить со взрослым, без скидок и утешений. Недаром вслед за описанием левиафана в Книге Иова (сразу после 40-й, уже в начале 41-й главы) идет и более общая метафора, как бы его самопредставление, развивающее ту перспективу образов, которая — как анфилада комнат, видных насквозь, на просвет, — в конечном счете выводит к дальнему сиянию истинного образа. Через черное, апофатическое свечение, через отрицание, через страх и ужас герой постепенно добредает до той минуты, когда время останавливается. И здесь тягучие, длинные сцены, в которых ничего не меняется, через постепенное истощение надежды, через отказ, отъятие, потерю он встает наконец вровень с самим Богом (даже если тот и избрал для себя этот пугающий образ левиафана) — встает, чтобы говорить прямо... За что мне это вот это всё: потери, отчаяние, гибель? Зачем, за что? И Левиафан, это хтоническое сгущение мрака, лоснящееся мокрой черной шкуркой, просвечивающее изнутри белым известковым скелетом, — Левиафан в последнем усилии, боком, почти не заметив, — утаскивает его вниз.

Когда на экране мелькает эта черная глыба, китовый горб, круглый бок, невольно вспоминается еще одно морское чудище из Библии: кит, который заглотил Иону, поскольку тот противился своему долгу, противился той обязанности, что вменяется самим Господом — идти и свидетельствовать о Нем. Где же она — та храбрость, которая так нужна нам сейчас? Видимо, надо пройти через брюхо морского зверя, быть проглоченным и низвергнутым сызнова, чтобы иметь право на тот последний разговор, которым Господь удостаивает немногих... Иов, идущий на левиафана «с удою»; Иона, проглоченный китом, спрятавшийся от самого себя, уклонившийся от свое-

го долга, почти растворившийся в сумрачной глубине жаркого чрева...

Кроме вечного соблазна варварского растворения в роде, в этнике, в толпе, во всем этом размазанном множестве арханки, Левиафан таит в себе еще один соблазн. Мы помним, в Псалтири (103:26) он играет в море, радуясь. Всем нам знаком еще один соблазн поглощения: в белой страсти желания, в судороге наслаждения, в оргиастически окрашенном растворении. Уже не просто «кровь и почва», но та минута высшего творческого напряжения, ради которой больше ничего не жаль. Когда Николай на пикнике стремительно бежит, внезапно ослепнув от ревности и страсти, когда единственно верный ответ на измену Лилии — это судорога желания в подвале и резкий щелчок выключателя, гасящий свет, мы уже слышим это гукое биение моря о землю, слышим эту волну, что пришла слизнуть собою всё... Как говорил Арто о зачумленных, это состояние, «когда нам является... крайняя сила, где вживе сталкиваются все могучие стремления природы, — притом в то самое мгновение, когда природа эта готовится совершить нечто важное». И внутри этой случайной, но совершенно неотвязной страсти Лилия вспарывает брюшко рыбинам одной за другой на бесконечной заводской ленте — чтобы Христу некуда было войти со своим милосердием, чтобы оказался Он напрасен в этом клаустрофобном, тесном пространстве левиафанова царства.

А Левиафан там и впрямь был, поднимался из глубины, с самого дна, из хлябей небесных, из пучины, где ему полагалось играть и радоваться. Приплывал, собака. Он сожрал в фильме Николая. И Лилию. Но я-то знаю куда больше: и Сергея моего погибшего сожрал, и меня вместе с ним, и всю эту дрянь, мелочь русскую заглотит и не поперхнется. И та круглая, мокрая спина, что кажет себя человеку в минуту крайнего надрыва и страха, — она реальна. Потому что и все мы сейчас, всей своей гурьбой и массой, составляем тело и мощь этого Левиафана. Мы сами — его часть и его душа. В мутной страсти, в слепой ярости, в творческом безумии. Мы сами — такие же. Те же. Для нас это домашнее животное. Кто-то в Европе, может, и боится, трепещет, ну а мы — в блюдечко молока ему нальем, собой напитаем. Где там Федор Михайлович, который вразумительно расписал нам сладость уни-

жений и расцарапанных ссадин, соблазн насилия?.. Потому что фокус в том, что Бог все-таки есть (хотя фильм вроде доказывает обратное). Он сам — чудище, и воздаяние — тоже Он. Посему аминь.

ЖЕНЕ И УИЛСОН

И возвращаясь теперь к Жене в интерпретации Уилсона. Вроде бы и идея схожа, и даже метафоры иногда перекрещиваются. Мэтра почитают, даже здесь, на парижском фестивале, у спектакля Уилсона была привилегированная судьба: он шел два месяца кряду — и зрители неизменно до отказа заполняли зал театра «Одеон». Впрочем, это только справедливо: на сей раз Уилсон и работал с французскими актерами, работал с оригинальным французским текстом, наконец, работал по прямому предложению и приглашению художественного директора Люка Бонди (Luc Bondy). Аккурат к премьере «Одеон» опубликовал свою предварительную переписку с Уилсоном, в которой тот прямо признается: «Я не очень-то знал, что с этим делать — и возможно, как раз потому и принял предложение...» И далее: «Для меня театр — это танец. Танец же начинается с неподвижности и осознания неизменного присутствия движения внутри этой неподвижности».

Тут я, пожалуй, согласилась бы с техасским мэтром: несмотря на то что постановка по жанру стилизована под представление мюзик-холла, она поразительно статична. Даже когда актеры вскидывают руки, приплясывают, слаженно поворачиваются под веселенькую попсовую музыку, они остаются скорее заводными механическими куклами, одетыми в платья резких, пронзительных цветов. Не меняется и декорация. Действие разворачивается на двух уровнях ажурной металлической конструкции. Наверху расположился королевский Двор (или Суд), где стоят фальшивые «белые» (Королева, Миссионер, Губернатор и Судья), то бишь те же чернокожие, наряженные в белые костюмы, в соответствии с предполагаемыми социальными функциями, и напялившие на черные лица карикатурные белые маски. Этот белый Двор — по существу, зеркальное отражение нас, зрителей, глядящих на старательно спланированное зрелище из глубины зала. (Кстати, такое положение

вполне соответствует пожеланиям самого Жене, который — поверх всякой театральной условности — требовал в предисловии к «Неграм», чтобы актеры непременно были черными, но в публике при этом сидел хотя бы один белый, иначе, по его мнению, представление в принципе не могло бы состояться...) Ну а внизу, на сцене, в луче фирменного уилсоновского света, рельефно выхватывающего фигуры, разыгрывают свою историю настоящие, подлинные, так ловко танцующие для нас негры...

Для самого Жене пьеса была заказной: когда-то, еще в 1954 году, она была написана по предложению Реймона Руло (Raymond Rouleau), который собирался на пари поставить спектакль с полностью черной труппой. С постановкой тогда ничего не вышло, пьеса была доработана и напечатана в 1958-м, а знаменитая премьера — подготовлена Роже Бленом (Roger Blin) в 1959-м, в театре «Лютеция». Жене сам определил жанр пьесы как «клоунаду». Если поверить ему на слово, придется признать, что Уилсон тут добросовестно следовал авторскому замыслу — перед нами поблескивает и на разные лады разворачивается легкий бурлеск с переодеваниями и двоящимися отражениями, — вот разве что сюжеты представления как-то уж чересчур макабричны. Жаль, что теперь уже нельзя заглянуть в ту памятную постановку Роже Блена, но говорят, что она тоже отличалась удивительной точностью и выверенностью, поразительной красотой поз и движений... Расписанные в музыкальную партитуру, четко оркестрованные и поддержанные озвучкой смех и крики актеров, сладкая, паточная музыка попсовых псевдоблюзов саксофониста Дики Ландри (Dickie Landry)... Короче, всё то, что позволило обозревателю «Фигаро» Армели Элио сказать, что Боб Уилсон «анестезирует, обеззараживает для нас Жана Жене красотой», добавим, что он вообще имеет привычку так или иначе преобразовать, украшать и утончать всё, к чему прикасается. Между строк тут явственно прозвучало, что грубоватый Жене — вор, политический маргинал и развратник — нуждается в этом, как никто другой.

Между тем чисто драматургически «Негры» действительно появились как своеобразная интерлюдия, вставная интермедия между «Балконом» и «Ширмами» (и кстати, премьера «Ширм» в по-

становке Блена произвела грандиозный скандал всё в том же «Одеоне» без малого пятьдесят лет назад). Ну что ж, скажем мы, сама жизнь постаралась, сгладив противоречия: и расизм во многом побежден (вот уж и в Америке — черный президент, а само слово «негры» плавно перешло в разряд непристойных), да и социальных противоречий сейчас не в пример меньше. Не будем лишь забывать, что для самого Жене тут всё было всерьез — как раз с «Балкона» и «Негров» начинается его собственный политический роман с террористами из «Черных пантер», равно как и длинная любовная история с канатоходцем Абдаллой.

Чья-то черная тень, тень кого-то — вечно ино-го, чужого, пугающего... Во французской драматургии уже после Жене — хотя бы черная тень Абада, как бы окутанного курящимся дымом, его молчаливое присутствие в «Западной пристани» Кольтеса задает странный, надорванный тон всей пьесе — без него та читалась бы просто как экзальтированная мелодрама о человеческих взаимоотношениях. Да и до «Негров», в совершенно ином контексте, вовсе не связанном с борьбой за равноправие угнетенных, вот вам пожалуйста — слова подвижника и визионера Арто из книги «Театр и его двойник»: «Если театр создан для того, чтобы дать жизнь всему, что вытеснено в наше подсознание, это означает, что некая чудовищная и жестокая поэзия выражает тут себя в странных действиях, и сами эти нелепые отклонения от того простого факта, что мы живы, уже доказывают, что напряженность жизни ущерба не претерпела и нам достаточно только лучше ею распорядиться».

Жене, стоящий как раз посредине, позволяет нам разглядеть и этот сгусток черной энергии, с которой только и призван работать театр, — то единственное искусство, что настигает нас, вынуждая хотя бы «слегка соприкоснуться рукавами» с божественной трансценденцией в реальном переживании живой жизни.

Когда-то, только задумав своих «Негров», Жене рассказывал о смешной музыкальной шкатулке, на которой четверо негрятят под нехитрую мелодию усердно кланялись белой принцессе... По его словам, «и через сотню лет эта диспозиция не переменится,

не будет перевернута». Сейчас, из нашего сегодняшнего опыта, мы можем свободно заключить, что оппозиция «черный/белый» служит скорее лукавым шифром для присутствия «чужого», «иного», — всего, что не вмещается в наши узкие моральные нормы — или уж попросту — в наши привычки. Есть некая мера построения личности — мера высшей персональности и высшей любви, когда я обязан признавать за этим другим больше прав на каприз или преступление, больше прав на личную свободу, чем я готов признать за самим собой. Есть некий резидуум, как бы выпавшие в осадок хлопья христианства, — это неизменно работает в западной культуре даже для атеиста. Левинас или Кольтес, Сартр или Деррида, Делёз или Жене — все они, каждый на свой лад, создали во французской литературе и философии великую парадигму абсолютной любви, вырастающей из абсолютной свободы. Странный цветок внутри картезианской, «просвещенческой» мысли, но вот поди ж ты! Жертвенная любовь, обороткой которой идет вовсе не рабская зависимость (как это происходит, когда мы опираемся на психологию с ее простейшими природными счислениями, с законом талиона и причинно-следственными отношениями). В кислотных, разреженных пространствах этой квазихристианской любви человеку (персонажу, образу) дышится лишь воздухом абсолютной свободы. Свободы от другого человека, от Бога, от правил и обязательств, от самого себя. Потому что в любую секунду я сам могу перемениться, а значит — жду того же от моего возлюбленного, который в этой любви ничего мне не должен, ничем ко мне не привязан и имеет полное право быть собой — «другим», вечной загадкой, короче — «негром», бесстыдным и дерзким, жестоким — если будет на то его воля...

Для Жене это краеугольный камень метафизики и эстетики: все эти маски и отражения, любовь, высшим даром которой становится предательство («Строгий надзор»), опасные игры, в которых другой — куда дороже мне, чем я сам, поскольку лишь он обеспечивает мне это пространство свободы («Служанки»). Для Уилсона тут не остается ничего, кроме веселой трагедии, вульгарных или смешных обменов масками, тривиальной и шутливой затее «побыть негром», временно освободиться от скучных норм, немножко посмеяться над ними — это ведь не всерьез. И когда в конце убийца

Виллаж и проститутка Вертю ведут свое милое кокетливое препирательство-флирт, свет организован так, что мужчина вдруг становится белым, возвещая о грядущей дружбе этносов, полов и бог весть чего там еще. Об этой грядущей социальной гармонии с режиссером даже и спорить-то не хочется: ему, вероятно, виднее. А вот про любовь достоверно известно одно: как и стихи (то есть «не ведая стыда»), она растет из любого сора — за исключением сентиментальности.

---

* * *

И вот теперь поговорим о том, с чем французской культуре всегда было трудновато справляться. Поближе рассмотрим череду этих оборотов и опасных масок. Не только мой партнер — «негр» для меня, но и я в конечном счете, развернувшись и блеснув зубами в опасной улыбке, — могу стать таким же черным «негром» для него и для себя самого. Где она, моя внутренняя природа, та точка, в которую сжата последняя пружинка?.. Энергетическая точка, смутный инстинкт варварских корней, ловкая вселенская хитрость, лисий оскал... Тот последний источник творчества, темная вода, черное пламя... Жене — из тех авторов, что — в обход «века Просвещения», которым французы так дорожат, — возвращает нас к парадигмам и символам архаики. Ведь не случайно же — именно «негры», чей животный, дикарский инстинкт раз за разом перешибает и флёр приличий, и непрочный налет цивилизации. Как многие до него, Жене использует здесь метафору телесности, когда именно «тело» (а с ним и высший накал чувственности) уподобляется вечно извергающемуся потоку креации. Лишь сдвинув в сторону разум и его плоские запреты, мы обретаем надежду на высшую спонтанность творчества, которая сама уже — сродни спасению, которая и дана нам, возможно, как его единственный залог. Как неустанно повторяет Арчибалд (его играет в этих «Неграх» Charles Wattara, хотя его монолог в спектакле безбожно урезан), «нам же говорили, что мы просто большие дети. Но тогда что нам еще остается! Только Театр! Мы будем играть в то, что размышляем над этим, — и медленно, медленно мы увидим самих себя в виде огромного черного Нарцисса, исчезающего в воде». Романтическая сакрализация мар-

гиналов — это всего лишь незаконное отражение стихии творчества, которая всегда брутальна, всегда по сути своей трансгрессивна и беспощадна, всегда преступает границы... Пока мы творим — мы всегда выступаем той потасканной и экзальтированной черной трупной, что вечно разыгрывает свои спектакли перед единственным отличным от нее, «белым» свидетелем — самим Творцом. Потому в акте творчества (да и вообще — перед лицом произведения искусства) сами мы не имеем права расслабиться, отдохнуть, уйти в чистое созерцание. Потому и Жене, как всякий театралный творец, сознательно или бессознательно опирающийся на традицию архаики (то есть, скажем, Арто, Гротовский или Васильев — в отличие от принципиально современного и «созерцательного» Уилсона), требует от зрителя именно со-участия, со-творчества. Ну а Жене наверняка позабавила бы мысль о том, что применительно к творчеству все мы, без исключения, — преступники и соучастники...

И последняя задачка, которую ставит нам Жене. Если источник всякого творчества и одновременно самая интимная сердцевина моего «я» — это черная магия страсти, то единственная возможность как-то с нею управиться, упорядочить — это подчинить ее мерную пульсацию столь же размеренным ритуалам. Все архаические структуры непременно содержат в себе средства такого овладения, своего рода магические заговоры, которые делают стихию управляемой. Для Жене в «Неграх» — это «церемония», как некая игра, идущая всякий раз по одним и тем же написанным правилам. Только эти опасные игры между персонажами для него лежат не в пространстве мюзик-холла (куда переносит их Уилсон), но, скорее, под куполом цирка с его смертельными трюками и фокусами. Обращаясь позже к своему возлюбленному Абдалле в эссе «Канатоходец», Жене восклицает: «Каждое утро, прежде чем начать тренировку, целуй снова и снова свою железную проволоку, пока она натянута и вибрирует... Проволока эта — как пантера (и, по слухам, как душа всякого народа) любит кровь». И чуть позже: «Добавлю, однако же, что ты должен рисковать реальной физической смертью. Сама драматургия Цирка этого требует. Он ведь — наряду с поэзией, войной, корридой — остается одной из немногих реально жестоких игр, которые

нам остаются». В «Неграх» игры могут быть сколь угодно условными, но не будем забывать — всякий раз они требуют себе в качестве реквизита еще одно мертвое тело...

И в «Неграх» же нам предъявлен еще один способ, еще одна «церемония», позволяющая заковать черную энергию смерти. Эта возгонка речи, которая перестает служить выхолощенным красотам французской риторики и раскаляется до градуса истинной страсти. Это как раз неотвратимый накат страсти, ее размеренная поступь слышна в знаменитом монологе Арчибальда, толкующего нам смысл ритуала: «Я приказываю вам быть черными до последних струнок ваших вен, я приказываю закачать туда черную кровь. Пусть Африка течет по вашим жилам. Пусть Негры негрствуют. Пусть они безумно и упрямо стоят на том, к чему их приговорили, пусть настаивают на своем эбеновом цвете, на своем запахе, на желтых белках глаз, на своих каннибальских вкусах!» Не только содержание, но и вся скрученная пружиной ритмика этого пассажа словно откликаются на то высшее требование, которое вменяется сценическому языку у Арто («Театр и его двойник: Режиссура и метафизика»): «Заниматься метафизикой произносимого языка — значит принудить язык выражать то, чего он обычно не выражает; это значит использовать его новым, особым и необычным образом, вернуть ему все возможности прямого физического потрясения, активно разделять и распределять его в пространстве, выбирать интонации абсолютно конкретно, возвращая им былую способность действительно раздирать душу или нечто проявлять. Это значит восстать против языка и его сугубо утилитарных, я сказал бы даже, озабоченных пропитанием истоков, восстать против его низкого происхождения загнанного зверя, — наконец, это значит рассматривать сам язык как своеобразную форму *Заклинания* [*l'Incantation*]».

Ну, а Боб Уилсон поступает тут самым простым и радикальным образом. В этом и в других ключевых монологах он оставляет лишь первую строчку, заставляя актера повторять ее как минимум трижды. Снова и снова разводя энергию речи в воде плоских мюзикхолльных шуток до каких-то гомеопатически-приемлемых доз...

Наверное, единственный элемент статичного декора, который заставляет к себе возвращаться после представления, заставляет всерьез задуматься. Металлическая конструкция, эта скрученная проволока — как извивающийся змей из Эдемского сада. Или же как ползущий сквозь наш грешный мир царь его — Левиафан...

Вот тут только и вспомнилась, и обрела смысл заставка ко всему спектаклю, его своеобразное введение. Все эти чернокожие актеры, участники представления... Как они выбегают на сцену! Критики-рецензенты говорят: под автоматные очереди, под окрики надсмотрщиков! Полноте! И жесты этих заломленных рук, ладоней, всплеснувшихся над головой... Да полноте! Вы разве не узнали: за их спинами — первые этажи уходящего ввысь небоскреба, и время тут вернулось... Или ушло вперед? Все в тот же сентябрьский денек: 9/11. А негры (или арабы-джихадисты, или вообще — отверженные, маргиналы) рукоплещут рушащемуся зданию, из которого вот-вот посыплется беспомощные тела белых... Вот и праздник начинается... Вот и спяшем на радостях... В нашем-то мире социальной гармонии. Боюсь только, смысл этот, подсказанный визуальным рядом, вовсе не был запланирован нашим расчетливым и умелым постановщиком.

Я тут всё думала про Жене, про Боба Уилсона с этим его последним спектаклем, который старательно посмотрела дважды. Уилсон, конечно, не отличается особой сообразительностью, да и работает всегда с холодным носом... Он думает, что дикие негры — это где-то между мюзик-холлом, Гарлемом, травкой и ножичком под ребро на улице... Жене был гораздо пронительнее, тем более что сам был не только вором, но и путался с террористами из «Черных пантер»... Да и Абдалла его тоже был не ручной. Но Жене очень волновал вопрос о смене масок: насколько негры — белые, а белые — негры. Насколько мы все — изгой. И насколько мы все на других охотно плюем, а сама сила наша — неизменно весела и насмешлива. И никогда — несправедлива (потому что другое нужно и другого мы ждем). И насколько мы сами (каждый из нас) для всех прочих — Другой. Эти несчастные, отмороженные ребята, эти бандиты, если угодно, — в общем, те, что пошли воевать в До-

нецк, — они, конечно, бесстыдно обмануты нашим доморощенным Левиафаном. Но иные чисты и любят той же ненавистью, что и я.

И еще я подумала: у нас — либералов — ничего не вышло в 90-х не только потому, что мы оказались глупы и наивны, или были жадны, да к тому же еще неуместно высокомерны, а значит, в конечном счете, соблазнились, — но и потому еще, что мы не познали на опыте, как эти европейские буржуи рыцарственно дрались за справедливость, за свою собственность — вместе со своей честью...

Меня поражает, что в связи с «Левиафаном» практически никто не вспомнил прекрасную повестушку Клейста «Михаэль Кольхаас» — о том, как в эпоху Реформации, в XVI веке, кажется (не помню точно), этот самый буржуй отчаянно боролся за свои буржуинские права (там речь о двух конях, которых у него какой-то князек-аристократ временно реквизирует). И он идет в тюрьму, идет на мятеж, идет на плаху, просто требуя: чтобы ему заплатили по справедливости. Так и не согласившись, что вот тот, главный, благородный, не нам чета (он право имеет всегда)... сел, в общем, на свой бульдозер... У нас такого почти не было. Мы его как-то благополучно пропустили — вот этот этап исторического развития. Обычно просто кланялись, давились, с ноги на ногу переминались (чернь все-таки!) — и принимали... Принимали-благодарили...

Простимся же теперь, разведем мосты. Не стоит особенно брать в расчет того циничного и подлого архиерея у Звягинцева: христианство, пусть даже со вспоротым брюхом, будет всегда сильнее любого клирика. Христианство со своей страшной идеей свободы объемлет собою всё: Сёрен Кьеркегор призывал нас не бояться ничего, не страшиться отчаяния, он считал крайнюю степень отчаяния и страсти лучшим проводником — ведущим нас сквозь смерть — к вечной жизни. Но даже он, в трехсоставном членении Вселенной и самого человека, помещал буйство страсти и хтонический ужас отчаяния либо в начало (там, где экспериментирует со своей эстетической игрушкой художник), либо в конец (где внутри предельного усилия веры человек может попытаться выйти в бессмертие). Никогда эта трансгрессия не должна пробираться украдкой в запретную и скучную середку, сердцевину, никогда она не должна гнездиться

в будничной жизни буржуа и гражданина, булочника и солдата... Нельзя так весело и беззаботно зазывать ее в повседневность, где предельного усилия требуют от нас, напротив, самые простые добродетели — мораль, справедливость, смешная и старомодная честность. Простимся!

Вот Анхелика Лидделл, которая поставила блистательный спектакль о том, что можно любить насильника и отдаваться преступившему. (Подзаголовок ее упоминавшейся «Судьбы» — итальянский, «Lo stupro di Lucrezia», то бишь, как бы это помягче... У нас, в нашем переводе — и впрямь аккуратнее: «Похищение Лукреции».) Одна из совершенно экстатических, плывущих в раскаленное марево сцен в спектакле — это как раз насилие, которое показано через армию барабанщиков, в лад выстукивающих на своих огромных тамбурах мелодию крайнего, расхристанного унижения и одновременно ритм прерывистого, нервного, оргиастичного оргазма. Подобное я видела прежде только у Питера Гринуэя, в его фильме «Дитя Макона» («Baby of Mason»), где одновременно — десятками и сотнями — вздымаются ошетилившиеся копы, символы пронзенных, взятых силой и обесчещенных девственниц. Анхелика Лидделл, которая в предыдущем своем спектакле («*Todo lo cielo sobre la tierra*» — «*Всё небо над землей*») рассказала историю убийцы как повесть о хрупком и жалобном Питере Пэне... Оставим эти чудеснейшие опыты внутри «Театра жестокости» Арто. Откажемся, хотя бы на время, от настырной идеи вечно ставить эти сюжеты внутри своей единственной жизни и судьбы. Потому что всё это снова и снова проступает не просто в рассуждениях, но также и в реальном опыте. Да, это равным образом относится и к живой жизни, и к эстетическим упражнениям (которые в пределе являются вовсе не декоративной имитацией действительности, но просто куском, одним из фрагментов этой самой жизни).

В недавнем спектакле Теодораса Терзопулоса (Theodoras Terzopoulos), премьеру которого я застала в Москве, в этих самых «Вакханках», премьерой которых открывался «Электротheater» Бориса Юхананова, ученика Васильева, — там для меня пропущен, безвозвратно упущен самый, может быть, важный момент внутренней драматургии трагедии. По-настоящему ведь Дионис является нам (одновременно, сходно — и участникам мистерии, и нам, зрителям), когда Агава начинает постепенно догадываться... Когда в этом неуверенном узнавании нам становится видна в попеременном мерцании то львиная голова, то отрезанная голова Пенфея. Когда в самой этой голове (она же потом ловко извернется, перекувырнется на блюде, чтобы предстать головой Иоанна Крестителя, предтечи жертвы Христовой) мы начинаем вдруг почти на ощупь, вслепую, различать истинное Лицо. Лицо Диониса, которого не увидать иначе как подсматривая, уворовывая тайно, содрогаюсь всем телом, себе даже не признаваясь в последнем кромешном ужасе... Вот так и сейчас: в это мгновение узнавания себя, в это мгновение последней истины, последнего, правдивого разговора с Богом мы должны обрести смелость и узнать, угадать наш собственный лик, наш вид, наш образ. Никакой опыт не бывает напрасным. И эта грязь, и эта кровь — на наших руках, на нашем лице (потому что кровавыми пальцами мы размазывали по щекам дешевые слезы и сопли случайного сочувствия).

Узнаём же себя наконец, увидим же открытыми глазами всё то, на что мы способны в последнем пределе. И оставим эту левиафанскую, громоздкую трансгрессию в том море-окияне, где ей только и надлежит резвиться и плавать: в эстетике, в религии, в той темной стороне души, что питает собою искусство. Но уж никак не годится для истории, для простой этики, для жизни... Простимся! И за это — простится и нам, как я не устаю надеяться... □ □

© Текст: Наталья Исаева

«ЛЕВИАФАН» КАК ЗЕРКАЛО

О «Левиафане» Андрея Звягинцева писать сложно. Не потому, что все и так понятно, или много сказано, хотя и это тоже, но потому, что обсуждение закордонного триумфа фильма стало отдельной темой, захватывающим сюжетом многомерной российской бюрократической глупости. Границы ее расширяются день ото дня, перекрывая все возможные пределы. Вот депутат Яровая высказалась о пагубности для русской традиции изучения иностранных языков — кто бы мог представить возникновение такого верноподданнического пассажа в XXI веке!? Вроде только что речь шла о модернизации, нанотехнологиями пугали, а тут такой Скалозуб вылез. И что тут скажешь!? Как возражать? Может, это требует опровержения и дебатов? Вот и «Левиафан» оказался в таких же тисках мерцательной аритмии нового русского маразма.

Не будем разбираться в содержательной части (если это можно так назвать) того, что говорил министр культуры Мединский или спикеры от РПЦ — осудили, заклеямили: денег больше давать не будут, осталось только от Церкви отлучить. Феномен проплаченного патриотизма, начавшийся с «Наших», с молодежи Селигера, шествует по стране и приобретает все более зловещие формы. Хам, о котором рассказал Андрей Звягинцев еще в «Елене», неблагодарный хам, умеющий только присваивать и гадить, освоил поступь Командора. Логос потерян. Кажется, уже окончательно.

Но!

Есть один вопрос: это сознательная потеря логоса, то есть организованная кем-то, руководимая, а значит, там, где находится дирижёрский пульт, есть некое понимание, для чего это сделано, какими средствами? Или всё проще — так выстроились звезды?

Есть несколько суждений и «за» и «против».

Вот орет с трибуны Жириновский при обсуждении антикризисного плана правительства: «дол-

лар должен стоить, как в свое время, 65 копеек...». Глупость стопроцентная, а для чего она запущена?

А почему воскресная встреча с Владимиром Соловьевым стала ежедневной? И для чего на ящике вдруг появилась «новость часа», прерывающая все передачи? Это осознанная политика по усилению в обществе тревожности, подозрительности, мобилизационной готовности, или просто Соловьев подсуетился и выбил дополнительный эфир, объясняя, что кашу маслом не испортить? Вопрос об осознанности действий власти очень интересен. В «Левиафане» он — основа сюжета. Почему, скажем, мэру не заплатить три миллиона и подобру решить вопрос со сносом дома? Денег нет? Экономит? Нет — «хочу в пыль стереть, чтобы все знали, что я неподсуден, только Бог на том свете будет со мной разбираться». Власть вне закона и вне логики, и поэтому нам кажется, что она рубит сук, на котором сидит. Действует против собственных же интересов. Понятно же, что российские антисанкции больше разрушили наш потребительский рынок, чем санкции Запада, ан нет, всё равно — «знай наших, мы медведь, мы вне логики, хотим малину кушаем, хотим человечину».

Вообще, возникновение этого образа страны, от которого отказывались и уходили десятилетиями, даже в советское время, и вдруг: «я медведь — так и понимайте» — это симптом страшной, боюсь, неизлечимой болезни. Последней для России.

Звягинцев в «Левиафане» дорисовал картину до самого конца. Продажная милиция? Продажный суд? Коррупционная власть? Да этого «добра» на всех каналах! Звягинцев сделал один важный шаг: включил в эту цепочку Церковь. И тем пересек красную линию. Власть готова смириться, что она, мягко скажем, несовершенна, но то, что она безбожна, что у нее нет ничего святого, — это уж нет! Тут точка оказалась чувствительно больна. Глядя на себя в зеркало, властные патриоты приговаривают: «везде двойные стандарты, везде воруют,

езде баб любят, и Стросс Кан, и Берлускони, и Олмерт, ну и мы тоже, но Бог в нас есть, мы с Богом живем, мы от Бога». Это последнее и единственное, что удерживает власть не плюнуть в зеркало и не сказать: какая мерзкая у меня рожа, да, я левиафан, я чудовище морское!

Мне кажется, этим объясняется и нынешняя неожиданная любовь к истории: перелицевать всех злодеев-убийц в эффективных менеджеров, в борцов за святую Русь, Крым сравнить со Стеной Плача, Бориса Годунова изобразить жертвой Запада. Для того чтобы вписать себя мерзкого в историю, надо историю подправить, оправдать всех российских душегубов и выстроить как бы новый логический или мистический ряд.

И включилась швейная машинка: подкладку налицо перешивать. Вот мы Крым сделали «нашим», а вы ГДР аннексировали без референдума. Европа — в Гейропу. Нужна новая Ялта. Фильм Звягинцева не оставляет надежды для России.

А есть ли она теперь? Надежда?

Когда-то (и я в это верил тоже) казалось, вот воссоздадут Храм Христа Спасителя и что-то мистическое подтолкнет страну к свету, откроется план ее развития, и мелкими шажками мы пойдем навстречу Европе, цивилизованному миру, ведь не зря он так называется: *ци-ви-ли-зо-ван-ный*. Но теперь, услышав, что с четвертого по одиннадцатый класс школьники будут изучать Закон Божий (как бы его ни называли, но суть остается та же), что вся российская нравственность и традиции оказываются там, в православии, в вере вообще, я жалею об общедоступном и общеконфессиональном бассейне «Москва». Он в любую погоду, летом и зимой, даже в лютый мороз, дарил москвичам здоровье и силы, приносил здравый смысл, цивилизацию, если угодно. От него точно была польза: и всего-то сорок пять минут сеанса, а сколько удовольствия! А что за годы строительства новых храмов сделала РПЦ? Да, были очереди к мощам, в которые привозили на автобусах. Принудительное покаяние, к нему склоняли Толоконникову и Алехину. Появилось понятие «оскорбление чувств верующих» — и срок. Или Церковь вступилась за арестованную шпионку, мать семерых детей? Может быть, она сказала что-то такое, чтобы мы поверили?

Включив официальную Церковь в ряд угнетателей, в ряд власти, Звягинцев так сильно высказался, что художественные достоинства и недостатки фильма уже не обсуждаются. Или почти не обсуждаются. Перевесило другое — «сор из избы», «Запад поддерживает только негативное о России», «запретить прокат», «выслать» и в таком духе. Антиклерикальный характер «Левиафана» поднял со дна естественную мусть русского маразма, и «условно верующие», в свое время успешно сдававшие «Основы научного атеизма», ринулись обличать, а те, кто специально создает маразм как стратегию, как прикрытия своей политики, так сказать, «сидят на маразме» подливали масла в огонь.

Теперь о фестивальной судьбе фильма. Это отдельная история. Некоторые пишут, что Звягинцев — фестивальный конъюнктурщик, он точно знает, что востребовано киношными жюри, и поэтому цель поражается по-снайперски. Нет смысла с этим спорить — попробуйте. Но объяснить триумф «Левиафана» все-таки надо. На мой взгляд, это не антироссийский заказ, тут скорее некоторое попадание в архетип американского кино. Вспомните оскаровскую победу фильма «Москва слезам не верит». Все были возмущены: пропагандистская, советская «клякwa», всё вранье и ложь, но в архетип американского кино фильм Меньшова попадал безошибочно: «человек сделал сам себя». И по традиции хеппи энд: в подарок героиня получает любовника-мужа, интеллигентного пролетария, который может и запить, как настоящий русский, но и ковбой тоже — в морду если что, и мясо готовит, как никто. Все тогда срослось. Меньшов получил «Оскара». Теперь «Левиафан» — он продолжает американскую традицию фильмов про мафию. Мэр — эдакий дон Корлеоне, безжалостный, у него все в руках, сопротивляться ему бесполезно, для него суд — он сам; Бог для мэра — крест на стене, доставшийся от матери: перекрестился и убил. Все это есть в замечательной социальной картине Звягинцева, и поэтому она понятна всем, без всякого антироссийского накала, хотя новости из берлоги мирового зла подталкивают западных и американских зрителей к аплодисментам.

А нас они не подталкивают?

Точно — не всех.

«ЛЕВИАФАН»

ФАКТЫ

.....

История создания фильма *Левиафан* началась в 2008 году.

На съемках новеллы *Апокриф* для киноальманаха *Нью-Йорк, я люблю тебя*, переводчица и ассистент Андрея Звягинцева Инна Брауде рассказала ему историю о сварщике из штата Колорадо Марвине Джоне Химейере, у которого новые владельцы цементного завода решили выкупить мастерскую, расположенную на их территории. Марвин не шел ни на какие соглашения, и тогда управление завода попросту огородило забором его мастерскую. Отчаявшись бороться за свою собственность, пройдя все круги бюрократической судебной и исполнительной системы, он оборудовал многотонный бульдозер пуленепробиваемой броней, буквально запаив себя в кабине трактора, и выехал на нем из своей мастерской. Он разрушил все постройки цементного завода, полностью снес забор, отгородивший его от внешнего мира, и направился в город. Полиция пыталась препятствовать ему чем только могла, в него было выпущено более двухсот пуль, были сооружены заслоны из тяжеловозов, но все их старания были совершенно напрасны: Марвин сметал всё на своем пути, а въехав в город, методично снес около десятка административных зданий. Завершив свое возмездие, он сказал по громкоговорителю: «до сих пор никто

не хотел его слышать, теперь же его услышали все». После чего в кабине своего бульдозера он покончил собой. В этом инциденте не пострадал ни один человек, кроме самого Химейера.

.....

Рассказ произвел на режиссера неизгладимое впечатление, и он всерьез задумался о съемках этой истории в США, предполагая детальный пересказ событий, а по возвращении в Россию поведал его своему другу и соавтору Олегу Негину, предложив ему написать сценарий на этой основе.

Чуть позже режиссер натолкнулся на текст, пересказывающий средневековую хронику времен Мартина Лютера (*Михаэль Кольхаас*). Сюжет этой новеллы, написанной Генрихом фон Клейстом, был почти до деталей схож с историей Химейера. Ясно было, что это вечный сюжет, исток которого, при определенном усилии, можно найти и в истории несчастного библейского Иова. Потому совершенно не имеет значения, где именно могли бы разворачиваться события этой драмы. История о столкновении человека с властью имущими универсальна. Скоро была найдена и еще одна аллюзия — параллель с текстом английского философа XVII века Томаса Гоббса. Меж этими сюжетами и идеями и был выстроен скелет *Левиафана*.

Зимой (уже в декабре 2010 года) Олег Негин написал первую версию сценария под рабочим названием *Батя*. Действие разворачивалось в России, но повторяло события американской трагедии, в том числе и бунт главного героя. Сценарий изобилует ненормативной лексикой, что в некоторой степени смутило продюсера картины Александра Роднянского и помешало запустить проект тогда же, в 2011 году, сразу по завершении работы Звягинцева над *Еленой*.

Вторая версия сценария — уже под названием *Левиафан* — была закончена осенью 2012 года и объединила в себе аллюзии на американскую трагедию Марвина Джона Химейера, историю библейского Иова и философский трактат Томаса Гоббса *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*.

Левиафан — самый «многолюдный» фильм Андрея Звягинцева. Круг центральных персонажей состоит из восьми человек. В целом в картине действует более пятнадцати человек, постепенно вовлекаемых в полную драматизма воронку сюжета.

Поиск актеров занял почти год. Между пробами Владимира Вдовиченкова и его утверждением на роль прошло несколько месяцев. В этот период Вдовиченкову поступило предложение о съемках в британской картине под названием *Черное море* режиссера Кевина МакДональда (с Джудом Лоу в главной роли). Вдовиченков уже дал устное согласие англичанам, и тут ему сообщают, что он утвержден на роль в *Левиафане*. Похоже, для Вдовиченкова это явилось серьезным испытанием, которое он все же преодолел в пользу работы в фильме Звягинцева.

В поисках места действия фильма творческая группа картины посетила более 70 городов в радиусе 600 километров от Москвы, совершив путешествие от Пскова до Владимира, от Ярославля до Орла, заглянув даже в Беларусь. Окончательный выбор пал на поселок Териберка, расположенный на берегу Ба-

ренцева моря (Мурманская область). В поселке Териберка была выстроена декорация «Дом Николая», состоящая из двухэтажного деревянного дома, автомастерской и теплицы. Строительство велось с мая по июль 2013 года силами художественного департамента под руководством художника-постановщика картины Андрея Понкратова.

Съемочный период картины продолжался с 1 августа по 8 ноября 2013 года и составил 67 съемочных дней. Съемки проходили в поселках Териберка и Турманский, городах Кировске, Мончегорске, Апатиты и Оленегорске Мурманской области, а также в Пошехонье (Ярославская область). Некоторые интерьеры, с целью экономии средств на экспедицию, были сняты в Москве.

Для того чтобы «сродниться» со своим персонажем, Алексей Серебряков брал костюм своего героя накануне съемок и «обживал его», приезжая и уезжая со съемочной площадки в нем. Отказавшись от участия в других проектах, он не выезжал из Териберки два с половиной месяца, целиком посвятив себя съемкам *Левиафана*. То же сделала и Елена Лядова, весь съемочный период оставаясь с группой в экспедиции, и не покидая места съемок фильма. Это было очень важно для того, чтобы «нажить» отношения, сделать дом Николая живым, наполнить его духом хозяев. Актриса Анна Уколова по просьбе режиссера для съемок поправилась на 15 килограммов.

Первый съемочный день ознаменовался неприятным событием. Во время съемки первого кадра, в котором Николай и Ромка проезжают сквозь каменное ущелье, у игрового автомобиля марки «Nissan Teqano» лопнуло переднее колесо. Сидевший за рулем Сергей Походаев и Алексей Серебряков, который контролировал управление автомобилем с пассажирского сидения с помощью специальной дублирующей системы, не справились с управлением: автомобиль врезался в другие машины съемочной группы. К счастью, в аварии никто не пострадал. Вдовиченков, в тот день бывший на съемочной площадке

сказал: «Ничего. Это событие стоит рассматривать как хороший знак».

Из-за повреждений «Нисана» съемочный план в срочном порядке пришлось изменить. В первые несколько дней пришлось снимать не по запланированному заранее графику. Через несколько дней из Петербурга доставили другой автомобиль, его перекрасили в тот же цвет. Одновременно ремонтировали и ту машину, что пострадала в аварии. Таким образом, в фильме снимались две машины, которые постоянно присутствовали на съемочной площадке. Через две-три недели, в том же самом месте, во время съемки похожей сцены, когда рано утром Николай проезжает сквозь каменное ущелье, чтобы встретить на вокзале Дмитрия, повторилась похожая ситуация. В первом же дубле у первого «Нисана» лопнули сразу два колеса, но Алексей Серебряков на сей раз справился с управлением — и аварии удалось избежать.

Побывала в аварии и Елена Лядова. В одной из кадров (не вошедших в окончательный монтаж фильма) ее героиня отъезжает от парковки. Сдавая назад, Елена врезалась в стоящий позади автомобиль. Все отделались легким испугом, кроме того, что директор картины возместил незначительный ущерб хозяину пострадавшей машины. Таким образом, все актеры, управлявшие «машиной Николая», попадали в аварию. Причем происходило это всегда именно в кадре.

Там, где Ромка выбегает из дому встретить приехавшего Дмитрия, режиссер намеренно не предупредил Сергея Походаева, игравшего Ромку, о том, что Вдовиченков должен был подарить ему модель самолета для самостоятельной сборки. Эта импровизация была введена начиная с третьего дубля и в итоге вошла в картину.

Во время первой встречи Николая с Пашей на посту ДПС в роли напарника Паши снялся Алексей Походаев — отец Сергея.

В сцене завтрака в доме Николая после приезда Дмитрия Ромка дерзит Лиле, от отца за что получает подзатыльник. Снято было восемь дублей. На вопрос о том, как ему удастся столь натурально изображать реакцию на подзатыльник, Сергей Походаев ответил: «Он бьет меня по-настоящему».

В фильме есть сцена, когда герои Алексея Серебрякова, Елены Лядовой и Владимира Вдовиченкова приезжают на центральную площадь вымышленного города Прибрежный, где стоит памятник Ленину. Любопытно, что на одной из детских фотографий, предоставленной Еленой Лядовой для съемок, она вместе с матерью стоит точно на такой же площади. Это фото стоит на трюмо в доме Николая, и его можно увидеть в сцене, когда к Николаю приезжает Паша, чтобы сообщить о том, что пропавшую Лилю нашли.

Сцена застолья после оглашения приговора по делу об имущественной тяжбе, в которой участвуют Николай, Дмитрий и Лиля, на этапе монтажа была сокращена вдвое.

Кадр со старой фотографией дома, которую Николай кладет на стол, показывая ее Дмитрию, был снят уже на этапе монтажа прямо в московском офисе, когда стало ясно, что сцена, бесспорно, будет подвергнута значительному сокращению. Для этой съемки были вызваны и Алексей Серебряков, и Владимир Вдовиченков. Эта панорамная фотография, сделанная еще в 1929 году, была найдена исполнительным продюсером Екатериной Маракулиной в краеведческом музее поселка Териберка. Но удивительным совпадением является то обстоятельство, что точка кинокамеры с видом на поселок и дом Николая была определена на том этапе подготовки, когда у группы еще не было в руках этой старой фотографии. То есть кто-то 85 лет назад поставил фотоаппарат почти на ту же точку, с которой съемочная группа решила снять эту панораму.

Кадр с мухой, бьющейся о стекло в начале сцены, когда Дмитрий перечитывает только что набранную им на компьютере жалобу на мэра, был снят спон-

танно: режиссер как раз случайно заметил насекомое во время подготовки к сцене.

Сцена «Пикник у озера» снималась пять дней. Кадр, в котором брошенный Дмитрием камень «блинчиком» скачет по воде (начало сцены «Пикник у озера»), снимался отдельно. Мастерство запуска «блинчиков» демонстрировал лично Андрей Звягинцев (в очередь с дольщиком группы Леонидом Доленко). Чей именно бросок попал в монтаж, никто так и не знает.

В одном из эпизодов сцены «Пикник у озера», персонажи Алексея Серебрякова, Владимира Вдовиченкова, Сергея Бачурского и Алексея Розина выпивают по полному стакану водки в честь дня рождения Степаныча (Сергей Бачурский). В результате ошибки реквизитора в первом же дубле актерам была дана бутылка настоящей водки, которую они и выпили. Только после команды «стоп» актеры сообщили о том, что водка-то настоящая. Все четверо решили, что это был розыгрыш режиссера, и до сих пор не верят, что это было не так. Таким образом, актеры испытали на себе «суровый русский обычай» пить водку стаканами.

Сцена в вагоне поезда, когда Дмитрий возвращается в Москву, при монтаже была значительно сокращена. Съемки шли в реально движущемся поезде. Однако маршрут его движения был коротким, поэтому съемочной группе предоставили два вагона, «зеркально» прикрепленных друг к другу. Таким образом, когда поезд прибыл в Москву, съемочная группа просто перешла в соседний вагон. Поезд последовал в обратном направлении, однако направление движения в кадре осталось правильным.

Скелет синего кита, весом в полторы тонны и длиной 24 метра, изготовленный бутафорами на метал-

лическом каркасе по заказу художника-постановщика Андрея Понкратова, был смонтирован в бухте рядом с поселком Териберка в течение шести дней.

Когда Лиля и Анжела разделявали рыбу на конвейере, съемки шли в реальной рабочей обстановке рыбоперерабатывающей фабрики, непосредственно во время ночной смены. Актрисы предварительно прошли инструктаж и вместо двух работниц встали за конвейер. Рядом с Лилей в «пазике» рыбзавода ехали жительницы поселка Териберка, настоящие работницы фабрики.

Во время съемки сцены, в которой Анжела и Паша приезжают предложить Ромке свое опекуновство, в декорации «дом Николая» прямо во время дубля начался пожар. К счастью, в тот день было решено отложить обеденный перерыв, чтоб не прерывать съемку сложной сцены, и потому съемочная группа не ушла и вовремя обнаружила дым, идущий из-под стены, что позволило нейтрализовать источник возгорания и предотвратить преждевременную гибель декорации.

За весь съемочный период картины было отснято три с половиной часа полезного материала, на что было потрачено 85 тысяч метров пленки Kodak.

Монтаж картины занял 50 дней.

Фильм был показан перед отбором на 67-й Каннский международный кинофестиваль еще до окончания процесса монтажа, а также работ по сведению звука и был принят в основную конкурсную программу. Премьера фильма состоялась в последний день фестиваля, 23 мая 2014 года. На следующий день, 24 мая, состоялось закрытие фестиваля в Каннах. Картина была удостоена награды за лучший сценарий. □ □

Виктор ЯРОШЕНКО

ТЕНЬ ЛЕВИАФАНА

Ирина Старженецкая. Пророк Иова.

Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой,
обвинить Меня, чтобы оправдать себя?

Книга Иова

Имя Левиафана отбрасывает длинную тень.

Карл Шмитт

Прямое высказывание

В одном из интервью Андрей Звягинцев, говоря об истоках идеи фильма «Левиафан», сказал, что она идет от Книги Иова, а вовсе не от Гоббса, которого он поначалу вовсе не имел в виду. Возможно, это и так, однако и не совсем так... Постер с обложкой первого издания гоббсовского романа стал любимым плакатом звягинцевского фильма, висел он и на выставке «Левиафан: процесс Анны Матвеевой, и Звягинцев отметил особое значение для него этого изображения.

Однако фильм — это метафорическое высказывание и о человеке, и о государстве — Левиафане, и о Боге, и о справедливости, и о причинах, которые позволяют людям жить в ненасытном брюхе государства, как это описано в книге Томаса Гоббса. Столкновение с властью, коррупция, беспредел — все это узнаваемо, эка невидаль, об этом много писали и снимали, — но не это, вероятно, так задело и продолжает задевать всех. Не случайно слово «Левиафан» стало одним из главных слов нашего политического словаря.

Что-то иное сделало это почти забытое слово из Ветхого Завета одним из самых популярных слов прошлого года, не объясняющим, но обозначающим весь разлад, морок, стынь, ложь и бесперспективность жизни.

Фильм читали как сложное, зашифрованное послание и загадку — и к тому есть основания. Но по прошествии времени оказывается, что он — обескураживающе *прямое высказывание*; настолько прямое, что почему-то именно так его *не воспринимают*.

Социальная основа фильма — беды человека в столкновении с государством. Далеким поселок, как античный полис, со своей властью, представлена в фильме широко, во всем своем спектре. Градоначальник, пришедший к власти через насилие и подкуп.

Томас Гоббс рассматривает два типа возникновения государства: через договор и через приобретение-присвоение; тут, скорее, второй случай — присвоение власти и имитация общественного договора.

* * *

Герой — Николай, мужчина лет сорока. Мы не знаем его прошлого: ясно, что повоевал, может, в Чечне («афганцам» уже далеко за пятьдесят). Видно, что быт его был крепок, дом просторен и обустроен — и ванна, и горячая вода есть, и теплица, и подвал, полный солений, грибов да варений, мастерская и внедорожник «Фронтира», и моторная лодка (не у всякого, а только у приспособленного к жизни человека все это образуется). И интерьеры в доме с претензией на некоторый уют: видать, кое-где бывал, кое-что повидал. По-скандинавски крашенные дощатые стены, терраса с роскошным видом на залив, компьютеры. Словом, налаженный быт крепкого мужика, вдребезги разбившегося о власть.

Герой, автослесарь Николай живет на грани срыва. Рутинное дело для автослесаря — промыть карбюратор, а он срывается в злобном мате; обещает поднять лихоимцев на вилы. Отчего бы это? А он уже давно в этом стрессе, годами находится в безнадежной тягбе с властью. Он — стратотерпец. Терпила, по-нашему. Но что-то есть надорванное в нем, когда-то сломанная пружина: слишком привычно и слишком много пьют, слишком злобно дерут глотку, и слишком уж — до звона в душе — пусто в ней. И держится Николай покуда только своей любовью к жене, к сыну, к отцовскому дому, что на самом краю Земли. Каждый знает таких людей: уехать они не могут, ибо слишком уж вросли корнями...

Друг Николая — Дмитрий Селезнев совсем иной: московский хваткий адвокат, поручитель и доверитель. Доверитель, предавший заповеди божеские и человеческие. «Соблазнить замужнюю женщину — большее преступление, нежели соблазнить незамужнюю» (Т. Гоббс). Вообще этот друг вроде бы и не при делах. «Герой нашего времени», сам себе никто — сойдет с поезда и забудет, где был, кого сгубил и зачем.

Ромка, сын Николая, — самый трагический герой фильма... По всей России подрастают в развалинах у костерка такие вот подростки, никому не нужные и уже ни во что не верящие. Лиля, жена Николая, пытается как-то примирить сына с судьбой, с собой, обогреть — но он ненавидит ее по определению, что-бы растить в себе эту черную ненависть-страсть: будто бы сквозь нее смотреть на мир и утверждаться. Через несколько лет вырастет — и пойдет воевать за какую-нибудь новую химеру: куда-то же ему надо будет деваться. Бедный мальчик.

Степаныч, начальник ГАИ, про которого Николай говорит: добрый, блядь, двух жен извел... А мы zapomним эту фразу и подумаем в конце, что и он сам, Николай, ведь тоже двух жён пережил. *Извёл?* Как и от чего умерла первая жена Николая четыре года назад, о чем хорошо помнит его 13-летний сын, мы так и не узнаем...

Тут и аппарат насилия: полиция, ГБД, прокуратура, суд, следствие... Собственно, тут и нет других, только простой человек — и власть, представленная во многих своих представителях. Секретарши, охранники, милиционеры, следователи, продавщица, слушающие суда, мэрии, прокуратуры и рыбзавода, школь-

ники. Такой вот мир этого ПОЛИСА, депрессивный, то и дело прорывающийся агрессией.

Николай предрекает: «Народ с вилами встанет!» — и тут же сдувается как шар, слыша скептические слова друга-адвоката: «Кто встанет-то?..»

Государство-Левиафан всесильно, кто же сильнее его? Он самый могучий зверь, он совокупный человек, собравший в себе ВОЛИ ВСЕХ, это — совершенная машина власти, неостановимо и незримо работающая, как конвейер рыбзавода. Он отправляет правосудие: вот уж и следователь, и судья, и секретарь судейский, и секретарша, и охранник в прокуратуре — все ушли, никого нет, а машина продолжает работать. Десять дней на кассацию. Восемь. Пять. Два. Ноль.

Главный герой прост и прям, как лом, — в своей бессильной ненависти, со своей любовью к жене... но у него-то хоть любовь есть, которая все прощает и преобразует. У других же ничего этого нет, они — как неживые куклы, марионетки: на работу — с работы, только по пьяни вроде бы оживают...

Зима ведь еще и не пришла, она на пороге — лютая, черная, страшная, долгая-долгая. Что-то сломалось в людях, холодно в душах, и не понять, чем их обогреть. Что-то совсем не так, и уже никогда не будет так. У всех. И у женщин, работниц полудохлого рыбзавода, и у подруги Анжелочки, а у городничего Шелевята тревожно рыскают пороссячи глазки, ему не по себе: грядет зима, а следом — что? То ли выборы, то ли отстрел, то ли тюрьма... Далекая, равнодушная и безжалостная высшая власть обязательно накопает и уничтожит, рано или поздно скажет: хватит, пожил, пусть другие поживут — и кинутся, и разорвут. Другие рассядутся по норам-кабинетам, и никому дела нет, кто там теперь пролетает в «крузерах» с черными стеклами.

И ружья-то есть: покуда для охоты или просто так пострелять. Будет еще сцена со стрельбой из ружей и автоматов по бутылкам и портретам вчерашних и позавчерашних лидеров, привычная забава — почти ритуальная акция, и опять будет с пьяной ухмылкой явная угроза, но время еще не пришло... И страшная агрессия копится, копится в этой пустоте и ждет выхода.

Только в конце фильма, когда все случилось, мелькнет в эпизоде отец Василий — человек, Бог которого всегда с ним.

* * *

Фильм встретили «в штыхы», и даже отдельные «отморозки» предлагали режиссеру покаяться на Красной площади за то, что оболгал Россию. А другие — за то, что посягнул на самое святое, что оскорбил их чувства... Герои «Левиафана» говорят короткими яростными фразами, способными, кажется, испепелить, как дыхание дракона. Длинные и мертвые только речи судей и пастырей.

Равнодушная скороговорка судьбы и равнодушная патетика церковного владыки — они ведь играют свои роли, они «при исполнении». Получается, что в братке-градоначальнике больше человеческого, нежели у этих высоких персонажей.

* * *

В «фильме о фильме» плавали на надувных лодках строители Левиафана, монтировали в воде гигантский пластиковый скелет кита. Подумал — а ведь странно, что в фильме, снятом на краю света, нет ни одной сцены на воде, хотя море — существеннейшая часть фильма и прибрежной опасной жизни. И даже на пикник едут «за семь верст киселя хлебать» на машинах, трясутся по пыльной гранитной крошке. Отчего же нет ни одной сцены на воде? И даже лодку герой продает, не спустившись в ней на воду, и грузит покупателю мотор, так ни разу и не взревевший радостным клекотом. Да ведь ради этой лодки, этого лютого моря, соленого ветра, волны и рыбы и живут тут с незапамятных времен люди, отчего же герою «Левиафана» в этом отказано?

Море, небо — знаки свободы. Человек, вышедший в море на лодке, не свободен от моря, ветра и волн, но он свободен от демонов и хозяев суши. Они мелки, с моря их не видать... В звягинцевской истории герою отказано от свободы и моря. Может, потому, что здесь людям отказано и в Боге. Человек сломлен внутренне, и эту сломленность Николая всею душою чувствует, ощущает жена его Лиля, иначе бы не преступившая.

Испытания Иова

С юности мучила меня ветхозаветная Книга Иова, одна из самых древних (Ориген считал что самая древняя, ранее Пятикнижия написанная) —

«Первая и главная книга человечества о страдании».

Ориген, Блаж. Иероним, преп. Ефрем Сирийский считали автором Книги Иова Моисей, Свт. Василий Великий относил ее к эпохе Книги Судей; Свт. Григорий Богослов видел автором Книги Иова царя Соломона. Свт. Иоанн Златоуст написал: «*Может быть Моисей, а может, и Соломон написал Книгу Иова, не знаю*». Большинство православных богословов согласны с мнением свт. Григория Великого: «*Кто написал книгу Иова, узнать не можем, а знаем только, что Святой Дух диктовал ее, и он есть истинный автор ее*»¹.

***

Самая страшная, может быть, в Священном Писании, оставляющая человека одного в мире, — потому что кто, как не Бог, позволил все это сотворить с Иовом и близкими его — и всеми нами потом?

«*Тайна Иова есть тайна страдания*, — писал архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) в своем эссе «Тайна Иова. О страдании». — *Нет ни одной книги на земле, которая подошла бы к этой тайне так просто и так глубоко как книга Иова... никакая другая философия печали и скорби человеческой ни произведения художественной литературы не дают столь ясно глубины познания страданий, как книга Иова*»².

***

«*Был человек на земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла. И родились у него семь сыновей и три дочери (все конкретно, как у Звягинцева: семь и три).*

Имения у него было: семь тысяч мелкого скота, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц и весьма много прислуги; и был человек этот знаменитее всех сынов Востока. Сыновья его сходились, делая пиры каждый в своем доме в свой день, и посылали и приглашали трех сестер своих (вот откуда начались Три Сестры!) есть и пить с ними (Иов: 1,1–4).

Но интрига не в этом (мало ли состоятельных людей на земле Востока?), тем более что, «*когда круг пиршественных дней совершался, Иов посылал за ними и освящал их, и, вставая рано утром, возносил всеожожения по числу всех их (и одного тельца за грех о душах их). Ибо, говорил Иов: может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем. Так делал Иов во все такие дни*» (Иов: 1,5).

***

А сюжет начинает круто заворачиваться, лишь «*когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел?*

И отвечал сатана Господу, и сказал: Я ходил по земле и обошел ее» (Иов: 1,6-7).

Дальше текст разворачивается как стремительная экзистенциалистская пьеса.

«*И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый (возможен хор ангелов), богобоязненный и удаляющийся от зла. И отвечал сатана Господу, и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его, и дом его и все, что у него?*

(В фильме Звягинцева аккуратная белая оградка стоит-таки, и каждая штaketина любовно выпилена округлым овалом сверху, долгая работа).

Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но прости руку Твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя?

И сказал Господь: вот, все, что у него в руке твоей; только на него не простирай руки твоей.

И отошел сатана от лица Господня» (Иов: 1,8-12).

Сцена вторая

Дом Иова. «...*И вот, приходит вестник к Иову и говорит: волея орали, и ослицы паслись подле них, как напали Савезяне и взяли их, а отроков поразили острием меча, и спасся только я один, чтобы возвестить тебе.. Еще он говорил, как приходит другой и рассказывает: огонь Божий упал с неба, и опалил овец и отроков, и пожрал их; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе. Еще он говорил, как приходит другой и рассказывает: Халдеи расположились тремя отрядами и бросились на верблюдов и взяли их, а отроков поразили острием меча; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе<...>*

Тогда Иов встал и разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою, пал на землю, и поклонился, и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял... да будет имя Господне благословенно!» (Иов: 1, 13-22).

Сатана, однако, не оставляет в покое Иова, но и Бог почему-то внимает злым словам диавола.

«...И сказал Господь сатане<...>: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла, и доселе тверд в своей непорочности; а ты возбуждал Меня против него, чтобы погубить его безвинно. И отвечал сатана Господу и сказал: кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него; но простри руку Твою и коснись кости его и плоти его, — благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги.

...и поразил Господь Иова проказою лютою... И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри!» (Иов: 2, 1-9).

Имя ее Библия не сохранила, а жаль. Как же было сказано ею — в боли и страдании за погибших детей, за прокаженного мужа: *«Похули Бога и умри!»*

...но он сказал ей: ты говоришь, как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов: 2,7-10).

Тысячи лет после того, как было сказано это, евреи и христиане повторяли эти слова в страхе, боли, крови, в огне и в газовых печах.

Три друга Иова

«И услышали трое друзей Иова о всех этих несчастьях, постигших его, и пошли каждый из своего места: Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхейнин и Софар Наамитянин... И подняв глаза свои издали, они не узнали его... и зарыдали... И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико» (Иов: 2, 11-13)

После того открыл Иов уста свои и проклял день свой...

...погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! День тот да будет тьмою; да не възыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет!.. О! ночь та — да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселье! Да проклянут ее проклинающие день, способные разбудить левиафана!» (Иов: 3, 1-8).

Друзья его решились утешить Иова.

Друг Иова, Елифаз Феманитянин, не страдавший так, начинает увещавать его. Но слова его столь же мертвы, как и слова архиерея из фильма А. Звягинцева.

Иов же отвечал другу:

«...о, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно верно перетянуло бы песок морей! Оттого слова мои неистовы. Ибо стрелы Вседержителя во мне; яд их пьет дух мой; ужасы Божии ополчились против меня» (Иова: 6, 1-4).

В своем страдании Иов пеняет своим друзьям, которые не понимают его скорби:

«Научите меня, и я замолчу; укажите, в чем я погрешил. Вы придумываете речи для обличения? На ветер пускаете слова ваши. Вы нападаете на сироту и рвете яму другу вашему. Но прошу вас, взгляните на меня; буду ли я говорить ложь пред лицом вашим?<...> Разве я море или морское чудовище, что Ты поставил надо мною стражу? Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне. Отступи от меня, ибо дни мои суета. Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твое?.. Доколе не отойдешь от меня... Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков! Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость? И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего?..» (Иов: 7)

И тогда начал говорить второй друг, Вилдад Савхейнин, и речь его была довольно мудра. На этих принципах была основана и наша советская юриспруденция. Он подошел с другой стороны, неожиданно, как прокурор, вопрошая:

«Неужели Бог извращает суд, и Вседержитель искажает правду? Ежели сыновья твои согрешили пред Ним, то Он и предал их в руку беззакония их... ежели ты чист и прав, то Он ныне же встанет над тобою и умиротворит жилище правды твоей... Видишь, Бог не отвергает непорочного и не поддерживает руки злодеев» (Иов: 8, 3,4,20).

«Я желал бы состязаться с Богом»

«Как оправдается человек пред Богом? — продолжает Вилдад. — Если захочет вступить в прение с Ним, то не ответит Ему ни на одно из тысячи... Кто

Ирина Старженецкая. Четыре евангелиста.

в вихре разит меня и умножает безвинно мои раны, не дает мне перевести духа, но пресыщает меня горестями? Если действовать силою, то Он могуществен; если судом, кто сведет меня с Ним? Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня; если я невинен, то Он признает меня виновным... Все одно; поэтому я сказал, что Он губит и непорочного и виновного...

Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает. Если не Он, то кто же?» (Иов: 9)

Иов отвечает прямо:

«Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих нас. И тогда я буду говорить и не убоюсь Его, ибо не таков я сам в себе. Скажу Богу: за что Ты со мною борешься? Хорошо ли для Тебя, что Ты угнетаете, презираете дело рук Твоих, а на совет нечестивых посылаете свет? Разве у Тебя плотские очи и Ты смотришь, как человек? Что Ты ищешь порока во мне и допытываешься греха во мне? Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня — и Ты губишь меня?»

Тут против Иова вышел Софар и сказал:

«Пустословие твое заставит ли молчать мужей? Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя?»

Но и ему отвечал непокорный Иов:

«Подлинно, только вы люди, и с вами умрет мудрость! И у меня есть сердце, как у вас... Посмешищем стал я для друга своего, я, который взывал к Богу и которому Он отвечал!.. Сколько знаете вы, знаю и я: не ниже я вас. Но я к Вседержителю хотел бы говорить и желал бы состязаться с Богом. А вы, сплетчики лжи, все вы бесполезные врачи. О, если бы вы только молчали, это было бы вменено вам в мудрость... Хорошо ли будет, когда Он испытает вас? Строго накажет Он вас, хотя вы и скрытно лицемерите... Замолчите предо мною, и я буду говорить, что бы ни постигло меня» (Иов: 13).

Иов вступает в тяжбу с Богом и не может отступить, тут весь смысл противостояния, в этом и сюжет всех подобных, несчётное число раз случавшихся на Земле. Иов вызвал на суд Бога! Вступил в тяжбу с Вседержителем, чего бы это ему ни стоило, возбудил судебное дело.

«Вот, я завел судебное дело: знаю, что буду прав... удали от меня руку Твою, и ужас Твой да не потрясает меня. Тогда зови, и я буду отвечать, или буду говорить,

а Ты отвечай мне. Сколько у меня пороков и грехов? покажи мне беззаконие мое и грех мой...

...Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями<...> Уходят воды из озера, и река иссыхает и высыхает: так человек ляжет и не встанет... Когда умрет человек, то будет ли он опять жить? Во все дни определенного мне времени я ожидал бы, пока придет мне смена. Но гора падая разрушается, и скала сходит с места своего; вода стирает камни... Так надежду человека Ты уничтожаешь. Теснишь его до конца, и он уходит... В чести ли дети его, — он не знает, унижены ли — он не замечает; но плоть его на нем болит, и душа его в нем страдает».

Не выдержав богоухльства Иова, опять вступает в спор друг его Елифаз:

«...Тебя обвиняют уста твои, и твой язык говорит против тебя. Разве ты первым человеком родился и прежде холмов создан?<...> Что устремляешь против Бога дух твой и устами твоими произносишь такие речи?» (Иов: 14)

И отвечал им Иов:

«Слышал я много такого; жалкие утешители все вы! И я мог бы так говорить, как вы, если бы душа ваша была на месте души моей... ныне Он изнурил меня. Ты разрушил всю семью мою!.. Гнев Его терзает и враждует против меня... Разинули на меня пасть свою; все сговорились против меня. Предал меня Бог беззаконнику и в руки нечестивым бросил меня. Я был спокоен, когда Он потряс меня, взял меня за шею, и избил меня, и поставил меня целью для Себя. Земля! не закрой моей крови, и да не будет места воплю моему!.. О, если бы человек мог иметь состязание с Богом, как сын человеческий с ближним своим!»

Сызнова встрял Вилдад (С.С. Аверинцев называет его вспыльчивым): *«...когда же вы положите конец таким речам?.. О ты, раздирающий душу твою в гневе твоём! Неужели для тебя опустеть земле, и скале сдвинуться с места своего? Да свет у беззаконного потухнет и не останется искры от огня его».*

И так еще 21 один стих до конца 18-й главы.

Но и ему Иов непокорный отвечал:

«Вот уже раз десять вы срамили меня и не стыдитесь теснить меня. Если я и действительно погрешил, то погрешность моя при мне остается. Если же вы хотите повеличаться надо мною и упрекнуть меня позо-

ром моим, то знайте, что Бог ниспроверг меня и обложил меня Своею сетью. Вот я кричу: обида! и никто не слушает; вопию, и нет суда... Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои, ибо рука Божия коснулась меня. Зачем и вы преследуете меня, как Бог, и плотью моею не можете насытиться? О если были бы записаны слова мои! Если бы начертаны были они в книге резцом железным с оловом, — на вечное время на камне вырезаны были! А я знаю. Испытатель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою, и я во плоти моей узрю Бога».

И будто не слышал Сафар снова, отдохнув, выступает со второй подготовленной речью про печальную судьбу незаконного человека.

«И отвечал Иов: Разве к человеку речь моя?.. Как же вы хотите утешать меня пустым? В ваших ответах остается одна ложь».

Тогда в третий раз вступает прокурор Елифаз и обвиняет Иова — на сей раз уже в великих беззакониях, ссылаясь на неопровержимые факты наказания Господня. Его главный аргумент прагматичен донельзя:

«Разве может человек доставлять пользу Богу? Разумный доставляет пользу себе самому. Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен? И будет ли Ему выгода, от того, что ты содержишь пути свои в непорочности? Неужели Он пойдет судиться с тобою? Верно, злоба твоя велика, а беззакониям твоим нет конца. Верно, ты брал залогом от братьев твоих ни за что и с полунагих снимал одежду. Утомленному жаждою не подавал воды напиться, и голодному отказывал в хлебе; а человеку сильному ты давал землю, и сановитый селился на ней. Вдов ты отсылал ни с чем, и сирот оставлял с пустыми руками<...> Помолитесь Ему, и Он услышит тебя, и ты исполнишь обеты твои».

Иов жаждет найти Бога, но Бог скрывается от него. Однако Иов не отступает, вновь и вновь взывает: *«пусть испытает меня! Нога моя твердо держится стези Его; пути Его я хранил — не отклонялся. От заповеди уст Его не отступал».*

Вилдад же усмехается: *«И как человеку быть правым пред Богом и как быть чистым, рожденному женщиною?.. Тем менее человек есть червь, и сын человеческий есть моль».*

Но Иов осмеивает мудрость друзей своих: *«А гром могущества Его кто может уразуметь?»*

Но снова Иов уверяет друзей в своей непорочности, продолжив возвышенную речь уже который раз, но Бог отвернулся. А Иов продолжает уже который раз про беды нечестивого и радости праведного.

Кое-что об Иове

А ведь был Иов велик несказанно: *«когда я выходил к воротам города и на площади ставил седальце свое, — юноши, увидев меня, прятались, а старцы вставали и стояли; князья удерживались от речи... язык знатных прилипал к гортани их...»*

Сокрушал я незаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное. Облекался в правду; отцом был для нищих, глазами — слепцу и ногами — хромоту...»

После слов моих уже не рассуждали... Ждали меня, как дождя... Бывало, улыбнусь им — они не верят, и света лица моего они не помрачали. Я назначал пути им и сидел во главе, и жил как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих... А ныне я стал братом шакалам и другом страусам».

Иов призывает на себя проклятие: *«если грешил я похотью, лукавством, прелюбодеянием, пренебрежением других, самолюбием, идолопоклонством, мстительностью, негостеприимством, лицемерием и захватами земли».*

Нечего было ответить друзьям Иову, и они умолкли.

Но тут на сцене появляется «идеолог нового поколения», некий молодой Елиуй, который молчал, как подобает, пока говорили старшие, но когда они замолчали, воспылил он гневом на Иова — за то, что тот оправдывает себя больше, нежели Бога.

И заявляет Елиуй Иову и его друзьям:

«Не многолетние только мудры, и не старики разумеют правду... Вот, я ожидал слов ваших, я пристально смотрел на вас... но никто из вас не обличает Иова и не отвечает на слова его...»

И стал говорить: *«вот я пред тобою вместо Бога... Бог выше человека, для чего тебе состязаться с ним? Он не дает отчета ни в каких делах Своих».*

Елиуй по пунктам разбирает обличения Иова и доказывает: нет, *«не может быть у Бога неправды».*

Далее следуют чудеса: и глас Божий гремит из бури:

«Где был ты, когда Я полагал основания земли?.. Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева?.. Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле?.. Можешь ли посылать молнии? Кто вложил мудрость в сердце, и кто дал смысл разуму? Знаешь ли ты пути диких коз?.. Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих? Можешь ли веревкою привязать единорога к борозде, и станет ли он бороздить за тобою поле?»

Много и устрашающе говорит Бог и наконец — следует главное:

«Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?.. «Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя, он ест траву, как вол... ноги у него, как медные трубы, кости у него, как железные прутья... Возьмет ли кто его... и проколет ему нос багром?»

А далее следует фраза, которую в фильме отец Василий говорит пьяному русскому Иову — Николаю:

«Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его? вденешь ли кольцо в ноздри его? проколешь ли иглою челюсть его? будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? сделает ли он договор с тобою, и возьмешь ли его навсегда себе в рабы? Станешь ли забавляться им, как птичкою, и свяжешь ли его для девочек твоих? будут ли продавать его товарищи ловли, разделят ли его между Хананейскими купцами? можешь ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбацьею остроугою? Клади на него руку твою и помни о борьбе: вперед не будешь...» (Иов: 40, 20–27).

И вот наконец — знаменитая глава 41-я, которая тысячи лет привлекает и толкователей Талмуда, и христианских теологов, и философов — от Гоббса до А.Звягинцева, удостоенного приза на Каннском кинофестивале:

«Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его? Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его; кто же может устоять перед Моим лицом?.. Не умолчу о членах его, о силе и красивой соразмерности их (отсюда — и Гоббс, назвавший свой учебник политологии «Левиафан»: о красивой соразмерности членов его, имея в виду государство)... Кто может отворить двери лица его? круг зубов его — ужас; крепкие щиты его... От его чихания показывается

свет; глаза его, как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла.

(Тут возникает забавная интонация — и Иову, а вместе с ним и нам тоже — становится уже совсем не страшно.)

Дыхание его раскаляет угли, а из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, а перед ним бежит ужас. Мясистые члены тела его сплочены твердо, не дрогнут. Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов. Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса. Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копье, ни дротик, ни латы. Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево... Булава считается у него за соломину; свисту дротика он смеется. Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи. Он кипятит пучину, как котел, и море превращает в кипящую мазь; оставляет за собой светящуюся стезю, бездна кажется сединою. Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов: 41, 1-26).

И все-таки Иов отвечает Богу, не мог смолчать:

«...знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Кто сей, помрачающий Провидение, ничего не разумея? — Так я говорил о том, чего не разумел... Выслушай, взывал я, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха, теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле.»

А что же было дальше?

«И не было на всей Земле таких прекрасных женщин, как дочери Иова»

А Бог сказал друзьям Иова: сердит я на вас за то, что вы говорили обо мне не так верно, как раб мой Иов. Возьмите себе семь тельцов и семь овнов и пойдите к рабу Моему Иову и принесите за себя жертву.

«И возвратил Господь потерю Иова, когда он помолился за друзей своих; и дал Господь вдвое больше того, что он имел прежде. Тогда пришли к нему все бра-

тья его и все сестры его... и ели с ним хлеб в доме его, и туржили с ним, и утешали его за все зло, которое Господь навел на него... И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние; у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц. И было у него семь сыновей и три дочери... И не было на всей Земле таких прекрасных женщин, как дочери Иова... После того жил Иов сто сорок лет, и видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого рода, и умер Иов в старости, насыщенный днями».

Иов первый в писаной истории вызвал Бога на суд и Бог этот вызов принял, по существу иска признал его справедливость и выплатил многострадальному Иову компенсацию. Вот такая история...

Протоиерей Александр Мень много размышлял о Книге Иова:

«При всем том в Библии нет книги более трудной и противоречивой. Ее автор соединил притчу в духе традиционного благочестия с криком бунтующей души, безотрадную картину жизни — с назидательным «счастливым концом», образ Бога в виде восточного монарха — с учением о непостижимости Сущего. Вся книга от начала до конца парадоксальна, и правы те богословы, которые считают попытки свести ее к единой формуле и единому замыслу безнадежным делом» (http://www.alexandrmn.ru/books/tom6/6_gl_11.html).

Кинозал

Во всяком хорошем фильме можно усмотреть множество цитат, аллюзий, ассоциаций, но в «Левиафане» нельзя не увидеть две милые и простые пьесы — «Ревизора» и «Грозу». Стоит героиня на обрыве, а внизу бушует бескрайнее море, в волнах играет черный кит. И это последнее, что видит она в своей жизни. И это — вовсе не метафора, не символ власти или политики (Звягинцев не раз признавался, что терпеть не может символов в кино), а скорее, промелькнувший образ могучей, свободной, но несостоявшейся жизни...

Этот приезд и быстро «сдувшийся» столичный вертопрах...Этот городничий и его присные. Эта несчастная, трагическая, единственная, действительно глубоко страдающая, казнящаяся неприкаянная

душа — «луч света в темном царстве», так сказать...

Фильм Звягинцева обвиняли в безбожности. Я так не увидел. Не фильм без Бога, а мир, где люди когда-то объявили богом Левиафана, он давно издох, а люди так и живут, будто он еще во всей силе, и не вытаскать им его ни удою, ни вдеть ему в ноздрю канат... Краешком эпизода промелькнул бедный священник Василий со своим мешком с хлебом, на пути в свой дощатый, продуваемый барак. И не хотел — но по неволе вступил в разговор с мертвецки пьяным Николаем.

— Где твой Бог? — мычит тот, и уже вовсе не жалко его, а стыдно за него.

И спокойно отвечает ему поп, смиренно неся свое послушание: «Мой Бог — со мною».

И ему веришь! Об этом много не говорят.

Про кита

Русские поморы ходили на китов с кованым гарпуном-острогую. Но левиафан, морское чудище, тема морских народов... Вот и Герман Мелвилл воспел капитана Ахава и его метафизическую погоню за Белым китом — образом первородной стихии, враждебной человеку.

Визуальной карточкой фильма на многие годы, задолго до съемок, будет придуманный Звягинцевым и тщательно исполненный в мастерских скелет кита. Это чудище из пенопласта везли из Москвы, собирали в студеной воде на отливе, прижимали мешками с песком, чтобы его не унесло водой и ветром.

Скелет кита на берегу у кромки прибойя — это сильный и запоминающийся образ... архитектурный и. Может быть, даже слишком выразительный.

Как-то давно побывал я на острове Беринга. Шел долго по бескрайнему берегу. Никого вокруг не было. А впереди, на береговой линии, сначала была просто черная точка, потом она становилась все больше и больше. И вот она, исполинская туша кита. Скелет лежал тут уже давно, мясо наполовину обглодали размножившиеся тут песцы, которые при моем приближении бросились наутек, как мыши. Скелет кита, отмытый соленым морем и влажным ветром, белые эти кости в фильме Звягинцева обретают символ какой-то могучей жизни, давно уже закончившейся и прошедшей цикл превращений.

Томас Гоббс

Томас Гоббс (1588–1679), младший современник Уильяма Шекспира, прожил очень долгую жизнь, пережил ужасы гражданской войны, казнь короля, реставрацию... С книги «Левиафан»³ началась мировая политическая наука и теория «общественного договора». Во введении к этому трактату Гоббс пишет, что «искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством... и который является лишь искусственным человеком».

«...Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой — при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия.

Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни — *civitas*».

В гоббсовском смысле, у нас государства никогда и не было. И «Левиафан» в России считался крамольной книгой.

«Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой».

Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек (или собрание лиц) пользуется такими огромными силой и властью, сосредоточенными в нем, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов... До сих пор я обрисовывал природу человека, чья гордость и другие страсти вынудили его подчиниться государству, и одновременно огромную власть его властителя, которого я сравнивал с Левиафаном, взяв это сравнение из последних двух стихов 41-й главы книги Иова, где Бог, рисуя великую силу Левиафана, называет его царем гордости.

«Но этот Левиафан смертен и подвержен тлению, как и все другие земные существа»...

Он умирает, когда люди не боятся и не уважают его. И возвращается «война всех против всех», Великая смута. В истории XX века так было уже трижды в России: после Первой мировой войны, после революции и последовавшей за нею Гражданской войной — и после распада Советского Союза.

Как написал Булат Окуджава в «чехословацком» 1968 году:

*Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства.
А погибают оттого
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше.*

* * *

После нас, а может, и после ядерного апокалипсиса, который нам настойчиво обещают, что останется на этих бескрайних и безлюдных пространствах? Когда разложатся ржавые скелеты ледоколов и баркасов, рассыпаются бетонные коробки опустевших домов и зарастут лесом (уже зарастают) непаханные поля, — какие же племена придут на эту землю, звуки какой же речи нарушат эту тишину и этот равнодушный покой?

Вот такие мысли бродят в голове у человека, посмотревшего это беспокойное кино. Эти скалы, базальты и граниты, как окаменевшие динозавры, встающие из моря, выветрившиеся пластины земного хребта, голый панцирь земли, по которой бродят такие неприкаянные люди.

Музыкальная стихия фильма заслуживает специального разговора.

Огромное внимание уделено звуковой партитуре фильма — рёву моря, шуму колес по гравию, крикам чаек на берегу, скрипу тормозов и гудению экскаваторов-чудовищ, крушащих дом, на месте которого суждено будет встать церква.

* * *

На фильм и его авторов, даже на актеров, обрушилась такая волна хулы и поношений, невиданная в

последние лет шестьдесят, что казалась просто невозможной. Правда, затем после международного триумфа, волна эта спала, но угомонились далеко не все: сама накаленная, нервическая общественная атмосфера провоцирует все новых ниспровергателей Андрея Звягинцева и его команды. За истекший год атмосфера еще более накалилась.

Ольга Седакова писала:

«Остов огромной рыбы (или кита) — постоянный задник происшествий *Левиафана*. Этот символ обладает огромной суггестивной силой, тем большей, что авторы не собираются его “расшифровывать”... Оказывается пробитой глухая стена запрета и самозапрета: рушится общий заговор не то что “говорить об этом”, но “видеть это”, видеть целиком, во весь его рост... Последующую за ним музыку истории нам еще предстоит услышать. Впрочем, я думаю, что она уже зазвучала: для меня очевидно, что фильм Звягинцева закончен в “докрымскую эпоху”... В *Левиафане* отношения “властей” и “подвластных” уже подошли к черте прямого антагонизма».

Не знаю... Художник не работает над сегодняшними новостями, он творит в каких-то других, *своих* временах. Еще в фильме «Елена», снятом четыре года назад (а если иметь в виду замысел — то и все пять), показаны все основные механизмы народного самооправдания и инстинктивного хищного выживания, позволяющего себе преступать любые заповеди и законы, что так проявилось в последние два года. Есть принять этот лаг, года через три, мы поймем, про что был «Левиафан».

* * *

Три уровня задачи. История Иова — иск человека к Богу, сотворившему его и мир. Бесконечная и неисчерпаемая тема.

Социология Т. Гоббса пытается разобраться в делах людских не то чтобы без участия Бога, но с опорой на логику и разум доказывает, что людям лучше договориться между собою и отдать часть своей свободы «искусственному человеку» — государственной власти, управляемой законами, нежели жить в страхе «войны всех против всех».

История Николая, териберского жителя — это уже из иного времени, о возможности которого преду-

преждал Гоббс. О времени, когда Левиафан издох, кости его белеют на отмели, а люди оказались в сильном несогласии меж собою. Не могучая сила государства, величаяя поступь справедливого судьи, не мудро согласованный закон правит всеми, а своекорыстие и самые низменные страсти. Жизнь в оставленности.

«Без страха и надежды» — как сказал однажды Николай Карамзин. Без Бога и без Левиафана.

«Дьявол бессилен перед лицом Бога. Человек бессилен перед лицом смерти. А Бог бессилен перед выбором человека... Только в руках самого человека будущее этой триады», — писал А.Звягинцев в заметке к фильму «Елена»⁴.

Р.С. 9 февраля 2016 г. Ночь. Сдаю текст в печать, а по всей Москве грохочут бульдозеры, лязгают ковшами экскаваторы. Рушат, ломают, сносят. Уничтожают отныне не разрешенную властями собственность. Левиафан, однако.

Февраль-март 2015.

Январь-февраль 2016

Примечания

¹ Книга Иова – в русском синодальном переводе // Составление и комментарий В. Романенко. К.: Богуславкнига, 2013, с. 187).

² Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное, том 1. Издательство Братства во имя святого князя Александра Невского. 1999, с. 252.

³ А. Лебедев обращает внимание на проблему перевода трактата Т. Гоббса, на обложке издания 1651 г. которого напечатано: «*Leviafan, or the matter, forme and power of common wealth ecclesiasticall and civil*». Недостатком всех изданий на русском языке был неточный перевод, по крайней мере его названия. Первое русское издание вышло в 1868 г. Переводчики С. Автократов и В. Зайцев дали такое название: «Левиафан, или о сущности, форме и власти государства». В изданиях 1936, 1964 и 1991 гг. название было переведено иначе, а именно: «Левиафан, или Материя, Форма и Власть Государства Церковного и Гражданского»... Допустим и другой перевод названия трактата – «Левиафан, или сущность, форма и сила (могущество) государства церковного и гражданского».

⁴ В кн. «Елена». История создания фильма Андрея Звягинцева // Sygnnet. London, 2014, с. 56. □ □

ПЛАНЕТА ШЕКСПИРА

ЧТО ТЕБЕ СЛЫШИТСЯ В ИМЕНИ — ШЕКСПИР?

400 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Беседа нашего римского корреспондента, литературоведа и переводчика Александра Сергиевского с режиссером Владимиром Мирзоевым

Александр Сергиевский. Что тебе слышится в этом имени — Шекспир? Что тебе наиболее дорого в его творческом наследии?

Владимир Мирзоев. Слышится то же, что и всем, чья жизнь связана с театром: «потрясающий копьём» рыцарь драматургии, отважный, ироничный, умный, поэт и философ, квинтэссенция европейской культуры. Я люблю у Шекспира многие вещи — список получится не слишком оригинальный. Но тут вот что интересно: в каждый конкретный момент времени (и, конечно, в определенном месте) только один текст из этого корпуса шедевров становится вдруг агрессивно актуальным. Вдруг начинает вибрировать, как будто невидимая рука ударила по струнам. Режиссеры будто с цепи срываются — начинают ставить эту вещь наперегонки. Потом фокус перемещается, и всё повторяется снова.

А.С. Отличается ли (и если да, то в чём, как и почему) Шекспир театра от Шекспира кино? Естественно, речь не о жанровой и, так сказать, о технической стороне воплощения: на сцене и на экране?

В.М. Широкой аудиторией (и большинством кинематографистов) кино воспринимается как искусство безусловное, жизнеподобное. С этим, вероятно, поспорили бы многие мэтры — от Феллини и Бунюэля, до Линча и Тарантино — однако это факт на сегодняшний день. Поэтическая речь Шекспира часто входит в клинч с эстетикой натурализма. Хотя, с точки зрения композиции, его пьесы весьма киногеничны. Думаю, на сцене Шекспир чувствует себя свободней, естественней. Но для кино это всегда вдохновляющий вызов — экранизировать Шекспира. Я бы, по крайней мере, не отказался.

© Фото: Вактор Ярошенко

СЛОВО ГОДА — «ЛЕВИАФАН»

А.С. Есть ли разница между твоим восприятием его творчества в данное время и в то время, когда ты ставил его пьесы на сцене (в 1999-м — «Двенадцатую ночь» и «Укрощение строптивой» в Драмтеатре им. Станиславского, в 2003-м — «Лира» в Вахтанговском)?

В.М. Я уже отчасти ответил на этот вопрос. В 1990-х атмосфера в России была совсем другая. Мне, как и многим, тогда казалось, что страна эволюционирует в правильном направлении. Несмотря на войну в Чечне, несмотря на странные террористические акты в Москве и в других городах. Я знаю очищающую силу театрального смеха. Постановка комедий, в том числе и шекспировских, было моим осознанным выбором. В 2003-м (третий год правления Путина) атмосфера уже основательно изменилась. Началась ползучая реставрация. Пришло время говорить через Шекспира о неограниченной власти, о гражданской войне, о позднем прозрении тирана. Тогда мы с Максимом Сухановым решили делать «Короля Лира».

А.С. Как известно, Шекспир — автор на все времена: для каждой эпохи у него найдётся свой «месседж». Что можно отыскать у него, что актуально именно для текущей общественной и культурной ситуации в мире, и в России, в частности?

В.М. Сегодня я не смог бы ставить шекспировскую комедию. Ни за какие коврижки! В России всё слишком обострено, наэлектризовано, напряжение в обществе ощущаешь просто кожей. По-моему, сейчас, время «Гамлета» и «Шотландской пьесы». Интеллектуал против узурпатора на троне; христианин, стоящий перед экзистенциальным выбором: мстить за отца или прощать врага. Мистические озарения, пластичность человеческой души и т.д. В этих двух пьесах много всего любопытного. Вероятно, если бы я жил в Канаде или в Италии, мой выбор был бы другим.

А.С. Другой твой «фаворит» из числа зарубежных классических авторов — правда, в данном случае он автор современный — это британский же драматург Гарольд Пинтер. Ты, кажется, едва ли не единственный театральный режиссёр, по крайней мере в Москве, кто неоднократно обращался к его творчеству: дважды ставил

«Коллекцию» (в Торонто — в 1993-м и в Москве в 2000-м, если я правильно называю годы), «Предательство» — тоже как бы дважды: сначала в Театре Станиславского, а потом, в 2011-м в Вахтанговском; а в прошлом году — «Возвращение домой». И ещё, по-моему, был «Любовник» в качестве антрепризы, верно? Я смотрел этот блестящий спектакль в Театре им. Маяковского. Незабываемый дуэт: Евгения Симонова и Сергей Маковецкий. Я заговорил о Пинтере, естественно, в связи с Шекспиром, поскольку Нобелевский лауреат всегда упоминал великого предшественника в качестве своего главного наставника в искусстве драматургии. Так вот, наконец, и вопрос по существу: как они у тебя сопрягались в этих пинтеровских постановках? Тем более что ты осуществлял их в течение двух десятилетий.

В.М. В англоязычном мире есть недобрая традиция: пьесы Пинтера ставят «без выкрутасов», то есть так, как их когда-то ставил сам автор. Сдержанно, лаконично, в реалистических декорациях и пр. Но язык театра неуклонно эволюционирует в сторону поэзии: визуальные метафоры, аттракционы, синтез оперы, балета и драмы — всё это давно стало нормой. И что прикажете делать с драматургией Пинтера? Сбросить её «с парохода современности» из почтения к традиции? Гарольд Пинтер — прежде всего поэт (как и его великий наставник). Значит, дверь в его мир открывается поэтическим ключом. Заикленность отдельных режиссёров и критиков на той или иной эстетике я обсуждать не стану — это дело вкуса, таланта, умонастроения.

Свою задачу я понимаю так: проявить скрытые в пьесе смыслы. Для этого любые приемы хороши. Герои Шекспира весьма откровенны, они много, энергично говорят о себе, движения их души как на ладони. Другое дело, что они могут обманывать нас или обманываться на свой счет — так что нельзя всякое слово принимать за чистую монету. Психология персонажей Пинтера тоже невероятно сложна, но мы видим на поверхности лишь малую часть «айсберга», главное же спрятано под темной водой. Поэтому ставить Пинтера — всё равно, что распутывать загадочное преступление. Работа увлекательная, но не факт, что вся правда выйдет наружу.

А.С. И сразу — о другом учителе, на которого любил ссылаться Пинтер, — о Чехове. Стоит ли упоминать Шекспира в связи с чеховской драматургией? Сам-то он Шекспира читал? Встречал ли ты упоминания об этом?

В.М. Иванова иногда называют «русским Гамлетом». Есть шекспировские мотивы в одной пьесе «Калхас»... Думаю, Чехов похож на Шекспира (и на Пинтера) своим напряженным психологизмом. И ещё одно соображение: герои Чехова написаны реалистично, с подробностями, и в то же время они — часть культурного мифа. Возможно, это случилось потому, что жизнь чеховской России оборвалась раз и навсегда. Антропология советского человека — это уже совершенно другая история.

А.С. И вообще многим ли обязан русский театр наследию этого великого британца? Если да, то чем? Учился ли у Шекспира, скажем, Гоголь? Или Островский? А Салтыков-Щедрин? Ну, Пушкин, видимо, да... Скорее всего, и Тургенев тоже...

В.М. Автор «Бориса Годунова» внимательно и с карандашом в руках читал Шекспира. Об этом говорят и особенности композиции, и подход к истории — она раскрывается через психологию героев-антагонистов. А их внутренние монологи — собственно шекспировское изобретение. Эстетика Островского тоже связана с Шекспиром — хотя эти нити не столь очевидны. Это скрытая привязанность. В здании Островского нет «чердака» — метафизики, в этом, я думаю, главное его отличие от Шекспира. Салтыков — не вижу параллелей. Гоголь как драматург находился под обаянием итальянцев, возможно, Мольера. Из русской классики самое мощное влияние Шекспира испытал А.К. Толстой.

А.С. Что для тебя лично было наиболее значимым, интересным у Шекспира, когда ты над ним работал? Что считал обязательным донести до русского зрителя?

В.М. Шекспир знает, что такое полнота бытия. Через его пьесы можно говорить о самом главном: о Боге, об одиночестве человека, о превратностях любви и дружбы, о политике, о вла-

сти. И всё это богатство опыта порой уместается в одной пьесе. Кроме того, любой текст Шекспира многослоен, его можно читать на разных уровнях: неискушенный зритель пропустит мимо ушей философию, сложные метафоры, но будет следить за поворотами сюжета; интеллектуал получит удовольствие и от того, и от другого. Но оба не умрут от скуки — это точно. Демократизм Шекспира — настоящий подарок для большой сцены, для залов тысячников, куда приходят и богатеи, и бедняки, и студенты, и пенсионеры.

А.С. Чем диктовался выбор тех пьес Шекспира, которые ты ставил на сцене?

В.М. «Двенадцатая ночь» была про силу иллюзий, особенно в любовных делах. «Укрощение строптивой» — отчасти инвектива, ироничная атака на патриархат. «Лир» — путешествие человека из Ветхого Завета в Новый.

А.С. Я вспоминаю твои первые спектакли в Москве по возвращении из Торонто: «Женитьбу» Гоголя (хотя, впрочем, ты поставил её во время одного из приездов из Канады, когда ещё работал там) и «Месяц в деревне» Тургенева. Эти постановки разделяло несколько лет, ситуация же в России в те годы менялась с умопомрачительной быстротой. И вот, попадая на каждую из них, я непременно — прямо в процессе действия — отчётливо понимал, что это (на определённом, конечно, «этаже» интерпретации) про «сейчас»: некая квинтэссенция событий и смысла происходящего на определённом, данном отрезке исторического времени. А в шекспировских сценических трактовках тоже такая интерпретация была заложена, или они всё же в целом — про другое?

В.М. В моем случае выбор пьесы для постановки всегда продиктован контекстом. Именно тот факт, что тексты Шекспира можно интерпретировать по-разному, иногда самым нестандартным образом, и делает их классикой. Разве могла бы эта драматургия путешествовать во времени, если бы не работала, как волшебный экран, для многих поколений, многих сознаний, чьи духовные проекции вновь и вновь оживляют шекспировских героев?

А.С. В вышеперечисленных, а также и в других твоих постановках по произведениям классической литературы, — как ты относился к авторскому тексту? Сокращал, и это понятно, а вот много ли добавлял «от себя»? Это я к тому, что в «Борисе Годунове», как ты сам признавался, вообще не было «отсебятины», хотя пушкинский текст, естественно, пришлось ужимать.

В.М. Я и мои коллеги — актеры неизменно верны духу автора и смыслу, заложенным в пьесе. С «буквой» мы позволяем себе некоторые вольности. Особенно в комедиях. И не только в комедиях Шекспира. Впрочем, этот подход имеет древнюю традицию. Как правило, в барочных комедиях зафиксированы актерские импровизации. Но сейчас многие из этих «шутков на злобу дня» вовсе не работают. Приходится импровизировать заново, ничего не поделаешь, иначе зритель не засмеётся.

А.С. А какие киноверсии шекспировских пьес ты бы отметил? И почему? Какие наиболее тебе запомнились: а) в мировом и б) советско-российском кинематографе?

В.М. Когда-то на меня огромное впечатление произвел «Гамлет» Г.М. Козинцева. Правда, я был тогда подростком. Мне и сейчас работа Иннокентия Смоктуновского кажется поразительной: это и глубоко, и странно, и очень эмоционально. «Макбет» Питера Брука. «Фальстаф» и «Отелло» в режиссуре и актерском исполнении Орсона Уэллса. Пожалуй, всё. Британские модернизации последнего времени, впрочем, как и американская модернизация «Гамлета» с Итоном Хоуком, меня не убедили. Почему? Трудно сказать. По-моему, в них не найден язык. Я имею в виду язык кино. Шекспир взывает к сильным формальным решениям, ему чуждо всё аморфное, нейтральное, среднеарифметическое.

А.С. В конце прошлого года в 10-м номере «Иностранной литературы» впервые на русском языке опубликована пьеса классика современной английской драматургии Говарда Баркера «Возможности». Прошло немногим меньше тридцати лет с того далекого 1987 года, как я ее перевел, а ты — год спустя, в 1988-м вместе с Владимиром

Климом — поставил ее на сцене тогдашнего Союза театральных деятелей (СТД) в помещении ДК им. Зуева. Кстати, «Возможности», кажется, так и остались единственным текстом Баркера на русском языке — по крайней мере, так было к моменту публикации пьесы в «ИЛ».

Так вот, в этой связи: опирался ли Баркер в «Возможностях» на традиции шекспировского театра, и если «да», то в чем?

В.М. Единственное, что мне приходит в голову, — это его работа с архетипами. Причем работа поэта. Баркер не игнорирует ни политическую, ни социальную реальность, но преобразует её с помощью поэтической оптики. В результате конкретно-историческое пространство обретает черты мифологического, герои же — символический статус.

А.С. Что, на твой взгляд, роднит театр Шекспира (и если взять еще шире, — той эпохи) с его довольно очевидной кровью и жестокостью — и «театр жестокостей» Баркера? Можно ли так ставить вопрос, или это — исключительно мои личные домыслы?

В.М. Думаю, тут может быть аналогия по линии экстремальных состояний. Индивид, вынужденный убить родственника, зарезать патрона — это не вполне тот же человек, который, скажем, нервничает, решившись на адюльтер. Разные модальности. Думаю, «театр катастроф» Баркера исследует, в первую очередь, катастрофы сознания, а потом уже историю или политику. В этом смысле Баркер подхватывает традицию, а именно панпсихологизм Шекспира.

А.С. И под занавес — заключительный вопрос: нет ли у тебя в театральных или кинематографических планах намерения поставить что-нибудь по «Вильяму нашему Шекспиру»?

В.М. По-моему, теперь самое время для «Шотландской пьесы» — и в театре, и в кино. Местом действия могла бы стать сельская местность где-нибудь в районе Херсона. Да и «Гамлет» сегодня прозвучал бы мощно. Но я бы хотел поставить эту вещь на телевидении — чтобы текст работал на полном объеме. Серий восемь или двенадцать. □ □

ДНЕВНИК 2015 года

----- 2 февраля 2016

«Personne n'est parfait», «никто не идеален» — французы часто отвечают так, если кого-то ругаешь, а они несогласны. У каждого — свое представление о соотношении плюсов и минусов, при балансе — да, никто не идеален. Но есть такие минусы, при которых плюсы, если бы они и были, стираются навсегда, и наоборот. Таким образом, у меня, есть мои собственные ад, рай и чистилище, везде полно народу. 28 января вспоминали, что прошло 20 лет со дня смерти Иосифа Бродского. Написанное поэтом делает для меня совершенно неважными какие бы то ни было его «минусы», он — в моем раю.

1 февраля — 85 лет со дня рождения Бориса Николаевича Ельцина. Минусов много, но плюсы такие, что моя благодарность неизменна в течение четверти века. Помню, как в 1991 году я с ужасом думала о том, что уже ничего невозможно исправить: голод, гражданские войны — цена на нефть, как всегда, подвела. Не представляла себе, чтобы кто-нибудь добровольно захотел стать президентом угасающей страны. Ликвидация «совка» — легко сказать, он же пророс в жизнь, во все здешние жизни! И вот пришел Ельцин. Цены на нефть упали еще ниже, так и сопровождая все его правление (8-9 долларов за баррель, насколько я помню). Но он сделал несколько основополагающих шагов: появилась частная собственность, свобода предпринимательства, гражданские свободы — свобода слова, митингов, демонстраций; Ельцин отменил выездные визы (многие сегодня даже не представляют себе, что это такое) и добился включения России в Клуб восьми самых развитых стран мира. Все, что у нас осталось хорошего, было заложено им.

----- 9 января 2016

ВЛАСТЬ

Мороз и свечка — ночь чудесная,
я с Уэльбеком на коленях
блаженствую, сиречь бездействую,
жду неизбежного, как пленник.

Мир сотрясается — в оргазме ли,
скрестив с диваном телевизор?
Палач и жертва миром мазаны
одним, но верх берут капризы.

Хочу, чтоб было всё по-моему,
и будет. Всем поочередно
дается острая штуковина –
власть. Над сурком или народом.

Штуковина лежит в чехольчике,
как дева скромная одета,
снять упаковку зуд игольчатый
велит — и никакого вето.

Власть над мужчиной или племенем,
над женщиной или прохожим,
она — от Магомета к Ленину –
все та же, «божья» и безбожья.

В пустыне Аравийской дяденьки
на казнь отправили поэта,
власть в голом виде в детском садике
они познали, справив кредо.

Мне вспомнились костры, освенцимы,
гулаги, гетто, войны, пытки,
программа нам уже известна ведь,
и можно предсказать убытки?

Закрылась книжка, воск весь выгорел,
а я, как честный биоробот
(раб божий), думаю о выборе,
но слышу только Рока клекот.

январь 2016

----- 31 декабря 2015

Думала, сегодня уже никаких новостей — ни-
чего плохого не будет, в предыдущие годы стара-
лись не портить людям новогоднее настроение,
но ошиблась: из Росреестра исключили 19 туро-
ператоров, среди которых два крупнейших: *Pegas*
(и все его отделения в крупных городах России)
и *Coral Travel*. Видимо, туриндустрию пускают
под нож, всё равно рубль с каждым днем дереве-
неет. «До основанья, а затем», вторая серия.

----- 28 декабря 2015

В конце года политологи и экономисты дают
свои прогнозы на следующий, сбывается при-
мерно тот же процент, что у гадалок и ясновид-
ящих. Причем угадавший один раз, в связи
с чем к нему прислушиваются, как правило,
потом попадает пальцем в небо. Я знаю одно-
го французского ясновидящего с поразитель-
ным даром, но он никогда не дает прогнозов
urbi et orbi, только индивидуальные. Выдержки
из мрачных предсказаний французов о мировых
событиях:

А хорошего ведь никогда не предсказывают!
Хотя ситуация и вправду на грани.

P.S. Имена процитированных ясновидящих:
Nicolas Duquerroy из Ангулема, *Alexandre de*
Manbert из Марселя, *Anne-Lyse Lacourt* из Пари-
жа, *Jérôme Morel* из Сюрена, *Carla Caffè*, *Noham*
Lecabel, *Océane*.

----- 25 декабря 2015

2015-й

Цапки и Чайки. Дно. Стучат.
Два ПЕНА: исполком и чат.
И в телевизоре кричат.
Аресты. Обыски. ИГИЛ.
Растет количество могил.
Ночь. Кремль. Убит Борис Немцов.
В кольце законов подлецов
опричник празднует свой день:
не как какая-нибудь тень,
тайком, подстрелит он людей,
включая женщин и детей,

а с полным правом, без затей.
 Восток наставил нам рога.
 Прибавка к образам врага.
 И к образАм: открылся ставень,
 а там в сиянье славы Сталин.
 Египет, Турция. И Псков
 с мятежным Шлосбергом. Песков
 уныло сказывает сказки.
 Лишь дипломат, отбросив маски,
 сказал как есть: дебилы, бл@@@.
 И рубль теперь не поменять.
 Твою же, ну твою же мать!
 Шайтан ты, оборотень адский.
 В России грех — признать вину.
 Ведь церковь тоже за войну.
 Клешнями цокает по дну
 разжалованный лобстер в рысе:
 тут дальнбойщики на трассе,
 там миллиарды на кону.
 Зато Москва сияет в ярких
 огнях, как в триумфальных арках,
 кипят под ними в мультиварках
 большие страсти, овощ, фрукт –
 Москва всё переварит, Брут.

декабрь 2015

Давно заметила, что буква Ч в последние тридцать лет — весьма специфическая, как бы от слова «чрезвычайный»: Чернобыль, Чечня, Чубайс, Черномырдин, и вот одновременно уволены Чаплин и Чапнин, обещают туда же — Чурова (еще есть Чуркин), ну и скандал с Чайкой. А началось это Ч с Чикатило. Ну, когда-то с ЧК, понятно, но в последние десятилетия стало ходовым выражение «У нас ЧП»

Даже написала два дурацких стишка когда-то про Ч — в 1998 и 2002-м:

***

Время Ч обращалось Чернобылем,
 Черногорьем, «черемухой» (газом),
 Чикатилой, Чечней, черножопыми,
 как говаривали беломазы.
 Черномырдин с Чубайсом чекрыжили
 черноусый терновник страны,

чрезвычайно не нравятся рыжие
 всем чертям, как кошмарные сны.
 Время Ч — испытанье истории,
 госэкзамен на званье «народ».
 Охрнительные территории,
 обалденный на них недород.

ноябрь 1998

ЧАСЫ Ч

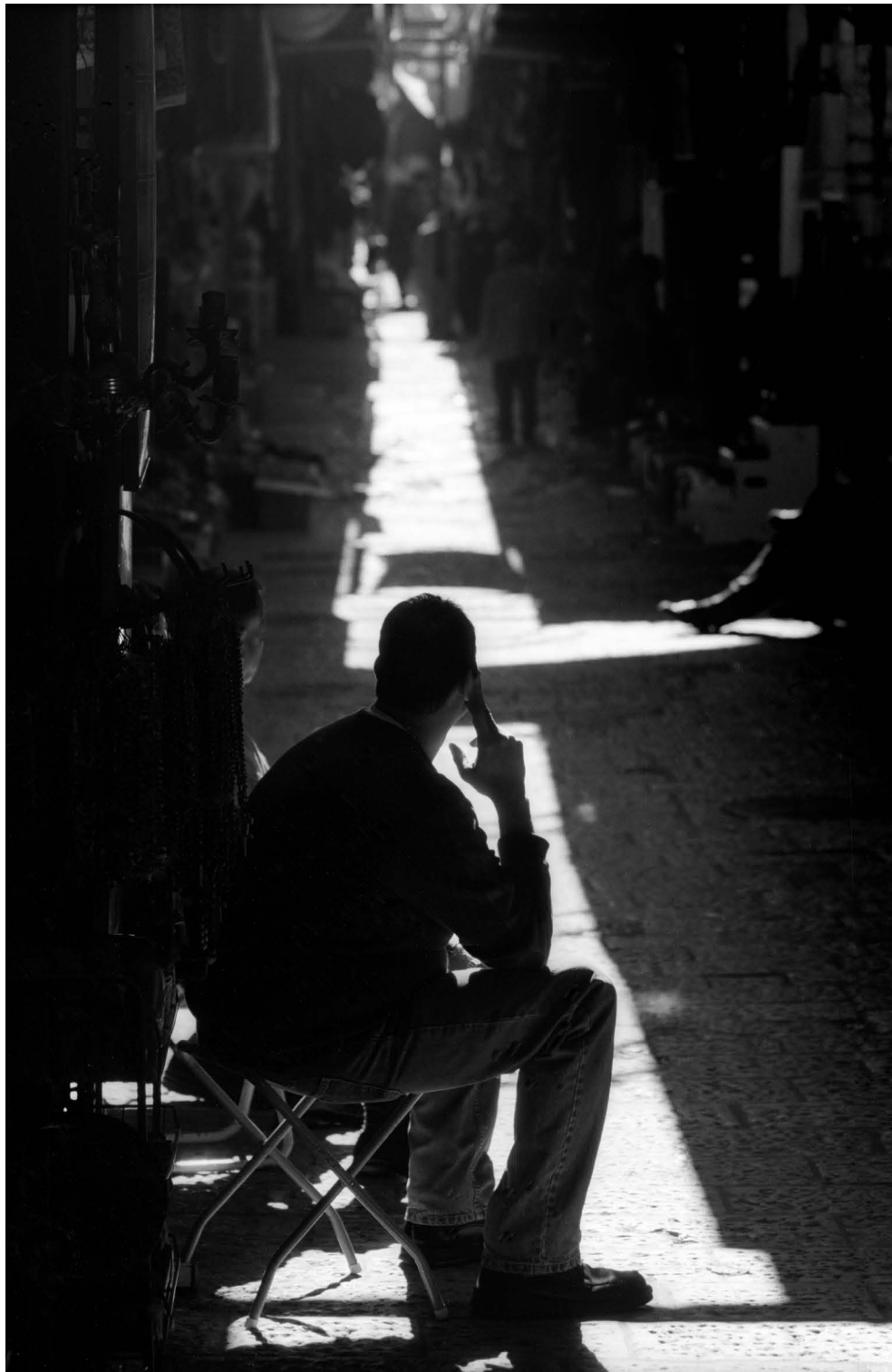
Печать початая как ноль влечения,
 как боль внучатая от источения
 волны с частицею частей волнующих.
 О чем печалиться в мечтах всё чующих:
 что вскок не выскочит, в печенках сидючи,
 и слов не выцедит, продувшись в ситечко,
 фонтан не вспучится пучком безбашенным
 над очи-черными, над отче-нашими.

Что нет мучения — в том плюстик
скрюченный
 в плюс к ощущению, что жизнь замучила
 по совокупности и по чуть-чутьке.
 Несусь по улочке, всей дозой суточной
 конечность чувствуя, час ч — причастия
 себя к отсутствию. Сейчас я в частности,
 в изжоге ягодной и в кофе чашечкой,
 в лучах нарядные блестят мордашечки.

июль 2002

-----24 декабря 2015
 придумала новогодний слоган:
 Вата в бороду — 2016-й в ребро.

19 декабря в аукционном доме «Антиквариум» состоялся аукцион самиздата — такой аукцион проводился впервые, и коллекционеры жадно скупали лоты. Поскольку моих самиздатских книжек и даже просто машинописей и рукописей, оставшихся с тех времен у разных людей, оказалось много (продано было всё), меня попросили написать для каталога о том, как делались мои подпольные, но «эстетские» издания.

Самиздат

«Но можно рукопись продать» — так то ж уникальная рукопись, а не ксерокс с машинописи! Первым моим изобретением были рисунки, которые я печатала на пишущей машинке. Если буквы и значки печатать без интервалов, они составляют узор, похожий на раннюю компьютерную графику. Я вставляла их в книжку, а потом в каждом экземпляре раскрашивала от руки акварельными красками и пером. Переплет тоже был непростой — холст, который мы красили дома, картонка с рельефной подкладкой и маленький машинописный рисуночек на обложке. Эти мои книжки стоили по тем временам дорого, если были раскрашены целиком. Но были варианты: совсем без раскраски или раскрашенные наполовину. И это было еще не все.

Я стала изготавливать в собственной ванне «мраморную» бумагу, подобную той, которую ставили на форзацы и обложки (с кожаными корешками и уголками) книг в XVIII-XIX вв. Прочла рецепт этой бумаги в старинной французской книге, купила масляные краски, растворитель, ватман. Труд этот был физически тяжелый, но интересный. Обнаружила, что у разных красок — разная поверхность натяжения: одни разбегаются по воде ровным кругом, другие расплазуются змейками, третьи ложатся крапинками. Вариантов спечатать получившийся рисунок с воды было несколько. Каждый лист получался уникальным. Моя бумага понравилась профессиональным переплетчикам, и они стали ее покупать для своих нужд. А мои книги в нее переплетал мой тогдашний муж, лихо освоивший это искусство, так что и ему стали поступать заказы на переплет.

В какой-то период я увлеклась классической китайской литературой, философией и каллиграфией. И следующие книжки делала рукописными — текст, и рисунки, тушью и пером. Фотограф Александр Ефремов придумал красивые фотографические обложки к двум из них. Самиздатское дело развивалось и совершенствовалось, но тут СССР увял вместе со своей цензурой, потом и вовсе распался; отпала и необходимость в самиздате.

14 декабря 2015

Итог внешнеполитической активности года я бы обозначила выражением моего детства «назло дяде нос отморозил», а внутривнутриполитической — выражением моей юности «сидеть молчать стоять бояться».

12 декабря 2015

«Сегодня день памяти Конституции», — написал один френд. А я-то удивлялась, проезжая мимо Пушкинской, что Страстной бульвар оцеплен внутренними войсками, на Пушкинской площади — ОМОН, тут ставили фото перекрытых выходов из метро, пришедших на площадь, в том числе, одного из авторов Конституции — Георгия Сатарова; лидера «Яблока» Сергея Митрохина (с крамольным плакатом «соблюдайте Конституцию») задержали

20 ноября 2015

Новости дня: сегодня в Израиле было два теракта: в Тель-Авиве и Гуш-Эционе — пятеро убитых. Это третья по счету тактика террора. Были «громкие» теракты смертников с большим количеством жертв, потом ракетные обстрелы, теперь — убивают прохожих и автомобилистов по одному.

В Париже тем временем мусульмане отменили назначавшийся на завтра сбор у главной мечети для выражения скорби и сочувствия (сказали, произнесут молитву внутри). В Марселе трое напали на учителя-еврея, когда он возвращался из школы домой. Порезали ножом, не насмерть. Один из нападавших был в футболке с эмблемой запрещенного в России сами знаете чего. А в Бельгии некие «молодые» (так их зовут во французской прессе, les jeunes) сели в поезд, завладели громкоговорителем машиниста и на весь состав произносили угрозы смерти пассажирам, а потом что-то пели по-арабски. Организатора последних парижских терактов и еще трех, которым помешали, ликвидировали. Чрезвычайное положение во Франции продлится три месяца. Надо надеяться, что после катастрофического провала французских спецслужб в этом году они днем и ночью будут думать только про асасинов (как я) и рыть им большой зиндан.

А про самолет наш бедный, погибший А-321, не говорите, пожалуйста: «вот и ответ на бомбардировки в Сирии», что я уже много раз видела в разных записях. А убийство карикатуристов — за «неправильные» картинки в Шарли, да? Терракт в кошерном супермаркете (тогда же, в январе, в Париже) — за то, что еврейский, верно? Повторю мантру, с которой начала свою статью про парижские теракты: «Никаких оправданий терроризму».

----- 16 ноября 2015

Вызов на ковер истории (размышления после парижских терактов)

НВ. Никаких оправданий терроризму. Кто не согласен, может дальше не читать.

Странное выражение — «откуда ноги растут» — в данном случае подходящее: тех самых мест, из которых они растут, скопилась критическая масса. Балканы — из кроваво распадающейся Югославии, от войны 1990-х, бежали в основном в Бельгию. Беженцы создали террористическую ячейку в одном из районов Брюсселя, постепенно этот район, Моленбек, стал штабом исламистов из разных стран. С бельгийскими паспортами и номерами машин были двое или трое убийц парижской Пятницы, 13-го. Убийцы Ахмад-Шаха Масуда тоже были из Бельгии (напомню, это убийство означало зеленый свет мегатеракту 11 сентября 2001 года). И почти ни один теракт не обходился без выходцев из этой ячейки. Прямо из столицы Евросоюза.

Война в Афганистане родила бенладенцину, война в Ираке — игиловщину, революция в Египте — «Вилаят Синай», революция в Ливии — хаос, Сирия почти уничтожена. Потоки беженцев разносят бациллу хаоса по Европе, ИГИЛ, будь он неладен, как Бен Ладен (извините, это нервное), растет и ширится. Полагается добавлять «организация, запрещенная в России», хотя это сама очевидность: какие еще приписки орде головорезов! Во Франции ИГИЛ называют «Даиш», как аббревиатура звучит в оригинале, чтоб не внушать многократным повторением

слова «государство», будто это настоящее государство. Хотя у «Даиша» есть доходы, инфраструктура и территория в Ираке, но разбросано оно повсюду и везде вне закона.

«Даиш» пытается вытеснить существующие государства, заменив их собой и создав «всемирный халифат». Но оно — не государство, скорее, армия. Исполнение военных приказов, рубка голов под запись, теракты по всему миру и своя версия ислама, призванная извести прочие. Государство отличается от военизированного образования разнообразием: в нем есть искусства и науки, какая-никакая свобода и единство территории. Созданное и существовавшее первые десятилетия как террористическое, советское государство все же было государством. Подчинить весь мир своей утопии пролетарского Интернационала в планах тоже было, но утопия износилась до дыр, и ткань распалась. Впрочем, история ткется, как бесконечный ковер, на который нас периодически вызывают. И дыры, и оторванные клочья, и пятна, и нарушенный узор — все это влияет на следующие петельки, ряды, и рисунок возникает, какого никто не ждал и не хотел.

Парадокс в том, чтоб без идеи-веры-порыва ничего не зарождается, вот и Франция создавалась как христианское государство, сарацинские набеги отражала в свое время, чтоб не впустить в страну, не нарушить «христианской чистоты». Но идеи же несут самые большие войны и разрушения. Прежде идеи сталкивались армиями, и победитель был всегда прав. Теперь и войны не кончаются ничем, и мир пиксельный: каждый прохожий, посетитель кафе или концерта может оказаться мишенью и жертвой такого же на вид прохожего и посетителя.

Франсуа Олланд заявил после парижских терактов, что это война. И правильно заявил. Все называемые претензии — «а вы вторглись в Ирак, а вы бомбите Сирию, а вы крестonosцы, а вы неверующие, а вы рисуете и пишете то, что нам не нравится» — не имеют значения. Да, военные интервенции послужили спусковым крючком, как Первая мировая война позволила больше-

викам взять власть, но это прошлое уже соткано, а мы имеем дело с тем, что есть. Первый удар исламского фундаментализма по мирному постороннему человеку на моей памяти произошел в 1989 году, когда иранские аятоллы приговорили писателя Салмана Рушди к смерти за его книгу. Не пишите, не рисуйте, не говорите, не ставьте елки на Рождество, поскольку мы рядом, нас это оскорбляет, и мы будем убивать вас у вас же дома. С этим смириться нельзя.

Я соглашусь с утверждением, что все сегодняшние/вчерашние «вершители судеб», политики, плохи. Каждому можно зачитать длинный список совершенных им преступлений и прегрешений. Но вот возникает линия фронта — она теперь проходит не по госграницам, и ее непросто распознать, — и вопрос остается один: могут ли эти плохие люди защитить цивилизацию или сдадут ее с потрохами. Мир стал устроен, как Израиль, чересполосицей: клеточка «своих», рядом клеточка «своих, но чужих», следом — совсем чужих, от которых можно ждать любой напасти, и все ходят по одним и тем же улицам.

В ситуации войны главное — понять, кто по какую сторону фронта находится. В самоопределении не только государств, но и индивидуумов (поскольку глобализация, прозрачный мир, кочевая жизнь), казалось бы, не должно возникать сложностей, однако это и есть камень преткновения. Теоретически Россия должна быть вместе с Западом против общей угрозы, при этом мы все время слышим, что Запад — враг, который хочет нас уничтожить, но и его враги — тоже наши враги. Франция говорит, что в Сирии всем нужно действовать сообща, вместе с Россией, иначе террористов не победить, но по Асаду договориться невозможно: Россия — за, Франция — против. Израиль не одно десятилетие живет с чуть ли не ежедневными терактами, а Европа поддерживает тех, кто эти теракты осуществляет. Потому что это не те террористы, которые взрывают Европу, а другие. Ход последней израильской «интифады ножей», когда арабы (и палестинцы, и израильские арабы) подходили к прохожим евреям и израильским военнослужащим и вса-

живали в них нож, французская пресса освещала коротко: убит один палестинец. Два, три, пять. А про то, что убивали убийц, — ни слова. В это же время в Европе придумали маркировки товаров, произведенных на «территориях», как их называют в Израиле, или «оккупированных территориях», как их называют в Европе: «Бойкот Израиля». Так с кем же и против кого мы будем бороться вместе?

После всемирного сочувствия Франции после терактов возникли обиды. Израильцы — что их теракты не взволновали мир, и кенийцев (в апреле было убито сто пятьдесят студентов), и ливанцев (двойной теракт в Бейруте накануне парижских). Теракты были недавно и в Нигерии, да где только не!.. Обиды напрасны: теракты стали рутиной, каждый оплакивает тех, кто ближе.

Я жила в Париже и бывала во Франции множество раз. Для меня это почти вторая родина, знаю Израиль, а вот в Кении и Ливане быть не доводилось. Сегодня Франция — светское государство, но исторически это сердце христианской цивилизации, которую мы теперь называем просто цивилизацией. Париж всегда был для жителей России городом мечты, и устроенная там бойня вызвала шок. Только что вытерли слезы — две недели назад погиб наш самолет, 224 человека, и это до сих пор не названо терактом (догадываюсь, почему — у самих насчет самолета, как раньше говорили, «рыльце в пушку»).

Вот что делать со всеми этими «рыльцами»? Как провести черту, чтоб сказать, что да, сукин сын, но это наш сукин сын, а тот не наш? Вспомним, что перед Второй мировой войной и в ее первой фазе вопрос стоял столь же остро: «сукины сыны» преследовали каждый свои интересы, в результате получилась чудовищная мясорубка.

Только в официальном реестре зарегистрированных во Франции радикальных исламистов больше 11 тысяч человек. Одному из смертников Пятницы 13-го было 15 лет. Террористы — что ИГИЛ, что «Хамас» — очень любят посылать на смерть детей, сызмальства обучая их убивать.

О каких только моделях мироустройства ни мечтали всевозможные энтузиасты, но вот о такой — никогда.

Премьер-министр Франции Манюэль Вальс сказал, что готов выслушать предложения всех партий: что делать? Принял решение лишать французского гражданства и высылать из страны. Эта процедура была введена в 1848 году, когда был издан декрет об отмене рабства. Любой замеченный в рабовладении француз лишался гражданства. Потом эта мера принималась в обеих мировых войнах, во Второй — гражданства лишились 15 тысяч французов. В 1998 году закон изменили (закон Гигу он теперь называется), с тех пор лишить французского паспорта можно только носителей двойного гражданства, получивших французское менее десяти лет назад. А существенный массив джихадистского призыва — это молодые люди и подростки, родившиеся во Франции, дети и внуки эмигрантов. Один из них, взорвавшийся 13 ноября смертник, был осужден восемь раз и все восемь — тюрьмы избежал.

<...>На следующий день после терактов все французские партии обратились к МИДу с предложением пересмотреть дипломатические отношения с Россией в сторону большего сотрудничества и прояснить их с Саудовской Аравией, Катаром, Турцией и Сирией. То есть с государствами, которые являются союзниками Франции, но вместе с тем имеют контакты с джихадистами.

Главный редактор «Фигаро» после терактов написал колонку, заканчивающуюся так: «Чтоб выиграть войну, нужно ее вести». Ведется она, надо сказать, давно, но количество терактов только растет. В 2012 году по всему миру произошло 8500 терактов, которые унесли жизни почти 15,5 тысячи человек. А в 2014 году уже 13 тысяч 463 теракта, погибли 32,7 тысячи человек, 34,7 тысячи ранены. Около 9,4 тысячи человек были похищены либо взяты в плен.

Ковер истории чернеет год от года, мы, конечно, будем продолжать наносить на него свои

жизнерадостные рисунки, но очень важно добраться до производителей черных ниток и прикрыть их смертоносную фабрику. Наилучшим выходом было бы поскорее внедрить альтернативные виды энергии, когда-нибудь так и будет, и черная фабрика разорится сама, потому что имя ей — нефть. А пока надо день простоять да ночь продержаться, выводя из строя вражеские станки. Выиграть войну со смертниками невозможно, но многих можно обратить к жизни. Нас вызвали на ковер истории, надо сосредоточиться.

<http://gefter.ru/archive/16604>

----- 10 ноября 2015

Думаю, надо записать и свои соображения по поводу акции Павленского, поскольку акционизм сегодня — единственное высказывание, создающее общее дискуссионное поле. Жест в реальном пространстве. В России он, понятно, политический и жесткий, в ответ жесткому акционизму политических структур и лиц.

Кино, литература, живопись такого поля больше не порождают: каждый тихо сидит со своей книжечкой, смотрит свой фильм или спектакль — искусство стало внесоциально. Возможно, потому, что предложение велико, и выбирает кто что для собственного просвещения или удовольствия.

Что мне показалось важным и невероятно смелым в жесте Павленского: то, что он требует судить себя за терроризм. Потому что других за аналогичный поступок судят как террористов. А что кажется сомнительным (цитирую вопрос Медузы и ответ искусствоведа Марины Семендяевой): «А если бы Павленский вашу дверь поджег — это что, тоже было бы искусством?»

– Поджог моей двери должен был бы указывать на какие-то действия, которые я совершила или совершаю и с которыми не согласен художник. Но если бы я написала про него неприятную статью, а он бы в ответ поджег мою дверь, это было бы простым сведением счетов. Искусством это стало бы в том случае, если бы возник дополнительный смысл в результате взаимодействия бензина, моей двери, моей позиции по какому-то вопросу — и позиции Павленского».

С моей точки зрения, ничья «позиция по какому-то вопросу» не может стать основанием для того, чтоб его дверь подожгли.

В данном случае, Павленский поджог не «чью-то дверь» — акция звучит так: КГБ уничтожает людей десятилетиями, а я лишь лизнул пламенем вход в этот тайный орден, высветил его. Понятно, что дверь тут же потушили, пожар не имелся в виду. И все же. Подражать его предыдущим акциям вряд ли кто стал бы, надеюсь, и эта не повлечет за собой эпитонства.

----- 7 ноября 2015

МИРОУСТРОЙСТВЕННОЕ

Есть лица плоские — это равнины,
 есть лица рельефные — это горы.
 Глаза теплого океана — карие,
 холодного океана — серые.
 Скелет — дерево-кочевник,
 но чаще сидит, свесив корни
 и шевеля ветвями.

Нейроны в мозгу — карта звездного неба.
 В темноте черепной коробки
 звезды живут собственным светом
 и отраженным,
 подзаряжаясь во сне.
 Вселенная — это голова!
 В холод нейроны застывают узорами инея,
 в жару прыгают как угольки на жаровне,
 вообще ничего не соображают, а их
 85 миллиардов.

Рты — черные дыры с истерзанными зубами,
 за ними — разветвленная внутренность,
 проводки, капилляры высокого напряжения,
 сеть, такая же, как грибница:
 знает, что время ее разрушит, и порождает
 гриб,
 чтобы он раскидывал споры все дальше
 и дальше.
 В жопе мира — выхлопная труба:
 электрочеловек еще не вполне разработан.
 Программист всего этого счастья

и веб-дизайнер рады, что проект развивается,
 а службы спасения, аварийки и неотложки,
 уже устали.
 Ну потому что ну сколько можно.

ноябрь 2015

----- 2 ноября 2015

***

Поэзия, как вязанье крючком.
 Получаются шарфики, шерстяные и шелковые,
 до пупа, до колена —
 аксессуар для горлышка, а не в горле ком,
 речь больше не внутривенна.
 Нейроны теперь предаются лени,
 ложась рядком,
 речь — для наружного применения,
 как одежда, и моль ее — хакер,
 строчки/строчки, в них главное — маркер:
 ватники незаживающей зоны,
 растревоженные вышиванки
 и ноль надежды.
 Кальсоны-канцоны — подарки,
 а в горле ком —
 эпитафии бомб, в рифму — в столбик идущие танки.

октябрь-ноябрь 2015

----- 31 октября — 1 ноября 2015

Об авиакатастрофе молчу. Шок. С первых минут уверена, что теракт (само место, момент и резкое падение с «эшелона», с десятикилометровой высоты), но «пересуды» неприятны. Читаю: либералы считают, что это теракт, а «патриоты» — что техническая поломка. Казалось бы, при чем тут... Но в иных категориях уже никто разговаривать не способен ни по какому поводу. Ставлю в фейсбуке ссылку на live (по-русски и слова то нет, «новости в режиме реального времени») и «намекаю» одним официальным сообщением:

«Рано говорить пока о выводах. Разрушение произошло в воздухе, и фрагменты разбросаны на большой площади». На следующий день вспоминаю свою статью 2009 года об авиакатастрофе рейса «Эр Франс», тоже на высоте, всё похоже, включая ложь, последовательность версий, согласование «политической целесообразности». Тогда я детально изучала происходящее: <http://polit.ru/article/2009/06/11/nlo/> Меня потом спросили: чем кончилось? Ничем. У нас кончится, когда всё согласуют. Потому что есть смысл.

-----27 октября 2015

Лечу в Красноярск на книжную ярмарку, КРЯКК. В этом году она — про путешествия, сидела всю ночь, чтоб собрать два файла с текстами, собственными и Бродского. Что обнаружила: как испортилось время. «Бродский-тунеядец» — детский лепет по сравнению с тем, что светило бы ему сейчас за многие тексты. Эссе «Путешествие в Стамбул», если б оно было написано сегодня, не могло бы быть напечатано ни в одной стране, а если Бродский запостил бы такое (условно говоря) в фб, то 282-я статья — в каждом абзаце, «оскорбленные верующие» сразу двух видов расстреляли бы его, как «Шарли Эбдо» (только тут не карикатуры, а размышления), а потом шли бы на демонстрацию, чтоб показать: так будет с каждым. В общем, ссылку на эссе найти легко (с прошлого, к счастью, спросу нет), а отрывок привожу «скромный».

Заодно отмечу, что вчера получила литературный журнал «Stand» — британский, но присланный из США (спасибо моему переводчику James Kates), со своими стихами, так бандероль была вскрыта по краю ногтем. В советское время, помнится, народ возмущался перлюстрацией писем, а была она, по слухам, целым искусством, вскрывали незаметно. Сейчас каждый сказал бы: спасибо, что проверили, а то мало ли: бомба, отравка, экстремистская литература. Как увидели стихи, сразу поняли — фишня ☺.

-----25 октября 2015

Была на концерте «Последнего шанса» и вот что подумала — в который раз: 1) Старое всегда любимее нового; 2) Миша Яснов — изумитель-

ный детский поэт (и переводчик стихов с французского); 3) Впервые я услышала «Последний шанс» (еще с Володей Шукиным) примерно 37 лет назад, в лоне театра Жени Харитоновой (он же писатель, он же руководил Театром мимики и жеста), и лет 30 не слышала вовсе. Невероятные цифры. Женя умер 35 лет назад.

-----20 октября 2015

В 1997 году я написала 16 эссе на темы Яна Амоса Коменски (первая протозэнциклопедия), поделиться именно сейчас хотела одним текстом оттуда (а напомнили организаторы Красноярской Книжной Ярмарки, процитировав в релизе эти давно забытые сочинения):

ГОСУДАРСТВО И СТРАНА

Кажется, что государство и страна — разные вещи. И что страна — хорошая, а государство — плохое. Скажу как гражданин с большим опытом (б/СССР, России и — виртуально или, как раньше говорили, в душе — Франции): разницы нет.

Король, пять республик, социалисты у власти, правые у власти — ничего не менялось. Тот же изящный вкус, инстинкт красоты, азарт соблазна, те же Декарты и Дерриды, те же Тартюфы, Гарпагоны, те же Нострадамусы. Немыслимое в России: дома XIII века, сохранившиеся там и сям по Франции при всех переворотах и войнах, стоят крепенькие, ухоженные, и в них живут люди. С Версальского дворца перышка не упало, от Нотр-Дам камушка не отвалилось.

«В государственном деле нужно извлекать пользу из всего и не должно пренебрегать тем, что может оказаться полезным» (Ришелье).

«Когда большинство людей мечтают о славе, государство счастливо и процветает, если большинство мечтают о богатстве, государство гибнет» (Сен-Жюст).

«В корне всякого патриотизма лежит война: вот почему я не патриот» (Жюль Ренар).

«Патриотизм хорош для африканцев и азиатов, для русских это уже подозрительно, во Франции это похоже на маразм, продвинутые умы должны быть патриотами других» (Ж.-М. Домнаш).

«Для того чтобы сделать страну богатой, надо поселить во все сердца честолюбие. Чтобы сделать ее бедной — надо породить в них отчаяние. Первое возбуждается трудом, второе утешается ленью» (*Монтескье*).

Все гоголевские закидоны: коррупция, в т.ч. борзыми щенками, Хлестаковы и Акакии Акакиевичи, приписки мертвых душ, лужа посреди Миргорода — на месте. Чеховская скука, мерлихлюндия, вырубка вишневых садов, провинциальная интеллигентность и хамский здравый смысл — на месте. Достоевщина — не то слово. Есенин («снова пьют здесь, дерутся и плачут, вспоминая великую Русь») и Блок («под насыпью во рву некошеном лежит и смотрит как живая») — на месте.

Пастернаковское «прощайте, годы безвременщины» актуально, когда ни вспомни.

Ну и Бродский, «пасынок державы дикой с разбитой мордой» — то, чего ни в одно время ни один француз не сказал бы. Французы поют: «Нежная Франция». Россия любит тиранов, ибо рыхлая страна, у нее лишь дух противоречия побеждает лень, и жесткое государство сметается — сказка про белого бычка. Проблема — выйти из сказки, проснуться из «золотой дремотной Азии, опочившей на куполах», встать Иванушке-дураку с печи, Обломова на мыло, а Франции, наоборот, — только подбавлять грез и аборигенской мощи.

1997

-----19 октября 2015

Сначала у нас перестали работать оба лифта, вскоре отрубилась телевизионная антенна, еще минут через десять отключилось электричество во всем доме. Сижу со свечами и смартфоном — он тут пока единственный признак жизни. *Примечание*: самый центр Москвы.

-----18 октября 2015

Сегодня образовалась Школа «Хороший текст», где я буду читать лекции и вести семинары. Зачислили первую группу студентов, происходило все в Доме-музее Пастернака, поскольку

ку Лена Пастернак, внучка и хранительница Дома — завуч будущей Школы. Она показала мне соседний дом с большим участком, всё заброшено и поросло крапивой — это дом Фадеева, там он и застрелился. И рассказала, что в этом доме никто не смог жить, хотя многие пытались — все кончало с собой. А однажды приехала компания типа «братков», им было наплевать на дурную славу места, но вскоре к ним приехали какие-то другие «братки» и всех их перестреляли. С тех пор никто даже не пытался.

-----16 октября 2015

Страшно раздражает пропаганда. Местную давно отключила, только наблюдаю ее волшебное воздействие на тех, кто смотрит ТВ. Сталина, правда, избежать не удастся: книжные магазины суют его под нос, в интернет-магазинах, когда ищешь нужную книгу, вместе с ней показывают и несколько обложек. Сейчас вот искала на Озоне Роберта Каплана («Мечь географии»), так к ней пристраивают: «Рекомендуем также: «Сталин. Экономика без кризисов — залог Великой Победы» и «Экономика Сталина». Если найдуличный магазин, куплю в нем, не найду — куплю в большом муравейнике, произнося мантру: спасибо, что пока есть разнообразие.

Теперь про другую пропаганду. Газета «Фигуро» — правая, замечу (в левых это само собой), день ото дня дает новости: «убит один (два, три) палестинец в ходе израильских налетов». Или — «в результате конфликта». Да что ж такое! Тамощные арабы, как палестинцы, так и граждане Израиля, развернули «интифаду ножей», т.е. резали — ранили или насмерть — прохожих и военнослужащих. Последние их «нейтрализовывали» (ранили) или «ликвидировали» (убивали). Что естественно и, например, по поводу США не вызывает никакой «озабоченности»: там выхходит в народ некто, начинает стрелять — его тут же убивают (что-то часто это стало происходить). Израиль же в своей пропаганде как бы оправдывается: показывают террориста, которого прооперировали, вылечили — видите, мол, как мы заботимся о террористах, а вы говорите, что мы их убиваем. А ситуация ведь проста и ясна, и странно это называть «конфликтом», и писать об уби-

тых нападавших, умалчивая об убитых жертвах нападения.

Сделать два государства — еврейское и арабское — невозможно по географическим причинам, поскольку там — шахматная доска: клеточка еврейская, клеточка арабская. Принудительное переселение, чтоб можно было провести четкую границу, ничего не даст: из-за религиозных святынь, которые никто никому не уступит. Мир тоже невозможен. Не исключено, что израильская «шахматная доска» станет реальностью и в других странах.

----- 13 октября 2015
<http://argumenti.ru/tourism/2015/10/419185>
«Правильная страна» (Швейцария)

<...>К нынешней волне беженцев швейцарцы относятся с двояким чувством. С одной стороны — жалеют их, вынужденных бежать от войны, каждый кантон проголосовал за то, чтоб принять небольшое количество, но всех строго проверяют, и лишь удостоверившись, что перед ними человек, чья жизнь находится в опасности, принимают; остальных отправляют восвояси. «Повезло, что я живу в нейтральной стране!» — думает каждый швейцарец. Но кроме сострадания к тем, кому не повезло, возникает вопрос: «А что беженцы будут теперь делать? У нас же нет свободных вакансий!»

----- 12 октября 2015
«Швейцария как Belle Epoque»
<http://snob.ru/profile/10984/blog/99168>

----- 10 октября 2015 г.
«Нобель Светлане Алексиевич»
<http://gefter.ru/archive/16192>

<...>То, что написали нынешние писатели официоза про Нобелевскую премию Алексиевич, пусть цитируют потомки, но реакция их показательна.

<...>Нобелевскую премию по литературе впервые дали жанру «вербатим». Возмущенные, как водится, соотечественники считают, что кни-

ги Светланы Алексиевич — не литература, а журналистика.

В чем же разница? Литература говорит о человеке, состояниях, процессах или не говорит ни о чем, а просто считается литературой. Журналистика бывает разной, и сегодня граница между «фикшн» и «нон-фикшн» открыта. Книги «нон-фикшн» уже не раз получали литературную премию «Большая книга». Трилогия Павла Басинского о Льве Толстом стала литературным произведением, а не еще одной биографией. Потому что она — о человеке во времени и времени в человеке, и Лев Толстой тут — персонаж, несмотря на документальность.

Литература — это язык, не «что», а «как». Утверждение, верное лишь отчасти. Да, бывает, что читаешь одну страницу, и язык сразу сообщает, что дальше читать не стоит. Бывает и наоборот.

<...>Это литература, которой я предпочитаю журналистику. Тем более что в последнюю четверть века родилась целая плеяда блестящих журналистов, выпустивших и очень важные книги, собственно писательские же достижения весьма скромны. Книги Светланы Алексиевич — это множественные портреты людей в предельной ситуации. Гражданская война, мировая, Афганская, Чернобыль — в одних случаях люди рассказывают о встрече со смертью вчера, в других — о том, что было десятилетия назад. И даже когда прошла целая жизнь, как в монологах стариков, впервые вспоминающих страшные вещи.

<...>Алексиевич выстраивает монологи так, что в каждом — жизнь, а не суждение, персонаж, а не плакат. Собрание этих советских жизней и персонажей образует огромный иконостас мучеников и мучителей одновременно, уверовавших в коммунизм до конца своих дней или гонимых этими верующими, или без раздумий подчинившихся неизбежному. И это, безусловно, литература, монументальный памятник эпохе.

<...>Нобелевская премия тоже ежегодная, но присуждается *honoris causae*, писателям, дав-

но существующим в литературе. «Политическая» составляющая непременно присутствует: интересных авторов в мире много, почему именно сейчас премию решают дать этому, а не другому, столь же достойному? Карта мира и исторический момент играют роль. Тем не менее, я, например, не могу понять, почему лауреатом 2013 года стала Элис Манро — за рассказы в классической традиции американской литературы, ничем особо не примечательные.

Премия французам Модiano в прошлом году и Леклезю еще пару лет назад — а почему не Уэльбеку, который взорвал неспешный ход французской литературы последних десятилетий? Потому что он — «скандал», он — о сегодняшних язвах, и он неполиткорректен. Прямо перед Модiano премию дали Елинек — «скандалу», не факт, что важному. Может, решает случай. И так было всегда, это не «загнивание» премии, как некоторым кажется. Были премии Камю и Томасу Манну, а была и Клоду Симону. Греческие поэты Сеферис и Элитис прекрасны, но Кавафис заслужил премию не меньше, только на него «греческой квоты» не хватило. Случай. На мой вкус — одна десятая премий правильна, остальные — непонятны.

<...>Премия Алексиевич важна и в смысле момента ее присуждения. Насилие нарастает по экспоненте, география его расширяется, Россия воюет и уже второй год проводит «информационную мобилизацию», кольцо локальных очагов насилия грозит сомкнуться. В этой ситуации дать Нобелевскую премию документалисту, собравшему тысячи историй «маленького человека», которого принудили к насилию, и у него не было выбора, — это гуманистический жест. Насилия он не остановит, зато Алексиевич прочтут те, кто не читал, несмотря на довольно большие тиражи ее книг в мире, и их картина мира станет яснее.

-----3 октября 2015 г.

Прочла две тысячи страниц Войны и Мира XX века (третья тысяча по-русски еще не вышла, по-английски есть): том 1 — «Гибель Гигантов», вокруг Первой мировой войны; том 2 (начала с него) — «Зима мира» — вокруг Второй миро-

вой. По всем странам: Германия, Великобритания, Франция, Испания, США, СССР, Япония. Читала и то, и другое, как про нынешнее время. Вообще, в последнее время самое завораживающее чтение — о том, как постепенно начиналось брожение этой военной темы, как никто в начале века войны не хотел, но весь уклад «повело», а в 1930-е двое хотели стать властелинами мира и надеялись друг друга переиграть. Не знаю, буду ли я с таким же интересом читать третий том, когда он выйдет (там же, небось, послевоенные подъем и эйфория, а это сейчас не наш тренд), но буду. Автор — знаменитый британский писатель Кен Фоллетт. Прежде его не читала, но эта трилогия — просто писательский подвиг, рекомендую.

-----2 октября 2015 г.

Октябрь уж наступил. Он грозил выпустить целый колчан отравленных стрел в великих страгетов. Тут и Нидерланды с докладом, а то и трибуналом по «Боингу», тут и завершение суда по делу Литвиненко с уже известным в общих чертах вердиктом, и миллиарды по делу «Юкоса», и что-то еще задонбаситься собиралось, а тут — раз, и Сирия, всеобщий кошмарный сон, в который прилетели великие стратеги, и сон обещает стать то ли более кошмарным, то ли менее, и для кого как, а поскольку я ничего в Востоке не смыслю, то вспоминаю только Гога и Магога да Вангу («еще Сирия не пала») и читаю, что пишут специалисты.

-----19 сентября 2015

Вспомнила в связи с массовым приступом ностальгии по 90-м — народное творчество конца 80-х:

1. Перестройка кончится перестрелкой.
2. Товарищ, верь, пройдет она,
Так называемая гласность.
И вот тогда госбезопасность
Припомнит наши имена.

(вариант: Товарищ, верь, пройдет она, эпоха пи**ежа и гласности, и на дверях госбезопасности напишут наши имена.)

Некоторые завтра пойдут на митинг в Марьино, некоторые — на праздник 90-х, а я — на 88-летие своего отца.

----- 17 сентября 2015

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ВЕЧНОСТЬ

Попав на Пелопоннес, я почувствовала себя Шлиманом, раскапывающим золото Микен. Дело, конечно, не в золоте, а в открытии, что «Илиада» и вся древнегреческая литература рассказывала нам не мифы, а историю...

Немея — близко от Микен, там сохранился только стадион (правда, не сравнить с сохранностью стадионов в Дельфах и Олимпии), зато немейские вина — лучшие в Греции. Купив две бутылки у виноделов, мы отправились в Микены.

<...>

Жара стояла невыносимая, хоть и середина сентября, потому до вершины микенского холма мы не добрались, да там ничего, кроме циклопических камней, и не осталось. «Златообильные Микены» переселились в музей. А вот Эпидавр, куда мы отправились следом — это как раз чудо под открытым небом. Тут был «всесоюзный» греческий санаторий, вотчина врача Асклепия (он же Эскулап), получившего бессмертие за свой великий талант. Воспитывал его кентавр Хирон (он был и наставником Геракла, Ахилла, Ясона), что, конечно, вызывает вопрос: неужели кентавры тоже — правда?

<...>Конечно, по пути мы заехали в Нафплион, один из красивейших городов Греции, но целью было — припасть к истокам. Следующим пунктом шел древний Коринф, в музее которого — классическая скульптура, сфинкс, амфоры, колесницы, глиняные части тела (благодарности Асклепию от исцеленных, как позже — серебряные руки-ноги в христианских соборах), а на открытом пространстве — храм Аполлона и множество развалин Агоры. <...>Коринф основал Сизиф — хитрый и коварный человек, наказанный за это богами, зато его город стал самым

богатым в Элладе. Черную керамику поставляли из Коринфа по всей стране. И коринфский ордер колонн — разумеется, самый пышный. Неудивительно, что в этом логове роскоши возник протестный герой-аскет, философ Диоген, живший в бочке.

<...>Вернувшись на Пелопоннес, поехали в Олимпию, где в сентябре, у подножия храма Геры, зажигали олимпийский огонь. Олимпийский музей хранит настоящие сокровища: статую Гермеса с младенцем Дионисом работы Праксителя, статую Ники, скульптурные композиции подвигов Геракла, битвы с кентаврами, а на просторах древней Олимпии сохранились колонны храмов и гимнасиума, стены гостиницы, мастерская Фидия и стадион. Юпитер (Зевс), Меркурий (Гермес) так же всегда сияют на небе, как и свергнутый Пифон (созвездие Дракона), и Девкалион (созвездие Водолея), и Орел, и Лебедь, в облики которого Зевс околдовал Леду. Время (Кронос), против которого восстал его сын Зевс, не поколебало древнегреческой вечности.

----- 7 сентября 2015

В свой час к Сизифу, царю Коринфа, считавшемуся самым хитрым, коварным и алчным из греков, пришел бог смерти Танатос. Но Сизиф, собиравшийся жить вечно, схватил его и заковал в кандалы. Зевс придумал для наглеца, посягнувшего на основу миропорядка, изощренное наказание: катить в гору тяжеленный камень, который срывается вниз, как только Сизиф вкатывает его на вершину, и повторять все сначала. Такая вот вечная жизнь в бесплодных усилиях....

В районе моего дома, в центре Москвы, каждый год роют землю: снимают плитку, положенную прошлым летом, кладут новую. Сейчас еще и проезжую часть сузили, сделав широченные тротуары. Смотрится красиво, а предыдущей задаче — борьбе с пробками — дали под зад коленом: ходите пешком по новым променадам, машины только воздух портят. Тоже верно, и все одно камень летит вниз: нашу «Силиконовую долину» каким только силиконом не накачивали, да враз плюнули — не получается. Атмосфе-

ра не та: воздух спертый, деньги разворовывают, так лучше сразу оставить их себе. Свобода и демократия в России чем опасны: скинут тех, кто уже приватизировал страну, а им что — ну рухнет камень в пропасть, так он всяко рухнет, потому что государство Сизифово. Потом человечки опять покатают его в гору.

Пока государство Сизифово, век воли не видеть, но подменить Сизифа Гераклом, как бывало, воображение теперь отказывается. По крайней мере, без Армагеддона. Вера сизифовых человечков в бесконечное вставание с колен исчерпалась, уже не хочется ни Португалию догонять, ни сверхдержавой прикидываться, ни чтоб «как в лучших домах Лондона и Филадельфии» — и сами устали пыжиться, и они все, буржуи, партнеры, враги, «чистейшей прелести чистейшие образцы», переживают не лучшие времена.

<http://gefter.ru/archive/15829> Сизифово государство

----- 20-25 августа 2015

Для режиссера Олега Сенцова прокурор просит 23 года строгого режима. РБК описывает суть дела, а я, не зная, поджигал он офис ЕР или не поджигал (за что какие сроки дают, в статье тоже есть), пытаюсь понять по-человечески.

<...>«Члены Европейской Киноакадемии обратились к властям России с открытым письмом, в котором призвали немедленно освободить украинского режиссера Олега Сенцова. Письмо опубликовано на сайте академии, в числе подписавшихся — режиссеры Агнешка Холланд, Стивен Долдри, Аки Каурисмяки, Кен Лоуч, Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, Вим Вендерс и актер Даниэль Ольбрыхский».

Знаменитые кинорежиссеры всего мира теперь если и будут изображать нынешнюю РФ, то как страну карикатурную, где зло торжествует, а идиотизм зашкаливает.

Казнокрадство в РФ похвально, если не превышать определенную статусом квоту, кто превы-

сит, того могут и в колонии месяц помуржжить. А патриотом своей страны, если без двойных стандартов, быть опасно: так, думаешь, если б Германия вернула себе вдруг Кёнигсберг, а какой-нибудь русский стал протестовать, и немцы засадили бы его на 20 лет, как бы мы их назвали?

Сегодня из Олега Сенцова сделали героя, как умела делать героев советская власть.

----- 24 августа 2015 г.

История тридесятого государства. Краткий курс. <http://gefter.ru/archive/15751>

----- 23 августа 2015

***

Осень — от слова осы.

Когда кончается лето, они прилетают, опыляя страхи, пронесет ли, и иногда пронесит.

Перекресток августа-сентября,
где взрывались оси,
силы зла пронзали кожный покров добра —
это были осы, очень большие осы,
когда пронесило, было ура,
но мурашки на коже
заострились в иголки ежика,
а добро зороастрилось в бобра.

Что готовит осень —
вопрос никогда не праздный,
не коса подкосит, так подползет оса,
ни на что я более не горазда,
ни на трепет, ни на побег в леса,
кожа — шагренева подкладка
нас, обернутых в небеса
зодчих мира, в котором рушится кладка.

август 2015

----- 20 августа 2015

Про ГКЧП, который все же победил. 19 августа 1991 г. меня разбудил ранний телефонный звонок с радио «Свобода», штаб-квартира которого была тогда в Мюнхене, и я жила там же.

Мне сказали, что Горбачев свергнут, путч, и чтоб я быстро ехала на станцию, вникла и что-нибудь по этому поводу написала бы. Писать было некогда (обычно я писала текст, который назывался «скрипт», и сама же его зачитывала для эфира), я просто подошла к микрофону и стала говорить. Это было что-то вроде воззвания. Сегодня, наверное, его никто не помнит, а тогда многие слышали и говорили мне об этом, когда я вскоре приехала в Москву.

В Мюнхен, на радио, в день путча прилетела целая когорта «прорабов перестройки». Помню Юрия Афанасьева с выражением ужаса на лице. Я не очень-то верила, что Горбачев был вправду арестован, мне казалось, он сам хотел «сдать назад», поскольку всё ползло по швам, но реальности не знаю, конечно. Как бы там ни было, 21 августа наступил катарсис. Наивный, но ведь советские люди, включая антисоветских, не могли быть другими, живя за железным занавесом и имея очень смутное представление о мире, политике, экономике, истории, демократии. «Экономика должна быть экономной» — да, это помню.

Что же произошло в результате? Все, кто хотел, страшно поумнели и развились, жизнь постепенно преобразилась (несмотря на все издержки, я всегда буду благодарна Ельцину за свободу слова и передвижения, за то, что зажили «как люди»), но преступления советского режима не были осуждены законодательно, и как-то само собой вышло, что КПСС свергли, а место ее занял КГБ. В брежневские времена, по слухам, это были две противостоящие друг другу «партии». После победы над ГКЧП все веселились, приговаривая: «Забил заряд я в тушку Пуго». 24 года прошло.

-----17 августа 2015 г.

Сидим у папы на даче под яблоней, на которой ни яблочка. Саша говорит: «Моя бабушка, в шуйской деревне, когда яблоня не плодоносила, ходила вокруг нее с топором и говорила: «На следующий год не дашь яблок — срублю. И это действовало». Отец подтверждает: «Да, действует безотказно. Деревья живые, они все понимают». И добавляет: «Писал статью, и написал там о цивилизации грибов. Через день смотрю —

белые грибы выросли под елкой. Потом еще написал о грибах — снова белые на участке. И так три раза».

-----15 августа 2015

По поводу православного талибана с наглым названием «Божья воля» (они же — братья «Ночных волков», назвались бы тоже волками), разрушившего в Манеже скульптуры Вадима Сидура, классика, умершего тридцать лет назад, можно, конечно, сказать и словами министра Лаврова — «дебилы, бл@дь» — но это все больше и больше лицо сегодняшней России. РПЦ не отрешивается от погромов, говорит, что надо рассмотреть, не нарушает ли и выставка закон, защищающий православных. Погромщиков, говорят, отпустили из полиции.

Но вот какие есть новости: сегодня одна очень-очень православная знакомая сказала мне, что терпеть нет сил, ситуация ухудшается, исправить ее уже нельзя, и она хочет уехать. Подарила мне ангела прекрасного.

Вчера другой знакомый, очень-очень русский человек, впервые обсуждал со мной ту же тему, с завистью рассказывая о тех, кто уже подготовил себе плацдарм за пределами РФ. Что касается меня, то я полгода назад сняла крестик, который носила с юности. Чтоб на мне не было опознавательного знака, который мог бы ассоциировать меня со всем этим угаром.

Николай Травкин справедливо написал: «Церковники во главе с высокопоставленным священником пришли и устроили дебош на концерте “Серебряного дождя” — сошло с рук.

Сегодня они пришли и среди бела дня разгромили выставку в Манеже... И чего рупор СК генерал Маркин до сих пор не в телевизоре? Он же так красиво комментирует, когда картонки с забора воруют или в храме кто станцует».

-----12 августа 2015

В 2000-х в ходу был мем: «Мы проснулись в другой стране»: такое изумление-возмущение отменой губернаторских выборов, сжиганием книг «нашистами», политическими убийствами и арестами. Имелось в виду, что эта «другая страна» принципиально хуже той, что была накануне.

Говорили так вплоть до прошлого года. Теперь, наоборот, хочется проснуться в другой стране, потому что эта стремительно превращается в город Глупов, будто перед Угрюм-Бурчеевым, Брудастым, Бородавкиным и Негодяевым стоит задача сделать сказку Салтыкова-Щедрина былью. Уничтожение еды внезапно оформило эту стилистику.

----- 2 августа 2015

Были в гостях у академика Юрия Алексеевича Рыжова, которого я знаю со своих без малого семи лет. Приехали Катя, его дочь, и Оля — мои одноклассницы. Ю.А. вспоминал историю, одним из творцов которой он был: например, одно время возглавлял комиссию по национальной безопасности и писал ее концепцию, где первым пунктом была безопасность личности, вторым — общества, третьим — государства, при соблюдении пп.1 и 2. В свои 85 лет он работает, пишет и огорчается провалу демократии. Посидели на «московской кухне», как в старые времена.

----- 25 июля 2015

С утра прочла, что депутаты хотят вернуть 58-ю сталинскую (она же 70-я брежневская) статью УК. Тогда это называлось «антисоветская агитация и пропаганда», сейчас — «антироссийская пропаганда», но суть та же: власть не тронь, о ней — либо хорошо, либо ничего. До десяти лет лагерей предлагается («без права переписки», хочется мрачно пошутить).

«Комитет против пыток» закрылся, поскольку его признали «иностранным агентом». Пытки — это хорошо, это власть чк-гпу-нквд-мгб-кгб, которую наследники Дзержинского возвращали себе поэтапно, теперь надо восстановить всеобщий «одобрямс». Где «несогласные», там «оранжевая революция», как в 1991-м, когда свергли стацию, символизировавшую режим. Повторения очень боятся...

Сами эти законы удивляют: есть исторические факты, а получается, что не факты, а «мнения»: одни за то, чтоб считать так, другие — наоборот. Сегодня Россия оказалась одной из самых

опасных для жизни стран (152-е место из 162-х в рейтинге «мирной и спокойной жизни») — и это вроде ничего особенного, привыкли.

----- 23 июля 2015

Умер EL Doctorow, автор романа «Регтайм». Однажды он был у меня в гостях и подарил свою книгу «Жизни поэтов» («Lives of the poets»). Это было, как я вижу из подписи, 19 июля 1986 г., тогда нам, жившим в советской зоне, начал открываться мир, так что эту встречу я и сейчас помню в деталях. RIP.

----- 20 июля 2015

Начиная с 2012 года с особым чувством читаю книги про 1930-е: волосы шевелятся на голове от узнаваемости. Вот и сейчас о том же: Кен Фоллетт. Зима мира. Роман — историческая панорама. Полная география — Германия, Великобритания, США, Испания, СССР.

Главный герой — британец, социал-демократ, смыслом жизни которого стала борьба с фашистами. Другие герои, социал-демократы в Германии 1933 г., единственным методом борьбы считают просвещение и убеждение, они против насилия и уподобления «методам врагов» (ложь, пропаганда бешенства во имя возрождения нации, отжимание бизнеса у политических оппонентов, разгром их изданий, ненависть к либералам и т.д.) — проигрывают вчистую. В среде с.-д. одни — за смычку с коммунистами, другие против. Во время войны в Испании герой видит, что насилие и остальные «методы» идентичны у обеих сторон. (Еще до середины книги не добралась, она толстенная.)

В мирной жизни есть люди, и нет геополитики, воспаляется она в мрачные времена. Тогда же вместо людей появляется народ.

Сегодня читаю, что 70% греков — за подписанное соглашение (опрос), а только что 61% был против (на референдуме).

----- 10 июля 2015

Екатерина Гениева. Героическая женщина. Никогда не сдавалась. RIP.

----- 7 июля 2015

«Сверлийцы»

Посмотрела последнюю часть «Сверлийцев» (шесть опер в пяти представлениях). Как назвать это? Драматический театр, оперный, поэтический, музыкальный? Не то. Повествования — героев, событий, течения времени — нет. Спектакль — воплощение сна, который невозможно пересказать, поскольку его реальность располагается при выключенном навигаторе бодрствования. Слова и фразы, появляющиеся на мониторах — в контексте музыки инструментальной и голосовой, видеоряда на заднике и постепенно спускающихся сверху фонарей, похожих на светящиеся воздушные шары — звучат как поэтическое высказывание. Хотя собственно высказывания нет, но слова, вроде «святофор», зажигаются как те самые фонари. Возвратные глаголы написаны правильно: делаеца, обращаеца, поскольку видеть бесконечные -ться вместо -тся и наоборот стало совершенно невыносимо.

Глядя на сцену, попадаешь в бездну. Она не плоха и не хороша, ансамбль сидит треугольником посреди движущейся, временами застывающей лавы (это постапокалипсис), она же — морские волны или струящийся эфир, или реки крови, или белые снега, или желтые поля — все меняется в зависимости от света, который их окрашивает. Исполнители — в театральных костюмах, они тоже меняют свой цвет, все вместе или по отдельности. Они — не актеры, не персонажи, поскольку не двигаются и не разговаривают, хотя и персонажи — живые статуи, у каждой — свой образ, происходящие с ними изменения — это придающий им разные цвета свет. В некотором смысле цветомузыка. Видеопоэзия. Расшифрованный сон...

Я видела только первую, композитора Дмитрия Курляндского, и последнюю, композитора Владимира Раннева, оперы сериала, но тот ли это термин для действия без действия, персонажей (имиджей) без ролей, в истекшем времени, хотя спектакль имеет длительность — не знаю.

В первой опере есть движение, но оно — хореографическое, не «драматическое» (хореограф — Андрей Кузнецов). Там попадаешь на остров — все в ту же условную, но и прямо называемую Венецию — остров людей, которые совершают одни и те же механические движения с возгласом «давай», плывут на гондолах из пункта А в пункт Б и обратно, и это не вполне уже люди, среди которых есть и Русалка, и новорожденный Сверлёнш. Здесь нет «конфликта», на котором строится всякая драматургия, поскольку нет добра и зла. Сценография Степана Лукьянова настолько прекрасна, что даже если не вслушиваться в смыслы (они будут проникать в зрителя сами, если он не взбунтуется, безнадежно ожидая «классического театра»), от нее не оторвать глаз.

Режиссер и автор либретто — Борис Юхананов, Электротheater «Станиславский».

----- 29 июня
Высшие и низшие (по мотивам 37-го ММКФ)
<http://gefter.ru/archive/15567>

----- 26 июня 2015
Зимой 2001 года я стала писать роман-предупреждение о том, что случится мегатерракт — думала, что на саммите в Генуе, атакой самолетов, поскольку в открытом доступе вычитала, что Бен Ладен именно это и собирался сделать. В результате это было 11 сентября. Роман бросила, когда убили Ахмад-Шаха Масуда — все уже было ясно. Сегодня вспомнила (14 лет прошло!) в связи с терактами в Тунисе, Кувейте, Франции (там террористу взорвать завод не удалось, только голову директору отрезал и вывесил на ограде с джихадистским флагом). Я написала довольно много статей об ислаимизме, но в последние годы говорить уже поздно и даже действовать поздно, но все же лучше, чем бездействовать и тем более содействовать (а политики стран-мишеней склонны ко второму, отчасти и к третьему варианту).

Сюжет предполагался такой: уважаемые спонсоры джихадистов тайно встречаются в Тунисе в конце 90-х, там же баскская террористка и австриец-католик, который идет на «тактиче-

скую смычку» с исламистами, которым он обещает помощь в обмен на то, что они оставят Европу в покое. Сегодня это уже очень наивно.

----- 22 июня
Ночччь
<http://gefter.ru/archive/15509>

----- 9 июня
О медицине. Неделю назад мне сделали операцию. Когда я решила, что ее нужно делать, записалась к районному хирургу и позвонила приятелю-хирургу, работающему в известной государственной больнице, сказав, что возьму направление и приду. «Не надо никакого направления, — сказал он, — хруст купюр твое направление». Я пошла к районному хирургу, и он предложил прооперировать сам (бесплатно), тут же, в поликлинике. Поскольку он уже трижды мне помогал, излечив от разных болячек, я рискнула. Рана болела, конечно, но ничего не воспалилось, с каждым днем лучше. Сразу после операции я спросила хирурга, можно ли ему позвонить, если что. Он дал карточку, там написано «врач-хирург высшей категории». Пока она лежит перед глазами, выучила имя-отчество: Гаджихалил Мурадалиевич, очень симпатичный скромный человек. Знаю немало случаев, когда дорогая медицина оказывалась хуже бесплатной или недорогой. Превращаясь в коммерсантов, врачи будто теряют профессиональные навыки.

----- 4 июня 2015
Сегодня ночью умер давний близкий друг, Коля Климонтович. Все дальше уплывал от густонаселенного берега и вот скрылся из виду. Я залезла в шкаф, где лежат альбомы со старыми фотографиями, и сразу наткнулась на несколько с Колей, второй половины 90-х. Вечеринка у меня дома, и мы в каком-то клубе, наверное, очередная презентация. Интересно, что у меня дома Коля был со своей тогдашней женой, и там же была Лена, ставшая его второй женой. Теперь вдовой. Коля был шармёр, бретёр, гусар, гуляка, не случайно в газете «Коммерсантъ» он вел светскую

хронику, а потом написал язвительный роман «Последняя газета». Писателя Климонтовича, наверное, все знают: «Дорога в Рим», «Скверные истории Пети Камнева» и много других романов и пьес. Коле было всего 64 года.

----- 9 июня 2015
Колю похоронили. На отпевании думала о том, что такая черта, отделяющая жизнь от смерти, нужна: пение, запах ладана, какой-то метафизический ритуал проводов, и еще думала, что прежде церковь была органической частью жизни (читаю сейчас мемуары дочери Густава Шпета Марины Густавовны — там это тоже очень видно, пока весь уклад не сменился сплошными расстрелами и ссылками), а сейчас речи священника я воспринимаю как неправду. И его самого как непонятно кого. В церковь давно не захожу... РПЦ Кирилла напрочь отвратила меня от этой культуры.

----- 30 мая 2015
ГРОЗА

Гроза сливает источники, мочит скарб, сверкает очами темная вата неба, маньяк и убивец, Иван Чингисханович
Скрепа
по прозвищу Грозный — крыса и краб.
Град его имени, Грозный, встает во фронт, царь его — фронт, воинственный и серьезный,
грозовой — а каким ему быть еще — фронт идет, и святую блудницу несет на юг.
Поздно учить историю — там уют в гостеприимной позе,
черный, чугунный, уютить плывущих рад, и вопрошать — ны бяши ли то не лепо?
Род уютгов — жгуций напалмом род.
Серый как крыса, ушлый как краб, народ ляжет под, свернется хамелеоном Скрепы, по прозвищу Грозный, и подождет, пока не придут перемены — перистые облака.

май 2015

----- 24 мая 2015

Приехав, прочла о «конце Эха Москвы», но это вовсе не конец радио, а постепенно наступающий конец эпохи, который мы называли «новой Россией». Теперь реконструируется старая Россия, не какого-то определенного образца, а по кусочку из разных периодов, чтоб был «собираемый образ», как учили в школе на уроках по русской литературе. Иосиф Бродский, которому сегодня 75, не понял бы, что это за полусуп-полукомпот, а Алеша Парщиков, которому сегодня же был бы 61 год, не удивился бы.

----- 5 мая 2015

Другая победа

<http://gefter.ru/archive/15022>

----- 21 апреля 2015

Посмотрела сегодня эстонско-грузинский фильм «Мандарины» (один из номинантов на «Оскар»), я бы безусловно предпочла его «Идее». Там речь о грузинско-абхазской войне, а герой — последний из оставшихся эстонцев, в Абхазии было целое эстонское село. Он спасает двух раненых, одного грузина, другого — чеченца, наемника, воюющего за абхазов. Они — враги и мечтают только о том, чтоб убить друг друга. Потому что война. И герой постепенно примиряет их, фильм, собственно, о том, что враг — это противоположность человеку, и то, за что воюют, не стоит того, чтоб убивать в себе человеческое.

----- 10 апреля

Зло №1

<http://gefter.ru/archive/14775>

----- 2 апреля 2015

Погибли в ледяной воде 56 моряков «Дальнего Востока» (+еще 13, видимо), пострадавших не может забрать вертолет МЧС. «Курск» был гигантским событием — над пропастью во лжи, а сейчас все уже происходит внутри пропасти, и сюжетобразующие события другие. г.і.р.

Вспомнила свою стихотворную реплику полутораговой давности (это когда выборы мэр-

ские были — кажется, лет сто назад, в прошлой жизни):

Дальний Восток утоп,
Ближний Восток горит,
сверху бомбят нон-стоп,
снизу ползет иприт.
Только стоит Москва
в пробках, в плену химер,
и говорит слова:
«если не кот, то мэр».

сентябрь 2013

----- 26 марта 2015

28-летний немецкий пилот, нормальный, не связанный ни с террористами, ни с наркотиками, с устойчивой психикой («он не мог» — по словам друзей), умышленно убивает 150 человек вместе с самим собой.

Изучив все детали во французской прессе, я внутренне спорила с вердиктом «самоубийство» — «это называется террорист-смертник, — говорила я себе — каковы бы ни были его мотивы, это человек, севший за штурвал, чтоб утянуть за собой на тот свет полторы сотни людей». Стала представлять себе возможные мотивы и... нет, не бывает таких мотивов, Брейвик расстреливал «левых», игиловцы — Шарли, тут всё это совершенно не работает. «Шизофрения, как и было сказано, — вспомнила я Булгакова. Внезапно поднимающийся внутри ветер, который говорит: «Тварь я дрожащая или право имею?». Вернее, вот как: «Вот и проверим, есть Бог или нет, если есть, не даст самолету упасть, несмотря на команды техники». Или включились рефлекс видеоигры: «Жмем сюда, кончаем эту двадцатилетней давности колымагу, пересаживаемся на последнюю модель». Или: «красота-то какая вокруг, горы, бездны, солнышко светит — остановись, мгновение, ты прекрасно».

И тут вспомнила свою статью трехлетней давности о беспричинных массовых убийствах (у нас такой был Виноградов, в США это с некоторых пор происходит регулярно). Просто

вдруг. Витает в воздухе Нечто (мое название статьи было *The Thing*) и вселяется то в одного, то в другого.

<http://www.mn.ru/society/85101>

----- 22 марта 2015
Интересные цитаты вспомнили в фейсбуке:

«Я был в Полинезии и спрашивал: “Почему, собственно говоря, каннибализм так процветал?” Они говорят: «Ну, в общем-то, в основном, у нас и войны были — как нет мяса у нас, так... в стране, так мы воюем, настреляем сколько надо, в общем, потом, говорит, остановимся. А потом спросили, говорят: «У вас тоже, — говорят, — была большая война какая-то?» Я говорю: «Да, была». «И сколько погибло?» «Миллионов тридцать...» Они говорят: «Ну что, всех съели?» Я говорю: «Нет...» «А зачем же, — говорят, — тогда воевали?»

Владимир Высоцкий (из выступления 12 апреля 1979 года)

----- 16 марта 2015
<http://gafter.ru/archive/14123> Родина

----- 9 марта 2015

На убийство Бориса Немцова

***

Настоящий орден в России — пуля.
Золотой пистолет золотым героям
белыми нитками черному делу
крестики шьет — узелки на память.
Красной нитью сбегает струйка
через века, взрываясь фонтаном,
если праща наделяется властью,
орден плаща с кровавым подбоем,
где рифмуются казнь с казною.

март 2015

----- 8 марта 2015

В последние дни исламисты уничтожили древние Моссул, Нимруд и Хатру (мировое на-

следие ЮНЕСКО), т.е. ту самую Ниневию. Пророка Ионы не нашлось. Или его не стали слушать.

ТЕПЕРЬ ЗАПИСИ.

Vladimir Emelianov, шумеролог, приводит отрывок из Книги пророка Софонии: «И прострет он руку свою на Север, и уничтожит Ассур, и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня» (у него можно почитать подробнее). А вот другая его запись:

«Дождь» просится поговорить о разрушенных ассирийских ценностях. В воскресенье по скайпу. Тяжелый будет разговор.

После Мосула и Нимруда мы видим, что такое современный фундаментализм и чем именно он отличается от большевистского варварства. Если большевики хотели сравнять с землей только предыдущий уклад жизни, да и то покушались в нем преимущественно на КРЕСТЬЯНСТВО как оплот ХРИСТИАНСТВА, то нынешние варвары желают, в соответствии с этимологией слова «фундаменталист», сравнять с землей все здание человеческой культуры до самого фундамента. Интересно, что никто из жителей самого Ирака не стал бы поднимать руку на свое прошлое, поскольку во всех иракских учебниках истории для начальных классов Хаммурапи прописан древним царем Ирака.

И для жителей Ирака и Сирии, получивших образование при Хусейне и Асадах, Хаммурапи, Ашшурбанипал и Мухаммад — это части единой истории мусульманских стран. Мосул и Нимруд разрушили не сирийцы и не иракцы. Это сделали мигранты из Западной Европы, которые не захотели интегрироваться в социальные и культурные институты стран проживания, но в то же время оказались подвержены проповедям местных салафитов (а салафиты эти тоже значительную часть своей жизни прожили на Западе). Именно фантазия западных мусульман об идеальном исламе привела Восток к его нынешней трагедии.

Ровно то же самое касается любого современного фундаментализма, который во всех своих

местных разновидностях является фантазией невежественных людей о некоей утраченной Традиции с большой буквы.

Отныне содержание грядущего конфликта становится более чем очевидным. Это будет конфликт честного человечества, желающего знать свою историю такой, какова она есть, и человечества лживого, фантазирующего по поводу утраченного рая. Борьба коллективного разума с коллективными иллюзиями.

----- 4 марта 2015
Беклемишевская башня (о казни Немцова)
<http://gefter.ru/archive/14447>

----- 28 февраля 2015, утро
Ночью думала о трех параметрах, которые кажутся мне принципиальными: 1) место (и сейчас прочла у Милова — см. ниже), 2) время — на исходе только что учрежденного “праздника” со странным названием “День Сил Спецопераций”. Странным, потому что сокращенно — СС, и придумавшие это название не могли этого не понимать. День этот — в связи с годовщиной спецоперации в Крыму. Но в истории этот день, 27 февраля, более всего известен как день поджога рейхстага в 1933 году; 3) рифма. Сотни людей написали, что это рифма к убийству Кирова — понятно, что речь о начале массового террора,

а не о похожести самих убийств, но гадать о будущем не стоит. А сходство ближайшее — с убийством Жана Жореса: по атмосфере, царившей тогда во Франции и выстрелившей в Жореса (и да, то будущее было — тоже и еще более — катастрофическим).

Вот что пишет Владимир Милов: «Убийство: версии. Поговорил тут со знакомыми бывшими сотрудниками спецслужб, все меньше сомнений в том, что за убийством Бориса Немцова стоят власти».

----- 28 февраля, 1 ч.48 мин.
Минут сорок-час назад я зашла на страницу Бориса Немцова (мы не были в друзьях, так что я его не видела в ленте) поинтересоваться насчет воскресного марша, который вызывал у меня недоумение, даже думала написать в фб, сравнить с тем, как происходят акции в Париже, в которых есть смысл и результат, в отличие от... И настроение было плохое, в общем, изучила я, что пишет сам Немцов и его комментаторы. Настроение стало еще тягостнее. Такая вот тянущая боль, беспросвет. И только что узнаю, что Немцова в то самое время, пока я изучала его страницу, расстреливали на мосту неподалеку от Кремля. Пока это не укладывается в голове, шок, и вот это какое уже по счету политическое убийство в России? Но тут новая тональность, как звук колокола, прямо дыхание перехватило...

АННА МАТВЕЕВА

2015

фотовыставка «Левиафан. Процесс» в галерее на Солянке с 17.02.2015 – 12.04.2015

2014

фотопроект совместно с дизайнером Светланой Тегин и российскими актрисами

2012

фотовыставка «АКТРИСЫ», при поддержке компании «NIKON» и кино-бара «DOME».

в проекте приняли участие:

Елена Лядова, Юлия Пересильд, Ольга Дыховичная, Надежда Михалкова, Анна Шепелева, Светлана Устинова, Надежда Маркина, Юлия Снегирь, Наталия Вдовина, Алиса Хазанова, Дарья Екамасова, Анна Банщикова, Евгения Брик, Мария Порошина, Дарья Урсуляк, Инна Гомес, Клавдия Коршунова, Яна Сексте, Паулина Андреева и Ольга Ефремова.

2012

участие в конкурсе «Серебряная камера» проект «москва. юго-запад. автомастерская»

с 2010 года — фотограф на съемочной площадке в кино:

«Левиафан» режиссер А. Звягинцев

«Матильда Кшесинская» режиссер А. Учитель - фотопробы балерин

«Жуков» режиссер А. Мурадов

«Alexandre Kojeve» фотоистория для документального проекта французского производства

публикации в изданиях:

«сноб», «арт хроника», «эксперт», «искусство кино - обложка №8 2014 год», «positif - обложка №643 Septembre 2014», «новая газета», «русский экран», «ваш досуг», «marie claire», «facegallery», «elle», «афиша», и др.

ЛЕВИАФАН/ФОТОГРАФИЯ

Кино — это движение. Фотография — статичное изображение. Слепок, след. Нажимая спуск затвора, ты надеешься ухватить суть того, что в данный момент происходит с актером, режиссером или с кем угодно другим, кто занят своим делом. Ты стараешься поймать неуловимое, извлечь его из потока мгновений.

Фотография на съемочной площадке очень непростое дело. Это репортаж, но в пространстве, где есть свои правила, где все увлечены интенсивным и — одновременно — деликатным делом: актеры настраиваются на роль и входят в нужные состояния — снимать в этот момент страшно, неловко, а иногда даже стыдно. Ты в постоянном напряжении от того, что вторгаешься в чужое пространство, ты — лишний, ты — помеха. Притом, когда ты думаешь, что мешаешь воплощению замысла и пытаешься сделать так, чтобы тебя не заметили, часто натыкаешься на ту часть группы, которая не в кадре: она непременно той или иной частью своего тела оказывается в твоём объективе. Ты и сам должен следить за тем, чтобы не угодить в кинокадр, увлеченный процессом своей работы, ты можешь и не заметить, где стоит главная камера.

Важный момент на площадке — тишина. Ее легко нарушить, разбив тем самым накопленную тонкую энергию, необходимые состояния и связи. Вспугнуть тишину можно элементарным щелчком затвора, что доставляет дискомфорт и окружающим и тебе самому. В итоге — остаться самостоятельной единицей, то есть фотографом, который делает свою, отдельно взятую историю в предложенных обстоятельствах, довольно непросто.

Рядом с неизбежными сложностями, на площадке было еще кое что, что во многом поддерживало меня: невероятная атмосфера, которая царит на площадке у Андрея, потрясающие актеры, которые помогли моему вдохновению, и суровая, прекрасная своей строгостью и аскезой природа русского Севера.

Не хотелось делать простой набор кадров для многотиражной прессы, хотелось создать свое отражение этого мира. Я старалась. Мне казалось, я видела, что создаю.

Анна Матвеева

© Фото: Анна Матвеева

Фотопроект номера:
ЛЕВИАФАН: ПРОЦЕСС
Анна Матвеева

*Господам авторам!
Пишите в «Вестник Европы»!
Ваши тексты
не потеряются в истории.*

e-mail: info@vestnik-evropy.ru
herald_of_europe@libfl.ru
herald_rus@yahoo.co.uk
Интернет-версия журнала:
www.vestnik-evropy.ru